05
р-82
161

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ІЮНЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

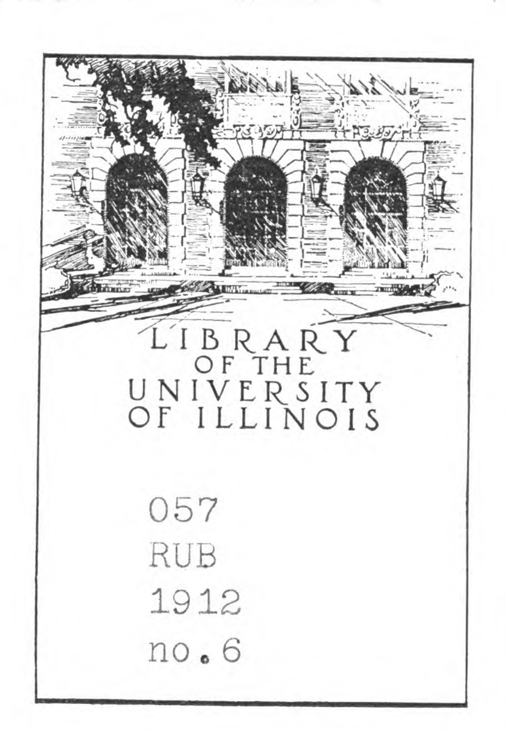
№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

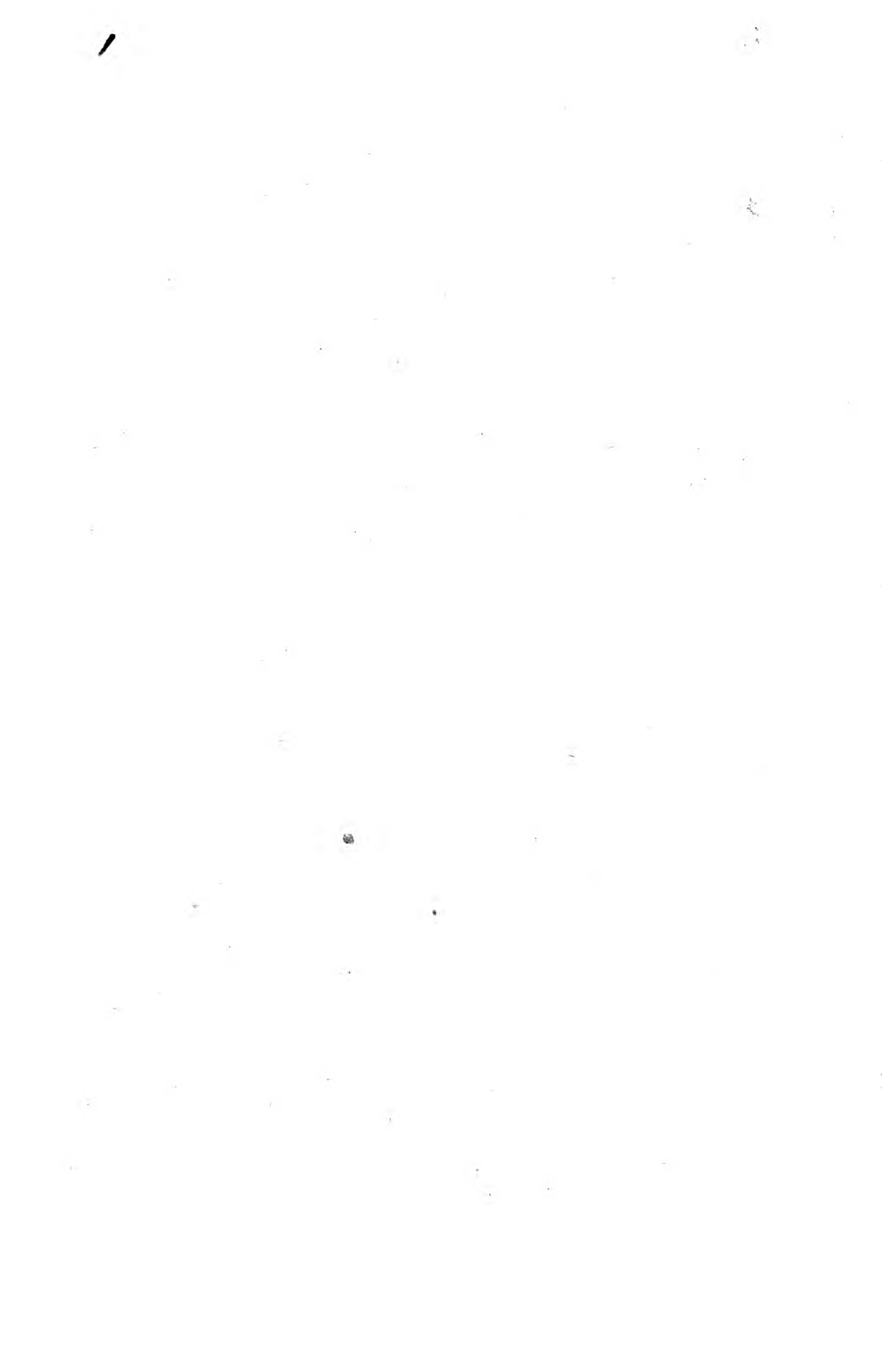
При этомъ номерѣ разсылается проспектъ съ переводнымъ бланкомъ для подписки на газету „Современное Слово“ на 1912 г. Неполучившіе означеннаго проспекта благоволятъ заявить о томъ (открытымъ письмомъ) въ контору газеты „Современное Слово“, С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21, и проспектъ будетъ высланъ немедленно.

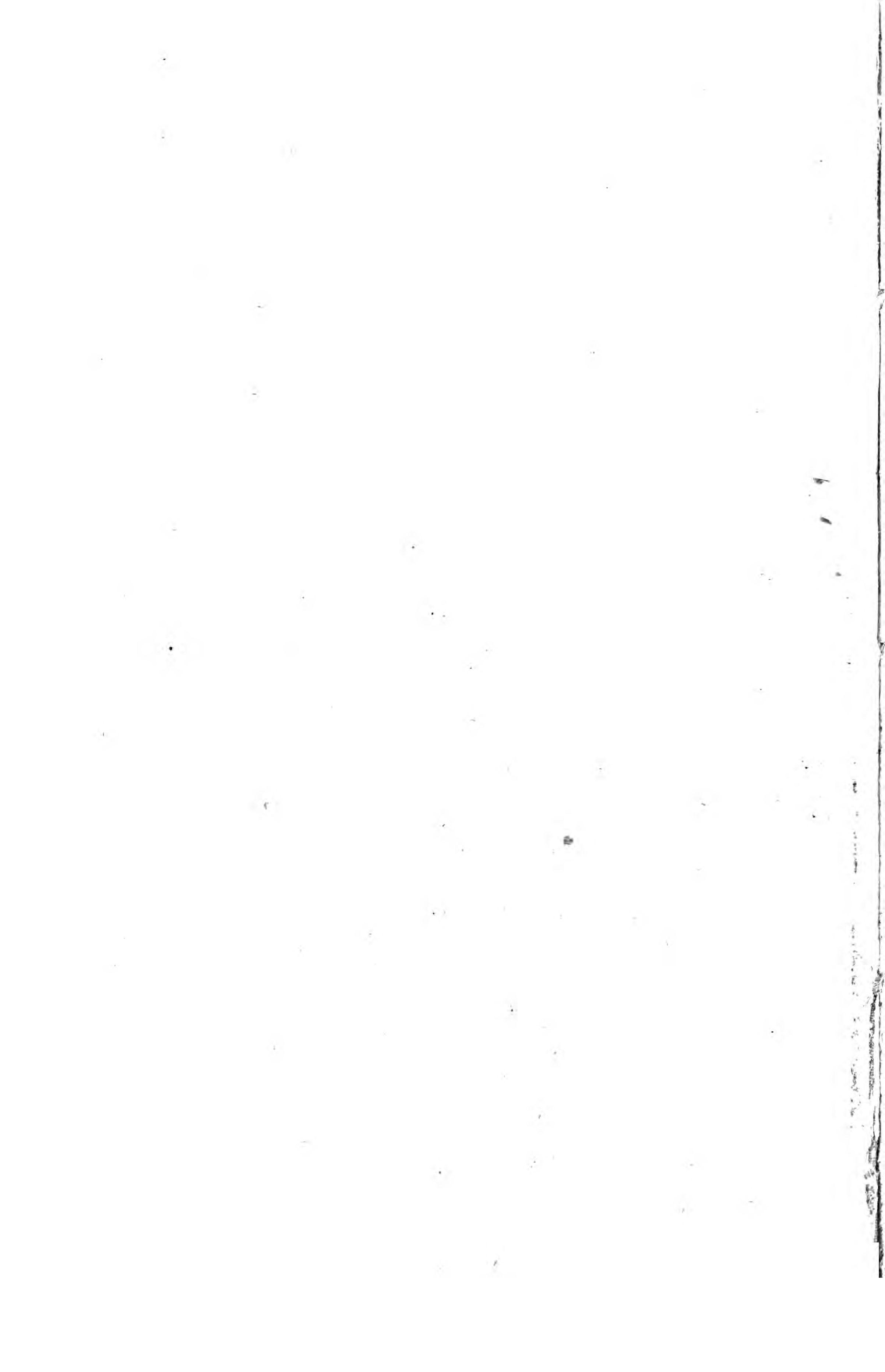
05
P-88

N 167

057
RUB
1912
no.6

ІЮНЬ. 1912.

БИБЛИОТЕКА В. Э. О. П.

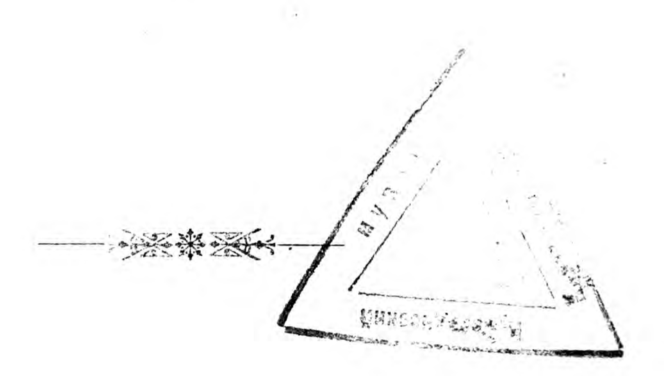
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

(XX-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и продолжается подписка на 1911 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал.** КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи: **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к., на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала,—*Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы,—*Никитскій бульваръ, д. 19.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская, 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ** удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто **9** рублей **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.— отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „**Русскаго Богатства**".

C 57
RVB
1912
No. 6

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ).

БИБЛИОТЕКА
В. Э. О. Ц.

БЕЗЗАБОТНЫЕ.

V.

Пламень, Софья Ильинична (въ городѣ ее звали: вѣдьма, баба-яга), была въ смятеніи. Болѣе двухъ часовъ не переставала она широко шагать взадъ и впередъ по своей золотистой рабочей комнатѣ. Ея мужеподобная наружность, неуклюже-рѣзкія, порывистыя движенія, массивно-квадратное тѣло съ широкой костью, округленно-выпуклые глаза и приподнятыя круглыя брови,—все говорило сегодня о волненіи необычайномъ. Морщился мясисто-распластанный носъ, крѣпко сжимались толстыя, вульгарно-очерченныя губы. Въ забывчивости Софья Ильинична то ожесточенно пощипывала свои жесткіе, темные усики, то дергала черные волоски, разбросанные по подбородку. И все ходила, ходила безъ устали по золотистому ковру рабочей комнаты. А повороты дѣлала такіе рѣзкіе, что тяжелое, расшитое черной вышивкой по темно-зеленому сукну платье ея, отлетая въ сторону, ударялось о кресла.

Вчера, передъ вечеромъ подали ей письмо съ городской маркой, написанное при помощи пишущей машинки на слоновой бумагѣ. И на конвертѣ изъ слоновой бумаги,—тоже печатная надпись.

Который разъ перечитывала Софья Ильинична эти ровныя, мертво-безучастныя, машинныя строки:

„Милостивая государыня, Софья Ильинична! Вѣрьте, что только сочувствіе Вашему незаслуженному горю заставляетъ искренняго доброжелателя Вашего открыть Вамъ глаза: оглянитесь, что творится съ дочерью Вашей, Инной Димитріевной. Какъ ни прискорбно наносить этотъ ударъ, но приходится сообщить Вамъ, что дочь Ваша, Инна Димитріевна, вступила въ незаконную связь съ извѣстнымъ обольстителемъ, господиномъ Мечиславомъ Казимировичемъ Чельскимъ, о чемъ оповѣщены уже супруга и роди-

тели господина Чельскаго, нагрянувшіе по этому случаю въ городъ. Дочь же Ваша по неопытности обратилась за совѣтомъ къ одной акушеркѣ, сожительствующей съ завѣдомымъ шантажистомъ, который прослѣдилъ дочь Вашу, и, обнаруживъ личность ея, приступилъ къ шантажу и вымогательству. Встрѣтивши со стороны дочери Вашей гнѣвный отпоръ, упомянутый шантажистъ, вымещая неудачу, сдѣлалъ Инну Димитріевну предметомъ городского злоязычія. Съ прискорбіемъ извѣщая Васъ, достоуважаемая Софья Ильинична, объ этомъ, искренній доброжелатель Вашъ не теряетъ надежды, что Вы, съ своей стороны, примете необходимыя мѣры".

Подписи, конечно, никакой.

Софья Ильинична прочла извѣщеніе въ первый разъ и не поняла, а почувствовала, что это—не выдумка. Иннѣ, съ ея опрятной брезгливостью,—бѣгать по какимъ-то акушерскимъ трущобамъ!.. Умъ Софьи Ильиничны отказывался постигнуть и усвоить самую возможность подобнаго униженія для Инны. А сердце,—или, вѣрнѣе, инстинктивный голосъ внутренняго убѣжденія—сразу шепнулъ: это правда.

Ударъ былъ нестерпимо тяжелъ и оглушителенъ. Въ первый разъ за свою пятидесятилѣтнюю жизнь Софья Ильинична остановилась въ смятенномъ недоумѣніи, не зная, за что ухватиться. Но даже ей, властной до самодурства женщинѣ, не пришло въ голову отправиться къ Иннѣ, показать анонимное письмо, потребовать объясненій. Объясненій можно было требовать въ свое время у мужа. То былъ баринъ, женившійся изъ корысти на некрасивой дочкѣ Ильи Колобродько. Онъ выбрехивался, старался оправдаться, корчился передъ Софьей Ильиничной, какъ сатана передъ крестнымъ знаменіемъ. Софья Ильинична за первую измѣну попросту избила Пламеня, надавала ему пощечинъ. Съ нимъ это можно было. Онъ—человѣкъ зависимый и безъ характера. Не то—королевна Инна. Инна скажетъ: „оставь, мама. Это—мое дѣло. И я сама... сама все устрою". Поглядитъ, словно прикажетъ: меня не трогайте! — И даже Софья Ильинична предъ ней умолкнетъ. Съ нею—какъ и заговорить про это? Софья Ильинична жестоко терзалась, но не обмолвилась о письмѣ ни словомъ...

Вчера онѣ,—мать и дочь,—сидѣли съ вице-губернаторомъ Траумвальдомъ и съ Никитой Безкрайнымъ въ парадной ложѣ драматическаго театра, на первой гастроли madame Режанъ. Смотрѣли старѣющую „Заза", но, вѣроятно, обѣ не слышали изъ „Заза" ни фразы. Софья Ильинична была заполонена бѣдой своей королевны. А Инна глядѣла на сцену, будто на Режанъ, сама же все время

ревниво скашивала глаза къ ложѣ Чельскихъ, на противоположную сторону театра. Тамъ сидѣлъ панъ Мечиславъ Чельскій во фракѣ. А съ нимъ—его отецъ и мать,—дородные и сѣдовласые, переполненные своимъ шляхетскимъ гоноромъ, и еще... похожая на котенка, жена пана Мечислава, урожденная графиня Контушко, напоминающая худосочнаго мальчишку, переодѣтаго въ бѣлое дамское платье. Безкровная и вялая, съ мордочкой въ кулачекъ, безбровая, съ жидковатыми волосенками, она красовалась съ видомъ угнетенной невинности, но съ непоколебимымъ сознаніемъ полной незыблемости своихъ привилегій и правъ. Панъ же Мечиславъ держалъ себя возлѣ нея, какъ выдрессированный школьникъ. Сидѣлъ позади супруги, подносилъ ей и матери коробку съ конфектами и набрасывалъ на плечи своему котенку горностаевую накидку, когда котенку, въ жаркомъ театрѣ, становилось холодно... Онъ какъ бы демонстрировалъ свое семейное благополучіе, олицетворялъ нерушимость семейныхъ основъ и традицій.

Что переживала Инна,—она одна знала, но оставалась, какъ всегда, спокойно-задумчивой. И когда улыбалась изрѣдка Траумвальду или Безкрайному Никитѣ, лицо у нея дѣлалось ребячески задорнымъ, какъ всегда при улыбкѣ. Только тонко-изогнутыя черныя брови чуть хмурились... Болѣзненный изломъ этихъ бровей говорилъ Софьѣ Ильиничнѣ многое, но лишь одной Софьѣ Ильиничнѣ... Мать съ удовольствіемъ замѣчала, что для всего театральнаго зала Инна—все та же прежняя діаноподобная Инна Пламень,—стройная, гибкая, высокая, съ оригинальной прической золотистыхъ волосъ, такая эффектная со своими „русалочьими“ глазами. При видѣ неуязвимаго спокойствія Инны смотрѣла на всѣхъ и Софья Ильнична величественно-спокойно. Какъ разукрашенное языческое божество, возсѣдала она въ ложѣ въ фіолетовомъ ліонскомъ платьѣ, сверкала крупнѣйшими бриллiантами въ ушахъ и на брошахъ. Вообще вчерашнюю роль въ театрѣ Софья Ильинична исполнила не хуже дочери. Но, когда вошелъ въ ихъ ложу панъ Чельскій, Софья Ильинична задрожала непріятной, зябкой дрожью, и рука ея, которую, почтительно изогнувшись, цѣловалъ Чельскій, дрогнула... А Инна осталась спокойной, поздоровалась съ нимъ любезно, но чуть разсѣянно, поговорила ни больше, ни меньше, чѣмъ съ другими, кто заходилъ привѣтствовать ее съ матерью... Софья Ильинична гордилась въ театрѣ дочерью, ея желѣзной выдержкой. А сегодня съ утра опять въ смятеньи бѣгала по рабочей комнатѣ, не зная, какъ придти на помощь Иннѣ. Отъ отца своего,—Ильи Колобродько,—унаслѣдовала она энер-

гію и расторопную находчивость, подчасъ чисто мужицкую, практическую сметку... Но качества эти вчера и сегодня измѣнили ей впервые.

Съ богатствами Колобродекъ связывались легенды то о заповѣдномъ кладѣ, найденномъ родоначальникомъ, то о тайной фабрикаціи фальшивыхъ кредитокъ. Дѣдъ Софьи Ильиничны, Трофимъ Колобродько, мужикъ былъ неприкрашенный. Отецъ, Илья Колобродько, уже сравнительно отполировался подъ вліяніемъ отцовскаго богатства и болѣе культурныхъ условій жизни. Бойкій и смышленый, умно ворочавшій своими милліонами, онъ любилъ прикидываться робкимъ и непонятливымъ, подчеркивать, что онъ — мужикъ и не стыдится своего происхожденія. Былъ странно подозрителенъ и недовѣрчивъ.

Его подозрительность передалась Софьѣ Ильиничнѣ, какъ и отцовское самодурство и скупость. Только Софьѣ Ильиничнѣ недоставало отцовскаго тщеславья и щедрости. У нея и десять рублей нелегко было выпросить, а къ осужденьямъ людскимъ она была глубоко и искренно равнодушна. Вскорѣ послѣ третьей измѣны Пламеня, когда онъ былъ отлученъ женой отъ стола и ложа, Софья Ильинична привезла откуда-то изъ-за-границы выѣздного лакея, красавца Альфреда, и сама исподтишка распустила слухъ, будто Альфредъ взятъ въ замѣстители Дмитрію Степановичу. Такъ это было въ дѣйствительности или иначе, никто не зналъ навѣрное. Но безъ монументальнаго Альфреда она не выѣзжала никуда. Альфредка,—вмѣстѣ съ ея любимой горничной и наперсницей Устей, — сопровождалъ Софью Ильиничну во всѣхъ ея поѣздкахъ: на Везувій, на Лидо, на Корфу, въ Парижъ, Римъ, въ Вѣну, въ Японію. Собственная репутація для Софьи Ильиничны какъ бы не существовала. Себя она ставила внѣ заботъ о людскомъ осужденьи. Но когда узнала, что зашаталась репутація ея королевны, Инны,—она запуталась и растерялась...

До устали набѣгавшись по комнатѣ, Софья Ильинична сѣла въ кресло у своего рабочаго стола. Вороха дѣловыхъ бумагъ, письма управляющихъ и поссесоровъ (арендаторовъ) ея земельныхъ угодій, счетныя книги, пакеты изъ сахарнаго завода съ печатными штемпелями на конвертахъ, серія писемъ отъ неизвѣстныхъ лицъ съ просьбами о помощи... Она такъ была погружена въ свои думы, что долго не слышала, какъ постукивалъ въ дверь Альфредъ, ожидая разрѣшенія войти для доклада. Услышавъ, она нетерпѣливо поморщилась.

— Ну? Чего тамъ?

Альфредъ съ каменнымъ лицомъ доложилъ, акцентируя:

— Дмитрій Степановичъ прислалъ узнать, можете ли вы принять его? И если да, то въ которомъ часу?.. По важному дѣлу.

Сердитой нетерпѣливости Софьи Ильиничны — какъ не бывало. Что-то мягко-растроганное, почти умиленное скользнуло по широкому лицу ея, блеснуло въ закругленныхъ глазахъ, приподняло кверху удивленно-круглыя брови.

— „Узналъ о дочкѣ... Вотъ когда дошло и у него до сердца. Отецъ, все-таки. Какъ ни отвертывайся, — свое, родное“...

И распорядилась дѣловымъ, но странно-тихимъ и странно-мягкимъ для нея голосомъ:

— Пусть скажутъ Дмитрію Степановичу, что можетъ придти сейчасъ. Я не занята.

Альфредъ произнесъ неизбѣжное: „слушаю“, и исчезъ, не показывая спины, отступая къ дверямъ безъ поворота.

Пламеня Софья Ильинична въ молодости любила... Онъ женился на ней ради денегъ, на этотъ счетъ она не заблуждалась, но ей думалось на первыхъ порахъ: авось, стерпится—слюбится. Ея надежды не оправдались. И Софья Ильинична мстительно пользовалась всякой возможностью почувствительнѣй унизить мужа. Сперва она аккуратно выплачивала Пламеню небольшіе денежные куши „на пропой и на развратъ“, какъ она говорила пренебрежительно. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ, всегда стѣсненный въ деньгахъ, выхлопоталъ себѣ мѣсто судьи, выдачи изъ жениной кассы изъ регулярныхъ сдѣлались случайными,—каждый разъ по личной просьбѣ,—и сопровождались жестокими униженьями.

Дмитрій Степановичъ испрашивалъ у жены аудіенціи, лишь когда ему нужны были крупныя деньги, чаще всего передъ взносомъ процентовъ за Пламенное. При этомъ Софья Ильинична заставляла мужа подолгу ждать въ пріемной и, впустивъ, наконецъ, къ себѣ, третировала его по-мужицки грубо, унижая, какъ никого изъ прислуги. Теперь проценты за Пламенное были недавно внесены. Софья Ильинична не сомнѣвалась, что Пламень идетъ къ ней поговорить о дочери, и ждала его даже растроганно...

Поразило и Пламеня непривычно-кроткое, смягченно-вопросительное лицо Софьи Ильиничны. Приняла тотчасъ, безъ проволочекъ. Глядитъ просто и мягко. Нѣтъ ни пренебрежительно-иронической улыбки, ни озорного: „Мое почтеніе! Съ чѣмъ изволили пожаловать? Небось, опять понадобились деньжонки?“ Признательный отъ души за приличную встрѣчу, Пламень сказалъ съ дружелюбностью, на какую только въ отношеніи Софьи Ильиничны былъ способенъ:

— Здравствуй, Соня.

Она, молча, не приподымаясь съ кресла, протянула руку, и Пламень, наклонившись, поцѣловалъ эту широкую руку съ толстыми пальцами, расширенными въ суставахъ, съ крѣпкими, словно роговыми, ногтями.

Софья Ильинична продолжала молчать, ожидая, что мужъ сейчасъ начнетъ говорить объ Иннѣ. Но Пламень, занятый собою, еще не зналъ о томъ, что случилось съ Инной. Ему, обезкураженному послѣдними проигрышами, было не до дочери и не до ея романовъ.

Оба молчали. Пламень недоумѣвалъ, что это съ женою? Почему она—какая-то непохожая на себя?

Потомъ онъ заговорилъ кротко и примирительно:

— Соня... ты вправѣ сердиться. Мнѣ и самому не легко обращаться къ тебѣ. Но я — въ безвыходномъ... прямо въ безвыходномъ положеніи!

Софья Ильинична ничего не говорила, но мягкая растроганность исчезла, глаза стали угрожающими и мрачными, губы искривились возмущенно-презрительной усмѣшкой. Она словно заперла въ себѣ что-то.

— „Не знаетъ. Или узналъ, да для него неважно. Свои есть дѣла поважнѣе“.

Пламень не замѣтилъ въ женѣ никакой перемѣны. Онъ конфузливо мигалъ глазами и, наконецъ, выговорилъ съ отвагой безысходности:

— Мнѣ, Соня, надо денегъ. До зарѣзу...

— Денегъ!?

Онъ вопросительно глядѣлъ на жену. Откуда эта разочарованность ея возгласа? Чего же ждала она? Положительно, онъ не понималъ сегодня Софью Ильиничну. Или это, быть можетъ, новая система издѣвательства? Новый, болѣе утонченный способъ мщенія?.. Стремленье на новый ладъ покуражиться и покичиться своей мошной и дѣловитымъ превосходствомъ передъ непутевымъ мужемъ?

— Такъ денегъ?—повторила она, становясь обычно-грубой и жесткой.—То-то я слышу: Соня да Соня... Ну, да и зачѣмъ бы пришелъ Митя къ Сонѣ, какъ не за деньгами?

— Я возвращу тебѣ... Обязательно. Получу по веснѣ аренду и отдамъ тебѣ. А теперь мнѣ необходимо: долгъ чести. Проигралъ на слово шесть тысячъ... понимаешь?

— Коли на слово, отдать надо.

— Обязательно. Долгъ чести.

— Это я могу понять. Отчего же?.. А вотъ какъ играть садиться, когда ни шиша въ карманѣ, того въ толкъ не возьму и до смерти. Или это—ничего? Чести не мараетъ?

— Ты, по обыкновенію своему, начинаешь издѣваться надо мною,—съ укоромъ замѣтилъ Пламень.

Софья Ильинична посовѣтовала съ благодушнымъ ехидствомъ:

— А ты бы не ходилъ ко мнѣ за деньгами? И издѣвательствамъ бы не подвергался. Не зову, вѣдь? Помирала бы,—не позвала. Зачѣмъ же идешь на униженья?

— Не самъ иду. Бѣда гонитъ.

— Это что за бѣда? Въ карты продулся! Или хористкѣ Лизкѣ не хватило къ веснѣ на обмундировку, на духи, на притиранья? Не напасешься на нихъ.

— Не тебѣ корить меня Лизой. Я вотъ не колю тебѣ глазъ твоимъ пажемъ.

— Еще чего? Онъ станетъ колоть мнѣ глаза Альфредкой! Альфредъ — слуга. Захочу, буду держать, захочу—выгоню. А зачѣмъ держу,—мое дѣло.

— Извѣстно зачѣмъ,—съ горечью сказалъ Пламень:— Чтобы меня въ шуты выряживать передъ всѣми.

— Ты, голубь, любишь, выряживать въ шуты другихъ... Испробуй-ка и на себѣ. „Пламень огненный... Пламень неотразимый... и Пламень—рогатый. Въ домѣ-то у него—намѣстникъ Альфредка". Правда или нѣтъ, а всякъ скажетъ. И корить ты меня не смѣешь. На себя и пеняй. Я тебя не упрекаю ни за Лизку, ни за Андрюшку твоего Безкрайнаго. А какихъ гадостей не говорятъ про тебя съ Андрюшкой.

— Идіоты говорятъ. И ты за ними...

— Нѣтъ дыму безъ огня. Но мнѣ и повторять неинтересно. Къ слову пришлось. Мнѣ-то что? Мнѣ ты ни къ чему. Ради дочки только и держу въ домѣ. Все же есть отецъ, хоть и безпардонный. Не будь Инны, давно бы вышвырнула. Развелась бы мигомъ. Доказательствъ—полныя руки, явнымъ прелюбодѣемъ тебя ославить. Ради Инны не хочу сраму. Всю нашу грязь выволакивать на свѣтъ Божій изъ-за нея стѣсняюсь. А то бы я тебя, голубчика, въ двадцать четыре часа отсюда выставила. Иди къ Лизкѣ-хористкѣ. Живи съ нею на свое судейское жалованье.

— А сама за Альфредку замужъ?

— Замужъ мнѣ не нужно,—грубо сказала Софья Ильинична, вдругъ разсердившись. — Мнѣ и вдовой не плохо. Постъ не мостъ, можно и объѣхать. Мнѣ наплевать на всѣхъ. Я мужицкое отродье, не ваша панская порода.

— Не хвалилась бы своимъ хамствомъ. И безъ того въ каждомъ словѣ видно.

— Что? Ахъ ты... баринъ! Еще язвить? Пошелъ вонъ отъ меня. Вонъ. По-о-оше-олъ во-онъ!—взвизгнула Софья Ильинична, вся краснѣя.

Пламень стоялъ пожелтѣвшій, съ запекшимися губами.

— Н-ну? Во-онъ. Кому я сказала?

— Соня,—тихо произнесъ Пламень, дѣлая невѣроятное усиліе, чтобы сдержаться.

— Ахъ, какъ благородно. Подумаешь, какой жантиль: „Соня". Чего тебѣ „Ми-тенька"? Продулся, другъ души моей, въ картишки... Теперь о любви поговорить хочешь? Авось дурища размякнетъ...

— Перестань! Не то...

— Не побьешь ли? Такъ куда тебѣ со мной справиться, лимонъ ты вымоченый? Да я рукой двину, мокренько останется. А то Альфредку позову, въ мигъ выставитъ.

— Замолчи! Слышишь ты, вѣдьма! Пока до Альфреда, я...

Софья Ильинична нажала кнопку отъ электрическаго звонка, скрытую въ складкахъ штофной обивки на ея креслѣ, и Альфредъ уже недвижимо стоялъ на порогѣ, какъ массивный надгробный памятникъ среди золотистыхъ дверныхъ драпировокъ. Если бы въ то мгновенье представилась возможность убить эту безобразную издѣвающуюся надъ нимъ женщину,—Пламень не задумался бы. До того остра и велика была его ненависть.

— Звать изволили?—спросилъ Альфредъ.

— Звала,—сказала Софья Ильинична спокойно.

Пламень стоялъ безсильный, словно избитый.

— Запрёте за бариномъ двери, а послѣ снесете ему чекъ. На шесть тысячъ, *Митя*?—съ елейнымъ ехидствомъ переспросила она.

Дмитрій Степановичъ вышелъ изъ комнаты, сгорбившись, ничего не отвѣтивъ.

Чекъ былъ присланъ. И онъ принялъ его... Карточный долгъ,—долгъ чести...

Пламень не повѣрилъ бы, еслибъ ему сказали, что Софья Ильинична, эта „кремневая" баба-яга съ щетинистымъ подбородкомъ и густыми усами, долго и обиженно плакала послѣ его ухода. Онъ никогда не видѣлъ и не могъ вообразить ее плачущей...

А Софья Ильинична, выплакавшись, вспомнила объ Иннѣ и сказала себѣ, что помощи и совѣта имъ съ Инной ждать неоткуда, надѣяться, кромѣ какъ на самихъ себя, не на кого. Дѣйствовать надо, а не плакать. Софья Ильинична умылась одеколономъ съ розовой водой, насухо вытерла лицо мохнатымъ полотенцемъ, напудрилась и пошла къ Иннѣ. Недавнія слезы все еще жгли глаза. Плакала она очень рѣдко, и слезы ей казались особенно жгучими. Но она думала уже не о себѣ, а объ Иннѣ.

Инна читала что-то въ своей „зелененькой" гостинной,

на любимомъ мѣстечкѣ своемъ, у камина. По обыкновенію спокойная, съ обычнымъ разсѣянно-задумчивымъ выраженіемъ лица, только блѣднѣе обыкновеннаго, она и сегодня, какъ вчера въ театрѣ, нравилась матери выдержкой и твердостью духа.

— Колобродьковская кровь... не въ слякотныхъ Пламеней.

Вслухъ Софья Ильинична сказала:

— Инночка! Я зашла спросить у тебя... Заграницу надумала я съѣздить. Пожить, пошататься. Хочу попутешествовать съ годикъ, не меньше. Можетъ, и ты со мною?

Инна подняла голову и пристально, пристально поглядѣла въ глаза матери. Округленные глаза Софьи Ильиничны не выдержали этого взора, прикрылись вѣками.

Инна поняла, что мать уже все знаетъ, но отвѣтила, повидимому, равнодушно:

— Я бы поѣхала. Но не сейчасъ. Если бы мѣсяца черезъ два... къ лѣту.

— Не къ спѣху и мнѣ.

Опять пристально и многозначительно глядѣли онѣ одна на другую, и глаза ихъ вели живой неустанный разговоръ, хотя обѣ молчали.

Теперь первая опустила глаза Инна.

— Ты узнала уже,—увѣренно произнесла она.—Откуда?

— Письмо прислалъ мнѣ кто-то. Безъ подписи,—бѣгло бросила нѣсколько словъ Софья Ильинична, торопясь прервать излишнія рѣчи. И озабоченно, безъ восклицаній или вздоховъ, добавила:—Не волнуйся, Инночка. Уѣдемъ заграницу, и все устроится. Ты только не дѣлай ничего безъ меня.

— Да я не знаю, что и предпринять? Ищу и не нахожу дороги.

— Возьми меня въ проводники. И не трудись: вмѣстѣ разыщемъ.

— Но какую?

— Еслибъ ты была не ты, я бы тебѣ сказала: схоронимъ заграницей концы въ воду и... будто—ничего не было. Но тебѣ такъ не скажешь.

— На это я не пойду. Что бы ни было, но хочу сохранить своего ребенка.

— И ты права. Потомъ, можетъ, во всю жизнь отъ любимаго человѣка не будетъ другого. А мы изведемъ этого? Для чего? Кто намъ нуженъ? Деньги есть, остальное добудемъ. Оборудуемъ все. Ничего не бойся. Хочешь, я усыновлю. А еще лучше—мужа найти, подставного. Много ихъ такихъ продается. Графа или князя съ титуломъ приторговать можно... чистокровнаго. И замужъ вышла, и свободна.

Живи, какъ хочешь: дѣти законныя. Подожди... дай время оглядѣться мнѣ, пораздумать. Все будетъ сдѣлано. Не безпокойся. Уѣдемъ на годъ, воротимся не хуже людей. А надоѣстъ, потомъ разведешься. Теперь разводъ:—двѣ семидесяти-пяти копѣечныя марки, и на мази дѣло. Довѣрься мнѣ. Не пожалѣешь.

Инна встала и положила руки на плечи матери, приблизивъ къ ея лицу свое лицо почти вплотную.

— Мама,—взволнованно произнесла она,—какая же ты... славная. И ни слова порицанія? Ни одной нотаціи?

— Чего тамъ порицать? Какія нотаціи! Ты умно поступила. Жизнь одна... а ты вѣдь любишь его? Стоитъ онъ того или не стоитъ... а любишь?

— Люблю.

— Ну, и умно. Умнѣй, чѣмъ за голопятаго какого-нибудь выйти... который не тебя, а деньги твои любить будетъ... Безъ сравненья—умнѣе.

VI.

Вечеромъ, послѣ засѣданія лѣсоохранительнаго комитета, Романъ Кириловичъ торопился къ Иннѣ Пламень. Вчера въ театрѣ, передъ послѣднимъ актомъ „Заза", Инна просила побывать у нея. Траумвальдъ обѣщалъ, но въ комитетѣ задержалъ его Чагозинъ своими націоналистическими рѣчами.

Нервно и оскорбленно ждалъ Романъ Кириловичъ этого призыва Инны. Бывалъ у нея, уже освѣдомленный обо всемъ подробно,—чаще, чѣмъ прежде, и каждый разъ уѣзжалъ обиженный ея упорнымъ молчаньемъ. Точно онъ не другъ ей? Можно ли быть другомъ болѣе преданнымъ, чѣмъ онъ по отношенію къ Иннѣ Дмитріевнѣ? Изъ-за происшествія съ Инной Романъ Кириловичъ даже постарѣлъ, осунулся въ лицѣ...

Нѣсколько лѣтъ уже подготовлялся онъ къ неотвратимому удару,—къ будущему замужеству Инны. Но ударъ рисовался ему исключительно въ образѣ замужества. Того же, что случилось съ Инной, такого унизительнаго, на его взглядъ, паденья, Траумвальдъ не ждалъ. Инна представлялась ему натурой скептической и холодной, застрахованной отъ слѣпыхъ увлеченій страсти. Теперь Романъ Кириловичъ былъ не только ошеломленъ и огорченъ, но въ глубинѣ сознанія еще и шокированъ... Самъ того не замѣчая, онъ пересталъ говорить Иннѣ: „моя гордость" и „радость моя",—какъ говаривалъ раньше. Изъ прежнихъ эпитетовъ своихъ оставилъ лишь: „дитятко" и "касаточка" да „родная моя". Мысленно

онъ порицалъ „распущенность" Инны. Но глубоко и цѣпко разрослись въ немъ корни „магнетическаго влеченія", и корчевать ихъ было поздно. Столько времени Инна первенствовала въ его мысляхъ. Онъ неплохо писалъ масляными красками, и у него накопилась обширная коллекція портретовъ Инны, написанныхъ тайкомъ, заочно. До такой степени изучилъ онъ и запечатлѣлъ въ своей памяти этотъ женскій обликъ. Стоило ему подумать объ Иннѣ, и онъ видѣлъ передъ собой ея полныя, розоватыя губы, смугло-блѣдный оттѣнокъ кожи, громадные лучисто-сѣрые глаза подъ тонкими, красиво-изогнутыми бровями. Онъ помнилъ, какъ сложены бѣлокурые волосы Инны въ несовсѣмъ модную, но очень идущую къ ней прическу... Красивые, какъ у отца, сверкающіе при разговорѣ зубы, еще худощавыя, не успѣвшія налиться руки; тонкая шея и выпуклая грудь,—будто изваянныя художникомъ большого таланта. И такъ много очарованья въ ея обращеньи съ друзьями. Такая она простая, милая и недвуличная, только замкнутая. Чаще слушаетъ, чѣмъ говоритъ. А разговорится, еще милѣе...

Инна Дмитріевна ждала Траумвальда въ небольшой гостинной цвѣта серебристо-зеленыхъ мховъ, — въ красивой комнатѣ, которую называли: „зелененькой". Ждала, должно быть, съ нетерпѣньемъ, потому что встрѣтила съ укоризной,

— А, вотъ и вы. Я ужъ думала, не пріѣдете.

— Добрый вечеръ, дитятко. — Онъ нѣжно поцѣловалъ руку дѣвушки сперва обычно, потомъ перевернувъ ладонью кверху.—И какъ бы я не пріѣхалъ? Какъ не грѣхъ было думать это? До сихъ поръ не знать, что ежели я сказалъ: буду, стало быть, буду. Задержали... насилу отбоярился... Въ націоналисты все вербуютъ меня. Все просвѣщаютъ—неразумнаго и темнаго.

Прошли къ угловому дивану и сѣли рядомъ.

— И распутица же на дворѣ,—вздохнулъ съ стариковской благодушностью Романъ Кириловичъ, давая Иннѣ время освоиться съ его присутствіемъ, побѣдить ощущеніе неловкости, которое, какъ онъ видѣлъ, испытывала сегодня Инна.

— Madame Режанъ совсѣмъ застыла. Весь день гоголь-моголь пьетъ, а все охрипши. Какъ-то выступитъ завтра.

Инна не воспользовалась предоставляемой ей льготой. Чувствуя, что если не скажетъ тотчасъ, зачѣмъ позвала она Романа Кириловича, то потомъ ей сказать будетъ еще труднѣе,—она проговорила заглушеннымъ голосомъ, перебивая Траумвальда:

— Романъ Кириловичъ... я хотѣла бы... дать вамъ одно порученье.

Траумвальдъ опустилъ глаза, низко склонивъ голову.

— Приказывайте. Я слушаю, — тихо и покорно произнесъ онъ.

— Но оно... оно щекотливое. Очень щекотливое. И непріятное.

— Однимъ словомъ, его можно возложить только на друга?... А что я другъ вамъ, надо ли повторять?

— Да... но...

— Я жду, касаточка.

— Если бы вы... Нѣтъ не могу сказать. Мнѣ стыдно.

— Передъ другомъ-то?

— Даже передъ другомъ.

— Помилуй Богъ! Грѣшно, родная. Ежели дружба искренняя, душевная... другу все сказать можно. И такъ... если бы я... что-же?

Инна что-то собралась отвѣтить и не смѣла. На глазахъ ея, не скатываясь, заблестѣли слезы. Она хотѣла преодолѣть ихъ, не преодолѣла, махнула рукой и отвернулась.

— Не надо плакать,—торжественно и строго сказалъ Романъ Кириловичъ. Въ тонѣ его слышалось: — мнѣ все извѣстно, можно ничего не разсказывать, я больше не сержусь на твою скрытность, а плакать не надо.

Иннѣ стало легче. Слезы исчезли, точно вошли внутрь глазъ. Но она молчала...

Говорилъ Романъ Кириловичъ:

— Куражъ, дитятко, куражъ. На первомъ мѣстѣ куражъ, присутствіе духа и—никакихъ скороспѣлыхъ рѣшеній. Золото—огнемъ, человѣкъ бѣдою познается. А жизнь не прожить безъ огорченья. Не выросла еще яблонька безъ червоточинки. Не то, такъ иное... отъ горя не спрячешься. Счастье съ несчастьемъ дворъ объ дворъ живутъ, въ однихъ саняхъ ѣздятъ. Придетъ бѣда, надобно и ее встрѣтить съ мужествомъ. Припомнилъ я одно простое да мѣткое слово. Когда скончалась жена моя, я былъ въ изступленьи. Отчаянье наступило такое, что и пережить его, казалось, нѣтъ силы. А жила у насъ въ домѣ нянюшка, старуха. Она меня еще въ дѣтствѣ ростила. Видитъ она,—нѣтъ у меня сладу съ печалью. Подходитъ какъ-то вечеркомъ и говоритъ:—«И что ты, говоритъ, такъ убиваешься, Романъ Кириловичъ? Грѣхъ это. На все воля Божія, а ты противишься. Видно, вышелъ у Господа срокъ твоимъ радостямъ. Ну и потерпи, покорися. У Господа, говоритъ, на все свой счетъ правильный. Единъ Богъ, двѣ скрижали моисеевы, три патріарха на землѣ, четыре листа евангельской. Пять ранъ Господь претерпѣлъ, шесть крылъ херувимскихъ, семь чиновъ ангельскихъ, восемь круговъ солнечныхъ. Девять радостей въ году положено человѣку». Тогда, помню, заняло меня это.—«Девять?

—говорю я ей.—Нѣтъ, меньше, гораздо меньше». А она мнѣ:— Ужъ ты не спорь. На все счетъ подлинный. Радостей девять, это ужъ нечего. А десять заповѣдей Божьихъ, единъ-на-десять праотецъ, дванадесять апостолъ». И такъ она мнѣ еще что-то перечисляла, пока я не улыбнулся. Это она сочла огромной своей побѣдою. Помолчала немножко и говоритъ мнѣ:—«Вотъ что я еще разскажу тебѣ, Романъ Кириловичъ. Царь Саулъ еврейскій, какъ былъ въ печали, позвалъ своего золотыхъ дѣлъ мастера придворнаго и велитъ ему: «Вотъ тебѣ дорогой, самый дорогой въ свѣтѣ камень. Сдѣлай мнѣ изъ него перстень. И надпись мнѣ на камнѣ томъ вырѣжь. Да такую, чтобы, какъ гляну я на перстень въ печали... чтобы онъ вразъ развеселялъ меня. А какъ гляну на него веселымъ, чтобы грустно мнѣ становилось. И чтобы въ надписи той было ни больше, ни меньше,—всего три слова». Думалъ мастеръ придворный, думалъ, и вырѣзалъ. Три слова всего. А слова были такія: «и это пройдетъ». Иначе говоря, стало быть, все проходитъ. Такъ-то, дитятко. Мнѣ притча ея до сей поры памятна. Мѣткая.

Инна сидѣла съ огорченно-разсѣянной полуулыбкой, точно слушала изъ вѣжливости, не вполнѣ слыша.

— Да,—подтвердила она разсѣянно:—Это—мѣтко.

— Вотъ и я повторю вамъ, касаточка: все пройдетъ. И все наладится. Одинъ опрометчивый поступокъ—далеко еще не весь человѣкъ. Не ломать же всю жизнь изъ-за одной оплошности. А случилось—случилось. Случается въ самомъ лучшемъ обществѣ. Въ королевскихъ фамиліяхъ и тамъ бываетъ.

— И въ королевскихъ?—чуть усмѣхнулась, пронически блеснувъ глазами, Инна.

— Ну, вотъ, дитятко... Я радъ, что вы повеселѣли. Вѣдь я другъ вашъ. До гробовой доски. Самый вѣрный.

— Ну... если другъ... скажите мнѣ... Мнѣ хотѣлось бы знать... что очень меня..? Что говорятъ? Очень треплютъ въ городѣ мое имя?

— Имена друзей моихъ при мнѣ трепать не смѣютъ.

— А безъ васъ? Вы вѣдь все знаете. Папа такъ и говоритъ: Траумвальдъ всевѣдущій.

— Увы. Многое и важнѣйшее иногда и я узнаю послѣднимъ.

— Но то, что мнѣ хочется узнать, вы знаете?

— Допустимъ.

— И не отвѣчаете мнѣ?

Траумвальдъ молчалъ, переполненный сожалѣньемъ къ Иннѣ и какой-то необъяснимой досадой на нее.

Инна попросила снова.

— Скажите правду. Я хочу узнать.

— Правда, дитятко, средство сильно дѣйствующее. На ней непремѣнно должно стоять напоминанье: обращаться съ осторожностью. Ее надлежитъ понимать, но о ней чаще всего удобнѣй помалкивать. Въ иное время лучше не знать, что говорятъ.

— Вы правы. Какъ странно! Вы всегда правы. А мнѣ всегда не хочется соглашаться съ вами.

— Это по той причинѣ, что я старъ, а вы юны. У насъ съ вами разные кругозоры.

— Но это не мѣшаетъ намъ быть друзьями. И какими!

— Благодарю, касаточка.

— И мнѣ кажется, что мы настолько друзья, что вы даже и не осудите меня очень.

— Я? осужу васъ? Да я и никого не осуждаю. Никогда. Это—мой принципъ.

— А я боялась, что вы будете винить... Не меня, а другого. Но вѣдь въ такого рода увлеченьяхъ нѣтъ вины. И нѣтъ виноватого.

— Простите,—непоколебимо и рѣшительно сказалъ Траумвальдъ.—Виноватый есть!

— Тогда вините меня. Меня, но никого другого.

— Виноватъ, какъ вездѣ, тотъ, кто болѣе опытенъ, болѣе свѣдущъ въ дѣлахъ житейскихъ. Есть предметы, на которые нельзя посягать. И есть лица, которыхъ должно считать неприкосновенными. Беззащитный ребенокъ, напримѣръ. Или неопытная дѣвушка. Я говорю о тѣхъ дѣвушкахъ, которыя достойны всяческаго уваженія, которыхъ нельзя компрометировать.

— Меня скомпрометировала моя же неосторожность. Я случайно попала въ руки одного негодяя...

— Этого негодяя уже нѣтъ больше въ городѣ,—опять, будто говоря: „я все знаю“, — сообщилъ Романъ Кирилловичъ.—Отправленъ по этапу на родину. Оказался лишеннымъ правъ.

— А!

Помолчали.

— А порученіе ваше? Вы о немъ не забыли? Я жду предначертаній.

— Мнѣ такъ неловко, Романъ Кирилловичъ... Но...

— Говорите безъ „но“. Приказывайте, и все тутъ. Быть можетъ, вы желаете, чтобы я переговорилъ съ кѣмъ-нибудь отъ вашего имени? Передать что-нибудь? — самоувѣренно пришелъ ей на помощь Траумвальдъ.

— Нѣтъ! То есть... да. Но...

— А что прикажете сказать?

— Чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ! —живо крикнула Инна.— Я запретила ему... но пусть пріѣдетъ. Скажите, чтобы пріѣзжалъ... чтобы забылъ все, что говорила. Я сказала,—не пріѣзжать... Отказалась съ нимъ видѣться. Но я... погорячилась. Обидѣла его, но вы скажите, что я.. раскаиваюсь. Во всемъ.. слышите? Во всемъ сказанномъ. И признаю себя неправой. Я погорячилась.

Траумвальдъ сжалъ зубы, перевелъ духъ и отвѣтилъ:

— Это вы сами скажете, дорогая. Я передамъ лишь, что вы зовете.

— Сегодня зову. Сейчасъ!

Романъ Кирилловичъ чуть выдвинулъ плоскіе и открытые старинные часы изъ жилетнаго кармана.

— Сейчасъ двадцать минутъ перваго, дорогая?

— Тогда я сама поѣду съ вами. Повезите меня... Мы разыщемъ и...

— Во-первыхъ, мы не знаемъ, гдѣ искать, Инна Дмитріевна. Во-вторыхъ, я не совѣтовалъ бы вамъ ни ѣхать со мной, ни разыскивать. Это скандалезно. И... этого не дѣлаютъ. Разыщу я. И передамъ, что надо. Но теперь, ночью? Это... не въ обычаѣ. Вамъ придется обождать до утра. Такъ— приличнѣй.

— Приличнѣй,—упавшимъ голосомъ согласилась Инна.— Но чтобы утромъ—непремѣнно! И какъ можно раньше. Вы скажете, что я хочу видѣть?.. И что сознаю себя виноватой... Впрочемъ, вы правы: не надо ничего говорить. Позовите и только. Но вы разыщете... Сегодня?

— Разыщу,—пообѣщалъ Траумвальдъ послушно.—Спите безъ заботъ. До свиданья. И храни васъ Богъ, родная.

Было поздно. Пора было спать, но Траумвальдъ приказалъ шофферу ѣхать въ дворянскій клубъ.—„Вѣрнѣй всего,— думалъ онъ—панъ Мечиславъ играетъ въ карты“.

Онъ не ошибся.

Первымъ изъ знакомыхъ, кого увидѣлъ Романъ Кирилловичъ въ клубѣ, былъ Мечиславъ Чельскій. Онъ шелъ изъ буфетной комнаты, направляясь по корридору къ игральной залѣ. Завидѣвъ Траумвальда, онъ поклонился первый. Сердце Романа Кирилловича шибко и тревожно забилось. Въ ушахъ поднялся шумъ, глаза застлало туманной мглою. Траумвальдъ испытывалъ чувство, словно онъ внезапно нашелъ святотатца, надругавшагося надъ самой дорогой для него святыней. Ему захотѣлось попросту броситься на Чельскаго съ кулаками, исколотить до синяковъ этого самоувѣренно-красиваго человѣка съ надменной усмѣшкой въ спокойныхъ глазахъ стального цвѣта... Но Романъ Кирилловичъ сдѣлалъ величаво-любезное лицо и съ свѣтской, чу-

точку третирующей, небрежной привѣтливостью спросилъ, здороваясь:

— А вы не играете?

— Играю,—съ милой улыбкой на пунцовыхъ губахъ отвѣтилъ Чельскій, не примѣчая или не допуская по отношенію къ себѣ самой возможности третирующаго тона.—Но мнѣ такъ поразительно везетъ!—прибавилъ онъ съ оживленіемъ.—Даже неловко. Захотѣлось пить, и я ушелъ въ буфетъ. Можетъ, послѣ перерыва удача отвернется.

— Всякой удачѣ бываетъ конецъ, — замѣтилъ какъ бы вскользь Траумвальдъ.

— Я и жду его. На этотъ разъ самъ призываю.

Романъ Кирилловичъ сказалъ съ умышленной сухостью:

— Я кстати встрѣтился съ вами. Мнѣ васъ нужно на нѣсколько словъ.

— Меня?—съ услужливой готовностью произнесъ Чельскій.—Весь къ вашимъ услугамъ.

Разговаривая, они подвигались замедленными шагами по корридору мимо боковой полуосвѣщенной гостиной, съ круглымъ диваномъ подъ сѣнью пальмъ посрединѣ. Тамъ было безлюдно и полусвѣтло. Неясно горѣло въ одной изъ люстръ притушенное электричество. Будто задумавшись или невзначай, Романъ Кирилловичъ свернулъ въ дверь гостиной, и Чельскій послѣдовалъ за нимъ, словно не замѣчая этого поворота.

Вошли и остановились.

— У меня къ вамъ маленькое порученіе,—началъ Траумвальдъ, говоря, какъ о пустякѣ.—Отъ Инны Дмитріевны.

Въ матовомъ полусвѣтѣ Траумвальдъ внезапно взглянулъ на Чельскаго и примѣтилъ, какъ тотъ съ упрямымъ недовольствомъ на секунду потупилъ глаза, но затѣмъ посмотрѣлъ въ лицо Траумвальду съ непринужденной доброжелательностью и вполнѣ спокойно. Романъ Кирилловичъ продолжалъ тоже непринужденно:

— Инна Дмитріевна ждетъ васъ поутру. Пораньше... У нея дѣло какое-то.

Траумвальдъ глядѣлъ на Чельскаго сумрачнымъ, пристально раздражающимъ взглядомъ. Однако тонъ его оставался невозмутимо ледянымъ.

— Благодарю,—безразлично произнесъ Чельскій.—Буду непремѣнно.

Все было сказано, оставалось разойтись. Но всколыхнувшееся ревниво-острое отвращеніе, вскипѣвшее въ Романѣ Кирилловичѣ, требовало исхода. Подхватившая Траумвальда волна ревнивой мстительности кружила и захлестывала его. Уши Романа Кирилловича побагровѣли, дыханіе

было прерывистое, и онъ съ неожиданной для себя твердостью выговорилъ заглушеннымъ голосомъ:

— А отъ себя я долженъ вамъ сказать, что считаю нѣкоторые поступки ваши предосудительными. И васъ—непорядочнымъ человѣкомъ.

Чельскій съ приподнятой рукой ринулся къ Роману Кирилловичу и остановился.

— Вы возьмете ваши слова обратно!—хрипло и повелительно крикнулъ онъ.

— Я не беру своихъ словъ обратно по той причинѣ, что не говорю ихъ на вѣтеръ.

Сложивъ за спиной руки и чуть подавшись впередъ, Траумвальдъ повторилъ съ презрительной настойчивостью:

— Поступки ваши считаю неблаговидными, а васъ—человѣкомъ безчестнымъ.

— Я не ударилъ васъ только потому, что вы уже стары. Дѣтей и стариковъ не бьютъ,—угрожающимъ шепотомъ со свистомъ въ произношеніи объяснилъ поблѣднѣвшій Чельскій.—Вы будете говорить объ этомъ съ моими секундантами.

— А я бы положилъ васъ на мѣстѣ безъ поединка, если бы вы дотронулись до меня. Револьверъ всегда при мнѣ!—такимъ же шепотомъ докончилъ Романъ Кирилловичъ.—То, что сказано мною, я съ особымъ удовольствіемъ повторилъ бы всенародно, но по причинамъ вамъ, вѣроятно, понятнымъ, не могу это сдѣлать.

Глаза Чельскаго стали злобно-сверлящими, маленькими.

— Вы отвѣтите мнѣ за это у барьера!—проговорилъ онъ и хотѣлъ уйти.

Траумвальдъ загородилъ ему выходъ изъ гостиной.

— Я не досказалъ еще главнаго.

— Не имѣю желанія васъ больше слушать. Вы будете говорить съ моими друзьями.

— Не откажусь принять и удовлетворить ихъ, съ однимъ, однако, условіемъ, чтобы настоящая причина нашего объясненія осталась для всѣхъ неизвѣстной. Чтобы, кромѣ нашихъ съ вами именъ, ничье третье не фигурировало,—даже передъ секундантами.

Чельскій надменно пожалъ плечаии.

— Я полагаю, это ясно само собою.

— Тѣмъ лучше, ежели и вы такъ полагаете. Предоставляю вамъ измыслить какой хотите поводъ для нашей размолвки. Можете сказать, что я неосторожно или оскорбительно отозвался о вашей удачѣ въ картахъ.

— Такой поводъ недопустимъ,—безапеляціонно отвергнулъ Чельскій.

— Или что я задѣлъ ваше національное самолюбіе? Неодобрительно отозвался о полякахъ вообще. У насъ есть народныя поговорки... непріятныя, даже оскорбительныя для поляковъ. Мы съ вами можемъ сообщить, что я неосторожно употребилъ одну изъ нихъ. И мы повздорили.

— Не та ли поговорка, гдѣ сказано: на всю Польшу одинъ комаръ мозгу принесъ?

— Ахъ, вы ее знаете? Она. И еще... но я затрудняюсь сказать.

— Но если я изъявляю желаніе выслушать?

— Ну, хоть эта. Не дружись съ полякомъ,—полякъ обманетъ навѣрнякъ. Потомъ..

— О, и того достаточно. Такъ... Этотъ поводъ подходитъ болѣе.

— Хотя... Это мало похоже на меня...—колеблясь замѣтилъ Траумвальдъ: — Не въ моемъ характерѣ грубость... и терпимость моя, кажется, внѣ сомнѣній... Но—все равно, Если васъ это устраиваетъ, я согласенъ.

Чельскій не замѣтилъ, какъ очутился одинъ въ гостиной.

Траумвальдъ оскорбилъ его преднамѣренно, и, конечно, есть только одинъ способъ отозваться на оскорбленіе... Итакъ — поединокъ!.. Онъ — зоркій и искусный стрѣлокъ-охотникъ, его прицѣлы вызываютъ у знатоковъ восхищенье. Оскорбленіе должно быть смыто. Но жажда личной мести и сознаніе личной обиды не клокотали въ Чельскомъ. Даже какъ-то лѣниво думалось о томъ, что случилось. Онъ безпечно улыбнулся и фаталистически пробормоталъ по польски:

— Э! Кому суждено висѣть, не утонетъ.—И, вернувшись къ картамъ, сталъ играть съ прежней, не покидающей его удачей.

Къ Иннѣ Пламень Чельскій попалъ съ опозданьемъ.

Утро и часть дня ушли у него на переговоры съ секундантами, потомъ на ожиданье отвѣта отъ Траумвальда.

Секундантами Чельскій избралъ людей независимыхъ и свободныхъ изъ польской золотой молодежи: троюроднаго брата своего, Юзефа Масульскаго, и графа Конрада Тыркевича. Оба приняли его объясненья о причинахъ ссоры съ Траумвальдомъ, не предложивъ ни одного вопроса, но Чельскій видѣлъ, что оба понимаютъ, въ чемъ дѣло, что толковать о примиреньи придется лишь для формы.

Вице-губернаторъ вызовъ принялъ.

Когда Масульскій и Тыркевичъ привезли эту вѣсть Чельскому, тотъ сказалъ:

— Ему выбирать оружіе. Надо было предупредить его, какъ я стрѣляю.

На это Юзефъ Масульскій отвѣтилъ:

— Я сказалъ ему. Онъ говоритъ: былъ и я когда-то стрѣлокъ не изъ послѣднихъ.

— Но! какъ хочетъ... кому суждено висѣть, не утонетъ.

Романъ Кириловичъ утромъ протелефонировалъ Иннѣ, что ея приказаніе исполнено, а между тѣмъ, Чельскаго не было. И то, что онъ не появлялся такъ долго, Инна истолковывала, какъ слѣдствіе его обиды или желанье наказать ее за неблаговоспитанность и рѣзкость. Когда, наконецъ, Иннѣ доложили объ его приходѣ, она бросилась навстрѣчу, обрадованная и разнѣженная.

— Дорогой мой! Пришелъ? Не сердишься? Я виновата, виновата, виновата... Боже! Какъ я соскучилась. Если бы еще часокъ не было тебя, побѣжала бы за тобою.

Ея нѣжность растрогала Чельскаго. Цѣлуя много разъ Инну, онъ произносилъ на всѣ лады одно лишь слово:

— Иннуся!

Въ этотъ возгласъ вложено было столько ласки, любовнаго восторга и чувственнаго восхищенья, что Инна позабыла о всѣхъ огорченіяхъ.

— Недобрый... жестокій, — стихшимъ голосомъ говорила она.—Не шелъ столько времени! Цѣлыхъ пять дней!

— Но ты же сама запретила мнѣ являться, пока жена моя здѣсь. Не могъ же я прогнать ее: уѣзжай сейчасъ въ деревню!

— Подумаешь... какое примѣрное послушанье. Такъ и не пришелъ бы, если бъ я не позвала черезъ Траумвальда?

— Какъ же идти? Ты могла не принять меня. Но оставимъ это... Я такъ радъ, что вижу тебя... Такъ соскучился...

— И ты скучалъ? Вѣрно?—усумнилась Инна.

— И скучалъ, и мучился... И проклиналъ всѣхъ, и злился... Ахъ, зачѣмъ нѣтъ у насъ иныхъ путей къ счастью,—кромѣ этихъ, потайныхъ и запутанныхъ!

— Пути есть. Но ты ихъ отвергаешь.

— Отвергаю, — сказалъ Чельскій и прижалъ руку Инны къ своей щекѣ, на лету поцѣловавъ эту руку.—Такъ напроломъ идти нельзя.

— А я думаю, только такъ и слѣдуетъ поступать. Хотя бы пришлось порвать все и со всѣми. Почему намъ нельзя любить открыто? Вѣдь все равно, всѣ знаютъ?

— Нельзя потому, что я несвободенъ. Ты знала это, Иннуся. Я говорилъ: на разрывъ съ семьей не пойду. Твое, а не мое слово рѣшило нашу поѣздку въ Варшаву. А теперь ты... будто упрекаешь меня.

— Знала, знала. Я все знала, и все-таки... — печально сказала Инна.—И все-таки мнѣ кажется, что ты недостаточно любишь меня.

— Недостаточно? Раны Божьи! Да для меня исчезли всѣ женщины съ тѣхъ поръ, какъ я увлеченъ тобою.

— Вотъ настоящее слово: увлеченъ... Но увлечься, — не значитъ любить.

— Ахъ эти—слова. Я этихъ различій не постигаю. Важно чувствовать, а не говорить. Я полонъ тобою. Весь, до краевъ. Кромѣ тебя никого изъ женщинъ не вижу. А любовь это или увлеченье... разсуди, какъ знаешь.

— Полонъ мною, а разорвать съ постылой женой не хочешь? На это любви не хватаетъ.

— Не могу. Я не обманывалъ, говорилъ: этого не будетъ, не можетъ быть. Вышелъ бы скандалъ... У меня не только жена... еще отецъ съ матерью... Передъ семьей своей и безъ того я кругомъ виноватъ.

— То-то ты такъ любезничаешь съ женою въ театрахъ. Такая внимательность!.. Примѣрная.

— Не могу же я оскорблять невниманьемъ женщину, которая носитъ мое имя!

— А женщину, не носящую твоего имени, оскорблять можно?—вспылила Инна.

— Никогда не оскорблялъ я ни одной женщины.

— А меня?

— Чѣмъ?

— Другими словами: ты знала, на что шла? Такъ?..

— Иннуся... опять за старое? И опять поссоримся? Ну, зоренька моя... не надо. Не надо, хоть на сегодня. Я разстроенъ, у меня непріятности. Пожалѣй меня хоть сегодня. Приласкай безъ упрековъ. Скажи: дорогой мой, любимый. Сегодня хочу слышать отъ тебя одно пріятное, милое, ласковое.

— Чѣмъ ты разстроенъ? Какія непріятности?

— Не хочу о томъ ни говорить, ни думать. Я люблю тебя, не увлеченъ, а люблю. И будемъ говорить только про это.

Ласкаясь къ Иннѣ, прижимаясь головой къ ея плечу, онъ заглядывалъ ей въ глаза просительно и нѣжно и цѣловалъ частыми, беззвучно-коротенькими поцѣлуями ея плечо, обрисованное японскимъ рукавомъ тускло-оливковаго платья.

— Люблю, люблю, люблю,—повторялъ Чельскій,—люблю, а не понимаю.

— Чего не понимаешь?

— Тебя. Если бы ты прогнала меня... сказала: иди прочь! Какъ смѣешь ты, женатый, говорить мнѣ о любви? Я бы

понялъ. Ушелъ... Можетъ быть, застрѣлился бы съ тоски, не знаю. Но понялъ бы... Но ты не гонишь, а мучаешь?— Можетъ быть... начинаешь сожалѣть?..

— О, нѣтъ. Я ни о чемъ не жалѣю. Ни о чемъ, ни о чемъ... Даже, если ты разлюбишь меня... покинешь... забудешь...

— Никогда!

— Не говори такъ. Это будетъ. Но пусть!.. Я останусь одна... жалѣть ни о чемъ не стану. Варшава останется, какъ поэма моей жизни... какъ маякъ радости и счастья. Скажу себѣ: пусть теперь тьма... Но было же и солнышко? Былъ праздникъ? Мой праздникъ—Варшава, дорогая Варшава. Въ старости я пріѣду туда. Но какъ это грустно. Все будетъ прежнее. И Лазенки, и пруды съ лебедями... тѣ же статуи... и апельсины будутъ также цвѣсти... Готическіе костелы, памятники... мохъ на старыхъ черепичныхъ крышахъ... все, какъ при насъ. А у меня побѣлѣютъ волосы, забороздятся морщины. И тебя.., тебя ужъ не будетъ со мною.

— Милая!—восхищенно произнесъ Чельскій, горячо цѣлуя Инну.—Вотъ такой я люблю тебя. До того люблю... не знаю, какъ высказать. И никогда ты не будешь одна. Никогда я не оставлю, не забуду тебя.

— Нѣтъ, забудешь. Только я уже не полюблю другого. И на Повонзки тогда поѣду. Какая печальная красота! Аллеи—какъ изъ баллады. Осень... Листья шелестятъ. Кругомъ смерть, могилы, а я... счастлива. Я отыщу непремѣнно ту поэтическую часовню. Она слѣва отъ входа. Помнишь: мы возлѣ нея остановились... Мавританская, и надпись вверху: „Памяти дорогого Станислава". И нигдѣ ничего больше. Ни года, ни числа, ни фамиліи. Этотъ памятникъ поставила женщина. Какъ ты думаешь, кто: мать или жена?

— Я думаю, мать. Или... не жена.

— Да, да... навѣрно.

Они помолчали, мечтательно и мирно. Потомъ Инна посмотрѣла ему въ лицо съ ласковымъ вниманіемъ и сказала:

— Ты не боленъ?

— А что?—спокойно спросилъ Чельскій, не мѣняя позы и не отводя головы отъ плеча Инны.

— Ты блѣденъ... и какой-то нехорошей блѣдностью. Подъ глазами синева... Морщинки.

— Морщинки? — Въ голосѣ его послышалось безпокойство.

Инна разсмѣялась.

— Ай, ай. Какъ ты ихъ боишься. Ну, полно, я не такъ

назвала. Не морщинки, а складочки. Отъ безсонной ночи вѣрно. Ты плохо спалъ?

— Нѣтъ, я спалъ отлично.

— А видъ у тебя усталый.

— Къ веснѣ всегда устаешь послѣ сезона.

Его безпечный спокойный тонъ разсѣялъ смутную тревогу Инны.

— А ты такъ и не пожалѣла меня?—напомнилъ онъ, тономъ балованнаго мальчика.—Я просилъ приласкать и пожалѣть. А ты не пожалѣла.

— А почему это жалѣть тебя? Что усталъ отъ сезона?

— Хотя бы... А еще потому, что ты часто мучишь меня.

Руки Инны обняли шею Чельскаго.

— Мой бѣдный! Ну, не буду мучить. Ахъ, я не умѣю высказать, какъ ты мнѣ дорогъ!

Передъ отъѣздомъ онъ вспомнилъ о невысказанномъ и недоговоренномъ раньше.

— А... какъ намъ быть, Иннуся? Ты ничего не придумала?

Инна поняла его и отвѣтила:

— Мы съ мамой уѣдемъ весной за границу.

— Вотъ хорошо! И я туда прiѣду.

— А потомъ что?—лукаво спросила Инна.

— Не знаю. Тамъ видно будетъ. Какая ты умная, что надумала за-границу.

— Это—не я, а мама. Такъ и ты прiѣдешь? Въ самомъ дѣлѣ?

— Если останусь живъ, обязательно.

Инна перепуганно подняла брови.

— То есть, какъ это: если останусь живъ?—подозрительно спросила она, что-то соображая.—Что ты хочешь сказать этимъ?

Чельскiй спохватился.

— Прости... Я не такъ выразился. По русски надо сказать: если доживемъ. Мысль моя та, что не прiѣду, лишь если не буду живъ. Поняла?

— Поняла,—думая о заграницѣ, успокоенно кивнула головой Инна.

— Ну, а теперь уходить мнѣ?—спросилъ съ неохотой Чельскiй.

— Пора уже. Меня вотъ-вотъ позовутъ къ обѣду.

Прощаясь, онъ задумался и сказалъ Иннѣ:

— Ты уже много знаешь по польски... Что значитъ: „кто мà висѣць, не утоне“?

— Но это же почти по русски!—возразила Инна.

— А какъ бы ты перевела?

— Да такъ же: кому висѣть, тотъ не утонетъ.

— Такъ, такъ, дорогая моя. Кто ма̀ висѣць, не утоне. Вѣрно. Святая правда. Дзенькуе. Дзенькуе бардзо, кохана моя.

Они простились.

VII.

Мѣстомъ дуэли былъ избранъ паркъ въ подгородней дачѣ „Кинь-грусть" Никиты Безкрайнаго, верстахъ въ четырехъ отъ города. Вся эта мѣстность носила названіе Липовой долины, оттого что здѣсь росло много липъ.

Ѣхали въ „Кинь-грусть" Романъ Кириловичъ и Чельскій одновременно въ двухъ закрытыхъ автомобиляхъ—каждый со своими секундантами. Стрѣляться предстояло до трехъ разъ или до тяжкой раны.

Траумвальдъ пригласилъ секундантами Никиту Безкрайнаго и товарища своего по пажескому корпусу, Кутурлина, виднаго бывалаго сановника, теперь не у дѣлъ. Одинокій, нелюдимый мизантропъ и женоненавистникъ, Кутурлинъ былъ помѣщикомъ мѣстнаго края. Начавши блистательно карьеру, Кутурлинъ быстро поднялся на значительную высоту, но не поладилъ съ ближайшимъ начальствомъ и сданъ въ архивъ безповоротно. Онъ носилъ высокій чинъ, получалъ крупную пенсію, но тяготился вынужденнымъ бездѣліемъ и желчно негодовалъ на всѣхъ, одиноко догорая среди окружающаго его пышнаго забвенья.

Когда Траумвальдъ пріѣхалъ звать его въ секунданты, Кутурлинъ согласился съ ворчаніемъ и нехотя. Но, взявшись за это, отнесся къ своимъ обязанностямъ болѣе, чѣмъ ретиво. Прежде всего онъ погрузился въ литературу о дуэляхъ, добросовѣстно обложилъ себя литературными источниками на русскомъ и французскомъ языкахъ. На совѣщаніе секундантовъ онъ являлся во всеоружіи познаній мельчайшихъ тонкостей дуэльнаго кодекса. Онъ одинъ изъ всѣхъ секундантовъ отстаивалъ возможность примиренія, и его раздражала непримиримость Траумвальда.

Не зная истинныхъ мотивовъ ссоры, ворчалъ онъ и теперь, по пути къ поединку. Засушенный, коричнево-желтый, съ лицомъ, напоминающимъ мумію фараона Рамзеса, онъ зябко кутался въ пуховое, еще зимнее пальто и говорилъ скрипучимъ голосомъ Роману Кириловичу:

— Если бы не наша многолѣтняя дружба, ни за что не принялъ бы я участіе въ этомъ мальчишескомъ предпріятіи. Я не противъ дуэли въ принципѣ. Но тутъ—это мальчише-

ство. Повторяю: еще не поздно извиниться, Романъ. Ну, сорвалось лишнее слово... почему не принести извиненія даже и передъ полячишкою этимъ, если ты неправъ? Я вотъ проштудировалъ графа Шатовильяра „Essai sur le duel". Затѣмъ Верже: „Nouveau code de duel"... Креббона: „La science du point d'honneur". Наконецъ, наши русскіе источники: полковника Швейковскаго, дурасовскій кодексъ. У меня такъ: если что дѣлать, то основательно. И я говорю тебѣ: ты нимало не уронишь себя, извинившись. Сорвалось нечаянно, и извинись. Почему тебѣ не извиниться? Ну, скажи: почему?

— По той причинѣ, — отвѣчалъ невозмутимо Траумвальдъ,—что я отъ своихъ словъ не отрекаюсь.

— Разительное величіе!—Кутурлинъ иронически сощурилъ глаза съ желтоватыми отъ желчи бѣлками.—И ненужное абсолютно. Между тѣмъ полячишка этотъ,—секунданты его говорятъ, — стрѣлокъ на рѣдкость. Пристрѣлитъ тебя, какъ дупеля... Экая молодецкая удаль, посмотришь. Состязаться съ мальчишкой и заправскимъ стрѣлкомъ.

Кутурлинъ обратился къ Никитѣ, который молчаливо сидѣлъ противъ Траумвальда и безсознательно улыбался своей несмѣлой, будто извиняющейся улыбкой.

— Скажите, Никита Павловичъ, не лучше-ли извиниться? Вы извинились бы на мѣстѣ Романа Кирилыча?

— Нѣтъ,—сказалъ Никита кротко, но твердо...—я бы не извинился тоже.

Кутурлинъ рѣзко запахнулъ на себѣ пальто и замолчалъ.

А въ автомобилѣ Чельскаго ворчалъ приглашенный обѣими сторонами врачъ-хирургъ, Сулимка,—немолодой полякъ, представительный, съ румянымъ лицомъ, съ полусѣдой головой, стриженой бобрикомъ, и окладистой, наполовину сѣдой бородою. Онъ старался сдѣлать свои узенькіе, дѣтски-синіе глазки внушительными и повторялъ Чельскому по польски:

— Смотри, панъ Мечиславъ, не пали серьезно. Накричатъ на цѣлый свѣтъ: поляки россійскаго генерала убили. Выйдетъ не поединокъ, а все та-же несчастная польская интрига.

— Для меня Траумвальдъ не генералъ,—скучающимъ тономъ отвѣтилъ Чельскій,—и не россіянинъ, а приватный человѣкъ, который нанесъ мнѣ оскорбленье.

— Ну, царапни его не очень глубоко. Такъ, подъ самой шкурой. И зачѣмъ вы не согласились съ этимъ Кутурлинымъ, или—какъ его? Хотѣлъ двухъ врачей, какъ на дуэли у графа Туринскаго съ принцемъ Орлеанскимъ, ну, и взяли бы ему хоть троихъ? А то одинъ, и тотъ—полякъ.

— Но самъ Траумвальдъ пожелалъ взять тебя одного... чтобы не создавать лишней огласки.

— Э! Кепска исторія, якъ Бога кохамъ! Непремѣнно скажутъ: убили поляки россійскаго генерала.

— Помолчи, пане доктоже,—попросилъ высокій и непропорціонально-длинный Юзефъ Масульскій.—Ну, скажутъ и скажутъ... А, можетъ, еще россійскій генералъ убьетъ польскаго Славека?

— Только на милость Бога,—шутливо сказалъ Чельскій,—прошу, чтобы не ты, Юзя, отмѣрялъ шаги, а то меня заподозрятъ въ трусости. Всѣмъ извѣстно, что шагъ у тебя въ два аршина съ четвертью.

— Не будь фанфарономъ, Славекъ,—строго замѣтилъ Конрадъ Тыркевичъ,—брюнетъ матово-блѣдный и изящный, съ бархатистыми глазами и нѣжными усиками, похожій на перваго любовника изъ французской труппы.

Чельскій не унялся сразу.

— Всѣ же знаютъ, что Юзя состоитъ изъ головы и ногъ! Жилетъ застегнутъ подъ подбородкомъ, а дальше ноги. И если онъ шагнетъ ими пошире, то...

— Не будь фанфарономъ Славекъ, — строже прежняго повторилъ Тыркевичъ.

Была ранняя весна, воскресный день выдался холодный.

Дача Безкрайныхъ, „Кинь-грусть", стояла на горѣ среди парка,—обширная и высокая, въ стилѣ Ренессансъ, съ огромными окнами. Она была окружена весеннимъ разливомъ. Въ одну ночь вздулась недалекая рѣчка такъ сильно, что вода луговыми оврагами въ нѣсколько часовъ пробралась къ Липовой долинѣ за полторы версты отъ рѣки. Съ трехъ сторонъ подбирались мутныя волны разлива къ низменнымъ частямъ парка. Издали видно было, какъ блестѣла вода на отдѣльныхъ лужайкахъ за обнаженными деревьями, какъ эти блестящія сѣровато-стальныя пятна соединялись между собой, разростаясь вширь и подступая къ дому. Вѣтеръ наклонялъ и раскачивалъ деревья, и земля жадно впитывала рѣчную влагу. Галки тревожно кричали надъ своими гнѣздами по вершинамъ затопленныхъ деревьевъ. Холодно было въ воздухѣ, непріятно и сѣро.

Автомобили подъѣхали къ дому. Дороги уже подсохли въ Липовой долинѣ, но между деревьями, на мокрой и топкой землѣ еще лежали мѣстами почернѣвшіе снѣга. А вокругъ нихъ острыми стрѣлками выбивалась трава изъ-подъ полусгнившихъ древесныхъ листьевъ.

Никита Павловичъ велѣлъ дачному сторожу отпереть домъ. Всѣ направились въ паркъ къ намѣченной полянѣ. Шли двумя раздѣльными группами одна отъ другой поодаль.

БИБЛ. В. С.

Начинала падать крупа, бѣлая, какъ снѣгъ, но мелкая и рѣдкая. Неслся шуршащій шелестъ отъ ударовъ ледяныхъ крупинокъ о поверхность прошлогоднихъ листьевъ. Въ сторонѣ съ ревомъ и шумомъ наполняла прорвавшаяся вода давно неполноводный прудъ и обходнымъ движеніемъ затопляла откуда-то сбоку жмущіеся къ пруду деревца и кустарники. Сѣрыя волны разлива колебались отъ вѣтра, но едва вѣтеръ утихалъ, однообразное водное пространство становилось гладкимъ и поблескивало изъ-за деревьевъ.

Пока дошли, Романъ Кириловичъ продрогъ въ весеннемъ англійскомъ пальто; не спасала и надѣтая на немъ егеровская фуфайка. Онъ думалъ о томъ, что ему холодно, и страха не испытывалъ никакого, словно, въ самомъ дѣлѣ, шелъ на прогулку. Спокоенъ былъ и Чельскій. Никита Безкрайный присматривался то къ Чельскому, то къ Траумвальду. Никитѣ нравилось ихъ спокойствіе. Онъ самъ много думалъ о томъ, какъ хорошо бы было оскорбить Чельскаго, стать съ нимъ у барьера и убить его наповалъ, какъ злую гадину. Но не только убить, онъ не сумѣлъ бы и оскорбить соперника. Растерялся бы, испугался, насмѣшилъ-бы себя и другихъ. А вотъ Траумвальдъ—немолодой, храбрый и уравновѣшенный—довелъ до конца мечту Никиты.

Когда Романъ Кириловичъ пріѣхалъ звать въ секунданты, Никита невольно и горячо крикнулъ Траумвальду:

— Вы—благородный человѣкъ, Романъ Кириловичъ! Я самъ хотѣлъ, да не умѣлъ это сдѣлать!

Но Траумвальдъ не пожелалъ понять словъ Никиты и спросилъ у него:

— А что? развѣ и васъ раздражаетъ самоувѣренность этого... пана Чельскаго?

— Да,—сказалъ, опомнившись, Никита.—Онъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

Условленная лужайка была уединенная, въ самой гущѣ парка. Открытая для солнца, она успѣла просохнуть и уже зеленѣла травой.

Секунданты избрали Кутурлина старшимъ распорядителемъ поединка. Онъ величественно поблагодарилъ за оказанную ему честь и сосредоточенно, серьезно и убѣдительно началъ говорить о примиреніи.

Когда примиренье не состоялось, Кутурлинъ, вздохнувъ, торжественно обратился къ секундантамъ:

— Въ такомъ случаѣ, мы должны приступить къ нашимъ обязанностямъ. Я предлагаю поступать во всемъ по примѣру образцовой дуэли, состоявшейся 15 августа 1897 года между принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ и графомъ Туринскимъ...

Эта дуэль стала въ послѣдніе дни навязчивой идеей Ку-

турлина. Онъ такъ часто упоминалъ о ней, что теперь Никита Безкрайный едва воздержался отъ улыбки. Никита глянулъ на остальныхъ секундантовъ. Тѣ стояли выдержанные и серьезные,—съ вѣжливо-неподвижными лицами. Серьезенъ былъ и Чельскій, стоявшій въ сторонѣ отъ секундантовъ, но глаза его сверкали коварно-смѣющимися огоньками.

— Какой онъ спокойный... Счастливый,—подумалъ Никита, глядя на него, и опять противъ воли залюбовался, какъ на вечеринкѣ у Андрея, красивой наружностью и осанкой пана Мечислава.—Какъ же и не любить его,—такого? А тотъ выжидательно, но непринужденно стоялъ въ разстегнутомъ легкомъ пальто, сдвинувъ слегка назадъ свой модный котелокъ съ узкими полями.

Быстро продѣлали секунданты весь ритуалъ, какъ требовалъ Кутурлинъ „по примѣру принца Орлеанскаго и графа Туринскаго“. Стали отмѣчать мѣста для противниковъ. Волнуясь и вздрагивая отъ колющаго спину озноба, Никита Безкрайный отмѣрилъ двадцать пять однообразныхъ шаговъ условленнаго разстоянія. Кутурлинъ суетился, провѣряя, не окажется ли одно мѣсто выгоднѣе въ какомъ либо отношеніи, чѣмъ другое. Бросили жребій, кому стать справа и кому слѣва. Траумвальду досталась правая сторона...

Тыркевичъ и Никита Безкрайный обозначили палками барьеръ,—предѣльныя линіи, за которыя не должны переступать противники. Не спѣша, съ величайшимъ вниманіемъ свидѣтельствовали секунданты привезенные Кутурлинымъ револьверы. Юзефъ Масульскій сталъ заряжать ихъ на глазахъ у остальныхъ секундантовъ. Онъ отвернулся отъ всѣхъ, перемѣшалъ заряженные револьверы и, накрывъ ихъ платкомъ, предложилъ выбрать оружіе сперва Траумвальду. Романъ Кириловичъ взялъ револьверъ не глядя.

Кутурлинъ потребовалъ еще осмотра дуэлянтовъ, нѣтъ ли на груди у кого изъ нихъ чего-нибудь, могущаго оказать сопротивленіе пулѣ. Секунданты удостовѣрили, что нѣтъ, и опустошили карманы у обоихъ.

Противники заняли указанныя мѣста. Они стояли молча, держа полученные револьверы дулами внизъ, какъ полагалось по ритуалу.

Кутурлинъ отошелъ въ сторону и спросилъ;

— Готово?

— Да!—отвѣтили секунданты.

— Къ бою,—скомандовалъ онъ съ торжественнымъ спокойствіемъ.—Взводить.

Траумвальдъ и Чельскій подняли револьверы.

— Стрѣлять,—продолжалъ Кутурлинъ. Онъ вынулъ кар-

манные часы и, слѣдя за секундной стрѣлкой, сталъ отсчитывать:—Разъ, два, три...

Чельскій сдѣлалъ выстрѣлъ въ пустую, явно стрѣляя въ воздухъ.

Траумвальдъ, поблѣднѣвъ, выстрѣлилъ вторымъ. Чельскій покачнулся.

— Васъ задѣла пуля? — спросилъ стоявшій возлѣ него Никита.

— Пустякъ, царапина,—небрежно выговорилъ Чельскій.— Чуть царапнуло кожу на лѣвой рукѣ. Я продолжаю.

— Безъ осмотра доктора мы не позволимъ вамъ продолжать,—повелительно заявилъ Кутурлинъ.—Можетъ быть, вы ранены?

Секунданты кричали:

— Онъ раненъ. — Нельзя продолжать. — Довольно. Довольно.

— Не признаю этой раны,—горячился Чельскій.—Пустая царапина. Требую продолженія.

Сулимка съ перевязочными матерьялами стоялъ около Чельскаго.

— Покажите рану!

Панъ Мечиславъ поспѣшно и нетерпѣливо спустилъ съ лѣвой руки визитку. Сулимка разорвалъ рукавъ рубашки.

— Задѣтъ лишь кожный покровъ, — подтвердилъ онъ и ловко наложилъ перевязку на оцарапанную руку.

Чельскій мгновенно натянулъ спущенный рукавъ и взялъ отъ Никиты Безкрайнаго револьверъ.

Опять просчиталъ Кутурлинъ:

— Разъ... два... три.

Чельскій, выждавъ время, выстрѣлилъ, совсѣмъ не цѣлясь.

Романъ Кириловичъ зашатался. Потомъ свалился на землю съ такою быстротою, что его не успѣлъ подхватить находившійся подлѣ него Юзефъ Масульскій.

Всѣ, кромѣ Чельскаго, бросились къ Траумвальду на помощь. Чельскій въ недоумѣніи оставался на позиціи, не зная, что ему теперь дѣлать.

— Вы ранены? — крикнулъ съ испугомъ Сулимка, подбѣгая.

Романъ Кириловичъ растерянно отвѣтилъ:

— Немножко,—и закрылъ глаза, будто собираясь уснуть.

Сулимка приступилъ къ осмотру.

Пуля попала въ лѣвый бокъ и прошла навылетъ.

Никита побѣжалъ сказать, чтобы принесли носилки. Когда онъ вернулся, Траумвальдъ лежалъ, плотно укутанный своимъ пальто и пальто Сулимки. Раненаго подняли на носилки, чтобы отнести къ дачному дому.

— А рукопожатье? — съ возмущеніемъ вспомнилъ ужаснувшись Кутурлинъ. — Господа, у насъ упущенье. По кодексу, по окончаніи дуэли, противники должны обмѣняться рукопожатьемъ.

Слабѣющій Траумвальдъ встрепенулся и открылъ глаза.

— Да-а... — невнятно произнесъ онъ. Глаза его стали искать по сторонамъ удачливаго врага.

Подошелъ Чельскій. Сулимка развернулъ на раненомъ оба пальто; Романъ Кириловичъ слабо сжалъ холодными пальцами сухую и горячую руку Чельскаго...

По требованію Сулимки, къ Роману Кириловичу вызвана была по телефону карета скорой помощи изъ города, и раненаго Траумвальда съ большими предосторожностями повезли къ нему на квартиру. Свидѣтелямъ же случайнымъ,— шофферамъ, дачному сторожу, садовнику и врачу скорой помощи,—сказано было, будто Романъ Кириловичъ заѣхалъ во время загороднаго катанья въ обществѣ друзей на дачу Безкрайнаго для отдыха и вздумалъ разрядить свой револьверъ, причемъ выстрѣлилъ въ себя по неосторожности.

О „несчастномъ случаѣ" съ вице-губернаторомъ черезъ день появились въ мѣстныхъ газетахъ соболѣзнующія замѣтки. Частными путями расплывались усиленные толки о дуэли съ Чельскимъ, упоминалось имя Инны Пламень. Но говорили неопредѣленно, безъ подробностей. Городъ всполошился, сталъ изливаться въ сочувствіяхъ и сочувственныхъ визитахъ. Впрочемъ, къ ослабѣвшему Роману Кириловичу никого изъ посѣтителей не допускали. У постели его собрались виднѣйшіе авторитеты Z-ской медицины, которые нашли нужнымъ тщательно беречь его силы. Въ виду немолодого возраста вице-губернатора, рану его признали тяжелой, однако, не угрожающей жизни, потому что у Романа Кириловича оказалось малоизношенное сердце. Гостей же позволили принимать Траумвальду лишь тогда, когда ему разрѣшено было встать съ кровати.

Первой навѣстила Романа Кириловича Инна Пламень.

Весна стояла въ разгарѣ. Въ городскихъ скверахъ расцвѣтали сиреневые кусты. Въ гущѣ городскихъ садовъ щелкали соловьи, не смущаясь окружающимъ шумомъ большого города.

Инна заѣхала одна и утромъ, въ весеннемъ костюмѣ цвѣта темнаго геліотропа, въ свободномъ короткомъ жакетѣ, нѣсколько скрадывающемъ фигуру. Когда степенная Эмилія, похудѣвшая за это время отъ тревогъ и ночныхъ недосыпаній, доложила Роману Кириловичу о визитѣ Инны,

онъ едва не заплакалъ, но заставилъ себя подавить этотъ приступъ старческой слабости.

— Романъ Кириловичъ, дорогой! — заговорила, входя, Инна.—На ногахъ? Какъ я рада.

— Родная. Вотъ спасибо, дитятко.

— Надѣюсь, я—первая?

— Первая, первая, касаточка. Здравствуйте.

— Ну? Какъ живемъ?

— Ничего, дитятко. Еще Богъ грѣхамъ терпитъ. Вы тамъ какъ? Похорошѣла, возмужала... расцвѣла. Какъ къ лицу туалетъ этотъ весенній. И шляпа... это что? Директуаръ? Опять ихъ носятъ? Но сами вы... глаза проглядѣть можно.

— Вамъ уже не грозитъ никакая опасность, Романъ Кириловичъ? Поправились совсѣмъ? Ахъ, Господи. И нужно же такое несчастье!

— Пустяковина, дитя мое. Поправился совершенно. Это что за рана? Во время войны люди съ этакими сюрпризами пѣшечкомъ за сколько верстъ до перевязочныхъ пунктовъ хаживали.

— Слава Богу, сердце у васъ хорошее.

— Сердце не изъ плохихъ. Могу похвастать. Воздаянье за умѣренную жизнь. Вашъ батюшка не вынесъ бы такой встряски, хоть онъ и моложе меня.

— Скучно было лежать такъ долго?

— Не весьма весело. Лежишь, лежишь... И отъ праздности, что-ли... но, какъ передъ смертью, говорятъ, бываетъ... вся-то жизнь прежняя плыветъ передъ глазами. Такія воскресаютъ забытыя подробности... Такія давнымъ-давно схороненныя лица. И тутъ мнѣ впервые подумалось: а давненько живу уже я на свѣтѣ... Это ведетъ къ примиренью со смертью. И я сталъ помышлять о кончинѣ своей весьма примиренно.

— Ай... не говорите такъ. Мнѣ страшно. Я гляжу и не нагляжусь на васъ... Что бы я дѣлала, еслибы вотъ этотъ милый Романъ Кириловичъ да не выжилъ бы? И изъ-за меня!

— Что? Что? Что такое? Что изъ-за васъ? Почему изъ-за васъ? Помилуй Богъ! Кто вамъ наплелъ такого вздора?

— Изъ-за меня! Изъ-за меня! Не отрицайте напрасно. Не повѣрю. Ахъ, что вы сдѣлали, Романъ Кириловичъ!

— Ничего сквернаго, дорогая.

— Онъ чуть не убилъ васъ!

— А я его. Мы квиты.

— Изъ дружбы ко мнѣ вы хотѣли наказать и проучить его, какъ моего обидчика. Но у меня нѣтъ обидчиковъ,

Романъ Кирилычъ! Слышите? Ихъ нѣтъ. Я сама во всемъ сама виновата. Мнѣ хотѣлось жить не такъ, какъ всѣ. Стать выше толпы, выше ея морали. Ну, видите?.. Такъ развѣ можно вмѣсто меня обвинять въ чемъ-нибудь другого? Вы такъ пристрастны ко мнѣ, что не хотите признать это.

— Не могу признать, дорогая. Ваше душевное состоянiе я разсматриваю не какъ вину, а какъ своего рода душевное заболѣванье.

— Должно быть, вы никогда не любили сами, Романъ Кирилычъ,—сказала Инна серьезно.—Вотъ вамъ и кажется это болѣзнью.

Романъ Кирилычъ улыбнулся ей, какъ лепечущему младенцу.

— Случалось и мнѣ,—признался онъ кротко.—Но я полагаю, что дѣйствительно любящiй щадитъ любимаго человѣка больше, чѣмъ себя самого.

— Да вы что считаете любовью? Не то ли, когда вы слушали неизмѣнныхъ соловьевъ съ невѣстой? Такъ это была поэтическая теплота, а не сжигающее пламя. Настроенiе возвышенное, пасторальное, сантиментальное... все, что хотите, но не горячее чувство.

— Ошибаетесь, дорогая. Покойную жену свою я любилъ горячо, хотя и поэтично. Когда я прочиталъ у Эдгара Поэ: „Но любили мы больше, чѣмъ любятъ въ любви, я и нѣжная Аннабель-Ли. И взирая на насъ, серафимы небесъ той любви намъ простить не могли“... то я подумалъ: а словно про насъ съ Иреной сказано! Говорятъ, то горе настоящее, которое черезъ десять лѣтъ помнится. Я своего и черезъ тридцать не забуду.

Инна смотрѣла на него, сочувствуя и на этотъ разъ понимая.

— Ну, а послѣ?—спросила она.—Больше у васъ ничего такого ужъ не было?

— Было и потомъ,—печально и отрывисто произнесъ Романъ Кириловичъ.

Онъ замолчалъ, справился съ нахлынувшимъ на него волненiемъ и пояснилъ эпически-спокойно:

— Но то было на склонѣ моей жизни. Уже нѣчто запоздалое и по этой причинѣ смѣшное.

Инна быстро повернула заинтересованное лицо.

— А кто была вторая?—съ любопытствомъ спросила она.

— Одна совсѣмъ молодая особа.

— Я ее знала?

— Нѣтъ.

— Но она жила здѣсь? Въ Z?

— Позвольте вамъ не отвѣтить на вопросъ вашъ. Въ

извѣстномъ возрастѣ нѣкоторыя чувства должны быть старательно вуалированы. Это вѣдь прежде всего смѣшно: такой классическій образчикъ безнадежности. И мы съ вами... слишкомъ много говоримъ обо мнѣ, а мнѣ о васъ хочется послушать. Что у васъ? Съ вами?

— У меня большія новости. И я хочу вамъ разсказать ихъ.

— Слушаю.

— Что бы вы сказали, Романъ Кирилловичъ, если бы я... вотъ теперь... взяла бы и вышла замужъ.

— Замужъ?—повторилъ Траумвальдъ ошеломленно.—Но... какъ же замужъ?

Инна молчала.

Траумвальдъ спросилъ съ мучительной ноткой въ голосѣ:

— Онъ разводится?

— Это—не онъ.

— Ничего не понимаю!—заявилъ Романъ Кирилловичъ, возмущенный.—Ежели не онъ, то кто же?

— Человѣкъ, который не потребуетъ отъ меня ничего ровно. Насъ будетъ связывать одна дружба.

— Не Безкрайный ли, Андрей Петровичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... То есть, Безкрайный, но не Андрей. Это—Никита.

— Никита?

Тонъ уже былъ иной, болѣе мягкій.

— Онъ былъ прямо умилителенъ, Никита... когда говорилъ со мною. Увѣрялъ, что одно согласіе мое для него — счастье. Что это—мечта его.

— А вамъ не пришло на мысль... до какой степени надо быть чудовищно - несчастнымъ, чтобы мечтать о *такомъ* счастьи?

— Приходило. Я слушала его и говорила себѣ: какая ты жестокая. Да если показать тебѣ на сценѣ такое объясненіе, ты расчувствуешься до слезъ... и симпатіи твои будутъ принадлежать ему, а не ей. А тутъ я оставалась жестоко-холодной. Думала лишь о своихъ удобствахъ.

Траумвальдъ вздохнулъ.

— Женщина каждая жестока, дитятко... ежели она не любитъ. Ну, хоть не Андрей, слава Богу.

— Андрей мнѣ предлагалъ то же самое. И папа... Онъ только на-дняхъ узналъ обо всемъ... и очень стоялъ за Андрея. Папа даже сватомъ былъ отъ его имени. Но объ Андреѣ и говорить не стоитъ.

— Андрей обманетъ. Самоотверженность его, и та выйдетъ корыстная.

— А Никита? Что о Никитѣ вы скажете?

Траумвальдъ въ раздумьи забарабанилъ исхудавшими пальцами по старинному мозаичному столику.

— Не знаю, идти ли вамъ и за Никиту,—сказалъ онъ, подумавъ.—Я бы не пошелъ, будучи вами. Но то—ваше дѣло. Какъ ваше сердце диктуетъ вамъ, къ чему оно клонится, такъ и поступайте. А что касается Никиты, мое мнѣніе: онъ человѣкъ порядочный. Ему во всякомъ разѣ довѣриться не страшно.

— Значитъ, благословили бы?

— Отговаривать не сталъ бы... коли вы сами не противъ. Тутъ я вамъ не совѣтчикъ. Поступайте по своему.

— Такъ я скажу ему „да"?—волнуясь произнесла Инна.—Болѣе двухъ недѣль тянется мое колебанье. Пора рѣшиться. Мнѣ раньше съ вами поговорить хотѣлось.

— Благодарю за довѣріе, дорогая. Онъ—хорошій, Никита Павловичъ. И, стало быть, глубоко расположенъ къ вамъ, ежели готовъ на такое... на такую...

— Жертву?—подсказала Инна...

Романъ Кириловичъ ея догадки не подтвердилъ, но и не опровергнулъ.

— Вы хотѣли сказать: на такую жертву? — настойчиво спросила Инна.

— Болѣе того,—мнѣ подвертывалось другое выраженье: на такое самоистязаніе. Я вдвое старше его, но меня бы не хватило на это. Мнѣ понятно—забыть прошлое... увлеченье, ошибку, несчастье. Да... это—возможно. Но дать свое имя и молчать?!. Терпѣть и оставаться лишь другомъ? Не знаю. Для меня было бы непереносимо.

— Вотъ это-то и привело меня въ умиленье.

Траумвальдъ спросилъ о другомъ.

— А Екатерина Адольфовна? Какъ она отнеслась?

— Она не противится.

Эмилія постучала въ дверь и доложила съ порога:

— Госпожа Чагозина.

Романъ Кириловичъ пошелъ встрѣтить новую гостью.

— Сестричка!

— Родимый мой!

Они расцѣловались.

Аделаида Федоровна,—напоминающая кубикъ въ своемъ, тоже коротенькомъ, темносинемъ съ черными отворотами жакетѣ,—любезно поздоровалась съ Инной.

— Вотъ кого сердечно рада видѣть. Куда вы скрылись отъ всѣхъ, Инна Дмитріевна? Точно сѣли въ затворъ. Ни у кого не бываете, васъ нигдѣ не видно?

— Некогда. Я занята послѣднее время, — равнодушно проговорила Инна.

— И, какія занятія у молодыхъ дѣвушекъ? Небось къ лѣту шьете обновки? Возитесь съ портнихами?

— И съ портнихами... Вообще, занята.

Чагозина стала разспрашивать Романа Кириловича объ его здоровьи и самочувствіи. Долго и укоризненно говорила она о несчастномъ происшествіи съ Траумвальдомъ, и долго не переставали дрожать пышныя, бѣлыя эспри на ея синей шляпѣ.

Послѣ принялась разсказывать о себѣ и о Лидочкѣ, а главнымъ образомъ,—объ открытіи и первыхъ собраніяхъ національнаго клуба. Открытіе вышло такое парадное, какого и не ожидали. Всѣ, всѣ были... И архіереи, и административныя лица, и дамы изъ общества, и просто дамы, и купцы, и горожане... Лидочка избранъ въ комитетъ клуба и къ осени готовитъ рефератъ, чтобы выступить въ одномъ изъ первыхъ осеннихъ собраній.

— Онъ такъ увлекся! Уже теперь группируетъ матерьялы. Постоянно дома, по ночамъ не спитъ. Сидитъ и пишетъ. И я немножко помогаю въ его трудахъ. Я и эпиграфъ ему подыскала. Помните это: „Въ Россію можно только вѣрить!" Я не хочу и думать, что вы не пріѣдете, послушать Лидочкинъ рефератъ. Не желаете быть у нихъ членомъ, это—какъ хотите. А на нашъ рефератъ должны явиться.

— Смѣю ли не явиться, ежели рефератъ при вашемъ участіи?

— Помните-же.

Аделаида Федоровна говорила съ Траумвальдомъ, а сама все приглядывалась къ Иннѣ Пламень, особенно разглядывая ея фигуру и стараясь сдѣлать это незамѣтно.

Наступила пауза. Чагозина опять обратилась къ Иннѣ.

— Вы, я слышала, собираетесь съ вашей матушкой заграницу?—съ притворной невинностью спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтила Инна слегка небрежно и встала, показываясь во весь ростъ, словно разрѣшая Чагозиной оглядѣть ее съ головы до ногъ. Она вдругъ заинтересовалась развѣшанными у Романа Кирилловича на стѣнѣ старинными тарелками, тарелочками, блюдцами и фарфоровыми блюдами.

— Какъ жаль, — попрежнему наивно протянула Чагозина.—Пожить подольше за-границей — незамѣнимое удовольствіе. Что же вамъ помѣшало?

— Мы раздумали дѣлать за-границей мое приданое. Рѣшили, что и здѣсь его сдѣлаютъ не хуже,—неторопливо объяснила Инна.

— Вы выходите замужъ?!

Голосъ Аделаиды Федоровны даже дрогнулъ отъ неожиданности.

— Да.

— О, скрытная! И никто ничего не знаетъ... За кого же, позвольте спросить?

— За Безкрайнаго... Никиту Павловича.

— Поздравляю, дорогая, поздравляю. Какой прекрасный выборъ! Позвольте отъ души расцѣловать васъ.

Инна позволила. Чагозина расцѣловала ее и потомъ крѣпко пожимала ея руки.

— Всего, всего наилучшаго, дорогая. Наконецъ-то взято въ плѣнъ и ваше непреклонное сердце. Когда же свадьба?

Любопытствующіе глаза Аделаиды Федоровны пожирали Инну, стараясь проникнуть до самыхъ сокровенныхъ душевныхъ глубинъ, Инна же оставалась совершенно непроницаемой. На вопросъ Чагозиной: когда же свадьба?—она отвѣтила:

— Еще не назначенъ день. Но, вѣрно, скоро. До Петровокъ успѣемъ, вѣроятно.

— Счастливица: быть невѣстой — самое наисчастливое время. Потомъ ужъ все не такъ интересно. Намъ, женщинамъ, только и счастья, что въ невѣстахъ!

— Да, говорятъ,--полуразсѣянно улыбнулась Инна и стала прощаться.

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Матеріалистическіе и идеалистическіе элементы въ системѣ Карла Маркса.

II.

По опредѣленію Н. Бельтова, на сложномъ и трудномъ пути «интересной» задачи теоріи экономическаго матеріализма, «Марксу удалось исчерпать, да и то, конечно, лишь приблизительно, только вопросы, относящіеся главнымъ образомъ къ матеріальному быту избраннаго имъ періода» *). Мы уже видѣли, сколь неудовлетворительною по существу является такая постановка вопроса: на изображеніи одной матеріальной стороны быта нельзя использовать теорію экономическаго матеріализма, сущность которой заключается какъ разъ въ установленіи логической внутренней связи между «матеріальной» и «идеологической» сторонами жизни. Это ясно. Но, съ другой стороны, фактъ сосредоточенія вниманія Маркса на изображеніи исключительно матеріальной стороны быта служитъ для насъ счастливымъ обстоятельствомъ, дающимъ возможность съ желанной полнотой и надлежащей обстоятельностью разсмотрѣть самую формулу теоріи экономическаго матеріализма, опредѣлить то, что разумѣетъ теорія и что разумѣлъ прежде всего самъ Марксъ подъ понятіемъ «базиса», надъ которымъ, какъ уже вполнѣ производное, возвышается вся многосложная «надстройка».

По общераспространенному мнѣнію, въ ученіяхъ экономическаго матеріализма подъ «базисомъ», «почвой», «основаніемъ» разумѣются экономическія отношенія, или,—говоря уже и тѣснѣе,— отношенія производства и обмѣна. Но надо принять во вниманіе, что въ этихъ словахъ дается уже вторичная, такъ сказать, формулировка вопроса. На самомъ дѣлѣ фигурирующія въ качествѣ «базиса», «почвы», «основы» экономическія отношенія, или отношенія производства и обмѣна, представляютъ уже нѣчто производное, слѣдствіе другого, болѣе первоначальнаго элемента. Совер-

*) Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, стр. 216.

шенно справедливо замѣчаетъ Н. Бельтовъ, что «только въ популярной рѣчи можно говорить объ экономіи, какъ о *первичной причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій. Далекая отъ того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть слѣдствіе, «функція» производительныхъ силъ» [1]). Мысль совершенно правильная. Отношенія производства и обмѣна, равно какъ и вытекающія изъ нихъ отношенія распредѣленія, вообще всѣ экономическія отношенія, вся экономія—не что иное, какъ застывшія, кристаллизовавшіяся формы опредѣленнаго роста, извѣстнаго состоянія производительныхъ силъ. И сколь ни шаткою является у Маркса соотвѣтствующая терминологія, но эта мысль объ опредѣляющемъ значеніи производительныхъ силъ, эволюція которыхъ даетъ данную экономію, данныя отношенія производства и обмѣна, эта мысль проходитъ красной нитью черезъ всѣ труды Маркса. «Соціальныя отношенія тѣснымъ образомъ связаны съ производительными силами»,—такъ формулируетъ эту свою основную мысль Марксъ, напримѣръ, еще въ «Нищетѣ философіи» [2]).

Но что такое производительныя силы? Въ экономической и соціологической литературѣ разсыпано много опредѣленій и характеристикъ, указывающихъ на самую сущность этого специфическаго марксова понятія. По опредѣленію Вольтмана, «Марксъ подъ производительными силами, разрывающими оковы капитализма, разумѣлъ не только матеріально-экономическія производительныя силы, но и отчасти самъ организованный, ассоціированный рабочій классъ» [3]). По опредѣленію Гильфердинга, Марксъ подъ экономическими отношеніями, являющимися слѣдствіемъ и овеществленіемъ производительныхъ силъ, разумѣлъ «обобществленнаго человѣка и опредѣленный родъ общественныхъ отношеній» [4]). И съ этимъ опредѣленіемъ солидаренъ самъ Марксъ, который въ третьемъ томѣ «Капитала» по этому поводу говоритъ: «способъ производства... предполагаетъ, какъ свое историческое условіе, извѣстную степень общественныхъ производительныхъ силъ... Специфическія, соотвѣтствующія исторически опредѣленному способу производства отношенія производства—это отношенія, которыя проникаютъ общественный процессъ жизни людей, производство ихъ общественной жизни» [5]). А въ извѣстномъ, уже цитированномъ нами предисловіи «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Марксъ говоритъ: «въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли не-

[1]) Тамъ же, стр. 173.

[2]) K. Marx. Das Elend der Philosophie, S. 91.

[3]) L. Woltmann. Die wirtschaftlichen und politichen Grundlagen des Klassenkampfes, «Sozialistische Monatshefte, 1901, № 2, S. 126.

[4]) K. Hilferding. Aus der Vorgeschichte der Marx'schen Oekonomie, «Neue Zeit», 1911, № 44, S. 626.

[5]) Karl Marx. Das Kapital, B. III, Th. 2, S. 415.

зависящія отношенія, отношенія производства, соотвѣтствующія опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ» *).

Всѣ эти слова и выраженія какъ самого Маркса, такъ и его критиковъ приводятъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ самомъ центрѣ понятія производительныхъ силъ у Маркса стоитъ человѣкъ, какъ существо общественное, какъ продуктъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о человѣкѣ, какъ одной изъ производительныхъ силъ, нужно разумѣть, съ точки зрѣнія Маркса, не этнографическую, а экономическую его сущность. Какъ это прекрасно разъяснено самимъ Марксомъ въ его посмертной статьѣ «Введеніе въ политическую экономію» **), въ политической экономіи, при изслѣдованіи экономическихъ отношеній, мы имѣемъ дѣло не съ этнографическимъ факторомъ, не съ человѣкомъ вообще, не съ «населеніемъ», а съ его экономической функціей—съ трудомъ человѣческимъ ***). Трудъ, какъ основа, какъ источникъ, какъ сущность производительныхъ силъ—такова центральная идея экономическаго ученія Карла Маркса, блестяще развитая на разстояніи трехъ объемистыхъ томовъ его безсмертнаго «Капитала».

Мысль эта требуетъ поясненій.

Понятіе объ экономическихъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ производства и обмѣна, какъ основѣ всего общественнаго строя, какъ базисѣ для многосложной, разноцвѣтной надстройки, явилась продуктомъ расцвѣта философской мысли Маркса, постепенно эволюціонировавшаго отъ гегелевскаго идеализма къ фейербаховскому матеріализму. Но развитіе ученія о томъ, что является базисомъ, вся сложная, богатая соціологическимъ содержаніемъ формулировка понятій экономики, производственныхъ отношеній и производительныхъ силъ были осуществлены Марксомъ въ процессѣ его чисто экономическаго мышленія, при составленіи «Капитала», на почвѣ глубокомысленной и мѣткой критики ученій классической и до-классической школъ политической экономіи. Лишь сравнительно недавно, всего 5—6 лѣтъ тому назадъ, усиліями неутомимаго Каутскаго удалось привести въ порядокъ замѣчательную работу Маркса по исторіи экономическихъ ученій ****). Но для всякаго, пробовавшаго окунуться въ изученіе основныхъ экономическихъ трактатовъ Маркса, ясно, что вся его экономическая теорія добыта въ результатѣ упомянутой критики политической экономіи.

---

*) K. Marx. Zur Kritik der politischen Oekonomie. Vorwort.

**) «Einleitung in die politische Oekonomie», напечатано въ «Neue Zeit», Jahrg. XXI, B. I.

***) Объ этомъ смотри недурныя замѣчанія у E. Hammacher. Das philos.-oekon. Syst. d. Marxismus, S. 142—3 ff.

****) K. Marx. Theorien über den Mehrwerth. B. I—III, Stuttgart, 1905, herausg. v. K. Kautsky.

И однимъ изъ шедевровъ этой критики является знаменитое ученіе Карла Маркса о фетишизмѣ капиталистическаго производства, ученіе, поставившее въ центрѣ экономическаго мірозданія человѣка, какъ таковаго, какъ продуктъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній и притомъ въ совокупности его физическихъ и духовныхъ силъ.

Какъ извѣстно, буржуазная политическая экономія какъ доклассическаго, такъ отчасти и классическаго періода,—въ нѣкоторыхъ частяхъ ученія даже Смитъ, Рикардо и Милль развили «тройственную формулу» въ ученіи о производствѣ, ученіе о трехъ «факторахъ» производства: трудѣ, землѣ и капиталѣ. Безсмертную заслугу Карла Маркса, какъ экономиста, составило разоблаченіе этого вреднаго, ни на чемъ не основаннаго фетишизма буржуазноэкономической мысли. Съ геніальной логической ясностью и изумительной послѣдовательностью Марксъ доказалъ, что капиталъ есть не что иное, какъ накопленный человѣческій трудъ, а земля, силы природы потому не могутъ фигурировать въ качествѣ отдѣльнаго «фактора» производства, что земля, какъ даръ природы, объективно не создаетъ цѣнности, а является лишь условіемъ, вліяющимъ на цѣнность продукта, исключительно въ силу факта капиталистическаго присвоенія силъ природы. Внѣ буржуазныхъ рамокъ производства, при торжествѣ принципа труда, земля, какъ и капиталъ, сдѣлаются общимъ достояніемъ, перестанутъ вліять на цѣнность продукта, и тогда воочію раскроется та элементарная человѣческая истина, что исключительнымъ факторомъ производства, единственнымъ производителемъ цѣнности и богатства является трудъ человѣческій, или самъ человѣкъ, для котораго земля, силы природы и капиталъ, накопленный человѣческій трудъ, служатъ лишь свободно примѣняемымъ по волѣ человѣка *условіемъ* проявленія его жизни, его существованія, его силы.

Насколько, говоритъ Марксъ, нѣкоторые экономисты ослѣплены присущимъ товарному міру фетишизмомъ, взглядомъ на вещную внѣшность общественныхъ аттрибутовъ труда показываетъ «скучный и пошлый споръ» о роли природы въ образованіи мѣновой цѣнности. Такъ какъ, поясняетъ Марксъ, мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ, какъ выразить потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то мѣновая цѣнность можетъ содержать въ себѣ столько же природной силы, сколько, напримѣръ, вексельный курсъ. И далѣе, по словамъ Маркса, тотъ же «фетишизмъ современной политической экономіи» становится «осязательнымъ», когда она начинаетъ трактовать о капиталѣ. Давно ли, замѣчаетъ по этому поводу Марксъ, исчезла иллюзія физіократовъ, будто земельная рента вырастаетъ изъ земли, а не изъ общества *). И въ другомъ мѣстѣ, по поводу этой «тройственной формулы»,

---

*) K. Marx. Das Kapital, B. I, 4-te Aufl. Hamburg 1890. S. 49.

Марксъ замѣчаетъ, что «въ дѣйствительности вульгарная политическая экономія только тѣмъ и занимается, что доктринерски толкуетъ, систематизируетъ и защищаетъ представленія дѣятелей капиталистическаго процесса производства, проникнутыхъ отношеніями этого производства» *). «Капиталъ, земля, трудъ!»—восклицаетъ Марксъ. Но, продолжаетъ онъ, капиталъ не есть вещь, а опредѣленное общественное отношеніе производства, присущее опредѣленной исторической и общественной формаціи; съ другой стороны, абсолютное плодородіе земли производитъ лишь постольку, поскольку извѣстное количество труда даетъ зависимое отъ плодородія почвы количество продуктовъ **). И на основаніи этого Марксъ заключаетъ: «въ формулѣ: капиталъ-прибыль, земля-земельная рента, трудъ-заработная плата... завершается мистификація капиталистическаго способа производства». И прибавляетъ: «міръ заколдованный, міръ извращенный, міръ поставленный вверхъ ногами, въ которомъ Monsieur le Capital и Madame la Terre играютъ роль общественныхъ характеровъ и въ то же время непосредственно простыхъ вещей» ***).

Въ этомъ разоблаченіи всей научной незаконности смѣшенія «общественныхъ характеровъ» съ «простыми вещами» заключается основная сущность экономическаго ученія Маркса, преодолѣвшаго фетишизмъ капиталистическаго способа производства, фетишизмъ буржуазнаго, или, вѣрнѣе, вульгарнаго экономическаго мышленія. Съ новой точки зрѣнія, незыблемо установленной Марксомъ, не земля и не капиталъ, не сила природы и не накопленный человѣческій трудъ, а лишь самъ человѣкъ, или, вѣрнѣе, его живой трудъ, его текущая энергія является дѣйствительнымъ факторомъ производства, подлиннымъ источникомъ цѣнности и богатства.

Такова сущность экономической теоріи Карла Маркса, которой вполнѣ по праву присвоено названіе трудовой теоріи. Но для того, чтобы окончательно разобраться въ формулѣ производительныхъ силъ, отождествляемыхъ, какъ мы видѣли, съ понятіемъ человѣческаго труда, и чтобы отсюда сдѣлать необходимый выводъ о дѣйствительной, подлинной основѣ человѣческой экономіи, экономическихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ всего общественнаго цѣлаго, всей соціальной и культурной надстройки, необходимо теперь заняться анализомъ понятія «трудъ».

Что же такое «*трудъ*», по опредѣленію и въ пониманіи Маркса?

Подъ этимъ вопросомъ я разумѣю, конечно, проблему о физическихъ и психическихъ свойствахъ труда, о томъ, какой именно трудъ, физическій или психическій, является производительнымъ, входитъ составнымъ элементомъ въ понятіе производительныхъ

---

*) K. Marx. Das Kapital, B. III, Th. 2, S. 352.

**) Ibidem, S. 349—50.

***) Ibidem, S. 365—6.

силъ. При этомъ надо замѣтить, что и этотъ вопросъ былъ затронутъ и разработанъ Марксомъ въ связи съ существовавшими до него экономическими теоріями.

Вопросъ о производительности тѣхъ или иныхъ видовъ труда затрагивался многочисленными экономистами, и при всемъ разнообразіи получавшихся отвѣтовъ можно установить тѣсную связь каждаго изъ нихъ со взглядомъ даннаго ученаго на вопросъ о предметѣ или объектѣ политической экономіи. Классики такимъ объектомъ считали «богатство», т. е. совокупность матеріальныхъ внѣшнихъ предметовъ, обладающихъ цѣнностью. Соотвѣтственно съ этимъ рѣшался ими и вопросъ о производительности труда. По ученію Смита, достаточно извѣстному, только тотъ трудъ является производительнымъ, въ результатѣ котораго создается новая цѣнность. «Существуетъ родъ труда,—говоритъ Смитъ,—придающій цѣнность продукту, къ которому онъ прилагается; существуетъ другой родъ труда, не производящій никакого дѣйствія. Первый, какъ производящій цѣнность, можетъ быть названъ производительнымъ, другой —не производительнымъ трудомъ» *). Какъ примѣръ труда перваго рода, Смитъ приводитъ трудъ фабричнаго рабочаго, прибавляющаго своимъ трудомъ новую цѣнность перерабатываемому сырому продукту; примѣры представителей труда второго рода—домашніе слуги, учителя, ученые, чиновники, какъ лица, не создающія своей дѣятельностью никакихъ новыхъ цѣнностей. Связь между опредѣленіемъ предметовъ политической экономіи и взглядомъ на производительность труда здѣсь очевидна и понятна. Если объектомъ экономической науки служитъ «богатство», т. е. совокупность матеріальныхъ предметовъ, цѣнностей, то всякій трудъ, увеличивающій сумму этихъ цѣнностей, для экономиста, съ точки зрѣнія экономиста, является производительнымъ,—и наоборотъ.

Таково скромное мнѣніе классической школы, за которое ей пришлось выдержать не мало жестокихъ нападокъ. Разошлись со Смитомъ, Рикардо и ихъ послѣдователями всѣ тѣ, кто, подобно Рошеру, Вагнеру, Леру, Шеффле и многимъ другимъ, включаютъ въ область «богатства», на ряду съ матеріальными благами, такъ называемыя «не матеріальныя блага», какъ, напримѣръ—лицъ, личныя услуги, отношенія къ лицамъ и вещамъ и т. д. **). Съ этой точки зрѣнія производительными оказываются не только члены общества,

*) Ad. Smith. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (по изд. George Rautledge and son, London 1898), Book II, chap III, p. 253.

**) W. Roscher. System der Volkswirtschaft, B. I, 2-te Aufl. Stuttgart 1894.

Ad. Wagner. Grundlegung der politichen Oekonomie, T. I, S. 299 ff.

Dr. Julius Lehr. Grundbegriffe u. Grundlagen der Volkswirtschaft, Leipzig 1893, S. 171 ff.

Dr. A. Schäffle. Bau und Leben des sozialen Körpers, 2-te Aufl., B. II, Tübingen 1896, S. 206—7.

БИБЛИОТЕКА

производящія новыя цѣнности, т. е. матеріальные предметы, но также и всѣ лица, производящія «нематеріальныя блага», т. е. приносящія «услуги» въ качествѣ представителей труда и свободныхъ профессій.

Такова сущность этого спорнаго и въ высшей степени важнаго вопроса въ самой общей его постановкѣ. На одной сторонѣ стоятъ экономисты, считающіе производительнымъ лишь тотъ трудъ, въ результатѣ котораго получаются новыя цѣнности, т. е. матеріальные предметы; на другой сторонѣ—тѣ, которые считаютъ одинаково производительнымъ трудомъ производство какъ матеріальныхъ, такъ и нематеріальныхъ благъ, въ указанномъ выше смыслѣ. Кто правъ, кто виноватъ? Къ сожалѣнію, какъ часто бываетъ, и въ данномъ случаѣ рѣшеніе спора затрудняется въ силу включенія въ него нѣкоторыхъ постороннихъ элементовъ.

Однимъ изъ препятствій рѣшенія этого важнаго спора служитъ, по вѣрному замѣчанію Книса, то «злосчастное обстоятельство», что со словами «производительный» и «непроизводительный», которыми классики обозначили лишь извѣстныя *экономическія* понятія, въ обыденной жизни связано представленіе объ *этической* оцѣнкѣ *). Когда классики называли земледѣльца производительнымъ работникомъ, а судью непроизводительнымъ, они этимъ обозначали свое отношеніе къ различнымъ занятіямъ, съ точки зрѣнія только экономической: земледѣлецъ производитъ новыя цѣнности и потому—производителенъ; судья—непроизводителенъ, такъ какъ не удовлетворяетъ этому условію. Смитъ прямо оговариваетъ, что среди представителей «непроизводительнаго» труда встрѣчаются почтеннѣйшія лица, исполняющія самыя трудныя и необходимыя обязанности и заслуживающія самаго высокаго вознагражденія. И, тѣмъ не менѣе, послушайте, напримѣръ, какъ Фридрихъ Листъ третируетъ ученіе классической школы, снабжая его совершенно неосновательно этической окраской. «По мнѣнію этой школы, тотъ, кто воспитываетъ свиней, — производительный членъ общества, а кто воспитываетъ людей, — непроизводительный; кто приготовляетъ для продажи балалайки или гармоники, — производителенъ, а величайшіе виртуозы, только потому, что исполняемаго ими нельзя вынести на рынокъ, непроизводительны. Врачъ, спасающій своихъ паціентовъ, не принадлежитъ къ производительнымъ классамъ, но производителенъ аптекарскій мальчикъ, хотя изготовляемыя имъ цѣнности, пилюли, могутъ существовать лишь нѣсколько минутъ, пока онѣ не лишаются цѣнности» **). Легко видѣть всю неубѣдительность этой тирады, въ которой *экономическое* положеніе опро-

---

*) Karl Knies. Geld und Kredit, 2-te Abth. Der Kredit, 2-te Hälfte, Berlin 1879, S. 58. Ср. Чупровъ, Политическая экономія, стр. 81—2.

**) Fr. List. Das nationale System der politichen Oekonomie, 7-te Aufl. Stuttgart 1883, S. 128.

вергается путемъ доказательства несообразности его по соображеніямъ *этическаго* свойства.

Указаннымъ курьезнымъ „опроверженіемъ", впрочемъ, не ограничиваются полемическіе пріемы враговъ классической школы противъ разбираемаго нами положенія. Листу же принадлежитъ честь изобрѣтенія другого извращенія смысла ученія Смита и его послѣдователей о производительности труда. Положеніе, что только тотъ трудъ является производительнымъ, который направленъ на производство *матеріальныхъ благъ*, Листъ превратилъ въ другое, гласящее, что (по мнѣнію классиковъ) только *матеріальный трудъ* производителенъ *). И такое толкованіе ученія классической школы, по традиціонному недоразумѣнію, усвоили себѣ, вслѣдъ за Листомъ, многіе нѣмецкіе академическіе ученые, авторы толстыхъ и тонкихъ Lehrbücher, Handbücher и Handwörterbücher **). Но, очевидно, что между этими двумя положеніями, изъ которыхъ только первое принадлежитъ классикамъ, второе же составляетъ всецѣло незрѣлый плодъ научнаго творчества Листа и С°, нѣтъ никакой внутренней, логической связи. Положеніе, что только трудъ, создающій *матеріальныя блага*, производителенъ, невозможно безъ очевиднаго логическаго произвола превратить въ положеніе, что производительнымъ является только *матеріальный трудъ*. Вѣдь въ производствѣ *матеріальныхъ благъ* участвуетъ какъ матеріальный, физическій, такъ и *психическій трудъ*; слѣдовательно, и тотъ и другой видъ труда является производительнымъ, разъ только онъ направленъ на созданіе матеріальныхъ благъ. Съ другой стороны, вполнѣ возможенъ *матеріальный трудъ*, не создающій вовсе матеріальныхъ благъ и не относящійся, съ точки зрѣнія классической школы, къ категоріи труда производительнаго. Прислуга, занятая въ домашнемъ хозяйствѣ (примѣръ самого Смита), разносчики писемъ, воины, участвующіе въ сраженіи,—все это лица, исполняющія физическую, матеріальную работу, но не подходящія подъ категорію производительныхъ работниковъ съ точки зрѣнія классической школы. Дѣленіе послѣднею всѣхъ видовъ труда на производительный и непроизводительный не совпадаетъ съ дѣленіемъ труда на матеріальный и не-матеріальный, на физическій и психическій. Бываетъ психическій трудъ производительный и, наоборотъ, сплошь и рядомъ физическій трудъ является непроизводительнымъ. Такова истинная точка зрѣнія классической школы.

Отъ эпигоновъ классической школы извращенное положеніе о производительности только матеріальнаго, физическаго труда, незамѣтно и какъ бы контрабандой, оказалось перенесеннымъ въ

*) Ibid., S. 128: „Мы видимъ, такимъ образомъ, въ какія изумительныя противорѣчія и заблужденія впала классическая школа, обозначивъ лишь матеріальный трудъ, какъ производительную силу".

**) См. напр. H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, B. I, Leipzig 1895, S. 168.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

систему нѣмецкаго экономиста, изслѣдованія котораго не пользуются достаточной популярностью, но представляютъ значительный научный, теоретическій интересъ. Я разумѣю нѣмецкаго экономиста Родбертуса-Ягецова. Подобно классикамъ, Родбертусъ относитъ къ области благъ только *матеріальные предметы*; только матеріальныя блага онъ считаетъ объектомъ хозяйственной, экономической дѣятельности *). Совершенно послѣдовательно и въ полномъ согласіи съ классиками, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что производительнымъ является только трудъ, производящій *матеріальныя блага.* Онъ пользуется для разъясненія своего взгляда прекраснымъ примѣромъ. Судья, говоритъ онъ, заботящійся о правовомъ состояніи рабочихъ, косвенно крайне необходимъ для производства благъ, такъ какъ, не отправляй онъ правосудія, рабочіе не могли бы спокойно заниматься производствомъ благъ; онъ, поэтому, и заслуживаетъ за услугу, указываемую рабочимъ, вознагражденія въ хозяйственныхъ благахъ. Съ другой стороны, рабочіе необходимы для отправленія правосудія, такъ какъ безъ доставляемыхъ ими благъ судья не могъ бы заниматься своей профессіей. При всемъ томъ ясно, что, какъ нельзя сказать о рабочихъ, что они отправляютъ правосудіе, хотя бы безъ нихъ отправленіе правосудія было бы невозможно,—точно такъ же нельзя сказать, что судья производитъ блага, хотя безъ него производство благъ оказалось бы невозможнымъ. Рабочіе всетаки производятъ блага, и потому они *производительны;* судья *не производитъ* благъ, и потому онъ *непроизводителенъ* **). Мы видимъ здѣсь у Родбертуса рѣшеніе вопроса о производительности труда вполнѣ въ духѣ классической школы. При томъ же изъ смысла этого удачнаго примѣра, изъ заявленія о полезной дѣятельности судьи, о правѣ его на вознагражденіе, вытекаетъ, что Родбертусъ былъ свободенъ отъ того смѣшенія экономической и этической точекъ зрѣнія, примѣры котораго мы видѣли выше. И если бы Родбертусъ ограничился только этимъ разсужденіемъ, онъ стоялъ бы на твердой почвѣ научной мысли. Къ сожалѣнію, онъ оказался не чуждымъ другого заблужденія, неосновательно приписываемаго классикамъ, съ которымъ мы познакомились выше. Положеніе, что только тотъ трудъ производителенъ, въ результатѣ котораго получаются *матеріальныя блага*, у него точно также превратилось въ другое положеніе, выраженное въ особой „теоремѣ“, гласящей, что только *матеріальный трудъ* производителенъ ***).

Родбертусъ лишь повторилъ заблужденіе эпигоновъ классической школы. Но характерно то, что положеніе объ исключитель-

---

*) Karl Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntniss unzerer staatswirtschaftlichen Zustände. Heft I, 1842, S. 1, 5.

**) Онъ же. Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Th. I, 2 te Aufl, Berlin 1890, S. 101–107.

***) Онъ же. Zur Erkenntniss etc.

ной производительности матеріальнаго труда, высказанное и формулированное Родбертусомъ, обычно приписывается всѣмъ представителямъ трудовой теоріи цѣнности, въ томъ числѣ и Марксу. Книсъ *), Шмоллеръ **), русскіе экономисты Цитовичъ и Чичеринъ, — всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что „соціалисты" неправильно и тенденціозно приписываютъ исключительную производительность матеріальному, физическому труду. Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что Марксъ здѣсь совершенно не причемъ. Истинный продолжатель традиціи классической школы, онъ отличается гораздо болѣе широкой точкой зрѣнія по данному вопросу. Это не трудно доказать.

Я уже говорилъ, чио тотъ или иной взглядъ на вопросъ о производительности труда находится въ зависимости отъ опредѣленія самого предмета политической экономіи. Яснаго и формальнаго, такъ сказать, школьнаго опредѣленія политической экономіи Марксомъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ его трудахъ, не дано. Но такое опредѣленіе есть у Энгельса. По его словамъ, „политическая экономія, въ широкомъ смыслѣ слова, есть наука о законахъ, управляющихъ производствомъ и обмѣномъ матеріальныхъ средствъ существованія въ человѣческомъ обществѣ" ***). Мы видимъ, что здѣсь идетъ рѣчь о политической экономіи, какъ наукѣ, изучающей законы производства и обмѣна матеріальныхъ благъ. О матеріальныхъ *благахъ*, а не о матеріальномъ *трудѣ* здѣсь говорится.

Но обратимся къ самому Марксу.

Марксъ даетъ слѣдующее опредѣленіе рабочей силы, этого первичнаго понятія, лежащаго въ основѣ хозяйственнаго процесса: «Подъ рабочей силой, или подъ способностью къ труду мы разумѣемъ сумму физическихъ и умственныхъ способностей, существующихъ въ плоти и живой личности человѣка и приводимыхъ имъ въ движеніе всякій разъ, когда онъ производитъ какія-нибудь потребительныя цѣнности» ****). Здѣсь, такимъ образомъ, дается опредѣленіе рабочей силы, какъ суммы «физическихъ и духовныхъ способностей». Въ другомъ мѣстѣ Марксъ, анализируя понятіе человѣческаго труда въ смыслѣ процесса, происходящаго «между человѣкомъ и природой», и опредѣляя «такую форму труда, въ которой онъ характеренъ исключительно для человѣка», слѣдующимъ образомъ описываетъ специфическія черты именно человѣческаго труда: «Паукъ продѣлываетъ операціи, сходныя съ операціями ткача, и пчела можетъ пристыдить постройкой своихъ восковыхъ ячеекъ любого архитектора. Но что съ самаго начала

*) Karl Knies. Geld u. Kredit, B. I., Berlin 1885, S. 168.

**) Ст. Шмоллера въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

***) Fr. Engels. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, S. 137.

****) Das Kapital, B. I, S. 130.

отличаетъ самаго плохого архитектора отъ самой лучшей пчелы, это то, что человѣкъ прежде, чѣмъ слѣпить постройку изъ воска, уже построилъ ее въ головѣ. Въ концѣ процесса труда получается результатъ, который въ началѣ этого процесса существовалъ уже въ представленіи рабочаго, существовалъ, такъ сказать, идеально. Человѣкъ не только измѣняетъ формы вещества, даннаго природой, онъ осуществляетъ въ этомъ веществѣ также свою сознательную цѣль, которая, какъ законъ, опредѣляетъ его способъ дѣйствія и которой онъ долженъ подчинить свою волю. И подчиненіе это не является единичнымъ актомъ. Помимо напряженія тѣхъ органовъ, которые исполняютъ физическую работу, необходима во все продолженіе труда цѣлесообразная воля, проявляющаяся во вниманіи, и она необходима тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ по своему содержанію и по способу исполненія увлекаетъ рабочаго, чѣмъ менѣе рабочій наслаждается имъ, какъ игрой своихъ физическихъ и духовныхъ силъ» *).

Врядъ ли можно достигнуть большей яркости въ изображеніи огромной силы и вліянія психическаго элемента на всѣхъ ступеняхъ трудового процесса и при проявленіяхъ наиболѣе физическаго труда въ особенности. Наконецъ, еще въ одномъ мѣстѣ Марксъ констатируетъ, что «какъ въ системѣ природы голова и руки нераздѣльны, точно такъ же въ процессѣ труда соединяются умственный трудъ и ручной трудъ» **). Съ этой точки зрѣнія оказывается, что по существу невозможно говорить о физическомъ и умственномъ трудѣ, какъ о двухъ принципіально различныхъ другъ отъ друга видахъ работы, между которыми мыслимо было бы логическое противопоставленіе.

Именно подъ этимъ угломъ зрѣнія Марксъ разсматриваетъ ученіе о производительности человѣческаго труда. Въ шестой главѣ перваго отдѣла второго тома «Капитала» Марксъ даетъ подробный анализъ вопроса о производительности труда, причемъ оказывается, что, наряду съ работой по управленію капиталомъ (Kapitaldirection) и другими родами «высшаго» труда, Марксъ относитъ къ «непроизводительному» труду не только работу по покупкѣ и продажѣ (Kaufs-und Verkaufsarbeit), но также работу по веденію книгъ (Buchführung), такія работы, какъ сортировка, упаковка и т. д., т. е. работы, выражающіяся главнымъ образомъ въ физическихъ дѣйствіяхъ, напряженіи мышцъ и мускуловъ ***). Я здѣсь не могу останавливаться въ подробностяхъ на сложномъ и глубокомъ ученіи Маркса о производительности труда. Но и сказаннаго достаточно, чтобы понять, что въ этомъ вопросѣ творецъ научнаго соціализма далеко не стоялъ на грубой точкѣ зрѣнія дѣленія труда

---

*) Ibid., S. 140—1.

**) Ibid., S. 472.

***) Объ этомъ см. Georg Adler. Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft, Tübingen 1887, S. 173—4.

на физическій и психическій, что для него вопросъ о производительности того или иного рода труда рѣшается не анализомъ физическихъ или психическихъ свойствъ его, а опредѣленіемъ роли даннаго труда въ процессѣ производства, безотносительно къ физической или психической природѣ его. Любопытно отмѣтить при этомъ, что Марксъ въ одномъ мѣстѣ касается шаблонной терминологіи въ вопросѣ о производительности труда и прибѣгаетъ для этого къ пресловутому примѣру о школьномъ учителѣ. Но каковъ смыслъ этого разсужденія Маркса? Марксъ напоминаетъ, что, съ точки зрѣнія современныхъ капиталистическихъ отношеній и господствующаго буржуазнаго міросозерцанія, только тотъ рабочій производителенъ, который производитъ прибавочную цѣнность для капиталиста. Съ этой точки зрѣнія, иронически замѣчаетъ Марксъ, школьный учитель является производительнымъ работникомъ тогда, когда онъ не только обрабатываетъ головы учениковъ, но самъ себя обрабатываетъ для обогащенія предпринимателя; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не имѣетъ значенія то обстоятельство, что предприниматель вложилъ свой капиталъ не въ колбасную, а въ учебную фабрику *). Въ этомъ остроумномъ разсужденіи мы видимъ, что примѣнительно къ современному капиталистическому міровоззрѣнію понятіе производительности труда выводится не изъ физическихъ и психическихъ свойствъ его, а изъ специфической роли, выполняемой рабочимъ въ процессѣ производства. Физическій же и психическій трудъ могутъ быть отнесены въ одинаковой степени къ категоріи труда производительнаго и непроизводительнаго.

Не требуетъ подробнаго развитія та мысль, что въ этомъ вопросѣ Марксъ стоялъ на единственно возможной, вполнѣ научной точкѣ зрѣнія. Понятіе психическаго труда требуетъ точнѣйшаго опредѣленія. Можно ли выдѣлять его, какъ видъ труда, ничего общаго не имѣющаго съ трудомъ низшимъ, физическимъ? Уже Дж. Ст. Милль справедливо замѣтилъ, что «всякая человѣческая дѣятельность (exertion) состоитъ изъ нѣкоторыхъ умственныхъ и нѣкоторыхъ физическихъ элементовъ. Самый тупой носильщикъ извести, изо дня въ день повторяющій механическій актъ лазанія на лѣстницу, исполняетъ отчасти функцію умственную». Съ другой стороны, «Ньютонъ не могъ бы произвести своихъ Principia безъ физической дѣятельности писанія или диктованія; онъ, навѣрно, долженъ былъ сдѣлать много чертежей, написать много вычисленій и доказательствъ, пока онъ готовилъ ихъ въ своемъ умѣ» **). И таково мнѣніе всѣхъ новѣйшихъ экономистовъ. По мнѣнію, напр., Дитцеля, чисто физическаго труда вообще не суще-

*) Karl Marx. Das Kapital, B. I., S. 473.

**) J. St. Mill. Principles of political economy (New-York, 1900, ed. Longmans, Green, and Co.), Book. I, Chap. II, p. 26.

ствуетъ; ни одно человѣческое дѣйствіе не совершается безъ содѣйствія интеллекта *). Любопытно, что имѣется косвенное доказательство приверженности къ этому мнѣнію и Родбертуса, высказавшаго, какъ мы видѣли, взглядъ объ исключительной производительности человѣческаго труда. Такъ, у него мы находимъ слѣдующее опредѣленіе матеріальнаго, физическаго труда. Это—такой «трудъ, который принадлежитъ *болѣе тѣлу, чѣмъ духу, болѣе навыку, чѣмъ идеѣ*» (курсивъ мой, какъ и ниже). Далѣе рабочими классами онъ признаетъ «тѣ классы, которые занимаются *почти* исключительно механическимъ трудомъ» **). Очевидно, здѣсь признается и участіе психическаго элемента, хотя бы въ малой степени, въ трудѣ физическомъ и, конечно, наоборотъ: необходимо съ этой точки зрѣнія признать и участіе физическаго элемента въ трудѣ психическомъ. Какимъ же образомъ возможно во всякой дѣятельности отдѣлить элементы физическіе и психическіе и опредѣлить, въ результатѣ какого изъ нихъ получается данный продуктъ? Очевидно, это задача невозможная. А если такъ, то нелогичность отрицанія производительности за трудомъ психическимъ очевидна сама собой.

Мнѣ могутъ возразить, что участіе психическаго элемента въ трудѣ мускульномъ, физическомъ настолько ничтожно, что его можно игнорировать; что существуетъ, такъ сказать, сплошной физическій трудъ, который одинъ имѣетъ право на названіе производительнаго. Но и это возраженіе теряетъ свою убѣдительность, какъ только мы сведемъ его съ высотъ логическихъ манипуляцій на почву реальныхъ явленій дѣйствительности. Новѣйшій изслѣдователь англійской хлопчатобумажной промышленности, Шульце-Геверницъ, приводитъ свидѣтельства спеціалистовъ о томъ, что «благодаря машинамъ, разграниченіе между отдѣльными отраслями труда теряетъ свою прежнюю рѣзкость... чѣмъ тоньше становится работа машины, тѣмъ большее пониманіе и бóльшая заботливость требуется отъ тѣхъ, кто за нею надзираетъ». «Появился въ Ланкаширѣ новый типъ человѣка: рожденный и воспитанный для машины фабричный рабочій... Отъ обладанія такимъ рабочимъ все въ большей и большей мѣрѣ зависитъ экономическое могущество націи... *Но не мускульная сила характеризуетъ его* (курс. мой, какъ и ниже)... Освобождая человѣка отъ подчиненія постоянно прогрессирующему раздѣленію труда, современная машина требуетъ *только надзора*», т. е. дѣятельности преимущественно психической ***). Такимъ образомъ, преобладаніе психическаго труда надъ

*) H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, S. 166.

**) Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der sozialen Frage, B. II, Berlin 1885. S. 104.

***) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb, Leipzig 1892, S. 68; vergl. S. 166—3.—См. русскій перев. П. Б. Струве: Шульце-Геверницъ. Крупное производство, СПБ. 1897, стр. 69; ср. стр. 129—30, 169—71.

физическимъ составляетъ естественную тенденцію новѣйшей эволюціи промышленности, и признаніе, при такихъ обстоятельствахъ, исключительной производительности труда физическаго идетъ совершенно въ разрѣзъ съ реальнымъ ходомъ дѣйствительной жизни.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Маркса о производительности человѣческаго труда,—ученіе лишь въ малой мѣрѣ разработанное, окончательно не формулированное, но ясное въ своихъ существенныхъ частяхъ, въ своемъ основномъ содержаніи. Выводы изъ этого ученія не менѣе ясны. И они способны пролить самый яркій свѣтъ на границы возможнаго матеріалистическаго толкованія философіи Маркса вообще, его философіи исторіи въ особенности.

Марксъ былъ несомнѣннымъ матеріалистомъ въ обще-философскомъ смыслѣ этого слова. Но его общественная философія, его философія исторіи, его знаменитый законъ экономическаго толкованія исторіи, которому въ философскомъ обиходѣ присвоено названіе «матеріалистическаго» пониманія исторіи,—хотя самому Марксу было совершенно чуждо это названіе,—эта философія и этотъ законъ, находящіеся въ опредѣленной исторической связи съ системой матеріализма, на дѣлѣ лишены внутренней, логической связи съ матеріализмомъ. Въ предыдущемъ довольно подробно обоснована эта мысль. Необходимо только сдѣлать выводы.

Итакъ, по мысли Маркса, по смыслу его «матеріалистическаго» пониманія исторіи, все историческое движеніе, вся общественная жизнь, всѣ проявленія духовнаго міра покоются на экономическихъ отношеніяхъ, на отношеніяхъ производства и обмѣна, какъ на своей необходимой и первоначальной основѣ. Экономическія же отношенія, отношенія производства и обмѣна, являются въ свою очередь лишь внѣшнимъ выраженіемъ опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ. Идя дальше по пути историческаго и соціологическаго анализа, мы наталкиваемся на ту мысль, что въ числѣ производительныхъ силъ, понимаемыхъ и толкуемыхъ съ общественной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія анализа общественныхъ отношеній производства, фигурируетъ человѣческій трудъ и только трудъ. Трудъ же, по ясному категорическому опредѣленію Маркса, состоитъ изъ совокупности физической и психической энергіи, изъ суммы физическихъ и психическихъ усилій, образующихъ въ равной мѣрѣ производительныя силы общества. Въ конечномъ итогѣ, слѣдовательно, вся сущность, все содержаніе «матеріалистическаго» пониманія исторіи, въ томъ видѣ, какъ оно дано Марксомъ, сводится къ воззрѣнію, что въ основѣ историческаго движенія, общественной жизни, проявленій духовнаго міра лежатъ экономическія отношенія, отношенія производства и обмѣна, или, вѣрнѣе, производительной силы, или, еще вѣрнѣе, трудъ физическій и психическій. Разъ это такъ, разъ

послѣднимъ неразложимымъ элементомъ, который кладется Марксомъ въ основу всего общественнаго историческаго зданія, является трудъ, въ видѣ опредѣленной суммы физической *и психической* энергіи, то на какомъ основаніи можно, при такихъ условіяхъ, строить гипотезу о матеріалистическомъ характерѣ этой общественно-исторической философіи?

Въ просторѣчіи, въ обыденномъ философскомъ обиходѣ, въ шаблонномъ толкованіи матеріалистическое пониманіе исторіи сводится къ ходячему утвержденію объ экономическихъ отношеніяхъ, какъ первооновѣ общественной и исторической жизни. «Экономика», съ точки зрѣнія опять-таки шаблоннаго пониманія, мыслится какъ нѣчто специфически-объективное, а потому будто бы «матеріальное». Но попробуйте, вслѣдъ за Марксомъ, разложить это далеко не первичное понятіе экономическихъ отношеній на его составныя и производящія части, и вы, черезъ дальнѣйшее промежуточное звено, въ видѣ производительныхъ силъ, доберетесь до дѣйствительно первичнаго понятія человѣческаго труда, которое лежитъ въ основѣ всего экономическаго ученія Маркса, и согласно которому, по основному смыслу этого ученія, отводящему Марксу опредѣленное мѣсто въ ряду экономическихъ мыслителей, трудъ оказывается состоящимъ изъ опредѣленной суммы энергіи физической и психической. Итакъ, трудъ, или энергія физическая и психическая, лежитъ въ основѣ всего существующаго. Таковъ конечный, подлинный смыслъ «матеріалистическаго» пониманія исторіи, даннаго Марксомъ. Что же въ такомъ случаѣ въ этомъ пониманіи, въ этомъ ученіи, въ этомъ законѣ дѣйствительно «*матеріалистическаго*»?

Мнѣ могутъ, конечно, возразить, что Марксъ былъ, какъ это и признано мною, въ обще-философскомъ смыслѣ матеріалистомъ, и что для него, поэтому, психическія свойства человѣческаго труда, психическая энергія, лежащая въ основѣ всего историческаго и общественнаго бытія, являлись въ свою очередь продуктомъ движенія матеріальныхъ атомовъ. Это несомнѣнно. И здѣсь кроется секретъ *исторической* связи теоріи историческаго матеріализма съ матеріализмомъ философскимъ. Для Карла Маркса, который былъ философскимъ матеріалистомъ, и, по мнѣнію котораго, вся психическая жизнь являлась продуктомъ матеріальной энергіи, результатомъ движенія матеріальныхъ атомовъ, для него, конечно, положительное разрѣшеніе вопроса о связи историческаго матеріализма съ матеріализмомъ философскимъ представляло нѣчто само собою разумѣющееся. Но не всякая *историческая* связь является въ то же время связью *логической*, внутренней, принципіальной. Съ точки зрѣнія иной, не выводящей психическаго изъ матеріальнаго, здѣсь лишь возникаетъ основная проблема, и кладется граница къ переходу въ область матеріалистическаго міровоззрѣнія. Можно даже быть экономическимъ матеріалистомъ

въ полной мѣрѣ (хотя, конечно, научная неразработанность, гипотетичность и голословность этой системы въ настоящее время не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію), можно цѣликомъ исходить изъ взгляда на экономическія отношенія, т. е. производительныя силы, т. е. человѣческій трудъ, какъ на основу всего существующаго, какъ на базисъ для всей надстройки, и въ то же время, не раздѣляя матеріалистическаго тезиса о выводимости всего психическаго изъ матеріальнаго, остановиться на конечной мысли о трудѣ, въ смыслѣ суммы физическаго и психическаго, какъ первоисточникѣ сущаго. И тогда обнаружится, что съ теоріей экономическаго или историческаго «матеріализма» оказываются соединенными, кромѣ матеріализма, всѣ другія философскія ученія не исключая и идеалистическихъ.

А что мои слова не выражаютъ собою голословнаго предположенія, тому не мало доказательствъ имѣется въ современной философской и соціологической литературѣ.

III.

Одиноко среди современныхъ критиковъ и даже послѣдователей Маркса возвышается Плехановъ, продолжающій и по настоящій день тянуть старую пѣсню объ исключительно матеріалистическомъ характерѣ марксизма. «Марксизмъ», — говоритъ этотъ авторъ, — это—цѣлое міросозерцаніе. Выражаясь кратко, это—*современный матеріализмъ*, представляющій собою высшую въ настоящее время ступень развитія того *взгляда на міръ*, основы котораго были заложены еще въ древней Греціи Демокритомъ, а отчасти и предшествовавшими Демокриту іонійскими мыслителями *). И въ историческомъ матеріализмѣ Плехановъ видитъ только «историческую и экономическую стороны этого міросозерцанія», т. е. міросозерцанія, тянущагося непосредственной линіей отъ Демокрита и іонійской школы вплоть до самаго Маркса.

Я сказалъ, что это мнѣніе Плеханова является одинокимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смотрятъ въ настоящее время на дѣло другіе критики, другіе послѣдователи Маркса? Гаммахеръ, напримѣръ, подчеркиваетъ, что философское міровоззрѣніе Маркса и Энгельса явилось главнымъ образомъ реакціей противъ идеализма Гегеля, и въ этомъ, по мнѣнію даннаго изслѣдователя, заключается едва ли не главная черта «матеріализма» Маркса, далекаго отъ старыхъ шаблоновъ Демокрита и тому подобныхъ представителей упрощенной матеріалистской мысли **). Другой кри-

*) Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма, стр. 1.

**) Dr. E. Hammacher. Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus, S. 99—100 и мн. др.

тикъ, Эрдманъ, находитъ въ матеріализмѣ Маркса главнымъ образомъ признаки «эмпирическаго» міровоззрѣнія, родственнаго, но не тождественнаго матеріализму въ собственномъ смыслѣ этого слова *). «Эмпиризмъ», или иначе «реализмъ», или еще иначе «позитивизмъ»,—всѣ эти черты болѣе широкаго, но отнюдь не матеріалистическаго міровоззрѣнія находитъ въ системѣ Карла Маркса еще одинъ критикъ, Пленге **). Наконецъ, Масарикъ съ большой категоричностью подчеркиваетъ, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, понимаетъ подъ матеріализмомъ собственно позитивизмъ; что о метафизикѣ и идеализмѣ Марксъ и Энгельсъ говорятъ, какъ истинные позитивисты, и что именно позитивизмъ привелъ Маркса къ изученію экономіи ***).

Мнѣ могутъ, конечно, возразить, что все это—характеристики, мнѣнія и отзывы буржуазныхъ мыслителей, голосъ которыхъ не можетъ считаться рѣшающимъ въ оцѣнкѣ характера и содержанія философскаго міровоззрѣнія Маркса. Не считая такого дѣленія на буржуазныхъ и соціалистическихъ мыслителей рѣшающимъ философскій споръ, обращусь, тѣмъ не менѣе, за доказательствомъ своей мысли къ другой литературѣ, къ литературѣ соціалистической.

Представитель марксистскаго міровоззрѣнія, членъ австрійской соціалдемократической партіи, Максъ Адлеръ, опубликовалъ въ послѣднее время критическую работу, направленную противъ упомянутаго этюда Плеханова «Основные вопросы марксизма» (вышедшую на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Die Grundprobleme des Marxismus», Stuttgart 1910),—работу, которую я усиленно рекомендовалъ бы вниманію русскихъ читателей, интересующихся философіей Маркса. Адлеръ касается цитированнаго мною выше мнѣнія Плеханова о томъ, что марксизмъ есть не что иное, какъ современный матеріализмъ. Это мнѣніе онъ надитъ клонящимся «не къ пользѣ» ясности спора объ основныхъ проблемахъ марксизма. Нельзя,—говоритъ Адлеръ,—превращать «историческую связь какой-либо теоріи съ опредѣленнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ,—въ данномъ случаѣ связь теоріи Маркса съ матеріализмомъ,—въ логическую и потому необходимую связь». Нельзя,—говоритъ далѣе Адлеръ,—согласиться съ мнѣніемъ Плеханова о невозможности отдѣленія историческихъ и экономическихъ взглядовъ Маркса отъ его философскаго воззрѣнія. Необходимо, наоборотъ, по мнѣнію этого марксиста, «отвергнуть всякую связь марксизма съ философіей въ томъ смыслѣ, что эта философія служитъ необходимымъ обоснованіемъ марксизма». И если необходимо, по мнѣнію Адлера, отвергнуть «связь марксизма,

---

*) Benno Erdmann. Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung, S. 24.

**) Dr. J. Plenge. Marx und Hegel, S. 81—8, 99—102.

***) Th. Masaryk. Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus, S. 35—8, 63—4.

какъ соціальной теоріи, съ какимъ-либо міровоззрѣніемъ», то особенно это необходимо сдѣлать по вопросу объ отношеніи марксизма къ матеріализму. И въ дальнѣйшемъ Максъ Адлеръ приводитъ рядъ въ высшей степени серьезныхъ и основательныхъ соображеній, доказывающихъ отсутствіе внутренней, логической связи между марксизмомъ и философскимъ матеріализмомъ и возможность соединенія марксизма, въ качествѣ соціальной теоріи, со всякими другими философскими ученіями *).

Таково новѣйшее, только что высказанное, мнѣніе партійнаго марксиста въ спорѣ объ основахъ философскаго воззрѣнія Маркса. Давно, въ теченіе многихъ лѣтъ защищаетъ Максъ Адлеръ эту точку зрѣнія. Еще въ старомъ своемъ философскомъ изслѣдованіи, обрисовавъ истинный характеръ философскаго воззрѣнія Фейербаха, обычно оцѣниваемаго въ качествѣ матеріалиста, но въ дѣйствительности исходящаго изъ болѣе широкой точки зрѣнія, въ центрѣ которой стоитъ *человѣкъ* въ совокупности его физическихъ и духовныхъ силъ и способностей, Адлеръ говоритъ: «въ *этомъ* смыслѣ Марксъ былъ также матеріалистомъ **). А въ другой работѣ тотъ же Адлеръ устанавливаетъ, въ противоположность цитированнымъ выше буржуазнымъ критикамъ, равно какъ и мнѣніямъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ критиковъ въ родѣ Каутскаго, опредѣленныя принципіальныя отличія марксизма отъ позитивизма Огюста Конта, но все же находитъ точку соприкосновенія между этими двумя типами мышленія въ гораздо большей степени, чѣмъ между марксизмомъ и матеріализмомъ ***).

Въ ряду любопытныхъ и характерныхъ отзывовъ о философскомъ міровоззрѣніи Карла Маркса особое значеніе пріобрѣтаетъ мнѣніе Каутскаго. Представитель ортодоксальнаго марксизма, мыслитель весьма мало склонный къ философскому мышленію и привыкшій въ значительной степени къ возможному упрощенію размаха философскихъ системъ, Карлъ Каутскій все же относится къ дѣлу нѣсколько свободнѣе, смотритъ шире и глубже, чѣмъ Плехановъ, для котораго внѣ философскаго матеріализма нѣтъ и по настоящій день философскаго спасенія. Каутскій споритъ противъ отождествленія марксизма съ философіей Дарвина и Спенсера****), но въ оцѣнкѣ подлинныхъ философскихъ основъ марксизма онъ подходитъ довольно близко къ позитивизму, разрывая въ то же время внутреннюю, необходимую связь между марксизмомъ и матеріализмомъ. Опубликовано весьма любопытное «письмо» Каутскаго объ отношеніи философскаго ученія Маркса и Маха. Письмо

*) Max Adler. Marxismus und Materialismus, «Der Kampf» 1910, № 12, S. 564—71.

**) Онъ же. Kausalität und Teleologie, S. 116.

***) Онъ же. Marx als Denker, S. 52, 54.

****) K. Kautsky. Darwinismus und Marxismus, „Neue Zeit“ 1894—5, № 23, S. 7—9.

опубликовано по очень характерному поводу. Нѣкій русскій рабочій, живущій въ Цюрихѣ, Бендіанидзе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній рѣшилъ обратиться къ Каутскому для окончательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находится ученіе Маркса къ философіи Маха. Каутскій любезно отозвался на любопытство русскаго рабочаго, и его отвѣтъ содержитъ весьма цѣнныя для насъ указанія.

Въ письмѣ Каутскаго содержится шаблонное, до нелѣпости наивное утвержденіе о томъ, что «Марксъ не провозгласилъ никакой философіи, а конецъ всякой философіи». Мы можемъ, конечно, съ равнодушной улыбкой пройти мимо этого самодовольнаго мнѣнія, наивно связывающаго съ Марксомъ «конецъ» всякой философіи. Но дальше мы находимъ у Каутскаго весьма трезвое сужденіе. Прежде всего представитель нѣмецкаго ортодоксальнаго марксизма высказываетъ свое «сожалѣніе» по поводу поднятаго русской соціалъ-демократической литературой спора о философіи Маха. «Ясность вопроса о критикѣ познанія Маха естественно прекрасная вещь, но вещь, имѣющая съ задачами нашей партіи не болѣе общаго, чѣмъ споръ между ламаркизмомъ и дарвинизмомъ или вопросъ о томъ, «состоятельна ли въ настоящее время атомистическая теорія». Марксу никогда бы не пришло въ голову, по мнѣнію Каутскаго, сдѣлать этотъ вопросъ партійнымъ вопросомъ, и, поэтому, «плехановцы, какъ и махисты, являются плохими марксистами». При томъ же «руководители русскаго пролетаріата какъ разъ теперь должны обратить свое вниманіе на другіе вопросы, чѣмъ тотъ, является ли Махъ марксистомъ или нѣтъ». Сущность вопроса, по мнѣнію Каутскаго, заключается въ томъ, что «пролетаріи стремятся понять экономію и историческое міровоззрѣніе Маркса, чтобы съ ихъ помощью познать положеніе современнаго общества и задачи пролетаріата, особенно задачи, существующія въ собственной странѣ. Марксизмъ желаетъ дать пролетаріату правильный взглядъ на условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія».

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ для означенныхъ цѣлей философія, какая бы то ни было философія, вообще не нужна; споръ объ отношеніи марксизма къ той или иной философской системѣ рѣшился бы при этомъ просто, самъ собою. Далѣе, однако, Каутскій кладетъ извѣстныя философскія границы марксистскому міровоззрѣнію, и здѣсь выступаетъ его истинный взглядъ на отношеніе марксизма къ матеріализму. «Исходной точкой,—говоритъ Каутскій,—является мысль, что не сознаніе людей опредѣляетъ бытіе, а, наоборотъ, общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе». Отъ этого «исходнаго пункта» марксизма одинъ шагъ къ отождествленію его съ матеріализмомъ. Но Каутскій этого шага отнюдь не дѣлаетъ. Наоборотъ, не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а общественное бытіе опредѣляетъ сознаніе,—такъ

понимаетъ сущность всякой философіи Каутскій. Но въ то же время онъ сейчасъ же замѣчаетъ: «опирается ли это воззрѣніе на матеріализмъ XVIII столѣтія или на махизмъ, или на дицгеновскій діалектическій матеріализмъ, или на что-нибудь другое, это, конечно, не совсѣмъ безразлично для ясности и послѣдовательности нашей мысли, но это вопросъ совершенно безразличный для ясности и послѣдовательности партіи. Отдѣльные товарищи могутъ заниматься этими вопросами въ качествѣ частныхъ людей, подобно тому, какъ они могутъ заниматься вопросами объ электронахъ или о законахъ наслѣдственности Вейсмана,—партію нужно отъ этихъ вопросовъ пощадить» *).

Таковъ отвѣтъ Каутскаго на вопросъ, предложенный русскимъ рабочимъ о связи Маркса и Маха. Къ сожалѣнію, Каутскій, не страдающій особенной дисциплинированностью философской мысли, нѣсколько спуталъ сущность спора. Въ концѣ концовъ онъ заговорилъ объ отношеніи философіи Маха къ партіи въ то время, какъ спору подлежалъ вопросъ объ отношеніи этой философіи къ Марксу. Но примемъ, что философія Маркса и философія партіи одно и то же, и тогда мы обратимъ вниманіе на то, что, по мысли Каутскаго, сущность всей философіи Маркса заключается въ ученіи о томъ, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе. Каутскій полагаетъ, что въ рамки этой философіи укладывается, какъ матеріализмъ XVIII вѣка, такъ и матеріализмъ Дицгена и махизмъ. Надо полагать, что здѣсь даются довольно обширныя позитивистическія рамки, вмѣщающія разнообразныя философскія системы, помимо матеріализма въ стилѣ Демокрита, которымъ съуживаетъ содержаніе марксистскаго міровоззрѣнія Плехановъ. При этомъ надо признать, что при всей свободѣ точки зрѣнія, отрицающей связь ученія Маркса съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ философскимъ ученіемъ, Каутскій все же не склоненъ признать законность связи марксизма съ однимъ философскимъ направленіемъ—съ идеализмомъ. Вѣдь недаромъ Каутскій подчеркиваетъ, что, по ученію Маркса, не сознаніе опредѣляетъ бытіе.

Но какъ быть? Махъ, по мнѣнію Каутскаго, соединимъ съ Марксомъ. Точно также, по мнѣнію Меринга, ученіе Маха оказывается весьма родственнымъ съ ученіемъ Маркса **). Но дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству весьма многихъ серьезныхъ представителей философской мысли, сама философія Маха, надлежаще не оцѣненная марксистами и лишь въ кредитъ сочувственно принимаемая матеріалистами, содержитъ въ себѣ явные при-

---

*) K. Kautsky. Ein Brief über Marx und Mach, „Der Kampf" 1909, № 10, S. 451—2.

**) F. Mehring. Kant, Dietzgen, Mach und der historische Materialismus, „Neue Zeit"; перепечатано у Untermann. Die logischen Mängel des engeren Marxismus, S. 730.

знаки идеалистическаго міровоззрѣнія. Я лишенъ здѣсь возможности останавливаться сколько-нибудь подробно на разработкѣ настоящей темы, но считаю не безынтереснымъ подчеркнуть, что въ трудѣ несомнѣннаго марксиста, Вл. Ильина, о «матеріализмѣ и эмпиріокритицизмѣ», вышедшемъ въ 1909 году, вполнѣ отчетливо выражена мысль объ *идеалистическомъ* характерѣ эмпиріокритицизма. Вл. Ильинъ, при всей бѣдности философской аргументаціи, былъ щедръ на цитаты. И вотъ оказалось, что, по словамъ Вундта, эмпиріокритицизмъ есть «пестрая смѣсь изъ матеріалистическихъ и идеалистическихъ элементовъ». По словамъ Эдуарда Гартмана, философія Маха есть «смѣшеніе наивнаго реализма и абсолютнаго иллюзіонизма». Петцольдъ и Карстаньенъ, оба ученики Авенаріуса, энергично и съ негодованіемъ отвергаютъ обвиненіе эмпиріокритицизма въ марксизмѣ. О. Эвальдъ хвалитъ Маха за то, что онъ не поддался матеріализму. Клейнпетеръ, Люкка, Іерузалемъ, Генигевальдъ, Лоджъ и другіе философы подчеркиваютъ идеалистическій характеръ философіи Маха. Наконецъ, въ трудѣ самого Авенаріуса «Человѣческое понятіе о мірѣ», содержатся слѣдующія характерныя слова: «Конечный результатъ нашего анализа находится въ соотвѣтствіи, хотя и не абсолютномъ, сообразно съ различіемъ точекъ зрѣнія, съ тѣмъ, къ чему пришли другіе изслѣдователи, какъ, напр., Лаасъ, Махъ, Риль, Вундтъ, Ф. Шопенгауэръ». Здѣсь, въ словахъ Авенаріуса, содержится ссылка на цѣлый рядъ идеалистовъ, съ которыми онъ сошелся въ «конечномъ результатѣ анализа» *).

Отрицательное отношеніе ортодоксальныхъ марксистовъ ко *всякимъ* идеалистическимъ системамъ, не исключая и критическихъ, объясняется чрезвычайно упрощеннымъ взглядомъ этого типа мыслителей на сущность идеализма. Вполнѣ правильно замѣтилъ Масарикъ, что Энгельсъ далъ совершенно «дѣтское» опредѣленіе понятія идеализма **). Но то былъ Энгельсъ, такъ думалось и писалось въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Однако, даже вполнѣ современный писатель, г. Плехановъ, приводя для характеристики и критики идеалистической философіи положеніе Гегеля о томъ, что «духъ есть единственный двигатель и принципъ исторіи», замѣчаетъ: «иначе и нельзя думать, держась точки зрѣнія того идеализма, согласно которому бытіе обусловливается мышленіемъ» ***).

«Иначе и нельзя думать»... Поразительны эти слова въ настоящее время, послѣ того, какъ всѣмъ, хотя нѣсколько прикосно-

*) См. Вл. Ильинъ. Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ. Критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи, Москва 1909, стр. 58, 61, 62—3, 71, 90—100, 241 и мн. др.

**) Th. Masaryk. Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus, S. 61.

***) Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма, стр. 82.

веннымъ къ изученію современной философіи, извѣстно, что основатель критическаго идеализма, Кантъ, введеніе къ своему главному труду начинаетъ слѣдующими словами: «Что все наше познаніе начинается съ опыта, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; ибо чѣмъ же еще могла бы наша познавательная способность побуждаться къ дѣятельности (Ausübung), какъ не предметами, которые воздѣйствуютъ на наше внѣшнее чувство (Sinne) и частью сами вызываютъ представленія, частью приводятъ въ движеніе нашу разсудочную способность сравненія, связыванія или раздѣленія представленій и переработки такимъ образомъ сырого матеріала чувственныхъ впечатлѣній въ познаніе предметовъ, которые называются опытомъ. Такимъ образомъ, *по времени* не одно наше познаніе не предшествуетъ опыту и всякое начинается имъ» *). Всякое познаніе начинается опытомъ, съ опыта. Такъ говоритъ основатель критическаго идеализма. И понятно само собою, какъ наивны утвержденія ортодоксальныхъ марксистовъ, отказывающихся связывать соціальную философію съ идеалистическими системами на томъ будто бы основаніи, что идеализмъ, всякій идеализмъ игнорируетъ опытъ, выводитъ бытіе изъ духа. Конечно, ни одна изъ формъ идеализма, не исключая и критическаго, не пытается соблазняться мыслью о выводимости духа изъ матеріи, формъ сознанія изъ содержанія опыта. Но въ такой же мѣрѣ критическому идеализму чуждо и обратное представленіе о выводимости матеріи изъ духа, бытія изъ сознанія. Новѣйшій идеализмъ, ведущій свое начало отъ Канта и по праву носящій названіе идеализма *критическаго*, характеризуется совершенно инымъ, болѣе сложнымъ и глубокимъ пониманіемъ взаимоотношенія между матеріей и духомъ, опытомъ и сознаніемъ. «Дѣтское» представленіе объ идеализмѣ, свойственное не разбиравшемуся въ философскихъ системахъ Энгельсу и по какому-то роковому недоразумѣнію рабски повторяемое въ настоящее время Плехановымъ, не способствуетъ, конечно, разрѣшенію вопроса, на на іоту не подвигаетъ насъ въ раскрытіи сложной проблемы.

Какъ бы то ни было, отношеніе историко-соціальнаго ученія Маркса къ идеалистической философіи въ настоящее время вызываетъ всевозможные толки, среди которыхъ все же болѣе или менѣе опредѣленно и все громче пробивается мнѣніе о существованіи положительной связи между этими двумя элементами міровоззрѣнія. Въ частности объ отношеніи Маркса къ Канту Плехановъ, напримѣръ, замѣчаетъ, что Марксъ и Энгельсъ боролись противъ кантовскаго идеализма **). Въ противоположность

---

*) Imm. Kant. Kritik der reinen Vernunft, Herausg. v. Benno Erdmann, 8-te Aufl., Berlin 1900, S. 41.

**) G. Plechanow. Konrad Schmidt gegen K. Marx und Fr. Engels, „Neue Zeit" 1898—9, № 5, S. 133—4.

этимъ заявленіямъ, болѣе вдумчивый и болѣе тонкій цѣнитель философской системы Максъ Адлеръ утверждаетъ, что историческій матеріализмъ выступилъ опредѣленнымъ образомъ лишь противъ метафизическаго идеализма эпохи Фихте—Шеллинга—Гегеля; о критическомъ же идеализмѣ, о кантовской философіи тамъ нѣтъ рѣчи [1]). Въ другихъ изъ своихъ философскихъ критическихъ работъ Максъ Адлеръ дѣлаетъ даже интересную попытку сближенія метода Маркса съ трансцендентальной, апріорной методой Канта [2]). Онъ подчеркиваетъ, что хотя Марксъ и исключаетъ изъ науки всякія идеалистическія мечтанія и моральныя оцѣнки, но въ то же время проводитъ точку зрѣнія практическаго идеализма въ области соціальныхъ дѣйствій [3]). И тутъ нельзя не вспомнить о томъ, что Энгельсъ весьма сочувственно отзывается объ «идеализмѣ» Фейербаха, проявившемся въ его этикѣ и философіи религіи, въ его взглядахъ на половую любовь, дружбу, состраданіе, самоотверженіе [4]).

Таковъ, для примѣра, одинъ новѣйшій отзывъ философской критики по вопросу о возможномъ соотношеніи соціальной философіи Маркса и Энгельса, ихъ пресловутаго историческаго матеріализма съ новѣйшимъ критическимъ идеализмомъ. Не могу здѣсь не напомнить въ высшей степени характерныхъ словъ, сказанныхъ Марксомъ и Энгельсомъ еще въ 1844 году, въ предисловіи къ «Die heilige Familie». Тамъ мы читаемъ: «Реальный гуманизмъ въ Германіи не имѣетъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ спиритуализмъ, или спекулятивный идеализмъ, который на мѣсто дѣйствительнаго индивидуальнаго человѣка ставитъ «самосознаніе» (Selbstbewusstsein) или «духъ» (Geist) [5]). Здѣсь, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія «реальнаго гуманизма», явившагося новымъ откровеніемъ для Маркса и Энгельса и составившаго истинное содержаніе ихъ матеріалистическаго ученія, объявляется война лишь «спиритуализму» и «спекулятивному идеализму», но отнюдь не идеализму вообще, критическія струи котораго Марксъ и Энгельсъ въ то время даже не различали. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же «*человѣкъ*» изображается въ качествѣ истиннаго основанія всякой философской системы. И въ другомъ мѣстѣ той же ранней работы Маркса тотъ же «*человѣкъ*» объявляется «сущностью, базисомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и состояній»; «это именно человѣкъ, дѣйствительный живой человѣкъ, который все дѣлаетъ, всѣмъ владѣетъ, за все борется» [6]).

---

1) Max Adler. Marx als Denker, S. 48.
2) Онъ же. Kausalität und Teleologie, S. 120.
3) Ibid, S. 124—132.
4) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach, S. 26—7.
5) Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, Fr. Engels und F. Lassalle, B. II, S. 103.
6) Ibid., S. 195.

Итакъ, въ результатѣ анализа мы пришли къ естественному напоминанію о томъ, что, по мысли Маркса и Энгельса, создавшихъ новую «матеріалистическую» систему, основой, базисомъ, сущностью философіи и жизни является *человѣкъ*. А мы уже видѣли, что съ понятіемъ *человѣка*, взятаго въ совокупности его физическихъ и духовныхъ силъ и способностей, не можетъ и не должно быть связываемо исключительно матеріалистическое представленіе. Съ матеріализмомъ, съ философскимъ матеріализмомъ историко-соціологическое ученіе Маркса и Энгельса можетъ быть связываемо, и, по всей вѣроятности, по условіямъ времени, такая связь и существовала у основателей историческаго матеріализма. Но это связь случая, связь историческая, а не внутренняя, принципіальная, логически обязательная. Можно различнымъ образомъ смотрѣть на степень доказательности, обоснованности историческаго ученія, соціальной теоріи Маркса (и Энгельса), ихъ ученія объ историческомъ матеріализмѣ; можно связывать это ученіе съ позитивизмомъ, съ критическимъ идеализмомъ. Степень научной пріемлемости каждой изъ этихъ концепцій въ отдѣльности не можетъ быть подвергнуто изслѣдованію, анализу въ предѣлахъ настоящей работы. Но одно ясно,—и доказательство этой мысли составляло цѣль настоящей статьи,—это, что съ философскимъ матеріализмомъ историческій матеріализмъ не находится во внутреннемъ, логическомъ родствѣ. И, опускаясь вглубь историческаго матеріализма, принимая методологическую или онтологическую стороны его постановки вопроса, можно въ то же время предоставить просторъ исповѣданію какихъ-угодно философскихъ системъ, принятію того или иного философскаго міровоззрѣнія.

М. Б. Ратнеръ.

САШУРКА.

I.

Солнце только что начало вставать, когда семилѣтняя Сашурка съ бабушкой спустились къ рѣкѣ, гдѣ были огороды... Рѣка смотрѣла сѣро и сонно, дымилась клочьями тумана, какъ будто—недовольная на солнце за раннее пробужденіе — старалась закутаться поплотнѣе отъ красноватыхъ лучей...

Дѣвочка, обнявъ обѣими ручонками и прижавъ плотно къ себѣ кувшинъ съ молокомъ, молча шла впереди частыми, мелкими, упругими шажками, отчего подскакивала на спинѣ спутанная, наскоро заплетенная косичка, и трепались изъ стороны въ сторону тоненькіе кончики розовенькаго косничка́...

Молоко булькало въ кувшинѣ, и отъ кувшина сквозь тонкую ситцевую рубашку проходилъ холодъ и вмѣстѣ съ сыростью и свѣжестью утра заставлялъ поеживаться и ускорять шаги.

Старуха еле поспѣвала за внучкой.

— Погоди, Сашурка, не лети такъ,—попросила она:—а то мнѣ не поспѣть...

Дѣвочка оглянулась черезъ плечо на бабку и замедлила шаги. Огородъ былъ уже близко.

— Холодно?—спросила бабка, поровнявшись съ Сашуркой и окинувъ ее заботливымъ взглядомъ:—говорила давеча: одѣнься...

— Не-е... ничего...—повела плечами Сашурка.

— А чево жъ ты ноня такая невеселая? Не выспалась?

— Нѣтъ... такъ,—улыбнулась Сашурка:—Такъ... думается чевой-та...

— Гм,—усмѣхнулась бабка:—А я ужъ думаю себѣ: чего это Сашурка моя нонеча такая неразговорчивая да смирная?.

— Я думаю, бабушка, какъ... коли мы въ станицу поѣдемъ..

— Да поѣдемъ, завтра поѣдемъ!.. Не хлопочи!.. Вѣдь ужъ сказала я тебѣ разъ,—значитъ, вѣрно!.. поѣдемъ!..

— Да я не объ этомъ,—серьезно сказала дѣвочка:—Ты слухай!.. Коли поѣдемъ въ станицу, надо намъ съ собою кадушечки либо сапетку прихватить...

— Зачѣмъ это?

— А будемъ назадъ ѣхать,—терну въ Обливахъ, въ займищѣ, нарвемъ.

— Да вѣдь это жъ обливское займище!..

— Ну-къ чтожъ?

— Какъ что? — засмѣялась старуха:—А ежели насъ захватятъ, да въ правленіе къ атаману и представятъ... Что жъ тогда?!. Сраму-то сколько... Ничего это по твоему?

— Фу-у,—пренебрежительно протянула Сашурка:—Есть чего! А мы скажемъ, что не знали...

— Ишь ты, хитрая!

— Кто съ насъ—съ стараго да съ малаго—спроситъ?

Старуха опять засмѣялась.

— Ахъ, ты, умница моя... хозяичка моя милая!

Она потянулась было къ дѣвочкѣ, хотѣла приласкать ее, но вспомнила, что Сашурка не любитъ, чтобы ее ласкали при людяхъ, и удержалась

— Ты гляди, покель мамушкѣ не сказывай,—тономъ заговорщика сказала дѣвочка, поблескивая глазами на бабку:— Привеземъ, — она рада-то будетъ!.. И-и-и!!. А то своего у насъ и до середины поста опять не хватитъ...

— Ну-ну! не скажу; никому не скажу.

Старуха не утерпѣла и, нагибаясь, чтобы развязать ворота огорода, поцѣловала дѣвочку въ щеку.

— Родненькая жъ ты моя!..

Сашурка быстро окинула взглядомъ сосѣдніе огороды и, успокоившись, что никто не смотрѣлъ на нихъ, повела искоса смѣющимися глазами на бабку и укоризненно покачала головой.

Бабка подхватила шутку и сказала притворно жалующимся тономъ:

— Да вѣдь не утерпишь, родненькая, ни за что не утерпишь!..

— Гляди,—въ тонъ ей, шутливо-предупреждающе протянула Сашурка:—а то разсержусь...

— Ну-у, Богъ милостивъ!.. Я вѣдь и то разикъ только... Больше не буду!..

Сашурка засмѣялась, засмѣялась и бабушка...

— Ну, съ чего жъ начинать будемъ? — дѣловымъ уже тономъ спросила она, чтобы загладить свой проступокъ:— Съ капусты?.. аль огурцы снимать будемъ?

— Капусту, я думаю,—такъ же серьезно-дѣловито отозвалась Сашурка:—Огурцовъ немножко... успѣемъ передъ вечеромъ... А то за день привянутъ...

— Ну, такъ и такъ... Ты оттоль заходи, съ энтого краю... А суды подъ вербы складывать будемъ...

II.

Сашуркѣ давно уже хотѣлось ѣсть, и она все чаще и чаще останавливалась и смотрѣла на солнце. Но бабкѣ не говорила ничего. Она считала, что это будетъ уже безпорядокъ, если она заявитъ о томъ, что голодна, прежде чѣмъ бабка позоветъ ее... Это можно только маленькимъ, а себя она не считала уже маленькою...

Украдкой она поглядывала,—не слѣдитъ ли бабка за солнцемъ, но старуха, казалось, вся ушла въ работу и не разгибалась отъ грядки... Солнце тоже какъ будто застыло на одномъ мѣстѣ и только припекало все сильнѣе и сильнѣе.

Сашуркѣ вспоминалось холодное молоко въ кувшинѣ, давеча такъ непріятно безпокоившее, а теперь казавшееся такимъ привлекательнымъ, заманчивымъ... Рядомъ изъ-подъ широкихъ листьевъ выглядывали зеленые, подернутые пушкомъ и тонкимъ слоемъ земли, огурцы...

Сашурка на минутку засматривалась на нихъ и, спохватившись, опять усердно принималась срѣзать тяжелые, твердые, сочно хрустящіе капустные кочаны...

И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Сашурка не ожидала, донесся голосъ бабки:

— Сашурка-а!—кричала она:—Бросай!.. Давай полдневать.

Сашурка воткнула ножъ въ недорѣзанный кочанъ, мигомъ набрала въ передникъ десятокъ огурцовъ и рысью, прыгая по протоптаннымъ уже и полуразрушеннымъ грядкамъ, помчалась къ вербамъ...

— А я у тебя и забыла давече спросить,—сказала бабка, когда онѣ усѣлись за завтракъ: — ты телятъ далеко прогнала?

— Да, до самыхъ Хомичевыхъ... какъ есть до ихъ двора... пастухъ только еще выходилъ...

— То-то... А то вотъ Григорьева баба прогнала вчерась недалечко и бросила,—сами, молъ, дойдутъ... а ихъ собаки и подхватили... Загнали Бо-зна куда!.. Насилу вечеромъ разыскали...

— Да, а то чавожа, — серьезно сказала дѣвочка:—И забѣгутъ... Телята—они глупенькіе еще...

— Да-а... У насъ такъ же вотъ съ дѣдушкой твоимъ

теленочекъ было пропалъ,—вспомнила старуха:—Тебя еще на свѣтѣ тады не было... Бѣленькій такой, помню; а на лобѣ черная звѣздочка и чулочки черные... Пастуха тады не нанимали; телятишки сами ходили по выгону...

— Какъ же можно?—перебила дѣвочка и покачала головой:—На выгонѣ у насъ и въ зубахъ поширять нечѣмъ!..

— Ну-у, тады разя такъ было?.. Выгонъ-то начинался заразъ за Прокофьичемъ, гдѣ теперь училища да церква...

— Ну?!—недовѣрчиво посмотрѣла на бабку дѣвочка.

— Да... А въ балочкѣ, что за гумнами, вода была... осока во какая росла, камыши... Гумны-то были, вотъ гдѣ теперь Авчинниковъ садъ, а то все степь да степь... А въ другую сторону хуторъ то и до Базной не доходилъ... Мирона Савельича дѣдъ крайнимъ жилъ...

Дѣвочка усмѣхнулась.

— Поди ты!.. крошечка какая!..

Ей какъ-то странно было слышать, что вотъ хуторъ, который она знала, сколько помнитъ себя, все такимъ же, былъ когда то маленькимъ-маленькимъ...

— Ну? ну?—напомнила она бабкѣ...

— Да-а... О чемъ, бишь, я?..

— Теленочекъ... бѣленькій... съ черными чулочками...

— Да-а... теленочекъ... Такъ же вотъ я, — неколи мнѣ было,—выгнала его, онъ и пошелъ съ другими... Середъ дня поглядѣть не хватилась,—чередъ не дошелъ, да и ума, признаться, не хватило... Ходили же сколько годовъ,—все ничего... Ну, а тутъ вечеръ ужъ подошелъ,—доить,—анъ его нѣту. Сосѣдскіе пришли, и наши, другіе которые, пришли, а бѣлаго нѣту... Туда-сюда — нѣту!.. По сосѣдямъ: не видѣлъ ли кто? — Нѣтъ, не видали... Ходилъ середи дня съ другими вмѣстѣ,—сосѣдка видала—а вечеромъ вотъ нѣту!.. Ну, кинулись искать, а онъ въ балкѣ чуть живенькій лежитъ...

— Сердечный!

— Пить, стало быть, пошелъ, да не попалъ на твердое мѣсто, въ багно́ и влѣзъ... Туда-то вошелъ, а оттеля—изъ грязи ногъ не вытащитъ... Бился, бился, видно, и легъ... Чуть головенка изъ воды торчитъ... Какъ не захлебнулся еще!

— Живъ остался?—переспросила дѣвочка замирающимъ отъ радости голосомъ.

— Еле отходили... Зачахъ было... Напужался, или что! Принесли его, трусится весь... не ѣстъ, не пьетъ...

— Ну да, а то!—подтвердила, качая головою, дѣвочка:— На кого не доведись,—испужаешься!..

Она улыбнулась, представивъ себѣ этого напугавшагося теленочка, и спросила:

— Бычокъ былъ?

— Телочка. Корова потомъ изъ нее вышла, да такая ужъ молочная!..

Дѣвочка снова — уже радостно — улыбнулась хорошему концу и засмѣялась:

— Небось, дѣдушка не похвалилъ тебя?

— И не говори!.. Бывало, покойникъ,—царство ему небесное—горячій былъ... Чуть чего не по немъ—и-и-ихъ понесетъ!..

Дѣвочка опять засмѣялась, на этотъ разъ уже откровенно надъ бабкой.

— Ругалъ?—спросила она, и обѣ засмѣялись.

— Коли-жъ бы не ругалъ?

— Шур-ка-а! — донесся съ сосѣдняго огорода тоненькій голосокъ:—Купаться пой-демъ!..

Сашурка поглядѣла на бабку и сказала:

— Мотя Иванычева кличетъ...

— Иди, што-жъ,—разрѣшила старуха:—Жарко!.. Да гляди, глубоко не заброди...

— И-ду-у!..—крикнула Сашурка по направленію къ сосѣднему огороду и сказала бабкѣ:—Я плавать умѣю...

— Да то-то... умѣешь!..—недовольнымъ тономъ забурчала старуха:—Всѣ вы умѣлыя... Береженаго и Богъ бережетъ...

— Ну, бабуся моя, бабулечка,—обняла ее за шею Сашурка:—Не серчай, не ругайся... Не буду на глубокое ходить... Мотя не умѣетъ плавать, такъ съ нею все равно на мелкомъ!

— Ну, иди ужъ, иди!—улыбнулась старуха:—А я покель прилягу, вздремну... Самый жаръ теперя...

Сашурка встала, покрестилась на виднѣвшійся изъ-за садовъ на горѣ куполъ церкви и побѣжала къ сосѣднему огороду.

— Да гляди недолго!—покричала ей бабка вслѣдъ:— и меня буди, чтобы намъ до вечерни управиться...

III.

Бабка поднялась еще до свѣту.

Хотя сборы въ дорогу предстояли и небольшіе, но ей, какъ и всѣмъ, рѣдко выѣзжающимъ изъ дому людямъ, поѣздка за тридцать верстъ представлялась цѣлымъ событіемъ, выбивала изъ привычной колеи и заставляла безъ особаго толка суетиться и волноваться вплоть до самаго отъѣзда.

Старуха зажгла лампочку, одѣлась, наскоро поплескала водой на руки и лицо и подошла къ постели, чтобы разбудить Сашурку, но пожалѣла.

Сашурка сладко спала, свернувшись комочкомъ, и только рѣсницы чуть-чуть вздрагивали отъ ударявшаго въ нихъ свѣта лампы.

— Нехай поспитъ,—улыбнулась бабка и укрыла плотнѣе Сашурку:—Умучилась за день-то...

Она потушила лампу и вышла изъ кухни на дворъ къ скотинѣ...

Скоро вышла изъ куреня старшая внучка—уже невѣста—Луша и за нею мать, и всѣ трое стали поднимать и доить лѣниво поворачивавшихся коровъ.

— Шурка спитъ?—спросила мать.

— Спитъ,—сказала бабка:—Хотѣла будить, да ужъ пускай... праздникъ... Телятъ я сама прогоню, а потомъ и разбужу.

Сашурка поднялась сама... Она вышла изъ кухни полусонная еще, потирая кулаками глаза и неувѣренно ступая босыми ногами по холодной землѣ.

— Проснулась, мамушка?—ласково сказала бабка:—А я было хотѣла итить драться съ тобой... думала,—проспишъ...

Сашурка сонно улыбнулась, но ничего не сказала и посмотрѣла на небо...

На востокѣ уже побѣлѣло, звѣзды попрятались, и небо стало сѣрымъ и непривѣтливымъ...

— Холодно какъ,—сказала она, поёживаясь, и стала бѣгать по двору, сгоняя на улицу отсосавшихъ телятъ.

— Ты же скорѣй!—закричала ей бабка, когда она погнала телятъ въ стадо:—Ѣхать будемъ...

Когда Сашурка вернулась, ихъ телѣжка была уже выкачена на средину двора и наложена до верху сѣномъ. Работникъ Василій, плотный, коренастый мужикъ съ чернымъ, какъ у цыгана, лицомъ и заскорузлой туго поворачивавшейся шеей, надѣвалъ на стараго, лохматаго и посѣдѣвшаго мерина хомутъ... Меринъ покорно стоялъ, опустивъ голову и закрывъ глаза...

— Но-о, холера идолова! Головы не подыметъ!—кричалъ на него по привычкѣ Василій.

— А сапетку не забыла, бабушка?—спросила потихоньку Сашурка у старухи, приминавшей и расправлявшей на телѣжкѣ сѣно.

— Нѣту!.. Какъ же можно? Я съ вечера еще схоронила, чтобы никто не видалъ.

Еще Василій не окончилъ запрягать, а Сащурка уже сидѣла на телѣжкѣ и торопила бабку:

— Скорѣй!.. А то ужъ и солнышко заразъ вставать будетъ...

— Скорая...—огрызнулась бабка:—Надо же приготовить

ѣду — али нѣтъ, то твоему?.. Да воды надо въ баклажку набрать... Бѣги-ка!..

— Ѣдете? — подошелъ къ телѣжкѣ Иванъ Сергѣичъ, отецъ Сашурки, рослый, моложавый на видъ казакъ съ серьгой въ ухѣ. Въ распахнутый воротъ рубахи виднѣлась крѣпкая, бѣлая, высокая грудь, ярко отдѣлявшаяся отъ красной загорѣлой шеи и лица...

— Да вотъ ужъ на походѣ,—сказалъ Василій.

— А мы ужó съ обѣда тронемся,—медленно и лѣниво говорилъ Иванъ Сергѣичъ:—Нагонимъ еще васъ, гляди... Вы черезъ обливское займище ѣзжайте...

— Да и то такъ думаемъ ѣхать,—сказала бабка.

— Ну, прощай, Сашурка!.. Иди, я тебя поцѣлую,—сказала мать и перекрестила подошедшую къ ней Сашурку.

— Прощайте,—поклонилась матери Сашурка:—Прощай, Луша!.. Простите, батенька... Прощай, Василій...

— Прощай, касатка!.. Дай Богъ счастливо!..—отозвался Василій.

— Да-а, — вспомнила Сашурка: — Ты ужъ гляди тутъ, Василій, за курами, за утями... Наши тоже вѣдь всѣ уѣдутъ...

Василій посмотрѣлъ на серьезную, дѣловитую, чуть-чуть нахмуренную Сашурку и такъ же серьезно въ тонъ ей отвѣтилъ солдатскимъ:

— Слушаю-съ!..

— Я тебѣ гостинца за то привезу,—не обращая вниманія на улыбавшихся Лушу и мать, продолжала Сашурка:— А телятишкамъ сѣна клади, какъ придутъ... Да прогонять ихъ надо до самаго пастуха, а то собаки...

— Ну-ну, сдѣляю, Санюшка, сдѣляю... Какъ велишь, такъ и исполню!..

— Да будетъ тебѣ, садись! — вмѣшалась нетерпѣливо бабка:—Безъ тебя то-та не знаютъ!..

— Надо же наказать!—взглянула на нее Сашурка:—Ну, все, кажись?..

Сашурка перекрестилась нѣсколько разъ, усѣлась поудобнѣе, запахнула плотнѣе кофту и серьезно и пѣвуче сказала:

— Господи благослови!.. Трогай, бабушка!..

— Поѣхала наша хозяюшка главная!—засмѣялся Василій, запирая ворота за выкатившимся со двора тарантасикомъ:— То-то хлопотъ-то, подумаешь!..

— Да ужъ куда!—засмѣялась и мать:—Безъ нее и вода не освятится...

IV.

Синѣвшіе въ сторонѣ курганы и бугоръ убѣгали впередъ, какъ будто играли въ перегонки съ телѣжкой; ближе степь быстро уносилась назадъ, и, если прищурить глаза, казалось, что кто-то быстро продергиваетъ въ разныя стороны двѣ широкія ленты—синюю и зеленую... Придорожная трава проплывала мимо глазъ, сливаясь въ сплошное полотно, и только отбѣжавъ немного назадъ, какъ будто выпрямлялась и начинала тихонько покачиваться, кивая верхушками на телѣжку, и на Сашурку, и на дремавшую бабушку... Сашурка перемѣнила позу и стала смотрѣть на мерина и слушать телѣжку... Меринъ тоже прислушивался къ чему-то, заложивъ назадъ одно ухо и кося глазомъ.

— Дзынь... др-др-др-др... дзы-ынь,—выстукивала и вызванивала телѣжка,—дзынь... др-др-др-др...

И какъ-то незамѣтно, само собою стало получаться, что она выстукиваетъ и вызваниваетъ въ ладъ съ пришедшей въ голову Сашуркѣ пѣсенкой:

Ой, ты, веснушка-весна!.. дзынь!..
Хороша была весна, дзынь!
Очень хороша-а...

— А ну-ка—„Куры мои",—сказала Сашурка и замурлыкала потихоньку мотивъ другой пѣсни.

Телѣжка скоро приспособилась и стала подзванивать въ ладъ.

— Ты что это, безстыдница этакая!—сказала проснувшаяся отъ толчка бабка:—добрые люди въ церкву теперь идутъ, а ты пѣсни затѣяла!..

Это былъ резонъ, противъ котораго ничего нельзя было возразить.

Сашурка перестала пѣть и замахнулась кулакомъ на перешедшаго въ шагъ мерина.

— Но-о! Я вотъ тебѣ!..

Меринъ опять затрусилъ рысцою, и телѣжка задребезжала безъ толку, путаясь и сбиваясь...

— Я, кажись, уснула,—сказала немного погодя бабка' сѣла удобнѣе и оглянулась: — курганы малаховскіе не были еще?

— Нѣтъ... компличку только проѣхали...

— А-а... Ну, стало быть, за бугромъ и курганы... Тутъ недалеко ужъ, а тамъ все съ бугра, все съ бугра пойдетъ до самаго займища...

— Кормить будемъ?—спросила Сашурка.

— А какъ же... Мерину чижало не кормя... старикъ ужъ. Ты ѣсть не хочешь?—спросила бабка.

— Нѣтъ, не хочется... Я давеча наѣлась...

Сашурка помолчала и посмотрѣла на солнце.

— А обѣдня теперь, гляди, уже отошла,—сказала она:— къ полднямъ близко...

— Отошла,—согласилась бабка.

— Бабушка, обѣдня теперь кончилась,—давай пѣсню сыграемъ,—робко попросила Сашурка:—ты меня обѣщалась поучить...

— Какую?—неувѣренно, но уже соглашаясь, спросила смягчившаяся бабка·—да и...

— Бабушка, родименькая! Сыграемъ!—обрадовалась Сашурка и, замотавъ вожжи за скобку передка, живо перебралась въ задокъ телѣжки и сѣла рядомъ съ бабкой.

— Какую-жъ?—улыбаясь, переспросила бабка, не желая огорчать Сашурку:—у меня ужъ и голосъ-то... не вытяну, пожалуй...

— Ничего, какъ-нибудь!... А мнѣ давно хочется научиться...

— Какую-жъ?

— Да что вы играли съ Панкратьичемъ, коли на проводахъ гуляли...

— Мало ли? Помню я!

— Старая такая... никто еще ее не зналъ окромя васъ...

— „Службицу“?

— Н-ну! „Службицу“ и я знаю... Старая!

— „Леталъ бы орелъ“?

— Про вора, кажись...

— „Думай, моя буйная головушка“?—стала догадываться старуха:—чижолая пѣсня... я и не выведу...

— Ну, да какъ-нибудь!..

— Э-э-эй... Вотъ бы да ты думай-жа, моя-а... буйная головушка,—начала дрожащимъ голосомъ старуха:—Думай не проду-у... не продумайси...

— Ой да ты совѣтуйся, моя ретиво сердечушка,
Съ моимъ крѣпкимъ ра... крѣпкимъ разумомъ...

— Нѣтъ, не эта,—сказала вслушавшись Сашурка:—Кажись, не эта.. Энта не такая протяжная...

— Какую-жъ „про вора“? Я што-то и не знаю больше...

— Да тамъ, какъ онъ у родной мамушки... просился...— стала припоминать Сашурка и неувѣренно посмотрѣла на бабку.

— Тю-ю!—шутливо смазала ее пальцемъ по губамъ

бабка:—„про вора“! Это про Добрынюшку!.. Это только такъ говорится: „воръ ды Добрынюшка“... А онъ вовсе и не воръ былъ!..

Она засмѣялась.

— Да-а, старая пѣсня,—вздохнула она и, подумавъ, пропѣла одно колѣно пѣсни:

— Не свѣтила вотъ красная солнышка ровно девять лѣтъ

— Эта?—спросила она, припомнивъ мотивъ пѣсни.

— Эта, эта самая!—обрадованно подтвердила Сашурка и усѣлась поудобнѣе...

Старуха откашлялась и запѣла погромче и увѣреннѣй:

Не свѣтило вотъ красное солнышко ровно девять лѣтъ,
На десятомъ солнышко да просяило...
Какъ просился воръ да Добрынюшка у родной, у мамушки .

Сашурка смотрѣла на бабку во всѣ глаза и внимательно вслушивалась, шевеля губами... И полузнакомый, слышанный уже раньше напѣвъ сталъ самъ собою укладываться въ головѣ.. Она быстро освоилась съ нѣкоторыми переливами пѣсни и стала подтягивать тоненькимъ, тоже дрожащимъ отъ неувѣренности и напряженія голоскомъ...

— Поѣхалъ младъ ды Добрынюшка въ поле пойохотничать,—пѣла старуха.

— Э-э-э-о-о-ой,—подтягивала ей Сашурка:—въ поле пойохотничать...

Скоро и телѣжка опять застучала въ ладъ пѣснѣ, и шлея на меринѣ и кисти уздечки стали подпрыгивать, какъ разъ въ то время, когда нужно было подпрыгнуть...

V.

Въ станицѣ было людно и оживленно. Широкая песчаная коса на берегу Дона была застроена ярмарочными балаганами и палатками, въ которыхъ завтра будетъ открыта торговля. Кругомъ берегъ чернѣлъ отъ возовъ скота, сновавшихъ туда и сюда людей... Крикъ, шумъ, стукъ молотковъ, мычаніе скота, звонкое ржанье лошадей, чуть шевелившіеся отъ набѣгавшаго вѣтерка флаги и паруса палатокъ—придавали всему какой-то необычайный праздничный оттѣнокъ... Даже рѣка какъ будто блестѣла иначе, чѣмъ всегда... По улицамъ станицы двигался народъ, проѣзжали повозки и тарантасы, въ разныхъ направленіяхъ рысили верховые казаки...

Во дворѣ у свата, куда заѣхала бабка съ Сашуркой, стояло много повозокъ и лошадей, и было тѣсно, шумно и

безпокойно. Большой домъ стоялъ съ раскрытыми настежь окнами и дверями. Изъ дому въ кухню и обратно то и дѣло пробѣгали незнакомыя Сашуркѣ женщины и дѣвушки, разряженныя по праздничному въ шуршащихъ яркихъ платьяхъ. Во дворѣ толклись—входили и выходили—чужіе люди.

Потаповна ушла провѣдать кого-то по сосѣдству, и Сашурка потерялась одна и заробѣла. Она выскользнула изъ кухни, гдѣ пріютила было ее сваха, и усѣлась на телѣжку немного грустная и тревожно настроенная...

Привязанный у передка меринъ лѣниво перебиралъ губами сѣнинки и тихонько пофыркивалъ отъ пыли или отъ усталости...

Сашурка смотрѣла на него и гладила его мягкую, какъ бархатъ, губу, когда онъ тянулся мордой за сѣномъ... Онъ одинъ только былъ тутъ „изъ своихъ мѣстъ“, и Сашурка испытывала сейчасъ къ нему теплое ласковое чувство за то, что онъ однимъ своимъ присутствіемъ умѣрялъ ея тоскливое настроеніе...

Когда къ двору подъѣхалъ знакомый ей новый тарантасъ, Сашурка, узнавъ лошадей—Буланаго и Альчика,—обрадовалась и побѣжала къ воротамъ. Она забыла даже, что кругомъ были и смотрѣли на нее совсѣмъ чужіе незнакомые люди, и приласкалась къ матери.

— Давно пріѣхали?—спросила мать и, не дождавшись отвѣта, высвободила руки и пошла къ стоявшей на крыльцѣ свахѣ...

Сашурка не отходила отъ матери весь этотъ вечеръ и даже, когда пошли въ церковь, все время крѣпко держала мать за руку, какъ будто боялась отстать и потеряться въ этой большой, веселой и говорливой гурьбѣ...

Солнце уже садилось, когда стали звонить ко всенощной, и станица какъ-то разомъ притихла, словно кто-то приглушилъ всѣ звуки. На берегу у ярмарки дымились уже костры и, все, что давеча днемъ сновало, волнуясь и крича, теперь угомонилось, какъ будто каждый нашелъ наконецъ свое мѣсто...

Въ церкви было свѣтло, тѣсно и жарко... Пахло ладаномъ, гарью свѣчей, саломъ и тѣмъ душнымъ тяжелымъ запахомъ, какой бываетъ всегда при большомъ скопленіи народа. Горѣла люстра. Подсвѣчники сплошь были облѣплены свѣчами и отъ огоньковъ ихъ темнѣе казалось небо за окнами, и становилось почему-то весело и легко, и хотѣлось двигаться, шумѣть, прыгнуть или побѣжать быстро-быстро...

Сашурка стояла впереди матери, защищавшей ее собою

отъ напора толпы сзади, и сквозь случайно образовавшіеся въ шевелящейся толпѣ просвѣты разсматривала служившихъ священниковъ, дьякона, ярко освѣщенный иконостасъ, нарисованныхъ на стѣнахъ старенькихъ святыхъ съ книгами и крестами въ рукахъ.

Рядомъ съ ними стоялъ высокій, статный старикъ, Петро Лазаревичъ, тоже остановившійся у сватовъ и вмѣстѣ пришедшій въ церковь. Бабушка говорила, что онъ недавно вернулся съ Аѳона и изъ Іерусалима, куда ходилъ по обѣщанію...

— Тебѣ, мамушка моя, не видно ничего,—сказалъ Петро Лазаревичъ, замѣтивъ, что Сашурка тянется на цыпочкахъ, чтобы разсмотрѣть вышедшихъ на середину церкви священниковъ:—поди, я тебя подержу.

Сашурка поглядѣла на мать, спрашивая совѣта.

— Поди... что-жъ,—сказала мать.

Петро Лазаревичъ поднялъ Сашурку вверхъ и посадилъ ее на широкое плечо, подставивъ подъ ноги для упора согнутую въ локтѣ руку. Стало удобно, какъ на стулѣ...

— Ну, вотъ...—сказалъ онъ:—теперь видно?

— Все, какъ есть видно!—прошептала Сашурка и обняла старика за шею, чтобы удобнѣе было поворачиваться.

— Вотъ, гляди,—сталъ разсказывать ей потихоньку старикъ:—это вотъ сѣденькій такой... съ желтымъ крестомъ... въ шапкѣ... это благочинный... Вотъ это — здѣшніе батюшки...

— А вонъ нашъ отецъ Романъ!—угадала Сашурка.

— Который?

— А вонъ съ краю... что въ зеленой ризѣ...

— А-а... Молодой еще,—сказалъ старикъ и прибавилъ:— ну, теперя ты крестись и за себе и за мене сразу...

Сашурка усмѣхнулась... Ей такъ понравился этотъ простой, веселый старикъ, ничуть не строгій...

— А въ Ерусалимъ ходилъ,—подумала она, но не докончила своей мысли и стала смотрѣть на батюшекъ и на шевелящіяся, будто насыпанныя, какъ казалось ей сверху, головы...

VI.

Небо заволокло тучками, и только съ одной стороны робко жались нѣсколько звѣздочекъ, какъ будто смущались, что показались однѣ.

Сашурка, укутанная материнской шубой и полостью, лежала въ тарантасѣ и слушала, какъ жевали привязанныя

у оглоблей лошади, и разговаривали потихоньку у сосѣднихъ телѣгъ невидные въ темнотѣ люди.

— Дождь, гляди, будетъ ночью,—сказалъ кто-то сзади.

— Дакъ што жъ! Дай Богъ!.. — отозвались нѣсколько голосовъ:—Завтра на ярманкѣ не такъ пыльно будетъ...

— Міру-то понаѣхало... страсть!

— Да-а... міру...

Сашуркѣ не хотѣлось спать, и она соскочила съ тарантаса и пошла къ кухнѣ. Тамъ еще горѣлъ огонь, и хозяйка съ нѣкоторыми изъ пріѣзжихъ женщинъ мыла посуду и готовила что-то на завтра... На заваленкѣ у кухни сидѣла и тихо разговаривала кучка народу...

Сашурка по голосу узнала отца и остановилась.

— Ты чего, мамушка моя? — спросила бабка и за руку подтащила ее къ себѣ.

— Пить хочется,—сказала Сашурка, чтобы чѣмъ-нибудь объяснить свой приходъ.

— Тамъ въ кухнѣ... въ обливномъ горшкѣ за дверью... напейся,—сказала сидѣвшая рядомъ съ бабкой мать и, обращаясь къ кому-то въ темноту проговорила другимъ пѣвучимъ тономъ, полнымъ глубокаго интереса:—Ну-ў, Петро Лазаревичъ!.. такъ поѣхали вы пó морю...

— Да-а,—раздѣльно и задумчиво заговорилъ Петро Лазаревичъ—Сашурка по голосу узнала давешняго веселаго и простого старика:—Да-а... Отговѣлись мы въ первую недѣлю на Аѳонѣ... въ монастырѣ... и на второй, — какъ сейчасъ помню—въ среду поплыли въ Константинополь, а оттоля въ Яффу... И почала насъ бить погодушка!..

Сашурка пробралась къ матери, остановилась у ея колѣнъ и стала слушать.

— Иди, попей! чево жъ ты?—шепнула ей мать.

— Посля,—такъ же шепотомъ отвѣтила Сашурка и махнула на мать рукой, чтобы не мѣшала.

— И-и-и, родимые мои,—продолжалъ старикъ:—бывалъ я на своемъ вѣку во всякихъ мѣстахъ, всего видалъ, на Кавказѣ службу служилъ—а такого страху не видывалъ... Пароходъ-то... то какъ на гору ползетъ-ползетъ, то съ горы перевалится, да-бу-ухъ внизъ...

— Страшно?—спросила какая-то изъ слушательницъ замирающимъ шепотомъ.

— И-и, болѣзная!.. Говорю,—не приведи Богъ!.. Поглядѣлъ я тогда на этихъ моряковъ... Богъ имъ судья, какъ они на этакую страсть идутъ?.. Привычка али бы што?

— Привычка, извѣстно,—сказалъ кто-то изъ казаковъ:— Это вотъ, къ примѣру скажемъ, какъ на службѣ: иной лихо ѣздитъ, а солдата посади въ первой на строевого коня...

— Ну, приравнялъ!—перебилъ его другой:—то конь, а то...

— А то што жа?!.

— Ш-ш-ш!.. Будя вамъ!.. Молчите, дайте человѣку говорить!—зашипѣли на нихъ со всѣхъ сторонъ.

— Да-а... Вѣтеръ рветъ, съ ногъ валитъ... водой хлещетъ черезъ... А пароходъ-то вышиною, вотъ какъ бы два дома Омельченковыхъ одинъ на одинъ поставить... Да и то, гляди, какъ бы не выше...

— А-а-а,—вздохнули въ одинъ голосъ слушатели.

— Да-а... Тутъ ужъ прямо думали: „конецъ! смерть!“ Слава Богу, сподобилъ Господь поисповѣдоваться, пріобчиться...

Сашурка вся превратилась въ слухъ. Она не могла представить себѣ ясно моря, но въ голосѣ старика былъ какой-то отзвукъ пережитого страха, который заражалъ и дѣлалъ яркими и понятными описываемыя имъ картины...

Старикъ сидѣлъ рядомъ съ матерью, и Сашурка незамѣтно перебралась черезъ ея колѣни и оперлась локтями на ногу старика, чтобы лучше было слушать... Петро Лазаревичъ улыбнулся и обнялъ ее за плечи рукою.

— Да-а,—продолжалъ онъ:—Ужъ и не знаю, чьими молитвами сохранилъ Господь, привелъ доѣхать... Доплыли мы такимъ манеромъ до Яффы. А тамъ пароходы къ берегу, какъ у насъ, не пристаютъ—мелко, а надо далече плыть на каюкахъ. А она бьетъ, матушка, погода-то, пуще, кажись!.. Подплыли тутъ арабы на каюкахъ... Черные такіе... галдятъ что-то не по нашему... не разобрать... Швыряетъ ихъ волной, какъ щепки... И стали кидать насъ, какъ барановъ, сверху въ каюки!.. Плачу тутъ было...

Старикъ остановился и усмѣхнулся какому-то воспоминанію.

— Стали тутъ капитану говорить, Христа ради проситься, а онъ смѣется: Чего вы? — говоритъ: что я васъ губить штоль собираюсь? Это всегда такъ!.. Засвѣжѣло, говоритъ, немного, правда... Только и дѣловъ по ихнему...

— Ну?—нетерпѣливо сказалъ кто-то изъ слушателей.

— Ну, помялись, помялись—дѣлать нечего!—рѣшились... Все равно ужъ, видно, терпѣть! Господи благослови... И какъ съ яру въ воду!..

— И никто не потонулъ?

— Нѣтъ. Всѣхъ арабы перехватали... Ловкій народъ, что и говорить, привычный... Какъ кошки!..

Слушатели зашевелились, стали предлагать вопросы... Бесѣда на минуту оборвалась...

— Да-а... пришли мы въ храмъ Воскресенія къ свѣтлой заутренѣ,—сталъ разсказывать черезъ нѣкоторое время старикъ:—Стоимъ, ждемъ...—Огонь, говорятъ, долженъ сойти съ

неба у гроба Господня въ эту ночь. Служба идетъ... Всѣ вѣры тутъ собралися: и наши, и греки, и ксендзы, и армяне, и я ужъ и не знаю, кого-кого только нѣтъ... Всякъ по своему молится... А міру! міру!.. Яблоку негдѣ упасть!.. и въ храмѣ и за храмомъ... Да-а... Закрыли турки двери, стражу приставили съ шашками... Говорятъ,—рубить будутъ всѣхъ до одного, ежели огонь святой не сойдетъ... Потушили огни... темь, нигдѣ ничего... Греческій патріархъ одинъ сошелъ въ пещеру къ гробу молиться... И мы всѣ молимся, на колѣнки попадали. Молились—молились,—нѣту!

Сашурка замерла въ ожиданіи.

— Наши поютъ, какія-сь то еще вѣры по своему выводятъ... да жалобно таково... Ажъ душа съ тѣломъ разстается!.. Вышелъ патріархъ изъ пещеры назадъ—нѣту огня!.. Давай мы тутъ всѣ навзрыдъ плакать! Старики—я вотъ самъ, какъ малые ребята ревѣли...—Молитесь, говоритъ, дѣтушки!—это патріархъ-то:—молитесь!.. Можа сжалится Господь Милосердный надъ нами... Да всѣ ли тутъ вѣры?—спрашиваетъ:—Всѣхъ ли пустили? Какъ будто всѣ...—А такіе-то гдѣ?—мнѣ и называли ихъ, да разя упомнишь? Чудно какъ ся... А ихъ то и не пустили, за дверями стоятъ...—Пустить ихъ,—говоритъ... патріархъ-то.—Можа ихъ-то молитва и будетъ самая доступная до Господа?..

Голосъ старика задрожалъ, стихъ; и онъ помолчалъ нѣкоторое время.

— Да-а...—Пустите ихъ, говоритъ: можа они-то и будутъ самые молитвенники передъ престоломъ Господнимъ... Пустили ихъ, этихъ... эфіоповъ... Черные такіе, волосатые... какъ мурины... только бѣлками сверкаютъ... Вбѣжали они, попадали на полъ да какъ засюрчатъ!..

Въ голосѣ старика слышится неподдѣльный ужасъ, который онъ пережилъ тогда и который до сихъ поръ не смогъ ни осмыслить, ни забыть...

— Какъ это, дѣдушка?—вся трепеща и заражаясь страхомъ, выкрикнула Сашурка.

— Такъ, дѣточка... по своему... какъ вродѣ: сюр-сюр-сюр... Страшно ажъ стало...

Старикъ долго молчитъ, видимо, не въ силахъ совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ.

— И что-жъ ты думаешь? — началъ онъ другимъ уже тономъ...

— Сошелъ? — крикнула Сашурка, по тону уже догадавшись о чемъ-то радостномъ, свѣтломъ:—Ой, дѣдушка! ой, родненькій! не томи, говори скорѣича... Сошелъ?

— Александра, — дернула ее за платье мать: — Ты это чего!..

— Сошелъ, сошелъ, дѣточка!.. въ тую жъ минуту, почитай, какъ вбѣжали они да засюрчали, и...

Теперь уже не страшно,—все кончилось благополучно,—и непонятное „засюрчали" уже не кажется ни страннымъ, ни зловѣщимъ, а звучитъ нѣсколько смѣшно...

Сашурка засмѣялась отъ радости и охватившаго ее свѣтлаго чувства:

— Вотъ тебѣ и засюрчали! — насмѣшливо передразнила она, совершенно забывъ, что она разговариваетъ съ незнакомымъ старикомъ, и что кругомъ много сидитъ незнакомыхъ людей.

— Вотъ тебѣ и засюрчали! —въ тонъ ей отозвался старикъ...

Въ голосѣ его слышна ласковая усмѣшка надъ Сашуркой и надъ собою, и надъ этими, страшными прежде, „сюрчащими" людьми...

— А что жъ это ты, востроглазая, не спишь доси? — сказалъ старикъ и тѣмъ какъ будто далъ знакъ остальнымъ.

Всѣ зашевелились, заговорили... Кто-то зѣвнулъ и протянулъ соннымъ голосомъ:

— О-о, Господи, Іисусе Христе!.. Чудеса на бѣломъ свѣтѣ...

— Поздно ужъ...—сказалъ другой голосъ.

Сашурка пришла въ себя и спряталась за мать.

— Пойдемъ, мамушка, пойдемъ родненькая,—зашептала она смущенно:—Пойдемъ скорѣя...

VII.

Утро промелькнуло незамѣтно.

Сашурка съ бабушкой заглянули на минутку въ церковь, чтобы только написать и подать „грамотку" на проскомидію и, постоявъ немного на паперти съ знакомыми, пошли на ярмарку.

Еще съ вечера было условлено, что онѣ опять выѣдутъ раньше на税 меринѣ, чтобъ успѣть домой къ вечеру; остальные—отецъ, мать и Луша—задержутся на ярмаркѣ, гдѣ надо сдѣлать необходимыя къ предстоящей Лушиной свадьбѣ покупки, и выѣдутъ позднѣе, „съ обѣда"...

Какъ ни торопилась Потаповна, ярмарка заняла много времени.

Нельзя было не прицѣниться къ тому, къ другому, не обойти большинства балагановъ, не постоять около горшковъ и колесъ, грудами наваленныхъ на пескѣ, не узнать, подешевѣла ли тарань послѣ Петровокъ, не перекинуться двумятремя словечками съ той или другой изъ старыхъ знакомыхъ, встрѣчавшихся на ярмаркѣ...

Сашурка ходила за бабкой, держась за юбку, и, широко раскрывъ глаза и ротъ, жадно, какъ песокъ воду, впитывала въ себя непривычныя впечатлѣнi.

— Гля, Сашурка,—ковры!..—говорила бабка:—Давай спросимъ: почёмъ?

И хоть имъ не надо было ковровъ, и денегъ у нихъ не было для такой покупки, онѣ все же подходили, внимательно разсматривали висѣвшіе у лавки пестрые, съ яркими фигурами и цвѣтами, ковры, щупали, заглядывали на изнанку,— вели себя, какъ настоящія покупательницы.

— Требуется?—спрашивалъ выбѣгавшій изъ лавки торговецъ:—Пожалуйте-съ, зайдите, посмотрите... У насъ всегда покупали!.. Мамаша! Куда жъ вы? мамаша!

Сашурка тащила бабку прочь, и онѣ подходили и долго любовались ярко блестѣвшей на солнцѣ посудой и самоварами.

— Ишь!.. серебряный должно! — говорила удивленно Сашурка, указывая на бѣлый самоваръ:—Какъ блеститъ!

— Дурочка, — поправляла бабка: — это мѣдь такая... бѣлая...

— Чего это?.. чего это такое? Господи помилуй!—заволновались онѣ обѣ, услышавъ гдѣ-то близко около себя веселые, крикливые звуки шарманки, глухсе уханье барабана и чей-то визгливый, рѣжущій ухо голосъ, кричавшій что-то непонятное:

— И-и-пить-ти-ти-ти-пи-и!..

Онѣ бросились въ ту сторону и наткнулись на рядъ каруселей и увеселительныхъ балагановъ съ яркими вывѣсками и картинами, изображавшими какихъ-то невиданныхъ людей въ перьяхъ, звѣрей, корабли, дымъ, огонь.

На площадкѣ одного изъ балагановъ прыгалъ размалеванный, пестро одѣтый клоунъ въ штанахъ, начинавшихся прямо отъ плечъ, и, держа въ рукахъ куклу, кричалъ что-то визгливымъ бабьимъ голосомъ... Кругомъ тѣсною толпою стояли зрители и смѣялись.

— Пойдемъ, бабушка, поближе... пойдемъ, сдѣлай милость, поближе,—говорила Сашурка, таща за руку бабку.

Онѣ пробрались къ самой площадкѣ и долго стояли тутъ, разсматривая клоуна, выбѣгавшихъ къ нему женщинъ. одѣтыхъ въ странныя, недоходившія до колѣнъ, юбки, человѣка въ красномъ кафтанѣ, суроваго и нахмуреннаго, стоявшаго у входа и равнодушно разглядывавшаго толпу...

— И-и-ти-ти-ти-ти...и-ить!—кричалъ что-то свое клоунъ и билъ куклу, и плакалъ, и смѣялся...

Только когда скрылись въ балаганъ и клоунъ, и женщины, и человѣкъ въ красномъ, и внутри заиграла шар-

манка, и защелкалъ кто-то кнутомъ, бабка опомнилась первая и еле увела Сашурку.

— Погоди... немножко... чуть-чуть,—молила дѣвочка, смотря на бабку какими-то пустыми невидяшими глазами.

— Чего ждать-то?.. все... кончилось!.. Видишь, — ушли всѣ... и народъ вонъ сталъ расходиться...

— Немножечко...

Только напоминаніемъ о тёрнѣ удалось Потаповнѣ выманить Сашурку съ ярмарки:

— Вѣдь ты же сама затѣяла,--сердито ворчала она:—по мнѣ, какъ хочешь! Будемъ ходить еще... только ужъ кормить въ займищѣ не придется... И тёренъ твой такъ и останется...

Сашурка подавила въ себѣ вздохъ сожалѣнія и согласилась идти на квартиру къ сватамъ...

VIII.

Въ самомъ началѣ займища, почти у опушки, встрѣтились обливцы... Человѣкъ десять выборныхъ стариковъ съ атаманомъ во главѣ ходили по займищу, отмѣчали годный къ вырубкѣ лѣсъ и отмѣривали „дѣлянки“ для зимней рубки.

— Вотъ тебѣ!.. Чуть было не нарвались!..—сказала недовольнымъ тономъ бабка:—Сраму-то бы было!..

— Бабушка! подъѣдемъ, спросимся,—оглянулась на нее Сашурка:—Не свелятъ, такъ уѣдемъ... А може и дозволятъ!

— Ну-у, чего еще выдумаешь!.

— Бабулечка, родненькая,—умоляюще сложила руки Сашурка: — Подъѣдемъ! Ну чего тебѣ стоитъ?. Нѣтъ,—такъ нѣтъ!.. А терны-то у нихъ какіе—во!

Сашурка показала бабкѣ для убѣдительности сжатый кулачокъ.

— Подъѣдемъ!

— Неловко, дѣвонька,—заколебалась старуха:—Кабы знакомый кто...

— А мы скажемъ, что мы тоже казачки...съ Колодезнаго... Чего-жъ? Небось, кто и знаетъ насъ.

— Ну, сворачивай...Да проси сама,—сказала бабка, улыбаясь:—я не стану.

Сашурка потянула за возжу, меринъ медленно свернулъ съ дороги, и телѣжка запрыгала по корнямъ и кочкамъ.

— Бо-зна-што выдумала, — заворчала опять старуха:— И я то, старая дура, слухаюсь...

Старуху узнали.

— Потаповна!.. Здорово живеть—можешь!—привѣтствовали обливскіе казаки, окружая тележку.

Трое-четверо подошли поближе и еще разъ поздоровались за руку.

— Съ престола штоль?.

— На престолѣ были,—сказала Потаповна, подбирая подъ юбку ноги и одергиваясь.

Сашурка быстро оглядывала добродушныя загорѣлыя лица стариковъ и не могла рѣшить,—позволятъ или не позволять старики рвать тёренъ.

— Господи, хучь бы дозволили!—съ затаенною тоскою подумала она.

Подошелъ и атаманъ въ кафтанѣ съ широкими нашивками на рукавѣ.

— Маменька, здравствуйте!—сказалъ онъ и снялъ передъ старухою фуражку.

Потаповна удивленно оглядѣла его, стараясь припомнить, гдѣ она видала этого рыжаго, бородатаго, веснущатаго казака.

— Здраствуешь!—неувѣреннымъ голосомъ сказала она и, видя, что атаманъ, улыбаясь, ждетъ чего-то, спросила:—Прости, Христа ради, господинъ урядникъ, — запамятовала: чей ты?

— Да и я гляжу,—не признала!—улыбнулся атаманъ.

— Вотъ такъ мать крестовая!—засмѣялись старики:—Крестника не угадала!

— Да чей жа ты? Справди!—удивилась еще больше Потаповна.

— Василія Григорьича Земцова... Егоръ...

— Горюшка?!. Соколикъ же ты мой ясный!—разсмѣялась и старуха:—ну богатому, видно, быть... богатому быть!..

Она встала съ телѣжки и обняла и расцѣловала крестника.

— Вѣдь я тебя годовъ пять, гляди, не видала!

— Ну-у, пять!.. Считай, не десятокъ ли? Еще какъ на службу итить—послѣдній разъ я у васъ былъ... благословеніе вы мнѣ еще дали... А съ той поры сколько?

— Да,—согласилась Потаповна:—время-то летитъ!.. Я вѣдь тебя паренькомъ помню, а теперь—ишь ты!.. Кабы не сказалъ, ни за что ни почемъ бы не узнала... Ну, какъ же ты, болѣзный, живешь?

Сашурка тоже соскользнула съ телѣжки и стала рядомъ съ бабкой. Она боялась, что старуха, обрадовавшись крестнику, увлечется разговоромъ и забудетъ, пожалуй, про тёренъ.

— Бабушка,—зашептала она, дергая старуху за рукавъ:—бабушка!..

Потаповна не обращала на нее вниманія. Она разспрашивала крестника о семьѣ, о дѣлахъ, объ ушедшемъ на Амуръ братѣ.

— Такъ ты теперь атаманишь тутъ въ Обливахъ?—удивлялась она:—ну, такъ!.. Дѣла-а!..

— Бабушка!—сердито уже одернула ее Сашурка.

— Ну, чего тебѣ?—отмахнулась отъ нея Потаповна:—погоди, не мѣшай!..

— Спроси!—шептала, приподнимаясь на цыпочки, Сашурка:—спроси покеля... Они дозволятъ...

— А-а,—вспомнила бабка и улыбнулась:—нѣтъ, ужъ ты сама теперь спрашивай... Ты вздумала, ты и дѣйствуй!

— У-у!.. какая бабушка!—сердито проворчала Сашурка и потупилась.

— Чія дѣвочка?—обратилъ на нее вниманіе атаманъ:—внучка?

— Внучка... Иванова вторая...

— Шустрая дѣвочка,—сказалъ кто-то изъ стариковъ, стоявшихъ рядомъ.

Сашурка покраснѣла и дернула бабку за руку.

— Спроси!

— Нѣтъ ужъ, ты сама зачала, сама и кончай!..

Потаповна смотрѣла на вспыхнувшее лицо Сашурки и улыбалась... Улыбались и старики.

Сашурка рѣшилась.

— Чего-же ты думаешь? Испугаюсь?—задорно посмотрѣла она на бабку.

Потаповна засмѣялась.

— Господа старики,—стараясь совладать съ срывавшимся отъ волненія голосомъ, сказала Сашурка:—дозвольте намъ съ бабушкой... тёрну въ вашей займищѣ... нарвать...

Отъ смущенія у нея перехватило спазмой горло, и слезы выступили на глазахъ... Она не выдержала устремленныхъ на нее со всѣхъ сторонъ взглядовъ, потупилась и крѣпко уцѣпилась за бабушкину руку дрожащей рученкой...

Старики и атаманъ улыбнулись.

— А вы кто такіе будете?—притворно сурово спросилъ одинъ изъ стариковъ, оглядывая всѣхъ смѣющимися лукавыми глазами:—кабы вы нашего хутора были! А то, Богъ вѣсть, откель...

— Мы съ Колодезнаго... казачки... тоже,—сказала Сашурка, не поднимая лица.

— Такъ у васъ свои терны должны быть... Ай не уродило нынѣшній годъ?

— Кабы былъ...—начала было Сашурка, но не смогла кончить...

—Будетъ тебѣ, Петровичъ, дѣвчонку-то мучить,—сказалъ другой старикъ:—можно, ягодка моя, можно.. Нарвите, сколько только вамъ будетъ угодно!..

Сашурка передохнула, хотѣла поблагодарить, но не могла справиться съ трясущимися отъ волненія губами. Она спряталась за бабку и скрыла пылающее лицо въ складкахъ ея кофты...

— Ну, вотъ, Сашурка!.. Слыхала?.. Господа старики дозволяютъ,—сказала бабка:—ты же поблагодарить должна!..

Сашурка справилась уже съ своимъ волненіемъ и, поклонившись низкимъ поясным поклономъ, какъ кланяются въ торжественныхъ случаяхъ взрослыя женщины, сказала:

— Спаси Христосъ!..

Она поклонилась еще разъ и отвѣтила на послѣдній вопросъ лукаваго старика:

— У насъ свои-то терны мало родятъ... да ме-е-ленькій-меленькій, какъ горошинки!.. Какъ ни бейся, все на зиму не хватитъ...

— Переродились чево-й-та у насъ терны,—стала пояснять Потаповна:—справди, какъ горошинки...

— Вамъ бы прорѣдить надо.

— Съ нашими казаками разя сговорить? Вонъ займище-то наше, видали небось? На чего перевели...

Сашурка отошла къ телѣжкѣ и стала вытаскивать изъ-подъ сѣна плетушку, которую заготовила бабка...

— А и прокуратъ-дѣвка!—сказалъ подошедшій за нею къ телѣжкѣ старикъ съ лукавыми глазами:—у ней и сапетка ужъ готова!

— А какъ же?—скромно, будто не поняла намека, сказала Сашурка:—а то изомнется...

— Ты эту сапетку набузуешь, у насъ и тёрну не останется!

— Хва-а-титъ!—серьезно сказала Сашурка:—да ваши бабы, небось, рвали ужъ... Неужто до сей поры ждали?

— Рвали,—засмѣялся старикъ:—намочили ужъ!..

— То-то и я думаю...

Теперь уже Сашурка не боялась и не стѣснялась, а, кончивъ свое дѣло, спокойно сѣла на край телѣжки и, помахивая тихонько ногами, смотрѣла на стариковъ и Потаповну, оживленно разговаривающихъ о своихъ дѣлахъ.

— Ну, а если бы вы насъ не встрѣли?—продолжалъ спрашивать тотъ же старикъ:—такъ бы стали рвать?

— Нѣтъ, въ Обливы бы къ вамъ завернули,—задорнымъ уже тономъ, съ чуть-чуть замѣтной плутоватой усмѣшкой, сказала Сашурка:—все бы спросились...

И нельзя было понять, говоритъ ли она серьезно или отшучивается.

— Гляди-и!—засмѣялся старикъ:—такъ бы и завернули... за семь верстъ!..

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но поперхнулся, закашлялся и замахалъ рукою, кашляя и смѣясь въ одно время.

Потаповна простилась съ крестникомъ, со стариками и, тяжело перевалившись всѣмъ корпусомъ черезъ край телѣжки, взобралась на сидѣнье.

— Трогать, чтоль?—спросила Сашурка, когда старуха усѣлась.

— Трогай помаленьку!..

— Прощайте, господа старики!.. Спаси Христосъ!..—сказала Сашурка и передернула возжами.

— Прощай, болѣзочка... съ Богомъ!—отозвались старики, притрогиваясь къ шапкамъ.

— Вправо держи!.. Все вправо,—сказалъ кто-то изъ стариковъ:—какъ ѐрикъ проѣдешь, тутъ на бугорочкѣ...

— Я знаю,—кивнула головой Сашурка, увѣренно поворачивая мерина въ нужномъ направленіи.

— Отколь же ты знаешь?—засмѣялись старики:—Ай ужъ рвала?

— Нѣтъ,—сказала Сашурка и тоже засмѣялась:—а мы вчерась съ бабушкой кормили тутъ у васъ въ займищѣ... поколь она спала, я ходила глядѣть...

— Ахъ, и бой-дѣвка!—сказалъ дразнившій давеча Сашурку старикъ, смотря вслѣдъ прыгающей и скрипящей телѣжкѣ:—въ кого она у нихъ?.. Отецъ-то вѣдь смирный...

— А мать?—сказалъ атаманъ:—она вѣдь вифлянцевскаго роду!..

— Да-а,—заговорили старики:—ей бы казачонкомъ быть!.. Сразу бы гайки схватила!..

— Урядникомъ по первому году бы была... это ужъ какъ есть!..

IX.

Тёрну нарвали столько, сколько можно было вмѣстить въ плетушку и въ сумку, освобожденную отъ узелковъ съ покупками.

— Ай, мамушка удивится,—радовалась своей выдумкѣ Сашурка, съ гордостью поглядывая на бабку:—то-то рада будетъ!.. А ты рада, бабушка?..

Онѣ обѣ сидѣли теперь, свѣсивъ ноги, на краю тарантасика, чтобы не примять лежавшія въ задкѣ ягоды.

— Еще бы не рада! — усмѣхнулась бабка и похлопала ласково по спинѣ Сашурку:—Золото ты мое!..

— Да-а... я и забыла! — протянула медленно Сашурка, поглядывая искоса на бабку:—Я вѣдь на тебя разсердиться хотѣла...

Бабка засмѣялась.

— Ну-у, стоитъ!.. Брось!..

— Да-а... брось! А какъ ты меня давеча заставляла говорить? Лёгка? Брось!

— Ну, что жъ ты? Слиняла послѣ этого?

— Ишь какая!.. А я страсть какъ хотѣла разсердиться!

— Да за что жъ?.. Я вѣдь тоже боялась. А ты вѣдь смѣлѣе меня... шустрая! Такъ и отчеканила старикамъ!.. А ты вотъ скажи лучше, — не видала чего тебѣ батюня въ станицѣ купилъ?

Уловка удалась. Сашурка мигомъ забыла свои огорченія и, живо обернувшись къ бабкѣ, сказала:

— Нѣтъ. А ты видала?

— Нѣтъ, и я не видала... А чего бы ты хотѣла?

— Гм...

Сашурка подозрительно поглядѣла на бабку, какъ будто хотѣла прочесть на ея морщинистомъ, загорѣломъ, покрытомъ пылью лицѣ, правду ли говоритъ она, и отвѣтила не сразу.

— Я не знаю,—скромно сказала она:—Чего привезетъ, то и будетъ... И за то спаси Христосъ!..

— Ну все-таки?.. Ты вотъ хотѣла, чтобы мы съ тобою полушальку купили, а чего бы хотѣла, чтобы батюня купилъ?—добивалась бабка:—На платье?.. али полсапожки?..

Сашурка покраснѣла. Ей давно уже хотѣлось имѣть такіе же ботинки на высокихъ каблукахъ съ пуговицами и кисточками, какіе надѣвала по праздникамъ Луша, но признаться въ этомъ почему-то было неловко...

Сейчасъ ей ясно припомнились полусапожки сестры, пуговки на нихъ, мягкія, шелковистыя кисточки, узоръ, расшитый нитками на подъемѣ, твердо блестящіе каблуки, запахъ кожи и ваксы, какой оставался на рукахъ всегда, когда она трогала полусапожки... Сашурка отвернулась въ сторону, чтобы скрыть охватившее ее волненіе.

— Полсапожки?—приставала бабка.

Сашурка кивнула головой и засмѣялась.

— Ну, можа купитъ, — сказала предположительно Потаповна:—А еще чего?.. Заѣдокъ какихъ въ гостинецъ?

Въ этомъ Сашуркѣ легко было признаться,—всѣ давно уже знали ея слабость къ мягкимъ мятнымъ пряникамъ—и она сказала:

— А-ахъ, пряничковъ кабы!—съ узюмомъ што... маленькихъ!..

Она смѣшно выпятила при этомъ губы, какъ бы предвкушая наслажденіе.

— Какихъ?—переспросила Потаповна, развязывая одинъ изъ лежавшихъ въ задкѣ телѣжки узелковъ.

— Ма-а-сень-кихъ!.. съ узюмомъ!..

— Такихъ?

Потаповна протянула Сашуркѣ пряникъ.

— Бабуся моя, родная!—обрадовалась Сашурка.

Пряникъ мгновенно исчезъ... Потаповна разложила узелокъ между собою и Сашуркой.

— Ѣшь!.. Не серчай только на меня...

— Я не серчаю ужъ... пересердилась... Это не за пряники только,—сказала Сашурка и разсмѣялась:—Когда жъ ты это купила?.. Вѣдь мы съ тобою вмѣстѣ ходили,—я что-то и не видала...

— Ага-а!—сказала Потаповна, состроивъ хитрое лицо:—Такъ-то вашего брата проводятъ!

— Да когда же?

— Ишь ты чего хотѣла знать!.. Купила вотъ...

— Ну, и хитрая же ты, —покачала головою Сашурка:—А и хитрая... А я, признаться, видала въ лавкѣ пряники, хотѣла спросить... да подумала-подумала и не спросила...

Она съѣла нѣсколько пряниковъ, угостила бабку и отложила остальные.

— Это мамушкѣ, это батюнѣ, — отодвигала она по двѣ штуки въ сторону,—вотъ эти намъ съ тобою... это Лушѣ... А по одному надо ребятишкамъ въ гостинецъ снесть... Мотѣ, Гришуткѣ, Манѣ, Нюркѣ... Петьку-то было и забыла... Это Петькѣ... онъ тоже не ѣздилъ въ станицу. А эти сама поѣмъ!

Она засмѣялась даже.

— Схорони, бабушка, покель... Погонять надо, а то меринъ совсѣмъ задремалъ... Такъ и до вечера не доѣдемъ.

Солнце было уже низко и виднѣлись мельницы хутора, когда сзади съ грохотомъ, шумомъ и смѣхомъ Потаповну и Сашурку стали нагонять нѣсколько повозокъ съ возвращавшимися изъ станицы подгулявшими хуторянами.

— И наши должно ѣдутъ?—засуетилась Сашурка:—Накрой бабушка, тёренъ, накрой-ка скорѣича, чтоба не видали!..

Онѣ раскинули по телѣжкѣ полость, закрыли ягоды, и Сашурка заставила Потаповну сѣсть въ телѣжку съ ногами и придерживать полость.

— Да не говори!—предупредила она бабку.

Первые три тарантаса съ сосѣдями обогнали ихъ вмѣстѣ, держась близко другъ за другомъ и поднявъ тучу пыли.

— Эй вы, сюзьма кривянская! Сторонись!—крикнулъ съ одного изъ нихъ правившій лошадьми мальчикъ.

— Ѣзжай ужъ, батюшка, ѣзжай,—сказала тихонько про себя Сашурка, смотря вслѣдъ ему:—Тоже форсунокъ!..

Меринъ за лошадьми прибавилъ ходу, и послѣдній тарантасъ, который издали уже по лошадямъ угадала Сашурка, приближался медленнѣе.

— А батюня-то, должно быть, выпилъ,—сообщила Сашурка бабкѣ:—Сестрица правитъ...

Нагонявшіе, видно, заторопились, такъ какъ Луша передернула возжами и подхлеснула пристяжку. Сашурка замѣтила это и погнала мерина... Она встала на колѣни въ телѣжкѣ и, размахивая концомъ возжей, закричала во весь голосъ:

— Ай-яй-яй-яй!.. Уходи-и!.. А-а-ай!

Меринъ перешелъ въ карьеръ.

— Шу-у-рка-а!—донесся сзади сквозь грохотъ телѣжки голосъ матери.

— Постой!.. раструсишь въ конецъ,—взмолилась бабка.

Сашурка, безпрестанно оборачивая назадъ смѣющееся личико, погоняла.

— Да погоди, оглашенная!—сказала бабка, и сердясь, и смѣясь:—Мерина запалишь...

— А-а-а! Говорили,—„меринъ—такой-сякой“, а онъ еще молодецъ,—сказала Сашурка, придерживая разскакавшагося мерина.

Тарантасъ поровнялся съ ними... Мать распустила концы платка, закрывавшаго ея лицо, и, смѣясь, сказала:

— Ну-у, Шурка! бѣды ты коли-нибудь надѣлаешь... Какъ доѣхали?

— Слава Богу! — отвѣтили обѣ разомъ — и Сашурка и Потаповна.

— Егора Земцова встрѣтили... помнишь, што въ станицѣ жилъ?.. крестникъ,—сказала бабка.

Сашурка насторожилась, какъ бы не проговорилась бабка про тёренъ.

— Идѣ-же?

— Въ обливскомъ займищѣ...

Сашурка ущипнула бабку за ногу.

— ...Кормили тамъ, — сказала, понявъ и улыбнувшись, Потаповна:—Они и подошли...

Иванъ Сергѣичъ, спавшій въ тарантасѣ, поднялъ было

всклокоченную голову, пробормоталъ что-то и опять опустилъ ее на подушку.

— Обливскіе старики... лѣсъ глядѣли... онъ атаманомъ у нихъ теперя.... вахмистромъ былъ,—выкрикивала бабка.

— Я знаю, что атаманитъ,—сказала мать:—Угадалъ?

— Угадалъ.

Потаповнѣ припомнилась происшедшая при этомъ сценка, и она хотѣла разсказать снохѣ объ этомъ, но удержалась и только показала глазами на Сашурку и, улыбаясь значительно, незамѣтно кивнула головой.

Мать поняла, что что-то было, и тоже улыбнулась.

— Иди, Сашурка, къ намъ, — сказала она: — Прокатаешься.

— Не хочу,—мотнула отрицательно головою Сашурка.

— Иди!

— Погоняй, погоняй!—крикнула Сашурка сестрѣ, видя, что та хочетъ остановить лошадей.—Мы и сами доѣдемъ...

— Ну, пойди, доченька!—сказала мать:—я ужъ тебя коли не видала.

Сашуркѣ и самой хотѣлось спрыгнуть и перебраться къ матери, но это значило бы пустить на свое мѣсто Лушу...

— А тёренъ?

Она мигомъ обдумала положеніе и отрицательно покачала головой.

— Посля!—улыбнулась она матери.

— Ну, ѣзжайте скорѣе за нами,—сказала мать.

Луша тронула коренника возжами и сразу оставила позади телѣжку... Сашурка нетерпѣливо принялась погонять мерина.

— Ну, Васенька, голубчикъ! поскорѣе довези!.. Я ужъ тебѣ за это пирожка принесу,—уговаривала его она.

X.

— Ну, я такъ и знала!—подъѣзжая къ воротамъ, сказала Сашурка и махнула сокрушенно рукой.—Батюня ужъ ни за что не утерпитъ!..

Со двора неслась громкая пѣсня... Иванъ Сергѣичъ, вздремнувшій дорогой, но не проспавшійся окончательно отъ угощенія въ станицѣ, рѣшилъ „догуливать"...

Въ уголкѣ около сада, подъ окномъ кухни, стоялъ покрытый скатертью столъ съ бутылкой водки и собранной наскоро закуской. Иванъ Сергѣичъ и двое сосѣдей, тоже бывшихъ въ станицѣ, сидѣли за столомъ и пѣли пѣсни... Иванъ Сергѣичъ „заводилъ", помахивая рукою и качая на-

клоненною на бокъ, запыленною, взлохмаченной головой... Краснолицый, сѣроголовый старикъ съ узенькими калмыцкими глазами подтягивалъ тонкимъ вибрирующимъ голосомъ. Третій—плечистый, могучій казакъ съ серьгой въ ухѣ, въ опоркахъ на босу ногу, и въ разстегнутой и выбившейся изъ штановъ рубахѣ только по временамъ вступалъ въ пѣсню, оттѣняя нѣкоторыя мѣста сиплымъ рычащимъ басомъ.

Мать, сестра и нѣсколько сосѣдокъ сидѣли на завалинкѣ, по другую сторону кухни, отдыхали и разговаривали...

Сашурка подвернула къ конюшнѣ, гдѣ стоялъ выпряженный и опорожненный уже тарантасъ.

— Не подходи, не подходи, Василій!—крикнула Сашурка вышедшему изъ конюшни работнику, направившемуся къ нимъ, чтобы помочь.—Мы сами!.

— Не трогай ужъ, Василій, — махнула на него Потаповна.—Распряги, сдѣлай милость, мерина...

— Мамушка!—крикнула Сашурка торжествующимъ тономъ и помахала рукой.—А иди-ка суды... помоги.

— Молода ты еще, штобы я тебѣ помогала, — пошутила мать, поднимаясь съ завалинки.—Сама управишься...

— Ну, иди-и,—просящимъ голосомъ сказала Сашурка.

Мать подошла.

— Бери-ка вотъ полость, сымай!—командовала Сашурка, стоя на телѣжкѣ,—а ты, бабушка, узелки...

— Командеръ выискался,—сказала, любуясь Сашуркой бабка.

— Бери, мамушка, сымай!

Мать отдернула полость, увидѣла ягоды и всплеснула руками.

— Ага!—сказала, блестя глазами, Сашурка.

Мать посмотрѣла на тёренъ, на смѣющуюся бабку, на ликующую Сашурку и поняла, что это—подарокъ... Она бросила полость, схватила въ охапку Сашурку и понесла ее въ домъ.

— Родненькая ты моя дѣточка! — говорила она, смѣясь счастливымъ смѣхомъ и цѣлуя запыленное смѣющееся личико барахтающейся дѣвочки...

— Бабушка! ты ужъ сама догляди!..—крикнула Сашурка съ крыльца черезъ плечо матери.

— Ладно-о!—отмахнулась рукой Потаповна.

Въ горницѣ мать еще разъ расцѣловала Сашурку и посадила ее къ себѣ на колѣни.

— Ну, спаси Христосъ, доченька, спаси Христосъ!.. Идѣ же это вы поджились?

Сашурка разсказала, умолчавъ о своемъ выступленіи передъ обливскими стариками.

— Теперь намъ до Святой безпремѣнно должно хватить!—сказала она дѣловымъ тономъ.

— А еще-жъ бы! Стало быть хватитъ!.. Свово кадушку намочили, да вы теперь, почитай, на кадушку привезли...

— Да ядреный какой, мамушка!..

— А отецъ-то какъ радъ будетъ!—замѣтила мать.—Ахъ, да што же это я?—всполхватилась она и спустила Сашурку съ колѣнъ.—Ты погляди-ка-сь, чего тебѣ батюня купилъ!..

— Чего?—спросила, замирая отъ нетерпѣнія, Сашурка.

Мать достала изъ ящика шкафа свертокъ и подала Сашуркѣ.

— Вотъ... погляди!

Сашурка на ощупь и по запаху узнала уже, что это—полусапожки, и, нетерпѣливо морщась, рвала нитку, охватывавшую свертокъ.

— Погоди, я...—сказала мать.

— Нѣтъ!

Сашурка сдвинула нитку въ сторону. Въ сверткѣ были полусапожки, точь въ точь такіе, какъ у Луши,—съ кисточками и на каблукахъ. И пахло отъ нихъ также новой кожей и ваксой, какъ отъ сестриныхъ.

Сашурка разсмѣялась.

— А это отъ меня,—сказала мать и развернула по столу розовый ситецъ.

— Ну, спаси Христосъ!—сказала Сашурка и поцѣловала матери руку, потомъ повернула ее и тихонько поцѣловала въ ладонь:—Спаси Христосъ!

Мать расцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Носи на здоровье!..

— Ужъ какъ я рада!—призналась Сашурка.

— Ну-ка, надѣнь... помѣряй,—сказала мать:—Гожи-ли?!. Можа малы?

— Не дай Богъ!—сказала испуганно Сашурка.

Когда полусапожки были надѣты, Сашурка сама себѣ показалась больше, солиднѣй.

— Фу ты, щеголиха какая!—засмѣялась Луша.

— Ну, поди же, покажись отцу... да поблагодари хорошенько,—сказала мать, укладывая обратно въ ящикъ ситецъ и ленту:—Пойдемъ!

Сашурка вышла на крыльцо и остановилась, уцѣпившись руками за перила. Ей казалось, что всѣ теперь должны смотрѣть только на нее, на ея полусапожки, и было неловко, и совѣстно чего-то, и радостно вмѣстѣ съ тѣмъ.

— Иди, иди!—подтолкнула ее сзади мать.

Сашурка покраснѣла и, неловко ступая, какъ-то бочкомъ,

мелкими семенящими шажками, перешла черезъ дворъ къ отцу.

Отецъ замѣтилъ ее и пересталъ пѣть.

— Погоди,—сказалъ онъ старику.

— Спаси Христосъ, батенька,—пѣвучимъ тономъ, какъ говорила давеча утромъ старикамъ, сказала Сашурка и поклонилась отцу такимъ же глубокимъ поясным поклономъ.

— А поцѣловать меня... не хочешь?—спросилъ Иванъ Сергѣичъ, улыбаясь пьяной добродушной улыбкой.

Сашурка взглянула на него, на смотрѣвшихъ на нее и тоже улыбавшихся сосѣдей, вспыхнула и поцѣловала отца въ щеку.

— Не такъ!—сказалъ капризно Иванъ Сергѣичъ:—А ты обойми за шею да поцѣлуй, какъ слѣдоваетъ...

Это было мучительно неловко при чужихъ людяхъ, но дѣлать было нечего,—Сашурка знала, что съ отцомъ теперь не сговоришься... Она обняла его ручонками за шею и прижалась къ нему.

— Крѣпче... крѣпче!—говорилъ Иванъ Сергѣичъ, цѣлуя ея личико:—Та-акъ!.. Молодецъ!!. Носи на здоровье!

— А ну-ка, пройдись... Я погляжу,—сказалъ старикъ.

— Пройдись-ка, пройдись!—поддержалъ его Иванъ Сергѣичъ.

Сашурка сдѣлала нѣсколько неловкихъ шажковъ мимо стола.

— Ахъ, и бареты жа?! Ахъ ты, ахъ!!—крикнулъ старикъ, хлопнувъ ладонью по колѣнкѣ:—Теперь ты прямо невѣста... Жди за унука буду сватать. После покрова сватомъ приду!..

Сашурка вспыхнула и вихремъ умчалась въ курень.

— Фу-у ты жа!—вздохнула она, почувствовавъ себя въ безопасности въ горницѣ.

Сердиться было нельзя,—подарокъ требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ и съ ея стороны... Она прошлась разъ и другой по комнатѣ, прислушиваясь къ скрипу полусапожекъ и щелканью каблуковъ объ полъ, плотно обвила вокругъ ногъ юбку и, перегнувшись, полюбовалась на ноги, потомъ переобулась, тщательно вытерла рукавомъ приставшую къ подошвамъ полусапожекъ пыль, спрятала полусапожки въ шкафъ и побѣжала на дворъ.

— Надо теперича по хозяйству скорѣя управиться,—озабоченно сказала она себѣ.

Вода и кизяки были уже наношены въ кухню; куры ходили на базу, роясь въ навозѣ, и не пошли на ея зовъ,—значитъ были сыты.... У утокъ и вода и зерно въ кормушкѣ; сѣно телятамъ было приготовлено... Василій сдержалъ слово,—все было въ порядкѣ...

Сашурка разнесла сосѣдскимъ ребятишкамъ пряники, одѣлила домашнихъ и сѣла было около матери, но тотчасъ же вскочила опять.

— И забыла было совсѣмъ,—сказала она сама съ собою:—Замотаешься.

Мать оглядѣла ее искоса и улыбнулась.

Сашурка сбѣгала въ кухню, отобрала нѣсколько пряниковъ изъ тѣхъ, что оставались для нея, разыскала подъ сараемъ мазавшаго саломъ сбрую Василія и подала ему пряники:

— Вотъ тебѣ, Василій... гостинецъ... я обѣщалась,—сказала она, смущаясь и краснѣя.

— О-о! Не забыла, ягодка? — оглянулся на нее Василій и, опустивъ сбрую, сталъ вытирать руки:—Ну, спасибо, спасибо!..

Онъ присѣлъ передъ Сашуркой на корточки, отломилъ кусочекъ пряника и бережно положилъ его въ ротъ.

— Ужъ и пряникъ же!—подмигнулъ онъ смотрѣвшей на него во всѣ глаза Сашуркѣ и состроилъ преувеличенно довольное и блаженное лицо:—Ахъ, и пряникъ!.. Ай, ай, ай!!. Сроду не ѣдалъ такихъ.

Сашурка, довольная впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея подаркомъ, засмѣялась и побѣжала къ матери.

— Теперя все!—сказала она, прикурнувъ подъ ея рукой, и, подобравъ ноги подъ юбку, прилегла на заваленкѣ: — Умо-ри-лась какъ!.. страсть... Чисто бѣда!..

Сергѣй Арефинъ.

Крестьянскія волненія въ первый годъ царствованія императора Николая I *).

I.

Годъ восшествія на престолъ императора Николая I ознаменовался, какъ извѣстно, не только декабрьскимъ взрывомъ 1825 г., но и обильными крестьянскими волненіями въ послѣдующемъ году. Правда, въ этомъ отношеніи первый годъ царствованія Николая I не отличался отъ первыхъ лѣтъ царствованія его предшественниковъ. Со времени императора Петра III вступленіе на престолъ каждаго новаго монарха сопровождалось усиленными народными волненіями, проистекавшими изъ надеждъ крестьянъ найти въ новомъ царѣ защитника своихъ правъ и интересовъ. Но были обстоятельства, нѣсколько осложнившія и усилившія народное движеніе въ 1826 году.

Неожиданная смерть императора Александра I въ Таганрогѣ, воцареніе великаго князя Константина Павловича и его отказъ затѣмъ отъ престола, воцареніе его младшаго брата Николая, а затѣмъ громъ пушекъ на Сенатской площади въ Петербургѣ, 14-го декабря и возстаніе черниговскаго пѣхотнаго полка въ Кіевской губерніи не могли ускользнуть отъ народнаго вниманія и не вызвать массу разнообразныхъ и противорѣчивыхъ толковъ. Къ обычнымъ ожиданіямъ воли отъ новаго царя присоединились надежды, порожденныя событіями, которыя были своеобразно поняты крестьянами. «Правительство,—говоритъ г. Шильдеръ,—собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ, заслуживающихъ вниманія историка, какъ несомнѣнное порожденіе народной фантазіи, старавшейся по своему объяснить событія этой смутной эпохи» **). Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы еще не рас-

*) Настоящій очеркъ, составленный на основаніи архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ центральномъ Архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и печатнаго матеріала, касается, главнымъ образомъ, волненій, связанныхъ со слухами о волѣ, циркулировавшими въ народѣ въ 1826 г.

**) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. IV, стр. 445.

полагаемъ всѣми архивными матеріалами, могущими вскрыть народныя чаянія и думы того времени. Попытаемся разобраться хотя бы въ томъ сравнительно незначительномъ матеріалѣ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Мы не будемъ останавливаться на сказаніяхъ по поводу смерти Александра I. По словамъ Шильдера, характерною особенностью ихъ «является то, что всѣ они сходятся въ одномъ, — въ утвержденіи, что императоръ Александръ не умеръ въ Таганрогѣ, что вмѣсто него было похоронено подставное лицо, а самъ онъ какимъ-то таинственнымъ образомъ скрылся оттуда неизвѣстно куда».

Интереснѣе для выясненія думъ и чаяній крестьянъ слухи, связанные съ обстоятельствами воцаренія императора Николая I.

Актъ отреченія великаго князя Константина Николаевича считался народомъ, повидимому, вынужденнымъ. Права его почитались нарушенными. Какъ извѣстно, многіе солдаты, принимавшіе участіе въ возстаніи декабристовъ, искренно считали, что выступаютъ въ защиту правъ великаго князя Константина Павловича. Безсрочно-отпускной солдатъ, Корнѣевъ, блуждавшій по Саратовской губерніи вмѣстѣ съ лже-Константиномъ въ 1826 г., во время слѣдствія, отрицая свое участіе въ «петербургскомъ бунтѣ», говорилъ, что тогда «гвардейцы не хотѣли присягать... императору Николаю Павловичу по той причинѣ, что присягали наслѣднику цесаревичу Константину Павловичу». Ямщикъ, везшій однажды этого Корнѣева съ самозванцемъ и другимъ спутникомъ, показалъ, что его сѣдоки бесѣдовали между собою, какъ въ Петербургѣ при восшествіи на престолъ Николая Павловича нѣкоторые полки возмутились, потому, что не хотѣли «обижать наслѣдника-цесаревича, коему на вѣрность присягнули ихъ командиры» *). Въ Кіевѣ два солдата Низовскаго пѣхотнаго полка говорили, что, хотя они присягали и Николаю, и Константину Павловичамъ, но ихъ государь—Константинъ Павловичъ; по ихъ словамъ, у нихъ во время присяги «3-ей шеренги люди вовсе не присягали на вѣрность государю-императору Николаю Павловичу» **).

Самъ великій князь Константинъ преобразился въ народныхъ толкахъ въ защитника крестьянскихъ правъ, что, какъ извѣстно, было весьма далеко отъ дѣйствительности ***). Слухи, циркулиро-

*) Мордовцевъ. „Политическія движенія русскаго народа“, т. II, стр. 115.

**) Иконниковъ. „Крестьянское движеніе въ Кіевской губ. въ 1826 — 1827 г. въ связи съ событіями того времени“; „Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому“, ч. II.

***) Великій князь Константинъ Павловичъ, наоборотъ, былъ настроенъ консервативно относительно крестьянскаго вопроса. Въ 1830 г., напримѣръ, онъ возражалъ противъ ограниченій крѣпостного права, проектированныхъ комитетомъ 1826 г. См. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“ въ сборникѣ „Крестьянскій строй“. стр. 237 и 248—249.

вавшіе въ Москвѣ въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826 г., изображали отстраненіе Константина Павловича, какъ слѣдствіе его намѣренія освободить крѣпостныхъ. Говорили также, что Константинъ Павловичъ, «видя неустроенное въ Россіи варварское на всероссійское простонародіе самовластное и тяжкое притѣсненіе, рѣшилъ... уничтожить его по возможности и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщался двинуть въ Россію полтораста тысячъ войска» *).

Объ этихъ слухахъ сообщалъ даже французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ де-Лафероннэ своему правительству. «Оказывается,—писалъ онъ,—что народу внушили, будто великій князь Константинъ Павловичъ намѣренъ дать свободу крестьянамъ» **).

Легенда о Константинѣ Павловичѣ, какъ противникѣ крѣпостного права и страдальцѣ за свои симпатіи къ народу, довольно прочно утвердилась въ народномъ сознаніи, обезпечивъ даже успѣхъ лже-Константинамъ, не разъ появлявшимся въ царствованіе Николая I. Уже въ началѣ 1826 г., въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи ходили слухи, что «пріѣзжалъ цесаревичъ и спрашивалъ крестьянъ объ ихъ повинностяхъ». Говорили, что передъ контрактами (въ Кіевѣ) два лица разъѣзжали въ коляскѣ на 5 лошадяхъ, причемъ одно изъ нихъ именовало себя «цесаревичемъ» ***).

Въ Саратовской губерніи, въ томъ же 1826 году, появился самозванецъ, называвшій себя великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Съ нимъ было двое солдатъ, которыхъ крестьяне принимали за переодѣтыхъ генераловъ. Въ селѣ Ошметовкѣ этотъ самозванецъ обѣщалъ дать крестьянамъ «другіе законы, легкіе». Мнимые генералы говорили, что «великая особа» разъѣзжаетъ тайно съ цѣлью лично узнать, какимъ обидамъ подвергается простой народъ, чтобы потомъ всѣхъ «неправыхъ» начальниковъ, а также и губернатора смѣнить и наказать. Въ слѣдующемъ году эти же лица появились въ малороссійскомъ селѣ Романовкѣ Балашевскаго уѣзда. Здѣсь ихъ пребываніе вызвало вспышку неповиновенія. Село Романовка давно слыло за непокорное, что указываетъ на протестующее настроеніе крестьянъ и существованіе какихъ-то непрерывно дѣйствующихъ причинъ, поддерживавшихъ ихъ недовольство.

Разсказы самозванца, что онъ и государь давно задумали освободить крѣпостныхъ и теперь въ скоромъ времени выполнятъ свое намѣреніе, придали крестьянамъ вѣру въ успѣхъ неповиновенія помѣщичьей власти. Они начали уклоняться отъ работъ и платежа

---

*) Шильдеръ, «Имп. А. I»,

**) Иконниковъ. «Кр. движеніе...», стр. 738.

***) Иконниковъ. „Кр. движеніе ч. II, стр. 732.

оброка, затѣмъ потребовали сложенія недоимки и выдачи имъ экономическихъ книгъ. Они не желали даже разговаривать съ прибывшимъ въ село исправникомъ, вели себя по отношенію къ нему грубо и вызывающе. Въ Романовку была послана военная команда, но и при ея появленіи крестьяне не смирились. Часть изъ нихъ скрылась, другіе не только отказались повиноваться, но ударили въ набатъ и, разобравъ плетень, готовились съ кольями встрѣтить солдатъ. Военной командѣ было уже отдано приказаніе приготовиться къ стрѣльбѣ. Однако до кровопролитія дѣло не дошло. Старики первые пришли въ себя и упали на колѣни. Солдатамъ было приказано опустить поднятыя ружья, а крестьяне побросали колья. Дѣло ограничилось лишь сѣченьемъ нѣсколькихъ крестьянъ. Самозванецъ и «генералъ» успѣли скрыться еще до прихода военной команды *).

Мысль, что цесаревичъ живъ и явится, чтобы помочь народу, не замирала и послѣ его смерти **). Подобные слухи, по словамъ Мордовцева, жили до самаго освобожденія крестьянъ. «Народная молва,—пишетъ онъ,—постоянно гласила, что великій князь, какъ-то почти невидимо ни для кого, ходитъ по землѣ, но что время его еще не настало, и оттого онъ является людямъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, но что когда настанетъ это время, онъ явится, какъ освободитель народа отъ всего, что только есть тяжелаго въ его жизни. Народъ разсказываетъ, что нѣкоторые видѣли эту странствующую по землѣ таинственную личность, и что она говорила съ ними и обнадеживала ихъ. Такихъ разсказовъ весьма много ходило въ народѣ вплоть до самаго освобожденія крестьянъ, и особенно разсказы эти, сколько намъ извѣстно, распространены были на юго-востокѣ». Эти ожиданія «царевича» были, повидимому, сильны и въ Малороссіи. Такъ посчастливилось великому князю Константину Павловичу преобразиться въ народнаго заступника и печальника. Такая популярность объясняется, конечно, горячею вѣрою народа въ благожелательность къ нимъ царя и

*) Мордовцевъ. „Полиг. движ. русскаго народа", т. II, стр. 94—119.

**) Разсказывая о смерти цесаревича, г. Карновичъ пишетъ: „Толковали, разумѣется, шепотомъ, что Константинъ Павловичъ живъ, но заключенъ въ Петропавловскую крѣпость... Эта выдумка внушила мысль одному смѣльчаку-пройдохѣ выдать себя въ Тамбовской губерніи за великаго князя Константина Павловича". (Карновичъ, „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ". Спб. 1899 г., стр. 255—256). Въ 1835 году въ Аккерманѣ, въ Подольской губерніи, въ Костромѣ шли въ народѣ толки о томъ, что цесаревичъ живъ. Въ 1836 г. въ Аккерманѣ говорили, что цесаревичъ живетъ во Франціи и придетъ въ Россію съ иностранными войсками требовать присяги отъ брата Николая. Каждому солдату цесаревичъ, согласно этому слуху, обѣщалъ дать по 2 рубля въ день жалованья а „народу даровать вольность и освобожденіе отъ податей". („Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ". „Р. Стар.", 1878 г. № 9). Въ 1845 г. появился лже-Константинъ въ Оренбургской губерніи (Мордовцевъ. „Полит движ. русскаго народа", т. II, стр. 94).

глубокою жаждою воли, облегченія государственнаго бремени и всяческой эксплуатаціи. Крестьянамъ было извѣстно, что Константинъ Павловичъ долженъ былъ царствовать, и ему уже присягали, какъ царю. На него, какъ на новое лицо на престолѣ, возложили крестьяне свои упованія, не исполненныя предыдущимъ государемъ. Царь Константинъ мелькнулъ передъ крестьянами, какъ прекрасная возможность, въ которой они еще не успѣли разочароваться.

Не такъ посчастливилось декабристамъ, для которыхъ воля народа дѣйствительно была одною изъ главныхъ цѣлей, предметомъ горячихъ желаній и стремленій. Выступленіе «господъ» въ качествѣ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ было слишкомъ ново для крестьянъ, чтобы они могли повѣрить въ искренность стремленій декабристовъ, даже если бы эти стремленія были извѣстны крестьянамъ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ матеріалахъ имѣется очень мало данныхъ о слухахъ и толкахъ въ народѣ, относящихся непосредственно къ декабристскому движенію. Повидимому, декабристы остались по существу неизвѣстными народу. Мы имѣемъ, впрочемъ, указаніе, что нѣкоторымъ крестьянамъ были извѣстны намѣренія декабристовъ. Такъ, въ 1827 г. одинъ старикъ, крестьянинъ Московской губерніи, сказалъ невѣстѣ декабриста Анненкова: «вѣдь я знаю, чего они хотѣли: господа-то хотѣли свободы нашей, свободы крестьянъ» *). Но съ другой стороны, напримѣръ, во время волненія плещеевскихъ крестьянъ кн. Гагарина въ Ярославской губерніи, среди нихъ циркулировалъ слухъ, что новый царь разстрѣлялъ дворянъ, взбунтовавшихся за то, что царь хотѣлъ дать крестьянамъ волю **). Повидимому, наибольшею извѣстностью и популярностью пользовались среди крестьянъ извѣстія о многочисленныхъ арестахъ среди помѣщиковъ, производившихся въ связи съ декабрьскими событіями. Такъ, въ Псковской губерніи слухъ объ арестѣ помѣщиковъ Ноинскаго и Цеэ и ссылкѣ ихъ въ Сибирь былъ связанъ со слухомъ о намѣреніи царя дать крестьянамъ волю, что вызвало волненіе среди крестьянъ этихъ помѣщиковъ. Въ Кіевской губерніи нашелся даже предпріимчивый солдатъ, Семеновъ, который воспользовался подобными слухами и выдалъ себя за лицо, высочайше командированное для поголовнаго ареста всѣхъ помѣщиковъ. Витгенштейнъ писалъ по этому поводу Киселеву, что «эта самая исторія происходила и во многихъ другихъ губерніяхъ, все въ томъ же смыслѣ, что помѣщиковъ берутъ въ Петербургъ, а мужикамъ дается вольность» ***).

---

*) „Р. Стар.“, 1883 г., № 3, стр. 596. См. объ этомъ также, В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, въ сборн. „Крест. строй“, стр. 237.

**) Трефолевъ. „Плещеевскій бунтъ“; „Др. и Нов. Россія“, 1877 г. № 10, стр. 163.

***) Заблоцкій-Десятовскій. „Гр. Киселевъ и его время“, т. II, стр. 205.

Весьма вѣроятно, что между слухами о волѣ, о прощеніи недоимокъ и декабристскимъ движеніемъ существовала нѣкоторая связь. Косвенное подтвержденіе этого можно видѣть въ томъ, что слухи сосредоточивались около двухъ центровъ декабрьскаго возстанія, хотя волны ихъ откатывались довольно далеко на окраины. Съ одной стороны, мы наталкиваемся на слухи въ рядѣ сѣверныхъ губерній, лежащихъ недалеко отъ Петербурга; съ другой, обильные слухи мы встрѣчаемъ въ Кіевской губерніи, т. е. въ сферѣ вліянія Южнаго Общества. Одно это указываетъ, что декабрьскія событія произвели впечатлѣніе на народныя массы, хотя и исказились въ горнилѣ народныхъ толковъ до неузнаваемости. Крестьяне могли уловить, конечно, лишь внѣшній ходъ событій. Они знали, что воцарившійся было царь Константинъ исчезъ съ престола, и вмѣсто него воцарился братъ его Николай. Они знали, что офицеры и другіе «господа» пошли противъ царя, и «царь разстрѣливалъ ихъ въ Петербургѣ изъ пушекъ». Походъ возставшаго Черниговскаго полка во главѣ съ С. Муравьевымъ совершался на глазахъ мѣстнаго населенія: здѣсь С. Муравьевъ въ Васильковѣ всенародно нѣсколько разъ читалъ свой политическій катехизисъ и объяснялъ его крестьянамъ; въ Кіевѣ по трактирамъ въ народѣ было распространено Мозгальскимъ значительное количество списковъ того же политическаго катехизиса. Крестьяне знали также, что вслѣдъ за всѣми этими событіями послѣдовали многочисленные аресты среди «господъ». Извѣстны также попытки нѣкоторыхъ декабристовъ агитировать среди низшихъ слоевъ населенія. Такъ, имѣется разсказъ Н. Бестужева, какъ онъ, его братъ Александръ и Рылѣевъ ходили въ первыхъ числахъ декабря 1825 г. ночью по Петербургу, обращались къ встрѣчнымъ солдатамъ и къ часовымъ, разсказывая имъ, «что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя себѣ представить жадности, съ какой слушали насъ солдаты, — разсказываетъ Бестужевъ,—нельзя изъяснить быстроты, съ какой разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ» *)

Конечно, было бы ошибочно приписывать слухи о волѣ и. т. под. исключительно декабристскому движенію, а тѣмъ болѣе попыткамъ декабристовъ агитировать среди низшихъ слоевъ населенія. Изъ этого источника могли возникнуть многіе слухи о волѣ, но нельзя забывать, что и сама перемѣна царствованія могла породить ихъ, какъ то было при воцареніи предшественниковъ Николая I. При настойчивой вѣрѣ крестьянъ въ царя, воцареніе новаго лица могло, какъ уже было сказано выше, окрылять старыя надежды, и снова разгоралась вѣра, что, если не удалось прежнему царю побороть

*) «Историч. Вѣстникъ», 1904 г. № 4 стр. 125.

противодѣйствіе дворянъ, то хоть новый царь одолѣетъ ихъ и дастъ желанную волю.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію крестьянскаго движенія 1826 г., нужно отмѣтить особенности его въ Кіевской губерніи, гдѣ слухи носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ юго-западномъ краѣ съ давнихъ поръ бродила въ народныхъ массахъ мысль объ истребленіи пановъ, какъ средствѣ освобожденія крестьянинъ отъ помѣщичьей власти. Въ 1826 году подобные слухи, подъ вліяніемъ событій начала царствованія императора Николая I, разгорѣлись съ большою силою. То говорилось, что нужно рѣзать «жидовъ и ляховъ», то указывали, что рѣзать нужно шляхту, евреевъ и другого званія людей и что, только» «очистивши такимъ способомъ мѣста», государь будетъ короноваться. Одинъ крестьянинъ Васильковскаго уѣзда подводилъ и священниковъ подъ эту же категорію лицъ, осужденныхъ на смерть. Поссорившись со священникомъ, онъ будто бы сказалъ ему: «підiждiть, незабаромъ, такимъ пастырямъ головы будемъ лупыть, и вамъ тутъ міста немае» *). Въ Уманскомъ уѣздѣ шли толки, что появился сынъ Гонты; говорили, будто бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указъ съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно скорѣе, въ Варшаву; кто не послушается указа и останется до Пасхи дома, тотъ будетъ убитъ крестьянами.

Сроки для «рѣзанины» и «колiивщины» были различны. Самымъ раннимъ срокомъ было вербное воскресеніе. По всей южной половинѣ кіевской губерніи былъ распространенъ слухъ, что священники получили указы, повелѣвающіе окончить къ великому четвергу исповѣдь и освятить въ этотъ день пасхи, ибо на свѣтлый праздникъ всѣ церкви будутъ опечатаны, а крестьяне отъ мала до велика должна идти истреблять пановъ**). Пасха была, повидимому, наиболѣе популярнымъ срокомъ для истребленія пановъ. Впрочемъ, иные назначали сроки болѣе поздніе: Ѳомино воскресенье, 15-ое мая, а одинъ звенигородскій мѣщанинъ болталъ, что «очиститься» необходимо къ коронаціи, когда «жнитва настанетъ» ***).

Крестьяне настолько искренно вѣрили въ неизбѣжность «рѣзанины», что нѣкоторые были озабочены, кого изъ обреченныхъ на избіеніе нужно спасти. Одна крестьянка-кормилица, желая спасти своего молочнаго сына, просила у госпожи разрѣшенія взять мальчика къ себѣ и переодѣть въ крестьянское платье. Въ Васильковскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ, проектируя зарѣзать прежде всего мѣст-

*) Иконниковъ, стр. 720, 726.—О слухахъ въ Кіевской губ. см. также: К. К-къ. «Самозванный флигель-адъютантъ Семеновъ»; «Кіевск. старина», 1882 г. № 12, стр. 519—526; и Заблоцкій-Десятовскій. «Гр. Киселевъ и его время», т. II, стр. 205—206.

**) Иконниковъ, стр. 722.

ныхъ богачей, замѣчалъ: «Шмулиса только жида оставимъ, бо добрый человѣкъ» *).

На помѣщиковъ, понятно, всѣ подобные слухи о готовящейся рѣзнѣ производили гнетущее впечатлѣніе. Передъ вербнымъ воскресеньемъ въ Уманскомъ уѣздѣ паника среди помѣщиковъ была такъ велика, что началось массовое бѣгство ихъ изъ имѣній въ Умань, чѣмъ данъ былъ лучшій поводъ къ новымъ толкамъ среди крестьянъ. Не только помѣщики, но и мѣстное начальство заразились вѣрою въ возможность рѣзни. Уманьскій повѣтовый маршалъ донесъ объ этихъ слухахъ губернатору, почему для разслѣдованія ихъ былъ посланъ чиновникъ особыхъ порученій. Командующій дивизіей ген.-м. Нобель, сообщая о готовящейся рѣзнѣ на 11-ое апрѣля командиру смоленскаго драгунскаго полка, стоявшаго въ Черкасскомъ уѣздѣ, рекомендовалъ, чтобы войска были наготовѣ: должно было учредить разъѣзды, разослать эскадроны по селамъ и въ случаѣ безпорядковъ немедленно извѣстить самого Нобеля съ нарочнымъ. Командиръ смоленскаго полка предложилъ въ свою очередь черкасскому исправнику принять на случай волненія строжайшія мѣры **).

Судя по извѣстнымъ доселѣ фактамъ, въ Кіевской губерніи яснѣе, чѣмъ на сѣверѣ, сказалась связь слуховъ съ декабрьскимъ движеніемъ. Любопытно, что въ этихъ слухахъ довольно большую роль играли солдаты: то они были источниками слуховъ, то они должны были начинать рѣзню, то, наконецъ, самые грядущіе безпорядки должны были заключаться въ «дракѣ» между солдатами. Наиболѣе сильное впечатлѣніе и память по себѣ оставилъ черниговскій пѣхотный полкъ. Нѣкоторые слухи опредѣленно связывались съ возстаніемъ этого полка. Одинъ изъ вышеупомянутыхъ крестьянъ, Терещенко, (графини Браницкой) говорилъ о рѣзнѣ непосредственно послѣ пораженія С. Муравьева, а именно, 4-го или 5-го января. Кормилица, желавшая спасти своего молочнаго сына, указывала, какъ на источникъ слуха, на гусаръ, содержавшихъ караулъ въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь при арестованныхъ солдатахъ черниговскаго полка. Эти гусары говорили, что «много полковъ взбунтовалось, придутъ въ Бѣлую Церковь и начнутъ рѣзать пановъ и другихъ». Крестьяне въ имѣніи графини Браницкой знали, что черниговскій полкъ шелъ къ нимъ по направленію къ Бѣлой церкви. По словамъ одного шляхтича, нѣкоего Горчинскаго, крестьяне въ с. Яблоновкѣ***) говорили ему: «когда бы солдаты черниговскаго полка пришли прямо въ Бѣлую Церковь, то заразъ бы и они явились къ нимъ на помощь и начали бы свое дѣло». Михайловскій-Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что въ Бѣлой

*) Ibid., 722.
**) Ibid., стр. 727.
***) Иконниковъ, стр. 724.

Церкви ожидали С. Муравьева, «чтобы съ нимъ соединиться, 4000 человѣкъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ. Это были большею частью старинные малороссійскіе казаки, которыхъ граф. Браницкая укрѣпила за собою несправедливымъ образомъ»*). Въ 1826 г. бѣлоцерковская главная экономія донесла въ васильковскій повѣтовый судъ, что крестьянинъ Медвѣденко «пьяный въ шинкѣ просилъ четырехъ рядовыхъ поднять возстаніе на подобіе черниговскаго полка»**). Крестьяне изъ этого же имѣнія говорили шляхтичу Горчинскому: «когда бы Богъ далъ скорѣе дождаться весны, то бы часа 3 гуляли въ Бѣлой Церкви, а то намъ тіи пузани тутъ сидятъ (причемъ указывали на грудь) и скоро даже рубахи съ насъ посдираютъ». Тому же лицу крестьяне говорили, что, если понадобится, то къ ихъ услугамъ будетъ все необходимое для возстанія, что у нихъ якобы было уже до 100 пикъ, да и озеро ихъ все «достачитъ». Въ селѣ Ситникахъ составляли даже списки ополченія.

Аресты среди помѣщиковъ и другихъ лицъ, производившіеся въ громадномъ количествѣ въ связи съ декабристскимъ движеніемъ, конечно, привлекали къ себѣ вниманіе крестьянъ. Но эти аресты, повидимому, возбуждали даже злорадство и понимались, какъ путь къ избавленію отъ пановъ. Крестьянинъ Уманьскаго уѣзда, Племянниковъ, напримѣръ, узнавъ, что изъ села Зеленьково взятъ посессоръ, говорилъ: «колибъ Богъ давъ, чтобъ всѣхъ поссессоровъ и помѣщиковъ подобрали, то бы для крестьянъ было легче къ отрабатыванію барщины» ***). Впрочемъ извѣстенъ фактъ и укрывательства декабриста крестьяниномъ отъ преслѣдованія правительственныхъ властей. Когда декабристъ Сухиновъ скрывался послѣ пораженія черниговскаго полка 3 января 1826 г., то его пріютилъ одинъ крестьянинъ изъ деревни Поляничицы. Но то было укрывательство непосредственнаго участника возстанія, къ которому крестьяне, судя по вышеприведеннымъ даннымъ, относились сочувственно.

Настроеніе крестьянъ такимъ образомъ зимою и весною 1826 года было въ Кіевской губерніи очень тревожнымъ. Подъ вліяніемъ слуховъ крестьяне становились смѣлѣе въ своихъ протестахъ противъ угнетеній; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не хотѣли отрабатывать барщины ****); слышались угрозы. Одинъ наблюдательный солдатъ, уже упомянутый нами Семеновъ, возвращав-

---

*) Большинство крестьянъ, участвовавшихъ въ разговорахъ, были изъ села Сорокотяги. Эти деревни принадлежали графинѣ Браницкой.

**) Цит. по ст. Иконникова „Кр. движеніе...“ стр. 685.

***) Ibid., стр. 728—730.

****) Варадиновъ указываетъ на одинъ случай волненія крестьянъ въ 1826 г., которое продолжалось 3 года; вызвано ли оно было слухами, имѣли ли они здѣсь какое-либо значеніе, къ сожалѣнію неизвѣстно. Въ Архивѣ М. Вн. Дѣлъ этого дѣла въ настоящее время нѣтъ. Варадиновъ, «Исторія М. Вн. Дѣлъ», ч. III, кн. 1, стр. 79.

шійся въ Днѣпровскій полкъ изъ отпуска, сумѣлъ использовать подобное настроеніе крестьянъ и ловко разыгралъ роль «флигель-адъютанта», командированнаго государемъ для ареста всѣхъ помѣщиковъ и для отправки ихъ въ Петербургъ. Крестьяне вполнѣ довѣрчиво отнеслись къ появленію «флигель-адъютанта» и подчинились ему. Семеновъ побывалъ въ нѣсколькихъ селахъ Уманьскаго уѣзда. Въ селѣ Машаровѣ онъ отмѣнилъ барщину, объявивъ крестьянъ свободными; впрочемъ, узнавъ, что имѣніе принадлежитъ генералу Нарышкину, онъ разрѣшилъ крестьянамъ *немного* поработать на этого помѣщика. Поссессора и эконома онъ арестовалъ и приказалъ заковать въ кандалы, причемъ перваго избилъ и отнялъ у него деньги. Въ селѣ Романовкѣ онъ высѣкъ эконома, на жестокость котораго пожаловались ему крестьяне. По его порученію были также арестованы поссессоръ и экономы въ селѣ Иванькахъ. Любопытно, что Семеновъ разрѣшалъ себѣ брать въ имѣніяхъ лишь нѣкоторыя, сравнительно малоцѣнныя, вещи, вродѣ головы сахара, серебряной сахарницы и т. п., но въ то же время, по его приказанію, и въ Машаровѣ, и въ Иванькахъ были составлены описи помѣщичьяго имущества. Семеновъ былъ быстро арестованъ. Его, а съ нимъ и до 150 человѣкъ крестьянъ предали военному суду; въ селенія ввели военныя команды. Семеновъ былъ присужденъ къ смертной казни; изъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь на каторгу, другихъ—на поселеніе, третьихъ приговорили къ наказанію кнутомъ, и лишь нѣкоторые были оправданы. Сами же крестьяне долго не могли понять, кто въ дѣйствительности исполнялъ «истинную» царскую волю: «флигель-адъютантъ», освобождавшій ихъ отъ панщины, или исправникъ и засѣдатель, арестовавшіе царскаго посла. Они рѣшили, что паны подкупили начальство, и покорились судьбѣ *).

Остановимся теперь на слухахъ и связанныхъ съ ними волненіяхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Здѣсь разсадниками слуховъ несомнѣнно являлись столицы, а особенно Петербургъ, гдѣ происходили декабрьскія событія. Слухи эти, повидимому, распространялись или непосредственно черезъ отхожихъ крестьянъ, или черезъ письма. Ярославскій губернаторъ Безобразовъ писалъ флигель-адъютанту графу Строганову 5 мая 1826 г., знакомя съ неповиновеніемъ крестьянъ князя Гагарина: «Со времени бывшихъ происшествій въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, различные нелѣпые слухи въ народѣ безпрерывно распространялись и доселѣ распространяются. Слухи эти въ Ярославской губерніи болѣе, нежели въ другой, имѣютъ возможность доходить и сосредоточиваться во мнѣніи народа, ибо треть жителей губерніи, находясь безпрестанно въ отлучкѣ по торговлѣ и промысламъ, большею частью проживаютъ въ С.Пе-

*) К. К—къ. „Самозв. флиг.-адъютантъ“—„Кіевск. Стар.“ 1882, № 12.

тербургѣ и Москвѣ; изъ сихъ мѣстъ, возвращаясь въ домы свои приносятъ вѣсти, часто самыя нелѣпыя, среди собратій своихъ довѣрія заслуживающія. Сіи-то люди, приходящіе изъ столицъ, распространили слухи между помѣщичьими крестьянами о мнимо ожидаемой къ веснѣ вольности, а между казенными крестьянами и прочими состояніями, что всѣ недоимки прощены будутъ». Указывая, съ другой стороны, что «рыбинская пристань съ открытіемъ сплава судовъ ежедневно сосредоточиваетъ отъ 50 до 100 тысячъ народа, со всѣхъ почти южныхъ губерній имперіи нашей прибывающихъ», Безобразовъ полагалъ, что необходимо было принять энергичныя мѣры къ прекращенію слуховъ въ началѣ, «дабы тѣмъ остановить и самое вліяніе на приходящій народъ къ пристани, который, возвращаясь въ домы свои, не могъ бы разсѣивать слуховъ нелѣпыхъ».

Въ Псковской губерніи можно отмѣтить проникновеніе слуховъ въ массу также черезъ крестьянъ, возвратившихся изъ Петербурга. Довольно сильное броженіе, возникшее въ различныхъ частяхъ Петербургской губерніи, можно въ значительной степени объяснить частыми сношеніями мѣстныхъ жителей со столицей. Тѣ же источники были обнаружены и въ Тверской губерніи. Такъ, по разслѣдованію калязинскаго уѣзднаго предводителя дворянства, кн. Мещерскаго, одинъ крестьянинъ села Талдома получилъ письмо изъ Петербурга отъ односельца, гдѣ сообщалось о льготахъ, которыя будутъ оказаны крестьянамъ. Это письмо положило начало броженію, которое «быстро распространилось по другимъ волостямъ и по помѣщичьимъ имѣніямъ». Другимъ источникомъ служили, по словамъ кн. Мещерскаго, разсказы возвращающихся изъ столицъ крестьянъ. Установить личность разглашателей, по его словамъ, нельзя было, «ибо всѣ ссылаются, что была общая о семъ молва». Козлами отпущенія за распространеніе слуховъ явились два крестьянина кн. Волконскаго, дерзкіе отзывы которыхъ, по словамъ кн. Мещерскаго, имѣли «самыя пагубныя послѣдствія». Эти крестьяне, какъ оказалось по разслѣдованію, выпивши, разболтались. Одинъ изъ нихъ раза два назвалъ государя «полуименемъ» и говорилъ, «что всѣ будутъ вольны, и когда господа попадутся на дорогѣ, то, выпрягши лошадь, бить ихъ всѣхъ дугой». Другой крестьянинъ также разсказывалъ о близкой волѣ. Эти крестьяне были арестованы и преданы суду. Этотъ фактъ любопытенъ, какъ указаніе, что мысль о физической расправѣ съ помѣщиками можно было встрѣтить и среди сѣверныхъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, содержаніе слуховъ, распространенныхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, извѣстно очень мало. Лейтмотивомъ этихъ слуховъ было уничтоженіе крѣпостнаго права и прощеніе казенныхъ недоимокъ. Первая «милость» касалась такимъ образомъ помѣщичьихъ крестьянъ, вторая—какъ помѣщичьихъ,

такъ казенныхъ, удѣльныхъ и иныхъ крестьянъ. Въ Вологодской губерніи, напримѣръ, говорили въ мартѣ, что крестьяне будутъ взяты въ казну, а потому не слѣдуетъ платить оброковъ помѣщикамъ. Впослѣдствіи крестьяне пошли въ своихъ выводахъ дальше, и въ апрѣлѣ, по разслѣдованію губернскаго правленія, они толковали, что не нужно ни платить государственныхъ или иныхъ платежей, ни повиноваться помѣщикамъ. Въ томъ же родѣ шли толки и въ Тверской губерніи приблизительно въ мартѣ и первой половинѣ апрѣля. Среди казенныхъ крестьянъ говорили, что въ маѣ при коронаціи будутъ прощены всѣ недоимки, а помѣщичьи добавляли, что тогда же—помимо прощенія недоимокъ—они всѣ будутъ взяты въ казенное вѣдомство. Въ Ярославской губерніи также уже, повидимому, въ мартѣ говорили, что волю нужно ожидать въ маѣ. Въ имѣніи Пономаревой крестьяне указывали даже на срокъ для объявленія воли, а именно, 1-ое или 9-ое мая. Ожиданія воли въ этомъ имѣніи были настолько интенсивны, а вѣра въ ея полученіе—настолько сильна, что въ части вотчины, лежавшей въ Ярославской губерніи, говорили въ апрѣлѣ, что мышкинскій, кашинскій и бѣжецкій исправники уже «прибыли въ село Кой *) отписываютъ крестьянъ на государя и объявляютъ вольность». Въ имѣніяхъ псковскихъ помѣщиковъ Ноинскаго и Цеэ крестьяне уже въ началѣ марта «дѣлали въ разныхъ селеніяхъ скопы и толкованія, какъ объ вольности, равно и неплатежѣ государственныхъ казенныхъ повинностей, господскаго оброка и нехожденіи на господскую работу». Въ Псковской губерніи ложные слухи бродили среди населенія и послѣ обнародованія манифеста 12-го мая, изданнаго въ опроверженіе ихъ. По крайней мѣрѣ, еще въ концѣ іюля началось броженіе среди крестьянъ помѣщика Татищева Порховскаго же уѣзда на почвѣ слуха объ указѣ, устанавливающемъ двухдневную барщину. Какъ было уже замѣчено, слухи были сильно распространены и въ Петербургской губерніи. Въ Гдовскомъ уѣздѣ крестьяне полагали, что для полученія воли необходимо посылать ходоковъ къ царю и отказываться отъ повиновенія; самый манифестъ 12-го мая, которымъ правительство думало внушить крестьянамъ покорность, считался ими подложнымъ, написаннымъ дворянами безъ вѣдома царя. Въ томъ же родѣ слухи циркулировали и въ Рязанской губерніи. Есть указаніе на слухъ въ Московской губерніи о полученіи свободы въ іюнѣ. Весьма вѣроятно, что районъ распространенія ложныхъ слуховъ былъ шире, но на основаніи имѣющихся данныхъ можно лишь подозрѣвать это, утверждать же еще нельзя.

Народныя массы не ограничивались, конечно, разговорами на темы о свободѣ и прощеніи недоимокъ. Отъ словъ они переходили

---

*) Одно изъ главныхъ селъ въ имѣніи, въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

къ дѣйствіямъ. Мѣстами крестьяне заранѣе прекращали платежи казенныхъ податей. Мѣстами они немедленно прекращали исполненіе крѣпостныхъ повинностей. Очень часто крестьяне подавали жалобы на помѣщиковъ, хотя бы ихъ положеніе сравнительно было очень сносно. Послѣднее явленіе зависѣло, вѣроятно, отъ слуха, что неподавшіе жалобъ воли не получатъ. Подавъ жалобу, крестьяне во многихъ мѣстахъ считали себя въ правѣ прекращать крѣпостныя отношенія или, по крайней мѣрѣ, тѣ повинности, которыя ими опротестовывались. Мало того, нерѣдко среди крестьянъ встрѣчалось мнѣніе, что они навлекутъ на себя гнѣвъ государевъ и не получатъ удовлетворенія своей просьбы, если согласятся повиноваться помѣщику до полученія отвѣта на прошеніе. Поэтому-то подача жалобъ такъ часто переходила въ неповиновеніе помѣщичьей власти. Указанное движеніе среди крестьянъ въ сторону подачи жалобъ—важный фактъ для исторіи быта.

Крестьяне, вѣря въ благожелательность царской власти и близость свободы, осмѣливались выступать съ жалобами противъ господъ. Въ 1826 г. подавали жалобы и такіе крестьяне, которые въ обычное время покорно исполняли свои повинности, безропотно подчиняясь подчасъ непосильному крѣпостному игу. Жаловались даже тѣ, которые обычно были довольны своими помѣщиками. Точно такъ же и среди неповиновеній, возникавшихъ въ этомъ году, мы встрѣчаемъ не только такія, которыя были результатомъ выдающихся злоупотребленій помѣщичьей властью: они возникали даже среди крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ средняго типа, не выдѣлявшимся особою эксплуатаціей своихъ крѣпостныхъ.

Неповиновенія 1826 г. любопытны для исторіи и по другой причинѣ. Въ этомъ году императоръ Николай I особенно внимательно относился къ извѣстіямъ о крестьянскихъ волненіяхъ, требуя подробныхъ разслѣдованій крѣпостныхъ отношеній между неповинующимися крестьянами и помѣщиками и посылая флигель адъютантовъ для подавленія и разслѣдованія всякой мало-мальски серьезной вспышки неповиновенія. Поэтому мѣстныя донесенія 1826 года министру внутреннихъ дѣлъ о причинахъ неповиновеній заключаютъ въ себѣ много крайне любопытныхъ чертъ для исторіи помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго быта.

Неповиновенія помѣщичьихъ крестьянъ, возникавшія въ связи со слухами 1826 года, были въ общемъ совершенно разрозненными. Волновались отдѣльныя имѣнія безъ всякой связи между собою, если только это не были бывшія части одного имѣнія. Такъ, въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи волновались одновременно крестьяне помѣщиковъ Ноинскаго, Цеэ, графини Завадовской и Вильбоа; но всѣ эти крестьяне принадлежали раньше одной графинѣ Завадовской, а поэтому между ними могло сохраняться большее общеніе, чѣмъ съ крестьянами другихъ помѣщиковъ. Конечно, вѣсть о волненіи въ томъ или другомъ имѣніи дѣйствовала возбуж-

дающе на крестьянъ сосѣднихъ имѣній. Подъ вліяніемъ волненія въ имѣніи помѣщика Татищева въ Псковской губерніи, напримѣръ, произошло неповиновеніе въ сосѣднихъ имѣніяхъ помѣщицъ Рындиной и Лихачевой. Извѣстно также указаніе Заблоцкаго-Десятовскаго, что при волненіи гагаринскихъ крестьянъ въ Ярославской губерніи «сосѣдніе крестьяне не шевелились, ждали съ любопытствомъ, чѣмъ дѣло кончится, дабы пристать, въ случаѣ удачи, къ своимъ собратіямъ» *). Однако, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько имѣній волновались въ несомнѣнной связи между собою, волненія возникали не по взаимному сговору, а скорѣе вслѣдствіе воздѣйствія на психику крестьянъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ. При этомъ крестьяне разныхъ помѣщиковъ обыкновенно не выступали вмѣстѣ, а каждое имѣніе волновалось особо.

Истинное количество волненій, происшедшихъ въ 1826 году, какъ въ связи съ ложными слухами, такъ и независимо отъ нихъ, въ настоящее время невозможно возстановить. Для выясненія ихъ количества необходима разработка мѣстныхъ архивовъ. Данныя же центральнаго Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, послужившія матеріаломъ для настоящаго очерка, далеко не охватываютъ всего крестьянскаго движенія 1826 года. Можно вполнѣ сказать, что по этимъ даннымъ извѣстны лишь наиболѣе крупныя волненія. Какъ общее правило, мѣстныя власти доносили министру внутреннихъ дѣлъ далеко не о всякомъ волненіи крестьянъ. Иногда лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, при болѣе сильной вспышкѣ волненія, губернаторъ, сообщая о ней, указывалъ на предыдущія болѣе слабыя неповиновенія. Примѣръ 1826 г. подтверждаетъ это. Въ этомъ году извѣстны волненія въ имѣніяхъ 48 помѣщиковъ **), но десять изъ нихъ сдѣлались извѣстными въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ лишь въ послѣдующіе годы ***); кромѣ того, относительно четырехъ волненій неизвѣстно, сообщали ли о нихъ въ министерство. Итакъ, только о 34-хъ волненіяхъ въ министерствѣ знали въ томъ же самомъ году, въ которомъ они произошли. Между тѣмъ несомнѣнно, что безпорядки среди помѣщичьихъ крестьянъ происходили и помимо этихъ 48 имѣній. Есть прямыя указанія на волненія, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній въ министерскихъ данныхъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя бы Тверскую губернію. Въ донесеніи тверского губернатора отъ 15-го апрѣля, гдѣ онъ сообщалъ о ложныхъ толкахъ среди казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, упоминается лишь между прочимъ объ

---

*) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 323—324.

**) Варадиновъ въ своей „Исторіи Мин-ства Внутр. Дѣлъ" (ч. III кн. 1 стр. 79—80) указываетъ еще на волненія въ Кіевской губерніи, продолжавшіяся 3 года, и 2 волненія въ Курской и Пермской губерніяхъ. Въ Архивѣ М. Вн. Д. въ настоящее время не сохранилось дѣлъ объ этихъ волненіяхъ.

***) 3—въ 1827 г., 6—въ 1828 г. и 1—въ 1830 году.

отказахъ послѣднихъ отъ повиновенія помѣщикамъ, но сколько имѣній волновалось и какія именно—не говорится *). Лишь по печатнымъ источникамъ извѣстно, что въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи было довольно сильное броженіе въ имѣніяхъ Корсаковой и князя Дундукова. Но кромѣ этихъ волненій, согласно тому же источнику, была «строптивость крестьянъ въ имѣніяхъ на правомъ берегу Плюссы», строптивость на столько сильная, что она задержала воинскій отрядъ, шедшій на усмиреніе крестьянъ Корсаковой **). Есть указаніе на волненіе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ ***) и какіе то безпорядки въ Ямбургскомъ уѣздѣ ****). Между тѣмъ въ Архивѣ Министерства Внутр. Дѣлъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о волненіяхъ крестьянъ въ Петербургской губерніи. Не имѣемъ мы свѣдѣній и о волненіяхъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи, хотя гр. Витгенштейнъ въ своемъ письмѣ къ Киселеву упоминаетъ эту губернію въ числѣ тѣхъ, гдѣ было наибольшее количество неповиновеній въ 1826 году. Въ числѣ ихъ гр. Витгенштейнъ называетъ и Рязанскую губернію; однако здѣсь намъ извѣстно лишь 3 волненія. Можно было бы привести рядъ другихъ подобныхъ же указаній. Но, думается, приведенныхъ примѣровъ достаточно для уясненія, что въ дѣйствительности броженіе среди помѣщичьихъ крестьянъ въ 1826 году было обширнѣе, чѣмъ рисуютъ его извѣстные до сихъ поръ случаи неповиновеній крестьянъ.

Движеніе, вызванное слухами о волѣ и т. под., относится главнымъ образомъ къ первой половинѣ 1826 года. Съ мая мѣсяца приблизительно слухи стали постепенно исчезать. Въ Вологодской губерніи и въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, напр., слухи и безпорядки среди помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ официально считались прекратившимися еще въ началѣ мая. Въ Ярославской губерніи прекращеніе слуховъ, по офиціальному признанію, относится къ началу іюня. Между тѣмъ, по офиціальнымъ же даннымъ съ января по іюнь включительно, получились свѣдѣнія лишь о 25 волненіяхъ. До 12-го же мая, т. е. до изданія манифеста, имѣвшаго цѣлью опровергнуть ложные слухи и возстановить спокойствіе среди крестьянъ, получились донесенія лишь о 15 волненіяхъ*****). Итакъ, количество разразившихся до 12 мая неповиновеній, ставшихъ извѣстными министру внутр. дѣлъ, судя по этимъ даннымъ, было очень невелико и само по

---

*) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 333.

**) «Др. и Нов. Россія», 1877 г. т. I, стр. 211—212.

***) Варадиновъ, ч. III, кн. 1, стр. 83.

****) «Др. и Нов. Россія», 1877 г. т. I, стр. 211—212.

*****) Въ февралѣ были получены донесенія о двухъ волненіяхъ, въ мартѣ—еще о пяти, въ апрѣлѣ—о двухъ и, наконецъ, въ маѣ—до 12-го числа о шести; всего же въ маѣ были получены донесенія о 9 новыхъ неповиновеніяхъ, въ іюнѣ—еще о семи и въ іюлѣ—объ одномъ.

себѣ врядъ ли могло вызвать правительство на изданіе манифеста. Между тѣмъ правительство, какъ извѣстно, не удовлетворилось и манифестомъ 12-го мая: 20 іюля послѣдовало высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о преданіи военному суду крестьянъ, виновныхъ въ неповиновеніи установленнымъ властямъ *).

Если мы ознакомимся съ наиболѣе крупными волненіями, то придемъ къ заключенію, что ни по количеству, ни по качеству они не были таковы, чтобы ими можно было объяснить тревожное настроеніе правительства. Слѣдуетъ думать, что причину вниманія къ крестьянскимъ волненіямъ и энергіи правительства въ борьбѣ съ ними слѣдуетъ искать не въ самихъ волненіяхъ, а въ настроеніи императора Николая I послѣ декабрьскаго возстанія. Указанія декабристовъ на крѣпостное право, какъ величайшее зло русской жизни, могущее повлечь за собою грандіозныя народныя волненія, если не будетъ облегчено положеніе крѣпостныхъ, не прошли безслѣдно для Николая I. Весьма вѣроятно, что въ первыхъ же случаяхъ крестьянскихъ неповиновеній ему могли мерещиться первые признаки надвигающейся народной бури, и онъ спѣшилъ предпринять рядъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ. Этимъ же можно объяснить его интересъ къ выясненію причинъ безпорядковъ. Очень вѣроятно, что онъ опасался встрѣтить въ крестьянскихъ неповиновеніяхъ вліяніе своихъ «друзей»—декабристовъ. Впрочемъ, именно ближайшее знакомство съ характеромъ крестьянскихъ волненій должно было съ этой стороны успокоить его: даже и въ тѣхъ волненіяхъ, которыя были непосредственно связаны съ ложными слухами и въ которыхъ имѣются отголоски декабрьскихъ событій, и тамъ экономическія причины неповиновеній доминировали надъ остальными и составляли основаніе недовольства крестьянъ.

Если мы обратимся ко времени начала волненій, то увидимъ, что извѣстные въ 1826 г. 48 волненій загорѣлись въ такой послѣдовательности: въ январѣ началось—4 волненія, въ февралѣ—2, въ мартѣ—4; на апрѣль приходится начало 13-ти волненій, на май—3-хъ на іюнь—3, на іюль—2, на августъ—2 и на сентябрь—одно. Время начала 8 волненій неизвѣстно, три волненія начались еще до 1826 г., одно произошло лѣтомъ 1826 г., но когда—точно неизвѣстно, и, наконецъ, 2 волненія были приблизительно между январемъ и маемъ. Итакъ въ зимніе и весенніе мѣсяцы 1826 г., когда усиленно циркулировали вышеуказанные слухи, было 28 волненій, т. е. большая половина всѣхъ волненій 1826 г., наибольшее количество ихъ падаетъ на апрѣль. Это слѣдуетъ объяснить какъ тѣмъ, что къ этому времени слухи достигли наибольшей силы, такъ и тѣмъ, что въ этомъ мѣсяцѣ происходятъ усиленныя поле-

*) П. Собр. Зак. т. № 515.

выя работы, а потому волненія имѣли реальное основаніе для своего проявленія въ видѣ неповиновеній, прекращенія работъ и т. д. Послѣ апрѣля волненія начинаютъ стихать: лѣтомъ уже было только 8 волненій и осенью—одно.

Относительно времени усмиренія можно сказать, что 16 волненій изъ 31 *), которыя начались до іюня 1826 года, были усмирены до конца мая; при этомъ въ мартѣ было уже прекращено 5 волненій, въ апрѣлѣ—4 и въ маѣ—7. Наибольшее количество усмиреній въ маѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что въ это время слухи, поддерживавшіе волненія, постепенно замирали; несомнѣнно, на крестьянъ повліяло также широкое опубликованіе манифеста 12-го мая. Характеренъ фактъ, что 16 волненій 1826 г. продолжались и въ послѣдующіе годы. Онъ указываетъ лишній разъ, что волненія 1826 года только отчасти могутъ быть объяснены ложными слухами. Большая часть волненій произошла отъ болѣе постоянныхъ причинъ, которыя продолжали нерѣдко дѣйствовать и послѣ 1826 г., заставляя крестьянъ волноваться съ промежутками на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, въ шести имѣніяхъ броженіе тянулось отъ 1 до 5 лѣтъ, а въ одномъ имѣніи броженіе шло болѣе 5 лѣтъ. Въ имѣніи помѣщика Борисевича Могилевской губ., напримѣръ, крестьяне волновались и до 1826 года, и въ 1826, и въ 1827 году. Въ имѣніи помѣщика Юраги Гродненской губерніи вспышки происходили въ 1825 г., 1826 и 1828—29 годахъ. У помѣщика Апиткова Ярославской губерніи броженіе среди крестьянъ шло съ 1808 по 1828 годъ, причемъ болѣе или менѣе рѣзкія вспышки неповиновенія происходили въ 1823 году и 1826—1828 годахъ. У помѣщиковъ Левашевыхъ Вятской губерніи крестьяне волновались въ 1826 г. и въ 1830 году, неплатежъ же оброка тянулся еще съ 1823 года. Въ имѣніи княгини Волконской, а затѣмъ князя П. М. Волконскаго, къ которому оно перешло по наслѣдству, неповиновенія съ промежутками происходили въ 1826, 1827 и 1828 гг. **). Наличность постоянныхъ причинъ, коренившихся главнымъ образомъ въ экономическомъ положеніи крестьянъ, вскроется еще сильнѣе при обозрѣніи наиболѣе сильныхъ волненій 1826 года, связанныхъ со слухами о волѣ. Ближайшее знакомство съ ними покажетъ намъ, что самые слухи 1826 года играли лишь роль поводовъ, служили толчкомъ, побуждавшимъ крестьянъ выходить изъ привычнаго повиновенія и заставлявшимъ скрытое, иногда даже неосознанное недовольство вылиться въ открытыя формы неповиновенія.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ 1826 году волновались крестьяне главнымъ образомъ нечерноземныхъ губер-

---

*) 28—съ января по май включительно и 3—до 1826 года.

**) А. М. В. Д.—Деп. Исп. 1828 г. № 444; Мордовцевъ „Наканунѣ воли"—С.-Петербургъ, 1890, стр. 31—58 г.

ній. Изъ 48 волненій, отмѣченныхъ въ 1826 году *), 9 произошло въ Псковской губерніи, 8—въ Ярославской, 5—въ Новгородской,—по 4 волненія извѣстно въ Вологодской и Костромской губерніяхъ, 3 произошло въ Рязанской губерніи, 3—въ Саратовской, по 2—во Владимірской, Петербургской и Тверской, и, наконецъ, по одному волненію извѣстно въ губерніяхъ Вятской, Гродненской, Могилевской, Смоленской, Тульской и Черниговской. По районамъ эти волненія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ нечерноземныхъ губерніяхъ было $^4/_5$ волненій, а именно въ 37; въ черноземныхъ губерніяхъ извѣстно лишь 5 волненій, въ поволжскихъ губерніяхъ—3, въ пріуральскомъ краѣ—1, въ малороссійскихъ губерніяхъ 1 и въ сѣверозападныхъ—2. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что въ первую половину года (до іюня) волновались также почти исключительно крестьяне нечерноземныхъ губерній. Изъ 28 такихъ волненій только 3 было въ южныхъ губерніяхъ: 2—въ Саратовской губерніи и одно—въ Черниговской.

Причины обильныхъ волненій въ нечерноземныхъ губерніяхъ лежали не только въ ложныхъ слухахъ о волѣ, но и въ экономическихъ условіяхъ. Нужно вспомнить, что крестьяне еще переживали послѣдствія неурожаевъ 1820 — 22 годовъ; на оброчныхъ крестьянахъ, каковыми были большею частью крестьяне нечерноземныхъ губерній, накопились значительныя недоимки. Эти явленія совпали какъ разъ съ подъемомъ хозяйственной дѣятельности помѣщиковъ, стремившихся всячески повысить доходность своихъ имѣній. Въ борьбѣ съ недоимками помѣщики нажимали всѣ пружины крѣпостного пресса. Они переводили крестьянъ недоимщиковъ на барщину, примѣняли ихъ трудъ на фабрикахъ, отдавали ихъ на подрядныя работы. Не брезгали помѣщики выколачивать недоимки изъ крестьянъ прямымъ путемъ жестокихъ наказаній и отобранія имущества. Эти дѣйствія возбуждали въ крестьянахъ вполнѣ понятное недовольство, и они при первой возможности выражали протестъ противъ повысившейся эксплуатаціи ихъ труда. Распространившіеся въ 1826 году слухи о близкой волѣ вполнѣ совпадали съ затаенными желаніями самихъ крестьянъ, и они горячо восприняли мысль о необходимости заявлять свои нужды для полученія воли. Въ этомъ отношеніи крестьянскія волненія 1826 года освѣщаютъ любопытный моментъ въ исторіи помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго быта. Они даютъ яркую иллюстрацію борьбы помѣщиковъ съ оброчными недоимками, перехода ихъ къ барщинѣ

*) Кромѣ того, какъ было замѣчено, 1 волненіе, по указанію Варадинова, было въ Кіевской губерніи, 1—въ Курской и 1—въ Пермской. Относительно приведенныхъ въ текстѣ цифръ волненій слѣдуетъ отмѣтить, что одно волновавшееся имѣніе было расположено въ 2-хъ губерніяхъ (Ярославской и Тверской), а потому подсчетъ по губерніямъ даетъ 49, а не 48 волненій.

даже въ нечерноземныхъ губерніяхъ, подъ вліяніемъ обѣднѣнія оброчныхъ крестьянъ, и живо изображаетъ борьбу самихъ крестьянъ съ усиливавшейся эксплуатаціей ихъ труда помѣщиками.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности возстановить точную картину волненій, связанныхъ со слухами 1826 года. Намъ неизвѣстно даже точное количество ихъ. Лишь о 12 волненіяхъ мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ихъ, большую или меньшую роль играли указанные слухи. Даже если присоединить къ этому числу указанія на отдѣльныя волненія, связь которыхъ съ толками о волѣ сомнительна, а также тѣ, которыя возникли въ связи со слухами о манифестахъ по поводу размѣровъ оброка и барщины, то и тогда можно насчитать лишь 26 такихъ волновавшихся имѣній. Но помимо этого имѣются, какъ было отмѣчено, общія указанія на наличность подобныхъ волненій среди помѣщичьихъ крестьянъ въ другихъ губерніяхъ и мѣстностяхъ. Ознакомимся же хотя бы съ наиболѣе крупными изъ этихъ волненій, чтобы выяснить себѣ силу и истинный характеръ ихъ.

II.

Остановимся прежде всего на тѣхъ волненіяхъ, которыя произвели, повидимому, наибольшее впечатлѣніе на правительство, ибо непосредственно послѣ первыхъ донесеній о нихъ было приступлено къ изданію манифеста 12 мая. Это были волненія крестьянъ князя Гагарина въ Ярославской губерніи, а также слухи и безпорядки въ Тверской и Вологодской губерніяхъ.

Крестьяне князя Гагарина *) (Ярославской губерніи и уѣзда) начали волноваться нѣсколько раньше крестьянъ помѣщиковъ Ноинскаго и Цеэ. Имѣніе князя Н. С. Гагарина (село Плещеево съ деревнями и имѣющеюся въ немъ бумажною фабрикою) находилось подлѣ Ярославля, въ Ярославскомъ же уѣздѣ. Фабрика эта была куплена кн. Гагаринымъ у Яковлева въ 1821 году. Управленіе имѣніемъ было поручено капитану Каппелю. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Каппель былъ недоступенъ для крестьянъ и сурово управлялъ ими, поставивъ своимъ идеаломъ аракчеевскіе порядки въ с. Грузинѣ и имѣя громадныя полномочія отъ помѣщика, вплоть до права ссылать крестьянъ въ Сибирь, сдавать въ солдаты и пр. Подъ его начальствомъ состоялъ цѣлый рядъ мелкихъ управителей, со своей стороны также налагавшихъ тяжелую руку на крестьянъ. Имѣніе было большое. По указанію ярославскаго губернатора Безобразова, въ немъ было 1.429 душъ, изъ которыхъ 464 человѣка были собственно фабричными: они жили

*) А. М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 325. См. также Трефолевъ. „Плещеевскій бунтъ“.

постоянно при фабрикѣ, гдѣ работали за опредѣленную плату. Эти фабричные, по словамъ Безобразова, «по благосостоянію своему во всемъ избыточествуютъ такъ, что мало такихъ поселянъ въ губерніи, кои бы могли равняться съ ними». По удостовѣренію его, они не принимали участіе въ волненіи и были найдены «въ совершенномъ порядкѣ». Другая часть крестьянъ—945 душъ—состояла «на хлѣбопашествѣ», но должна была исполнять различныя работы на фабрикѣ частью безплатно, частью за опредѣленное вознагражденіе. Кромѣ того, они были обложены оброкомъ сообразно количеству земли, бывшей у нихъ въ пользованіи, полагая по 4 р. съ души въ годъ. Плата за фабричныя работы зачиталась имъ, видимо, въ счетъ оброка. Крестьянамъ была предоставлена вся земля, господской запашки не было и они пользовались внѣшнимъ благосостояніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ крестьянъ постепенно зрѣло недовольство, превратившееся въ 1826 году въ упорное неповиновеніе, которое продолжалось болѣе 5 мѣсяцевъ. Причины этого волненія приходится искать не только въ распространившихся слухахъ о волѣ, но и въ экономическомъ положеніи крестьянъ. По крестьянскимъ жалобамъ, по ихъ показаніямъ при разслѣдованіи волненія и при разборѣ дѣла въ уѣздномъ судѣ, а также изъ указаній лицъ, производившихъ разслѣдованіе, можно составить нѣкоторое представленіе о дѣйствительныхъ причинахъ волненія гагаринскихъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, въ архивномъ дѣлѣ, имѣющемся въ Центральномъ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ, нѣтъ ни одной изъ крестьянскихъ жалобъ, поданныхъ въ разное время губернатору, Государю, великому князю Михаилу Павловичу. Г. Трефолевъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, указываетъ сущность крестьянской жалобы губернатору и приводитъ отчасти текстъ одного изъ прошеній, поданныхъ крестьянскими ходоками въ 1826 году. Въ первомъ прошеніи крестьяне жаловались на притѣсненіе бурмистра Шарцева и купца Киселева, управляющаго писчебумажною фабрикою. «По словамъ крестьянъ, эти лица, войдя между собою въ сдѣлку, отняли у нихъ 1.750 чтв. хлѣба. Нарушивъ порядокъ, издревле существовавшій на фабрикѣ, они принуждали работать въ праздничные и царскіе дни и за неисполненіе тяжелыхъ уроковъ наказывали безчеловѣчно: старики лѣтъ 60-ти и 70-ти употреблялись «безпрерывно» для перевозки фабричныхъ матеріаловъ изъ Ярославля въ Москву и обратно. «Женщины беременныя и вскорѣ послѣ родовъ, не получивъ выздоровленія,—писали крестьяне,—также изнуряются работою и страдаютъ жестоко на фабрикѣ отъ зловоннаго воздуха, а лѣчить ихъ бурмистръ не хочетъ; самимъ же намъ, крестьянамъ, не до лѣченія: мы думаемъ только о кускѣ насущнаго хлѣба и, чтобы заработать его вмѣстѣ съ оброкомъ,—трудимся дома всѣ ночи напро-

летъ“ *). Во всеподданнѣйшей просьбѣ, поданной значительно позднѣе, крестьяне жаловались на самого Каппеля. «Оный управитель,—писали крестьяне,—доведя до крайности, раззоряетъ насъ и бьетъ безъ пощады, наказываетъ безъ всякой причины» **).

Въ донесеніяхъ губернатора министру внутр. дѣлъ приведены нѣкоторыя показанія и жалобы крестьянъ. Такъ, въ февралѣ 1826 г. 20 человѣкъ, выбранныхъ, по приказанію губорнатора, для изложенія жалобъ, показали: 1) «что не соблюдается на фабрикѣ должной уравнительности въ работахъ и что другъ передъ другомъ бываютъ отягощаемы; 2) что не выдано имъ изъ магазина столько хлѣба, сколько, полагаютъ, имъ нужно было; 3) что недостаетъ имъ времени на исправленіе собственныхъ своихъ надобностей; 4) что иногда бываютъ занимаемы барскими работами въ праздничные дни». При разслѣдованіи, произведенномъ самимъ губернаторомъ въ концѣ марта 1826 г., крестьяне показывали приблизительно то же самое; самыя ихъ жалобы подробнѣе изложены въ донесеніи губернатора отъ 5 апрѣля 1826 г. «Изъ показаній крестьянъ обнаружилось,—писалъ губернаторъ,—1) что они отягощаются неуравнительнымъ нарядомъ на работы, ибо одна половина бываетъ на работѣ на фабрикѣ съ поденною платою сообразно съ работою имъ опредѣляемою отъ $8^1/_2$ до 32-хъ копѣекъ въ день, а другая половина временно занята бываетъ возкою на подводахъ лѣса, дровъ, камня, кирпича и земли на плотину, что хотя во время сѣнокоса, пашни и навозницы и дается имъ время, но недостаточно... Иные показали, что для сѣнокоса получали времени недѣли 2, другіе—$1^1/_2$ и 1 недѣлю, а другіе утверждали, что и вовсе время не даваемо было». При этомъ «одни показывали, что высылаемы были на работы братъ на брата ***), другіе—временно, иные—всякій день, а другіе работали только зимою, а лѣтомъ, какъ фабрика стоитъ въ бездѣйствіи, и вовсе на работы посылаемы не были». 2) Крестьяне указывали, что они отягощаются нарядами различныхъ подводъ, причемъ «одни показывали, что во весь годъ отправили паръ 20, другіе—30, иные 40 и 60 паръ». 3) Обнаружилось, что они платятъ по 4 рубля въ годъ съ души оброка помимо работъ, сообразно съ количествомъ имѣющейся у нихъ земли. 4) Крестьяне должны были перевозить въ Москву товаръ съ платою отъ конторы по 25 коп. съ пуда. Эта плата была недостаточной, и крестьяне, на-

*) Трефолевъ. „Плещеевскій бунтъ“, стр. 163.

**) Ibid.

***) Работою „братъ на брата“ назывался въ крѣпостное время тотъ порядокъ барщинныхъ работъ, когда ими была занята постоянно лишь половина тягловыхъ работниковъ: другая половина въ то время занималась собственнымъ хозяйствомъ. Если при этомъ въ семьѣ было 2 тягловыхъ работника, то, обыкновенно, одинъ постоянно работалъ на барщинѣ, а другой былъ свободнымъ отъ нея.

нимая вмѣсто себя возчиковъ по вольнымъ цѣнамъ, должны были приплачивать лѣтомъ отъ 70 коп. до 1 рубля за пудъ, а зимою— отъ 30 до 35 коп., «каковую приплату производятъ по общему разводу на всѣ числящіяся по ревизіи души».

Разслѣдованія крестьянскихъ жалобъ производились 3 раза: чиновникомъ особыхъ порученій, кн. Ухтомскимъ, въ февралѣ— мартѣ 1826 г., губернаторомъ Безобразовымъ въ концѣ марта и командированнымъ государемъ флигель-адъютантомъ, барономъ Строгановымъ, въ началѣ мая того же года. По разслѣдованію кн. Ухтомскаго, открылось слѣдующее: 1) «фабричные употребляются въ работу въ праздничные и воскресные дни; 2) между занимающимися работою на фабрикѣ и тѣми, которые по хозяйственной части употребляются въ дѣло, правильной уравнительности не существуетъ, ибо первые, получая на фабрикѣ установленную плату, посылаются ежедневно на работы, а вторые—сверхъ хозяйственной части занимаются пилкою лѣса, поправкою плотинъ и т. под. безъ должнаго уравненія по тягламъ и безъ соблюденія порядка; 3) совершенно несовмѣстное распоряженіе съ порядкомъ добраго хозяйства, ибо въ одно и то же (время) допускаются фабричные люди къ работамъ на фабрикѣ съ произведеніемъ за сіе положенной платы и обращаются по части хозяйственной въ разныя занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ положенъ на нихъ оброкъ за владѣемую ими землю, который начисляется опять за производимую работу на фабрикѣ, что не только порождаетъ въ разсчетахъ помѣшательство, но мѣшаетъ возможности сохранить должную справедливость въ исполненіи повинности, на фабричныхъ людяхъ лежащей». Однако, кн. Ухтомскій призналъ, что «въ распоряженіяхъ фабрики не найдено такихъ, которыя могли стѣснять или разстраивать благосостояніе фабричныхъ людей».

На основаніи этого разслѣдованія Ярославское губернское правленіе «постановило: 1) обязать управляющаго фабрикой подпискою не производить работъ въ праздничные и воскресные дни; если же работы будутъ необходимы, то производитъ ихъ по добровольному соглашенію со своими или посторонними людьми за удвоенную плату; 2) въ работахъ установить уравнительность, наряжая ихъ братъ на брата, предоставляя хотя желающимъ работать и (не) въ очередь за установленную плату; 3) тотъ же порядокъ (братъ на брата) установить въ нарядѣ людей, занимающихся пилкою дровъ, поправкою плотинъ, подводами и т. под.; 4) взиманіе оброка за землю должно прекратить. Эти правила, давая какъ будто много крестьянамъ, не давали почти ничего, ибо, разрѣшая добровольныя соглашенія на работу за плату въ праздничные, воскресные дни и не въ очередь, давали вотчинному управленію возможность сохранять прежній порядокъ работъ на фабрикѣ. Неудивительно, что эти правила не успокоили крестьянъ, и волненіе продолжалось.

Разслѣдованіе Безобразова подтвердило въ общемъ жалобы

крестьянъ. Но разницу въ показаніяхъ о количествѣ поставленныхъ подводъ и въ опредѣленіи времени, даваемаго крестьянамъ на полевыя работы, онъ объяснялъ «стремленіемъ усугубить показаніями отяготительное состояніе, въ которомъ они будто бы находятся». Онъ указывалъ наряду съ этимъ, что изъ крестьянскихъ же показаній «обнаружилось, что они засѣваютъ хлѣба въ достаточномъ количествѣ для продовольствія, а сѣмени льняного даже съ излишествомъ передъ прочими сосѣдними крестьянами; скота, лошадей имѣютъ также въ довольномъ числѣ, построеніе домовъ, по личному его обозрѣнію нѣсколькихъ деревень, найдено прекрасное и всѣми потребностями снабжено, почему по самому своему благосостоянію ни въ чемъ нуждаться не могутъ». Губернаторъ безусловно не находилъ также никакихъ слѣдовъ жестокаго обращенія съ крестьянами. Тѣмъ не менѣе и онъ призналъ нужнымъ выставить Каппелю на видъ крестьянскія жалобы и поручить выработать точныя правила о работахъ крестьянъ; эти правила долженъ былъ утвердить самъ губернаторъ. Цѣлью правилъ должно было быть согласованіе благосостоянія крестьянъ съ благоустройствомъ и выгодами фабрики.

О разслѣдованіи барона Строганова въ дѣлѣ имѣется лишь донесеніе самого губернатора. По словамъ Безобразова, повѣрка допросовъ ничего новаго не дала; крестьяне признали, что всѣ ихъ жалобы изложены правильно. Проѣздомъ въ Плещеево баронъ Строгановъ и Безобразовъ осматривали 6 неповиновавшихся въ то время (начало мая) деревень и нашли, «что построенія весьма хорошія, есть даже дома каменные двухъэтажные и снабжены всѣми построеніями, для хозяйства нужными, съ избыткомъ». Съ другой стороны и начальники военныхъ командъ, стоявшихъ въ имѣніи кн. Гагарина болѣе мѣсяца, удостовѣряли въ рапортахъ, «что ими замѣчено у крестьянъ хлѣба много, одежды роскошныя и живутъ въ избыткѣ, такъ что слѣдовъ изнуренія вовсе не примѣтно».

Изъ вышеуказаннаго видно, что всѣ чиновники, знакомившіеся съ положеніемъ гагаринскихъ крестьянъ, не находили порядки на фабрикѣ изнурительными или раззорительными. Они признавали, что крестьяне въ матеріальномъ отношеніи обезпечены, а большая часть ихъ даже зажиточна. Замѣченныя злоупотребленія, какъ, напримѣръ, работа фабричныхъ въ воскресные и праздничные дни и т. под., вызвала соотвѣтствующія постановленія губернскаго правленія. Кромѣ того, по распоряженію Безобразова, были выработаны Каппелемъ особыя правила. Согласно съ ними, крестьяне должны были раздѣляться на тягла, полагая для мужчинъ тягловый возрастъ отъ 16 до 55, а для женщинъ отъ 15 до 50 лѣтъ. Всѣ работы на фабрикѣ должны были производиться братъ на брата. Оброкъ за землю уничтожался, и вся земля безъ остатка раздѣлялась по тягламъ; вмѣстѣ съ этимъ должна была уничтожиться всякая плата за работы. Подводная повинность должна

была отбываться въ счетъ фабричныхъ работъ, въ размѣрѣ 6 подводъ съ тягла зимою и по 4 лѣтомъ въ Ростовъ и Ярославль; въ Москву же крестьяне попрежнему должны были отвозить товаръ за плату, полагая съ тягла по $1^1/_2$ подводы съ платою за пудъ по 30 коп. Но и эти правила не удовлетворили крестьянъ, и, какъ мы увидимъ ниже, волненіе продолжалось, отличаясь большою стойкостью и упорствомъ. Такимъ образомъ, несмотря на зажиточность крестьянъ, на отмѣну безпорядочныхъ, неуравнительныхъ работъ при фабрикѣ, отмѣну оброка, были еще какія-то условія, которыя тревожили крестьянъ и вызывали упорное нежеланіе подчиниться вотчинному управленію.

Въ числѣ этихъ причинъ Безобразовъ усиленно подчеркивалъ вліяніе слуховъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ въ маѣ мѣсяцѣ. Въ своемъ донесеніи отъ 6-го іюня онъ указывалъ, что эти слухи должны были быть особенно распространенными среди гагаринскихъ крестьянъ, какъ фабричныхъ, съ одной стороны, и съ успѣхомъ занимающихся торговлею и промышленностью въ свободное время отъ работъ, съ другой.

По словамъ его, крестьяне полагали, что «для скорѣйшаго достиженія вольности, которая послѣдуетъ въ маѣ, принесеніе жалобъ и оказаніе непокорства можетъ много содѣйствовать». Нельзя отрицать, что эти слухи могли поддерживать надежды крестьянъ на благополучный исходъ ихъ дѣла, почему они изо всѣхъ силъ старались держаться, не покоряясь, до полученія «копіи со свободы»*), которую, по ихъ мнѣнію, они должны были получить черезъ ходоковъ. Мало подѣйствовало на этихъ крестьянъ и объявленіе манифеста 12-го мая, который они встрѣтили криками: «Неправда! обманъ!» Они продолжали вѣрить, что ходоки принесутъ имъ «царскую милость». Начальники военныхъ командъ, стоявшихъ въ имѣніи, въ рапортахъ доносили, что «по обращенію крестьянъ съ солдатами имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что неповиновеніе ихъ проистекаетъ единственно отъ ожиданія свободы».

Но если эти слухи и играли большую роль въ самомъ процессѣ волненія, поддерживая упорство крестьянъ и вселяя въ нихъ надежды, то все же ихъ нужно считать второстепенными причинами, усиливавшими движеніе, но не порождавшими его. На это указываетъ, между прочимъ, и то, что крестьяне ни разу не отказывались отъ повиновенія помѣщичьей власти. Самъ Безобразовъ говоритъ въ своемъ донесеніи отъ 6-го іюня, что крестьяне настаивали на своей готовности повиноваться господину, но не вотчинному управленію. При вѣрѣ же въ близость объявленія воли крестьяне должны были бы скорѣе отказаться отъ всякаго повиновенія помѣщику. Если же слухи о близкой «царской милости» только осложняли, усиливали и поддерживали волненія, то, очевидно,

---

*) Трефолевъ, стр. 164.

ключъ къ пониманію основы «плещеевскаго бунта» нужно искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Что доставляло главныя средства существованія для гагаринскихъ крестьянъ: фабричныя работы, земледѣліе, или промышленность и торговля, о которыхъ лишь вскользь упоминаетъ Безобразовъ? Фабричныя работы отнимали, несомнѣнно, много рабочаго времени отъ крестьянъ, но врядъ ли доставляли имъ большой заработокъ. Изъ показаній крестьянъ видно, что почти изъ каждой семьи лишь 1—2, много 3 человѣка работали на фабрикѣ за плату, остальные работали безплатно. По указанію Каппеля, семья, состоявшая изъ 12 человѣкъ и въ которой имѣлось 8 м. и ж. пола душъ, годныхъ въ работу, заработала на фабрикѣ съ сентября по мартъ лишь 36 р. 23 коп.; другая семья изъ 9 человѣкъ, въ которой годныхъ въ работу было 5 душъ, получила деньгами 7 р. 65 к. *). Даже предполагая, что эти деньги оставались на рукахъ у крестьянъ за вычетомъ указаннаго оброка за землю, ясно, что крестьяне не могли существовать на заработанныя деньги и должны были имѣть другіе источники существованія.

Такимъ источникомъ офиціально было земледѣліе. Казалось бы, для развитія земледѣлія были благопріятныя условія. Крестьяне свободно пользовались землею безъ ограниченія въ количествѣ, а, по правиламъ Каппеля, вся земля, какая имѣлась въ дачахъ, должна была быть подѣленной между тяглами. И тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ незначительный посѣвъ хлѣба. По даннымъ о $46^1/_2$ тяглахъ, для которыхъ есть однородныя свѣдѣнія, на каждое тягло высѣивалось по 7,6 чтк. ржи и овса, по 1,6 чтв. льна и пшеницы. При такомъ посѣвѣ, даже при урожаѣ самъ-три, тягло могло собрать лишь около 3 чтв. ржи, а за вычетомъ сѣмянъ оставалось только около 2-хъ четвертей, что приходится признать совершенно недостаточнымъ даже для существованія, а не только для того, чтобы имѣть каменные дома, роскошныя платья и избытокъ хлѣба. Наибольшее значеніе среди земледѣльческихъ продуктовъ имѣлъ, по удостовѣренію Каппеля, ленъ. По его словамъ, «и малая семья по желанію своему иногда беретъ земли болѣе большой семьи, находя изъ того собственную выгоду отъ посѣва льна, который есть ихъ главный промыселъ». Дѣйствительно, посѣвъ льна, какъ указано, равнялся посѣву пшеницы, но все же не былъ настолько великъ, чтобы льноводство могло быть главнымъ средствомъ существованія крестьянъ. Скотоводство у гагаринскихъ крестьянъ было ничтожно. По даннымъ о $46^1/_2$ тяглахъ, на 1 тягло приходилось только 0,6

*) Заработная плата колебалась между 7 и 33 копѣйками въ день. Вылильщики, лильщики, вальщики, напримѣръ, получали 25 коп. въ день; рабочіе при выметкѣ—отъ 7 до 18 коп. въ день; улитчикъ—2 рубля въ мѣсяцъ. На фабрикѣ примѣнялся и женскій трудъ. Работница, занятая браковкою ветошки, получала 4 р. въ мѣсяцъ; занятая рѣзкою тряпокъ—по 2-4 коп. съ пуда.

лошадей, 0,7 коровъ и 0,4 овецъ; на каждаго же изъ 12 хозяевъ, между которыми распредѣлялись эти $46^1/_2$ тяглъ, лошадей приходилось въ среднемъ 2,2, коровъ почти 3 и овецъ 1,5. Въ соотвѣтствіи съ этимъ были ничтожны и сѣнокосы: 1 тягло накашивало $1^1/_2$ воза сѣна, или на хозяина приходилось по 5,7 возовъ сѣна. При такомъ ничтожномъ количествѣ лошадей становятся, между прочимъ, понятными жалобы крестьянъ на тяжесть подводной повинности*).

Помимо безплатныхъ подводъ, отъ крестьянъ требовались подводы въ Москву съ платою отъ конторы по 25 коп. съ пуда, тогда какъ крестьяне (см. выше) должны были приплачивать вольнымъ возчикамъ отъ 70 коп. до 1 рубля съ пуда лѣтомъ, и по 30—35 коп. съ пуда зимою. Деньги на это собирались, какъ сказано, со всѣхъ крестьянъ по раскладкѣ на всѣ ревизскія души. Такимъ образомъ эти обязательныя платныя подводы обратились въ своего рода денежную повинность, причемъ съ тягла сходило болѣе 10 рублей въ годъ. Между тѣмъ именно подводная повинность была необходима для фабрики. Въ проектѣ своихъ правилъ Каппель, соглашаясь уничтожить оброкъ, ввести строгую трехдневную барщину братъ на брата, настаивалъ по сохраненіи подводной повинности, хотя бы и въ счетъ барщины, въ размѣрѣ 6 подводъ зимою и 4-хъ лѣтомъ въ Ростовъ и Ярославль; московскія же подводы, по его проекту, должны были производиться за плату по 30 коп. съ пуда и не болѣе полуторы подводы съ тягла въ годъ. Онъ указывалъ, что «крестьянъ... освободить отъ возки фабричныхъ издѣлій нельзя, потому что при вольномъ наймѣ для отвода люди, принимающіе на себя сію коммиссію, по состоянію фабрики въ округѣ, а не въ городѣ, должны быть искомы, а при такомъ случаѣ должна послѣдовать чрезвычайная передача».

Изъ вышеизложеннаго видно, что не фабричная работа, не земледѣліе и не скотоводство поддерживали благосостояніе крестьянъ. Жалобы крестьянъ, что фабричныя работы не даютъ имъ заниматься своими работами, вѣроятно, относились не къ земледѣльческимъ занятіямъ. Хотя нѣкоторые крестьяне жаловались,

*) По указанію крестьянъ, имъ приходилось отбывать по 20, 30, 40 и даже по 60 паръ подводъ. Такъ, крестьянину Дмитріеву изъ дер. Черепаково пришлось при $4^1/_2$ тяглахъ и 3-хъ лошадяхъ поставить до 60 подводъ въ Ярославль, заниматься съ сыномъ возкою дровъ, бревенъ, каменьевъ и пр., помимо работы на фабрикѣ за плату по 24 коп. въ день; второй сынъ также работалъ на фабрикѣ, получая 16 коп. въ день. Другой крестьянинъ, Сем. Федоровъ, изъ той же деревни, при 2-хъ лошадяхъ поставилъ до 50 подводъ въ Ярославль, вывезъ $5^1/_2$ саж. дровъ, перевезъ до 400 пуд. дикаго камня, тысячи три кирпича и дней 25 въ году употребилъ на перевозку разныхъ матеріаловъ при фабрикѣ. Крестьянинъ Пучковъ изъ дер. Шалаево при 2-хъ лошадяхъ каждые 2 дня въ недѣлю употреблялъ на подводную повинность, поставилъ въ годъ 30 паръ подводъ въ Ярославль, возилъ камень, дрова и т. д.

что имъ не дается времени на сельскохозяйственныя работы, но другіе говорили, что для сѣнокоса ихъ отпускаютъ на 1 — 2 недѣли; есть показанія, что при полевыхъ работахъ присутствовала вся семья. Кромѣ того именно лѣтомъ фабрика бездѣйствовала: за исключеніемъ плотничьихъ работъ, земляныхъ, укрѣпленія плотины и т. под.,—работъ на фабрикѣ не было. Поэтому именно для земледѣлія фабричныя работы служили наименьшей помѣхой; подводная же повинность занимала большею частью зимнее время.

Но за то зимнія работы на фабрикѣ и многочисленныя подводы должны были отнимать драгоцѣнное время отъ торговли и промышленности. А между тѣмъ, по словамъ Безобразова, крестьяне, отличаясь большею частью зажиточностью, съ успѣхомъ занимались въ свободное отъ фабричныхъ дѣлъ время торговлею и промышленностью и «получали отъ того значительныя прибыли». Каппель, какъ на причину найма вольныхъ возчиковъ для московскихъ подводъ, указывалъ на то, что крестьяне, нанимавшіе ихъ, «бываютъ заняты стороннею выгоднѣйшею работою». Самая раскладка приплатъ на всѣ ревизскія души показываетъ, что въ такомъ положеніи находилось большинство крестьянъ, а не отдѣльныя личности. Несомнѣнно, что нѣкоторые крестьяне отпускались на сторону по паспортамъ, нѣкоторые жили въ Петербургѣ. Только выгодныя занятія промышленностью и торговлею могутъ объяснить намъ зажиточность крестьянъ, каменные дома, «роскошныя» платья и пр., и пр., что было бы непонятнымъ при ничтожномъ размѣрѣ земледѣлія и ничтожныхъ фабричныхъ заработкахъ. Эти же занятія дѣлаютъ намъ понятными жалобы крестьянъ, что фабричныя работы лишаютъ ихъ заработковъ, объясняютъ и жалобы на многочисленныя подводы и готовность переплачивать большія деньги на московскихъ подводахъ. Понятно, что правила, выработанныя Каппелемъ, не могли вполнѣ удовлетворять крестьянъ, хотя все же при работѣ братъ на брата часть семьи могла заниматься выгодными для себя работами. Для полнаго удовлетворенія ихъ нужно было бы уничтожить фабрику и перевести всѣхъ крестьянъ на денежный оброкъ. Такія мечты у крестьянъ, видимо, были. По крайней мѣрѣ, Безобразовъ, на основаніи «свѣдѣній» о разговорахъ, какіе арестованные гагаринцы «имѣли между собою во время содержанія ихъ подъ стражею» (т. е. на основаніи результатовъ тюремнаго сыска), такъ излагалъ затаенныя цѣли крестьянъ. Они разсчитывали, по словамъ губернатора, что правительство, внявъ ихъ жалобамъ, смѣнитъ вотчинное начальство, назначенное владѣльцемъ, и, за невозможностью назначить новое безъ воли владѣльца, «управленіе сего имѣнія обратится въ ихъ руки, и они по произволу своему будутъ въ возможности (избирать) изъ среды себя управляющихъ, которые, дѣйствуя сообразно съ ихъ видами, время отъ времени ослабивъ обороты фабрики, доведутъ заведеніе сіе до совершеннаго уничтоженія, а съ тѣмъ

вмѣстѣ откроется возможность владѣльца своего поставить въ необходимость оставить ихъ на легкомъ оброкѣ и тѣмъ освободить ихъ отъ господскихъ работъ».

Ознакомившись съ причинами волненія, бросимъ бѣглый взглядъ на самый ходъ его и характерныя особенности. Въ началѣ февраля (6-го) 1826 г. земскій исправникъ Ярославскаго уѣзда донесъ губернатору, что крестьяне кн. Гагарина вышли изъ повиновенія и отказались отъ работъ на фабрикѣ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, крестьяне собирали предварительные сходы и, порѣшивъ жаловаться губернатору на отягощенія, причиняемыя вотчиннымъ начальствомъ, попросили священника отслужить молебенъ, послѣ чего цѣловали крестъ, чтобы твердо стоять другъ за друга. 7-го февраля толпа крестьянъ явилась въ городъ, чтобы подыскать писца для прошенія, что и удалось сдѣлать. Толпа эта была взята въ полицію. Часть крестьянъ была оставлена для допроса, остальные были высланы въ имѣніе съ наказомъ всѣмъ не повинующимся явиться къ губернатору. 9-го къ губернатору пришло болѣе 300 человѣкъ. Безобразовъ, оставивъ 20 старѣйшихъ крестьянъ для допроса о причинахъ неповиновенія, наказалъ изъ остальныхъ 4-хъ человѣкъ розгами въ полиціи, отправивъ затѣмъ всѣхъ домой со строгимъ наказомъ повиноваться. Помимо этого въ имѣніе былъ посланъ чиновникъ особыхъ порученій, кн. Ухтомскій, для разслѣдованія на мѣстѣ причинъ неповиновенія.

Результатомъ этого разслѣдованія и явились вышеприведенныя распоряженія губернскаго правленія, нѣсколько улучшившія положеніе крестьянъ. Такъ кончилась первая вспышка неповиновенія. Крестьяне вели себя все время вполнѣ корректно и безпрекословно подчинялись губернатору.

Въ серединѣ марта волненіе вновь вспыхнуло съ большою силою. Крестьяне вновь прекратили всѣ работы и отказались повиноваться вотчинному управленію; не довѣряя, повидимому, губернатору, они рѣшили на этотъ разъ обратиться за защитою къ самому государю. Причиною этой вспышки было, повидимому, увеличеніе повинностей, что указывало крестьянамъ на безрезультатность жалобы губернатору, его безсиліе или нежеланіе защитить ихъ. Просьбу крестьянъ сбавить работу управляющій не только не выслушалъ, но даже не допустилъ къ себѣ жалобщиковъ. Съ другой стороны, по словамъ самихъ крестьянъ, до нихъ дошли слухи, что весною будетъ свобода. Эти слухи могли еще болѣе укрѣпить ихъ рѣшеніе обратиться непосредственно къ царю. Крестьяне выбрали двухъ ходоковъ, Гусева и Козлова, что сопровождалось, конечно, самовольными сходами, сборами денегъ на расходы по дѣлу *). Съ посылкою ходоковъ, крестьяне рѣшили „до полу-

*) Крестьяне собрали также нѣкоторую сумму въ помощь мѣстному священнику, о. Михаилу, уволенному за служеніе молебна и солидарность

ченія великихъ Государевыхъ милостей въ повиновеніе не обращаться и стоять другъ за друга". Утѣшительныя извѣстія отъ ходоковъ поддерживали въ крестьянахъ бодрость и упорство въ неповиновеніи, тѣмъ болѣе, что слухи о волѣ, очевидно, все сильнѣе и сильнѣе циркулировали въ народѣ. Подвижность ярославскаго населенія, отхожіе промыслы, близость Волги и оживленной рыбинской пристани особенно благопріятствовали занесенію въ среду гагаринскихъ крестьянъ всевозможныхъ слуховъ.

По указанію г. Трефолева, для крестьянъ не прошли незамѣченными и событія 14-го декабря. „Гагаринскіе крестьяне,—отмѣчаетъ онъ,—объяснили по своему событія 14-го декабря; они думали, что императоръ хотѣлъ дать имъ свободу, почему, дескать, и „взбунтовались дворяне", а царь, любя народъ, велѣлъ въ нихъ палить изъ пушекъ *). Главноуправляющій Каппель обратился къ губернатору съ просьбою объ усмиреніи, указавъ, что, по его мнѣнію, главною причиною неповиновенія были „слухи объ ожидаемой къ веснѣ свободѣ". Каппелю, конечно, на руку были возникшіе слухи, отвлекавшіе вниманіе властей отъ фабричныхъ распорядковъ. Послѣ неудачной попытки исправника повліять на крестьянъ, въ имѣніе направился самъ губернаторъ съ двумя ротами солдатъ. 26 марта крестьяне были созваны губернаторомъ. Сначала они отказались явиться въ назначенное мѣсто, но послѣ угрозы примѣнить къ нимъ «сильнѣйшія мѣры», толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ покорно явилась къ губернатору и была окружена солдатами. Въ толпѣ были старики, мальчики; ни у кого въ рукахъ не было оружія, и вообще, по указанію г. Трефолева, толпа имѣла видъ стада, идущаго на закланіе. Крестьяне, однако, настойчиво указывали губернатору, что они «ожидаютъ милости отъ великаго государя», т. е. другими словами, не признавали компетентности губернатора въ вопросѣ, за разрѣшеніемъ котораго они обратились къ самому царю.

Выговоръ, сдѣланный въ присутствіи крестьянъ мѣстному священнику за то, что тотъ не внушалъ крестьянамъ повиновенія властямъ, и даже арестъ его впечатлѣнія не произвели. Крестьяне открыто выражали свое сочувствіе священнику, провожая его криками: «прощай, батька, молись за насъ» **). Для воздѣйствія на кре-

---

съ крестьянами, а впослѣдствіи заключенному по распоряженію Николая I въ отдаленный ярославскій монастырь и преданному суду.

*) Трефолевъ, стр. 163.

**) Крестьяне и впослѣдствіи не разъ выражали свое сочувствіе этому священнику. О денежной помощи уже упоминалось. Крестьянскій ходокъ, Козловъ, напр., въ письмѣ къ односельчанамъ въ концѣ слалъ „почтеніе и поклонъ съ любовью... протоіерею Михаилу Филипповичу и его матушкѣ"... „Наслышаны мы,—писалъ онъ,—объ вашемъ несчастіи и сердечно жалѣемъ". Два сына этого о. Михаила также находились, видимо, въ дружескихъ отношеніяхъ съ гагаринцами и оказывали имъ нѣкоторыя услуги.

стьянъ, губернаторъ распорядился тамъ же исполнить приговоръ надъ повѣреннымъ ихъ, Ив. Дмитріевымъ, приговореннымъ по суду къ 30 ударамъ плетьми. Видъ наказанія только возбудилъ крестьянъ. Они съ крикомъ и шумомъ требовали прекращенія наказанія. Губернатору показалось даже, что крестьяне готовы были силою освободить наказываемаго. Онъ самъ бросился въ толпу, что, по словамъ г. Трефолева, обошлось крестьянамъ, въ нѣсколько бородъ. Впрочемъ, страхи губернатора были совершенно неосновательны. Появленіе его среди толпы прекратило крикъ, и толпа бросилась передъ нимъ на колѣни, «прося пощады осужденному». Наказаніе было, конечно, доведено до конца, хотя крики о прекращеніи наказанія возобновлялись отъ времени до времени, но смолкали, останавливаемые губернаторомъ. Все, однако, это было скорѣе лишь шумнымъ протестомъ противъ несправедливаго, по мнѣнію крестьянъ, наказанія, но не сопротивленіемъ власти. Правда, крестьяне упорно отказывались отъ повиновенія, несмотря на убѣжденія «порознь каждаго», несмотря на аресты непокорныхъ и отправку ихъ партіями съ мѣста увѣщаній въ Ярославль. Пришлось арестовать такимъ образомъ 112 человѣкъ, ранѣе чѣмъ остальная толпа, человѣкъ въ 400, смирилась.

Результатъ усмиренія не удовлетворилъ губернатора. Несмотря на массу арестованныхъ, остававшихся въ имѣніи, въ крестьянахъ замѣчались, по его словамъ, «остатки духа непокорности... и особенно сильное убѣжденіе, что въ маѣ мѣсяцѣ послѣдуетъ имъ отъ государя императора особая милость». Въ виду этого губернаторъ оставилъ въ имѣніи военную команду въ 70 человѣкъ и снесся о командированіи туда же еще человѣкъ 100 нижнихъ чиновъ; въ имѣніи былъ оставленъ также засѣдатель земскаго суда для наблюденія и воздѣйствія на крестьянъ. Тогда же онъ поручилъ Каппелю составить точныя правила для фабричныхъ работъ, лично разсмотрѣлъ ихъ и, признавъ годными, предписалъ немедленно примѣнять ихъ, ходатайствуя передъ министромъ внутр. дѣлъ объ ихъ утвержденіи.

Донося объ этой второй вспышкѣ волненія министру внутреннихъ дѣлъ *), Безобразовъ указывалъ, что, по его мнѣнію, «самое существо бывшаго происшествія требуетъ со стороны правительства скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ пресѣченію возникшаго зла и въ особенности тѣхъ ложныхъ слуховъ, въ народѣ распространенныхъ, которые весьма могутъ колебать спокойствіе мирныхъ, непросвѣщенныхъ поселянъ». Въ цѣляхъ скорѣйшаго усмиренія гагаринскихъ крестьянъ, онъ усиленно просилъ о поимкѣ и высылкѣ ходоковъ, чтобы этимъ разрушить надежды крестьянъ получить съ ними «великую государеву милость». Безобразовъ просилъ также исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе самому

*) Донесеніе отъ 5-го апрѣля 1826 г. № 2706.

утвердить приговоръ уголовной палаты надъ виновными крестьянами, хотя бы число лицъ, присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, было болѣе девяти *).

Жалуясь на недостатокъ военныхъ силъ въ Ярославской губерніи, Безобразовъ испрашивалъ расквартированія въ его губерніи 2-хъ ротъ какого-либо полка до 1-го августа съ обязательствомъ содѣйствовать ему въ случаѣ нужды въ охраненіи тишины и спокойствія въ губерніи. Это тревожное донесеніе Безобразова **) совпало въ Петербургѣ съ рядомъ другихъ донесеній о распространившихся среди крестьянъ слухахъ о волѣ и о волненіяхъ, происшедшихъ на этой почвѣ. Количество волновавшихся гагаринскихъ крестьянъ, упорство ихъ **), въ связи съ характеромъ промышленнаго бойкаго населенія Ярославской губерніи, не могли не обратить на себя вниманіе правительства. Министръ внутр. дѣлъ сообщилъ государю и комитету министровъ объ этомъ волненіи особыми записками отъ 20 апрѣля. Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую записку послѣдовали одно за другимъ 2 высочайшихъ повелѣнія. 25-го апрѣля ст.-секретарь Н. Муравьевъ сообщилъ министру внутр. дѣлъ, что «подобныя буйства требуютъ скорѣйшаго конца, а потому его величество повелѣваетъ: дабы самые главнѣйшіе зачинщики неповиновенія, которыхъ число, конечно, должно быть менѣе девяти, были примѣрно наказаны и сосланы въ Сибирь на поселеніе, прочимъ же было бы тогда объявлено всемилостивѣйшее прощеніе». 27-го апрѣля Н. Муравьевъ сообщилъ, что по высочайшему повелѣнію въ Ярославскую губернію, въ имѣніе кн. Гагарина, отправляется флигель-адъютантъ, полковникъ баронъ Строгановъ, «для удостовѣренія объ истинныхъ причинахъ, побудившихъ крестьянъ сего имѣнія къ бунту, и для принятія съ помощью войскъ рѣшительныхъ мѣръ къ водворенію спокойствія между ими въ такомъ случаѣ, если бунтъ продолжается». Эти повелѣнія характерны для императора Николая I. Мирное неповиновеніе крестьянъ именуется «буйствомъ» и «бунтомъ»; требуется «скорѣйшее» подавленіе его «съ помощью войска». Въ то же время онъ спѣшитъ доискаться «истинныхъ причинъ» волненія и посы-

---

*) Приговоръ, по которому тѣлесному наказанію подлежало болѣе 9 человѣкъ, долженъ былъ, согласно дѣйствовавшему закону, идти на утвержденіе Пр. Сената.

**) На губернатора не могли не повліять страхи и опасенія, возбужденные въ дворянствѣ слухами о волненіяхъ и волненіемъ плещеевскихъ крестьянъ въ частности. Г. Трефолевъ сообщаетъ, что многіе мѣстные дворяне до усмиренія 26 марта уже роптали на губернатора: «что онъ спитъ? Мужики бунтуютъ, кричатъ: „Воля, воля", а нашъ Александръ Михайловичъ благоденствуетъ... Тутъ розгами-то ничего не возьмешь, тутъ нужны другія мѣры, построже» (стр. 165).

***) Изъ 112 арестованныхъ, несмотря на губернаторскія увѣщанія при допросахъ, въ концѣ-концовъ покорились только 21 человѣкъ; слѣдовательно, 91 человѣкъ непокорныхъ сидѣли въ тюрьмѣ.

лаетъ для разслѣдованія особое лицо, не довѣряя, видимо, мѣстной администраціи.

Между тѣмъ Безобразовъ продолжалъ торопить розыскъ ходоковъ. Не говоря о массѣ арестованныхъ, повиновеніе остальныхъ было также непрочно, несмотря на присутствіе военной команды изъ 170 человѣкъ. Въ половинѣ апрѣля 206 семействъ вновь отказались отъ господскихъ работъ до полученія отвѣта на всеподданнѣйшую просьбу. Они послали еще двухъ ходоковъ, сверхъ посланныхъ раньше. Пріѣздъ флигель-адъютанта произвелъ мало впечатлѣнія на крестьянъ. Барону Строганову не удалось повліять на сидѣвшихъ въ тюрьмѣ. Безуспѣшны были его словесныя убѣжденія и въ Плещеевѣ, гдѣ онъ былъ съ Безобразовымъ 7-го мая. Когда баронъ Строгановъ увѣщалъ крестьянъ работать и повиноваться, ибо на это есть непремѣнная воля царя, крестьяне, по словамъ г. Трефолева, кричали: «Неправда, обманъ». Не покорились крестьяне и послѣ наказанія розгами семи человѣкъ. Бар. Строганову и Безобразову пришлось прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: отдѣливъ подростковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) и стариковъ (отъ 70), они арестовали остальныхъ 140 человѣкъ, разославъ ихъ по тюрьмамъ въ Ростовъ и Ярославль. Число арестованныхъ крестьянъ достигло въ то время въ общей сложности почтенной цифры 224-хъ человѣкъ *). Военную команду вывели изъ имѣнія, ибо теперь въ ней не было надобности: всѣ непокорные были по тюрьмамъ.

Сообщая въ Петербургъ о такихъ результатахъ совмѣстныхъ дѣйствій съ бар. Строгановымъ, Безобразовъ вновь просилъ о присылкѣ военныхъ силъ въ Ярославскую губернію. Теперь онъ опасался уже за спокойствіе всей губерніи. Онъ указывалъ на волненія крестьянъ еще въ 4-хъ имѣніяхъ**); ихъ онъ также связывалъ со слухами о волѣ. Повидимому, страхи Безобразова были совершенно неосновательны. По свѣдѣніямъ, даваемымъ самимъ губернаторомъ, указываемые имъ случаи нельзя даже относить къ числу неповиновеній. Волненіе крестьянъ гр. Дмитріева-Мамонова оказалось раздутымъ, и кромѣ безчинствъ пьяной толпы, здѣсь ничего не было. Крестьяне Ярославова, по словамъ губернатора, только подали ему жалобу на обремененіе работами. Что было въ имѣніи Брянчанинова, неизвѣстно, ибо губернаторъ въ то время получилъ жалобу помѣщика на неповиновеніе крестьянъ и поручилъ земскому исправнику разслѣдовать ее. Лишь въ имѣніи Пономаревой волненіе, какъ извѣстно, имѣло болѣе серьезный характеръ.

Между тѣмъ ускореннымъ темпомъ было рѣшено дѣло 84-хъ

---

*) Къ этому времени изъ числа 112 человѣкъ, арестованныхъ раньше, выразили раскаяніе всего 28 человѣкъ, и въ тюрьмѣ оставалось 84 человѣка.

**) Въ имѣніяхъ Пономаревой, гр. Дмитріева-Мамонова, Ярославова и Брянчанинова.

крестьянъ, арестованныхъ до бар. Строганова. Согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ, приговоръ былъ утвержденъ лишь относительно 8 человѣкъ, а остальнымъ было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе. Приговоръ былъ объявленъ и приведенъ въ исполненіе 14-го мая при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ 224-хъ арестованныхъ крестьянъ; здѣсь же было до 300 человѣкъ повинующихся крестьянъ кн. Гагарина и крѣпостныхъ другихъ помѣщиковъ. Сдѣлано это было въ цѣляхъ устрашенія и прекращенія ложныхъ слуховъ.

По выслушаніи приговора и высочайшаго повелѣнія о помилованіи среди помилованныхъ раздались крики: «нейдемъ; сѣките насъ, не повинуемся». Къ нимъ присоединилось еще 29 человѣкъ другихъ крестьянъ. Дерзкихъ, осмѣлившихся такъ отвѣтить на всемилостивѣйшее прощеніе, немедленно окружили конвоемъ «съ удареніемъ нѣкоторыхъ прикладами». По свѣдѣніямъ Трефолева, это побоище было такъ жестоко, что многимъ крестьянамъ были нанесены очень опасныя раны*). Группа протестантовъ была немедленно отведена въ острогъ. Остальные 184 человѣка, и послѣ исполненія приговора, попрежнему отказались отъ подписки въ повиновеніи до возвращенія ходоковъ. Этихъ крестьянъ также оставили въ тюрьмѣ. Не повліяла на крестьянъ и доставка ходока Гусева, хотя, онъ, согласно распоряженію губернатора, лично говорилъ каждому крестьянину порознь, «что просьбы ихъ не уважены, и онъ высланъ изъ Петербурга за карауломъ». Не смутились крестьяне и послѣ торжественнаго объявленія имъ манифеста 12-го мая. Выслушавъ послѣдній, крестьяне подтвердили прежнее рѣшеніе не повиноваться. За такое ослушаніе царской воли, выраженной въ манифестѣ, всѣ крестьяне были преданы уѣздному суду въ ускоренномъ порядкѣ; впрочемъ, крестьяне, попавшіе подъ судъ впервые, могли быть прощены въ случаѣ раскаянія до разбора дѣла.

Между тѣмъ въ имѣніи все еще не было полнаго порядка. Нѣкоторые крестьяне, уклоняясь отъ повиновенія, скрывались по окольнымъ деревнямъ. Въ имѣніе вновь была направлена военная команда изъ 105 человѣкъ. Усмиреніе было поручено губернскому чиновнику Ханыкову. Въ наличности оказалось только 58 непокорныхъ, изъ которыхъ 54 тотчасъ выразили раскаяніе, а четыре были арестованы; 107 человѣкъ неповинующихся скрывались. И тѣмъ не менѣе Ханыковъ, сообщая 6 іюня о положеніи имѣнія, заявилъ, что здѣсь «водворены совершенное спокойствіе и порядокъ», что вызвало въ министерствѣ внутр. дѣлъ чью-то помѣтку; «какое же совершенное спокойствіе, коли въ тюрьмѣ содержится 214 человѣкъ».

Извѣстіе объ этимъ событіяхъ, сообщенное государю, сильно по-

*) Трефолевъ, стр. 167.

дѣйствовало на него. До того черезъ комитетъ министровъ прошло его повелѣніе, чтобы губернаторъ привелъ въ исполненіе приговоръ только о тѣхъ крестьянахъ, которые присуждались къ полицейскимъ наказаніямъ; дѣло объ остальныхъ должно было идти обычнымъ порядкомъ черезъ сенатъ. Послѣ сообщенія о продолжающихся безпорядкахъ въ имѣніи, Николай I принялъ болѣе суровыя мѣры и изъялъ все дѣло изъ обычнаго порядка. 21-го іюня ст.-секретарь Муравьевъ сообщилъ министру внутр. дѣлъ, что государь 1) разрѣшилъ отдать «содержащихся подъ стражею мятежныхъ крестьянъ», годныхъ въ военную службу, въ рекруты съ зачетомъ въ будущіе наборы за имѣніе ихъ помѣщика; 2) предоставилъ губернатору утвердить приговоръ уголовной палаты, не внося въ сенатъ, хотя бы число присужденныхъ къ тѣлесному наказанію было болѣе девяти; 3) подлежащіе ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе должны были быть сосланы, по волѣ государя, въ крѣпостную работу въ Кронштадтъ, Бобруйскъ и Динабургъ*).

Суровый ли судебный приговоръ **) или вообще прекращеніе слуховъ о волѣ повліяли на крестьянъ, но въ концѣ іюня они начали смиряться. При исполненіи приговора было наказано только 31 человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 23 и послѣ наказанія не дали подписки въ повиновеніи. Остальные крестьяне изъявили раскаяніе и обѣщали повиноваться, почему имъ было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе. Жены 26 изъ наказанныхъ крестьянъ, отправленныхъ въ крѣпостныя работы, умоляли помиловать ихъ мужей, объявляя, что «мужья и отцы совершенно по глупости осмѣлились пребыть и послѣ наказанія въ упорствѣ». Скрывшіеся изъ домовъ частью добровольно вернулись, частью были переловлены. Въ имѣніи водворился порядокъ и обычное повиновеніе. Число сосланныхъ въ крѣпостныя работы въ концѣ-концовъ, въ виду такого поведенія крестьянъ и съ согласія Каппеля, уменьшено было до восьми.

Такъ закончилось волненіе, породившееся изъ протеста крестьянъ противъ фабричныхъ работъ, стѣснявшихъ ихъ экономическую дѣятельность, и разросшееся подъ вліяніемъ слуховъ о свободѣ. Послѣднее обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе мѣстнаго начальства и самого Николая I и было однимъ

---

*) У. Середонина при изложеніи этого дѣла сообщается лишь высочайшее повелѣніе отъ 25 апрѣля, прошедшее черезъ комитетъ министровъ 1-го мая, Но, на этомъ дѣло гагаринскихъ крестьянъ не кончилось, вызвавъ еще вышеизложенныя повелѣнія Николая I, доведенныя до свѣдѣнія комитета министровъ въ засѣданіяхъ 15 іюня и 6 іюля 1826 г. См. Середонинъ. «Обзоръ дѣятельности комитета министровъ», т. II ч. I, стр. 329.

**) По приговору двое изъ судившихся вторично подлежали наказанію кнутомъ и 68 человѣкъ—наказанію плетьми со ссылкой тѣхъ и другихъ въ крѣпостныя работы. Судившіеся первый разъ были присуждены къ плетямъ и ссылкѣ лишь условно и въ случаѣ раскаянія подлежали помилованію.

изъ толчковъ, побудившихъ правительство къ изданію манифеста 12 мая. Первымъ же толчкомъ къ тому послужило извѣстіе о сильномъ распространеніи подобныхъ слуховъ въ Вологодской губерніи.

Ложные толки въ Вологодской губерніи *) получили еще въ мартѣ настолько сильное развитіе, что и вологодскій губернаторъ 1-го апрѣля счелъ необходимымъ донести объ этомъ министру внутр. дѣлъ. По его словамъ, «съ нѣкотораго времени между помѣщичьими крестьянами распространились толки, якобы они взяты будутъ въ казну, а потому якобы и оброковъ помѣщикамъ платить не слѣдуетъ». Несмотря на принятыя «полицейскія» мѣры противъ разгласителей такихъ слуховъ, въ апрѣлѣ они стали еще сильнѣе и, по словамъ губернскаго предводителя дворянства, дворяне стали терпѣть «отягощеніе отъ распространенія въ народѣ духа неповиновенія». Крестьяне толковали, что не нужно ни платить государственныхъ или иныхъ податей, ни повиноваться помѣщикамъ. Эти толки скоро претворились въ дѣйствія. Крестьяне помѣщиковъ Мильгунова въ Вологодскомъ уѣздѣ, Волкова, Самаринской и отчасти Колычева въ Кадниковскомъ уѣздѣ въ томъ же апрѣлѣ прекратили платежъ податей и отказались отъ повиновенія помѣщикамъ. Впрочемъ, здѣсь неповиновенія и слухи не отличались упорностью. Уже 6-го мая губернаторъ сообщилъ министру внутр. дѣлъ, что неповиновеніе крестьянъ у Мильгунова, Колычева и Волкова прекращено, и «съ тѣмъ вмѣстѣ разглашенія между крестьянами о вольности прекращаются». Тогда же, повидимому, прекратилось волненіе и среди крестьянъ помѣщицы Сорочинской.

Хотя такимъ образомъ толки и сопровождавшія ихъ волненія не отличались въ Вологодской губерніи ни силою, ни продолжительностью, извѣстіе о нихъ произвело въ центрѣ сильное впечатлѣніе. 12 апрѣля министръ внутр. дѣлъ сообщилъ объ этомъ государю, а 14 ст.-секретарь Н. Муравьевъ извѣстилъ его уже о повелѣніи Николая I «имѣть неослабное смотрѣніе, чтобы подобныхъ разглашеній дѣлаемо не было, а для прекращенія сихъ распространяющихся вредныхъ толковъ» войти съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, какія мѣры онъ сочтетъ нужнымъ принять въ этомъ случаѣ. Результатомъ было представленіе министра внутр. дѣлъ 27 апрѣля Государственному Совѣту проекта извѣстнаго манифеста 12 мая **). На составленіе его уже повліяли извѣстія о слухахъ и волненіяхъ въ связи съ ними въ другихъ губерніяхъ. Выше было указано, что въ это время получено было тревожное донесеніе Безобразова о слухахъ среди плещеевскихъ

---

*) Ц. А. М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 331.—См. также Середонинъ, стр. 328.

**) Факты, относящіеся къ исторіи происхожденія манифеста 12 мая взяты изъ архивнаго дѣла о слухахъ въ Вологодской губерніи—Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 331.

крестьянъ. На черновикѣ записки министра внутр. дѣлъ государю по поводу этого донесенія стоитъ даже помѣтка: «нужно поспѣшить манифестомъ о вразумленіи крестьянъ, который представить государственному совѣту» *). Во второй половинѣ апрѣля было уже получено донесеніе тверского губернатора о ложныхъ толкахъ среди казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Именно этимъ донесеніемъ мотивировалъ министръ внутр. дѣлъ указаніе въ манифестѣ на уклоненіе казенныхъ крестьянъ отъ взноса въ казначейство числившейся на нихъ недоимки. Такимъ образомъ, повидимому, на выходъ манифеста 12 мая повліяли главнымъ образомъ донесенія о ложныхъ толкахъ и волненіяхъ въ Вологодской, Ярославской и Тверской губерніяхъ, хотя, какъ мы видѣли, въ первыхъ двухъ губерніяхъ эти волненія не сопровождались никакими эксцессами, и ничто не указывало на особую силу ихъ. На прекращеніе же этихъ безпорядковъ, напримѣръ, въ Вологодской губерніи, манифестъ 12 мая не могъ имѣть никакого вліянія: еще до его выхода слухи стали замирать сами собою. То же самое приблизительно было и въ Тверской **) губерніи. Здѣсь также слухи замерли сами собою безъ вліянія манифеста и, повидимому, кромѣ нихъ тамъ дѣйствовали другія причины безпорядковъ.

Первое мѣстное донесеніе, впрочемъ, и здѣсь носило тревожный характеръ. Земскій исправникъ извѣстилъ 14 апрѣля губернатора, что казенные крестьяне въ Калязинскомъ уѣздѣ прекратили платежи государственныхъ податей какъ за 1825, такъ и за текущій годъ. Причиною этого явленія послужили распространившіеся слухи, что въ маѣ при коронаціи будутъ прощены всѣ недоимки. Въ волнующіяся селенія была послана военная экзекуція, не произведшая впечатлѣнія на крестьянъ. Напротивъ, они говорили, что военная команда прислана «по выдумкѣ исправника и по просьбѣ волостныхъ головъ».

Неспокойно было и среди помѣщичьихъ крестьянъ. Среди нихъ шли толки, что въ маѣ, помимо прощенія недоимокъ, всѣ крестьяне будутъ взяты въ казенное вѣдомство. На этомъ основаніи и помѣщичьи крестьяне прекратили казенные платежи. Кромѣ того среди нихъ, по словамъ исправника, «возродилось неповиновеніе... къ помѣщикамъ, какъ то: не платятъ оброка, не исправляютъ по приказаніямъ господскихъ работъ, приходятъ къ помѣщикамъ своимъ и требуютъ съ дерзостью отъ нихъ настоятельнымъ образомъ содержанія тогда, когда для обработанія и посѣва хлѣба имѣютъ довольно земли и по уборкѣ съ полей хлѣба производятъ продажу онаго; другіе же по лѣности своей не стараются о землепашествѣ, о чемъ отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ также дошли

---

*) Ц. А. М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 325.
**) Ц. А. М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 333

уже и просьбы». «Единодумцевъ сихъ, по словамъ исправника, находится не въ малочисленности».

Однако слухи эти не пустили глубокихъ корней среди крестьянъ, а самыя волненія казенныхъ крестьянъ возникали не только изъ-за ложныхъ слуховъ. Калязинскій уѣздный предводитель дворянства, кн. Мещерскій, былъ въ нѣсколькихъ казенныхъ волостяхъ. Всюду крестьяне послѣ убѣжденій давали подписку въ повиновеніи. Хотя вліяніе слуховъ было несомнѣнно, но, по указанію крестьянъ трехъ волостей, главною причиною неплатежа государственныхъ податей былъ «крайній недостатокъ и нужда въ хлѣбѣ». Еще въ ноябрѣ 1825 г. крестьяне эти представляли черезъ волостного голову списокъ нуждающихся крестьянъ, но безъ всякаго результата. Самъ кн. Мещерскій допускалъ правильность такого обвиненія: онъ указывалъ губернатору, что продовольственная помощь можетъ ускорить и взносъ государственныхъ податей, ибо «весьма вѣроятно, что нуждающіеся крестьяне вмѣсто взноса податей по неурожайнымъ годамъ покупаютъ на ѣду хлѣбъ». Въ четвертой волости, посѣщенной кн. Мещерскимъ, крестьяне еще рѣзче выставляли эту причину невзноса податей. Здѣсь «ни въ знаніи, ни въ слушаніи (указанныхъ толковъ) никто не сознавался, а единогласно увѣряли, что взносъ государственныхъ податей остановился отъ большого недостатка въ хлѣбѣ уже нѣсколько лѣтъ».

Такимъ образомъ, и въ казенныхъ селеніяхъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, неурожай прошедшихъ лѣтъ, понизивъ экономическое благосостояніе крестьянъ, создалъ, помимо прочихъ условій, крайне благопріятную среду для воспріятія слуховъ о волѣ и о льготахъ съ воцареніемъ новаго монарха. Слухи эти, легко подхватываемые и развиваемые истомленнымъ въ борьбѣ съ нуждою населеніемъ, въ свою очередь, конечно, сами становились дѣйствующими факторами и побуждали крестьянъ къ неповиновенію.

И. И. Игнатовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЗАСИЛЬНИКЪ.

(Очеркъ).

Валентинъ Хетапуровъ, мой товарищъ, котораго я просилъ указать мнѣ хорошаго и недорогого репетитора по математикѣ, сразу безапеляціонно рѣшилъ:

— Иди къ Рабиновичу. Нечего и толковать. Лучше не найдешь. Пиши его адресъ...

— Постой. Да кто такой, этотъ твой Рабиновичъ? Жидъ, очевидно?

— Тебѣ нуженъ хорошій репетиторъ?—холодно спросилъ Валя, подчеркивая „хорошій", и не сказалъ ничего болѣе.

Къ Рабиновичу я запоздалъ и пришелъ подъ вечеръ второго дня. И даже не подъ вечеръ, а совсѣмъ вечеромъ, потому что у воротъ дома № 45, куда лежалъ мой путь, я встрѣтилъ товарища, съ которымъ проболталъ часа полтора о пустякахъ.

Рабиновичъ жилъ въ полуподвальномъ помѣщеніи. Дверь открыла мнѣ смуглая юркая еврейка, дѣвушка-подростокъ.

— Вы къ брату? Пожалуйте сюда. Онъ сейчасъ занятъ, но это ничего, — предупредительно тараторила она, въ то время какъ я осторожно тыкалъ протянутой рукой въ какіе-то колышки, платья и ширмы.—Извините пожалуйста, что лампы нѣтъ. Въ это время уже никто не приходитъ. Впрочемъ я сейчасъ принесу.

— Ничего, ничего... Не безпокойтесь пожалуйста; если тутъ у васъ ничего хрупкаго нѣтъ... Куда только повѣсить пальто?

Черезъ прихожую и еще какую-то темную комнату сестра Рабиновича привела меня въ маленькую, скромную гостиную, украшенную круглымъ стариннымъ, видимо купленнымъ по случаю, столомъ. На столѣ горѣла лампа, а подъ лампой дремали альбомы съ открытками и фотографіями·

Я остался одинъ и началъ разсматривать привѣты изъ Одессы, Харькова, Москвы, портреты Бебеля, Маркса и торсы Суритъ, Кавальери и Поддубнаго. За дверью слѣва слышались женскіе голоса и сдержанный смѣхъ, а за дверью справа нервный, мужской теноръ di forza ровно, отчетливо и увѣренно говорилъ:

— ...Такимъ образомъ нельзя не признать, что безнравственная и преступная, на нашъ взглядъ, выходка графа Юліана дала толчекъ европейской цивилизаціи. Правда и ложь, добро и зло такъ переплетаются въ исторіи, что отдѣлить одно отъ другого и точно классифицировать для каждаго даннаго времени невозможно. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе, и высказываю я его вамъ только потому, что оно полнѣе освѣтитъ вамъ данный моментъ...

Теноръ разомъ умолкъ. Секундъ черезъ десять правая дверь пріоткрылась, и изъ за нея выглянуло худощавое, нервное, довольно красивое мужское лицо, обрамленное длинными вьющимися черными волосами и черной бородкой; меня быстро осмотрѣли живые проницательные глаза за золотыми очками и тотъ-же теноръ di forza быстро и серьезно спросилъ:

— Вы можете подождать двадцать три минуты?

Десять рублей въ мѣсяцъ и три часовыхъ урока въ недѣлю. Это было для меня недорого. Сначала Рабиновичъ настаивалъ на четырехъ урокахъ въ недѣлю и пятнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ, но затѣмъ уступилъ.

— Въ сущности, меньше трехъ уроковъ въ недѣлю—безсмысленная вещь,—говорилъ онъ въ прихожей, прощаясь;—прійдется больше задавать на домъ, а усиленное задаваніе на домъ, по моему мнѣнію, самообманъ и мошенничество.

Первый-же урокъ выяснилъ, что мнѣ нуженъ не репетиторъ, а учитель. Въ математикѣ я оказался такъ плохъ, что это меня обезкуражило. Я выразилъ опасеніе, что въ трехмѣсячный срокъ не успѣю пройти требуемый курсъ.

— Пустяки, — увѣренно махнулъ рукой Рабиновичъ:— у васъ есть видимо сильное желаніе добиться цѣли, и, кажется, вы умѣете логически мыслить. Вашъ паровозъ въ головѣ оборудованъ наилучшимъ образомъ и снабженъ полной порціей топлива и воды. Почему-же ему не сдѣлать поѣздку, технически не невозможную?

До этого дня,—насколько мнѣ помнится—съ самаго дѣтства, я боялся математики и не любилъ ее. Чѣмъ то сухимъ, холоднымъ, сложнымъ, непонятнымъ и неимовѣрно-труднымъ вѣяло на меня отъ нея.

— Математика,—началъ первый урокъ Рабиновичъ:—это

одна изъ тончайшихъ красокъ жизни. Это одно въ мірѣ прочно, правдиво, неизмѣняемо. Все проходитъ, все измѣняется, одни математическіе законы остаются вѣчно юными, вѣчно прекрасными. Математика, — это та небесная грань, надъ которою кончается безтолковая шумиха обывательщины, уступая мѣсто отблескамъ вѣчнаго Разума. Нѣтъ въ ней ничего труднаго, ничего неяснаго, ничего незаконченнаго. Все просто, ясно и понятно; все послѣдовательно и гармонично. И только потому, что въ повседневной жизни мы привыкаемъ мыслить скачками и зигзагами, больше пялимъ глаза на грязь земли, нежели на синеву неба, только потому ясная, холодная послѣдовательность рѣжетъ намъ глаза, а строгая простота логики кажется сухою и чуждою.

Голосъ Рабиновича звучалъ увѣренно. Была въ немъ и привычно-дидактическая нота: навѣрно, онъ говорилъ это уже не разъ и теперь сознательно или безсознательно гипнотизировалъ новаго ученика. Это я отлично понималъ и, тѣмъ не менѣе, уходя съ перваго урока, ясно чувствовалъ, что курсъ я пройду и что перешагнуть „небесную грань, надъ которою кончается бозтолковая шумиха обывательщины"—пожалуй дѣло интересное...

* * *

Долгимъ и упорнымъ трудомъ этотъ человѣкъ развилъ въ себѣ большой педагогическій талантъ. Именно педагогическій. Все, что Рабиновичъ говорилъ блестящаго, остроумнаго или новаго, почти все это на повѣрку оказывалось заимствованнымъ, но въ этомъ заимствованіи чувствовалась громадная работа энергичнаго, неутомимаго, настойчиваго компилятора.

— Въ какомъ университетѣ вы были?—машинально спросилъ я какъ-то по окончаніи урока.

— А ни въ какомъ еще.

Я удивленно раскрылъ глаза, но такъ-какъ часовая стрѣлка въ эту минуту показывала ровно два—конецъ моего урока и начало другого, то Рабиновичъ дружески-мягко, но все-же достаточно внушительно, взялъ меня подъ руку и провелъ изъ „класса" въ прихожую:

— Некогда, некогда. Когда нибудь на свободѣ поболтаемъ и объ этомъ.

Рабиновичъ дорожилъ своимъ временемъ. Я видѣлъ, что онъ не подаритъ мнѣ ни одной минуты, и рѣшилъ пожертвовать своимъ временемъ: началъ изрѣдка, ссылаясь на усталость, прекращать занятія на пять-десять минутъ раньше. Первый блинъ вышелъ комомъ.

— Отчего вы не идете въ университетъ? — небрежно

спросилъ я, видя, что до конца урока осталось всего пять минутъ.

— Вы вяло работаете и начинаете быстро утомляться,— отвѣтилъ Рабиновичъ. — Это нехорошо. Изслѣдуйте причины этого.

— Хорошо, хорошо. Но вы скажите, почему вы не идете въ университетъ?

Рабиновичъ секунду молчалъ, почти судорожнымъ жестомъ притянулъ къ себѣ „Рѣчь“ и, такъ-таки ничего не отвѣтивъ на мой вопросъ, жадно забѣгалъ глазами по гранкамъ.

— Ну, нѣтъ—сердито думалъ я, идя по бульвару:— это, милостивый государь, не добросовѣстно. Я уступилъ свои пять минутъ не затѣмъ, чтобы ты наслаждался чтеніемъ на мой счетъ...

— Сколько вамъ лѣтъ? — черезъ нѣсколько дней спросилъ я.

— Тридцать два. Значитъ, вчера вы такъ и не сдѣлали ни одного уравненія?

Въ апрѣлѣ мнѣ пришлось перенести занятія на вечеръ. По новому мой урокъ оканчивался въ девять и, уходя, я видѣлъ каждый разъ входившую на смѣну мнѣ дѣвушку-гимназистку. Прійдя на слѣдующій урокъ, я спросилъ:

— Вы очень много работаете?

— Да, ничего, — и Рабиновичъ мелькомъ взглянулъ на какую-то табличку: — самый легкій день воскресенье: всего шесть уроковъ. А вотъ вторникъ—боевой день: либо пятнадцать, либо шестнадцать уроковъ. Во вторникъ и четвергъ я всегда устаю. Итакъ, пожалуйста, заставьте себя рѣшить вотъ эти пять задачъ... Непремѣнно.

* * *

Пришелъ май. По Дону засновали пароходы. На вокзалѣ цѣлый день кишѣли испитыя физіономіи сѣверянъ, перекочевывавшихъ за синей птицей на группы Минеральныхъ водъ и на Черноморское побережье. На бульварѣ цвѣла акація.

Теплымъ погожимъ вечеромъ я уѣзжалъ въ Тифлисъ сдавать мои экзамены. Рабиновичъ пріѣхалъ на вокзалъ проститься. Мои друзья, Васька, Петька, Алексѣй, Валя и Семенъ Николаевичъ, заливали тоску разлуки пивомъ и водкой, я не отставалъ отъ нихъ и урывками говорилъ съ Рабиновичемъ. Вернуться я не расчитывалъ, и это обстоятельство навѣвало на Ваську и Петьку такую тоску, что они не пили, а поглощали водку непрерывной струей; оффиціантъ только качалъ головой, мѣняя графинчики. Рабиновичъ оказался „кислымъ“ собутыльникомъ: за все время онъ едва выклевалъ стаканъ пива, а отъ водки отказался наотрѣзъ.

— Ишь ты, инородецъ окаянный,—тихонько негодовалъ Васька:—оппозицію поддерживаетъ. Финансовый кризисъ, а онъ, на́ тебѣ, водку не пьетъ.

Подойдя къ Рабиновичу, я тихонько спросилъ:

— Когда-же вы пойдете въ университетъ?

Рабиновичъ пожалъ плечами.

— Видѣли моихъ? Четыре штуки женскаго пола, да пара родителей... Сара, Анна, Лиза и Соня. Во-первыхъ онѣ жидовки, а во-вторыхъ за душой у нихъ ни гроша. Надо ихъ на ноги поставить, чтобы на Садовой не очутились. Вотъ доведу Соню до курсовъ, тогда и о себѣ можно будетъ подумать.

— Вы же ихъ и натаскиваете?

— Конечно. Въ гимназію отдай сто двадцать въ годъ, а съ формой, да всякой-всячиной и всѣ семьсотъ на четверыхъ выйдутъ... Трудно, даже невозможно. А такъ, — получите за экзамены сорокъ цѣлковыхъ и позвольте свидѣтельство.

— Подрывъ министерству дѣлаете.

— Ну, что же,—усмѣхнулся онъ,—своя рубашка ближе къ тѣлу.

Семенъ Николаевичъ началъ произносить короткій прочувствованный тостъ. Васька усердно сморкался въ Валину салфетку и совалъ окурокъ въ мой антрекотъ.

— А почему вы,—опять спросилъ я:—не займетесь публицистикой? Въ педагогической литературѣ вы могли бы, право, занять видное мѣсто.

Рабиновичъ съ печальной насмѣшкой поглядѣлъ на меня.

— А почему вы не напишете хорошую большую повѣсть или романъ, а пробавляетесь фельетончиками въ вашемъ „Листкѣ"?

Оба мы улыбнулись. Рабиновичъ слегка вздохнулъ.

— Мелочи, мелочи расхищаютъ насъ. Завтрашній кусокъ хлѣба; мы его жуемъ, а онъ насъ потихоньку съѣдаетъ.

Второй звонокъ позвалъ меня въ вагонъ. Рослый сѣдой швейцаръ у выходныхъ дверей громкимъ и сильнымъ басомъ запѣлъ:

— Второй звонокъ... Владикавказъ... Баку! Поѣздъ на первомъ пути.

Друзья познаются въ нуждѣ. Петька чувствовалъ, что тамъ за Баладжарами меня ждетъ цѣлый сонмъ несчастій. Онъ требовалъ, чтобы Васька, Валя и Семенъ Николаевичъ купили ему билетъ до Тифлиса и обратно, и дали-бы на дорогу десять рублей. На платформѣ въ послѣднюю минуту, обуреваемый дружескими заботами, онъ приступилъ къ Рабиновичу.

— Вы хорошо его подготовили? А? Добросовѣстно?— спросилъ онъ съ большой строгостью.

— Полагаю—холодно, спокойно и вѣжливо отвѣтилъ Рабиновичъ.

Минуты иногда кажутся часами, часы иногда кажутся вѣчностью, но годы, ахъ, годы всегда проносятся незамѣтно.

Пять разъ земля одѣвалась въ бѣлый саванъ и опять зеленѣла. И вотъ, въ Петербургѣ, въ Пассажѣ, противъ магазина... впрочемъ это не важно, — просто въ пассажѣ мы встрѣтились.

Это было такъ неожиданно, что я вскрикнулъ, а онъ вслѣдствіе этого моментально повернулъ голову въ мою сторону... То-же худощавое, нервное лицо; тѣ же блестящіе, живые глаза, прикрытые золотыми очками; та же бородка; тѣ же черные, вьющіеся волосы, чуть порѣдѣвшіе, съ рѣдкими серебряными штриками на вискахъ, но на нихъ—поношенная студенческая фуражка. Пальто, какъ говорится „подбитое вѣтромъ“.

— Значитъ, всѣ уже на ногахъ?—спросилъ я.

— Всѣ, всѣ.

— Но чего-же вы такъ далеко забрались? Вѣдь вамъ куда сподручнѣе было-бы въ свой, Одесскій.

Рабиновичъ поморщился и махнулъ рукой.

— Конечно ближе и лучше... Да только тамъ мнѣ некогда учиться.

— Опять некогда. Это что же значитъ?

— А то и значитъ, что мнѣ уже подъ сорокъ лѣтъ. Нужно учиться полнымъ ходомъ и у настоящихъ учителей. Каждая минута дорога. Ну, а тамъ, вы знаете, не спѣшатъ. Больше политику дѣлаютъ, чѣмъ учатся и учатъ. Конечно, каждый гражданинъ обязанъ дѣлать политику, да только у нихъ есть время, а у меня его нѣтъ.

— А здѣсь?

— Здѣсь тоже дѣлаютъ политику, да все же больше учатся. А въ общемъ можно учиться и полнымъ ходомъ.

— Трудно жить въ Петербургѣ?

— Чертовски трудно. Всего-то два паршивыхъ урока. Ну, да чепуха! Самое трудное позади. Работы давай побольше, не боюсь. Тренированный. Вотъ ужо кончу васильеостровскій, тогда поработаемъ... То-гда по-ра-ботаемъ... Ну, прощайте, прощайте. Некогда.

— Куда-же вы?

— Съѣздикъ тутъ маленькій. Работишка есть корректурная, да дома пять листовъ перевода. Давайте вашъ адресъ, забѣгу на досугѣ.

— Ну, прощайте, А вы, я вижу, не разучились работать!

Рабиновичъ засмѣялся.

— Это что. Говорю вамъ: вотъ кончу университетъ, тогда поработаемъ, дѣйствительно! Пока только еще пріучался къ работѣ. Самое вкусное впереди. Не боюсь я жизненной скачки съ препятствіями. Тренированный...

Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку, взглянулъ на часы и быстро направился къ вагону трамвая.

С. М. Чевкинъ.

За желѣзной рѣшеткой.

I.

Въ башнѣ.

Даже въ самые яркіе солнечные дни въ нашей башнѣ царилъ полумракъ, и воздухъ оставался въ ней сырымъ и затхлымъ даже тогда, когда во дворѣ земля трескалась отъ жары. Толстыя каменныя стѣны, покрытыя узорами желтовато-зеленой плѣсени; неровный асфальтовый полъ; небольшое венеціанское окно, вдоль и поперекъ исчирканное безобразными черными полосами желѣза... Подъ окномъ узкій и пыльный тюремный дворъ. За нимъ—высокая кирпичная стѣна, крытая листами желѣза и оплетенная колючей проволкой. Эта вѣчно стоящая передъ глазами стѣна—мертвая лѣтопись тюрьмы: на нижнихъ кирпичахъ ея мелькаютъ выцарапанныя гвоздемъ имена людей, когда-то сидѣвшихъ въ нашей тюрьмѣ; надъ многими именами вырѣзаны кресты,—это имена повѣшенныхъ; а верхніе кирпичи стѣны испещрены слѣдами ружейныхъ и револьверныхъ пуль,—это память о происходившихъ въ тюрьмѣ разстрѣлахъ... Передъ стѣной подъ окномъ днемъ и ночью маячитъ взадъ и впередъ часовой съ примкнутымъ къ берданкѣ штыкомъ... За тяжелой, потемнѣвшей отъ времени и отъ грязи, избитой и изрѣзанной дверью — безконечный тюремный корридоръ. По обѣимъ сторонамъ его тянутся двери, обитыя желѣзомъ, тяжелыя и темныя двери,—точь-въ-точь такія же, какъ дверь нашей башни, съ такими же запорами и замками, съ такими же маленькими оконцами-волчками. И днемъ и ночью ходятъ вдоль этихъ дверей хмурые тюремщики, припадая къ волчкамъ то глазомъ, то ухомъ и съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, что дѣлаютъ въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ узники..

Однообразной чередой тянулись дни въ нашей башнѣ. И хотя по внѣшнему виду наша башня напоминала немного романтическія круглыя башни старыхъ замковъ, однако жизнь въ ней была совершенно чужда романтическихъ ужасовъ.

Въ тюрьмѣ разыгрывались мучительно тяжелыя драмы, въ ней

гибло не мало сильныхъ и яркихъ жизней, смерть неустанно косила въ ней свои жертвы. Но все совершалось въ тюрьмѣ какъ то тускло, незамѣтно. Казалось, будто холодная плѣсень, окутавшая стѣны тюремныхъ камеръ, съѣдала яркость и напряженность всего, что происходило въ этихъ стѣнахъ. Тускнѣли всѣ чувства. Стирались всѣ цѣнности жизни. Умъ привыкалъ къ тому, чтобы жизнь человѣка, только вчера достигшаго расцвѣта своихъ силъ, обрывалась безъ шума, какъ рвется гнилая нитка. Къ чудовищнымъ вещамъ, мимо которыхъ на волѣ мы не прошли бы молча, къ безобразнѣйшимъ насиліямъ привыкали мы въ тюрьмѣ. И кровь, пропитавшая полъ и стѣны и весь воздухъ тюрьмы, казалась уже не алой, а сѣрой и холодной, какъ окутавшая тюрьму своими узорами плѣсень...

Впрочемъ, въ башнѣ, куда меня перевели въ началѣ 1909-го года, жилось нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ камерахъ тюрьмы. Кромѣ башенъ, всѣ остальныя камеры были очень обширны: при постройкѣ онѣ были разсчитаны на 20 до 40 арестантовъ. Но, въ виду переполненія тюрьмы, въ эти камеры набивали, бывало, по 100—150 человѣкъ сразу, такъ что не только на нарахъ, но и на полу не хватало мѣста для спящихъ, и заключенные испытывали мучительныя головокруженія изъ-за недостатка воздуха. А въ башняхъ число заключенныхъ не подымалось выше 10, такъ что мѣста и воздуха хватало. Кромѣ того, въ большихъ камерахъ (кромѣ одной только седьмой слѣдственной) политическіе тонули въ морѣ уголовныхъ, которые, благодаря своему численному преобладанію, задавали, такъ сказать, тонъ камерной жизни. А въ нашей башнѣ сидѣли только политическіе.

Наша жизнь протекала, сравнительно, спокойно,—безъ всякихъ рѣзкихъ потрясеній. Но жили мы, какъ дикари, — оторванные отъ міра, не зная ничего о томъ, что творится на волѣ, за тюремными стѣнами, утрачивая мало-по малу тѣ жизненные интересы, которые наполняли наше существованіе до тюрьмы. Ничего не дѣлали; иной разъ цѣлыми днями ни о чемъ не думали. Ходили взадъ и впередъ по своей башнѣ—отъ окна къ двери, отъ двери къ окну, и снова отъ окна къ двери—или лежали молча и неподвижно на койкахъ и слѣдили за тѣмъ, какъ медленно и тягуче ползутъ часы и минуты...

Часто мысль моя возвращалась къ тому, что прошло предъ моими глазами въ тюрьмѣ въ эти годы. Вставали непрерывной чередой картины—одна мрачнѣй и уродливѣй другой. Незамѣтно, безшумно гибли люди. Гибли не только физически, въ смыслѣ прекращенія жизни, но гибли и нравственно, въ смыслѣ постепеннаго разложенія и разрушенія личности. Я видѣлъ десятки и сотни людей, которые вступали подъ тюремные своды сильными и смѣлыми, съ гордо поднятой головой, а черезъ нѣсколько лѣтъ выходили изъ тюрьмы сломленные гнетомъ желѣзной рѣшетки,

нравственно павшіе, или же выходили, сохранивъ прежнюю вѣру въ идеалы, но получивъ такую аберрацію мысли, которая дѣлала ихъ непригодными для дальнѣйшей жизненной борьбы. Это—обычныя будничныя драмы тюрьмы. Мы привыкли къ нимъ и всегда одинаково объясняли ихъ дѣйствіемъ особыхъ условій тюремнаго заключенія...

Но вотъ, условія моего существованія измѣнились настолько, что я получилъ возможность слѣдить за газетами и смогъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ протекала за эти годы духовная жизнь Россіи тамъ, за тюремными стѣнами, на волѣ. И что же? въ явленіяхъ духовной жизни страны на каждомъ шагу узнаю я тѣ явленія, которыя раньше представлялись мнѣ исключительно лишь порожденіемъ тюремной обстановки. По мѣрѣ того, какъ знакомился я съ печальными проявленіями духовной жизни въ Россіи за послѣдніе годы, все больше и больше я убѣждался въ томъ, что жизнь на волѣ не такъ уже рѣзко отличалась за все это время отъ нашей жизни въ тюрьмѣ.

Можетъ быть, въ тюремной жизни просто отражались тѣ волны, которыя бороздили за эти годы житейское море за тюремными стѣнами? Отчасти было и это. Вѣдь всѣ мы, приходя въ тюрьму, приносили съ собою частичку общественныхъ настроеній, господствовавшихъ въ моментъ нашего ареста на волѣ. И всѣ измѣненія обстоятельствъ на волѣ немедленно отражались на условіяхъ нашего существованія въ тюрьмѣ: свободнѣе становилось дышать на волѣ,—сразу сказывалось это облегченіемъ нашего режима; увеличивался «прижимъ» на волѣ,—сразу въ камерахъ начиналось переполненіе отъ вновь прибывавшихъ арестантовъ, а начальство становилось строже, грубѣе и заносчивѣе. Волны общественнаго подъема и упадка, словъ нѣтъ, доходили до насъ.

Но врядъ ли всѣ явленія тюремной жизни можно объяснить простымъ отраженіемъ того, что происходитъ на волѣ. Въ этомъ параллелизмѣ тюремныхъ и внѣтюремныхъ явленій упадка и разложенія проявляется нѣчто большее.

Мы приносили съ собою, приходя въ тюрьму, частички настроеній, господствовавшихъ въ обществѣ въ моментъ нашего ареста. Это были сѣмена, которыя въ дальнѣйшемъ могли заглохнуть, могли и развиться въ томъ или другомъ направленіи, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. А «внѣшнія условія» у насъ были обычныя, тюремныя: каменныя стѣны, желѣзныя рѣшетки, тяжелые замки, да звонкія цѣпи. Мы были къ самой землѣ придавлены гнетомъ «желѣзной рѣшетки». Но вѣдь та же «желѣзная рѣшетка» безпощадно давила въ эти годы и всю русскую жизнь. Развѣ только *наши* шаги загораживали каменныя стѣны? Развѣ только *нашъ* слухъ днемъ и ночью терзали нестройные звуки бряцающихъ цѣпей?

Въ годы реакціи, подавляющей всякое движеніе свободной

мысли, каждое стремленіе вольнаго духа, вся жизнь становится подобна тюрьмѣ. И въ вольной жизни естественно развиваются тогда тѣ же самыя уродливыя теченія, которыя характерны для душной тюремной атмосферы.

Въ это время тюрьма, дѣйствительно, была наиболѣе яркимъ, наиболѣе полнымъ выраженіемъ своеобразныхъ условій русской дѣйствительности.

Извѣстныя психологическія измѣненія, зависѣвшія отъ гнета желѣзной рѣшетки, происходили въ эти годы повсюду,—и на волѣ, и въ тюрьмѣ. Но на волѣ они происходили сравнительно медленно, и рѣзкость ихъ скрадывалась множествомъ привходящихъ побочныхъ обстоятельствъ. А въ тюрьмѣ, гдѣ острые прутья желѣзной рѣшетки впивались въ тѣло людей всего глубже, всего болѣзненнѣе, въ тюрьмѣ эти процессы происходили въ наиболѣе удобной для наблюденія формѣ.

Поэтому и хочу я подѣлиться съ читателями кое-какими наблюденіями, сдѣланными мною въ тюрьмѣ.

II.

Романтика кулака.

Въ какія бы условія ни былъ поставленъ человѣкъ, онъ не можетъ жить одной только окружающей его дѣйствительностью. Ему нуженъ еще другой міръ, міръ образовъ, въ которомъ могъ бы отдохнуть его умъ, въ которомъ душа его могла бы найти пріютъ и убѣжище отъ угнетающихъ ее заботъ и волненій. И человѣкъ создаетъ себѣ этотъ міръ, основывая его или на пріукрашенныхъ воспоминаніяхъ о минувшемъ, или на своихъ мечтахъ о будущемъ, или на своемъ смутномъ представленіи о чемъ-либо далекомъ, для него недостижимомъ.

Безъ работы фантазіи, безъ этого міра образовъ слишкомъ тяжело было бы жить на свѣтѣ. Отсюда—вѣчные элементы романтики въ созданіяхъ человѣческой мысли.

Не только у каждаго народа въ каждую эпоху исторіи, но и у каждаго общественнаго класса, у каждой замкнутой группы людей имѣется своя романтика. Горькій показалъ намъ романтику, которую создаютъ себѣ люди на днѣ жизни. Но десятки и сотни тысячъ людей живутъ въ условіяхъ, заставляющихъ ихъ съ тоской мечтать о жизни обитателей горьковскаго дна. Я говорю о тюремномъ мірѣ и о романтикѣ, создаваемой имъ.

Да, у тюрьмы имѣются свои герои, свои преданія, свои легенды. Правда, эти преданія и легенды никѣмъ не записаны и врядъ ли когда будутъ записаны. Они передаются изъ устъ въ уста въ безконечныхъ арестантскихъ бесѣдахъ, въ которыхъ невозможно

Библиот. В.Э.С.

правду отличить отъ вымысла, невольныя преувеличенія отъ сознательныхъ поэтическихъ прикрасъ.

По этимъ безконечнымъ разговорамъ и приходится изучать ихъ. Однако, говоря о романтикѣ, созданной тюрьмою, я долженъ сперва пояснить, о *какой* тюрьмѣ будетъ идти у меня рѣчь.

Я, прежде всего, отбрасываю въ сторону тѣхъ узниковъ, для которыхъ пребываніе въ тюрьмѣ является лишь непріятной случайностью, мимолетнымъ эпизодомъ. Административно высылаемый студентъ или рабочій, съ одной стороны, проворовавшійся интендантъ съ другой, только проходятъ черезъ тюрьму, не сживаясь съ нею и не испытывая на себѣ всѣхъ ея вліяній. А иные люди, даже цѣлые долгіе годы живя въ тюрьмѣ, умѣютъ все же жить настолько замкнуто, что переживанія ихъ остаются для окружающихъ таинственной книгой за семью печатями: никто не знаетъ, о чемъ думаютъ, о чемъ мечтаютъ они, сидя неподвижно цѣлыми часами, уставивъ глаза въ одну точку; а они какъ бы не видятъ и не слышатъ происходящаго вокругъ нихъ; машинально встаютъ по утрамъ, занимаютъ свое мѣсто на повѣркѣ, выходятъ на прогулку, подставляютъ свой бачокъ подъ баланду, дѣлаютъ все, какъ другіе заключенные; но дѣлаютъ все какъ бы безсознательно, продолжая думать о чемъ-то своемъ, далекомъ, безконечно далекомъ.

Я не говорю объ этихъ обитателяхъ тюрьмы. Не говорю я и о тѣхъ арестованныхъ или осужденныхъ „за покушеніе на подозрѣніе", для которыхъ вся жизнь въ тюрьмѣ сводится къ плачу и воздыханіямъ. Мои наблюденія касаются лишь главнаго, основного контингента тюрьмы, распадающагося на *политическихъ* и *уголовныхъ*.

Политическіе и уголовные постоянно сталкивались въ русскихъ тюрьмахъ, какъ два потока, берущихъ начало въ прямо противоположныхъ областяхъ жизни. Это были раньше два различныхъ міра. Тѣ и другіе приносили съ собою въ тюрьму свои взгляды, свое міровоззрѣніе, свою романтику. У тѣхъ и у другихъ были свои воспоминанія и традиціи, свои мечты и надежды. Между ними лежала цѣлая пропасть.

Но за послѣдніе годы положеніе дѣлъ въ тюрьмахъ рѣзко перемѣнилось.

Измѣнился составъ «политики». Въ тюрьмы нахлынули рабочіе-массовики, «сочувствовавшіе» на волѣ соціалистическимъ партіямъ. Явились «повстанцы» 1905 года, захваченные волной общественнаго подъема и не успѣвшіе оглянуться, какъ за ними захлопнулись тяжелыя ворота тюрьмы. Пришли солдаты и матросы— участники «возстаній», политическое значеніе которыхъ было для нихъ темно и недоступно. Народился новый типъ «экспропріатора», считающаго себя революціонеромъ, но стоящаго и по своимъ взгля-

дамъ, и по своимъ дѣйствіямъ ближе всего къ заправскимъ уголовнымъ грабителямъ.

Все это не могло не повліять на отношенія, существующія въ тюрьмѣ между политическими и уголовными. Лежавшая между ними глубокая пропасть оказалась наполовину заполненной. Но все же сліянія между политическими и уголовными не произошло.

Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ всѣ эти годы политическіе оставались отдѣленными отъ уголовныхъ. Каждая группа жила своей жизнью, совершенно непохожей на жизнь другой группы. При этихъ условіяхъ среди тюремнаго населенія не создавалось единаго общаго настроенія, не складывалось единой общей традиціи. И уголовный, попавшій случайно въ среду политическихъ, чувствовалъ себя такъ же неловко, какъ и политикъ, попавшій въ уголовную камеру.

Но въ большинствѣ тюремъ начальство не допускало отдѣленія политическихъ отъ уголовныхъ. Тюремщики считали опаснымъ объединеніе политиковъ. Строптивость политическихъ они думали сломить путемъ «растворенія» политиковъ въ массѣ уголовныхъ. И, примѣняя эту тактику, тюремщики отлично сознавали, что они дѣлаютъ: за эти годы ни отъ чего не пришлось политическимъ заключеннымъ перенести столько нравственныхъ страданій, какъ отъ этого насильственнаго смѣшенія ихъ съ уголовными. Никакія строгости тюремнаго режима не могли бы создать для заключеннаго такого ада, какой получался отъ вынужденнаго тѣснаго сожительства ненавидящихъ и не понимающихъ другъ друга людей. Во многихъ тюрьмахъ дѣло доходило до дракъ, до поножовщины, до убійствъ. Во многихъ тюрьмахъ политическимъ приходилось днемъ и ночью быть настορожѣ и постоянно имѣть наготовѣ ножи или острые осколки камней, такъ какъ въ любой моментъ они должны были ожидать нападенія со стороны превосходящихъ ихъ численностью уголовныхъ...

Но я не буду останавливаться на всѣхъ этихъ явленіяхъ: они не относятся непосредственно къ интересующему насъ вопросу о вліяніи желѣзной рѣшетки на людей.

Какъ бы то ни было, во многихъ тюрьмахъ начальство добилось своего: политиковъ удалось растворить въ массѣ уголовныхъ. И сколько ни выходило при этомъ столкновеній среди арестантовъ, сколько ни разыгрывалось кровопролитныхъ драмъ, все же при продолжительной совмѣстной жизни политическихъ и уголовныхъ рано или поздно грань между ними начинала стираться, создавалось общее арестантское настроеніе, вырабатывалась нѣкоторая общность взглядовъ, нѣкоторая общность оцѣнокъ. Совершалось необходимое приспособленіе психики людей къ требованіямъ окружающихъ обстоятельствъ. Конечно, приспособлялись не всѣ. Но жизнь не приспособившихся проходила въ непрерывныхъ страданіяхъ. А приспособившіеся жили сравнительно спокойно: для нихъ уже не существовало тѣхъ нравственыхъ мукъ, которыя

угнетали ихъ товарищей, сохранившихъ въ неприкосновенности свои старые, «дотюремные» взгляды и убѣжденія.

Специфическая тюремная романтика, романтика кулака, развивалась-расцвѣтала именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошло это приспособленіе, и сложилось, сообразно съ этимъ, единое арестантское настроеніе политическихъ и уголовныхъ. Такія условія были, между прочимъ, и въ N-ской тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ я 2 ½ года; часть этого времени—до перевода въ башню—мнѣ пришлось сидѣть въ общихъ камерахъ съ смѣшаннымъ составомъ заключенныхъ, и я могъ вблизи наблюдать процессъ ассимиляціи политическихъ и уголовныхъ.

Уродливую, тяжелую картину представлялъ этотъ процессъ: здѣсь сталкивались двѣ культуры, два міропониманія. И высшая культура постепенно стиралась, разсыпалась, поглощалась низшей. Уголовные почти ничего не перенимали отъ политиковъ, если не считать отдѣльныхъ ходячихъ словечекъ—«коллега», «товарищъ», «сознательность», «провокація». А массовики-политики, наоборотъ, быстро эволюціонировали, усваивая безобразный жаргонъ уголовныхъ, ихъ понятія объ арестантской чести, ихъ правила товарищескаго общежитія, ихъ разнузданность выраженій, ихъ пѣсни, ихъ взглядъ на женщину, ихъ идеалы, ихъ романтику.

Сперва меня удивляло это явленіе, и я не могъ подыскать удовлетворительнаго объясненія ему. Низшая культура при извѣстныхъ условіяхъ поглощаетъ высшую... Эти ассимилировавшіеся съ уголовными массовики-политики и прежде, на волѣ, стояли недалеко отъ уголовныхъ по своимъ взглядамъ и по своему развитію... Революціонная идеологія была у этихъ людей лишь поверхностнымъ налетомъ, который легко соскочилъ подъ давленіемъ ухудшившихся обстоятельствъ... Все это совершенно вѣрно. Но всего этого было недостаточно для объясненія происходившаго на нашихъ глазахъ явленія.

Позже у меня сложилось такое представленіе о немъ:

Здѣсь столкнулись въ тюрьмѣ двѣ культуры, двѣ идеологіи. Одна—созданная людьми политической борьбы и, слѣдовательно, приспособленная къ запросамъ и требованіямъ этой борьбы. Другая—созданная профессіональными ворами, рыцарями ножа и отмычки, созданная постоянными обитателями тюрьмы и какъ нельзя полнѣе приспособленная къ требованіямъ тюремной рѣшетки. Да, вся «блатная» *) арестантская культура является порожденіемъ желѣзной рѣшетки, идеологіей тюрьмы, какъ таковой. И именно поэтому въ тюрьмѣ она должна была побѣдить идеологію, которую принесли съ собою съ воли недостаточно крѣпкіе духомъ, недостаточно закаленные массовики-политики.

---

*) На тюремномъ жаргонѣ «блатной» значитъ «свой братъ, уголовный», «воръ».

Въ этомъ столкновеніи двухъ міровоззрѣній на сторонѣ одного была логика условій тюремной жизни. И потому оно должно было побѣдить.

Въ общихъ камерахъ, гдѣ начальство предусмотрительно смѣшало политиковъ съ уголовными, трудно было вести съ товарищемъ разговоръ на политическую тему. Только политики, пользовавшіеся почему-либо особымъ уваженіемъ среди уголовныхъ, могли говорить въ камерѣ свободно и громко. Вообще же къ разговорамъ на политическія темы въ общихъ камерахъ уголовные относились подозрительно и враждебно. И нерѣдко самая невинная бесѣда между двумя политиками становилась для уголовныхъ предлогомъ къ тому, чтобы устроить политическимъ грубый и громкій скандалъ.

Однажды въ большой общей камерѣ мнѣ пришлось наблюдать такую сцену.

Два политика, сидя въ уголку на нарахъ, бесѣдуютъ о чемъ то вполголоса. Молодой кандальщикъ-каторжанинъ съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ объясняетъ что-то бородатому старику-крестьянину, а тотъ внимательно слушаетъ его, вставляя время отъ времени въ его рѣчь то вопросы, то замѣчанія. Изъ сосѣдей по нарамъ двое или трое съ интересомъ слѣдятъ за этимъ разговоромъ.

Проходитъ мимо нихъ, гремя кандалами, высокій, худощавый дѣтина съ мрачнымъ, смуглымъ лицомъ и широкимъ краснымъ шрамомъ черезъ лобъ. Широкій лакированный поясъ, подкандальники изъ мягкой простеганной кожи, бѣлая «собственная» рубаха, походка увѣренная и твердая. Это одинъ изъ видныхъ тюремныхъ ивановъ *), рецидивистъ Степка, ненавистникъ политики и постоянный застрѣльщикъ въ столкновеніяхъ уголовныхъ съ политическими.

Замѣтивъ бесѣдующихъ, онъ остановился противъ нихъ, прислушался къ разговору, и затѣмъ, пододвинувшись вплотную къ молодому кандальщику съ интеллигентнымъ лицомъ, сквозь зубы бросилъ ему:

— Что? опять свою волынку завели? Мало вамъ было на волѣ агитаціей заниматься? Сюда за тѣмъ же пріѣхалъ? Смотри ты,— и онъ пустилъ длинное непечатное ругательство.

Молодой кандальщикъ взглянулъ на него и, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе, произнесъ:

— Я вамъ не мѣшаю разговаривать, о чемъ вамъ вздумается, и вообще въ ваши дѣла не вмѣшиваюсь. Такъ и вамъ нечего вмѣшиваться въ наши дѣла! А спрашивать васъ, о чемъ говорить, о чемъ не говорить, я не намѣренъ! Такъ и знайте...

---

*) «Иванами» въ тюрьмѣ называются особенно вліятельные уголовные, по большой части рецидивисты, помыкающіе остальной массой арестантовъ.

— Не намѣренъ? Ахъ, ты, студентъ...—Степка опять непечатно выругался:—черезъ ваши разговоры тюрьму завинтили *), а они здѣсь еще свои порядки устанавливать будутъ!.. Что ты тутъ затѣялъ? Хочешь, чтобъ черезъ твой разговоръ всю камеру разстрѣляли? А? Я тебѣ покажу!..

Студентъ приподнялся со своего мѣста:

— Что ты мнѣ покажешь? Здѣсь тебя не боятся... съ нами ивановать не будешь! Другимъ можешь указывать!..

— Другимъ указывать?.. Да я тебѣ такъ укажу, что ты съ мѣста не встанешь, гадъ ползучій! Я тебѣ укажу, какъ тюрьму подводить, гадская твоя душа!..

Степка съ налитыми кровью глазами, съ сжатыми кулаками наступалъ на своего тщедушнаго противника, неистово ругаясь и сквернословя. Студентъ стоялъ передъ нимъ, тяжело дыша, блѣдный, но съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, съ явной готовностью защищаться до конца.

Вокругъ противниковъ быстро собралась кучка любопытныхъ.

— Подходи, наши!—крикнулъ кто то изъ уголовныхъ.

Уголовные, обступившіе противниковъ, загородили ихъ отъ глазъ надзирателя, который могъ бы подойти неожиданно къ волчку и помѣшать дракѣ.

— Раздѣлывай, Степка!

Степка уже замахнулся, чтобы ударить политика... Но драка на этотъ разъ не состоялась. Къ студенту протискался черезъ толпу уголовныхъ другой каторжанинъ съ грубымъ, морщинистымъ лицомъ. Онъ былъ очень широкъ въ плечахъ, и его согнутая спина, длинныя жилистыя руки и короткая бычья шея обличали въ немъ большую силу. По вытатуированнымъ на рукахъ и на шеѣ знакамъ въ немъ легко было узнать моряка. Но по грубому лицу и дикимъ, глубоко запавшимъ глазамъ трудно было угадать въ немъ политическаго. Это былъ матросъ-вѣчникъ, осужденный за возстаніе, человѣкъ малоразвитой, но прямой, преданный революціи, бѣшенно-смѣлый и сохранившій въ тюрьмѣ ухватки моряка-драчуна.

Смѣривъ глазами съ ногъ до головы Степку, онъ поднесъ кулакъ къ самому его лицу и мрачно спросилъ его:

— Драться хочешь? Бока чешутся? Ну?

Хорошо зная нечеловѣческую силу матроса, Степка молчалъ и только отступилъ на шагъ отъ него.

— Что, расхотѣлось уже?..—продолжалъ морякъ:—а то можно попробовать... Я до васъ, сволочей, давно добираюсь... Онъ выругался непечатно и вдругъ, разсвирѣпѣвъ, перемѣнилъ тонъ и закричалъ:—Выходи всѣ, кто здѣсь ивановать хочетъ. Чего по угламъ, стервы, прячетесь? Выходи всѣ... Я съ вами голыми то руками драться не стану... Гостинецъ тутъ у меня для васъ есть...

*) «Завинтили тюрьму»—ввели строгій режимъ.

Онъ нагнулся и взялся рукой за подкандальникъ. Уголовные отхлынули отъ него, такъ какъ для всѣхъ стало ясно, что сейчасъ въ дѣло пойдутъ ножи. Студентъ, схвативъ матроса за руку, старался успокоить его. Степка все же выдержалъ характеръ и постарался сдѣлать видъ, что не боится совсѣмъ своего бѣшеннаго противника: онъ стоялъ передъ матросомъ, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, слѣдя за движеніями противника и сжимая въ спрятанной за спину правой рукѣ неизвѣстно откуда явившуюся у него отточенную желѣзку. Лицо его стало почти блѣднымъ, грудь дышала тяжело и прерывисто.

— Брось, Степка!—говорили вокругъ уголовные:—чего связался? Что хорошаго выйдетъ?

Матросъ, повидимому, отказавшись отъ своего намѣренія взяться за ножъ, еще разъ выругался:

— Такъ и знай! Кто ивановать здѣсь будетъ, кишки выпущу...

— Ивановать здѣсь никто и не думалъ,—примирительнымъ тономъ замѣтилъ Степка, отдавая свою желѣзку подошедшему товарищу:—если ты драться захочешь, такъ и на тебя кулаки найдутся. А что до ножей, такъ уголовные тоже рѣзать себя не дадутъ. На ножи и у насъ ножи найдутся. Такъ что басомъ *) брать тутъ некого... Не грачей **) нашелъ. А я только къ тому говорилъ, что ваша политика тутъ агитацію подымаетъ, а отвѣчать всей камерѣ придется. Если вы арестанты, то съ тюрьмой вы считаться должны. По нашему такъ выходитъ. А вотъ студенты иначе опредѣляютъ.

— Зексъ!..—донеслось изъ дальняго угла камеры.

По этому тревожному сигналу кучка, которая было опять образовалась вокругъ Степки и моряка, быстро растаяла: въ дверяхъ камеры стоялъ надзиратель.

— Что здѣсь за шумъ? Синагогу жидовскую устроили себѣ? А?

Надзиратель подозрительно обвелъ взглядомъ камеру. Но придраться было уже не къ чему. Даже взволнованныхъ лицъ матроса и его противника не было видно, такъ какъ ихъ загородила толпа, вмигъ собравшаяся около двери.

— Ничего здѣсь не было, господинъ дядька!

Надзиратель заперъ дверь. И сразу возгорѣлись опять споры въ камерѣ.

Теперь уже политическіе и уголовные порознь обсуждали происшедшее столкновеніе.

Въ группѣ политическихъ молодой каторжанинъ-студентъ горячо доказывалъ, что въ подобныхъ вопросахъ уступать уголовнымъ немыслимо, что политическіе ради сохраненія собственнаго человѣческаго достоинства обязаны охранять свое право бесѣдо-

*) «Брать басомъ»—запугивать.

**) «Грачъ»—простакъ, дурачокъ.

вать о чемъ угодно, безъ всякой цензуры со стороны уголовныхъ. Эту же точку зрѣнія энергично поддерживалъ и плечистый матросъ:

— Чего на нихъ смотрѣть?—говорилъ онъ:—все равно, не сегодня, такъ завтра посчитаться съ ними придется. Такъ ужъ лучше заразъ все! Къ чему спускъ имъ давать? Я бъ этому Степкѣ давно глотку перехватилъ.

Но среди политическихъ были также и представители иного взгляда. Анархисты, въ частности, были крайне недовольны происшедшей ссорой. Одинъ изъ нихъ, товарищъ Давидъ, молодой парень съ веснушчатымъ, испещреннымъ шрамами лицомъ, нервно жестикулируя, говорилъ:

— Я ужъ не знаю, зачѣмъ товарищи начали этотъ разговоръ объ аграрной программѣ. Для меня этотъ разговоръ совсѣмъ неинтересный, а камеру вы подвести можете. Здѣсь уголовные правы. А пока мы въ тюрьмѣ, для насъ всѣ арестанты—товарищи, уголовные или политическіе, все равно. И ради того, чтобы одни товарищи могли языки чесать о разныхъ тамъ муниципализаціяхъ, да соціализаціяхъ, да парламентаризаціяхъ, ради этого съ другими товарищами свои отношенія портить я совсѣмъ не намѣренъ. Напередъ это говорю!.

Это заявленіе вызвало среди политическихъ цѣлую бурю.

Среди уголовныхъ происшедшій конфликтъ обсуждался не менѣе страстно. Но здѣсь на первый планъ выдвигалась, такъ сказать, тактическая и стратегическая сторона вопроса о дракѣ, которая рано или поздно должна произойти въ камерѣ.

И затихли эти дебаты только послѣ вечерней повѣрки, когда раздалась за дверью команда:

— Ложись спать!..

Я вспомнилъ эту сцену, такъ какъ она характеризуетъ тѣ условія, благодаря которымъ въ общихъ смѣшанныхъ камерахъ политическимъ трудно бывало вести между собою разговоры на наиболѣе близкія имъ политическіи темы. Поневолѣ будешь избѣгать разговора о политикѣ, когда такой разговоръ легко можетъ привести къ дракѣ и поножовщинѣ!

Это не значитъ, что уголовные терроризовали политиковъ. Напротивъ, въ кулачныхъ и ножевыхъ столкновеніяхъ, происходившихъ за послѣдніе годы въ тюрьмахъ, уголовные иваны, по большей части, терпѣли жестокій урокъ отъ солдатъ-повстанцевъ, матросовъ и политическихъ каторжанъ кавказцевъ. Почему-то оказывалось всегда, что никто не владѣетъ ни кулакомъ, ни ножомъ съ такимъ искусствомъ, какъ кавказцы и матросы, и въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ этимъ новымъ обитателямъ каторги удалось окончательно уничтожить власть старыхъ ивановъ-рецидивистовъ.

Но въ дракѣ—на кулакахъ или на ножахъ, безразлично—для культурнаго человѣка мало удовольствія. И потому нерѣдко даже

люди, умѣвшіе въ случаѣ надобности постоять за себя, все же избѣгали въ общихъ камерахъ такихъ разговоровъ, которые могли повлечь за собою рѣзкое столкновеніе съ уголовными.

Къ этому присоединялось еще одно обстоятельство.

Вѣдь всякій политическій разговоръ основывается, въ концѣ концовъ, на извѣстныхъ теоретическихъ данныхъ: на извѣстныхъ партійныхъ оцѣнкахъ, на томъ или иномъ пониманіи исторіи и т. д. А партійныя программы и всякія соціологическія и философскія теоріи принадлежатъ къ «словесности», къ которой въ тюрьмѣ люди привыкаютъ относиться съ большимъ пренебреженіемъ.

Презрѣніе къ слову и къ теоретической мысли — любопытная черта упадочно-тюремной психологіи. Для характеристики этой черты интересно отношеніе уголовныхъ къ дѣятельности соціалистическихъ партій. Нерѣдко уголовные уважаютъ отдѣльныхъ политиковъ за ихъ смѣлость, прямоту, справедливость. Но къ этому чувству уваженія почти всегда присоединяется нѣкоторый оттѣнокъ презрѣнія къ тому, что эти люди занимались на волѣ одними только «словами», и думали, что словами можно что-либо сдѣлать.

— Что вы своими рѣчами да бумажками сдѣлали?—говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ видныхъ тюремныхъ ивановъ:—по вашему, это агитаціей называется, а по нашему выходитъ одна болтовня. Вы кого со своими книжками агитировать пойдете? Меня? Такъ я все, что мнѣ нужно, давно уже лучше вашего знаю, даромъ что не ученый... Я еще вотъ такимъ былъ—мой собесѣдникъ показалъ на аршинъ отъ пола—а свое правило уже зналъ: бей бляху! По вашему, еще разбираться нужно съ каждымъ гадомъ *): почему онъ такой? да не исправится ли? Если съ голоду въ полицію пошелъ, такъ ужъ не гадъ?! А по нашему: душа съ него вонъ! Бляха на тебѣ,—такъ получай свою долю за шесть копѣекъ! Это я съ малыхъ лѣтъ хорошо знаю. Значитъ, меня вы агитировать не пойдете. Не къ чему это. А вы со своей агитаціей къ солдатамъ пойдете, или къ полицейскимъ шкурамъ. По вашему, все вѣдь «товарищи». Бить ихъ надо, а вы къ нимъ съ бумажками лѣзете: «Товарищъ прочтите эту прокламацію! Товарищъ, вы бы книжку прочитали!» А они васъ же за ваши же книжки!.. Вы ихъ словами, а они васъ нагайкой, да штыкомъ, да прикладомъ, да пулей!.. Вы же въ дуракахъ и останетесь! А то вотъ эсэры мужиковъ агитируютъ. Я бы ихъ поагитировалъ, стервецовъ! У меня, вотъ, два ребра сломаны, внутренности начисто отбиты мужиками этими самыми... Какъ только живъ остался... Я тогда въ селѣ жилъ, а

---

*) «Гадъ» въ тюрьмѣ не только бранное слово: въ частности, такъ называются полицейскіе, тюремщики, сыщики и т. п.

тамъ у кулака одного богатаго лошадь, что ли, угнали. И кто угналъ,—не видѣлъ никто. А я про это дѣло и не зналъ ничего. Ну, мужики, натурально, ко мнѣ, потому что подозрѣніе на меня у старосты было. Пытать стали: кто угналъ, да куда спряталъ? да гдѣ искать? До смерти пытали подлецы. Я ужо на другой день отдышался. Такъ теперь я ихъ, гадовъ, книжками агитировать буду? Да еслибъ мнѣ кого изъ нихъ встрѣтить, зубами бы глотку перегрызъ! Вѣкъ свободы не видать, коли спуску далъ бы имъ! А вы къ нимъ съ книжками, да съ прокламаціями. «Товарищи!» Духъ съ нихъ вонъ, кишки на сторону!

Долго еще распространялся мой собесѣдникъ, и рѣчь его была настолько энергична и красочна, что воспроизвести ее въ печати хотя бы съ приблизительной точностью, къ сожалѣнію, не возможно. Еще интереснѣе то, что совершенно такое же презрѣніе къ слову и къ идейной (словесной) работѣ распространялось въ тюрьмѣ и среди заключенныхъ, не считавшихъ себя уголовными. Этимъ взглядомъ были проникнуты, по большей части, эксовики, «работавшіе» подъ флагами различныхъ партій. Этотъ взглядъ легко воспринимали и матросы, и солдаты-повстанцы, и массовики-рабочіе. Только крестьяне-аграрники, несмотря на свою темноту, неизмѣнно сохраняли вѣру въ слово правды, вѣру безхитростную и глубокую, часто восторженную до наивности: очевидно, они приносили съ собою изъ деревень что-то такое, что безконечно твердо укрѣпляло въ нихъ эту вѣру.

У остальныхъ политиковъ-массовиковъ, какъ я отмѣтилъ, легко развивалось презрѣніе къ слову и ко всему тому, что можно опредѣлить, какъ «словесность». Въ этомъ сказывалось дѣйствіе окружавшей ихъ обстановки.

Мы агитировали, мы пропагандировали, говорили на массовкахъ и на митингахъ, слушали рѣчи партійныхъ ораторовъ, читали и распространяли прокламаціи и листки. Въ этомъ прошла почти вся наша борьба. Мы боролись *словомъ*. Иного оружія,—револьверовъ, кинжаловъ, бомбъ — большинство изъ насъ никогда не держало въ рукахъ, а меньшинство, — если и пользовалось этимъ оружіемъ, то только разъ-два раза въ жизни, при совершенно исключительныхъ условіяхъ. И только совсѣмъ-совсѣмъ немногіе изъ насъ боролись, преимущественно, сталью и порохомъ. *Слово* было нашимъ главнымъ оружіемъ. И вотъ теперь мы въ тюрьмѣ, и кругомъ насъ каменныя стѣны и желѣзныя рѣшетки. Это — все, чего мы добились. Что же, неужели словомъ можно разрушить каменную стѣну? Неужели словомъ можно разбить желѣзную рѣшетку или разорвать сковывающія насъ цѣпи? Нѣтъ, слово безсильно противъ желѣза и камня, слово не вернетъ намъ свободы.

И чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ суровѣе тюрьма, тѣмъ глубже заползаетъ въ душу слабаго человѣка сомнѣніе. Онъ утрачиваетъ вѣру

въ слова, которыя когда-то были для него святы, утрачиваетъ и вообще свою прежнюю вѣру въ слово. Тюремная плѣсень выѣдаетъ эту вѣру въ его душѣ. И на мѣстѣ прежней вѣры у него остается глубокое и грубое презрѣніе къ слову, презрѣніе, образчикомъ котораго можетъ служить приведенный выше отзывъ уголовнаго ивана объ «агитаціи» соціалистовъ.

Но выраженіе подобнаго презрѣнія къ слову со стороны уголовныхъ мало трогало меня въ тюрьмѣ. А когда выраженіе такого же презрѣнія я встрѣчалъ среди политическихъ, становилось обидно и мучительно тяжело на душѣ.

Презрѣніе къ слову, разочарованіе въ словѣ—опасныя чувства для человѣка: слово слишкомъ тѣсно связано съ мыслью человѣка и со всѣми продуктами его мысли. Съ презрѣніемъ къ слову приходило также и презрѣніе къ наукѣ, къ литературѣ, съ одной стороны, къ программамъ, принципамъ, идеаламъ — съ другой. Вообще разрушалась вся прежняя идеологія. Разрушалась, въ частности, и старая романтика, романтика революціонной борьбы, романтика, которая занимала то или иное мѣсто въ жизни каждаго революціонера,—какъ бы трезво ни смотрѣлъ онъ на свое дѣло, какъ бы далекъ ни былъ онъ отъ политическаго романтизма.

Но совсѣмъ безъ романтики человѣкъ обойтись не можетъ. И особенно необходимо имѣть какой-нибудь міръ образовъ,—въ частности героическихъ образовъ,—для людей, живущихъ въ тюрьмѣ. На мѣсто разрушенной тюрьмою идеологіи является новая идеологія. Создается новая романтика, романтика кулака.

На чемъ можетъ основываться романтика, создаваемая тюрьмой?

На воспоминаніяхъ? Въ пѣсняхъ и разсказахъ уголовныхъ очень часто передаются ихъ воспоминанія о жизни на волѣ.

> Когда я былъ любителемъ чужого добра,
> Тогда меня ласкала красотка молода,

поется въ одной изъ распространенныхъ воровскихъ пѣсенъ.

> Полюбилъ я и повѣрилъ,
> И квартиру нанялъ ей.
> Предъ людьми я лицемѣрилъ:
> Воровалъ, тащилъ все къ ней,—

поется въ другой не менѣе распространенной пѣснѣ—воровскомъ романсѣ. Въ другихъ пѣсняхъ вспоминается арестъ, судъ. Къ этимъ темамъ уголовные возвращаются всегда довольно охотно. Ихъ прошлая дѣятельность даетъ имъ неистощимый матеріалъ для бесѣдъ и разсказовъ.

Но опустившемуся политику трудно вспоминать свою прежнюю дѣятельность. Его прошлое ненавистно ему. Онъ и презираетъ его,

и боится вспоминать о немъ, такъ какъ оно полно укора ему. Одинъ больше презираетъ свое прошлое (это чувство «полѣвѣвшаго» политика), другой больше боится своего прошлаго (это чувство поправѣвшаго или, иначе, «поумнѣвшаго» политика), но вспоминать о прошломъ одинаково тяжело тому и другому.

Что же? Остаются еще мечты о будущемъ. Можно коротать безконечные тюремные дни мечтами о томъ, какъ мы выйдемъ на волю, какъ устроимся, какъ будемъ жить и наслаждаться жизнью.

Но между узникомъ и его мечтами о вольной жизни неизмѣнно стоитъ высокая каменная стѣна. Желѣзная рѣшетка, разрѣзающая на квадраты голубое небо, манящее къ себѣ узника, точно такъ же разрѣзаетъ въ куски и картины вольной жизни, которыя онъ себѣ рисуетъ. Прежде, чѣмъ начать жить вольной жизнью, нужно вырваться изъ тюрьмы. Забыть это узникъ не можетъ ни на минуту. И хорошо, если ему осталось сидѣть въ тюрьмѣ какихъ-нибудь полгода или нѣсколько мѣсяцевъ: тогда ему ничто не мѣшаетъ мечтать объ устройствѣ своей жизни на волѣ. Но долгосрочные? Какъ могутъ мечтать объ этомъ люди, которымъ предстоитъ сидѣть въ тюрьмѣ еще 10, 15, 18 лѣтъ, или арестанты-вѣчники? У нихъ всѣ мысли о вольной жизни заслоняются одной безумно страстной мечтой, мечтой о томъ, какъ вырваться изъ тюрьмы, мечтой о побѣгѣ.

Это—вѣчная, неизмѣнная мечта арестанта. И человѣку, не сидѣвшему въ тюрьмѣ, трудно представить себѣ, какую роль играетъ эта мечта въ тюремной жизни.

Безконечно долго, часами и цѣлыми сутками, лежа у себя на койкѣ, бродя по камерѣ, стоя у окна, выходя на прогулку, человѣкъ думаетъ все объ одномъ, объ одномъ. Снова и снова, въ тысячный разъ оглядываетъ онъ стѣны тюремной ограды съ подымающимися надъ нею будочками для часовыхъ, снова и снова ощупываетъ онъ полосы желѣза въ окнѣ, считаетъ глазами вооруженныхъ тюремщиковъ,—а голова его работаетъ все въ одномъ и томъ же направленіи. Но при нынѣшнихъ условіяхъ только слѣпой случай можетъ увѣнчать успѣхомъ попытку побѣга изъ тюрьмы.

Долгосрочные арестанты (въ особенности, политики) охраняются настолько тщательно, что вырваться изъ тюрьмы имъ почти невозможно. Недаромъ же за послѣдніе годы всѣ крупныя попытки побѣговъ изъ тюремъ оканчивались такъ трагично для участниковъ.

Но что за бѣда, если изъ тысячи такихъ попытокъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ только одна? Все же есть хоть одинъ шансъ изъ тысячи на удачу, на выходъ изъ тюрьмы! А этого достаточно, чтобы поддержать въ человѣкѣ надежду.

Больше терпѣнія, больше настойчивости, больше смѣлости,—и ты будешь на волѣ!—подсказываетъ человѣку голосъ надежды. И,

хотя окружающія его желѣзныя рѣшетки громко смѣются надъ его мечтами, онъ все же продолжаетъ надѣяться.

Съ внѣшней стороны, приготовленія къ побѣгу изъ тюрьмы какъ будто несложны, и, можетъ казаться, здѣсь негдѣ развернуться фантазіи. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе.

Необходимы безконечныя хитрости, чтобы раздобыть въ камеру пилку, чтобы незамѣтно для тюремщиковъ перепилить прутья оконной рѣшетки, чтобы незамѣтно для часовыхъ перебросить кошку черезъ стѣну. Нуженъ большой запасъ самообладанія и твердости, чтобы не выдать себя во время приготовленій къ побѣгу, чтобы подъ дулами ружей и револьверовъ перелѣзть черезъ стѣну. А сколько искусства требуется для выполненія иного подкопа, тянущагося на нѣсколько десятковъ саженъ, проходящаго сквозь двухъаршинные фундаменты стѣнъ и выполняемаго при помощи носика эмалированнаго чайника или обломка ножки отъ желѣзной кровати!

Сидя въ тюрьмѣ, можно безъ конца мечтать и фантазировать о побѣгѣ. И, въ зависимости отъ свойствъ и наклонностей узника, эти мечты могутъ принимать у него самыя различныя формы. Онъ можетъ мечтать о подкопѣ, или о побѣгѣ черезъ стѣну, или о вооруженномъ прорывѣ сквозь охрану, или о томъ, чтобы связать надзирателей, или о побѣгѣ при помощи оставшихся на волѣ товарищей, которые отобьютъ его изъ рукъ конвоя...

Вся тюремная обстановка, какъ нельзя больше, благопріятствуетъ работѣ мысли въ данномъ направленіи. Фантазія разыгрывается все сильнѣе и сильнѣе. Начинаются безконечные, разукрашенные фантазіей разсказы о прошлыхъ работахъ,—прорывахъ, подкопахъ и т. п. Переходя изъ устъ въ уста, эти разсказы переполняются такими подробностями, что за ними совершенно скрывается лежавшее въ основаніи ихъ истинное происшествіе.

Создаются цѣлыя легенды, цѣлые циклы легендъ. И они образуютъ то, что съ извѣстнымъ правомъ можно назвать специфически *тюремной романтикой.*

Основная тема этихъ легендъ—борьба затравленнаго, замурованнаго въ стѣнахъ, или еще не пойманнаго, спасающагося отъ погони человѣка, борьба его за свою личную свободу. Я говорю: такова основная тема тюремныхъ *легендъ*, такъ какъ всѣ тюремные разсказы имѣютъ слишкомъ много общаго съ легендами, благодаря неизмѣнному присутствію въ нихъ множества фантастическихъ подробностей.

Побѣгъ изъ тюрьмы—завѣтная мечта узника. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, которые имѣютъ за собой смѣлые побѣги или хотя бы отважныя попытки побѣга, пользуются въ тюрьмѣ особымъ вліяніемъ, особымъ уваженіемъ среди остальныхъ арестантовъ. «Обратникъ», побывавшій на каторгѣ, бѣжавшій оттуда и снова попавшій въ тюрьму, кажется

героемъ. Въ иныхъ тюрьмахъ этихъ героевъ называютъ «богами», «божествами», и тюремные иваны принимаютъ эту полунасмѣшливую кличку съ невозмутимой серьезностью.

Разъ я слышалъ въ коридорѣ разговоръ двухъ уголовныхъ:

— Васька, табакъ есть?

— Въ камерѣ остался. Коли надо, пришлю. Тебѣ много?

— Пришли полосмака. А у тебя откуда? Съ кѣмъ живешь?

— Я тамъ, братъ, съ богами!..

— Ого! Приняли, значитъ, въ коммунію?

— Приняли!... Хорошо теперь... Да!...

— А кто изъ боговъ-то у васъ?

— Главный Яхонтовъ, потомъ Казиміръ-обратникъ, Петька-кубарь, Меркуловъ...

— Ишь-ты, ребята какіе подобрались! Здорово! Почитай, все обратники...

И уголовный смотрѣлъ на Ваську, живущаго въ «коммуніи» боговъ, съ такимъ неподдѣльнымъ почтеніемъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ какимъ новичекъ-воинъ смотритъ на боевого генерала-героя, прославленнаго громкими побѣдами.

Разсказы о тюремныхъ герояхъ и ихъ подвигахъ создавали общую тему для камерныхъ бесѣдъ среди уголовныхъ и политическихъ. Тема эта естественно расширялась, развивалась. Говорили не только о молодецкихъ побѣгахъ, но и о сопротивленіяхъ при арестѣ, объ отстрѣлахъ, о всевозможныхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ съ полиціей, о славныхъ нападеніяхъ и налетахъ. Мѣнялись и содержаніе разсказовъ, и обстановка подвиговъ, и имена совершившихъ эти подвиги героевъ. Но общій обликъ, героевъ всѣхъ этихъ разсказовъ оставался неизмѣннымъ.

Герой тюремныхъ разсказовъ и легендъ — это прежде всего, смѣльчакъ, презирающій опасность, презирающій смерть. Далѣе, онъ отличается силой и ловкостью, великолѣпно лазитъ по веревкѣ, по деревьямъ, по водосточнымъ трубамъ,—по чему угодно. Онъ стрѣляетъ безъ промаха по любой цѣли, на любомъ разстояніи. Нѣтъ такихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ онъ не нашелъ бы выхода. Изъ всѣхъ столкновеній съ врагами онъ выходитъ побѣдителемъ. Въ борьбѣ съ врагами онъ хитеръ и безпощаденъ, и борьба занимаетъ его тѣмъ больше, чѣмъ хитрѣе и безпощаднѣе его противники. Короче, у него много общаго со старымъ Рокамболемъ, но онъ проще, элементарнѣе и грубѣе.

Этотъ рыцарь удали былъ не только идеаломъ воровского-уголовнаго міра. Мнѣ приходилось встрѣчать въ тюрьмѣ множество политическихъ, у которыхъ былъ точь-въ-точь такой же идеалъ героизма и доблести. Сколько разъ приходилось слышать «политиковъ», которые разсказывали о подвигахъ какого-нибудь

старшаго ивана, явно преклоняясь передъ его удалью! Особенно далеко шли въ этомъ отношеніи эксисты-налетчики. Они не знали иной оцѣнки человѣка, кромѣ какъ по его смѣлости, отвагѣ и удачливости. Пропахшій кровью и порохомъ боевикъ былъ въ ихъ глазахъ героемъ, и рядомъ съ нимъ какой-нибудь Михайловскій, Плехановъ или хотя бы Крапоткинъ, никогда не державшій въ рукѣ ни револьвера, ни кинжала, казался имъ жалкимъ болтуномъ и трусишкой.

Вообще, тюрьма страннымъ образомъ измѣняла цѣнность всѣхъ качествъ человѣка. До тюрьмы, на волѣ мы всѣ презирали трусость. Но никому изъ насъ не могло придти въ голову, чтобы можно было преклоняться передъ человѣкомъ исключительно за то, что онъ храбръ и не боится смерти. Въ тюрьмѣ устанавливалось иное отношеніе къ дѣлу: только тотъ, кто обладалъ крѣпкими нервами и умѣлъ не кланяться пулямъ, или же готовъ былъ въ любой моментъ пойти на ножи съ обидчикомъ (своимъ личнымъ обидчикомъ или обидчикомъ товарищей, безразлично), сразу, кто бы онъ ни былъ, пріобрѣталъ особый вѣсъ среди товарищей, возбуждалъ особое къ себѣ уваженіе.

Тюрьма не только надѣляла крѣпкими кулаками героя романтики, но заставляла высоко цѣнить крѣпкій кулакъ и въ повседневныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Презрѣніе къ слову и къ идеологіи и апоѳеозъ кулака, апоѳеозъ молодечества и отваги, удали и удачи! Это была настоящая переоцѣнка цѣнностей.

Романтика кулака соотвѣтствовала общеарестантскому настроенію, и на ней, какъ я отмѣчалъ уже, сходились опустившіеся въ тюрьмѣ политическіе и проникнутые специфической тюремной культурой уголовные. Естественно, поэтому, что у героя этой романтики не оказывалось ничего такого, что отличаетъ революціонера отъ профессіонала-грабителя или рецидивиста-убійцы. Такимъ героемъ могъ быть и смѣлый террористъ, и защитникъ баррикады, и экспропріаторъ, и какой-нибудь одесскій «черный воронъ», и цыганъ-разбойникъ, и членъ лбовской шайки, и крупный воръ,—спеціалистъ по кассамъ или по ювелирнымъ магазинамъ. Нечего говорить, что при такой оцѣнкѣ героемъ могъ оказаться порой и вполнѣ достойный уваженія человѣкъ, и чистѣйшей воды негодяй. И часто такой герой, на повѣрку, оказывался еще предателемъ или малодушнымъ трусомъ.

Въ тюрьмѣ у насъ сидѣлъ нѣкій Карлъ — не помню его фамиліи. Это былъ молодой человѣкъ выше средняго роста, съ красивымъ и свѣжимъ лицомъ, съ еле пробивающимися усиками, съ сѣрыми блестящими холоднымъ стальнымъ блескомъ глазами. Несмотря на свою молодость, Карлъ пользовался въ тюрьмѣ большимъ уваженіемъ, — особенно среди анархистовъ; за нимъ числилось больше 10 смертныхъ дѣлъ (т. е. такихъ дѣлъ, за которыя его

могли повѣсить за каждое въ отдѣльности). Я встрѣчался съ этимъ парнемъ не разъ, бесѣдовалъ съ нимъ о различнѣйшихъ вещахъ, и у меня сложилось представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ отважномъ, предпріимчивомъ, обладающемъ прямотой и добродушіемъ дикаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неразвитомъ и невѣжественномъ.

Карлъ считалъ себя революціонеромъ и анархистомъ. Соціалистовъ онъ терпѣть не могъ, но всѣ доводы его противъ соціалистовъ сводились къ одному:

— Знаю я этихъ соціалистовъ! Сейчасъ парламента требуете, а какъ получите парламентъ, такъ и пойдете насъ, анархистовъ, вѣшать. Вы теперь рабочихъ не проведете. Дудки! Рабочіе помнятъ, какъ вы парижскую коммуну разстрѣливали.

Анархизмъ тоже понималъ нѣсколько своеобразно.

— Намъ кто мѣшаетъ?—говорилъ онъ:—буржуазія? Ну, и бей всѣхъ ихъ, гадовъ пузатыхъ! Такъ мы, анархи, понимаемъ. А эсдэки да эсэры съ этими гадами въ парламентахъ спорить будутъ. Ну ихъ къ.... Пускай спорятъ. А мы въ ихъ парламенты — бомбами, да бомбами.

Карла судили и приговорили къ лишенію правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Никого въ тюрьмѣ не удивилъ этотъ приговоръ. Мнѣ было отъ души жаль этого парня, погибавшаго ни за грошъ и совершенно не понимавшаго, за что онъ шелъ, за что боролся, за что сложилъ свою голову.

Но вотъ, недѣли черезъ три послѣ суда надъ Карломъ по тюрьмѣ пронесся неожиданно слухъ: Карлъ подалъ изъ секретки прошеніе о помилованіи.

Этотъ слухъ взбудоражилъ тюрьму. Анархисты и экспропріаторы ни за что не хотѣли вѣрить этой новости.

— Не можетъ этого быть!—говорилъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ одинъ молодой и симпатичный анархистъ изъ рабочихъ:— Карлъ не изъ такихъ, чтобы унижаться и просить милости! Вѣроятно, они это нарочно отъ его имени прошеніе состряпали, чтобы грязью его замарать, а потомъ указывать, — вотъ, молъ, каковы ваши революціонеры. Навѣрное, такъ.

Эта догадка показалась мнѣ наивной до послѣдней степени, и я замѣтилъ ему:

— Еслибы хотѣли скомпрометировать революціонеровъ, то навѣрное, для этой цѣли выбрали бы не Карла, а кого-либо другого. Что такое Карлъ среди революціонеровъ? Совершенно темный человѣкъ, ни въ чемъ неразбирающійся. Очень можетъ быть, и прошеніе онъ написалъ по темнотѣ своей, считая, что этимъ способомъ онъ съ самодержавіемъ борется: давай, думаетъ, обману ихъ всѣхъ.

Мой собесѣдникъ вспыхнулъ:

— Вы такъ судите, вѣроятно, потому, что Карлъ не могъ

такъ, какъ другіе, красно говорить... Правда, языкомъ болтать онъ былъ не мастеръ, и о программахъ спорить не умѣлъ. Такъ что жъ тутъ плохого? Можетъ быть, это только къ чести его говоритъ. А вы бы его въ дѣлѣ видѣли! Въ дѣлѣ онъ всѣхъ вашихъ и сознательныхъ, и краснобаевъ за поясъ заткнулъ бы. Только вы, какъ соціалъ-демократъ, о человѣкѣ по разговору судите, а не по дѣламъ его.

— А какими такими дѣлами Карлъ проявилъ себя?

— То то: «какими»?... Вы узнайте сперва, а потомъ судите о человѣкѣ.

— Я изъ его дѣлъ два знаю: почту и отстрѣлъ при арестѣ. Слыхалъ, что у него и другія дѣла есть, да подробно ихъ не знаю...

— А у него дѣла то какія! Урядникъ и староста въ Акуловкѣ, околодокъ на углу Московской и Горшечной, отстрѣлъ подъ Спасскимъ, бомба на Курскомъ вокзалѣ, мельница Жулавскаго, артельщикъ Донского банка, покушеніе на взрывъ жандармскаго управленія!... Въ обвинительномъ актѣ у него по 14 пунктамъ 279 статья приведена! А это не все еще: его крокодилъ сыпалъ, а онъ многихъ дѣлъ его не знаетъ. Карлъ столько дѣлъ натворилъ, что на 10-рыхъ хватило бы! Я о немъ по дѣламъ сужу. Да!

Мой собесѣдникъ задумался на минуту, но затѣмъ, вспомнивъ, очевидно, новые доводы въ пользу Карла, продолжалъ:

— Вотъ, вы его революціонеромъ не считаете. Думаете: трусъ, который и помилованія будетъ просить, и все сдѣлаетъ... А вѣдь когда они почту брали, ихъ двое всего было противъ четырехъ. Карлъ тогда одинъ лошадей остановилъ... Или взять хотя бы его дѣло съ артельщикомъ. Въ организаціи тогда денегъ не было, а нужны были деньги до зарѣзу: нелегальнаго нужно было за границу отправить, въ тюрьму надо было передать, съ шахтъ какъ разъ динамитъ предлагали, нужно было только человѣка съ деньгами послать получить,—да и вообще ребята безъ хлѣба сидѣли. На групповомъ собраніи говорили объ этомъ. Карлъ и вызвался тогда денегъ достать: «Къ завтрему, говоритъ, будутъ деньги. На все хватитъ!» Его спрашиваютъ: «Откуда будутъ?» А онъ говоритъ: «Будутъ, и все тутъ. У меня одно мѣсто высмотрѣно. Можно взять». Ванюшка нашъ — тоже боевой парень — хотѣлъ съ нимъ пойти: «Вдвоемъ, говоритъ, вѣрнѣе. Да и риску меньше». Такъ Карлъ наотрѣзъ отказалъ: «На одного здѣсь работы, — значитъ, двоимъ въ петлю лѣзть не резонъ. Если ты пойдешь, такъ я не пойду. Только мѣста своего я ни тебѣ, ни другому кому не дамъ.» Такъ одинъ и пошелъ. И вѣдь чисто какъ сдѣлалъ! Артельщикъ банковскій, оказалось, въ вагонѣ II класса ѣхалъ. Народу полнымъ-полно. А Карлъ у двери всталъ, да какъ крикнетъ: «Руки вверхъ!» Да къ артельщику... На него браунингъ наставилъ, а въ лѣвой рукѣ бомбу держитъ: «Если кто-нибудь хоть рукой шевель-

БИБЛИОТЕКА

нетъ,—всѣ на воздухъ взлетите!» Артельщикъ перетрусилъ, дрожитъ весь. А Карлъ ему: «Я вамъ зла не сдѣлаю. Деньги не ваши. У народа ихъ взяли, народу и верните! Снимите эту сумку и подайте сюда.» Тотъ сумку съ шеи снялъ, подаетъ ему. «Здѣсь всѣ деньги?»—«Всѣ...»—«Смотрите! Я дома пересчитаю. Если вы хоть часть утаили,—отъ меня вамъ не уйти!» Браунингъ въ зубы взялъ, принялъ сумку, одѣлъ на себя... А бомбу все на вытянутой лѣвой рукѣ держитъ. «Если кто-нибудь раньше десяти минутъ съ мѣста двинется, вагонъ будетъ взорванъ!» На площадку вагона вышелъ, а бомбу передъ дверью положилъ. А затѣмъ, — на полномъ ходу поѣзда подъ насыпь, да черезъ лѣсокъ въ деревушкѣ Меркуловкѣ... Деньги къ вечеру, дѣйствительно, въ организацію представилъ. 4300 рублей въ сумкѣ оказалось! Карлъ, бывало, всегда, — что́ сказалъ, то и сдѣлаетъ. А то у него такой былъ случай...

Разсказчикъ увлекся воспоминаніями и принялся разсказывать о безчисленныхъ бранныхъ подвигахъ Карла. И такъ какъ я слушалъ его внимательно, то ему казалось, что его доводы дѣйствуютъ на меня и я соглашаюсь съ тѣмъ, что его герой—истинный революціонеръ. Но, наконецъ, я прервалъ его разсказъ:

— Все это очень хорошо, — замѣтилъ я:—но къ чему вы это разсказываете? Я говорю, что товарищъ Карлъ—человѣкъ темный, малосознательный, имѣющій мало общаго съ революціей. А изъ вашихъ разсказовъ видно только, что онъ удалой налетчикъ, смѣлый боевикъ,—не больше. Пусть такъ! Но вѣдь этихъ доблестей вы сколько угодно и среди уголовныхъ грабителей найдете...

— Это я отъ соціалъ-демократовъ ужъ не разъ слышалъ. Для васъ, что анархистъ, что воръ—все едино.

— Да не въ этомъ дѣло,—пробовалъ я успокоить своего негодующаго собесѣдника: — Я не объ анархистахъ говорю. Я только на то указываю, что вы Карла расхваливали, расхваливали, а въ концѣ-концовъ, характеризовали его такъ, что его портретъ вышелъ совершенно похожъ на какого-нибудь удалого добраго молодца съ большой дороги. Вѣдь что вы про Карла разсказали? Что онъ смѣльчакъ былъ, какихъ мало.

— Ну, да... Другого такого и не сыщешь!

— Такъ... Что онъ самъ-другъ съ товарищемъ почту взялъ. Что онъ единолично отнялъ у артельщика сумку при полномъ вагонѣ публики... Что онъ на всемъ ходу съ поѣзда спрыгнулъ... Что онъ въ 300 шагахъ изъ маузера въ цѣль попадалъ... Такъ развѣ этого достаточно, чтобы считать его революціонеромъ?

— А то кѣмъ же Карла считать, по вашему? Хулиганомъ? Грабителемъ? Такъ я скорѣе грабителями соціалистовъ считаю, когда они съ рабочихъ послѣдніе пятаки по чековымъ книжкамъ собираютъ «на организацію» да «на литературу». А по вашему только тотъ и человѣкъ, кто брошюрки читаетъ или хорошо программу разсказываетъ!..

Спорить было безполезно, и я отказался отъ мысли убѣдить своего собесѣдника, что лихой боевикъ можетъ и не быть революціонеромъ. Но разговоръ о Карлѣ и объ его доблести на этомъ не кончился. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ уголовныхъ. Они слышали, о чемъ шла у насъ рѣчь, и одинъ изъ нихъ,—уже не молодой и очень солидный мужикъ, славившійся среди своихъ справедливостью,—замѣтилъ:

— Карла я прямо, можно сказать, уважаю. Хотя онъ изъ политиковъ, а я воръ и у меня своя идея, а такихъ людей я на свѣтѣ мало встрѣчалъ. Правильный арестантъ и справедливый человѣкъ! Ему,—политикъ ли, воръ ли, все одно. Только на человѣка онъ смотритъ, чтобы сукой *) тотъ не былъ. И, какъ товарищъ вотъ говорилъ, что ни чорта онъ не боится, — это опять правда. Я бъ съ такимъ человѣкомъ на всякое дѣло пошелъ бы. На иное дѣло со своимъ, съ воромъ, не пошелъ бы, а съ Карломъ— пойду!

Спорившій со мной молодой анархистикъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ эти похвалы своему герою и, наконецъ, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой:

— Видите, даже уголовные понимаютъ, какой это былъ человѣкъ. А для васъ онъ—«несознательный».

Вокругъ насъ во время нашего спора собралось человѣкъ десять уголовныхъ и политическихъ. И такъ какъ разговоръ касался темы одинаково интересной и одинаково доступной для всѣхъ, то бесѣда быстро сдѣлалась общей. Съ удали Карла перешли естественно къ воспоминаніямъ о подобныхъ же подвигахъ другихъ героевъ тюрьмы.

— Среди нашихъ я одного зналъ такого, что почище Карла молодецъ будетъ,—сказалъ одинъ изъ уголовныхъ:—Товарищъ мой, другъ лучшій былъ. Вотъ человѣкъ.

И онъ разсказалъ, какъ его товарищъ, будучи приговоренъ къ тремъ годамъ арестантскихъ ротъ за третью кражу со взломомъ, далъ себѣ клятву ограбить «закатавшаго» его товарища прокурора. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, оказалось, что тотъ товарищъ прокурора уже перевелся давнымъ-давно въ другой городъ. Дѣлать нечего,—не нарушать же данной клятвы—воръ поѣхалъ въ отдаленный городъ, куда перебрался товарищъ прокурора. Отыскалъ его квартиру, забрался въ нее и похозяйничалъ въ ней на славу: взломавъ ящикъ въ письменномъ столѣ, забралъ тамъ 300 рублей денегъ и сотню сигаръ: разбилъ зеркало въ гостиной; порвалъ форменный вицмундиръ представителя обвиненія; взялъ его золотые часы и судебный значокъ; да еще, въ придачу, изнасиловалъ его горничную и кухарку.

*) „Сука“ на тюремномъ языкѣ значитъ предатель. Это самое обидное бранное слово, „послѣднее слово до драки“, какъ говорятъ уголовные.

Мѣстами этотъ разсказъ былъ совсѣмъ нелѣпъ. Но, окончивъ его, разсказчикъ обвелъ присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ:

— Вотъ, молъ, какіе молодцы у насъ бываютъ! Любому вашему Карлу носъ утрутъ.

Не желая признать превосходство уголовнаго героя, одинъ изъ анархистовъ разсказалъ тогда сногсшибательную исторію какого-то одесскаго «черноворонца». Пожилой крестьянинъ-хохолъ, упорно считавшій себя соціалъ-демократомъ, но темный, какъ ночь, и тупой, какъ колода, тоже вставилъ свое слово и началъ было разсказывать объ «организаторѣ» Викторѣ, который, будто бы, одинъ защищалъ баррикаду противъ цѣлаго полка казаковъ и двухъ ротъ пѣхоты съ пушками. Но его перебилъ приземистый плѣшивый бородачъ съ выбитымъ лѣвымъ глазомъ, вліятельный среди уголовныхъ иванъ, и принялся разсказывать о томъ, какъ онъ съ однимъ товарищемъ бѣжалъ съ каторги. Подробностей разсказа не помню. Помню только, что они вдвоемъ закололи 4 солдатъ, перевязали 12 надзирателей и ушли, забравъ съ собою 14 лошадей и 12 ружей, а въ дорогѣ, по мѣрѣ надобности, продавали эти ружья и лошадей мѣстному населенію! Это уже было «туза за фигуру» политическимъ, и казалось, что политическимъ тутъ «крыть нечѣмъ»! Но тѣ не сдавались. Разговоръ становился все болѣе оживленнымъ. Разсказчики окончательно перестали отличать правду отъ вымысла. По тюремному, они теперь просто «заливали» другъ передъ другомъ. И трудно было предсказать, какая сторона, въ концѣ концовъ, «сорветъ» банчокъ...

Разговоръ окончательно перешелъ въ область тюремной романтики. И поразительно ясно обнаруживалось при этомъ полное тожество романтики, полное тожество въ представленіи о героѣ у сцѣпившихся въ спорѣ заключенныхъ.

Впрочемъ, въ этомъ тожествѣ не было ничего удивительнаго. Вѣдь романтика кулака имѣетъ свою логику. И люди, подпавшіе подъ обаяніе этой романтики, одинаково рисуютъ себѣ идеальнаго героя, одинаково разукрашиваютъ дѣйствительность, одинаково врутъ, когда разсказываютъ о чемъ-либо въ приподнято-хвастливомъ духѣ...

Герой ножа и браунинга, лома и маузера, отмычки и бомбы,—воплощеніе идеала тюремной романтики—обезличивался настолько, что у него оказывалась совершенно одинаковая физіономія въ толкованіи какого-нибудь слишкомъ юнаго «политическаго» и какого-нибудь стараго рецидивиста-скокаря *). Но и на этомъ развитіе нашего героя не останавливалось.

Черты этого «тюремнаго героя» были настолько элементарны, что онѣ легко могли оказаться на лицо не только у нарушителей

*) „Скокарь"—воръ, спеціалистъ по кражамъ со взломомъ.

закона, но и у ревностныхъ охранителей его. Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ казакъ, полицейскій или стражникъ не можетъ оказаться смѣльчакомъ-головорѣзомъ, предпріимчивымъ и отважнымъ, ловкимъ и сильнымъ? Конечно, можетъ. А вѣдь эти качества—все, что требуется отъ героя кулачной романтики.

И мнѣ приходилось наблюдать, какъ героями тюремныхъ легендъ становились ненавистные тюремному населенію полицейскіе, отличавшіеся отъ своихъ товарищей по профессіи лишь большей смѣлостью, большимъ молодечествомъ.

Такимъ героемъ сдѣлался, напр., нѣкій Архипъ Волкъ, служившій старшимъ стражникомъ въ томъ городѣ, гдѣ я былъ арестованъ. Архипъ Волкъ былъ самымъ обыкновеннымъ коннымъ стражникомъ. Съ шумомъ и гиканьемъ ѣздилъ онъ по улицамъ городского предмѣстья. Если встрѣчалъ рабочаго въ синей фуражкѣ изъ діагоналеваго сукна (признакъ крамольности въ южныхъ губерніяхъ), подъѣзжалъ къ крамольнику и нагайкой сбивалъ фуражку съ его головы на землю. Преслѣдовалъ и нерѣдко билъ нагайкой заводскихъ парней, носившихъ черныя косоворотки съ широкимъ поясомъ. Ночью останавливалъ и обыскивалъ прохожихъ. А въ праздничные дни гарцовалъ на конѣ по базару, опрокидывалъ лотки торговокъ, переругивался съ бабами и стегалъ ихъ своей плетью. Короче—это былъ стражникъ, чрезвычайно ревностно выполнявшій свои обязанности и дѣлавшій, не мудрствуя лукаво, все, что по обычаю нынѣшнихъ временъ полагается дѣлать хорошему стражнику.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Архипъ Волкъ былъ человѣкъ не трусливаго десятка. При массовыхъ обыскахъ въ рабочихъ кварталахъ онъ смѣло лѣзъ впередъ, не боясь ни пули, ни бомбы. И, наскакивая на рабочихъ, онъ нерѣдко кричалъ:

— Не боюсь я васъ, сукины дѣти! Мое здѣсь царство.

То же самое кричалъ онъ и на базарѣ, воюя съ бабами-торговками. Вообще, у почтеннаго стражника было кое-что общее съ прославленнымъ генераломъ Думбадзе. Но въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ въ то время (расцвѣтъ дѣятельности Волка приходился на 1908 г.), такихъ маленькихъ думбадзе въ Россіи развелось превеликое множество.

Такъ вотъ, этотъ старшій стражникъ тоже удостоился попасть въ герои. О немъ разсказывали въ тюрьмѣ цѣлыя легенды. Передавали подробности о чудесахъ храбрости, проявленной имъ въ «дѣлахъ» съ анархистами. Говорили, что это бывшій соціалъ-демократъ, разочаровавшійся въ революціи. Разсказывали, что онъ пошелъ въ стражники не ради денегъ, а исключительно лишь для того, чтобы отомстить анархистамъ, которые чѣмъ то кровно обидѣли его (не то отбили у него невѣсту, не то случайно убили ее). Передавали его «историческія» слова:

— Служить буду, пока хоть одинъ анархистъ въ живыхъ останется.

Все это разсказывалось съ невольнымъ восхищеніемъ. Стражникъ, несомнѣнно, былъ героемъ въ глазахъ разсказчиковъ.

Казалось бы, ниже этого романтика кулака не можетъ спуститься. Но она опускалась и ниже. Такія же полныя преувеличенія, проникнутые восхищеніемъ разсказы я слышалъ и объ одномъ городовомъ, и о нѣкоторыхъ тюремныхъ надзирателяхъ, и даже объ одномъ помощникѣ начальника сыскного отдѣленія.

Можетъ быть, я не вполнѣ точно характеризовалъ порожденную тюрьмой переоцѣнку цѣнностей, опредѣливъ изображенное явленіе, какъ развитіе *романтики кулака*. Можетъ быть, какое-нибудь другое слово, какая-нибудь другая формула лучше передастъ сущность этого явленія.

Не слово, не формула важны для меня. Важно было мнѣ отмѣтить, какъ гнетъ тюрьмы разрушаетъ въ людяхъ ихъ прежнюю вѣру въ духовныя цѣнности; какъ привыкаютъ они уважать лишь такія качества человѣка, какъ сила, храбрость. Важно отмѣтить, какъ подъ гнетомъ тюрьмы отвыкаютъ люди отъ прежнихъ своихъ разговоровъ, отъ старыхъ своихъ интересовъ, начинаютъ по новому разговаривать, по новому мыслить.

С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАДЪ ШАХТОЙ.

Уже чувствовалось дыханіе зноя даже въ этотъ ранній часъ.

Ослѣпительными лучами пылала степь. Безграничная, выжженная, сверкала даль желтымъ маревомъ,—оттого такимъ маленькимъ, затеряннымъ казался черный отъ угля обрывокъ земли на скатѣ балки.

Здѣсь пріютился Калитинскій рудникъ.

Нѣсколько домиковъ и досчатыхъ бараковъ, два-три рудничныхъ зданія, высокіе помосты, по которымъ, какъ черные жуки, ползутъ вагонетки, груды мелкаго и крупнаго угля,—а дальше опять степь, однотонная, безграничная, умирающая отъ невыносимаго зноя...

Углекопы стояли тѣсною группой. Нѣкоторые, впрочемъ, еще обливали водой разбросанныя балки и бревна сгорѣвшей въ ночь вышки. Кто-то, не переставая, торопливо бросалъ лопатой землю на застланный досками колодезь шахты, точно на свѣжую могилу. Но голубыя легкія струйки дыма пробивались въ другомъ мѣстѣ между досками.

Шахтеры угрюмо слѣдили за ними, усталыми воспаленными глазами всматривались въ ихъ зловѣщіе зигзаги и ждали чего-то, что дѣлается тамъ, въ темныхъ переходахъ шахты.

Недалеко, у наскоро поставленной палатки, группой стояли инженеры. Тамъ же, за колыхающейся парусиной, только что прибывшіе члены спасательнаго отряда осматривали свои приборы. Изрѣдка изъ палатки доносился чей то громкій отчетливый голосъ, задававшій инженерамъ вопросы, похожіе больше на команду:

— Глубоко-ли спустился пожаръ?

— Сажени на три, не больше,—торопливо отвѣчалъ управляющій рудникомъ:—Работали всю ночь...

Голосъ его обрывался, энергичныя нотки давило волненіе.

— Удалось-ли скрѣпить землю?—допрашивалъ все тотъ же безстрастный голосъ.

— Часть ствола обвалилась еще во время пожара.

Среди неожиданно наступившей тишины, нѣсколько мгновеній молчанія показались безконечно долгими. Наконецъ, управляющій глухо добавилъ, точно убѣждая кого-то:

— Я думаю, всѣ данныя за то, что рабочіе погибли...

Разговоръ снова оборвался. Не хотѣлось ни говорить, ни думать о трупахъ. Инженеры плотнѣе тѣснились у входа въ палатку и, казалось, еще внимательнѣе стали слѣдить за приготовленіями.

Шахтеры тоже молчали,—тупо и робко смотрѣли на прикрытый досками обгорѣлый колодезь.

Въ сторонѣ, опустивъ голову на желѣзную лопату, стоялъ маленькій, сутуловатый, съ болѣзненнымъ лицомъ шахтеръ,—„Горбачъ“, какъ прозвали его на рудникѣ. Не отрываясь, смотрѣлъ онъ воспаленными глазами въ ослѣпительно пылающую даль степи. Тамъ, на краю горизонта вилась къ небу степная пыль, точно двѣ тонкихъ тающихъ свѣчи.

Горбачъ бросилъ лопату, и почему-то всѣ шахтеры вдругъ обернулись къ нему.

— Пора,—что они тамъ?.. Спасательная команда!

Знойная горечь его сдавленнаго голоса, точно колкіе лучи, пронизала толпу рабочихъ.

Нерѣшительно оглянулись кругомъ:

Все тоже вдали желтое марево безконечной степи да синія перебѣгающія змѣйки дыма изъ шахты. Но лица у всѣхъ были странныя, точно чужія лица,—отблески зноя горѣли въ усталыхъ воспаленныхъ глазахъ.

— Чего стоять? Принимайся, ребята!.. Можетъ, они еще живы, успѣли окопаться,—снова заговорилъ Горбачъ увѣренно.

Всѣ задвигались. Быстро разобрали доски. Стали прилаживать рычагъ для спуска клѣти,—и въ усталыхъ глазахъ у многихъ засвѣтилась тайная надежда.

— Можетъ, живы еще!..

— Кто знаетъ,—бывали случаи...

— Развертывай цѣпи!..—раздавались короткіе возгласы.

Работали дружно, лихорадочно. На лицахъ исчезли тусклыя тѣни, слѣды проведенной безъ сна ночи. Лишь изрѣдка, на мгновенье, когда снова показывался зловѣщій дымокъ, шахтеры опускали руки. И тогда замѣтнѣе было дыханіе зноя, плотнѣе сжималъ онъ раскаленнымъ кольцомъ грудь и виски. И надо было больше усилій, чтобы снова работать...

Когда установили клѣть, появились и члены спасательнаго отряда. Трое изъ нихъ, съ мѣдными приборами за спиной и съ телефономъ, были одѣты въ спеціальный костюмъ, тяжелый и странный, похожій на костюмъ водолазовъ.

Горбачъ протѣснился впередъ.

— Смотрите, у нихъ приборы, чтобы не задохнуться,— тихо сказалъ онъ своимъ сдавленнымъ голосомъ. Его разслышали не всѣ шахтеры, но по горячимъ глазамъ, по дрогнувшему голосу, по своимъ сердцамъ, забившимся смутной надеждой, всѣ понимали, о чемъ онъ сказалъ. Шахтеры разступились передъ отрядомъ съ почтеніемъ, будто это были не люди, а волшебники, которые все могутъ и не боятся огня.

Начальникъ и его два помощника вошли въ клѣть надъ слегка дымившимся еще колодцемъ.

Наступила тишина, точно все молчаніе безграничной степи затопило вдругъ эту маленькую кучку затерянныхъ, забытыхъ міромъ людей.

— Давай!—раздалась отрывистая команда.

Клѣть дрогнула и, подскочивъ кверху, стала медленно и осторожно спускаться въ колодезь.

Что-то похожее на вздохъ, полный смутныхъ затаенныхъ предчувствій, послышался въ шорохѣ земли, обрывающейся подъ ногами рабочихъ...

И только когда скрылась совсѣмъ верхушка клѣти, шахтеры замѣтили, что жена погибшаго десятника опять, какъ и вчера, тихо плачетъ. Вчера ее утѣшали, не вѣря своимъ словамъ, теперь же всѣ стояли молча: никто не рѣшался произнести новыя слова о новой, горячей волной приливавшей надеждѣ.

Блѣдный съ свѣтящимися глазами Горбачъ наконецъ подошелъ къ женщинѣ.

— Катерина, не надо плакать!..—На мгновенье голосъ его оборвался. — Не надо плакать... — повторилъ онъ съ блуждающей тихой улыбкой:—Видишь, — поползли туда... Что Богъ дастъ...

Женщина оглянулась на рабочихъ: лица у всѣхъ такія же свѣтлыя, какъ и у этого Горбача... И, точно вдругъ понявъ что-то или повѣривъ въ чудо такъ же, какъ и они,— она перестала плакать...

— Жаль. А вѣдь ей все-таки нельзя выдать пособіе,— вѣдь она жила съ десятникомъ безъ брака,—тихо сказалъ управляющій рудникомъ, наклонившись къ штейгеру. Тотъ возразилъ что-то, и оба снова стали внимательно слѣдить за работой.

Работа подвигалась медленно. Приходилось расчищать

заваленный обгорѣлыми бревнами колодезь шахты. Цѣпи звякали и скрипѣли, но, несмотря на препятствія, все глубже уходили ихъ желѣзныя звенья въ черную пустоту.

И только звонокъ телефона оттуда, изъ клѣти спасателей, на короткое время прекращалъ работу. Звонкій и щебечущій, онъ беззаботно облеталъ стѣсненную группу шахтеровъ, какъ будто торопился развеселить ихъ своимъ болтливымъ звономъ.

Управляющій коротко передавалъ то, что говорили оттуда, изъ глубины...

— Лампочки едва горятъ...—Придется установить вентиляцію.

Наконецъ, послѣ долгаго промежутка времени по телефону сообщили:

— Осталось спуститься сажени четыре...

— Послѣдній проходъ! Слышите—братцы: остался проходъ!—крикнулъ Горбачъ въ толпу, покрывая рѣзкими звуками глухо наростающій говоръ шахтеровъ.

— Минуты черезъ три достигнутъ!

— Слѣди за цѣпью: вотъ остановится...

— Сейчасъ... сейчасъ подымать станутъ...

Заговорили всѣ разомъ, и этотъ усиливающійся рокотъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ повисъ надъ маленькимъ чернымъ клочкомъ земли, какъ тяжелый камень, готовый вотъ-вотъ оборваться.

Снова рѣзкій звонокъ.

— Лампочки гаснутъ... Спускаться невозможно... Остановите клѣть.

Штейгеръ отдалъ приказаніе.

— Невозможно!.. Какъ это невозможно?.. Три сажени осталось!..—крикнулъ кто-то изъ толпы. Голосъ былъ увѣренный и злобный. Его не поддержали; но на сумрачныхъ лицахъ рабочихъ застыла угрюмая сдержанность, и въ самомъ молчаніи чувствовалось, что всѣ въ глубинѣ души раздѣляютъ слова смѣльчака.

Горбачъ пробрался къ самому краю колодца.

— Господинъ управляющій!—раздался его острый колючій голосъ:—они говорятъ: нельзя идти дальше?.. А осталось всего-то три сажени... Дозвольте, я спущусь одинъ или съ товарищами...

Шахтеры ближе и тѣснѣе подступили къ инженерамъ.

— Чего тамъ—спасательная команда!.. Разрѣшите намъ!..

— Мы спустимся съ нимъ...—все настойчивѣе раздавались голоса изъ толпы.

Инженеры переглянулись.

Осторожный управляющій улыбнулся одними тонкими

губами, что-то сказалъ рудничному уряднику и снова улыбнулся сухо и сдержанно.

— Ты только кричишь, Горбачъ,—сказалъ онъ, громко отчеканивая слова:—въ такомъ дѣлѣ торопиться нельзя.

— Да вѣдь, можетъ быть, живы еще... Нечего намъ время терять!—настаивалъ Горбачъ.

— Теперь уже поздно, ихъ все равно не спасти.—И, обратившись къ штейгеру, управляющій добавилъ что-то тихо, все съ той же тонкой улыбкой.

Поднявшійся шумъ снова прервали звонки телефона. Они прозвучали коротко и обрывисто, заставивъ замолчать сотни голосовъ. Что-то властное слышалось въ нихъ, чему всѣ должны покориться.

— Что случилось?—спросилъ управляющій.

Прошла минута жуткаго напряженнаго ожиданія.

— Есть возможность спускаться дальше?.. Да? Хорошо! Давай!..

Цѣпи натянулись и снова, скрипя и звякая, стали тонуть въ глубинѣ шахты.

Все вниманіе, всѣ взоры теперь приковали къ себѣ эти ржавыя петли, угрюмо-настойчиво ползущія во мракъ... Послѣднія три сажени, а потомъ... Жизнь или смерть?..

Слова застывали на устахъ, точно все реальное, осязательное уводила за собой желѣзная цѣпь, сливаясь съ тѣмъ, что было тамъ, подъ землей.

Не двигаясь, опустивъ головы, какъ въ тяжеломъ снѣ, стояли шахтеры. А безконечныя петли все ползли въ глубину одна за другой, и никто не могъ бы сказать, звенья ли то или мгновенія вѣчности уводятъ усталыя души куда-то въ иной кошмарный міръ, въ которомъ все смѣшалось: и ослѣпительно яркая степь, и мракъ шахты, широкій пустынный просторъ и глыбы камней въ узкихъ, нависшихъ проходахъ.

— Клѣть дошла до рудничнаго двора,—сказалъ кто-то взволнованно. И эти слова, такія простыя и ясныя, тысячу разъ произносившіяся раньше безъ всякаго смысла, теперь вдругъ стали огромными, полными жуткой притягательной силы. Точно вмѣстѣ съ клѣтью шахтеры подошли къ какой-то роковой чертѣ жизни, которую раньше они не замѣчали и которая теперь такъ просто, такъ неотразимо и властно вошла въ ихъ сознаніе.

Клѣть дошла до земли, точно разсѣкла весь міръ надвое: тамъ и здѣсь. Здѣсь, у нихъ на землѣ—страшное молчаніе степи и затаенная горячая надежда, тамъ, въ темной глубинѣ—избавленіе или отчаяніе и безысходная гибель...

Молча тѣснились вокругъ колодца.

На землистыхъ лицахъ исчезла усталость отъ безсонной ночи и зноя. Нѣкоторые, сжимая головы руками, неподвижно смотрѣли въ небо. Тамъ, высоко-высоко, въ свѣтлой лазури, быстро неслись легкія бѣлыя облачка, какъ будто боялись они, веселыя и радостныя, остаться надъ чернымъ выжженнымъ обрывкомъ земли.

Горбачъ, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, стоялъ неподвижно, какъ изваяніе,—лишь на лицѣ у него, въ углахъ губъ, вздрагивало что-то до боли напряженное, судорожное. Весь онъ, со своей маленькой фигуркой, узкимъ лицомъ, съ острыми немигающими глазами, въ рваномъ халатѣ, былъ похожъ теперь на большую странную птицу, которая вотъ-вотъ высоко взлетитъ къ небу.

Наконецъ, раздался звонокъ. Рука управляющаго, когда онъ быстро схватился за трубку, дрожала.

— Нашли? Всѣхъ троихъ?.. Какъ?.. Неясно, говорите громче!.. Всѣ—мертвые?.. Я такъ и зналъ!—И онъ хотѣлъ уже положить трубку, какъ снова короткій звонокъ.

— Громче, ради Бога!—Голосъ его едва замѣтно дрогнулъ:

— Не можетъ быть. Такъ ли я понялъ васъ: одинъ еще живъ?.. Да, да, немедленно поднимайте...

— Одинъ еще живъ!—крикнулъ Горбачъ, бросаясь въ толпу.

Шахтеры какъ будто не вѣрили. Плотнѣе сжались кругомъ. Не смѣли вѣрить, не смѣли говорить громко.

— Живъ, слышите ли?.. Одинъ еще живъ!—задыхаясь повторялъ Горбачъ.—Поднимутъ его сейчасъ!..

Голосъ его звенѣлъ и обрывался, вплетаясь стальными звуками въ глухой нароставшій гулъ.

Точно внутри какого-то большого темнаго зданія начался пожаръ: падали камни и балки, рушились стѣны, охваченныя огнемъ... И слова Горбача, вырываясь, какъ раскаленныя искры, осыпали толпу горящими звуками, разжигая въ ней что-то стихійное, долго тлѣвшее затаенною искрой и теперь готовое охватить людей всеочищающимъ огнемъ.

— Еще живъ... Одинъ живъ еще!..

— Спасли!.. Поднимутъ сейчасъ...

Никто уже не вспоминалъ, что двое рабочихъ все-таки погибли. Радость и оправдавшаяся надежда на спасеніе затопила вдругъ горячей волной все, что напоминало еще о гибели и смерти, смела ту роковую черту, которая за минуту передъ тѣмъ такъ рѣзко раздѣляла міръ надвое...

Разрозненные голоса рабочихъ сплетались въ радостный и побѣдный хаосъ звуковъ. Какъ будто огненный столбъ вдругъ взвился къ небу и дрожитъ, и колеблется надъ чернымъ обугленнымъ клочкомъ земли, какъ жертвенное пламя. Шахтеры не замѣчали теперь ни раскиданныхъ подъ ногами бревенъ, ни зноя, ни своей страшной усталости. Всегда угрюмо-робкіе съ начальствомъ, теперь они говорили съ инженерами такъ, какъ будто всѣ между собой стали близкими.

— Всякое случается въ шахтѣ... Помню, разъ упоры не выдержали... ну, двоихъ всетаки спасли,—съ довѣрчивымъ волненіемъ говорилъ старый забойщикъ окружному инженеру.

— Теперь команды эти пошли, меньше стало народу гибнуть, што говорить!..

Черный, весь въ угольной пыли, вѣсовщикъ простодушно утѣшалъ управляющаго:

— Теперь тебѣ, Петръ Алексѣичъ, легче. Твоей вины теперь меньше будетъ!..

Управляющій угрюмо молчалъ; молчали и другіе инженеры.

Раздались мѣрные удары сигнальнаго молотка. Цѣпь дрогнула и медленно потянулась вверхъ изъ колодца. Казалось, ей не будетъ конца...

Инженеры разступились, и къ колодцу подошли рудничный врачъ и фельдшеръ. Нѣсколько сзади стояли приготовленныя больничныя носилки.

Наконецъ, появилась верхушка клѣти. Еще моментъ, звякнула рѣшетка, и изъ клѣти, шатаясь отъ утомленія, вышелъ одинъ изъ членовъ отряда, „помощникъ". На днѣ клѣти неподвижно, въ полусогнутомъ положеніи лежалъ рабочій, къ которому немедленно же и направился докторъ.

Между тѣмъ, снимая съ себя металлическіе тяжелые приборы, помощникъ разсказывалъ окружающимъ, почему было рѣшено, что доставленный рабочій еще живъ.

— Нашли мы его послѣдняго, недалеко отъ двухъ товарищей...—началъ онъ, глубоко вдыхая степной воздухъ.—Всѣ трое лежали головами къ выходу, прижавшись лицами къ землѣ. Пальцы въ крови... Видно, скребли землю и камни въ первыя минуты, когда горячій воздухъ и дымъ потянулся въ проходы... Мы бросились осматривать трупы; лампочки горѣли... Одинъ, послѣдній показался намъ еще теплымъ. Когда мы приподняли его за руку, изъ груди у него вырвался хрипъ, похожій на стонъ. Охъ, и жутко слышать такой стонъ въ узкомъ каменномъ проходѣ...

Помощникъ на минуту умолкъ, стараясь подавить волненіе.

— Ну, мы и рѣшили, что значитъ этотъ живъ еще... Я и телефонировалъ сюда...

Въ тѣни палатки докторъ внимательно осматривалъ полуобнаженное тѣло. Онъ медленно и безнадежно качалъ головой. Было ясно, что все уже кончено...

Одинъ за другимъ смолкали рабочіе, точно самыя слова становились теперь мертвыми, ненужными. Далекая степь погребала ихъ таявшіе отзвуки въ своей глубинѣ и уже сторожила за спинами шахтеровъ, чтобы снова охватить ихъ безпредѣльнымъ раскаленнымъ кольцомъ...

— Никакихъ признаковъ жизни,—сказалъ, наконецъ, докторъ:—умеръ еще сегодня въ ночь.

Шахтеры, обнаживъ головы, стояли, не двигаясь. Тупо смотрѣли въ пространство, не зная, что же теперь надо дѣлать.

Никто не крестился, никто не шепталъ словъ молитвы. Только кучеръ окружнаго инженера, крестьянинъ тверякъ, громко вздохнувъ, произнесъ медленно:

— Вѣчная память!—И трижды перекрестился.

Горбачъ, точно вдругъ очнувшись отъ тяжелаго сна, тряхнулъ головой, надѣлъ картузъ и порывисто шагнулъ къ группѣ рабочихъ.

— Вѣчная память... Вотъ-те и вѣчная память!.. Проклятыя шахты!..

Знойной, щемящей тоской прозвучалъ его сдавленный голосъ. Подергиваясь всѣмъ лицомъ, не владѣя уже собой, онъ продолжалъ говорить все громче:

— Вѣчная память... Какая тамъ вѣчная память?.. *Шахты для насъ вѣчныя, вотъ что*!.. Отдай имъ, проклятымъ, тѣло и душу... Слѣпни и задыхайся. Рви на куски тѣло тамъ, подъ землей... Для чего?.. Для вѣчной памяти... ха-ха-ха!.. Прокля...

Онъ не кончилъ и, покачнувшись всѣмъ тѣломъ, съ искаженнымъ лицомъ упалъ въ черную угольную пыль. Его забила падучая. Шахтеры равнодушно проходили мимо, пока кто-то не оттащилъ его въ сторону.

Вокругъ носилокъ, гдѣ лежалъ трупъ, сначала была толпа, но потомъ, когда его покрыли бѣлымъ холстомъ, какъ-то вдругъ всѣ разошлись, молча, съ тупымъ блескомъ въ глазахъ, точно придавленные ужасомъ.

Скоро подняли изъ шахты еще два трупа, и вмѣстѣ съ первымъ отнесли ихъ въ ближній баракъ. Инженеры, оживленно бесѣдуя, тронулись къ управляющему обѣдать.

— Да это дѣйствительно было бы чудо, если бы хотя одного нашли живымъ,—доносились изъ группы слова упра-

вляющаго, и рѣзкій, точно торжествующій голосъ его жутко носился надъ смолкшимъ рудникомъ...

Кой-гдѣ на обгорѣлыхъ бревнахъ, по склонамъ балки, кучками и порознь, сидѣли шахтеры. Было уже далеко за полдень, но немногіе ушли въ поселокъ обѣдать. Вспоминали бывшія раньше несчастія, взрывы, обвалы. Называли имена погибшихъ...

— Эта шахта, видно, проклята Богомъ!—вырывалось у нѣкоторыхъ. Но большинство сидѣло молча,—не зачѣмъ было говорить, некого обвинять, не на что надѣяться. Выѣзженная степь кругомъ была такъ широка и молчалива, что въ ней безслѣдно потонулъ бы самый громкій отчаянный крикъ...

И, чѣмъ ниже спускалось солнце, тѣмъ невозмутимѣе разливалась повсюду глубокая тишина. Ласково приникла она неразрывнымъ кольцомъ къ черному кусочку земли, тихо дышала безмолвнымъ участіемъ на одиноко-блуждавшихъ людей.

Только отъ барака, гдѣ лежали трупы, изрѣдка доносился протяжный вой, слабый, щемящій душу. Тамъ, безсильно цѣпляясь за глыбы угля, ползала на колѣняхъ жена погибшаго десятника. Качаясь, какъ тѣнь, она причитала что-то безсвязное, но никто не отзывался на ея угасающій вой...

Въ тотъ же день, вечеромъ, часовъ около десяти, обходя рудникъ, сторожа наткнулись на тѣло Горбача: оно висѣло на ременномъ поясѣ въ балкѣ, подъ кривымъ корнемъ вишни, уже остывшее и такое маленькое и хрупкое, какъ тѣло ребенка.

И пошли съ тѣхъ поръ странные толки среди шахтеровъ Калитинскаго рудника. Говорили, будто многіе видѣли, какъ Горбачъ долго сидѣлъ въ тотъ вечеръ, наклонившись надъ сгорѣвшимъ колодцемъ, перекликался съ кѣмъ-то, и ему отвѣчалъ кто-то изъ подъ земли жалобнымъ воемъ. Многіе замѣтили также, что съ той самой ночи, вмѣстѣ съ вечерней звѣздой, сталъ подниматься изъ шахты кто-то „Невидимый“, ломая упоры, обрывая землю. „Невидимый“ тѣнью бродитъ по степи, кого-то ищетъ тусклыми глазами. Каждую ночь уходитъ все дальше и дальше, скоро заглянетъ на сосѣдніе рудники, хутора и станицы. Ходитъ по міру и ищетъ,—пока не заглянетъ въ глаза человѣку. И человѣкъ умираетъ тогда, какъ умеръ Горбачъ.

Л. П.

РАЗСКАЗЫ.

Колетты Иверъ.

Переводъ съ французскаго З. Н. Журавской.

I.

Дѣвицы Фіордъ.

Въ палатѣ тифозныхъ, одной изъ самыхъ большихъ въ этомъ провинціальномъ госпиталѣ, начиналась больничная ночь. Электрическія лампочки подъ огромными рефлекторами-зонтиками, казавшіяся каплями свѣта, подвѣшенными на ниточкахъ къ далекому потолку, заливали бѣлизной холодныя сѣро-голубоватыя стѣны, выкрашенныя эмалевой краской. Ничѣмъ неприкрытый паркетъ, натиравшійся каждое утро, отражалъ ихъ отчетливо, какъ водная гладь. Рядами тянулись койки, на которыхъ порой медленно шевелились одѣяла, приподнимаемыя усталыми членами, ищущими покоя. Полная тишина — слышно было только дыханіе спящихъ больныхъ и едва уловимый мягкій шелестъ одѣялъ. На подушкахъ покоились недвижимыя женскія лица.

Сквозь стеклянную дверь въ анфиладѣ корридоровъ виднѣлся вздрагивавшій на ходу бѣлый чепчикъ дежурной сестры. На койкѣ № 9 сидѣла больная старуха, поглядывая на своихъ спящихъ товарокъ.

Вокругъ печки, въ ближней кухнѣ, отдѣленной отъ залы лишь стеклянной перегородкой, столпились сидѣлки въ голубыхъ балахонахъ и вполголоса разговаривали между собой.

Неожиданно на другомъ концѣ палаты, отворилась дверь, и появился дежурный врачъ-интернъ. Это была женщина, совсѣмъ молоденькая, вся бѣлая въ своемъ докторскомъ передникѣ, покрывавшемъ ея черную юбку. Красный шелковый галстучекъ, завязанный пышнымъ бантомъ на высо-

Библ. Б. С.

комъ крахмальномъ воротничкѣ, казался яркой бабочкой на фонѣ этой бѣлизны. Это была красивая блондинка, съ свѣтло-сѣрыми глазами. Звали ее Іоганной Свордсенъ, но въ госпиталѣ, гдѣ она и сестра ея Фрида служили интернами, студенты прозвали ихъ обѣихъ „дѣвицами Фіордъ", такъ какъ обѣ онѣ казались холодными и непроницаемыми, какъ таинственные ледяные фіорды ихъ родины.

Іоганна—завѣдывавшая этой палатой—была умная, внимательная и всей душою предана своимъ больнымъ. Но больныя не любили ее, за ея иностранный акцентъ и ея холодность, отодвигавшую ихъ на почтительное разстояніе. Это не мѣшало Іоганнѣ ухаживать за ними съ кротостью и терпѣніемъ человѣка науки, котораго ничто не можетъ оттолкнуть отъ его любимаго дѣла.

Она подошла къ койкѣ № 13, на которой лежала тифозная, молоденькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Больная лежала что-то ужъ слишкомъ спокойно: выраженіе испуга мелькнуло въ глазахъ Іоганны. Она именно для этой больной и пришла сюда. Тифозная горячка, свалившая ее, оказалась страшно упорной, долго не поддавалась леченію, и юная докторша упорно боролась съ ней. Сегодня днемъ, во время обхода, она распорядилась, чтобы больной сдѣлали холодную ванну, и теперь ей казалось, что дѣвочка лежитъ мертвая. Но, подойдя ближе, она увидала, что больная спитъ спокойнымъ, цѣлительнымъ сномъ выздоровленія. И, заглянувъ въ повѣшенный надъ изголовьемъ, листокъ температуры, на которомъ карандашемъ нарисованы были крутые зигзаги кривой, обозначавшіе сильные приступы жара, докторша пошла дальше по среднему проходу между койками, своей спокойной, мѣрной и скользящей походкой.

Когда она вошла въ кухню, сидѣлки у печки и двое больничныхъ служителей, присоединившихся къ нимъ, сразу смолкли и смѣрили ее взглядами. Она шла, высоко неся голову, слегка откинутую назадъ, съ греческимъ узломъ пышныхъ пепельно-бѣлокурыхъ чисто норвежскихъ волосъ, ниспадавшимъ на затылокъ. Ея манера держаться казалась надменной. Одна изъ женщинъ, упершись руками въ бока, спросила:

— Это которая же будетъ?

Сидѣлка изъ тифозной палаты отвѣтила:

— Это наша, мадамъ Амели: Іоганна, она сегодня дежурная.

— Этихъ проклятыхъ русскихъ и не разберешь,—замѣтилъ одинъ изъ больничныхъ служителей. — Онѣ до того похожи другъ на друга эти двѣ, что я ихъ совсѣмъ не различаю.

— Ну, сегодня-то нельзя ошибиться,—возразила третья сидѣлка, которую звали мадамъ Ортансъ. Это—младшая, Іоганна; старшая, Фрида, вы же знаете, заразилась дифтеритомъ отъ одной изъ больныхъ и теперь сама въ постели. И даже, говорятъ, съ минуты на минуту можетъ кракнуть. Это д-ръ Вержа сказалъ, нашъ старшій врачъ — сегодня вечеромъ на обходѣ. Я ничего не выдумываю—мнѣ сестра Евсевія говорила.

— Бѣдняжка!—сказалъ одинъ изъ мужчинъ.

— Чудныя онѣ!—продолжала Ортансъ. Какія то особенныя—не знаешь, что о нихъ и подумать. Смотрятъ такими Богородицами, а поглядишь...

Она хихикнула.

— Ужъ очень у насъ носятся съ ними,— вмѣшалась Амели, отъ которой разило водкой;—только и слышишь: дѣвицы Фіордъ, да дѣвицы Фіордъ. А я бы, признаться, дорого дала за то, чтобъ узнать, у которой это изъ нихъ была интрижка съ нашимъ Бенуа,—помните, студентъ тутъ у насъ былъ—славный такой, премилый мальчикъ!.. А потомъ онъ вдругъ исчезъ,—совершенно неожиданно бомбой вылетѣлъ изъ госпиталя.

Тогда мадамъ Ортансъ, первая сообщившая о болѣзни Фриды Свордсенъ, смуглая южанка, пышная и величавая, почти красивая, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и маленькій полотняный чепчикъ, спускавшійся ей почти на глаза, черные, какъ угольки, конфиденціально пояснила:

— Слушайте, я знаю, что вы, Амели, да и другія тоже, думаете на эту вотъ — Іоганну, ту, что сейчасъ прошла здѣсь, изъ палаты тифозныхъ. Чортъ возьми! Онѣ и вправду точно близнецы, со своими огромными воротничками, вѣчными красными галстучками и этими выцвѣтшими шиньонами. Но я такъ думаю, что грѣшокъ приключился съ другою, съ Фридой. Я сама видѣла, какъ она вечеръ за вечеромъ, цѣлую недѣлю подрядъ, ходила гулять съ мосье Бенуа. Я изъ окна прачешной видѣла, какъ они шли подъ ручку, чуть не обнявшись. Этотъ кудряшъ таки и вправду былъ прелесть мальчишка, и, по моему, вкусъ у барышни недуренъ. Но только, я думаю, это была Фрида. Въ лицо то я ея ни разу не видала, потому шли они быстро, крадучись, словно сѣрыя мышки вдоль стѣны. Но у этой маленькой жеманницы таки всегда было что то развязное и плутовское подъ ея ледяною неприступностью, а ваша, мадамъ Луиза, совсѣмъ другая. Ваша барышня Фіордъ — настоящая докторша, по призванію; ужъ вы повѣрьте мнѣ — я знаю молодежь — эта дѣвушка думаетъ больше о своей профессіи, чѣмъ о мужчинахъ.

Мадамъ Луиза, сидѣлка изъ тифозной палаты, возразила:

— А я руку дамъ на отсѣченіе, что и Іоганна такая же; обѣ онѣ стоятъ другъ друга. Если у васъ было много работы въ прачешной, вы могли и ошибиться.

Она расхохоталась.

Одинъ изъ больничныхъ служителей наставительно замѣтилъ:

— Дѣвченки, вѣдь. Пусть позабавятся. Должно быть, и у нихъ на родинѣ то же, что у насъ. На то и молодость.

Іоганна медленно и грустно продолжала свой ночной обходъ безмолвнаго и мрачнаго госпиталя. Ей было двадцать лѣтъ. Она родилась въ Бергенѣ, рано осталась сиротой и рѣшила ѣхать въ Парижъ, не столько руководимая, сколько увлекаемая своимъ страстнымъ желаніемъ изучать медицину. И потащила за собой свою сестру, Фриду, которая была старше ея на два года. Фрида была кроткая и легкомысленная, ребенокъ, птичка, которую она берегла, лелѣяла и командовала ею. Іоганна засадила ее за книги, все время подбадривала ее, заставляя выдерживать одинъ экзаменъ за другимъ, и, наконецъ, добилась того, что ихъ обѣихъ приняли интернами въ этотъ большой провинціальный госпиталь, послѣ того, какъ имъ это не удалось въ Парижѣ. Фрида была слабая, лѣнивая, мечтательница. Іоганна съ ея чисто мужскою твердостью и настойчивостью совершенно поработила ее. Она была пылкая, увлекающаяся, романтическая,—Іоганна старалась уберечь ее, какъ мужчина старается уберечь свою дочь, старательно, но неумѣло, и Фрида влюбилась въ молодого интерна, въ этого самаго Бенуа, о которомъ сплетничали сидѣлки.

Іоганна осталась чистой и сильной, какъ ея прекрасное лицо, но послѣ исторіи съ Фридой ее стала одолѣвать тоска. Она воспользовалась своимъ безграничнымъ вліяніемъ на сестру, чтобъ разорвать непрочную связь, соединявшую влюбленныхъ, чтобы заставить Бенуа перевестись въ другой госпиталь, и теперь ея навязчивой идеей, главной ея заботой было — скрыть отъ всѣхъ проступокъ сестры, изгладить всякое воспоминаніе о немъ. Въ своей заботѣ объ охранѣ чести семьи она сознательно закрывала глаза и себя силилась убѣдить, что исторія съ Бенуа не получила огласки.—„Кто могъ объ этомъ знать?"—„Кто могъ объ этомъ знать?" — повторяла и безпечная Фрида, воображая, будто этимъ напускнымъ равнодушіемъ она заставитъ сестру окончательно забыть о прошломъ, которое она и сейчасъ еще оплакивала.

Но сегодня вечеромъ иная мука терзала сердце Іоганны.

Фрида заболѣла дифтеритомъ, и Іоганна чувствовала, что ея сестренка съ каждой минутою уходитъ отъ нея. Она только и успокаивалась, что у постели больной. Она хотѣла бы не отходить отъ нея. Только что она была у доктора Вержà, завѣдующаго дѣтскимъ отдѣленіемъ, единственнаго человѣка въ мірѣ, къ которому она питала особую симпатію, и, цѣпляясь за него, сжимая его руки, обезумѣвъ отъ сознанія нависшей надъ нею опасности, молила его: „Не покидайте ея! или, по крайней мѣрѣ, заходите къ ней каждый часъ. Вы мнѣ спасете ее?“ И Вержà съ минуту не отпускалъ ея, глядя въ эти глаза безъ слезъ, расширенные страхомъ.

Когда она отворила дверь маленькой палаты въ самомъ концѣ госпиталя, куда положили Фриду, ей прежде всего бросились въ глаза разметавшіеся по подушкѣ серебристо-бѣлокурые волосы, обрамлявшіе личико, раскраснѣвшееся отъ жара, полураскрытый ротъ и большіе сѣрые глаза больной, съ тоской глядѣвшіе въ пространство. Въ углу Вержá съ золотистой бородой, въ бѣломъ передникѣ стоялъ, недвижный, и пенсне его отливало на свѣту всѣми цвѣтами радуги, а рядомъ съ нимъ монахиня наблюдала за тѣмъ, какъ кипитъ вода въ бѣлоснѣжныхъ фаянсовыхъ чайникахъ.

При видѣ доктора Іоганнѣ стало легче на душѣ и не такъ страшно. Его репутація, какъ врача, стояла очень высоко, и ей казалось, что все ея особое отношеніе къ нему зиждется на этой репутаціи. Едва взглянувъ на сестру, лежавшую, казалось, безъ сознанія, она подошла прямо къ доктору.

— Ну что? Какъ вы ее находите?

Вержа медлилъ отвѣтомъ. Въ его долгомъ взглядѣ было и волненіе, и скорбь.

— Вы знаете, сегодня ночью будетъ операція. Надо приготовиться.

Іоганна круто повернулась, отошла къ кровати, къ бѣдной маленькой Фридѣ, своей любимицѣ, своей единственной подругѣ, доброму, кроткому и легкомысленному созданію, которое она любила еще больше за то, что столько выстрадала изъ-за него, и которое теперь умирало, въ двадцать два года, жертвой крупа, въ добычу которому она сама, Іоганна, бросила его. Она умретъ, румяная, хорошенькая Фрида, и въ больничныхъ палатахъ ужъ не увидятъ ея стройной фигурки въ блузкѣ, стянутой кушакомъ на тонкой таліи, и вишневаго бантика, алѣющаго, словно бабочка, на ея высокомъ крахмальномъ воротничкѣ студентки. Она, влюбленная въ Любовь, умирала, не насладившись ею; уга-

сала, полная жизни, во цвѣтѣ лѣтъ, въ ореолѣ скорбнаго и безграничнаго счастья смерти за малыхъ сихъ, которыхъ она спасла отъ смерти. И, широко раскрывая свои неплачущіе глаза, Іоганна смотрѣла безъ конца на это пылавшее на фонѣ бѣлой подушки исхудалое личико, на которомъ отъ худобы уже проступали тонкія скулы. И, молча, въ тоскѣ ломала руки. Монахиня взглянула на нее и приласкала ее глазами, словно подтверждая, что для нея близится часъ тяжкаго испытанія.

Вержа подошелъ къ Іоганнѣ, нагнулся къ ея уху и сказалъ:

— Операція будетъ удачна.

Но она уже не могла надѣяться: она слишкомъ хорошо знала, что означаетъ эта прострація больной. Операція! Для операціи уже слишкомъ поздно. Но впервые, возлѣ этого человѣка, сочувствовавшаго ея горю, въ ней проснулась слабость женщины. И у нея явилась какъ бы потребность, чтобъ эти сильныя руки поддержали ее, чтобъ она могла броситься въ раскрытыя объятія, прильнуть къ этой груди, припасть измученною головой къ его плечу и спрятать на немъ свои слезы. Вѣки ея невольно сомкнулись.

Но она совладала съ собой и посмотрѣла доктору прямо въ лицо.

— Вы обманываете меня. Не обманывайте. Она очень плоха, да?

— Да,—говорилъ побѣжденный Вержа,—она плоха.

И, инстинктивно, чтобы смягчить горе, причиняемое имъ, онъ, потихоньку отъ монахини, переливавшей кипятокъ изъ одного чайника въ другой, торопливо взялъ ея руку и пожалъ.

Когда Вержà вышелъ изъ комнаты, больная съ трудомъ сдѣлала знакъ Іоганнѣ, чтобъ ей дали все нужное для письма, указывая на свое горло и невозможность говорить. И, когда сестра подала ей бумагу и карандашъ, она, съ трудомъ выводя буквы, большія и неровныя, написала по норвежски:

«Надо предупредить моего друга, что я умираю».

— Ты не умрешь, мой птенчикъ милый!—воскликнула Іоганна.

Фрида взяла снова карандашъ и написала:

«Умоляю тебя дать знать моему другу».

Іоганна едва разобрала, что она написала.

— Но гдѣ же я найду его, моя бѣдняжка?

«Въ Парижѣ, госпиталь Лаэннекъ, пиши, телеграфируй. Не все ли тебѣ равно, теперь, когда я умираю»?

— Обѣщаю тебѣ, Фрида. Я сдѣлаю все, что ты захочешь.

И она вышла, чтобы отправить въ госпиталь Лаэннекъ телеграмму, которая на другое утро вернулась къ ней, съ надписью: „Адресатъ не розысканъ“.

«Фрида умираетъ. Пріѣзжайте».

Вскорѣ комната больной наполнилась врачами и студентами-интернами, которые въ своихъ бѣлыхъ передникахъ двигались безшумно и говорили, не нарушая тишины, кружились около кровати, привычные къ смерти, левиты, искусившіеся въ этихъ безмолвныхъ обрядахъ; и слышно было только тихое бульканье воды въ бѣлой лохани, гдѣ кипятились инструменты для операціи, въ то время, какъ сестра милосердія разрывала на части листы ваты тонкими пальцами изжелта-бѣлыми, какъ слоновая кость. Оперировалъ Вержà; онъ же и руководилъ всѣмъ, на ходу, тихонько поскрипывая ботинками. Іоганна стояла у кровати, блѣдная, какъ мертвецъ, и что-то трагическое было въ ея веселомъ красномъ бантикѣ надъ бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ. Комната наполнилась сильнымъ запахомъ іодоформа.

Вержà взялъ ее за руку:

— Теперь уходите, мадемуазель Свордсенъ. Вамъ нельзя здѣсь оставаться.

Онъ ждалъ, что она запротестуетъ, но она покорно дала увести себя, повинуясь властной рукѣ, подталкивавшей ее къ двери. И всѣ ея товарищи: врачъ-помощникъ, интерны, всѣ эти молодые люди, которыхъ интриговала ея загадочность ученой женщины, повернулись, чтобы посмотрѣть ей вслѣдъ.

Словно въ кошмарѣ, она бродила по корридорамъ стариннаго госпиталя, вымощеннымъ красными плитами, задѣвая за стѣны, за двери, но не заходя ни въ одну палату. Потомъ машинально, какъ раненое животное возвращается въ свою берлогу, руководясь огоньками лампъ, подвѣшенныхъ къ потолку, она дошла до своей палаты, которая была настоящимъ ея домомъ, и прошла всю ее скользящей поступью лунатика, съ единственной мыслью въ головѣ — о своей птичкѣ, которую мучаютъ тамъ, безъ нея... Больныя спали. Одна изъ нихъ бредила, громко, на всю палату выкрикивая невнятныя слова. Сѣдая растрепанная старуха, страдавшая безсонницей, сидѣла все на той же койкѣ; при видѣ Іоганны, она скорчила гримасу и пробормотала ей вслѣдъ грубое ругательство. Маленькая тифозная мирно спала...

Когда Іоганна вернулась къ сестрѣ, блѣдная Фрида улыбалась, инстинктивно, жестомъ нѣмой, поднося руку къ бѣленькой шейкѣ, обвязанной густымъ слоемъ ваты. Несмотря на слабость, въ глазахъ ея свѣтилась надежда выздоровѣть. Вержа все еще былъ возлѣ нея. Онъ сказалъ Іоганнѣ:

— Довольны вы?

Она поблагодарила его, и оба сѣли у изголовья дифтеритной, и сидѣли такъ, не разговаривая между собой, до конца ночи, пока больная не уснула.

Послѣдующіе дни были тревожные. Весь госпиталь былъ занятъ Фридой. На кухнѣ, въ прачешныхъ, среди больничныхъ служащихъ и самихъ больныхъ, во всей медицинской школѣ, при которой числился госпиталь, только и было разговору, что о мадемуазель Свордсенъ. Вѣсть объ ея болѣзни распространилась и по городу, и газеты отмѣтили этотъ новый примѣръ героизма врачей. Молодость умирающей, ея красота, ея скандинавское происхожденіе, окружавшее ее какимъ-то туманомъ и поэтическимъ ореоломъ — все содѣйствовало тому, чтобы вызвать къ ней интересъ, мало того—энтузіазмъ, безмолвную, но трогательную симпатію, окружавшую одръ ея болѣзни какой-то особенной атмосферой славы. Іоганна чувствовала это и наслаждалась этимъ. Это была реабилитація Фриды, возстановленіе чести семьи. Она, вырвавшая столько дѣтскихъ жизней у страшной болѣзни, теперь сама умирала отъ нея, словно давая выкупъ за спасенныхъ. Мать одного изъ выздоровѣвшихъ дѣтей явилась въ госпиталь, прося разрѣшенія навѣстить больную. Ее допустили, и она расплакалась при видѣ блѣдной красавицы-дѣвушки, которой она была обязана спасеніемъ своего ребенка. Слезы матери были въ глазахъ Іоганны какъ бы купелью, смывающей всѣ грѣхи, омывшей и очистившей бѣдное слабое сердечко ея птички Фриды. И она покрывала сестру поцѣлуями, позабывъ все прошлое, и ей казалось, что она снова цѣлуетъ маленькую дѣвочку.

Фрида уже совершенно не въ состояніи была говорить, но и на ея безпечную жизнь легла теперь печать серьезности, торжественности. Ей дали тетрадь, которой она все время не выпускала изъ рукъ, и при помощи карандаша она вела бесѣды съ Іоганной. Въ эту тетрадь она записывала свои мысли, витавшія между надеждой выздоровѣть и страхомъ смерти. И прежняя любовь передъ концомъ какъ будто овладѣла ею съ новой силой, и она безпрестанно требовала къ себѣ Бенуа, юнаго интерна, отъ котораго ее оторвали насильно. И упавшая духомъ Іоганна теперь готова была стать ея сообщницей.

Она телеграфировала въ разныя мѣста, пытаясь поймать молодого человѣка, но нигдѣ не могла узнать, что съ нимъ сталось.

Вскорѣ послѣ операціи обнаружились симптомы бронхопневмоніи. На третій день температура спала. Бержа принялъ это за выздоровленіе и сказалъ Іоганнѣ. Въ первый разъ молодая дѣвушка заплакала при немъ и, долго плакала молча, давъ волю слезамъ. Она сама дивилась своей слабости и тому, что ей не столько стыдно, сколько легко отъ этихъ слезъ. Потомъ сказала себѣ, что это оттого она такъ взволновалась, что нежданно нашла на своемъ одинокомъ пути благороднаго и надежнаго друга. Какимъ безконечно добрымъ казался ей этотъ человѣкъ, спасшій Фриду при помощи своей науки, не щадя заботъ и трудовъ! Съ нея какъ-то слетѣла ея прежняя серьезность и торжественность. Она работала теперь съ увлеченіемъ, и только одно мѣшало ей: всюду ей чудилось, будто она слышитъ раздирающій кашель Фриды, заглушенный подушками отдѣльной палаты, тамъ, на другомъ концѣ госпиталя.

Но на другой день утромъ, на разсвѣтѣ маленькая ребячья душа Фриды отлетѣла, въ послѣднемъ легкомъ вздохѣ... Она умерла, не зная, что умираетъ, послѣ того, какъ сказала, что готова умереть, чтобы своею смертью искупить горе, причиненное ею Іоганнѣ.

Іоганна была при ней одна. Когда она увидала свою любимицу, свою дѣвочку, свое дитя—недвижной, мертвой, она упала на полъ, крича отъ горя, прижимаясь ртомъ къ матрацу, чтобы заглушить свои вопли... Передъ глазами ея прошла вся эта юная, безвременно подкошенная жизнь, отъ тѣхъ дней, когда онѣ, дѣтьми, играли въ куклы въ сосновомъ паркѣ Бергена, до того вечера, когда Фриды впервые не оказалось въ обычный часъ въ ихъ общей комнатѣ. Фрида пала! Ея сестра, Свордсенъ, обезчещена!.. Какую муку пережила Іоганна! Она то обрушивалась на виновную съ приступами страшнаго гнѣва, вытекавшаго изъ любви, то молила ее на колѣняхъ, ломая ей руки, чтобъ она отказалась отъ этой любви, не имѣвшей будущаго. Двѣ недѣли, цѣлыхъ двѣ недѣли она боролась и, наконецъ, побѣдила. Но Фрида осталась возлѣ нея какъ бы живымъ позоромъ, который она и презирала, и нѣжно любила. И какъ она терзалась потомъ, опасаясь, какъ бы эта исторія съ Бенуа не получила огласки; какъ иногда вдругъ вспыхивала отъ стыда, взглянувъ на безпечную дѣвушку при постороннихъ! Въ каждомъ словѣ она искала осужденія, намека на проступокъ сестры, ей казалось, что всѣ уже знаютъ о немъ...

Теперь, наоборотъ, она гордилась покойницей. Маленькая

Фрида была мужественна; она не боялась заразы, беря на себя самыхъ тяжелыхъ больныхъ. Когда д-ръ Вержа, вызванный Іоганной, вошелъ въ палату, она, уже снова сильная и владѣющая собой, выпрямилась и съ гордостью сказала ему:

— Какая прекрасная смерть, не правда ли?

Но тотъ, видя, какъ она страдаетъ, ласково посмотрѣлъ на нее и просто сказалъ:

— Моя бѣдная, бѣдная Іоганна!

Похороны были торжественныя. На нихъ собрался цѣлый городъ. Со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ сословій къ бѣлой погребальной колесницѣ неслась дань восторга и сочувствія. Пасторъ реформатской церкви, напутствовавшій умирающую, директоръ школы, ректоръ университета, членъ попечительства о бѣдныхъ,—всѣ говорили на могилѣ такія умиленныя, такія поэтическія рѣчи, восхваляя юную мученицу науки и добра. Маленькія дѣти, которыхъ она выходила и спасла, принесли цѣлыя охапки бѣлыхъ цвѣтовъ, и самый маленькій изъ нихъ, совсѣмъ крошка, разбросалъ ихъ по свѣже засыпанной могилѣ. Въ толпѣ, наводнившей кладбище, раздались женскія рыданія. Небо было лазурное, безоблачное. Все кладбище залито солнцемъ. На сосѣднемъ деревѣ пѣлъ—заливался зябликъ.

Вся темная масса провожатыхъ была взволнована, потрясена. И это чествованіе дорогой усопшей впивалось въ сердце Іоганны словно кинжаломъ великаго и мучительнаго счастья.

Всѣ смотрѣли на нее, такую тоненькую, хрупкую подъ чернымъ крепомъ, блестѣвшимъ на солнцѣ. Золото ея волосъ, пробивавшееся сзади между двумя складками траурнаго вуаля, казалось еще болѣе шелковистымъ и роскошнымъ. Глаза ея искали Вержа. Онъ былъ тутъ возлѣ—онъ и не отходилъ отъ нея.

Вечеромъ, оставшись одна въ своей комнатѣ, гдѣ двѣ кровати, стоявшія рядомъ у стѣны, говорили о прежней жизни, она сильнѣе прежняго почувствовала свое одиночество. Все дышало такимъ холодомъ, такимъ уныніемъ въ этой суровой комнаткѣ студентокъ. На колышкахъ уныло висѣли рядышкомъ двѣ бѣлыхъ блузки съ крахмальными воротничками, на которыхъ еще виднѣлись два одинаковыхъ, вишнево-красныхъ галстуха—одинъ, снятый Фридою съ ея больного горла въ тотъ день, когда она слегла; другой, снятый, недѣлей позже, Іоганной, когда она надѣла трауръ.

Отъ этой трогательной парочки, которую госпиталь объединилъ въ одномъ словѣ: „дѣвицы Фіорлъ", осталась теперь одна Іоганна, чувствовавшая себя обломкомъ кораблекрушенія. Теперь только ей стало понятно, что она жила для сестры, и горько, что она такъ одинока. Здѣсь она будетъ плакать, одна, и никого у нея нѣтъ—ни родного, ни друга, кто далъ бы ей то, что такъ нужно женщинѣ, когда она страдаетъ:—ласку.

Ласка! Въ первый разъ въ жизни ей захотѣлось ласки, и она представляла себѣ ласки, чистыя и нѣжныя, какія только могла вообразить себѣ гордая и чистая душа. Ей хотѣлось, чтобы чьи-то губы цѣловали ея руки, чьи-то руки осушали ея слезы, нѣжно, ласково, и она даже не знала бы, чьи это руки и губы. И, одинокая, въ своей полутемной комнаткѣ, опечаленная, она въ то же время была полна несознанной надежды, почти увѣренности, что вскорѣ эта дверь отворится, кто-то войдетъ, и этотъ кто-то будетъ Вержа.

Вержа! Она ждала его, сама не зная, почему, съ волненьемъ и въ то же время спокойно. Сумерки медленно окутывали комнату; бѣлизна окна, задрапированнаго бѣлымъ коленкоромъ, поддерживала въ ней остатокъ свѣта. Іоганна не спѣшила зажечь электричество. Сидя за своимъ рабочимъ столомъ, она не отрывала глазъ отъ двери, которая, казалось ей, вотъ-вотъ отворится. И горе ея какъ-то притупилось въ усталомъ, почти сладкомъ забытьѣ... Тянулись долгія минуты. Февральскія сумерки длительны...

Внезапно, словно чей-то чужой голосъ внутри ея крикнулъ, громко и грубо: „Фрида умерла. Ты никогда больше не увидишь ея!"

И она упала головою на столъ, съ плачемъ:

— О, Вержа! придите! придите же! Я такъ одинока, и я люблю васъ.

Она думала прожить безъ любви, но любовь прошла мимо нея и завладѣла ею такъ незамѣтно и такъ властно, что она неудержимо тянулась ей навстрѣчу, безъ сожалѣній, еще больше гордясь тѣмъ, что она любитъ, чѣмъ ранѣе гордилась тѣмъ, что умѣла обуздывать свое сердце. Она любила смиренно и набожно, какъ женщина, почти безсознательно, какъ любятъ дѣти, и всѣмъ существомъ, какъ молодое существо, впервые пробудившееся къ жизни чувства. Это былъ экстазъ, нежданное, негаданное опьяненіе. Она не знала, не подозрѣвала, въ какія надземныя сферы можетъ вознести любовь. Она словно застыла у стола въ своей мечтѣ, не смѣя шевельнуться, чтобы не спугнуть божественной птички, запѣвшей въ ея сердцѣ. Съ устъ ея срывался только шепотъ, легкій, какъ дыханіе: „Вержа... другъ мой!.."

Стукъ въ дверь, котораго она ждала, раздался, наконецъ, негромкій и скромный. Она вскочила, нажала электрическую кнопку, отчего комната наполнилась свѣтомъ, и пошла отворять.

Это былъ не Вержа, а пожилая дама въ черномъ шелковомъ шелестящемъ платьѣ, съ увядшимъ аристократическимъ лицомъ, обрамленнымъ бѣлымъ тюлемъ, на которомъ сидѣла сверху маленькая шляпка. Дама была высокая, съ надменною осанкой, но темные глаза ея, живые, хоть и обведенные темными кругами, дышали правдивостью и добротой. Войдя, она представилась довольно сухо:

— Мадемуазель, я—мать доктора Вержа.

Іоганна испугалась.

Иностранка, невѣдомо кто, невѣдомо откуда, безъ семьи, никѣмъ не знаемая—могла ли она разсчитывать на доброе къ себѣ отношеніе? Что думаетъ о ней эта старая француженка, сына которой она такъ нѣжно любитъ? Вѣдь она вправѣ не довѣрять ей. Молодая норвежка знала суровость французскихъ семейныхъ традицій, знала антипатію французовъ ко всему не французскому, характерную черту этой замкнутой расы, и эта строгая старуха, глаза которой какъ будто шарили въ ея душѣ, казалась ей воплощеніемъ души этой страны, подобной эссенціи, которую хранятъ въ завѣтномъ запечатанномъ флаконѣ, чтобы оберечь ее отъ постороннихъ примѣсей.

Дрожа отъ робости, она придвинула гостьѣ свое единственное кресло.

— Мадемуазель,—начала г-жа Вержа съ искренней привѣтливостью,—я знаю, какое тяжелое испытаніе вы теперь переживаете. Вы потеряли прелестную сестру. Всѣ здѣсь сочувствуютъ вашему горю, и я первая, тѣмъ болѣе, что, черезъ сына, мнѣ были извѣстны всѣ перипетіи ея болѣзни. Ей было всего двадцать два года, говорите вы? Это ужасно! Позвольте мнѣ, мадемуазель, выразить вамъ свое глубокое и искреннее сожалѣніе. Но смерть вашей сестры—святая смерть. Она вступила въ ряды тѣхъ, кто жертвовалъ собой за человѣчество. Я уже старуха, мадемуазель, но всю эту недѣлю я съ живѣйшимъ сочувствіемъ и интересомъ слѣдила за драмой, разыгрывавшейся здѣсь — борьбою между жизнью и смертью молодой дѣвушки, жертвы своихъ заботъ о бѣдныхъ больныхъ дѣтяхъ.

— Благодарю васъ, сударыня,—сказала Іоганна.

— На кладбищѣ, сегодня утромъ, я склонилась передъ ея могилой, какъ склонилась бы передъ святой,—и не я одна. Сотни людей шли за ея гробомъ, за вами, какъ я: женщины изъ общества, женщины изъ народа, даже муж-

чины, всѣхъ сословій... Рѣчи были превосходны, но благоговѣйное безмолвіе толпы, по моему, было еще краснорѣчивѣе; словно какой-то вихрь энтузіазма захватилъ всѣхъ, сливъ души ихъ воедино съ душою этой юной мученицы. Это было прекрасно.

Іоганна наслаждалась этими словами, гордясь своей любимицей.

— ... А затѣмъ, мадемуазель, надо сознаться, что человѣческая натура, по существу, эгоистична; въ особенности эгоистичны матери. Сынъ мой—врачъ. Я знаю, что въ рядахъ этой мирной арміи героевъ и тружениковъ, которые борются съ болѣзнями, смерть беретъ свой реваншъ, выхватываетъ свои жертвы наудачу, то здѣсь, то тамъ. Смерть избрала вашу сестру; она могла бы взять мое дитя. И... вы понимаете, какое странное чувство заставляло меня такъ живо интересоваться этой незнакомой мнѣ молодой дѣвушкой— и вами, мадемуазель.

— Благодарю васъ, сударыня,—повторила Іоганна, вся дрожа отъ волненія.

— Но это еще не все. Я давно ужъ слышу о васъ, давно ужъ знаю васъ и, если я пришла къ вамъ въ такой тяжелый для васъ день, мадемуазель—то не только лишь подъ предлогомъ выразить вамъ свое участіе. Есть другое.

Она запнулась. Сердце Іоганны колотилось въ груди. Взоръ ея блуждалъ по комнатѣ, залитой яркимъ бѣлымъ свѣтомъ электричества, крохотный фокусъ котораго былъ ясно виденъ на стѣнѣ.

— Я имѣю сказать вамъ еще нѣчто, мадемуазель—нѣчто очень важное. Вы, несомнѣнно, не заурядная женщина, и съ вами я могу поступать такъ, какъ я поступаю, хотя это и противъ всякихъ обычаевъ. Вы сильны, какъ мужчина, и вы работаете головой, все можете обсудить холодно и спокойно, не то, что наши французскія дѣвченки.

— Развѣ знаешь себя?—вздохнула Іоганна.

— Мой сынъ, мадемуазель,—д-ръ Вержа, который уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ежедневно сталкивается съ вами въ госпиталѣ... страстно влюбился въ васъ. Онъ уважаетъ васъ. Онъ уважаетъ васъ не менѣе, чѣмъ любитъ, и я сама, невольно, не зная, почему, прониклась уваженіемъ къ женщинѣ, которую онъ ставитъ такъ высоко.

Іоганна въ свою очередь холодно смотрѣла на нее, какъ будто рѣчь шла о другой. Она не вполнѣ улавливала смыслъ того, что говорила ея гостья.

— Не знаю, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ у васъ въ Норвегіи. У насъ во Франціи, мать принимаетъ всѣ мѣры, чтобъ обезпечить счастье сына: она требуетъ все-

возможныхъ гарантій, становится подозрительной, можетъ быть, слишкомъ щепетильной... но это для нея такой серьезный вопросъ... словомъ, мадемуазель... но мнѣ такъ трудно, даже больно говорить объ этомъ. А между тѣмъ, сказать необходимо, и я надѣюсь, что вы оцѣните мою прямоту.

— Горорите все, сударыня,—сказала молодая дѣвушка, чувствуя, что умираетъ.

— Я уже приходила въ госпиталь, украдкой—мнѣ хотѣлось увидѣть ту, кого полюбилъ мой сынъ, оцѣнить ее по заслугамъ—и разсѣять тревогу, которую всегда испытываетъ мать француженка при мысли о невѣсткѣ иностранкѣ. Я разспрашивала, выпытывала. Вы человѣкъ—искренній и прямой, мадемуазель—вы видите, я тоже съ вами искренна. Вы осуждаете меня?

— Нѣтъ, сударыня,—выговорила блѣдная Іоганна.

— Въ такомъ случаѣ... но говорить-ли?.. До меня дошли слухи, такіе настойчивые, такіе опредѣленные, что я, къ сожалѣнію, не могла отбросить ихъ, какъ простую сплетню, Вы, или ваша сестра, мадемуазель—это не выяснено—вы, или ваша сестра въ прошломъ году вели себя... какъ бы это выразиться... очень легкомысленно съ однимъ молодымъ интерномъ. Одна изъ васъ... которая?.. крадучись, уходила изъ госпиталя въ сопровожденіи этого молодого человѣка... Ахъ, мадемуазель, мнѣ самой мучительно говорить объ этомъ. Но это—такой серьезный вопросъ. Вы знаете, въ старинныхъ французскихъ семьяхъ честь ставятъ выше всего. Вы видите какъ я съ вами говорю. Я пришла къ вамъ; я вамъ ввѣряюсь съ закрытыми глазами. Я разсудила такъ: если эта дѣвушка виновна, пусть не третьи лица, не шпіоны—пусть сама судитъ: вправѣ ли она называться г-жей Вержа, или же, чтобъ не измучить въ конецъ человѣка, который такъ влюбленъ въ нее, ей лучше уйти потихоньку, избѣгать того, съ кѣмъ она все равно не можетъ связать своей жизни... сдѣлать такъ, чтобъ онъ забылъ ее... Вы не протестуете, мадемуазель?.. Значитъ, это—правда... Но которая же изъ васъ?.. Я гляжу на васъ... въ васъ столько благородства...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Іоганна оставалась безмолвной. Ей представлялась ея дорогая птичка, такая бѣленькая на ея смертномъ одрѣ—погребальная колесница, задрапированная бѣлымъ, подъ безоблачно яснымъ небомъ, среди благоговѣйнаго безмолвія толпы, воздающей ей высшую почесть, какую только можетъ воздать человѣкъ человѣку. Ея дорогая усопшая, оставшаяся въ памяти всѣхъ непорочнымъ видѣніемъ, покоящаяся на кладбищѣ подъ снѣгомъ бѣлыхъ цвѣтовъ—цвѣтовъ невинности—достаточно одного ея слова, чтобъ запятнать ея память...

— Я переведусь въ другой госпиталь,—выговорила она, наконецъ, краснѣя.

II.

Прошлое.

Вновь назначенный молодой судья прибылъ въ префектуру весной. Городокъ сразу понравился ему своею красотой, своимъ дѣленіемъ на верхній и нижній городъ, стоявшій при сліяніи двухъ рѣкъ. Солнце золотило церковь верхняго города и романскій куполъ церкви нижняго. Вокругъ зеленѣли поля. Пріѣзжій отправилъ свой багажъ на омнибусѣ и пошелъ пѣшкомъ къ отелю, стоявшему на площади префектуры. Въ тотъ же день онъ впервые встрѣтилъ Елену.

Это была красивая дѣвушка, высокая и тоненькая, на видъ не моложе своихъ двадцати-восьми лѣтъ. Но всѣ ея движенія были такъ граціозны, черное суконное платье сидѣло на ней такъ безукоризненно, и въ прекрасныхъ, удивительно умныхъ глазахъ свѣтилось столько доброты, что молодой человѣкъ, не задумываясь, рѣшилъ: „очаровательная женщина"!

Она заботливо вела подъ руку высокаго старика, похожаго на нее и такого же красиваго. Ему, видимо, было трудно итти, и дѣвушка всячески старалась помогать ему.

Они встрѣчались почти каждый день, то на набережной рѣчки, то на площади префектуры, обрамленной прямоугольникомъ сикоморъ. Дѣвушка ежедневно водила гулять старика. Она шла маленькими шажками. Старикъ всегда молчалъ, дѣвушка глядѣла прямо передъ собою, вдаль; взоръ ея былъ грустенъ и чуждъ иллюзій. Молодой судья навелъ справки. Дѣвушка оказалась дочерью высокаго старика, раззореннаго фабриканта, котораго потеря состоянія такъ поразила, что его хватилъ ударъ, и онъ остался наполовину парализованнымъ. Отецъ и дочь жили въ нижнемъ городѣ, въ четвертомъ этажѣ и, говорятъ, жили бѣдно.

Эти свѣдѣнія огорчили молодого судью. Онъ мечталъ о блестящемъ будущемъ, о широкой жизни, которую могла дать ему только выгодная женитьба, и жалѣлъ, что не можетъ жениться на дѣвушкѣ, которая ему такъ сильно нравилась.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ встрѣчаться съ Еленой и ея отцомъ. По утрамъ онъ видѣлъ ее закупающей провизію вмѣстѣ съ молоденькой служанкой въ высокомъ чепцѣ. Въ полдень, идя въ судъ, онъ встрѣчалъ ее подъ сикомо-

рами. Подъ вечеръ, если онъ выходилъ пройтись по холодку вмѣстѣ съ регистраторомъ, онъ встрѣчалъ отца и дочь на берегу рѣки; въ очень жаркіе дни сталкивался съ нею снова, послѣ ужина, въ верхнемъ городѣ. И кланялся, нѣсколько сконфуженно, огорченный тѣмъ, что ему нельзя сосредоточить на этой красивой дѣвушкѣ всѣ свои неудовлетворенныя мечты тридцатилѣтняго холостяка.

Однажды онъ заговорилъ съ ней. Это было на улицѣ, по поводу валявшагося на мостовой человѣка, около котораго собралась толпа. Онъ ни разу еще не видалъ ея такъ близко и только теперь разглядѣлъ, какъ слѣдуетъ. И туманныя чары, покорившія его сердце, сразу стали яркими, захватывающими. Этотъ тяжелый узелъ черныхъ волосъ, ниспадающій на затылокъ, эти прекрасные глаза, такъ ясно и просто взглянувшіе на него съ безсознательной ироніей выдающейся женщины, которой мужчины не замѣчаютъ, изъ-за ея бѣдности,—да вѣдь это—воплощеніе его мечты.

— Не тревожьтесь, сударь,—смѣясь, сказала она.—Это —просто пьяный, котораго подберетъ полиція.

Всѣмъ своимъ видомъ она какъ будто говорила:

— Я прекрасна и благородна, какъ царица, утонченно интеллигентна и была бы любящей женой; но радости любви не для меня, и я мужественно покоряюсь этому.

Она произнесла всего нѣсколько словъ, но онъ успѣлъ убѣдиться, что она весела и остроумна. Иногда онъ забывался и говорилъ себѣ: „Какая изъ нея вышла бы прелестная жена!“

Они столкнулись снова у префекта, гдѣ она была вмѣстѣ съ отцомъ, котораго называла ласково: „мой маленькій“. У старика съ трудомъ ворочался языкъ: онъ только слушалъ и не вмѣшивался въ разговоръ. Разсказывали, что прежде этотъ человѣкъ блисталъ своимъ умомъ. Теперь за него говорила дочь. Истая парижанка по манерамъ, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ провинціализма, слегка сдерживавшаго ея природную живость, веселая, простая, она, сама того не зная, затмевала всѣхъ въ гостиной префекта.

И съ этого дня молодой судья полюбилъ ее всѣми силами своей юной души, всѣми завѣтными стремленіями, наконецъ, воплотившимися въ этой прелестной женщинѣ.

То былъ дивный романъ, легкія нити котораго поручено было переплести юной супругѣ префекта. Она посѣтила Елену въ ея скромной квартиркѣ въ четвертомъ этажѣ, въ нижнемъ городѣ. Въ гостиной еще сохранилась прежняя мебель, видавшая лучшіе дни. Тамъ были дорогіе консоли, диванчики ампиръ, обитые желтой парчей, стоившія бѣшенныхъ денегъ вазы, наполненныя полевыми цвѣтами.

Въ простенькомъ сѣромъ холстинковомъ платьѣ, держась одной рукою за химеру на спинкѣ кресла, очень блѣдная, но прикрывая свое волненіе улыбкой, Елена выслушала предложеніе. Ужъ десять лѣтъ, безсознательно, но всей душой, всѣми тайными силами этой души, власти которыхъ надъ собою она не хотѣла признавать, она ждала этой минуты. Ждала, сама того не зная, и когда ей было весело и когда ей становилось грустно, въ смутныхъ мечтахъ о смутномъ счастьѣ, и всякій разъ, какъ около нея, для какой-либо изъ ея подругъ расцвѣтала любовь. И ей захотѣлось усугубить наслажденіе, удостовѣриться. Гостья должна была повторить ей, что ее любятъ, что красивый, симпатичный молодой человѣкъ, съ которымъ она такъ часто встрѣчалась на улицѣ, мечтаетъ о ней, ждетъ ее, призываетъ ее, избралъ ее изъ всѣхъ въ спутницы жизни—своимъ другомъ и женой. Тогда она закрыла глаза и глухо выговорила:

— Я думала, что я ужъ слишкомъ стара для этого.

Она уже не улыбалась. Обычная веселая развязность слетѣла съ нея; она притихла, стала серьезной и торжественной.

Надо было сказать объ этомъ „папочкѣ". Елена приласкалась къ нему, поцѣловала его въ лобъ:—„Слушай, маленькій мой: сейчасъ я скажу большую новость". И разсказала ему весь свой романъ, отъ начала до конца. Больной отлично понялъ, только не нашелъ словъ, чтобъ выразить свою радость. Взоръ его, еще полный былого огня, говорилъ все, что переживала въ глубинахъ своихъ эта загадочная душа паралитика, нѣмая гробница его мысли, но скованный языкъ могъ только выговорить съ неописаннымъ восторгомъ:

— А... вотъ... вотъ... малютка...

И онъ съ гордостью смотрѣлъ на дочь, гладя пальцемъ ея пышные волосы, любуясь ею, гордясь, что ее, наконецъ, полюбили.

И она смотрѣла на него съ такой же гордостью.

— Ты доволенъ,—а, мой маленькій?

— А... вотъ... вотъ...

Слеза радости медленно скатилась по увядшей щекѣ старика и затерялась въ его длинной сѣдой бородѣ.

Однажды вечеромъ—это было въ августѣ—онъ пришелъ. Она приняла его въ салонѣ съ дорогими консолями, съ диванчиками ампиръ, среди химеръ, впивавшихся золотыми когтями въ красное дерево креселъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ отъ тяжелыхъ занавѣсей изъ желтой парчи. Они

говорили почти шепотомъ. Елена лишь изрѣдка вставляла слова; грудь ея высоко вздымалась; глаза стали божественно кроткими.

Онъ откровенно говорилъ о своихъ недостаткахъ, говорилъ, что немного трусить передъ жизнью, преклоняется передъ ея силой и энергіей и цѣликомъ ввѣряетъ себя ей, мужественной подругѣ. Такъ сладко было сознавать, что ее любятъ не ради приданаго. Прекрасная рука, привыкшая къ жестамъ покровительства и ласки, легла на руку жениха, и столько силы было въ этой нѣжности, что онъ затрепеталъ отъ счастья.

Они стали видаться два раза въ недѣлю, потомъ три, потомъ четыре. Онъ съ каждымъ днемъ привязывался все нѣжнѣе къ своей красавицѣ-невѣстѣ. Но изъ двухъ она, пылкая и мечтательная, любила сильнѣе, хоть и скрывала это. Вся ея печальная молодость, не знавшая надеждъ, замурованная въ жертвѣ, сразу расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Ей было двадцать—нѣтъ, шестнадцать лѣтъ. Она такъ благодарна была сказочному Принцу, который, наконецъ, разбудилъ ее и ведетъ за собою въ жизнь.

По обычаю нѣкоторыхъ маленькихъ городковъ онъ приходилъ къ нимъ послѣ ранняго обѣда. Въ „салонѣ“ зажигали огромную лампу съ матовымъ шаромъ, похожимъ на луну. И въ этомъ мягкомъ полу-свѣтѣ молодые люди бесѣдовали между собою вполголоса, а еще чаще молчали. Старикъ, недвижимый въ своемъ креслѣ, съ руками, сложенными на груди, съ благороднымъ лицомъ, на которое падалъ свѣтъ, загадочный, какъ всегда, грезилъ о чемъ-то своемъ, неуловимомъ для окружающихъ

Однажды, когда они строили планы будущаго, молодой человѣкъ осторожно спросилъ:

— А вашъ бѣдный папа?

— Мой отецъ?—съ живостью спросила Елена.

И смолкла. Мучительная тревога сжала ей сердце.

До сихъ поръ ей въ голову не приходило, чтобы мужъ захотѣлъ разлучить ее съ отцомъ: она чувствовала себя неотдѣлимою отъ своего „старенькаго“, слишкомъ необходимою этой жалкой, полуразрушенной жизни. И, въ простотѣ души, ей казалось очень простымъ взять съ собой въ свой новый домъ свое большое дитя, своего „маленькаго“. Но тутъ она вся вспыхнула, сознавъ свою ошибку, принимая на себя все тяжелое бремя сознанія семейнаго очага—можно ли требовать отъ него, чтобъ онъ еще взялъ на себя и заботу о калѣкѣ? Что это она выдумала?

Онъ замѣтилъ ея растерянность, муку, свѣтившуюся въ ея глазахъ, и неожиданно выговорилъ:

— Повѣрьте, Елена, я тоже люблю его. И хочу устроить для него очень спокойную, очень счастливую жизнь.

Изъ деликатности, Елена, воплощенная гордость, не рѣшилась сказать, на что она надѣялась. Женихъ намѣчалъ разныя комбинаціи. Можно оставить старика на этой же квартирѣ, съ прежней служанкой—она, кажется, преданный человѣкъ. Можно помѣстить его въ лечебницу. Но самое лучшее было бы помѣстить его въ семейный пансіонъ, въ этомъ же городкѣ, куда хозяева, сами люди старые и почтенные, принимаютъ стариковъ и окружаютъ ихъ всѣми необходимыми заботами.

Елена не отвѣчала. У нея сдавило горло. Слезы подступили къ глазамъ, и въ душѣ поднималась горечь противъ жениха, который оказался такимъ жестокимъ. Ей даже казалось, что она перестаетъ любить его. Все это произошло незамѣтно, въ полу-темномъ уголкѣ, а высокій старикъ, на свѣту, по прежнему думалъ о чемъ-то своемъ, погруженный въ свою неуловимую грезу.

Молодой человѣкъ, слишкомъ чуткій, чтобы не замѣтить, что его невѣста огорчена, и сильно, понялъ, что огорчило ее. И ушелъ, разстроенный. Послѣ его ухода Елена много плакала. Не лучше ли вернуть ему слово? Ей случалось читать о примѣрахъ подобнаго героизма, но то, что прежде восхищало ее, теперь кидало ее въ холодную дрожь. На другой день, передъ прогулкой, завязывая галстухъ своему дорогому „маленькому", она вдругъ страстно обняла его и такъ долго и горячо цѣловала, что онъ смѣялся отъ радости и отъ отцовской гордости.

Она чувствовала, что жизнь ея ломается надвое. Подъ вѣнчальной фатой она навѣкъ схоронитъ прошлое, и тогда начнется новая жизнь, совсѣмъ другая, чѣмъ прежде, въ которой у нея будетъ новая душа и новое сердце, и все вокругъ будетъ по новому.

И она не могла примириться съ тѣмъ, чтобы отшвырнуть отъ себя эти двадцать семь лѣтъ и поставить крестъ надъ ними. Слишкомъ много дорогихъ воспоминаній дѣтства, нѣжныхъ и радостныхъ, жило въ ея сердцѣ, слишкомъ живо было это прошлое, чтобъ она могла обречь его на забвеніе. Слишкомъ долго сидѣла она въ дѣвкахъ, чтобы вдругъ измѣниться, стать новой женщиной, слишкомъ для этого прочно сложилась ея личность. Любить этого чужого, которому она обѣщала отдать себя—о да! Она его любила, безумно, какъ никого и никогда; но какъ оторваться отъ другого, на котораго она въ прошломъ положила столько любви, отъ старого отца, который такъ любилъ и баловалъ ее, прежде, когда самъ онъ былъ выдающимся, блестящимъ человѣкомъ, и теперь, ставъ безпомощнымъ калѣкой, такъ цѣплялся за нее?

Но пришелъ женихъ, нѣжно обнялъ ее—и снова вернулась его власть надъ нею. Слишкомъ искренній, чтобы по-

зволить чему-бы то ни было стать между ними, онъ сказалъ ей:

— Елена, я чувствую, что вы обижены на меня. Другъ мой, я читаю въ вашей душѣ. Вы думали, что отецъ вашъ будетъ жить у насъ? Этого не слѣдуетъ дѣлать. Я не считаю себя злымъ, но я хочу нашего счастья, а когда строишь такое драгоцѣнное и хрупкое зданіе, надо быть очень-очень осторожнымъ. Вѣрьте, Елена, я страстно люблю васъ, и не думайте, что мнѣ легко было такъ огорчить васъ. Я самъ страдаю тяжко отъ того, что вынужденъ причинить вамъ боль. Но это необходимо. Законъ жизни требуетъ, чтобъ молодые строили свое гнѣздо сами, оторвавшись отъ родного гнѣзда, не примѣшивая къ новому стараго.

Все въ ней возмущалось противъ этого; грудь ея высоко вздымалась.

— Ахъ!—простонала она.—Это именно то, что я думала: вы хотите убить мое прошлое.

— Нѣтъ, я только хочу пересадить васъ въ будущее.

— Для этого вы хотите вырвать меня съ корнемъ. Это—жестоко.

— Для любви нѣтъ ничего жестокаго, Елена. Если вы меня любите, вы поймете меня. Мы должны быть всегда другъ для друга. Я васъ хочу всю, цѣликомъ, для себя. Вѣдь я и самъ отдаюсь вамъ цѣликомъ; но я не знаю, что бы сталось съ моимъ постоянствомъ, еслибы я видѣлъ васъ все время занятой и въ нашемъ домѣ тѣмъ, кто былъ всѣмъ для васъ, когда я не игралъ еще никакой роли въ вашей жизни. Вѣдь ваша нѣжность къ нему не уменьшилась бы. А я чувствую, что я ревновалъ бы васъ, и это было бы ужасно. И его я вовсе не хочу ставить въ положеніе стараго обременительнаго родственника. Мы не имѣемъ права отводить ему такую роль... Другъ мой, повѣрьте мнѣ, гораздо приличнѣе и благороднѣе будетъ намъ сразу устроиться отдѣльно. Мы это сдѣлаемъ очень осторожно, деликатно. Онъ не будетъ чувствовать себя покинутымъ. Мы будемъ заботиться о немъ, будемъ любить его...

И Елена снова почувствовала на себѣ бремя вѣчной и мучительной тайны—роковой необходимости пронзить ножемъ чью-нибудь душу для того, чтобы создать семью. Вездѣ и всегда живое дерево стонетъ, когда отъ него отрубаютъ вѣтку, и эти срубленныя вѣтви, оглушенныя наплывомъ новыхъ соковъ, пересаженныя въ другую почву, тамъ пускаютъ корни и уже не могутъ вернуться къ старому стволу, давшему имъ жизнь.

Несмотря на свое негодованіе, молодая дѣвушка не могла не покориться этому непреложному закону, который и возмущалъ, и порабощалъ ее. Она смирилась передъ роковой необходимостью и повѣрила тому, кого любила.

Библиотека

— Папочка,—сказала она однажды утромъ, ласкаясь къ отцу.—Теперь, когда я выхожу замужъ, ты, можетъ быть, согласился бы поселиться у доброй г-жи Летюилье? Знаешь, въ верхнемъ городѣ, большой домъ съ красивымъ садомъ, въ которомъ мы всегда любовались шпалерами—вотъ ты въ этомъ саду и будешь гулять, дорогой мой папуся, а я каждый день буду навѣщать тебя.

У старика характеръ былъ чудесный. Онъ былъ всѣмъ доволенъ. Рисовалъ ли онъ себѣ сколько-нибудь опредѣленно эту перспективу? Неизвѣстно. Но, улыбаясь, какъ всегда, онъ выговорилъ:

— Да, да, конечно...

Точно камень свалился съ души Елены. Она поспѣшила сговориться съ г-жей Летюилье. Свадьба должна была состоятся въ концѣ октября. А старика рѣшено было переселить въ пансіонъ съ начала мѣсяца, для того чтобъ онъ успѣлъ понемногу привыкнуть къ новой жизни, до того, какъ молодые уѣдутъ въ свадебную поѣздку.

Женихъ и невѣста жили, какъ въ чаду. Завѣтное томленіе любви съ каждымъ днемъ сильнѣе тѣснило имъ грудь; чѣмъ ближе, тѣмъ труднѣе было ждать. Елена была цѣликомъ захвачена „будущимъ“. Это былъ переломъ; прошлое умерло, и мысль о томъ, кто воплощалъ собою это прошлое, тускнѣла и стушевывалась въ ея умѣ, какъ тускнѣютъ и выцвѣтаютъ лица на старыхъ фотографическихъ карточкахъ. Она не горевала уже о томъ, что отецъ будетъ жить въ пансіонѣ, и волненіе, испытанное ею при прощаньи съ нимъ, было чисто поверхностное. Любовь слишкомъ завладѣла ею. Тотъ, кого она любила, съумѣлъ взять ее цѣликомъ: сердце ея было полно имъ однимъ.

Когда участь старика была такимъ образомъ устроена и ввѣрена заботамъ „доброй г-жи Летюилье“, Елена поѣхала на нѣсколько дней въ сосѣдній большой городъ справлять себѣ приданое. Началась веселая предсвадебная суета. Скрипѣлъ и шуршалъ бѣлый атласъ, вздымались пѣной кружева, мѣрили на метры прозрачный тюль вуаля, бѣгали за туфлями, за перчатками, къ обойщику, по магазинамъ. Присылали подарки въ шкатулкахъ оливковаго цвѣта, подбитыхъ бѣлымъ муаромъ, на которомъ красиво блестѣло серебро сервизовъ. Елена примѣряла пеньюары для новобрачной, бѣлье съ старинными вышивками. И, поверхъ всего этого вихря, передъ глазами ея носилось смутное видѣніе— лицо того, кому она скоро будетъ принадлежать, и будущая совмѣстная жизнь, которая, казалось, будетъ сплошнымъ объятіемъ, нескончаемымъ поцѣлуемъ...

Когда она вернулась въ маленькій городокъ, въ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе зимы. Желтые листья бѣшено

кружились подъ сикоморами на площади префектуры. Рѣзкій вѣтеръ дулъ на набережной.

Елена прямо съ вокзала поспѣшила въ верхній городъ навѣстить отца.

День былъ настоящій зимній, сырой и холодный. Въ саду г-жи Летюилье, вдоль мокрыхъ отъ дождя шпалеръ, благоухали зрѣлыя груши, блестѣли въ зелени листвы красные томаты; нѣкоторые изъ нихъ, непригрѣтые солнцемъ, такъ и остались зелеными. По узенькимъ аллейкамъ подъ зонтикомъ, подобравъ юбки и показывая бѣлые чулки, ходили двѣ старушки и вполголоса жаловались другъ другу на порядки въ домѣ. Горничная проводила Елену по лѣстницѣ, выстланной блестящими красными плитками, въ комнату, которую занималъ старикъ.

Она отворила дверь и сразу увидала его.

Изъ боязни холода окна были закрыты, занавѣси спущены; старикъ сидѣлъ лицомъ къ двери, скрестивъ руки на животѣ, всунувъ ноги въ большія ковровыя туфли съ красной каймою, какія ставятъ въ комнатахъ съ каменнымъ поломъ, гдѣ совершенно нѣтъ ковровъ. Должно быть, онъ просилъ, чтобъ затопили печь, такъ какъ въ каминѣ еще дымилась головешка.... И старикъ сидѣлъ неподвижно, безконечно унылый и печальный, и никому невѣдомо было, какая драма разыгрывалась въ тайникахъ этой нѣмой души.

Елена, остановленная въ своемъ радостномъ порывѣ, съ минуту оглядывала эту меблированную комнату, чужую, банальную, и отца, котораго она прежде такъ лелѣяла и баловала—теперь воплощеніе унынія и печали.

Въ эту минуту больной поднялъ на нее глаза, потускнѣвшіе, усталые, жалкіе, и безъ словъ, безъ жалобъ, двѣ горькихъ слезы выкатились изъ этихъ грустныхъ глазъ, которые навсегда ужъ разучились улыбаться.

Елена ринулась къ нему, обняла его, покрыла поцѣлуями его кудрявые сѣдые волосы, его высокій лобъ мыслителя, его глаза, еще недавно такіе живые. Но въ скукѣ, въ унынiи этой недѣли, проведенной взаперти, старикъ, повидимому, забылъ и тѣ немногія слова, которыя онъ еще умѣлъ лепетать. Онъ ничего не говорилъ. Внутренній холодъ сковалъ его языкъ, и уже никакая ласка не могла отогрѣть его.

И, окунувшись въ прошлое, Елена поняла, что она отняла у больного все, отнявъ отъ него ту очаровательную жизнь, которую она же создала для него: тонкіе обѣды, чтеніе газетъ, и, главное, прогулки вдвоемъ—эти постоянныя прогулки, необходимыя для здоровья старого тѣла, оставшагося сильнымъ, несмотря на разстройство мысли. Отнынѣ его удѣломъ будетъ скука, оброшенность и одиночество. Не дождавшись, пока онъ умретъ, она заживо похоронила его. Запертый, какъ узникъ, въ этомъ пансіонѣ, слишкомъ изну-

ренный, чтобъ привыкнуть къ новымъ лицамъ, въ то время, какъ дочь его будетъ наслаждаться пышнымъ лѣтомъ своей жизни, онъ конченъ: для него наступаетъ вѣчная зима— короткая зима безъ солнца, зима больныхъ и одинокихъ...

Елена пережила все свое прошлое: дѣтство и ласки бѣднаго отца, который такъ хорошо игралъ съ нею, укачивалъ ее на своихъ колѣняхъ, когда ей было три года, пять лѣтъ, прогулки съ нимъ по окончаніи работы въ конторѣ бумагопрядильной фабрики, когда онъ, держа ее за ручку, безъ конца бродилъ съ ней за городомъ, слушая ея дѣтскій лепетъ и беря ее на руки, хотя она и тогда была страшно тяжелая, какъ только замѣчалъ, что она отъ усталости волочитъ свои маленькія ножки,—и непрерывную томительную работу въ этой конторѣ, изъ которой онъ выходилъ съ тяжелой головой, съ мигренями, но гордый тѣмъ, что у нея будетъ хорошее приданое, что она сможетъ выбирать и выйти замужъ по любви... Вся эта горячая отцовская любовь и преданность вспоминались ей съ такой мучительною болью. А теперь, послѣ двадцати-восьми лѣтъ взаимной нѣжности, когда она такъ страшно нужна ему—и она, и ея покровительство, ея заботы,—она, закрывъ глаза, оставитъ его одного въ этой холодной комнатѣ и побѣжитъ въ погоню за счастьемъ?..

— Но вѣдь я же ничего дурного не дѣлаю — вѣдь это законъ жизни!—стоналъ въ ней эгоизмъ.

Она задыхалась отъ волненія. Капельки пота выступили у нея на лбу. Мысленно она высчитывала, суровая и безпощадная, какъ сама Природа, сколько осталось жить этому больному старику и сколько счастливыхъ лѣтъ можетъ прожить еще она. Принести въ жертву закатъ восходу только справедливо. Но прошлое уже оживало въ ней, завладѣвало ею, вновь становилось ей невыразимо дорого, отождествлялось съ ея „я“, которымъ она такъ гордилась. Любовь не настолько захватила ее, чтобъ остаться побѣдительницей. Она сброситъ ея оковы, освободитъ свое сердце. На мигъ передъ нею встали соблазномъ радости любви, къ которымъ постепенно привыкала ея влюбленная душа. Представился ея женихъ, руки его обнимали ее, голосъ его звучалъ такою лаской... Представился выбранный ими домикъ, изящная мебель, ихъ общая спальня, вѣнчальное платье, примѣренное наканунѣ, бѣлыя атласныя туфельки, нарядные пеньюары и тѣ дивные планы жизни вдвоемъ, которые строили *онъ* и она.

Но вдругъ, сразу, лицо ея стало опять такимъ, какое оно было, когда они съ отцомъ гуляли подъ сикоморами, когда она не знала ни грезъ, ни надеждъ—мужественнымъ и замкнутымъ.

— Ну, будетъ, полно же. Идемъ, мой маленькій, я уведу тебя съ собою.

Достаточно было этихъ словъ, чтобъ онъ очнулся отъ своего отупѣнія.

— А! да, да, конечно...

Она перевязала ему галстухъ, помогла надѣть пальто все время повторяя, блѣдная, сквозь зубы:

— Будь спокоенъ—мы ужъ больше не разстанемся.

III.

Застрахованная жизнь.

Это было въ салонѣ гостинницы, за дессертомъ, послѣ подписного обѣда, устроеннаго членами правленія большого страхового общества. Какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ, обѣдающіе, по большей части люди пожилые, мѣшали свою философію разсчетливыхъ дѣльцовъ съ напускной веселостью и шутками, когда-то слышанными и не совсѣмъ еще забытыми. Столъ окружали безукоризненные сюртуки, всѣ съ орденами въ петличкахъ, лысыя или сѣдыя головы.

Констатированіе факта, что дѣла общества процвѣтаютъ, а также и вино веселили, развязывали языки; въ воздухѣ носился смѣшанный ароматъ дорогихъ грушъ, апельсиновъ и моха въ корзинкахъ. Пахло также ванилью, ликерами и ромомъ отъ пирожныхъ. Говорили о золотѣ, которое потокомъ переливалось изъ кармановъ публики въ кассу страхового общества, благодѣтельно возвращаясь къ внезапно обѣднѣвшимъ, съ методичностью и аккуратностью безукоризненнаго регулятора, — говорили ярко, сильно, поэтически. Больше всѣхъ лиризма вкладывалъ высокій старикъ, сидѣвшій на концѣ стола, самъ литераторъ и любитель книгъ—онъ-то и создалъ и теорію, и образъ. Въ этомъ коловращеніи золота онъ видѣлъ какъ бы родъ соціализма, но пристойнаго и добропорядочнаго. „Единственно возможнаго и плодотворнаго“. И среди слушателей шелъ одобрительный шепотъ.

Одинъ только оставался безмолвнымъ—докторъ Г..., академикъ, вице-президентъ административнаго совѣта. Хрупкій, съ огромной головой, съ сѣдою шевелюрой, откинутой шелковистою гривою къ одному виску, съ умными глазами и желчнымъ лицомъ, онъ, выждавъ минуту, когда всѣ смолкли, началъ:

— Я знаю одинъ случай...

Его низкій голосъ съ металлическимъ тембромъ привлекъ общее вниманіе. Врачи, въ силу своей профессіи, всюду и вездѣ пользуются авторитетомъ. Ждали разсказа.

— Я знаю,—повторилъ онъ—одинъ случай, когда изъ-за страховой преміи разыгралась цѣлая драма.

— Разскажите, cher maître.

Всѣ приготовились слушать. Докторъ началъ:

— Были у меня здѣсь въ Парижѣ двѣ паціентки и пріятельницы, мать и дочь — очаровательныя женщины, которыми я отъ души заинтересовался и привязался къ нимъ: ужъ очень у нихъ была красивая и благородная жизнь. Какъ сейчасъ вижу передъ собою мать, больную, но красивую, протягивавшую мнѣ изъ облака кружевъ блѣдную руку, всю покрытую дорогими перстнями. Но еще яснѣе вижу дочь. Ее звали Марія-Терезія. Удивительно изящная была дѣвушка, что называется „порода". Тоненькая брюнетка лѣтъ девятнадцати, элегантная, всегда спокойная и ясная, она носила, какъ порфиру, свое красивое царственное имя. Когда къ ней посватался женихъ, мать обратилась ко мнѣ за совѣтомъ. Это былъ блестящій молодой человѣкъ, но безъ всякаго состоянія, занимавшій довольно неопредѣленное положеніе въ крупномъ угольномъ предпріятіи. Дѣвушка рѣшительно заявила: „Мнѣ нравится этотъ угольщикъ". Она впервые высказалась такъ опредѣленно, и мать не могла не считаться съ нею.

Я отвѣтилъ матери: „Въ такихъ дѣлахъ трудно совѣтовать. Довѣрьтесь вашему чутью, оно—вѣрнѣй и тоньше моего. Но, въ матеріальномъ отношеніи, всегда можно до извѣстной степени обезпечить свою дочь при выходѣ замужъ. „Меня пугаетъ, что у этого молодого человѣка нѣтъ ни гроша".—Потребуйте отъ него застраховать свою жизнь, на случай, чтобы, если, не дай Богъ, ей доведется овдовѣть, дочь ваша могла бы сохранить свое общественное положеніе и имѣла бы на что воспитывать своихъ дѣтей".

Помню даже, что, когда женихъ принялъ это условіе, мнѣ и было поручено устроить это дѣло. Онъ застраховалъ себя въ восемьдесять тысячъ франковъ, которые, въ случаѣ его смерти, должны быть выданы его вдовѣ.

Сыграли свадьбу; я присутствовалъ на ней, и, хотя всѣ веселились, мнѣ было грустно. Я не сводилъ глазъ съ жениха и, при всемъ желаніи, никакъ не могъ найти въ немъ хоть что-нибудь симпатичное. Онъ былъ красивый малый, молодой, явно влюбленъ, элегантенъ и держался довольно надменно, но мнѣ лично „этотъ угольщикъ положительно не нравился, и я самъ, въ точности не зная, почему, жалѣлъ, что такую милую дѣвушку, всю трепетную, наивную и любящую, просили въ объятія человѣка, котораго всѣ мы очень плохо знали.

Вышло, что тонкое-то чутье оказалось у меня. Элегантный красавецъ, на повѣрку, оказался вралемъ и негодяемъ, доставлявшимъ Маріи-Терезіи бездну страданій. Расточитель, грубый въ семейной жизни, не умѣющій даже утѣшить жену нѣжной лаской, за которую любящая женщина готова все простить, онъ день за днемъ уничтожалъ и приданое, и

сердце своей молодой жены. Когда на свѣтъ родились двѣ дѣвочки-близнецы, и я, какъ врачъ, ближе подошелъ къ этой семьѣ, крушеніе ея мнѣ стало совершенно яснымъ. У постели молодой женщины я столкнулся съ ея матерью. Мы грустно переглянулисъ съ ней и оба поняли, что намъ обоимъ все извѣстно.

Съ этого дня бѣдная мать сдѣлала меня повѣреннымъ своего горя. Безъ напрасныхъ жалобъ, она разсказала мнѣ все, что накопилось у нея на душѣ противъ зятя, обо всѣхъ гадостяхъ, которыя онъ продѣлываетъ, терзая Марію-Терезію. Я узналъ и то, что средства начинаютъ изсякать, что бѣдной молоденькой женщинѣ пришлось отпустить прислугу и запереться дома, посвятивъ себя исключительно воспитанію дѣтей, въ то время, какъ мужъ, ненасытный кутила, продолжаетъ веселиться, тратя деньги на дорого стоющія развлеченія.

Я до того обозлился на этого негодяя, что рѣшилъ никогда больше не переступать ихъ порога. Постепенно и состояніе матери ушло туда же. Она давала полными горстями, какъ даютъ матери. На моихъ глазахъ она стала урѣзывать себя во всемъ, взяла крохотную квартирку, гдѣ она жила сперва съ одной только служанкой, а затѣмъ и безъ прислуги. Цѣной этихъ лишеній, Марія-Терезія, упорно не сдаваясь, вела свое убогое хозяйство и платила мужнины долги.

Когда мать умерла отъ вѣчныхъ заботъ и тревогъ, небольшое наслѣдство, оставшееся послѣ нея, было прокучено въ одинъ годъ, и у очага молодыхъ сѣла новая непрошенная гостья—нужда. Она переселила ихъ въ шестой этажъ мрачнаго дома, въ улицѣ Севръ, и окутала всю ихъ квартирку своей черной тѣнью. Нужда—суровая мачеха, которая держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и моритъ и голодомъ, и холодомъ, заставляетъ носить свою убогую ливрею и отказываетъ въ радости даже дѣтямъ.

Неоднократно, Марія-Терезія, пришпориваемая нуждой, вынуждена была обращаться ко мнѣ за помощью:—то надо было внести страховку, то платить за квартиру, то отдать долгъ въ лавку. На нее больно было смотрѣть, такъ она измѣнилась; дѣвочки ея, которыхъ она всегда приводила съ собою, были обѣ блѣдненькія и тщедушныя.

Мнѣ было такъ жаль ея, что я, пожалуй, страдалъ за нее больше, чѣмъ она сама. Однажды я сказалъ ей:

— Да что же вашъ супругъ-то не видитъ что-ли, что онъ васъ убиваетъ, и что ваши дѣти никогда не бываютъ сыты?

Глаза ея злобно сверкнули.

— Не говорите мнѣ объ этой гадинѣ!

Я понялъ, что она его возненавидѣла. На мой взглядъ, это было только справедливо. И я обрадовался. Въ моихъ глазахъ онъ давно уже пересталъ быть человѣкомъ, и мнѣ самому было противно говорить о немъ.

Молодая женщина стала искать работы: она чудесно шила. Я попытался заинтересовать ея судьбою моихъ богатыхъ паціентокъ; мнѣ обѣщали давать ей шить дорогое бѣлье, и я уже радовался, что смогу внести хоть какой-нибудь просвѣтъ въ жизнь этой несчастной, когда однажды утромъ мнѣ подали записку отъ нея:

„Милый докторъ, прошу Васъ, пріѣзжайте поскорѣе. Мужъ мой очень боленъ“.

Первое мое впечатлѣніе было неопредѣленно; оно сейчасъ же сгладилось, оставивъ по себѣ чувство смутнаго и невысказываемаго довольства. Но меня звали къ больному, и я не колебался ни минуты.

Это было въ январѣ, ужъ позднимъ вечеромъ. Въ туманѣ Бонъ-Маршэ сіялъ огнями, какъ дворецъ, подъ своими голубоватыми куполами. Послѣ этого домъ, гдѣ жила Марія-Терезія, показался мнѣ особенно мрачнымъ и убогимъ Никогда не забуду, какъ больно сжималось мое сердце, когда я карабкался къ нимъ на шестой этажъ. Странное дѣло, почему-то я воображалъ, что найду тамъ, наверху Марію-Терезію такою же юною и свѣжей, въ ея царственномъ спокойствіи инфанты, какой я зналъ ее шесть лѣтъ назадъ. Когда я постучался, и дверь мнѣ отворила блѣдная малокровная брюнетка съ печальными погасшими глазами цвѣта незабудокъ, вымытыхъ дождемъ, меня какъ будто грубо разбудили.

— Что такое?—освѣдомился я.—Онъ захворалъ?

Она отвѣтила, безстрастно:

— Онъ вернулся вчера домой совсѣмъ больной, въ ознобѣ. Легъ и съ тѣхъ поръ не вставалъ. Кашель его все мучитъ.

— И вы ухаживаете за нимъ?

Она отвѣтила еще загадочнѣй:

— Жалѣешь по привычкѣ... Я помню только, что предо мною умирающій.

Я озирался, оглядывая ихъ убогую квартирку: крохотную кухню, гдѣ запуганныя дѣвочки сидѣли смирно и даже не играли; залу безъ мебели, такую унылую со своими бѣлыми стульями, сгруппированными вокругъ стола; спальню...

На роскошной кровати, единственномъ обломкѣ крушенія, лежалъ, весь скорчившись, трясясь отъ озноба, больной. Все тѣло его сводилъ раздирающій, мучительный кашель плевритиковъ и съ каждымъ приступомъ онъ перегибался вдвое, хватаясь за свою длинную золотистую бороду. Жаръ у него былъ такой, что простыни стали совсѣмъ горячія.

Мы, врачи, умѣемъ передъ лицомъ болѣзни отодвигать на задній планъ все личное, и, когда я выслушивалъ этого негодяя, прижимаясь ухомъ къ его груди, ловя біенія этого сердца, способнаго на всякую гнусность, признаюсь, я слушалъ только ритмъ и шумъ дыханія его больныхъ легкихъ, готовыхъ смолкнуть навсегда.

Плевритъ былъ въ очень тяжкой формѣ, осложненной сердечными разстройствами. Когда я кончилъ выслушивать, молодая женщина подняла на меня свои потускнѣвшіе безцвѣтные глаза, безмолвно спрашивая. Я понялъ о чемъ спрашивали эти глаза: Они говорили:—Умретъ онъ?

Умретъ онъ? Подъ непроницаемымъ выраженіемъ ея лица, въ ней какъ будто чувствовалась тревога. Быть можетъ, передъ лицомъ смертельной опасности въ ней снова вспыхнула догорающая страсть къ этому человѣку, въ котораго она была такъ влюблена... Быть можетъ, въ моментъ, когда это живое воспоминаніе объ ея недолговѣчномъ счастьѣ грозило исчезнуть, ее вновь охватилъ былой трепетъ страсти...

Пока я размышлялъ надъ этимъ, ея холодный непроницаемый взглядъ переходилъ отъ моихъ глазъ къ кровати, на которой снова зашелся отъ кашля больной.

— Умретъ онъ?—продолжали молча спрашивать ея глаза.

И вдругъ во мнѣ шевельнулась скверная мысль.—Да что я съ ума сошелъ, что ли? Да развѣ эта въ конецъ изобиженная, измученная женщина, выплакавшая свои глаза, эта надменная когда-то Марія-Терезія можетъ любить „эту гадину", хотя бы и умирающую? Нѣтъ, она просто спрашиваетъ меня, скоро ли настанетъ для нея часъ освобожденія, скоро ли отомститъ за нее смерть, подкосивъ эту молодую жизнь въ полномъ расцвѣтѣ... И тутъ мнѣ вспомнилось, что жизнь его вѣдь застрахована, что я самъ страховалъ ее, на выгодныхъ условіяхъ—что вдовѣ его должно быть выдано восемьдесятъ тысячъ франковъ.

— Умретъ онъ?

Глядя на это тѣло, корчившееся отъ мучительнаго кашля, я и самъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Я пробовалъ безстрастно вслушаться въ шумы, исходившіе изъ этой груди, уже наполненной зловѣщими хрипами, но я былъ слишкомъ взволнованъ и не довѣрялъ своему діагнозу. Восемьдесятъ тысячъ франковъ! Съ этимъ можно прогнать нужду, вновь завести хозяйство, подкормить дѣтей; да и сама Марія-Тереза оживетъ, успокоится, подбодрится...

Все это могло быть куплено цѣною его жизни—и мнѣ хотѣлось только одного: чтобъ смерть пришла скорѣе. Я самъ былъ захваченъ таинственною властью денегъ, извратившей мое нравственное чувство; въ первый разъ въ жизни я желалъ, чтобы больной, ввѣренный мнѣ, какъ врачу, не выздоровѣлъ.

Совѣсть моя во время проснулась, и я ужаснулся—не столько того, что происходило во мнѣ самомъ, сколько того, что и въ сердцѣ жены могло происходить нѣчто аналогичное.

Мнѣ вспомнился ея негодующій возгласъ: „Не говорите мнѣ объ этой гадинѣ". Теперь, когда онъ скоро уйдетъ изъ ея жизни, и никто не будетъ видѣть его и говорить о немъ, какое тайное облегченіе она должна испытывать.

Я увелъ ее въ сосѣднюю комнату.

— Насталъ моментъ, когда вы должны все простить ему,—сказалъ я ей.—Не скрою: у меня надежды нѣтъ. Смерть въ молодые годы всегда ужасна; я требую отъ васъ послѣдняго усилія. Я говорю съ вами не какъ съ его женой, но какъ съ сестрою милосердія. Онъ мой больной, и я вамъ довѣряю его.

— Что же надо дѣлать?

Я научилъ ее ставить банки, прижигать, заставилъ продѣлать все это при мнѣ. Больной покорно обнажилъ свои лопатки, и я недовѣрчиво смотрѣлъ на Марію-Терезію, склонившуюся надъ этимъ ненавистнымъ ей тѣломъ—быть можетъ, ей доставляло удовольствіе причинять ему боль. Я зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея пальцевъ, за дрожаніемъ термокаутера, силился прочесть въ ея глазахъ, когда обезсиленный больной, отдыхая, тихо стоналъ. Но взоръ ея оставался непроницаемымъ, а руки—я могъ только изумляться, какъ легко было ея прикосновеніе, какъ она старалась причинять возможно меньше боли.

Всю ночь у меня передъ глазами стояла эта картина—прелестное, утонченное существо въ этой жалкой лачугѣ. Я припоминалъ все, что она выстрадала. Сколько горечи и обиды, должно быть, накопилось въ ея душѣ противъ этого человѣка!.. А дѣти, эти жалкія малютки, вѣчно голодныя, болѣзненныя—съ какой безумной, отчаянной любовью смотритъ на нихъ мать! Онъ заставлялъ страдать ея дѣтей—развѣ мать это можетъ простить?

И вотъ, его жизнь въ ея рукахъ. Въ этой уединенной комнатѣ больного она—полная хозяйка. Если есть шансъ для него выжить—этотъ шансъ въ ея рукахъ: только она можетъ помочь ему, дать облегченіе. Мнѣ случалось видать у изголовья умирающихъ женщинъ, такъ безконечно любящихъ, такъ чутьемъ угадывающихъ, что нужно дѣлать, сильныхъ своею настойчивою волей къ жизни и ведущихъ такую отчаянную борьбу со смертью, что при такихъ сидѣлкахъ я иной разъ начиналъ надѣяться на выздоровленіе, и случалось, надежды мои оправдывались. Оставляя Марію-Терезію у постели ея мужа, я чувствовалъ, что съ ней ему не выжить.

И, вѣрите-ли, это огорчало меня. Весь поэтическій ореолъ этой юной мученицы, ея блѣднаго личика, печальныхъ потускнѣвшихъ глазъ — померкъ передъ наростающимъ во мнѣ подозрѣніемъ. Я представлялъ себѣ, что будетъ, если этотъ злополучный человѣкъ исчезнетъ. Цѣною его жизни въ семью вернется довольство, спокойствіе. Восемьдесятъ тысячъ франковъ! Тщедушныя дѣвочки оправятся, поздоровѣютъ, и Марія-Терезія похорошѣетъ снова, возродившись къ жизни, когда къ ней вернется покой и та

особая скромность, которую теряетъ женщина, когда она вынуждена обнаруживать передъ посторонними свою нужду. И минуту спустя я говорилъ себѣ, что лампада жизни ея мужа—молодого, здороваго и сильнаго—догораетъ, и поддержать въ ней огонекъ зависитъ отъ женщины, которая ненавидитъ его.

На другой день, чуть свѣтъ, я былъ уже у нихъ. Марія-Тереза отворила мнѣ, блѣдная, измученная.

— Вы такъ и не ложились?

— Нѣтъ.

И я сейчасъ же подумалъ, что она не ложилась для того, чтобы подстеречь приходъ смерти. Не знаю, почему я вдругъ сталъ такъ сурово относиться къ ней.

Мнѣ хотѣлось обойтись съ ней грубо. Она молча подошла первая къ кровати. Я открылъ коробочку съ антипириномъ—она была не тронута. А я только на антипиринъ и разсчитывалъ, чтобы понизить жаръ, доходившій до 41°.

— Вы не давали ему облатокъ, которыя я прописалъ?

— Онъ совершенно обезсилѣлъ, стиснулъ зубы—не въ состояніи былъ пить.

— А банки ставили?

— Пробовала ставить, но не смогла: онъ лежалъ все время на боку, безжизненной массой, и у меня не хватило силы повернуть его.

Мучительное подозрѣніе въ моей душѣ все расло. Ничего не говоря, я поглядѣлъ ей въ лицо—но ничего не могъ прочесть въ ея глазахъ, кромѣ страшной усталости и тоски.

Потомъ изслѣдовалъ больного. Когда мы остались одни, она меня спросила.

— Какъ вы его сегодня находите?

— Одно легкое цѣликомъ захвачено—дня черезъ два, пожалуй...

Она, должно быть, угадала мое настроеніе, потому что ласково взяла меня за руку и прошептала:

—Васъ удивляетъ, что я такъ хладнокровно отношусь къ этому... еслибъ вы знали, сколько я страдала, сколько слезъ я пролила, вы поняли бы, что я имѣю право быть безстрастной—даже въ эту минуту. Я перестала чувствовать что бы то ни было. Будь что будетъ. Мнѣ все равно...

Она была страшна мнѣ. Я сознавалъ, что *эта* жизнь для нея ничего не стоитъ. Я сказалъ ей:

— Не забывайте, что передъ вами умирающій. Будьте добры къ нему... и, если только ему станетъ хуже, пришлите за мной. Я попробую сдѣлать проколъ.

Я ушелъ неспокойный, мнѣ все вспоминалось, какимъ трагическимъ свѣтомъ озарилось ея лицо, когда она ска-

зала: „мнѣ все равно"... Я зналъ, что на гнусность она не способна; но долго-ль до грѣха?—что-нибудь забыла, или не сдѣлала во время, или сдѣлала небрежно—могла не поставить банки, облегчающей дыханіе—вѣдь, если этотъ презрѣнный выздоровѣетъ...

Подозрѣніе это было для меня нестерпимо. У меня ужъ такая привычка: если я возьмусь лечить больного, онъ становится для меня какъ бы моею собственностью—вѣрнѣй, залогомъ, за сохранность котораго я отвѣчаю. Я строго осуждалъ поведеніе этого жуира, но отвѣтственность за его жизнь лежала теперь на мнѣ. И мнѣ хотѣлось, чтобы меня слушались, чтобъ за нимъ былъ надлежащій уходъ. Помимо того, мнѣ было нестерпимо мучительно думать, что эта женщина, такая молодая, красивая, нѣжная и привлекательная, могла до такой степени унизиться...

Это была неотвязная мысль. Вечеръ я просидѣлъ дома. Къ десяти часамъ я уже не въ состояніи былъ выдержать и пошелъ къ нимъ. У меня было ужасное предчувствіе. Если онъ умеръ—узнаю ли я когда-нибудь, какъ онъ умеръ? И какъ убить сомнѣніе, которое вѣчно будетъ жить въ моей душѣ?

Клянусь вамъ, настроеніе мое въ этотъ вечеръ было ужасное. Я не зналъ, осудить ли мнѣ это загадочное существо, или же восхищаться имъ. Рѣшеніе загадки я могъ найти только въ ея душѣ, а души этой я не зналъ. Нехорошо было съ моей стороны обвинять ее, считать способной на такое дѣло ее, такую кроткую и благородную, какой она казалась мнѣ донынѣ; но вѣрить въ нее слѣпо, теперь, когда передъ нею стояло такое искушеніе, было невозможно. И я радовался, что захвачу ее врасплохъ поздно вечеромъ, когда она не ждетъ меня, когда ей нельзя будетъ извернуться, и своими глазами увижу, какъ она относится къ своему мужу.

Улица Севръ была безлюдна, огни погашены; только у нихъ, въ шестомъ этажѣ, слабо свѣтились два окна. Я сталъ подниматься по лѣстницѣ, узкой и мрачной, на каждомъ поворотѣ чиркая спичками; никогда еще я съ такимъ настроеніемъ не шелъ къ умирающему. Сердце мое колотилось, какъ будто этотъ больной былъ моимъ сыномъ. Добравшись до верхней площадки, я нащупалъ рукою дверь и тихонько позвонилъ. Никто не шелъ. Я позвонилъ вторично и, такъ какъ мнѣ все таки не отворили, потянулъ за ручку и убѣдился, что дверь не заперта на ключъ. И я вошелъ. Расположеніе ихъ крохотной квартирки уже было мнѣ извѣстно. Возлѣ алькова, гдѣ спали обѣ дѣвочки, горѣлъ ночникъ. Я прошелъ въ спальню; на ночномъ столикѣ у кровати горѣла свѣча; больной, откинувшись головою на подушки, пристально уставился на меня. Возлѣ кровати

стоялъ стулъ, какъ будто только недавно отодвинутый, но Маріи-Терезіи не было...

Я замѣтилъ, по зрачкамъ больного, что онъ видитъ меня. И прежде всего обратился къ нему съ вопросомъ, который жегъ мнѣ губы:

— Вы одни?

Онъ смотрѣлъ на меня съ той же испуганной пристальностью, но слишкомъ ослабѣлъ, чтобъ говорить; да, должно быть, и не узнавалъ меня.

— Я—вашъ докторъ; я пришелъ васъ навѣстить. Вы одни?

Онъ наклонилъ голову въ знакъ подтвержденія.

— А ваша жена?

Онъ тупо обвелъ глазами комнату и съ трудомъ выговорилъ:

— Моя жена... ея нѣтъ...

Дыханіе у него было теперь уже не такое прерывистое и трудное, грудная клѣтка уже не была такъ стѣснена.

Я сказалъ себѣ:

— Негодная! Она увидѣла, что ему лучше, и ушла. Смерть не оправдала ея надеждъ, и, не смѣя призвать ея, она, по крайней мѣрѣ, очистила ей поле борьбы. Какая низость!

И — знаете, что? Я вдругъ проникся весь сочувствіемъ, страннымъ интересомъ къ мужу этой гадкой женщины. Я выслушалъ его, всячески стараясь не причинять ему боли; измѣрилъ температуру; не зная даже, способенъ ли онъ понимать меня, я все время ласково говорилъ съ нимъ, стараясь подбодрить его. Я рѣшилъ просидѣть возлѣ него всю ночь, лишь бы не оставлять его одного. У него, видимо, мучительно болѣла голова; жаръ былъ все таки сильный; я сдѣлалъ все необходимое, потомъ усѣлся возлѣ его постели и сталъ кое-какъ просматривать вечернюю газету при тускломъ свѣтѣ свѣчи. Но читать я не могъ: мысли мои все время вертѣлись около скрытаго преступленія, совершавшагося здѣсь, въ этой никому невѣдомой комнаткѣ. Около Маріи-Терезіи, кроткой и прелестной—крадучись убѣгающей изъ дому, ночью, лишь бы только не быть вынужденной помогать силамъ жизни одолѣть смерть въ этомъ тѣлѣ, которое она мысленно видѣла уже похороненнымъ. И это было мучительно. Эта жизнь стоитъ восьмидесяти тысячъ франковъ—и вотъ, она отстраняется отъ этой жизни, такъ деликатно, что почти нельзя упрекнуть ее.—Уйти это такъ просто. Дать умереть, не убивая; убить, не сдѣлавъ никакой гадости, безъ жестовъ, безъ поступковъ, однимъ своимъ отсутствіемъ...

Никогда еще я такъ не презиралъ женщинъ.

Вотъ бы посмѣялись мои пріятели, еслибъ видѣли меня въ эту ночь смиренно прислуживающимъ этому господинчику. Въ каминѣ потухъ огонь; мнѣ пришлось сходить въ

кухню, разыскать, гдѣ лежатъ дрова, и развести огонь. Я провѣтрилъ комнату, съ безконечной заботливостью оправилъ постель, смятую больнымъ... Мнѣ казалось, что мною, руководитъ состраданіе; на самомъ дѣлѣ это была тайная ненависть къ Маріи-Терезіи, враждебность прокурора къ преступнику. Погоди, голубушка! Его все таки спасутъ, твоего муженька—и ты ничего не получишь.

Онъ уснулъ и все время стоналъ во снѣ; кровь такъ стучала ему въ виски, что голова его поминутно вздрагивала. Вмѣстѣ съ сознаніемъ къ нему вернулось и ощущеніе боли. Я снова взялся за газету. Было уже около полуночи.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались скользящіе шаги; дверь, съ которой я не сводилъ глазъ, медленно, безшумно отворилась, и вошла Марія-Терезія, въ черной шляпкѣ, посинѣвшая отъ ночного холода, прижимая какой-то свертокъ къ своей жиденькой жакеткѣ. Увидала меня и вздрогнула:

— О! докторъ, какой вы добрый!

Ея голубыя глаза, безконечно прекрасные и печальные, пронизывали меня насквозь. Я растерялся, пробормоталъ:

— Вы ушли...

Усталая и равнодушная, не отвѣчая мнѣ, она нагнулась надъ кроватью.

— Онъ спитъ?

Я повторилъ:

— Вы ушли...

Она развернула свой пакетъ, завернутый въ бѣлую тряпку, изъ-подъ которой текла вода.

— Онъ такъ страдалъ... Я подумала, что хорошо бы положить ему ледъ на голову; тутъ есть одно кафэ, гдѣ онъ постоянно бываетъ—я знала, что тамъ мнѣ не откажутъ въ кусочкѣ льду. Пришлось идти пѣшкомъ; это далеко... Я думаю, что это облегчитъ его немного... Ему лучше, не правда ли?

Она уже рубила ледъ на мелкіе кусочки, чтобы приложить его къ вискамъ больного. Я выговорилъ:

— Я думаю, что онъ спасенъ.

Никогда не забуду, какъ она посмотрѣла на меня—въ этомъ взглядѣ вылилась вся ея душа. Въ немъ была несказанная покорность; онъ видѣлъ въ будущемъ продолженіе той же прежней жизни съ недобрымъ и презираемымъ человѣкомъ, ту же борьбу, лишенія и нищету—но въ немъ было и другое: радость одолѣнія смерти, хорошая чистая радость о спасеніи умирающаго и всепобѣждающая женская жалость.

Она подошла ко мнѣ, съ улыбкой, успокоенная:

— Спасенъ? Это вы спасли его, докторъ. Благодарю васъ.

Библ. В.Э.О.

Изъ Англіи.

I.

«Трудно имѣть дѣло съ пошехонцами!—восклицаетъ Щедринъ.—Нельзя надѣяться на ихъ поддержку, нельзя разсчитывать, что обращенная къ нимъ рѣчь будетъ встрѣчена съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и вчера. Вчера существовало вѣщее слово, къ которому цѣлыя массы жадно прислушивались; сегодня—это же самое слово служитъ не призывнымъ лозунгомъ, а сигналомъ къ общему бѣгству. Да хорошо еще, ежели только къ бѣгству, а не къ другой, болѣе жестокой развязкѣ». Явленіе это свойственно не одной только Россіи; всюду въ большей или меньшей степени «Поумнѣвшій» пошехонецъ (не только русскій) прежде всего обрушивается на интеллигенцію, которую обличаетъ во всѣхъ преступленіяхъ и грѣхахъ. Одни пошехонцы обвиняютъ интеллигенцію въ томъ, что она посѣяла «смуты», т. е. создала общественное движеніе. Другіе пошехонцы обвиняютъ ту же интеллигенцію за то, что движеніе не удалось. Процессъ травли, по всей вѣроятности, такъ увлекателенъ, что къ нему присоединяются прохожіе. Что, напримѣръ, русская интеллигенція сдѣлала англичанину Морису Барингу? А между тѣмъ, услыхавъ однимъ ухомъ, что кого то грызутъ, онъ вскочилъ тоже въ кругъ и, какъ купецъ Таракановъ у Глѣба Успенскаго, «почалъ конопатить, подставлять да пристукивать, да засмаливать, раздавать лещей, судаковъ и осетровъ». «Русскій интеллигентъ—это всякій, кто заправляетъ сорочку въ штаны, а не носитъ ее на выпускъ, съ кушакомъ», опредѣляетъ Морисъ Барингъ. А затѣмъ слѣдуютъ уже «лещи, судаки и осетры». «Интеллигенція безбожна и признаетъ только одну мессу—черную». Она вся грѣшна противъ седьмой заповѣди и проникнута анархизмомъ. Для доказательства сердитый авторъ называетъ тѣ книги, которыми увлекается русская интеллигенція. И въ спискѣ этомъ читатель, ожидающій встрѣтить нѣчто ужасное, съ удивленіемъ находитъ Диккенса, г-жу Гемфри Уордъ, Бергсона и Милля. Такимъ образомъ выходитъ, что Диккенсъ проповѣдуетъ свободный грѣхъ, г-жа Гемфри Уордъ—черную мессу, Бергсонъ—атеизмъ, а Милль—динамитъ.

Противъ той же злосчастной и многострадальной русской интеллигенціи г. Морисъ Барингъ, отстаивающій теперь въ Англіи, вмѣстѣ съ г. Бернардомъ Персомъ, идеалы офиціальнаго національнаго націонализма, выступилъ съ комедіей «The Double Game», въ которой выведенъ идеальный провокаторъ, извѣстный писатель съ великосвѣтской фамиліей «Ракинъ». Русская интеллигенція, узнаемъ мы изъ комедіи, только то и дѣлаетъ, что играетъ въ карты, пьетъ чай, объясняется въ любви, бросаетъ бомбы и выдаетъ другъ друга.

Травля интеллигенціи не есть что либо новое. Это явленіе повторяется *каждый* разъ, когда начинается реакція. «Наука внушаетъ самомнѣніе,—писалъ у насъ въ эпоху реакціи при императорѣ Александрѣ I Морисъ Барингъ того времени, только болѣе талантливый.—Наука постоянно подвергаетъ государство опасности». А затѣмъ де-Местръ рекомендуетъ энергичныя мѣры противъ «иллюминатовъ» (тогда слово «интеллигенція» не было еще выдумано). «Взволновались университеты, являются изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ. Рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово человѣческое есть проводникъ адской мины, книгопечатаніе—орудіе его; профессора безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ». Это не изъ современнаго движенія, а изъ доклада Магницкаго.

Интеллигенцію усиленно травили во время реакціи въ Италіи (въ концѣ XVIII в.). Въ одномъ Туринѣ прогнали двадцать пять профессоровъ, а народное просвѣщеніе поручено было полицейскому сыщику (кавалеру Сеска). Въ Пруссіи правительственный наемникъ д-ръ Бенценбергъ, доказывая, что причиной всего зла является интеллигенція, рекомендовалъ правительству Фридриха-Вильгельма III ее «немножко убавить». Генцъ, Шмальцъ, Коцебу, Кампцъ и др. казенные публицисты обличали «одичалыхъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ». Подозрительное австрійское начальство не довѣряло интеллигенціи, даже если она носила военный мундиръ. Въ арміи заведены были «агенты», которые должны были слѣдить за офицерами. «Цѣлый экспедиціонный корпусъ, посланный въ Неаполь въ 1821 году, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи,—говорилъ Шпрингеръ. — Честолюбіе и корысть доводили полицію до безобразныхъ преувеличеній». Обвиненія интеллигенціи въ дряблости, слабости, малодушіи и другихъ грѣхахъ, выставляемыя въ эпоху разгрома общественныхъ движеній не полицейскими агентами,—повторяются съ математическою правильностью *въ каждой* странѣ въ эпоху реакціи. Всѣмъ этимъ обвинителямъ отвѣтилъ еще Салтыковъ въ эпоху нашей реакціи восьмидесятыхъ годовъ. «Въ послѣднее время многіе огульно обвиняли нашу интеллигенцію во всѣхъ неурядицахъ и неустройствахъ и предлагали противъ нея поистинѣ неслыханныя, по своей нелѣпости, мѣры... И никому не пришло на мысль сказать во всеуслышаніе хотя бы

умѣренное слово въ защиту интеллигенціи. Хотя бы то, напримѣръ, что единичные факты слѣдуетъ судить единично же; что обобщенія въ подобныхъ случаяхъ — неумѣстны и вредны; что, наконецъ если и можно забить интеллигенцію въ грязь,—что же тогда останется? Не будь интеллигенціи, мы не имѣли бы ни понятія о чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о человѣческомъ образѣ».

Иное отношеніе къ интеллигенціи мы наблюдаемъ въ прогрессивныя эпохи и въ нормально развивающихся странахъ. Тамъ ее не станутъ травить огуломъ; но у класса, выступившаго на арену общественной жизни позднѣе, можетъ явиться недовѣріе къ интеллигенціи предшествующаго класса и стремленіе создать свою собственную. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Англія, переживающая теперь, можетъ быть, самый серьезный кризисъ послѣ 1648 года. «Наша страна находится въ опасномъ положеніи вслѣдствіе соціальнаго потрясенія,—констатируетъ Уэльсъ въ только что выпущенной имъ брошюрѣ.— Недовольство рабочихъ массъ не только крайне сильно, но еще возрастаетъ. Быть можетъ, передъ нами начало настоящей и неотвратимой гражданской войны. Въ прошломъ году во время коронаціи мы были глубоко убѣждены въ необыкновенной устойчивости всего нашего соціальнаго зданія. Теперь для всѣхъ очевидно, что процессъ дезорганизаціи начался и распространяется. Безполезно утверждать, что рабочіе безпорядки могутъ быть разрѣшены простыми переговорами между обѣими сторонами и взаимными уступками. Мы не видимъ возможности разрѣшенія сложнаго вопроса простымъ соглашеніемъ. У насъ на глазахъ дѣйствуютъ новыя силы и нарождаются новыя требованія. И для всего этого есть только одинъ точный терминъ: «революція» *). Талантливый романистъ и проницательный соціологъ констатируетъ нарожденіе въ Англіи новаго рабочаго.

«До послѣдняго времени англійскій рабочій былъ существомъ съ крайне ограниченнымъ кругозоромъ, куда входили только практичныя идеи. Отсутствіе воображенія у англійскаго рабочаго, его узость и неспособность къ абстрактному мышленію приводили въ отчаяніе соціалистовъ и вообще проповѣдниковъ новыхъ теорій. Онъ отстаивалъ стачки, но только съ цѣлью опредѣленнаго увеличенія заработной платы или столь же опредѣленнаго сокращенія числа рабочихъ часовъ. Нынѣ дѣйствующую систему производства англійскій рабочій принялъ какъ нѣчто незыблемое, неизмѣнное. Онъ относился къ ней такъ же, какъ къ существованію земли или солнца». И вотъ теперь,—продолжаетъ Уэльсъ,—все измѣнилось. На смѣну старому поколѣнію рабочихъ явилось новое. И люди, въ рукахъ которыхъ находятся наша промышленность и государственныя дѣла, повидимому, еще не ура-

*) H. G. Wells, The Labour Unrest, p. p. 1—2.

зумѣли всю важность новаго явленія. Англійскій рабочій начинаетъ теперь устраивать безпримѣрныя стачки противъ всей промышленной системы и противъ основныхъ условій труда. Новыя стачки не имѣютъ опредѣленной, конкретной цѣли, какъ раньше. Прежнія стачки представляли собой форму сдѣлки, правда, неуклюжую и, порою, грубую. Новыя стачки являются не столько результатомъ желанія поторговаться съ предпринимателями, сколько взрывомъ темперамента. И прежде всего необходимо себѣ уяснить, что настроеніе рабочихъ классовъ радикально измѣнилось за послѣднее время... Англійскій рабочій можетъ думать теперь не только о своемъ пивѣ и о своей собакѣ. На смѣну старому рабочему явился человѣкъ, имѣющій глаза, хотя и не вполнѣ зоркіе; умѣющій критически относиться къ дѣйствительности, хотя судящій иногда поспѣшно и несправедливо. Нынѣшній рабочій читаетъ, обсуждаетъ и имѣетъ опредѣленные общіе взгляды. Въ умственномъ отношеніи онъ стоитъ теперь гораздо ближе къ командующему классу, чѣмъ къ рабочему какимъ онъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Современный политическій дѣятель или магнатъ промышленности не обладаютъ лучшимъ образованіемъ, чѣмъ ихъ предшественники полвѣка тому назадъ. Что же касается современнаго англійскаго рабочаго, то онъ анализируетъ тысячу такихъ вещей, которыя отецъ его принималъ безъ всякой критики, какъ нѣчто, существующее отъ вѣка и долженствующее пребывать такъ до окончанія міра.

«Въ числѣ прочихъ вопросовъ, современный англійскій рабочій постоянно задумывается надъ тѣмъ, почему это именно онъ обязанъ выполнять тяжелую, неинтересную, плохо оплачиваемую работу. Рабочій прежняго типа,—продолжаетъ Уэльсъ,—ссорился иногда съ хозяиномъ, но не возводилъ обвиненія противъ *всѣхъ* предпринимателей. Онъ принималъ законъ, государство и церковь именно за то, за что они выдавали себя. Прежній англійскій рабочій требовалъ только лишній шиллингъ или больше часомъ на отдыхъ. Дальше этого рабочій не шелъ. Новый рабочій, съ другой стороны, подвергъ суду всю соціальную систему и вынесъ ей обвинительный приговоръ. Онъ анализируетъ не только намѣренія, но и способности командующаго класса. Таковы новыя условія. Рабочій новой формаціи преисполненъ недовѣрія и подозрительности, что дѣйствуетъ на него деморализующимъ образомъ,—продолжаетъ Уэльсъ. Онъ напоминаетъ матроса, не довѣряющаго больше ни добросовѣстности, ни способности капитана. Руководимый отчаяньемъ и презрѣніемъ, матросъ настойчиво думаетъ о захватѣ корабля командою. Какъ это осуществить и что дѣлать съ захваченнымъ кораблемъ, матросъ не знаетъ. Рабочій похожъ также на солдата, одержимаго навязчивой идеей, что ничто, кромѣ смерти неспособнаго офицера, не можетъ спасти положенія дѣлъ. Подозрительность англійскаго рабочаго новой формаціи такъ велика, что онъ перестаетъ вѣрить не только въ предпринимателя, но

также и въ то, что законъ или парламентъ могутъ улучшить положеніе трудящихся массъ. Такимъ образомъ рабочій доходитъ до мысли объ общей стачкѣ, о преступной стачкѣ, если мы ее сдѣлаемъ таковою примѣненіемъ репрессивныхъ мѣръ *).

«Англійскіе рабочіе гораздо лучше могутъ опредѣлить свои жалобы, чѣмъ то, какимъ способомъ установить нормальныя отношенія»,—констатируетъ другой вдумчивый наблюдатель. «Они требуютъ болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ, чрезмѣрное накопленіе которыхъ наблюдаютъ постоянно. Рабочая плата остается неизмѣнной, хотя условія жизни становятся болѣе тяжелыми. Распространеніе образованія принесло съ собою расширеніе понятія о человѣческихъ правахъ. Рабочіе открыли, что они—сила» **), Наблюдатель отмѣчаетъ тотъ же фактъ, что и Уэльсъ, а именно—страшное недовѣріе новаго англійскаго рабочаго ко всему тому, что исходитъ отъ командующихъ классовъ, и, между прочимъ, недовѣріе къ парламенту. «Не надобенъ намъ парламентъ!—восклицаетъ Томъ Мэнъ, обращаясь къ ливерпульскимъ рабочимъ.—Сколько лѣтъ сидѣли въ парламентѣ представители отъ углекоповъ! А что они сдѣлали? Нѣтъ, мы сами теперь будемъ воевать! Общественную машину приводитъ въ движеніе трудъ рабочихъ, и рабочіе теперь остановятъ механизмъ до тѣхъ поръ, покуда ихъ требованіе не будетъ удовлетворено. И такимъ образомъ мы будемъ дѣйствовать, покуда трудъ заберетъ себѣ все, и покуда капиталъ перестанетъ существовать. Зачѣмъ намъ парламентъ?» Не довѣряя «капитану», «матросы» отрицательно относятся во всему тому, что слышали отъ него. Такимъ образомъ, между прочимъ, они пожимаютъ плечами, когда «капитанъ» говоритъ о патріотизмѣ. «Во имя патріотизма понижали нашу заработную плату и учили насъ ненавидѣть другъ друга. Патріотизмъ—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, при помощи которыхъ рабовъ заработной платы держатъ въ цѣпяхъ... Имъ говорятъ про любовь къ родинѣ? У нихъ нѣтъ ея. Про любовь къ знамени? Оно развѣвается не для нихъ. Про привязанность къ тому мѣсту, гдѣ они впервые увидѣли свѣтъ? Никто не любитъ трущобъ. Про радостныя воспоминанія, связанныя съ мѣстомъ дѣтскихъ игръ? Радостныя воспоминанія не могутъ быть связаны съ фабричнымъ поселкомъ. Говорятъ ли имъ про любовь къ материнскому языку? Они знаютъ только жаргонъ рабовъ, каждое слово котораго означаетъ утомительный трудъ или вынужденную праздность. Любовь къ расѣ? Капитализмъ заставилъ ихъ работать рядомъ съ людьми всякаго рода и подъ всѣми широтами. Рабы заработной платы стали космополитами» ***).

---

*) Ib., p. 4.

**) „Daily News", May 28.

***) »The Industrialist» (Органъ синдикалистовъ) May 1912, p. 5.

Невольно припоминаются слова Тиверія Гракха, приводимыя Плутархомъ. «Дикіе звѣри, бродящіе по Италіи, имѣютъ свои логовища и берлоги; но люди, которые сражаются и умираютъ за Италію, блуждаютъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, безъ дома, безъ крова. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ воздуха да солнечнаго свѣта. Когда передъ битвой полководцы убѣждаютъ ихъ сражаться за семейный очагъ и за могилы предковъ, они говорятъ—ложь. У несчастныхъ нѣтъ ни семейнаго очага, ни могилъ предковъ. Они сражаются и умираютъ, лишь чтобы защищать чужія богатства и роскошь». Любовь къ родинѣ и патріотизмъ—великія слова, не смотря на то, что захватаны грязными руками. Но нельзя требовать отъ только что прозрѣвшихъ рабовъ, спины которыхъ еще носятъ слѣды свѣжихъ рубцовъ, чтобы они приходили въ умиленіе отъ лозунговъ, которые покуда надобны только рабовладѣльцамъ и надсмотрщикамъ! Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что синдикалисты горько глумятся надъ однимъ изъ трогательныхъ англійскихъ гимновъ: «Впередъ, христовы воины»! Пародія гласитъ:

Onward, Christian Soldiers,
On to heathen lands,
Bibles in your pockets,
Rifles in your hands;
And if of your sermons
They be „having none",
Spread the „blessing tidings"
With the Maxim Gun!"

(Впередъ, Христовы воины! Ступайте въ страну язычниковъ съ библіями въ карманѣ и съ карабиномъ въ рукахъ. И если язычники не захотятъ вашихъ проповѣдей, распространяйте благую вѣсть при помощи пулеметовъ).

Друзья рабочаго класса въ Англіи указываютъ теперь крайнимъ отрицателямъ, что они абсолютно не правы, когда отвертываются даже отъ парламента. «Группированіе рабочихъ является отвѣтомъ на концентрацію капитала. Между двумя воюющими сторонами стоитъ парламентъ, представляя собою общественный порядокъ и экономическую справедливость. Онъ можетъ сдѣлать очень много для удаленія причинъ недовольства со стороны рабочихъ. Парламентъ уже осуществилъ такія реформы, какъ государственная пенсія для стариковъ и государственное страхованіе. Въ ближайшемъ будущемъ должна пройти реформа о возвращеніи земли народу. Но парламентъ на этомъ не долженъ остановиться. Передъ нимъ лежитъ трудная задача, заключающаяся въ томъ, что рабочимъ должна быть гарантирована прямая и болѣе справедливая доля въ производимыхъ богатствахъ» *).

Такой испытанный борецъ за права пролетаріата, какъ Кейръ-

*) „Daily News", May 28.

Гарди настоятельно совѣтуетъ рабочимъ использовать парламентъ. «Соціальная проблема не будетъ и не можетъ быть разрѣшена стачками, хотя бы даже онѣ приняли грандіозный интернаціональный характеръ,—говоритъ Кейръ-Гарди.—Опытъ послѣдняго времени доказалъ, что рабочимъ необходимо имѣть контроль надъ парламентомъ. Стачка только можетъ улучшить положеніе рабочихъ, но она никогда не поведетъ къ революціи. Стачечники могутъ подготовить почву для принятія билля о минимумѣ заработной платы; но только одинъ парламентъ можетъ націонализировать рудники, желѣзныя дороги и другія промышленныя предпріятія. Такимъ образомъ, политическая, парламентская дѣятельность можетъ быть революціонной, тогда какъ прямыя выступленія являются только палліативами. Грандіозная стачка можетъ помочь политической дѣятельности, но не въ состояніи замѣнить ее. Чтобы добиться свободы, рабочіе классы должны имѣть въ своихъ рукахъ государственную машину, т. е. парламентъ. Стачка же, хотя и имѣетъ воспитательное значеніе, не дѣлаетъ ничего для достиженія подобнаго контроля. Покуда у командующаго класса въ рукахъ военная и гражданская силы, онъ является хозяиномъ положенія. За него пресса, полиція, солдаты и судьи... Парламентъ, это—та цитадель, на захватъ которой демократія должна теперь направить всѣ свои силы» *).

Отмѣчу заодно чисто англійское отношеніе части верхне-среднихъ классовъ къ бурному броженію въ массахъ. На дняхъ состоялся въ Лондонѣ большой годичный банкетъ муниципальныхъ корпорацій подъ предсѣдательствомъ лорда Дерби. Гостями были видные консерваторы, какъ лордъ Чарльзъ Бересфордъ, сэръ Вильямъ Буль и др. Правительство было представлено на обѣдѣ министромъ земствъ и муниципалитетовъ. И когда сэръ Вильямъ Буль предложилъ тостъ «за министровъ его величества», представитель кабинета коснулся рабочихъ волненій. «Они существовали и будутъ существовать,—сказалъ министръ И, если бы волненія прекратились совершенно, то это былъ бы плохой признакъ для націи. Мы, англичане, всегда были націей недовольныхъ людей, народомъ, состоящихъ изъ ворчуновъ. По темпераменту и по уму мы представляемъ собою самый революціонный народъ въ мірѣ. Англичане наименѣе *военный*, но наиболѣе *воинственный* народъ на всемъ земномъ шарѣ. Та нація, рабочіе которой не устраиваютъ болѣе стачекъ, умираетъ. Нація, рабочіе которой довольствуются тремя пенсами въ день, не могла бы захватить весь міръ, какъ это сдѣлали мы, прогрессировать и увеличиваться въ силѣ».

Вы видите, что такому народу, который такъ смотритъ на бурное броженіе въ массахъ, рано читать отходную. Во всякомъ слу-

---

*) „The Lessons of the Strike“; „Socialist Review“, May, 1912.

чаѣ, теперь на землѣ нѣтъ націи, которой придется пѣть надъ скончавшимся отъ внутреннихъ неурядицъ Джономъ Булемъ: «Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи!»

II.

Параллельно съ недовѣріемъ новаго англійскаго рабочаго ко всѣмъ кодексамъ командующаго класса, мы наблюдаемъ также недовѣріе къ интеллигенціи. Когда англійскіе средніе классы находились въ динамическомъ состояніи, значительная часть интеллигенціи, такъ или иначе, склонна была переоцѣнивать существующія цѣнности. Въ то время англійская мысль ширяла орломъ. Наука сдѣлала поразительныя завоеванія. Достаточно назвать Ляйеля, Дарвина и Уоллэса. Англійское общество внимательно слѣдило за соціальными опытами Роберта Оуэна. Герценъ, излагая дѣятельность великаго соціальнаго реформатора, говоритъ: «Онъ до того увлекся, что вдругъ сталъ проповѣдывать устрицамъ, чтобы они взяли свои раковины и пошли за нимъ. Устрицы обидѣлись и сочли его *анти-молюскомъ*, т. е. безнравственнымъ въ смыслѣ раковинной жизни и прокляли его». Но это было уже впослѣдствіи, а сперва всѣхъ увлекалъ опытъ въ Нью-Лэнеркѣ, и кто только не находился въ рядахъ восторженныхъ поклонниковъ Роберта Оуэна!

Вся англійская интеллигенція въ то время привѣтствовала народности, возставшія противъ своихъ угнетателей. Гарибальди оказанъ былъ въ ноябрѣ 1864 года въ Лондонѣ совершенно безпримѣрный пріемъ. «Трубы. Является идолъ массъ, единственная, великая народная личность нашего вѣка, выработавшаяся съ 1848 г. является во всѣхъ лучахъ славы. Все склоняется передъ ней, все ее празднуетъ, это очью совершающееся hero worship Карлейля. Пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ, вымпела на корабляхъ». (Изъ статьи А. И. Герцена «Camicia Rossa»). Въ то время не было, кажется, ни одного сколько-нибудь крупнаго англійскаго поэта, который не писалъ бы гимновъ въ честь революціи. Дизраэли, ни раньше, ни позже не писавшій стиховъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ уже вполнѣ сложившимся торійскимъ вождемъ, написалъ, однако, поэму, и въ этой единственной поэмѣ своей воспѣлъ свободу, добытую съ оружіемъ въ рукахъ. Наиболѣе видные представители интеллигенціи, какъ Морисъ, какъ Кингсли и др., посвящали себя всецѣло интересамъ трудящихся массъ. Затѣмъ эпоха подъема кончается; средніе классы приходятъ въ статическое состояніе, и значительная часть интеллигенціи начинаетъ невольно тяготѣть къ тому классу, изъ котораго вышла. Въ началѣ XX вѣка проф. Дайси одобрительно констатировалъ «исчезновеніе иллюзій» въ англійскомъ обществѣ.

Когда англійскіе средніе классы перешли въ статическое состояніе, среди нихъ нашлась небольшая группа соціалистически мыслящей интеллигенціи, а, въ самое послѣднее время рабочіе классы стараются создать свою собственную интеллигенцію.

«Перерой внимательный читатель всѣ газеты и журналы за десять лѣтъ, отъ 1873—1883 года, онъ врядъ ли нашелъ бы въ нихъ хотя бы упоминаніе про соціализмъ, — говоритъ секретарь Фабіанскаго общества, Эдуардъ Писъ *).—Робертъ Оуэнъ, первый употребившій въ Англіи слово *соціализмъ*, тогда уже давно отошелъ, а общества, созданныя имъ, распались. Производительныя общества, созданныя христіанскими соціалистами, были забыты. Теорія индивидуализма властвовала надъ умами, и молодые радикально мыслящіе интеллигентные люди увлекались позитивной философіей Конта. Если въ ихъ умахъ возникало сомнѣніе, то только относительно того, могутъ ли они, вмѣстѣ съ Конгривомъ, молиться человѣчеству каждое воскресенье?»

Въ 1883 году первыя зерна новаго міровоззрѣнія были занесены въ Англію изъ Америки. Удивительно, что Марксъ, прожившій много лѣтъ въ Англіи, не создалъ здѣсь сколько-нибудь сильнаго движенія среди англійской интеллигенціи. Маркса въ Англіи сталъ впервые проповѣдывать Хайндмэнъ, образовавшій партію чистыхъ марксистовъ, которая, собственно говоря, состояла изъ него самого. Громадное впечатлѣніе на умы молодежи за то произвела книга Генри Джорджа. Хотя она, по авторитетному приговору современныхъ экономистовъ, была «full of bad economics» (полна плохихъ экономическихъ ученій) но она захватила англійскую молодежь страстностью тона и вѣрой въ то, что государство можетъ сдѣлать все въ вопросѣ о бѣдности и богатствѣ. Надо помнить, что англійская радикальная молодежь воспитывалась тогда на теоріяхъ о полномъ невмѣшательствѣ государства въ состязаніе между предпринимателями и рабочими. Затѣмъ сильное впечатлѣніе на молодежь произвелъ проф. Томасъ Дэвидсонъ, посѣтившій въ 1883 году Лондонъ. То былъ визіонеръ и мистикъ, соединившій въ себѣ, съ этимъ направленіемъ ума, какъ и другіе американскіе мистики, практичнаго, необыкновенно дѣловитаго янки. Дэвидсонъ проповѣдывалъ новый земной рай, представлявшій собою не то фаланстерій, не то Телэмское аббатство, какъ его описалъ Раблэ. Въ то время въ Англіи возникала соціалъ-демократическая федерація, основанная Хайндмэномъ; но на университетскую молодежь произвелъ сильное впечатлѣніе Томасъ Дэвидсонъ. Подъ его вліяніемъ она заинтересовалась соціализмомъ и сгруппировалась въ Фабіанское общество.

Около того же времени въ Лондонѣ возникъ Демократическій клубъ, просуществовавшій до 1896 года и сыгравшій извѣстную роль въ исторіи англійской интеллигенціи того времени. «Въ Демократиче-

---

*) „The Fabian Society and its work“; „T. P.'s Magazine“, 1911, II.

скомъ клубѣ,—говоритъ Джозефъ Бергесъ, засѣдали тѣ смѣлые молодые умы, которые готовы были немедленно взяться управлять чѣмъ угодно: Times'омъ, Британскимъ флотомъ, судьбами имперіи или человѣчества. И увы! Въ комитетѣ находились люди, которые, хотя стремились диктовать свои условія міру, не въ состояніи были бы вести даже маленькую лавочку *). Отзывъ очень ядовитый, хотя врядъ ли вполнѣ вѣрный. Къ клубу принадлежалъ, напр., извѣстный въ свое время адвокатъ Томсонъ, который до самой смерти своей редактировалъ «Reynolds's Newspaper». Въ молодые годы одно время членомъ клуба былъ Хольдэнъ,—нынѣ лордъ Хольдэнъ, военный министръ и членъ кабинета. Но Демократическій клубъ захватывалъ, главнымъ образомъ, революціонно настроенныхъ иностранцевъ, попавшихъ въ Лондонъ, а не англійскую интеллигентную молодежь. «Насъ, молодыхъ людей, слушавшихъ осенью 1883 года лекціи профессора Дэвидсона, было человѣкъ двѣнадцать, не больше. Послѣдняя лекція была въ пятницу. И когда профессоръ уѣхалъ, мы рѣшили собраться черезъ недѣлю въ тотъ же день, чтобы обсудить вопросы, поднятые Дэвидсономъ. Съ тѣхъ поръ Фабіанское общество собирается по пятницамъ и будетъ собираться, покуда не прекратится... Мы представляли собою группу молодыхъ, университетски образованныхъ людей, изъ которыхъ никто не былъ очень богатъ или аристократическаго происхожденія. Всѣхъ насъ объединяло серьезное отношеніе къ дѣлу и стремленіе проникнуть «до самаго корня». Такъ разсказываетъ Писъ. Вскорѣ въ молодомъ обществѣ произошелъ расколъ, отдѣлившій «мистиковъ» отъ «экономистовъ». Прямые послѣдователи Дэвидсона рѣшили образовать Братство взыскующихъ. Они устроили свою колонію близъ Кройдона (подъ Лондономъ), желая личной жизнью показать, что рай на землѣ возможенъ. «Братство взыскующихъ поселилось въ прозаическомъ предмѣстьѣ и старалось воспитывать въ новомъ духѣ своихъ дѣтей. Оно издавало трехмѣсячникъ «Посѣвъ» и продержалось около 10—12 лѣтъ, а затѣмъ мирно скончалось».

«Экономисты» рѣшили, что никакимъ личнымъ совершенствованіемъ невозможно устранить зло на землѣ, а надобно убѣдить всѣхъ окружающихъ, что положеніе дѣлъ ненормально. Такъ какъ всѣ молодые люди принадлежали къ верхне-среднимъ и обезпеченнымъ классамъ, то у реформаторовъ было время ждать. «Мы взяли себѣ образцомъ полководца Фабія Кунктатора, спасшаго тѣмъ, что умѣлъ ждать, Римъ отъ Аннибала. Мы рѣшили, что примемся за дѣло только тогда, когда въ совершенствѣ изучимъ его и точно будемъ знать, какъ поступать. Мудрецъ подгоняетъ исторію, науку и метафизику сообразно своимъ потребностямъ. Эта философія теперь называется прагматизмомъ; но въ то время — продолжаетъ Писъ, — слово еще не было извѣстно. Нашимъ исповѣданіемъ

*) J. Burgess, The Rise and Progress of a Right Honourable, p. 32.

тѣмъ не менѣе, былъ прагматизмъ». Молодое общество выпустило свой «манифестъ», составляющій теперь № 1 въ интересной серіи «Fabian Tracts». Манифестъ озаглавленъ:

«Почему люди бѣдны?»

«Мы живемъ въ обществѣ, основанномъ на конкурренціи, въ которомъ капиталъ находится въ частныхъ рукахъ,—читаемъ мы въ манифестѣ—каковы результаты? Очень немногіе богаты, нѣкоторые зажиточны, большинство бѣдно, а массы прозябаютъ въ нищетѣ.

«Справедлива ли, разумна ли эта система? Достойна ли она человѣчества? Можемъ ли мы улучшить ее?

«До настоящаго времени вся эта система не была осуждена отчасти только потому, что мы охотно миримся со всѣмъ установленнымъ, а отчасти вслѣдствіе невѣжества и непониманія причинъ всѣхъ бѣдствій.

«Система, основанная на соперничествѣ, предоставляющая каждому бороться противъ всѣхъ и дающая возможность немногимъ воспользоваться всѣми общественными богатствами,—является продолженіемъ порядка, сложившагося въ вѣка открытаго и грубаго насилія. Къ этому порядку система прибавила рядъ такихъ низкихъ дѣлъ, что нѣтъ даже словъ для осужденія ихъ».

Дальше излагаются основы соціалистическаго ученія. Что же нужно дѣлать теперь? Манифестъ заканчивается отвѣтомъ, крайне характернымъ для фабіанцевъ.

«Напрасно вы будете учить въ вашихъ школахъ и проповѣдывать въ церквахъ! До тѣхъ поръ, покуда слѣпой идолъ соперничества не будетъ сброшенъ, и до тѣхъ поръ, покуда капиталъ будетъ пребывать въ частныхъ рукахъ, — страданія человѣчества не уменьшатся.

«Вы, живущіе въ роскоши, вспомните, что ваше благоденствіе и досугъ куплены цѣною чужихъ страданій. У васъ есть излишества, потому что другіе бѣдны. Мы хотимъ вѣрить, что человѣческія чувства не выжжены въ васъ золотомъ, доставшимся по наслѣдству. Отрекитесь отъ вашихъ излишествъ и помогите намъ.

«Вы, которые страдаете, обдумайте все сказанное выше. Помогите осуществленію системы, которая только одна можетъ помочь вамъ. Наступаетъ время, когда капиталъ можетъ быть сдѣланъ общественной собственностью. Теперь вполнѣ возможно, чтобы онъ содѣйствовалъ благосостоянію не отдѣльныхъ индивидуумовъ, а всего общества. Ваше содѣйствіе можетъ сдѣлать это. Безъ вашей помощи ничего не выйдетъ. Рычагъ находится въ вашихъ рукахъ. Отъ васъ зависитъ найти точку опоры и пустить рычагъ въ дѣйствіе. И если вы этого не сдѣлаете, то вы и ваши дѣти останутся жертвами конкурренціи и капитализма. Вы всегда будете бороться и вѣчно будете бѣдны» *).

** „Fabian Tracts", № 1, стр. 1--.3

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ «манифестъ» оставался единственнымъ плодомъ дѣятельности фабіанцевъ. Общество было типично «интеллигентское». Очень долго единственнымъ знакомымъ фабіанцевъ среди рабочихъ былъ маляръ. Такимъ образомъ, фабіанцамъ приходилось теоретически представлять себѣ трудящіяся массы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ обществу присоединился «поджарый, сильно нуждавшійся, поразительно остроумный молодой журналистъ, только что прибывшій въ Лондонъ изъ Ирландіи». То былъ Бернардъ Шоу, тогда никому неизвѣстный, вырабатывавшій въ мало распространенной газетѣ нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю.

Бернарду Шоу поручено было обществомъ написать памфлетъ. Такимъ образомъ, появилась «Брошюра № 2», представляющая теперь большую библіографическую рѣдкость, такъ какъ фабіанцы не перепечатываютъ ее. Фабіанскія брошюры написаны академическимъ стилемъ, но «Tract № 2» отличается всѣми особенностями остроумія Бернарда Шоу. «Единственнымъ результатомъ того, что земля и капиталъ находятся въ частныхъ рукахъ, является раздѣленіе общества на два враждебныхъ класса. Одинъ обладаетъ громаднымъ аппетитомъ, но не имѣетъ обѣда для удовлетворенія его. Другой имѣетъ большой обѣдъ, но не обладаетъ аппетитомъ для поглощенія его», — читаемъ мы въ этой брошюрѣ. Бернардъ Шоу доказываетъ, что государство должно соперничать съ отдѣльными индивидуумами, «а въ особенности съ родителями», въ доставленіи дѣтямъ «home», гдѣ они были бы счастливы. «Такимъ образомъ, — продолжаетъ Бернардъ Шау, — каждый ребенокъ имѣлъ бы убѣжище отъ тираніи и невѣжества его естественныхъ опекуновъ». «Мужчины не нуждаются теперь больше въ спеціальныхъ политическихъ привилегіяхъ для защиты отъ женщинъ. Такимъ образомъ, наступила пора, когда оба пола могутъ пользоваться одинаковыми политическими правами». «Пожизненное пользованіе національными землей и капиталомъ является привилегіей каждаго индивидуума». Эти взгляды, выраженные впервые въ «Брошюрѣ № 2», Бернардъ Шоу впослѣдствіи развивалъ въ своихъ пьесахъ и въ предисловіяхъ къ нимъ.

Бернардъ Шоу, оставшійся до настоящаго момента фабіанцемъ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей «пятницъ» этого общества, былъ для него слишкомъ оригиналенъ и слишкомъ блестящъ. Скоро къ обществу присоединился новый дѣятель, ставшій вождемъ его и Атласомъ всего фабіанства въ Англіи. Я говорю, про ученаго и дѣловитаго Сиднея Вебба. «Онъ присоединился къ намъ въ 1885 году, — говоритъ Писъ въ цитированной уже журнальной статьѣ. — Сидней Веббъ служилъ тогда чиновникомъ въ Министерствѣ колоній. У него еще не было такой увѣренности, какъ теперь, но и тогда онъ насъ поражалъ энциклопедичностью своихъ знаній и массой фактическихъ свѣдѣній. Все то, что онъ

говорилъ, Сидней Веббъ могъ обосновать такимъ множествомъ фактовъ, что мы прямо стушевывались передъ нимъ. Намъ оставалось только дѣйствовать по его указанію». До появленія Сиднея Вебба фабіанцы не знали, что собственно надо дѣлать. Они издали четыре брошюры, изъ которыхъ перепечатываютъ теперь только первую. «Tract № 4», называвшійся «Что такое соціализмъ?», былъ направленъ противъ анархизма. Но фабіанцы прибѣгли къ довольно любопытному методу опроверженія: они напечатали рядомъ ученія коллективистовъ и анархистовъ, предоставивъ читателямъ самимъ разобраться.

Когда явился Сидней Веббъ, онъ сразу нашелъ, что надо дѣлать.«Необходимы факты, факты и факты»,—сказалъ онъ. И чтобы показать, каковы должны быть брошюры фабіанскаго общества, Сидней Веббъ написалъ дѣйствительно хорошій «Tract № 5», выдержавшій уже одиннадцать изданій. Брошюра называется «Факты для соціалистовъ, заимствованные у экономистовъ и статистиковъ». Мы имѣемъ тутъ, прежде всего, вычисленіе національнаго дохода. Тутъ цитированы сэръ Луисъ Маллетъ, проф. Леонъ Леви, Гиффенъ, Мюльхоль и проф. Маршаль. Затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ трудовъ великихъ экономистовъ, доказывающія, что трудъ—единственный производитель національныхъ богатствъ. Путемъ такихъ же авторитетныхъ выдержекъ демонстрируется неправильное распредѣленіе цѣнностей: производители получаютъ только жалкія крохи, недостаточныя на жизнь, тогда какъ праздные классы имѣютъ все. Выясняется, какъ образуется рента, и кому она идетъ. Ссылаясь на Милля и на Мюльхоля, Сидней Веббъ показываетъ, что въ Англіи живутъ двѣ націи: богатые и бѣдные, поглотители и производители. Когда-то еще Шелли выяснялъ ту же мысль въ знаменитомъ стихотвореніи.

„The seed ye sow another reaps;
The wealth ye find another keeps;
The robes ye weave another wears;
The arms ye forge another bears“ *).

Хлѣбъ который вы сѣете, другой жнетъ; богатства, которыя вы находите, другой хранитъ; платья, которыя вы ткете, другой носитъ; оружіемъ, которое вы куете, другой владѣетъ).

Въ фабіанской брошюрѣ та же мысль выражена въ цифрахъ и въ діаграммахъ.

Потомъ въ брошюрѣ выясняется, что между «двумя націями» происходитъ вѣчная борьба. Тезисъ этотъ подтвержденъ выдержками изъ такихъ признанныхъ въ Англіи авторитетовъ въ области политической экономіи, какъ Фаусетъ, профессоръ Кэрнсъ, Уокеръ и др. Борьба, какъ всякая война, даетъ безконечное число жертвъ.

*) «Song—to the Men of England».

По преимуществу, страдаетъ одна сторона. Борьба «націй»—своего рода война между англичанами, вооруженными пулеметами, и неграми, имѣющими только стрѣлы и копья.

Брошюра заканчивается объясненіемъ способовъ, какъ помочь злу. Приведены три выдержки: изъ «Политической экономіи», Милля, «Притязаній рабочихъ» Фоксуэля и «Исторіи политической экономіи» Ингрэма. Изъ Милля взяты слѣдующія строки: «Промышленный міръ страдаетъ больше всего не отъ соперничества, а отъ подчиненія труда капиталу, отъ того, что владѣльцы орудій производства могутъ брать себѣ самую крупную долю».

Сидней Веббъ занялся, по преимуществу, разработкой вопроса: что можно сдѣлать теперь, немедленно, при нынѣшнемъ строѣ. Какія реформы, проведенныя въ парламентѣ подъ вліяніемъ фабіанцевъ, могутъ содѣйствовать соціализаціи Англіи? «Только со временемъ будетъ оцѣнено все то, чѣмъ соціалистическое движеніе обязано Сиднею Веббу,—говоритъ Писъ.—До него соціализмъ былъ готовой, законченной, сухой схемой, которая должна быть введена во всѣхъ странахъ на другой день послѣ соціальной революціи. Въ сороковыхъ годахъ высчитывалось, что революція эта, произведенная возставшимъ пролетаріатомъ, случится около 1889 года. Пролетаріатъ добьется побѣды, согласно предсказаніямъ, на баррикадахъ. Очень можетъ быть, что сами вожди не вѣрили въ возможность наступленія соціалистическаго строя на другой день послѣ революціи; но такъ именно предсказывали лекторы. Фабіанцы даже въ первыхъ своихъ брошюрахъ никогда прямо не утверждали, что соціалистическій строй можетъ наступить немедленно, но они все-таки предпочитали осторожно обходить этотъ вопросъ...

Когда Сидней Веббъ явился, онъ прежде всего потребовалъ фактовъ. Послѣ упомянутой уже брошюры онъ написалъ другую: „Факты для жителей Лондона“ (теперь «Tract, № 10»). Она вся состоитъ изъ цифръ и діаграммъ. Мы узнаемъ, какъ велика бѣдность въ громадной метрополіи *), сколько населеніе платитъ лэндлордамъ, какъ велико «незаработанное приращеніе», сколько городъ расходуетъ на воду, газъ, трамваи и полицію; мы узнаемъ, сколько выиграло бы населеніе, будь націонализированы водопроводы, трамваи и газовые заводы **). Въ дальнѣйшихъ своихъ

*) «Лондонъ теперь (въ 1887 году) имѣетъ 4.300.000 жителей, изъ которыхъ 300.000 зарабатываютъ меньше 18 шил. въ недѣлю и, поэтому живутъ въ вѣчной нуждѣ.

«Одна восьмая населенія умретъ въ рабочемъ домѣ или въ больницѣ при рабочемъ домѣ. Изъ каждыхъ шестнадцати жителей одинъ—пауперъ.

«Изъ всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ народныя школы, 43.000 отправляются туда безъ завтрака.

«Болѣе 30.000 человѣкъ не имѣетъ другого пристанища, кромѣ ночлежнаго дома или ночлежки при рабочемъ домѣ».

**) Водопроводы теперь муниципализированы, нѣкоторые трамваи

брошюрахъ Сидней Веббъ развивалъ, что соціализмъ не представляетъ собою систему, которая будетъ введена сразу, когда увѣруютъ въ нее. Передъ нами, напротивъ, цѣлая серія постепенныхъ перемѣнъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности, быть можетъ, незамѣтна даже. Сидней Веббъ доказываетъ, что уже и теперь мы всюду видимъ газовые заводы и водопроводы, принадлежащіе городу, а не частнымъ комиссіямъ. Улицы, парки, библіотеки, музеи, картинныя галлереи и рынки тоже принадлежатъ всему населенію. Мы видимъ рядъ соціалистическихъ реформъ, осуществляемыхъ какъ либеральными, такъ и консервативными министерствами. Фабіанцы должны стремиться къ тому, чтобы парламентъ возможно больше проводилъ такихъ реформъ.

«Таковъ новѣйшій англійскій соціализмъ, открытый фабіанцами въ промежутокъ времени отъ 1885—1890 годъ. Этотъ практическій, конституціонный и эволюціонный соціализмъ фабіанскіе лекторы пропагандировали въ 1891—1892 годахъ во всѣхъ радикальныхъ лондонскихъ клубахъ, въ залахъ кооперативныхъ обществъ и на мѣстныхъ собраніяхъ Либеральной Ассоціаціи». Фабіанское общество тогда насчитывало не болѣе 200 членовъ, но мы видимъ тутъ рядъ выдающихся людей. И, конечно, только въ Англіи при ея почти идеальной гражданской свободѣ и терпимости къ чужому мнѣнію возможны слѣдующіе факты. Цѣлый рядъ фабіанцевъ, какъ Граамъ Уоллэсъ, Сидней Веббъ и др., состоятъ на правительственной службѣ. Одинъ изъ фабіанцевъ, состоящій въ обществѣ со времени основанія его,—Сидней Оливеръ (теперь сэръ Сидней Оливеръ), занимаетъ постъ губернатора на Ямайкѣ. Интереснѣе всего то, что назначенъ онъ туда былъ консервативнымъ министерствомъ. Всѣ фабіанцы и много другихъ соціалистовъ устроили большой банкетъ своему уѣзжающему товарищу. Въ началѣ девяностыхъ годовъ къ фабіанцамъ присоединилась г-жа Безантъ. Она увлеклась соціализмомъ, какъ раньше увлекалась матеріализмомъ и неомальтузіанствомъ. Черезъ пять лѣтъ г-жа Безантъ ушла отъ фабіанцевъ въ область теософскихъ тумановъ.

Соціалистически мыслящая интеллигенція выпустила, кромѣ брошюръ, нѣсколько книжекъ. Наиболѣе интересенъ коллективный трудъ семи фабіанцевъ (Бернарда Шоу, Граама Уоллэса, Сиднея Вебба и др.) «Fabian Essays in Socialism». Надо упомянуть про характерные рисунки талантливаго художника Уолтера Крэна, тоже состоящаго членомъ фабіанскаго общества.

«Фабіанскія брошюры знаменуютъ новую эру въ исторіи англійскаго соціализма,—говоритъ не безъ основанія Писъ. Впервые большая публика начала понимать, что такое, дѣйствительно, соціализмъ. До тѣхъ поръ онъ казался темной и непонятной вѣрой, облеченной въ

тоже принадлежатъ уже городу; но всѣ газовые заводы въ Лондонѣ находятся еще въ частныхъ рукахъ.

невозможный жаргонъ. Впервые (?!) раздалась ясная и вполнѣ понятная рѣчь. Средній обыватель увидалъ, что соціалисты проповѣдуютъ не утопію, а нѣчто совершенно понятное и практичное. Теперь Фабіанское общество имѣетъ болѣе 2.000 членовъ. Какъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, всѣ они, по преимуществу вышли изъ рядовъ интеллигенціи. Мы видимъ тутъ всѣмъ извѣстныхъ литераторовъ (Бернардъ Шоу, Гренвиль Баркеръ, г-жа Несбитъ, Чіоза Моней; до послѣдняго времени фабіанцемъ былъ также Уэльсъ, но теперь онъ не только ушелъ, но окарrикатурилъ супруговъ Веббъ и другихъ видныхъ фабіанцевъ въ своемъ романѣ «*Анна Вероника*»), общественныхъ дѣятелей, крупныхъ коммерсантовъ (напр., Джозефъ Фелсъ) и священниковъ. Среди нихъ нѣкоторые, какъ напр., Стопфордъ Брукъ или докторъ Кэмпбель, замѣчательны, какъ смѣлые религіозные реформаторы. Кромѣ центральнаго общества, существуютъ еще отдѣленія въ Лондонѣ въ провинціи и въ колоніяхъ. Тутъ тоже членами, главнымъ образомъ, состоятъ интеллигенты. Въ извѣстные дни они собираются, чтобы обсудить детально проектъ какого-нибудь билля, или для выясненія такого вопроса, какъ желѣзнодорожная тракція въ соціалистическомъ обществѣ. При «отдѣленіяхъ» существуютъ такъ называемыя «дѣтскія» (Fabian Nursery). Въ нихъ собирается молодежь 20—21 года, желающая выработать себѣ соціалистическое міровоззрѣніе. «Первое поколѣніе, посѣщавшее «дѣтскія», теперь переженилось»,—коротко, но знаменательно отмѣчаетъ одинъ историкъ фабіанскаго общества. Многія реформы, намѣченныя фабіанцами двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь стали закономъ. Таковы государственное страхованіе, отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ, государственная пенсія для стариковъ и т. д.

III.

Фабіанцы обслуживали рабочихъ вмѣстѣ съ другими интеллигентными соціалистами. Правда, изъ рабочихъ тоже выходили интеллигентные дѣятели, но они представляли собою не классъ. И вотъ въ самое послѣднее время англійскіе рабочіе пытаются создать свою собственную интеллигенцію. Мнѣ приходилось уже писать много разъ про то, какъ зародилось нынѣшнее бурное броженіе среди англійскихъ рабочихъ. Отличительной чертой настроенія ихъ является теперь глубокое недовѣріе ко всему тому, что создали средніе классы. «Они ничего не понимаютъ, даже когда относятся благожелательно къ рабочимъ»,—говоритъ Хобартъ (рабочій).—Та среда, въ которой живутъ писатели, вышедшіе изъ среднихъ классовъ, не даетъ имъ возможности получить правильное представленіе о трудящихся массахъ. Натуралистъ посвящаетъ полжизни на то, чтобы изучить, какъ живетъ и чѣмъ питается,

какое-нибудь микроскопическое насѣкомое. Геологъ будетъ рыть, дробить и просѣвать тонны камней, чтобы рѣшить вопросъ о какой-нибудь ископаемой устрицѣ. Историкъ раскопаетъ цѣлую гору книгъ и перероетъ груду запыленныхъ документовъ, чтобы прослѣдить родословную какого-нибудь королевскаго дома. Но когда приходится писать о жизни рабочихъ, то считается вполнѣ достаточнымъ получасовое посѣщеніе коттеджа. И тотъ писатель, который побывалъ раза два въ рабочемъ коттеджѣ, съ скромной гордостью выставляетъ въ подзаголовкѣ своей статьи «One who knows» (сообщеніе человѣка, который знаетъ).

По мнѣнію Хобарта, писатели, принадлежащіе къ среднимъ классамъ, неправы не только тогда, когда обобщаютъ свои мимолетныя наблюденія надъ рабочими, но и тогда, когда пишутъ о нихъ, беря исходнымъ пунктомъ знаніе человѣка вообще. Правда, и интеллигентъ, и рабочій—люди, но между ними такая же разница, по мнѣнію Хобарта, какъ между птицей въ клѣткѣ и птицей въ лѣсу. «Вообще человѣкъ изъ среднихъ классовъ живетъ, чтобы ѣсть, — утверждаетъ нашъ авторъ,—рабочій же ѣстъ, чтобы жить. Интеллигентъ подгоняетъ платье къ своему тѣлу, тогда какъ рабочій подгоняетъ тѣло къ готовому платью. Интеллигентъ строитъ и отдѣлываетъ домъ сообразно своему вкусу и понятію о комфортѣ. Рабочій подчиняетъ свой вкусъ и представленіе о комфортѣ содержанію кошелька» *). «Эта разница замѣтна рѣшительно во всемъ, и ни одинъ писатель до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не раскрылъ вполнѣ того, какъ живетъ рабочій, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Хобартъ.—Я хочу это сдѣлать теперь». Велико должно быть недовѣріе къ интеллигенціи, если однимъ взмахомъ пера отрицается посвященная жизни рабочихъ громадная литература, въ которой имѣются романы Фильпота, поэмы Брэдфорда, драмы Голсуорти, лэди Катерины Блэкъ и Гренвиля Баркера, изслѣдованія Раунтри и Чарльза Бузса и т. д.

Раньше было не мало лекторовъ и агитаторовъ-рабочихъ. Всѣ они почти безъ исключенія являлись повторителями формулированныхъ чужихъ мыслей и распространителями фактовъ, собранныхъ другими. Всѣ партіи, отъ рабочей до консервативной, издали спеціальныя руководства для такихъ ораторовъ. Рабочая партія, напр., выпустила книгу «The Case for the Labour Party», начиненную фактами, касающимися государственной машины, общества, промышленности и т. д. Рядомъ съ фактами — характерныя выдержки изъ рѣчей либеральныхъ или консервативныхъ вождей и тѣ цитаты, которыя постоянно повторяются газетами и читателями, цитаты, имѣющія нѣчто общее съ сильно стертой серебряной монетой: никто не помнитъ, кто ее ему сдалъ, и рѣдко кто стѣсняется

*) H. W. Hobart, «Revelations of Industrial Life»; «English Review», June, 1912, p. p. 472—473.

сбыть ее другому. Консерваторы, въ свою очередь, по такому же плану составили книжку для своихъ ораторовъ - рабочихъ (то обыкновенно «свободные рабочіе», т. е. не состоящіе въ трэдъ-юніонѣ): «The Case Against the Labour-Socialist Party». Въ книжкѣ напирается на то, что трэдъ-юніоны «распадаются» вслѣдствіе бунта рядовыхъ сочленовъ противъ вождей, обусловленнаго распространеніемъ соціалистическаго ученія *). Затѣмъ, конечно, мы находимъ старыхъ знакомыхъ: обвиненія соціалистовъ въ безбожіи и въ стремленіи разрушить семью.

Книжки подобнаго рода имѣютъ особую удобную форму, чтобы ихъ можно было держать во время рѣчи за спиной, заложивъ пальцемъ ту страницу, которую придется цитировать.

Новымъ рабочимъ понадобилась собственная интеллигенція, которая могла бы, между прочимъ, самостоятельно собрать факты, обработать ихъ и сдѣлать соотвѣтственные выводы. Появилась надобность въ новыхъ вождяхъ, такъ какъ вслѣдствіе причинъ, которыя я объяснялъ уже въ другихъ статьяхъ, рядовые трэдъ-юніонисты отказались слѣдовать за вождями прежняго типа. Вотъ, напр., типичный случай, какъ онъ разсказанъ въ «Times'ѣ». «Шестого іюня 1910 года на конференціи всѣхъ трэдъ-юніоновъ обращено было вниманіе на тотъ серьезный фактъ, что, несмотря на договоры между предпринимателями и рабочими, произошло тридцать пять стачекъ. Двадцать восемь изъ нихъ были начаты рабочими, принадлежащими къ обществу котельниковъ. Двадцать стачекъ, начатыхъ съ нарушеніемъ договора, были очень серьезны. Что же касается мелкихъ забастовокъ, начатыхъ тоже съ нарушеніемъ договора, то имъ нѣтъ числа. Было указано, что договоры съ предпринимателями приняты коллективно всѣми рабочими на верфяхъ, а потому должны соблюдаться» **). Выяснилось, что стачки были начаты вопреки совѣту вождей. Рабочій-коммонеръ Снаудэнъ констатируетъ, что большинство трэдъ-юніонистовъ сочувствуетъ тѣмъ товарищамъ, которые начинаютъ стачку, не считаясь ни съ договорами, ни съ совѣтами вождей. «Все это доказываетъ,—продолжаетъ Снаудэнъ,—что трэдъ-юніонизмъ въ Англіи

---

*) Въ книжкѣ приведена выдержка изъ рѣчи рабочаго депутата Чарльза Фенуика: «Страшнѣе всего для трэдъ-юніоновъ теперь—нарушеніе субординаціи, которое наблюдаемъ въ каждомъ отдѣлѣ. Рабочіе выбираютъ своихъ вождей, но не довѣряютъ имъ и въ важныхъ случаяхъ отказываются подчиняться распоряженіямъ. И если такъ будетъ продолжаться дальше, если вожди не будутъ имѣть довѣрія рядовыхъ рабочихъ, то секретарямъ останется только выйти въ отставку. (Голосъ среди слушателей рабочихъ: „Они не уйдутъ!"). Коллективный договоръ, установленіе котораго намъ обошлось такъ дорого, разрушенъ теперь вслѣдствіе непризнаванія субординаціи. И если дѣло такъ будетъ идти дальше, то трэдъ-юніоны переживутъ страшный крахъ». Выдержка эта, дѣйствительно характерна для рабочаго вождя стараго типа.

**) „Times", Sept. 5, 1910.

переживаетъ серьезный кризисъ. Если бы еще можно было вѣрить, что только котельники нарушаютъ договоръ, тогда положеніе дѣла было бы не такъ серьезно. Но этого утѣшенія у насъ нѣтъ. Въ былое время котельники представляли собою наиболѣе дисциплинированный союзъ. Что же можно ждать отъ менѣе организованныхъ трэдъ-юніоновъ? Отрицаніе субординаціи наблюдаемъ всюду. Новые лекторы такъ много говорили рабочимъ про ихъ права и силу, что они забыли свои обязанности. Демократія имѣетъ свои слабыя стороны, и ее ждутъ свои опасности. Демократія, думающая только о силѣ, которою располагаетъ, представляетъ собою такую же тираннію, какъ и автократія. Полуобразованная демократія проявитъ такую же надменность и такое же пренебреженіе къ послѣдствіямъ, какъ и всякая плутократія» *). Мы видимъ тутъ горькую жалобу стараго вождя, который потерялъ свое вліяніе.

«Мы выслали въ іюлѣ (1910 года) всѣмъ членамъ профессіональнаго союза котельниковъ циркуляръ, въ которомъ обращали вниманіе на многочисленныя стачки и на угрозу предпринимателей сдѣлать всеобщій разсчетъ (локаутъ),—писалъ главный секретарь трэдъ-юніона Хиллъ.—На наше указаніе не было обращено вниманія, и стачки продолжаются съ нарушеніемъ во многихъ случаяхъ условій національнаго договора. Серьезности положенія дѣлъ нельзя отрицать. Если члены нашего союза желаютъ объявить стачку, Исполнительный комитетъ не можетъ высказаться противъ, но онъ желаетъ только, чтобы были соблюдены правила, изложенныя въ нашемъ уставѣ. А между тѣмъ всѣ стачки, объявленныя членами нашего союза въ этомъ году, были начаты съ нарушеніемъ устава. Локаутъ, объявленный теперь, является прямымъ послѣдствіемъ того, что небольшія группы нашихъ членовъ самочинно начали стачки, вопреки совѣтамъ вождей, какъ мѣстныхъ, такъ и національныхъ. Трэдъ-юніонисты должны предоставить намъ прежнее право вести переговоры съ предпринимателями и заключать контракты. Иначе намъ невозможно вести дѣло Союза».

Стачка 1911 года, какъ читатели *Русскаго Богатства* уже знаютъ, началась вопреки совѣтамъ старыхъ вождей. Новые вожди совѣтуютъ другое. Вотъ, напр., интересный документъ, распространяемый теперь среди бастующихъ транспортныхъ рабочихъ. Онъ состоитъ изъ двухъ серій совѣтовъ. Первая серія озаглавлена: «Какъ терять стачки», а вторая: «Какъ выигрывать стачки».

«Вы думаете, что знаете все относительно того, какъ терять стачки,—читаемъ мы.—Вы эту игру вели всю жизнь и глубоко убѣждены поэтому, что вамъ нечему учиться. А между тѣмъ вы еще не вполнѣ достигли совершенства въ искусствѣ терять стачки, такъ какъ всетаки иногда выигрываете ихъ. Но если вы примете

*) „Christian Commonwealth", Sept 14, 1910.

къ свѣдѣнію слѣдующіе совѣты, то вы научитесь всегда терять стачки.

«Раздробитесь на множество трэдъ-юніоновъ. Въ Англіи нѣсколько милліоновъ рабочихъ, а между тѣмъ всего лишь 1100 профессіональныхъ союзовъ.

«Грызитесь еще больше между собою. Различные трэдъ-юніоны могутъ драться между собою еще чаще, чѣмъ теперь.

«Вы должны мѣшать съ грязью всѣхъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ вашему собственному маленькому союзу. Они тогда будутъ поставлены въ необходимость воздать вамъ сторицею, когда вы начнете стачку.

«Заведите еще больше теплыхъ мѣстечекъ для собственныхъ чиновниковъ всякаго рода. Они отвѣтственны за бóльшую часть пораженій, понесенныхъ вами. И если вы хотите терять всѣ стачки, заведите еще больше секретарей.

«Всѣ договоры съ хозяевами вы должны соблюдать свято и ненарушимо. На эти документы смотрятъ, какъ на священное писаніе; думайте, что каждая буква неприкосновенна.

«Всегда дѣлайте предупрежденіе, раньше чѣмъ хотите начать стачку. Чѣмъ болѣе заблаговременно предупрежденіе сдѣлано, тѣмъ лучше... для вашихъ хозяевъ. Это дастъ имъ время навербовать «паршивцевъ» *).

«Блюдите священное право собственности. Начиная стачку, вы должны оставить машины въ отличномъ порядкѣ. Это болѣе удобно для «паршивцевъ». Все время, покуда продолжается стачка, ведите себя, какъ джентльмэны.

«Наконецъ, вы должны всегда слушаться вождей. Помогайте поддерживать законы и порядокъ. Слѣпо довѣряйтесь политическимъ дѣятелямъ, а въ особенности достопочтеннымъ представителямъ Рабочей партіи въ парламентѣ. Исполняйте совѣты, подаваемые вамъ капиталистической печатью, а въ особенности усвойте мысль, что интересы имперіи—прежде всего».

Дальше слѣдуютъ совѣты, «какъ выигрывать стачки».

«Прежде всего необходимо забыть методы, введенные еще вашими дѣдушками. Съ тѣхъ поръ условія перемѣнились. То, что было сравнительно хорошо раньше, совершенно не годится теперь, если только вы желаете выигрывать стачки.

«Хозяева, у которыхъ служили ваши дѣды, боролись между собою изъ-за того, кому захватить торговлю. Тогда частичная стачка приносила пользу, потому что другой хозяинъ выигрывалъ отъ того, что бойкотируютъ его конкурента. Теперь же всѣ предприниматели объединились въ одну международную федерацію, тогда какъ ваши силы попрежнему раздроблены.

«Ваши дѣды были искусными мастерами. Ихъ ремесло надо-

---

*) Scabs,—такъ англійскіе рабочіе называютъ штрейбрехеровъ.

было изучать съ дѣтства. Вы же только приставлены къ машинамъ. Вашему дѣлу можно обучиться въ самое короткое время. Усовершенствованныя машины и раздѣленіе труда почти совершенно вытѣснили мастеровъ былого времени.

«Сто лѣтъ тому назадъ, если бастовали мастера, ихъ было почти невозможно замѣнить «паршивцами», такъ какъ свободныхъ знающихъ людей не было. Съ тѣхъ поръ машины, сберегающія трудъ, и усовершенствованные методы производства богатства создали громадную резервную армію безработныхъ. Такимъ образомъ, дѣло «паршивцевъ» превратилось въ профессію.

«Вслѣдствіе всего этого надобно отбросить старый методъ организаціи и принять новый, соотвѣтствующій двадцатому вѣку.

«Уничтожьте 1100 профессіональныхъ союзовъ и замѣните ихъ однимъ трэдъ-юніономъ, въ который вошли бы всѣ рабочіе. До тѣхъ поръ, покуда вы не соединитесь, у васъ нѣтъ никакихъ шансовъ. Объединившись, вы побѣдите; дѣйствуя врозь, вы проиграете.

«Если ваши хозяева говорятъ о договорѣ, поднимите ихъ аа смѣхъ. Договоръ соблюдайте только до тѣхъ поръ, покуда это *вамъ* выгодно, но не больше.

«Стачку хорошо начинать, давъ предупрежденіе за самое короткое время, а еще лучше, не предупреждая совсѣмъ. Не давайте хозяевамъ возможности сдѣлать приготовленія для вашего пораженія.

«Частичныя, мѣстныя стачки никуда не годятся. Стачкой можно сразу парализовать цѣлую отрасль промышленности. И если хозяева не одумаются, необходимо объявить всеобщую забастовку.

«Оставляя работу, не забудьте заглянуть въ машинное отдѣленіе. Удѣливъ нѣсколько минутъ машинамъ, можно, даже не портя ихъ, сдѣлать чудеса. Наемъ «паршивцевъ» станетъ тогда безполезенъ и невозможенъ.

«Организуйтесь и ведите борьбу такъ, какъ указано выше. Тогда вы навѣрно побѣдите и устроите жизнь, какъ сами захотите».

Вотъ какіе совѣты подаетъ рабочимъ часть ея собственной интеллигенціи, вышедшей изъ рядовъ рабочихъ и оставшейся въ нихъ.

Гдѣ воспитывается эта новая рабочая интеллигенція? Въ 1899 г. два богатыхъ американца, Уолтеръ Врумэнъ и докторъ Чарльзъ Бирдъ, расположенные къ рабочимъ, пришли къ заключенію, что англійскимъ рабочимъ необходимо имѣть свой собственный университетъ. Нынѣшніе англійскіе университеты существуютъ только для среднихъ и выше-среднихъ классовъ. Трудящіяся массы должны довольствоваться объѣдками знаній. Теперь же, при демократизаціи общества, необходимо возможное сближеніе классовъ, тогда какъ университетъ создаетъ интеллигенцію, которая только углубляетъ пропасть существующую между ними. Необходимо,

чтобы молодые рабочіе сами прошли университетскій курсъ. Это поможетъ имъ лучше понять структуру современнаго общества, что предупредитъ неосуществимыя требованія. Съ другой стороны, рабочая интеллигенція сможетъ сблизить производителей съ трудящимися массами. Такъ разсуждали американцы. Въ февралѣ 1899 года въ Оксфордѣ, при мѣстномъ университетѣ, возникла новая автономная клѣточка, *Коллэджъ Рэскина,* во главѣ котораго стоялъ магистръ Денисъ Хёрдъ. Собственно говоря, Врумэнъ являлся вначалѣ абсолютнымъ собственникомъ коллэджа, такъ какъ единолично выбиралъ студентовъ и самъ назначалъ совѣтъ университета. «Мы возьмемъ людей, осуждающихъ нашъ соціальный строй,—объяснялъ Врумэнъ цѣль, преслѣдуемую Коллэджемъ Рэскина,—и научимъ ихъ, какъ реформировать общество. И студенты, вмѣсто того, чтобы огульно осуждать нашъ міръ, начнутъ методически работать, дабы дать въ немъ долю всѣмъ». По всей вѣроятности, Врумэну рисовались въ воображеніи студенты, помогающіе впослѣдствіи введенію какой-нибудь панацеи вродѣ участія рабочихъ въ прибыляхъ. За эту панацею ухватилась теперь консервативная партія, самые видные дѣятели которой вступили вице-президентами въ существующую уже двадцать восемь лѣтъ «Labour Co-partnership Association» *).

*) „Представьте себя въ Лестерѣ или въ Кеттерингѣ,—читаемъ мы въ годичномъ докладѣ Ассоціаціи.—Заглянувъ въ четыре или пять мастерскихъ, вы поймете, что означаетъ участіе въ прибыляхъ. Вотъ, напр., сапожная фабрика, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ промышленныхъ предпріятій этого рода. Фабрика снабжена новѣйшими машинами. Рабочіе, повидимому, такіе же, какъ и всюду, развѣ только, что живутъ лучше да имѣютъ болѣе короткій рабочій день. Вскорѣ, однако, вы замѣтите, что всѣ лица выражаютъ особенную бодрость и оживленность. Вамъ скажутъ, что въ этой фабрикѣ рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ. Рабочіе участвуютъ также въ администраціи фабрики. Вамъ скажутъ, что предпріятіе было начато въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Маленькій основной капиталъ составился изъ взносовъ самихъ рабочихъ, а затѣмъ изъ пособій, данныхъ сочувствующими лицами и трэдъ-юніонами. Почти всѣ основатели фабрики были трэдъ-юніонисты и члены мѣстной кооперативной лавки. Чтобы вести дѣло, они сгруппировались въ акціонерное общество съ ограниченной отвѣтственностью. Во главѣ его сталъ небольшой комитетъ акціонеровъ, избираемый всѣми акціонерами. Но новое общество отличалось отъ другихъ подобныхъ тѣмъ, что всѣ акціонеры имѣли равныя права. Отличается оно также методомъ распредѣленія прибылей. Оно, конечно, прежде всего покрываетъ издержки и платитъ проценты на занятый капиталъ. Затѣмъ общество выдаетъ пять процентовъ акціонерамъ. Часть остатка выдается въ видѣ дивиденда рабочимъ. Каждый получаетъ опредѣленную долю, въ зависимости отъ заработной платы, получаемой имъ. Другая часть остатка распредѣляется между покупателями, пропорціонально сдѣланнымъ покупкамъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою не только рабочихъ, но и покупателей, участвующихъ въ прибыляхъ.

«Кеттерингское производительно - потребительное общество процвѣ-

Колледжъ Рэскина, однако, быстро принялъ другой характеръ, чѣмъ думалъ Врумэнъ. Основатель скоро охладѣлъ къ своему дѣтищу, притомъ же Врумэнъ и Бирдъ должны были уѣхать въ Америку. Нѣкоторое время Колледжъ Рэскина представлялъ собою почти благотворительное учрежденіе, поддерживаемое доброхотными пожертвованіями. Это продолжалось до тѣхъ поръ, покуда на помощь не явились трэдъюніоны. Они раньше всѣхъ пришли къ заключенію, что рабочимъ необходима собственная интеллигенція. Понадобились умные, развитые секретари, которые могли бы вести переговоры съ объединившимися хозяевами. Секретарь прежняго типа, т. е. старый, толковый, но малограмотный рабочій, воспитанный на пенсовыхъ брошюркахъ и на воскресной газетѣ, не годился въ дипломаты. Съ хозяевами онъ еще умѣлъ сговариваться, но союзъ предпринимателей ведетъ теперь переговоры черезъ хитрыхъ, ловкихъ адвокатовъ, изощрившихся въ раскидываніи силковъ,—и гдѣ было добродушному, малограмотному старому трэдъ-юніонисту тягаться съ этими лисицами въ адвокатскихъ мантіяхъ! На первый взглядъ, напр., мирный договоръ, заключенный послѣ большой стачки, казался рабочимъ необыкновенно выгоднымъ. Черезъ самое короткое время рабочіе убѣждались, что гдѣ-нибудь въ одномъ пунктѣ договора скрытъ замаскированный капканъ, уничтожающій весь его смыслъ. Капканъ прикрытъ предательскимъ словомъ, имѣющимъ на юридическомъ языкѣ иной смыслъ, чѣмъ въ разговорномъ языкѣ, или умышленнымъ умолчаніемъ. Немедленно же хозяева находили какого-нибудь Осборна, который начиналъ дѣло, располагая, повидимому, безграничными средствами. И вотъ являлось судебное рѣшеніе, устанавливавшее прецедентъ, т. е. новый законъ, помимо парламента.

таетъ и имѣетъ прибыль, чтобы распредѣлять ее. Послѣдняя не выдается наличными деньгами работникамъ и работницамъ, но отчисляется на пріобрѣтеніе для нихъ акцій предпріятія. Такимъ образомъ, Общество никогда не можетъ превратиться въ организацію мелкихъ предпринимателей, пользующихся наемнымъ трудомъ. Демократическій характеръ предпріятія гарантированъ. Посторонніе акціонеры, т. е. не рабочіе, конечно, принимаются. Еще охотнѣе привѣтствуются акціонеры-кооперативныя общества. Мѣстное общество потребителей является главнымъ покупателемъ фабрики. Но каждый работающій на фабрикѣ становится „гражданиномъ промышленной республики", такъ какъ участвуетъ въ прибыляхъ.

«Я привелъ только одну изъ типичныхъ фабрикъ, рабочіе которой являются участниками въ прибыляхъ,—читаемъ мы дальше въ отчетѣ.— Я бы могъ назвать десятокъ другихъ фабрикъ. Оборотъ нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ 50 тысячъ ф. ст. въ годъ, число же рабочихъ достигаетъ до 300". Докладчикъ думаетъ, что черезъ тридцать лѣтъ подавляющее большинство фабрикъ и заводовъ въ Англіи сдѣлаетъ рабочихъ участниками въ прибыляхъ (Aneurin Williams, Labour Copartnership and Labour Unrest. Докладъ 25 ноября 1911 года въ Оксфордѣ).

Понятно, поэтому, недовѣріе молодыхъ рабочихъ къ договорамъ всякаго рода («хозяева всегда надуютъ!»). Понятно также стремленіе трэдъ-юніоновъ имѣть секретаремъ образованнаго, вполнѣ «своего» человѣка, котораго не такъ легко было бы провести «на мякинѣ» и «обернуть вокругъ пальца». Образованный секретарь необходимъ рабочимъ не только при заключеніи мирныхъ договоровъ. Горнорабочіе, напр., просятъ, чтобы имъ дали прибавку въ шесть пенсовъ. Шахтовладѣльцы отвѣчаютъ делегатамъ: «мы всею душою дали бы вамъ прибавку; но посмотрите, каково теперь положеніе рынка. Германія и Бельгія конкурируютъ съ нами. Италія можетъ стать промышленнымъ вассаломъ другого каменноугольнаго сюзерена. Если мы прибавимъ вамъ шесть пенсовъ, уголь вздорожаетъ; конкуренты захватятъ нейтральные рынки. Наше дѣло упадетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшится и ваше положеніе. Угольное дѣло таково, что безъ внѣшнихъ рынковъ существовать оно не можетъ, а на внѣшнемъ рынкѣ мы будемъ побиты, если теперь увеличится стоимость производства». И если во главѣ рабочей депутаціи стоялъ секретарь стараго типа, то онъ никакъ не могъ разобрать, правду ли говорятъ предприниматели, или же только «заговариваютъ зубы» и «втираютъ очки». Въ самомъ дѣлѣ, предприниматели подняли сложный, запутанный вопросъ. Рабочіе, отправляя секретаря трэдъ-юніона для переговоровъ съ хозяевами, никогда не забывали сказать ему:

— Be sharp, Jack! Do not be bamboozled!

(Смотрите въ оба, Джэкъ! Глядите, чтобы васъ не надули!).

Но такой совѣтъ гораздо легче подать, чѣмъ исполнить.

Трэдъ-юніонамъ понадобились умные, знающіе секретари, хорошо понимающіе законы производства и обращенія. Понадобились образованные люди (и притомъ «свои»), изучившіе эти вопросы не по пенсовымъ брошюркамъ, а тамъ же, гдѣ учились и хитрые адвокаты, выставленные предпринимателями. Большіе англійскіе трэдъ-юніоны поняли значеніе Колледжа Рэскина и рѣшили явиться на помощь съ деньгами. Они послали въ Оксфордъ на два года способныхъ молодыхъ рабочихъ, выдавая каждому изъ нихъ стипендію въ 52 ф. ст. въ годъ.

Я знаю одного рабочаго, прослушавшаго полный курсъ въ Коллэджѣ Рэскина. Рабочему было уже за тридцать, и онъ успѣлъ обзавестись женой и дѣтьми. На желѣзной дорогѣ, гдѣ работалъ мой знакомый, у служащихъ мало досуга; но мистеръ Келли (такъ зовутъ рабочаго) находилъ время читать и учиться. И вотъ желѣзнодорожный союзъ назначаетъ одну стипендію въ Коллэджѣ Рёскина. Келли сдаетъ предварительный экзаменъ, и у него есть возможность поѣхать. Возникаетъ вопросъ; а что будетъ дѣлать жена?

— Вы, Дикъ, непремѣнно поѣзжайте учиться,—сказала жена.— Я поѣду за вами въ Оксфордъ. Обо мнѣ не безпокойтесь!

Жена продала имущество, забрала дѣтей и переѣхала въ

Оксфордъ, гдѣ работала прачкой, покуда учился мужъ. Теперь онъ опять работаетъ на желѣзной дорогѣ. Трэдъ-юніоны, явившись съ денежной помощью, потребовали, чтобы Коллэджъ Рэскина не давалъ дипломовъ, и чтобы, такимъ образомъ, рабочая интеллигенція не уходила къ среднимъ классамъ. Около пятисотъ молодыхъ рабочихъ окончили уже Коллэджъ. Кромѣ того, около 8500 работниковъ и работницъ прошли курсъ при помощи переписки съ Коллэджемъ. Всѣ эти студенты остались въ рядахъ рабочихъ или служатъ секретарями трэдъ-юніоновъ (секретари получаютъ такое же жалованье, какое вырабатываетъ толковый углекопъ или ткачъ).

Въ 1908 году началось сильное броженіе среди студентовъ рэскинскаго Коллэджа. Они обвиняли совѣтъ Оксфордскаго университета въ томъ, что онъ старается вытравить основной характеръ Коллэджа. Студентовъ стали всячески поощрять, чтобы они слушали обычныя лекціи и сдавали потомъ экзамены на дипломы. Молодые рабочіе увидали въ этомъ стремленіе со стороны университета перетянуть ихъ въ ряды среднихъ классовъ. Затѣмъ причиной недовольства было стремленіе (дѣйствительное или мнимое) университета придать лекціямъ въ Коллэджѣ менѣе красный характеръ. Профессору Хёрду, напр., предложено было университетомъ, вмѣсто соціологіи, читать исторію литературы и логику. Это повело къ забастовкѣ со стороны студентовъ. Затѣмъ въ мартѣ 1909 года наиболѣе крайніе студенты и рабочіе, состоявшіе въ перепискѣ съ Коллэджемъ (т. е. проходившіе курсъ у себя дома) образовали Лигу Плебеевъ (Plebs League). Университетъ, полагая, что Лига возникла подъ вліяніемъ проф. Хёрда, заставила его выйти въ отставку. Тогда въ Лондонѣ, близъ Эрлсъ Корта, возникъ главный рабочій университетъ — Central Labour College, или «C. L. C.», во главѣ котораго сталъ проф. Хёрдъ. Коллэджъ Рэскина по прежнему продолжаетъ существовать. Университетъ всячески поощряетъ студентовъ, чтобы они сдавали на дипломъ; Коллэджъ сталъ въ большей степени, чѣмъ раньше, составной единицей великой академической федераціи, которой имя Оксфордскій университетъ; но трэдъ-юніоны теперь имѣютъ надъ нимъ полный контроль. Совѣтъ рэскинскаго Коллэджа избирается теперь парламентскими представителями отъ трэдъ-юніоновъ, Общей федераціей тѣхъ же союзовъ и кооперативными обществами. Трэдъ-юніоны и кооперативныя общества даютъ средства на содержаніе Коллэджа. Въ немъ мы видимъ теперь представителей болѣе умѣреннаго крыла англійскихъ рабочихъ.

Студенты живутъ въ интернатѣ и платятъ 52 ф. ст. въ годъ. Въ сравненіи съ другими коллэджами, гдѣ студенту надобно имѣть въ годъ по крайней мѣрѣ 2000 руб., 520 руб.—очень мало. Студентамъ читаютъ политическую экономію, исторію промышленности, исторію общественныхъ движеній, гражданское право, мѣстное самоуправленіе, соціологію и логику. Тѣ студенты, которые

проходятъ курсъ путемъ переписки съ Коллэджемъ, вносятъ только шиллингъ въ мѣсяцъ и еще одинъ шиллингъ за регистрацію.

IV.

Лондонскій Коллэджъ, или «C. L. C», основанный *Лигой плебеевъ*, представляетъ собою лѣвое крыло рабочей интеллигенціи. Коллэджъ Рэскина вѣритъ въ соціальныя реформы, тогда какъ «C. L. C.» всю надежду возлагаетъ на неминуемую соціальную революцію. Коллэджъ Рэскина получаетъ пособіе отъ болѣе умѣренныхъ трэдъ-юніоновъ, тогда какъ Лондонскій Рабочій Коллэджъ субсидируется, по преимуществу, трэдъ-юніонами углекоповъ. Послѣдніе представляютъ собою теперь наиболѣе революціонный элементъ среди англійскихъ рабочихъ. Изъ «C. L. C.» вышли всѣ тѣ рабочіе, которые принимали видное участіе во время забастовки углекоповъ.

Опишу теперь мое посѣщеніе «C. L. C.». Я засталъ студентовъ въ аудиторіи. Человѣкъ двадцат молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 22—30 лѣтъ сидѣли за сдвинутыми вмѣстѣ простыми столами, въ родѣ кухонныхъ. Впереди столовъ стоялъ пюпитръ, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ держатъ ноты. На пюпитрѣ лежала развернутая книга. Черезъ минуты двѣ вошелъ коренастый, округляющійся, бородатый старикъ съ большою лысою головою. Это и есть ректоръ Коллэджа—мистеръ Денисъ Хёрдъ, который долженъ былъ уйти изъ Коллэджа Рэскина. Профессоръ читалъ про трудовую теорію цѣнности. Лекція, повидимому, была уже пятая или шестая по этому вопросу. Меня интересовали больше студенты. Только у двухъ были типичныя, загорѣлыя, грубоватыя лица съ тяжелыми чертами, по которымъ можно было бы опредѣлить происхожденіе молодыхъ людей. То, вѣроятно, были углекопы откуда-нибудь съ сѣвера, но не изъ Шотланціи. Остальные студенты ничѣмъ не отличались отъ англійскихъ студентовъ, вышедшихъ изъ среднихъ классовъ. Тѣ же характерныя лица съ энергичными ртами и сильными подбородками, тѣ же гибкіе члены, тѣ же широкія плечи. Опытный глазъ могъ бы замѣтить тутъ англичанъ, рыжеволосыхъ шотландцевъ и болѣе нервныхъ и подвижныхъ валійцевъ.

Когда лекція кончилась, мой знакомый студентъ повелъ меня показывать помѣщеніе. Мы вошли прежде всего въ комнату, гдѣ студентъ убиралъ постель. Молодые люди живутъ въ коллэджѣ и дѣлаютъ сами всю черную работу. Комната была маленькая, не очень чистая (съ англійской точки зрѣнія); но русскій студентъ нашелъ бы ее великолѣпной. Англичанинъ, повидимому, можетъ удѣлять больше вниманія своей постели, чѣмъ русскій молодой человѣкъ, когда ему тоже приходится исполнять обязанность горничной. Мнѣ припоминалась моя изба въ Средне-Колымскѣ, которую

я подметалъ разъ въ двѣ недѣли и считался еще чистякой. Я наблюдалъ, какъ студентъ тщательно взбиваетъ подушку, разстилаетъ простыню, вытягиваетъ одѣяло, чтобы не было морщинки (мы довольствовались оленьими шкурами, вмѣсто матраца, и заячьими одѣялами. Наши простыни всѣ пошли на палатки и на бѣлье). Надъ кроватью, на стѣнѣ у студента висѣлъ нагрудникъ, проволочная маска и рапиры для фехтованія. Въ комнатѣ было еще мѣсто для маленькаго умывальнаго стола, служившаго также и письменнымъ столомъ. Лоханка и кувшинъ съ водой стояли подъ столомъ, а на немъ лежали книги и бумаги. Мы разговорились со студентомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что родомъ изъ Іоркшира. Въ Колледжѣ онъ только нѣсколько мѣсяцевъ, но пребываніе здѣсь уже революціонизировало его прежнія понятія о рабочихъ организаціяхъ и ихъ функціяхъ. Прежде онъ думалъ, что интересы предпринимателя и рабочаго тождественны, а теперь убѣжденъ, что они прямо противоположны. Классовая борьба существовала всегда и будетъ существовать. Конечно, рабочіе должны принять соціальныя реформы, если ихъ дастъ парламентъ. Но парламентъ не можетъ сдѣлать ничего такого, чего не сдѣлали бы рабочіе сами для себя, и гораздо лучше.

Постель была сдѣлана въ это время. Студентъ надѣлъ пиджакъ, предложилъ мнѣ и знакомому стулья, а самъ сѣлъ на постель, такъ какъ другого мѣста уже не было.

— Эдвардъ пишетъ,—объяснилъ мой знакомый. И изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что студентъ составляетъ популярныя книжечки для самыхъ темныхъ людей. Онѣ будутъ переведены потомъ на валійскій языкъ, чтобы ими могли пользоваться деревенскіе жители въ такихъ мѣстахъ, какъ Тредегаръ или Абердэръ. На просьбу познакомить меня съ какою-нибудь книжкою, студентъ довольно охотно прочиталъ мнѣ кое-что и далъ отпечатанную брошюрку, изъ которой привожу діалоги между отцомъ и маленькимъ сыномъ.

— Что это за мѣсто, папа?

— Это—кирпичный заводъ, дитя мое.

— Чей это кирпичный заводъ?

— Мой.

— Принадлежатъ ли вамъ всѣ сложенные кирпичи?

— Да.

— Принадлежатъ ли также вамъ всѣ эти грязные люди?

— Нѣтъ. Въ нашей странѣ нѣтъ рабства. Они свободны.

— Почему они работаютъ такъ усердно?

— Они работаютъ, чтобы достать на жизнь.

— Почему они работаютъ, чтобы достать на жизнь?

— Потому что они бѣдны и обязаны работать.

— Почему же люди эти бѣдны, если они работаютъ такъ усердно?

— Не знаю.

— Быть можетъ, кто-нибудь крадетъ у нихъ то, что они зарабатываютъ?

— Нѣтъ, дитя мое! Почему вы задаете такіе смѣшные вопросы?

— Я думаю, что эта глина попадаетъ имъ въ глаза и дѣлаетъ ихъ слѣпыми. Ну, а кому принадлежатъ кирпичи, когда ихъ сдѣлаютъ? Тѣмъ людямъ, которые лѣпятъ ихъ, конечно?

— Нѣтъ, кирпичи принадлежатъ мнѣ.

— Изъ чего дѣлаютъ кирпичи?

— Изъ глины, мой мальчикъ.

— Что? Только изъ той грязи, которую мы видимъ здѣсь.

— Да, только изъ нея.

— Кому принадлежитъ эта грязь?

— Мнѣ.

— Вы сами сдѣлали ее?

— Нѣтъ. Богъ сотворилъ ее.

— Сотворилъ ли Богъ собственно для васъ?

— Нѣтъ, я ее купилъ.

— Вы купили ее у Бога?

— Нѣтъ, я купилъ ее, какъ покупаю вообще что-нибудь другое.

— А тотъ человѣкъ, у котораго вы пріобрѣли грязь, купилъ у Бога?

— Не знаю. Спрашивайте меня о чемъ-нибудь другомъ.

— Во всякомъ случаѣ хорошо, что вы пріобрѣли эту землю.

— Почему, сынокъ?

— Потому что иначе вамъ пришлось бы дѣлать эти ужасные кирпичи, чтобы жить. Долженъ ли я буду, когда выросту, работать, чтобы жить?

— Нѣтъ, мой мальчикъ. Когда умру, я вамъ оставлю эту землю.

— Во что обращаются всѣ люди, когда умрутъ?

— Въ глину, мой мальчикъ.

— Когда вы умрете, папа?

— Не знаю. Почему вы спрашиваете?

— Такъ. Я думаю, какой твердый кирпичъ выйдетъ изъ той глины, въ которую вы превратитесь.

Мы перешли въ слѣдующее помѣщеніе, оказавшееся кухней. Два студента, безъ сюртуковъ, въ бѣлыхъ передникахъ возились у чистаго кухоннаго стола. Одинъ старательно чистилъ картофель, а другой приготовлялъ тѣсто для пуддинга. Студенты даже стряпаютъ по очереди, но, какъ объяснилъ мнѣ знакомый, не всѣ проявляютъ одинаковые кулинарные таланты. Есть прямо геніи своего рода, — зато другіе стряпаютъ изъ рукъ вонъ плохо. Мнѣ припомнился афоризмъ Брійя-Саварэна изъ его геніальной поваренной книги: «La découverte d'un mets nouveau fait plus pour le bonheur du genre humain que la découverte d'une étoile».

(Открытіе новаго блюда больше содѣйствуетъ счастью человѣческаго рода, чѣмъ открытіе звѣзды). Повидимому, въ Рабочемъ Коллэджѣ изысканій, ведущихъ къ открытіямъ подобнаго рода, не дѣлаютъ; но тутъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо больше думаютъ о ѣдѣ, чѣмъ среди всякихъ молодыхъ интеллигентныхъ людей. (И мнѣ пришлось стряпать по дежурству много лѣтъ тому назадъ. Дежурный бралъ котелъ, клалъ туда кусокъ оленины, наливалъ воду и ставилъ у огня. Когда оленина уваривалась, дежурный ставилъ котелъ на столъ, вынималъ мясо на доску и звалъ всѣхъ обѣдать).

Изъ кухни мы попали въ чистенько убранную гостиную. Полъ былъ застланъ ковромъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый ковровой скатертью. На столѣ лежали книги, газеты и брошюры. Въ углу стоялъ, повидимому, самодѣльный шкафъ съ книгами. Все показывало, что minimum внѣшнихъ удобствъ превратился въ нѣчто необходимое, какъ воздухъ, какъ вода. Молодые люди, которые живутъ въ Коллэджѣ, прежде были литейщиками, матросами, докерами, каменотесами, ткачами, углекопами, машинистами. Всѣ они прошли суровую школу жизни; но есть нѣкоторыя жизненныя потребности, о которыхъ мы, русскіе интеллигенты, вышедшіе изъ сравнительно обезпеченнаго класса, никогда не думаемъ въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстной обстановкѣ. Англичане же безъ этихъ потребностей нигдѣ не могутъ обойтись. Этимъ докерамъ и углекопамъ непонятно, какъ можно спать на полу, безъ простыни, какъ можно ѣсть безъ скатерти и салфетокъ, и какъ можно бесѣдовать по душамъ въ грязной, заплеванной комнатѣ. Молодые студенты сами убираютъ гостиную, сами чистятъ коверъ и стираютъ пыль съ гравюръ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. А тутъ самый революціонный элементъ въ современной Англіи.

Я засталъ въ гостиной около десятка студентовъ. Потомъ пришли еще другіе, покончившіе съ обязательной работой въ спальняхъ или же въ кухнѣ. Одинъ изъ студентовъ досталъ изъ кармана нѣсколько листиковъ исписанной бумаги, вынулъ трубку изъ зубовъ и сталъ читать докладъ о стачкахъ. Студентъ доказывалъ, что теперь, когда хозяева объединились, стачки становятся все болѣе и болѣе невыгоднымъ дѣломъ для рабочихъ, и ихъ безпомощное положеніе выясняется каждый разъ, когда возникаетъ стачка. Мы видимъ, какъ интересы разныхъ трэдъ-юніоновъ сталкиваются до такой степени, что рабочіе одного профессіональнаго союза готовы стать «паршивцами», когда члены другого союза объявляютъ стачку. Положеніе отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ въ подобномъ случаѣ тяжело, но оно отягчается еще поведеніемъ самихъ стачечниковъ. Одни, напр., согласно правиламъ, предупреждаютъ хозяевъ о стачкѣ за недѣлю и даже раньше, давая имъ, такимъ образомъ, возможность запастись «паршивцами».

Трэдъ-юніоны стараго типа мотивируютъ свой поступокъ тѣмъ, что хозяева тоже предупреждаютъ рабочихъ заранѣе, если хотятъ объявить локаутъ. Но сравненіе не подходитъ, — продолжалъ докладчикъ.—Рабочіе и хозяева не находятся въ одинаковомъ положеніи. Сила рабочаго заключается только въ томъ, что онъ сразу можетъ остановить производство. Предупреждая объ этомъ заранѣе, онъ самъ отниметъ у себя послѣдній шансъ. А хозяинъ, рѣшившій объявить локаутъ, давно уже задумалъ закрыть свою фабрику или свой заводъ. Вотъ почему рабочіе никогда не должны предупреждать предпринимателей о стачкахъ. Затѣмъ стачки, объявляемыя англійскими трэдъ-юніонистами, отличаются еще одною особенностью,— продолжалъ докладчикъ.—Вмѣсто того, чтобы бастовать въ наиболѣе оживленное время, когда хозяину необходимы рабочіе, трэдъюніонисты, какъ будто нарочно, подгоняютъ стачки къ мертвому сезону. Это обусловливается контрактомъ, заключеннымъ между предпринимателями и рабочими. Отсюда мы видимъ, что договоры связываютъ только рабочихъ. Выводъ тотъ, что, объявляя стачку, рабочіе меньше всего должны считаться съ существующими договорами. Затѣмъ стачки, начинаемыя отдѣльными трэдъ-юніонами, затягиваются надолго. Всего лишь недавно мы видѣли стачку въ Южномъ Уэльсѣ, продолжавшуюся десять мѣсяцевъ. Чѣмъ дольше тянется стачка, тѣмъ выгоднѣе для предпринимателей. Затянувшаяся стачка всегда кончается пораженіемъ рабочихъ. Выводъ, къ которому пришелъ докладчикъ, обычный, выставляемый синдикалистами. Надо сформировать одинъ трэдъ-юніонъ и устраивать большія забастовки, безъ всякихъ предупрежденій, въ самый оживленный періодъ промышленности.

Докладчику возражали. Было очевидно, что среди студентовъ есть и не-синдикалисты. Мнѣ было интересно слушать студентовъ не только потому, что передо мною выяснялись настроенія молодой рабочей публики. Я вглядывался въ лица споравшихъ (несмотря на то, что тема, повидимому, захватывала за живое всѣхъ, не было ни крика, ни запальчивыхъ «полемическихъ» пріемовъ), и мнѣ припоминалось одно мѣсто у Герцена. Описывая нѣмецкаго эмигранта Германа Струве, Герценъ говоритъ: «Лицо его выражало тотъ нравственный столбнякъ, который изувѣрство придаетъ святошамъ и раскольникамъ. Глядя на этотъ крѣпкій, старый лобъ, на покойное выраженіе глазъ, на нечесанную бороду и на всю его фигуру, мнѣ казалось, что это или какой-нибудь фанатическій пасторъ изъ войска Густава Адольфа, забывшій умереть, или какой-нибудь таборитъ, проповѣдующій покаяніе и причастіе въ двухъ видахъ». Въ Рабочемъ Коллэджѣ я видѣлъ, прежде всего, очень энергичныхъ и сильныхъ людей. Требуется, конечно, большая энергія для молодого углекопа или каменотеса, чтобы послѣ утомительной работы взяться за книги. Я видѣлъ не только сильныхъ, но и глубоко убѣжденныхъ людей. Всѣ они учились только

для того, чтобы съ запасомъ знаній возвратиться въ мастерскія, въ шахты или въ сигнальныя будки. Но я не замѣтилъ въ Коллэджѣ фанатиковъ съ лицами, выражавшими «нравственный столбнякъ». Очевидно, англійскому ясному и точному уму чуждо совершенное окоченѣніе на одной какой-нибудь сакраментальной формулѣ, какого бы характера она ни была. Студенты, прежде всего,—англичане, т. е. люди практичные, желающіе дѣла, а не формулы...

Діонео.

Соціализмъ и національная ассимиляція.

(*Письмо изъ Австріи*).

I.

Соціалистическому движенію въ Австріи присущи нѣкоторыя черты, сильно отличающія его отъ аналогичнаго движенія въ другихъ странахъ Европы. Правда, и въ Австріи оно развивается подъ знаменемъ международной соціалъ-демократіи въ духѣ болѣе или менѣе подвергнутаго „ревизіи“ марксизма. Однако, разнообразіе мѣстныхъ условій въ различныхъ областяхъ имперіи Габсбурговъ, вмѣстѣ съ національной разношерстностью, наложили специфическій отпечатокъ и на организаціонныя формы, и на направленіе идейной эволюціи австрійскаго соціализма. Теоретикамъ и практикамъ приходится обращать самое серьезное вниманіе на національный вопросъ и вызываемыя имъ осложненія.

Первоначально національнымъ вопросомъ съ соціалистической точки зрѣнія въ Австріи занимались главнымъ образомъ поляки, чехи и словенцы. Однако, съ теченіемъ времени и нѣмецкая соціалистическая печать должна была взяться за выясненіе національнаго вопроса. Ее принудили къ этому чешскіе соціалисты, выступающіе съ различными національными требованіями самаго неотложнаго характера. И вотъ на страницахъ «Arbeiter Zeitung» и теоретическаго органа нѣмецкой соціалъ-демократіи въ Австріи, «Der Kampf» появляется множество теоретическихъ и полемическихъ статей, выясняющихъ отдѣльные моменты національнаго вопроса, содѣйствующихъ выработкѣ принципіальныхъ взглядовъ на различныя проявленія національной жизни и создающихъ почву для практическаго разрѣшенія назрѣвшихъ проблемъ. Нѣ-

мецкая соціалистическая литература въ Австріи обогащается солидными трудами по національному вопросу. Достаточно назвать извѣстныя и русской публикѣ сочиненія *Зеннера* (Шпрингера) и *Бауера*.

Въ самое послѣднее время нѣмецкіе соціалъ-демократы въ Австріи обратили особенное вниманіе на злободневный вопросъ о школахъ для національнаго меньшинства, выдвинутый чешскими товарищами. На эту тему велась оживленная полемика въ «Der Kampf», причемъ высказываемые тамъ взгляды можно разбить на три группы. Принимавшіе участіе въ этой полемикѣ чехи стояли на той точкѣ зрѣнія, что чешское меньшинство въ Вѣнѣ и въ нѣмецкой части Богеміи должно располагать точно такими же культурно-національными правами, какъ и на собственной этнографической территоріи. Діаметрально противоположный взглядъ высказалъ *Людо Гартманнъ*, доцентъ вѣнскаго университета, извѣстный своими трудами по исторіи Италіи. Онъ доказывалъ, что нація можетъ пользоваться національными правами только на своей этнографической территоріи. Внѣ послѣдней національное меньшинство должно неминуемо ассимилироваться съ большинствомъ. Ассимиляція,—по мнѣнію Л. Гартманна,—процессъ вполнѣ естественный и необходимый. Мало того: этотъ процессъ въ высшей степени благотворенъ, потому что соціальный прогрессъ развивается гораздо легче и быстрѣе въ средѣ, однородной въ національномъ отношеніи. Нѣсколько иначе смотритъ на этотъ вопросъ *О. Бауеръ*. Онъ признаетъ за національнымъ меньшинствомъ право на удовлетвореніе его культурныхъ потребностей, но въ то же самое время признаетъ громадное значеніе за ассимиляціей, считая ее *въ извѣстныхъ условіяхъ* процессомъ, котораго не слѣдуетъ тормазить искусственными средствами. Большинство нѣмецкихъ соціалистовъ примкнуло къ мнѣнію Бауера и только незначительная часть изъ нихъ либо вполнѣ соглашается съ чехами, либо поддерживаетъ Л. Гартманна.

Послѣдній выступилъ въ защиту своего взгляда на иннсбрукскомъ конгрессѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи въ Австріи. Это вызвало негодованіе чешскихъ товарищей, которые стали доказывать, что нѣмецкіе соціалисты защищаютъ германизацію и становятся чистыми «націоналистами». Въ отвѣтъ на эти нападки Л. Гартманнъ помѣстилъ въ январьскомъ номерѣ «Der Kampf» статью, въ которой онъ настаиваетъ на томъ, что его взгляды не имѣютъ ничего общаго съ національнымъ и вполнѣ согласны съ соціалистическими принципами. Марксъ, говоря въ 1848 году о совершенной безнадежности чеховъ, какъ націи, заблуждался, но онъ былъ правъ, доказывая, что о жизненности данной націи рѣшаетъ ея количество и ея сплоченность на однородной территоріи. Чехи на своей этнографической территоріи сохранятъ, конечно, свою національность, но, напр., въ Вѣнѣ и въ нѣмецкой

Библиот. Р. Э. О. Ц.

части Богеміи у нихъ нѣтъ будущаго. Ассимиляція—процессъ необходимый, чешскія школы въ Вѣнѣ тормазятъ этотъ процессъ, слѣдовательно, онѣ вредны. Соціализмъ не борется съ исторической необходимостью, онъ опирается на нее. И тѣ, кто поддерживаетъ національную обособленность меньшинства, не считаясь съ исторической необходимостью ассимиляціи,—не соціалисты, а націоналисты.

Эта полемика, вызвавшая самый живой интересъ у соціалистовъ всѣхъ національностей Австріи, побудила О. Бауера подвергнуть тщательному, всестороннему анализу процессъ ассимиляціи и ея условія. Результатомъ этого изслѣдованія явилась чрезвычайно интересная работа: «Условія національной ассимиляціи», помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Der Kampf».

Отто Бауеръ выходитъ изъ рамокъ національнаго вопроса въ предѣлахъ Австріи и обосновываетъ свои выводы на данныхъ, собранныхъ путемъ изученія національныхъ отношеній всѣхъ странъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Благодаря этому, изслѣдованіе Бауера пріобрѣтаетъ спеціальное значеніе и для неавстрійцевъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что Бауеръ знаетъ славянскіе языки—русскій, польскій, чешскій, украинскій—и пользуется матеріаломъ славянскихъ литературъ,—явленіе довольно рѣдкое на Западѣ.

Бауеръ задался цѣлью обосновать законъ національной ассимиляціи, разсматривая это явленіе съ исторической и въ то же время съ классовой точки зрѣнія. Онъ констатируетъ фактъ, что исторіи знакомы безчисленные примѣры національной ассимиляціи, ассимиляціи вполнѣ добровольной, стихійной, такъ какъ нѣтъ націи, которая бы не поглотила цѣлой массы инородческихъ элементовъ. Онъ констатируетъ и другой фактъ, фактъ сохраненія національнымъ меньшинствомъ, живущимъ въ теченіе многихъ столѣтій въ чужой странѣ, языка и обычаевъ, чуждыхъ коренному большинству. Слѣдовательно, не всякое меньшинство ассимилируется большинствомъ. Такимъ образомъ возникаютъ вопросы: 1) При какихъ условіяхъ ассимиляція меньшинства большинствомъ неизбѣжна? 2) При какихъ условіяхъ меньшинство можетъ сохранить свою національность? На эти-то вопросы и отвѣчаетъ изслѣдованіе Бауера, съ которымъ мы желаемъ познакомить нашихъ читателей.

Противодѣйствіе, которое національное меньшинство можетъ оказывать ассимиляціонной силѣ большинства, зависитъ прежде всего отъ *численности* перваго. Вотъ, напр., чешскій портной-подмастерье пріѣзжаетъ въ чисто нѣмецкій городъ Иннсбрукъ, гдѣ чеховъ чрезвычайно мало. Въ мастерской онъ работаетъ съ нѣмцами, его сосѣди—нѣмцы, его товарищи и собутыльники—нѣмцы, въ лавкахъ и въ магазинахъ, на рынкѣ и на желѣзной дорогѣ

онъ объясняется только по-нѣмецки. Послѣ двухъ-трехлѣтняго пребыванія въ Инсбрукѣ онъ говоритъ по-нѣмецки, какъ на своемъ родномъ языкѣ, а его дѣти, вращаясь исключительно среди нѣмцевъ, становятся нѣмцами. Въ подобныхъ условіяхъ ассимиляціи невозможно избѣгнуть. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ чешскимъ горнорабочимъ, который поселяется въ одномъ изъ каменноугольныхъ районовъ нѣмецкой части Богеміи. Онъ находитъ тамъ тысячи чеховъ: въ шахтѣ, въ домахъ, въ трактирахъ, въ организаціи, на рынкѣ, въ лавкахъ и т. д. Онъ и здѣсь усваиваетъ себѣ нѣмецкій языкъ, но ему постоянно приходится говорить по-чешски. Его дѣти, даже посѣщая нѣмецкую школу, не разучиваются говорить по-чешски, такъ какъ у нихъ много товарищей-чеховъ. Въ этихъ условіяхъ ассимиляція сильно затруднена. Швейцарскіе нѣмцы, попадая во французскую Швейцарію въ качествѣ купцовъ, приказчиковъ, кельнеровъ, ремесленниковъ и поденщиковъ, сливаются съ французами, среди которыхъ они живутъ разрозненно. Наоборотъ, швейцарскіе французы, поселяющіеся массами въ нѣмецкихъ промышленныхъ центрахъ въ качествѣ рабочихъ (напр., въ Билѣ), не ассимилируются. На этихъ фактахъ Бауеръ основываетъ первый законъ ассимиляціи: *чѣмъ многочисленнѣе меньшинство, тѣмъ меньше притягательная сила большинства; чѣмъ малочисленнѣе меньшинство, тѣмъ вѣрнѣе его ассимиляція.*

Однако не только абсолютная, но и относительная многочисленность меньшинства играетъ свою роль. Важно численное отношеніе меньшинства къ общему числу населенія данной мѣстности. Въ какомъ-нибудь городкѣ богемскаго каменноугольнаго района живутъ 2.000 чеховъ вмѣстѣ съ 3.000 нѣмцевъ. Здѣсь количество чеховъ по сравненію съ общимъ числомъ мѣстнаго населенія такъ велико, что нѣмецкое большинство совершенно не въ силахъ ассимилировать мѣстныхъ чеховъ, хотя они и въ меньшинствѣ. А вотъ въ Вѣнѣ чеховъ болѣе 100.000, но, хотя, абсолютно, эта цифра очень велика, тѣмъ не менѣе по сравненію съ двухъ-милліоннымъ населеніемъ столицы Австріи она ничтожна, вслѣдствіе чего вѣнскимъ чехамъ довольно трудно избѣгнуть ассимиляціи. Хотя пріѣзжающіе въ Вѣну чехи находятъ тамъ повсюду громадное количество сородичей, однако, многіе пришельцы, а особенно ихъ дѣти, подвергаются германизаціи подъ давленіемъ окружающей ихъ атмосферы громаднаго нѣмецкаго центра. Вообще, крупные города создаютъ чрезвычайно благопріятныя условія для процесса ассимиляціи, которому въ нихъ подвергается даже очень крупное меньшинство. Самый яркій примѣръ этого являютъ сѣверо-американскіе города, поглощающіе изъ года въ годъ громадное количество иноплеменныхъ и иноязычныхъ пришельцевъ. Въ Россіи такую роль играютъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса и т. д.

Второй законъ ассимиляціи формулируется Бауэромъ слѣдующимъ образомъ: *чѣмъ меньше меньшинство по сравненію съ общимъ числомъ населенія, тѣмъ легче ассимиляція.*

На ряду съ количественнымъ отношеніемъ между меньшинствомъ и большинствомъ самое сильное вліяніе оказываетъ на ассимиляцію способъ разселенія меньшинства. Отъ ассимиляціи лучше всего защищены этнографическіе острова съ крестьянскимъ населеніемъ, напр., нѣмецкія колоніи въ Галиціи (и въ Россіи—можно прибавить), хорватскія въ Нижней Австріи и т. д. Эти острова, представляя меньшинство по отношенію къ окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ національности, все же рѣзко отличаются отъ *нормальнаго* меньшинства. Въ этихъ колоніяхъ нѣмцы (или хорваты) составляютъ либо большинство, либо сплошное населеніе. Пока населеніе такой колоніи живетъ обособленной жизнью, не входя въ непрерывныя сношенія съ иноязычными сосѣдями, оно не ассимилируется. Ассимилируется только та часть его, которая принуждена выселиться. Такъ, напр., выходцы изъ галиційсконѣмецкихъ колоній, попадая въ города и нанимаясь тамъ въ качествѣ кельнеровъ, прислуги въ гостинницахъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д., ополячиваются, въ то время какъ колоніи, изъ которыхъ они вышли, продолжаютъ оставаться нѣмецкими. Только вторженіе капитализма, который разрушаетъ стѣну, отдѣляющую крестьянскую колонію отъ сосѣдняго населенія, прокладываетъ дорогу ассимиляціи. Такъ, напр., развитіе фабричной промышленности на востокѣ Силезіи и на западной окраинѣ Галиціи привлекаетъ въ нѣмецкія колоніи массу польскихъ рабочихъ, которые лишаютъ эти колоніи ихъ нѣмецкаго характера.

Аналогичный характеръ присущъ и мелкимъ городскимъ иноязычнымъ населеніямъ на чужой этнографической территоріи. Нѣмецкія мѣстечки въ Венгріи въ теченіе столѣтій сохраняли свою національность, пока жили своей обособленной, мелко буржуазной жизнью. Но вотъ капитализмъ заполнилъ ихъ словацкими рабочими, мадьярскими чиновниками и желѣзнодорожными служащими, и нѣмцы, превратившись въ меньшинство, уже не могутъ сохранить свою національность.

Содѣйствуя ассимиляціи мелкихъ этнографическихъ острововъ деревенскаго и городского типа, капитализмъ нерѣдко самъ создаетъ новые языковые острова. Каменноугольное товарищество строитъ рядъ домовъ для рабочихъ въ окрестностяхъ нѣмецкаго города въ Богеміи. Эти дома заполняются исключительно пришлыми чешскими рабочими, которые, такимъ образомъ, создаютъ своеобразный микрокосмъ. Чешскіе рабочіе живутъ въ своей средѣ, все необходимое они покупаютъ въ фабричной лавкѣ, свободное время проводятъ въ фабричномъ ресторанѣ, говорятъ постоянно по-чешски и почти совершенно не сталкиваются ни съ городскими, ни съ сельскими жителями нѣмцами. Ихъ дѣти тоже

не подвергаются нѣмецкому вліянію, такъ какъ играютъ только между собой. Рабочіе, поселившіеся въ такой фабричной колоніи, ассимилируются несравненно труднѣе рабочихъ, живущихъ въ городахъ, среди нѣмецкаго населенія. Чешскіе рабочіе, занятые на кирпичныхъ заводахъ и живущіе подъ самой Вѣной въ спеціальныхъ колоніяхъ, остаются чехами, въ то время, какъ чехъ-слесарь, поселяющійся въ Вѣнѣ, становится нѣмцемъ.

Однако и тамъ, гдѣ меньшинство живетъ въ городѣ большинства, могутъ быть образованы поселенія, гораздо болѣе похожія на не поддающіеся ассимиляціи этнографическіе острова, нежели на нормальное, ассимилирующееся меньшинство. Часто, напр., меньшинство живетъ въ обособленныхъ участкахъ города. Примѣръ—еврейское «гетто», благодаря которому евреи въ теченіе столѣтій сохранили свои индивидуальныя черты отдѣльнаго племени. Евреи, живущіе внѣ гетто въ качествѣ торговцевъ, кабатчиковъ, ростовщиковъ, арендаторовъ и т. д., стали раньше подвергаться внѣшнему вліянію, нежели жители «гетто». Ассимиляція послѣднихъ началась лишь съ того времени, когда пали стѣны «гетто», и когда евреи стали селиться среди христіанъ. Еврейское «гетто» напоминаютъ европейскіе кварталы въ азіатскихъ и африканскихъ приморскихъ городахъ, гдѣ англичане, французы или итальянцы живутъ совершенно обособленной жизнью, греческіе кварталы въ восточныхъ городахъ, наконецъ—китайскіе въ городахъ Сѣверной Америки. Полная обособленность этихъ инородческихъ поселеній, совершенно противодѣйствуетъ ихъ ассимиляціи.

И настоящее, нормальное меньшинство, живущее среди большинства, можетъ селиться различнымъ образомъ. При этомъ его склонность къ ассимиляціи зависитъ отъ степени его смѣшенія съ большинствомъ. Вѣнскій чехъ, живущій въ такихъ частяхъ города, какъ Іозефштадтъ или Вѣрингъ, ассимилируется гораздо легче чешскаго жителя Фаворитена, потому что въ первыхъ сравнительно мало чеховъ, въ послѣднемъ же онъ встрѣчаетъ ихъ въ каждомъ домѣ, въ каждой мастерской, въ каждомъ ресторанѣ. Ремесленный ученикъ или подмастерье-чехъ, работающіе и живущіе у нѣмца-мастера, служанка-чешка въ нѣмецкомъ домѣ, чехъ-поденщикъ, раздѣляющій квартиру съ нѣмецкими рабочими—всѣ эти элементы ассимилируются гораздо легче семейныхъ чеховъ, живущихъ собственнымъ домомъ и употребляющихъ родной языкъ въ семьѣ.

Этнографическій островъ со сплошнымъ крестьянскимъ населеніемъ съ одной стороны и чешскій подмастерье, живущій у нѣмецкаго мастера—съ другой, вотъ два діаметрально-противоположныхъ типа разселенія меньшинства. Въ первомъ случаѣ ассимиляція невозможна, во второмъ—она совершенно неизбѣжна. Между этими двумя крайностями много переходныхъ ступеней, и на каждой изъ нихъ вѣроятность ассимиляціи различна. Изъ этого слѣдуетъ третій законъ ассимиляціи: *ассимиляція тѣмъ легче,*

чѣмъ болѣе меньшинство распылено и чѣмъ болѣе оно проникаетъ въ жилища большинства; ассимиляція тѣмъ труднѣе, чѣмъ сплоченнѣе меньшинство, и чѣмъ болѣе оно удалено отъ мѣстожительства большинства; ассимиляція совершенно невозможна въ тѣхъ случаяхъ, когда меньшинство образуетъ вполнѣ обособленные этнографическіе острова.

Сближеніе между меньшинствомъ и большинствомъ зависитъ не только отъ способа разселенія перваго, но и отъ ряда другихъ условій. Одной изъ помѣхъ сближенію является *раса*. Онѣмеченный чехъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ коренныхъ нѣмцевъ, и его происхожденіе никого не интригуетъ. Дѣти онѣмеченнаго чеха—настоящіе нѣмцы. Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда меньшинство отличается отъ большинства расой. Ассимилированный еврей отличается рассовыми чертами отъ того большинства, къ которому онъ примкнулъ. Расовые инстинкты и предразсудки переживаютъ ассимиляціи и затрудняютъ болѣе тѣсное общеніе Напр., смѣшанные браки между арійцами и ассимилированными евреями все еще сравнительно рѣдки, что препятствуетъ полному поглощенію еврейскаго меньшинства арійскимъ большинствомъ. Чѣмъ сильнѣе различіе расъ, тѣмъ труднѣе ихъ ассимиляція. Китайскіе иммигранты на Малайскихъ островахъ ассимилируются съ кореннымъ населеніемъ, негры—не ассимилируются. Образованные негры Сѣверной Америки, несмотря на полное усвоеніе англо-американской культуры, не сливаются со своими бѣлокожими согражданами вслѣдствіе *«line of colour»* (демаркаціонной черты цвѣта кожи).

Еще сильнѣе препятствуетъ сближенію отличіе расъ, соединенное съ различіемъ культурнаго уровня. Въ Конго маленькая горсточка бельгійскихъ купцовъ, чиновниковъ и военныхъ не можетъ быть поглощена колоссальной массой мѣстныхъ негровъ, такъ какъ послѣдніе стоятъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ культурнаго азвитія. Однако, и среди цивилизованныхъ націй существуютъ замкнутые міры культуры, раздѣленные глубокой пропастью. Такими мірами являются націи, принадлежащія къ европейско-американскому культурному типу, затѣмъ къ магометанскому, индійскому, китайскому. Европейская и китайская культуры такъ долго развивались совершенно независимо одна отъ другой, что теперь ихъ сліяніе даже у отдѣльныхъ личностей невозможно. Китаецъ въ Америкѣ почти никогда не подвергается ассимиляціи.

Въ предѣлахъ одного и того же культурнаго міра различіе вѣроисповѣданія очень часто препятствуетъ ассимиляціи. Такъ, напр., у поляковъ сохраненію ихъ національности способствуетъ то, что на западѣ они сталкиваются съ нѣмцами-протестантами, на востокѣ же—съ уніатами-украинцами, а на сѣверѣ—съ русскими-православными. Армянъ защищаетъ отъ денаціонализаціи армяно-грегоріанская церковь. Французы въ Канадѣ не ассимилируются

съ мѣстными англичанами потому, что послѣдніе—протестанты, въ то время, какъ первые—католики. Очень часто вѣроисповѣдное единство является предварительнымъ условіемъ для осуществленія національной ассимиляціи. Такъ, церковная унія 1596 г. способствовала полонизаціи украинской знати и высшаго украинскаго духовенства. Иногда расколъ является орудіемъ противъ ассимиляціи, какъ это было въ Болгаріи, гдѣ учрежденіе самостоятельнаго экзархата дало возможность противодѣйствовать греческому ассимиляціонному вліянію.

Говоря о вѣроисповѣданіи, какъ о факторѣ ассимиляціи, Бауеръ не упоминаетъ объ одномъ очень характерномъ явленіи въ этой области. Вѣроисповѣданіе сплошь и рядомъ рѣшаетъ о направленіи ассимиляціи. Бѣлоруссъ-католикъ, попадая въ Вильно, становится тамъ полякомъ, бѣлоруссъ-православный—русскимъ. Выходцы изъ Бѣлоруссіи католики, попадая въ Сѣв. Америкѣ въ такіе центры, какъ Чикаго, Бёффало и т. д., гдѣ крупныя польскія колоніи живутъ самостоятельной жизнью, сосредоточенной по большей части около костела и костельныхъ организацій, возвращаются совершенно ополяченными вслѣдствіе воздѣйствія на нихъ польской церковной атмосферы. Нерѣдки случаи полонизаціи нѣмцевъ, французовъ и англичанъ-католиковъ, благодаря вліянію общаго съ поляками вѣроисповѣданія, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ и Петербургъ. Чехи-протестанты въ Петербургѣ онѣмечиваются. То же самое происходитъ здѣсь съ датчанами.

Родственность языка является важнымъ условіемъ ассимиляціи. Еврею, говорящему на жаргонѣ, легче стать нѣмцемъ, чѣмъ полякомъ. Романскіе ладины въ Тиролѣ превращаются въ итальянцевъ, а не въ нѣмцевъ. Украинскій языкъ ближе къ русскому, нежели къ польскому, поэтому русскіе украинцы легче обрусѣваютъ, чѣмъ галиційскіе ополячиваются.

Примѣры, подобранные Бауеромъ, не совсѣмъ удачны, и имъ можно было бы противопоставить цѣлый рядъ другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что родственность языка не играетъ важной роли. Такъ, напр., литовцы, живущіе рядомъ съ бѣлоруссами, быстро ассимилируются съ послѣдними, хотя языки—бѣлорусскій и литовскій—вовсе не родственны. Швейцарскіе ладины ассимилируются съ нѣмцами, хотя ихъ языкъ романскій. Не вѣрно и то, будто галиційскіе украинцы труднѣе ополячиваются, чѣмъ русскіе—обрусѣваютъ. Въ Галиціи (и въ Холмщинѣ) существуетъ довольно широкая полоса деревень, нѣкогда украинскихъ, теперь же говорящихъ исключительно по-польски. Аналогичное явленіе на русско-украинской межѣ не наблюдается.

Довольно часто родственность языка *препятствуетъ* ассимиляціи. Чехъ, попавшій въ чисто-нѣмецкую среду, долженъ усвоить нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ его никто не пойметъ. Чехъ, живущій среди поляковъ, продолжаетъ говорить

по-чешски, и его всѣ съ грѣхомъ пополамъ понимаютъ. Мнѣ приходилось встрѣчать чеховъ, которые жили въ Галиціи по 15-20 лѣтъ, и все еще не владѣли польскимъ языкомъ.

Четвертый законъ ассимиляціи, выведенный Бауеромъ изъ вышеприведенныхъ фактовъ, гласитъ: *національная ассимиляція развивается тѣмъ легче, чѣмъ меньшинство родственнѣе большинству по расѣ, культурѣ, вѣроисповѣданію и языку.*

II.

Четыре первыхъ закона ассимиляціи распространяются на всякое національное меньшинство. Однако, ассимиляціонная способность меньшинства зависитъ и отъ ея соціальнаго состава. Всякому общественному классу присущи особые законы ассимиляціи. Крупные землевладѣльцы и буржуазія обыкновенно ассимилируются съ господствующей національностью. Украинская знать подъ польскимъ господствомъ ополячивалась, подъ русскимъ—обрусѣвала. Литовская знать ополячилась. Значительная часть остзейскихъ бароновъ превратилась въ русскихъ. Остатки чешской знати послѣ бѣлогорскаго пораженія онѣмечились. Словацкіе дворяне стали мадьярами. Сербскіе князья послѣ завоеванія Босніи турками приняли магометанство и считаютъ себя турками. Фламандская буржуазія приняла французскій языкъ и французскіе обычаи. Нѣмецкая буржуазія въ Венгріи омадьярилась. Еврейская буржуазія ассимилируется съ господствующей національностью— въ Чехіи и Моравіи съ нѣмцами, а не съ чехами, въ Галиціи—съ поляками, а не съ украинцами, въ Венгріи—съ мадьярами, но не со словаками, въ Литвѣ—съ русскими, а не съ литовцами или съ поляками.

Господствующіе классы иногда сливаются и съ подчиненными націями. Такъ, скандинавскіе варяги слились съ русскими племенами, финно-тюркскіе болгары—съ завоеванными славянскими крестьянами. Литовскіе князья приняли въ XIV столѣтіи бѣлорусскій языкъ. Германскіе завоеватели во Франціи, Италіи, Испаніи были поглощены кельто-романскими массами. Завоеватели попадали тутъ въ водоворотъ высокоразвитыхъ общественныхъ отношеній государствъ, стоящихъ на культурномъ уровнѣ, превышающемъ культурный уровень самихъ завоевателей. Благодаря общенію съ господствующими классами романскаго населенія страны и необходимости приспособиться къ романскимъ формамъ государственной жизни, которою они должны были заправлять, завоеватели постепенно слились съ завоеванными націями. Англійская національность обязана своимъ происхожденіемъ ассимиляціи нормандскихъ завоевателей съ англо-саксонско-кельтской народной массой. Германцы-норманны сначала приняли на французской почвѣ мѣстный языкъ, который

они затѣмъ, на англійской почвѣ, смѣшали съ англосаксонскими элементами. Бауеръ доказываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда господствующіе классы ассимилируются съ народными массами, первые не просто принимаютъ языкъ и культуру послѣднихъ, но совершенно перерабатываютъ ихъ, создавая нѣчто новое.

Ассимиляція обыкновенно измѣняетъ языкъ и культуру ассимилирующей національности. Такъ напр., у нѣмецкаго населенія альпійскихъ провинцій Австріи сохранилось—въ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ, суевѣріяхъ, архитектурѣ и т. д.—множество элементовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что это населеніе въ извѣстной мѣрѣ славянскаго происхожденія. Ассимилированное меньшинство наложило свой отпечатокъ на языкъ и культуру ассимилировавшаго его большинства. Однако, въ этомъ случаѣ измѣненія гораздо менѣе значительны тѣхъ, которыя мы наблюдали во Франціи, Италіи или въ Англіи. Ассимиляція трудовыхъ классовъ вызываетъ менѣе значительныя измѣненія въ языкѣ и обычаяхъ ассимилирующей національности; ассимиляція господствующихъ классовъ сплачиваетъ ассимилирующихъ и ассимилируемыхъ въ новую національность съ новымъ языкомъ.

Тамъ, гдѣ господствующій классъ завоевателей наталкивается на населеніе, не имѣющее собственнаго господствующаго класса и состоящее изъ порабощеннаго, эксплуатируемаго, малокультурнаго крестьянства, рабочихъ и мелкой буржуазіи, тамъ господствующій классъ завоевателей не подвергается ассимиляціи. Примѣровъ, иллюстрирующихъ это положеніе, множество: нѣмецкіе помѣщики среди словенскаго населенія въ Крайнѣ; мадьярскіе аристократы на румынской, словацкой или нѣмецкой территоріи Венгріи; польская шляхта среди украинскихъ крестьянъ Восточной Галиціи и правобережной Украйны, литовскихъ крестьянъ Литвы и бѣлорусскихъ—Бѣлоруссіи; нѣмецкіе бароны среди латышей и эстонцевъ Остзейскаго края; турецкіе беги среди болгарскихъ и сербскихъ крестьянъ Македоніи; наконецъ, русскіе помѣщики среди поволжскихъ инородцевъ. Неспособность буржуазіи къ ассимиляціи въ подобныхъ условіяхъ видна на примѣрахъ нѣмецкихъ фабрикантовъ въ чешскихъ промышленныхъ городахъ, итальянскихъ купцовъ среди славянской мелкой буржуазіи Далмаціи, валлонской буржуазіи во Фландріи, шведской—въ Финляндіи, греческихъ и итальянскихъ купцовъ въ городахъ побережья Средиземнаго моря, персовъ среди индусовъ въ Бомбеѣ, еврейскихъ купцовъ въ колоніяхъ и т. д.

При измѣненіи соціальнаго состава большинства измѣняются и условія національной ассимиляціи меньшинства. До 1620 г. въ Богеміи дворяне нѣмецкаго происхожденія сливались съ чехами и принимали участіе въ ихъ борьбѣ съ нѣмецкими князьями. Послѣ бѣлогорскаго пораженія остатки чешскаго дворянства приняли нѣмецкій языкъ, ассимилируясь съ нѣмецкимъ дворянствомъ, обра-

зующимъ теперь большинство. Съ этого же времени каждый чехъ, который пріобрѣталъ болѣе крупное имущество, высшее образованіе или высшее соціальное положеніе, становился неизбѣжно нѣмцемъ, потому что въ предѣлахъ господствующаго класса большинство представляли нѣмцы, ассимилировавшіе меньшинство. Но когда въ XIX столѣтіи чешская національность возродилась къ новой жизни, когда начала развиваться чешская буржуазія, на сцену явился процессъ *реассимиляціи*: семьи чешскаго происхожденія, которыя примкнули къ нѣмецкой буржуазіи, начинаютъ переходить на сторону нарождающейся чешской. Типиченъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ, разсказываемый Бауеромъ. Сынъ чешскаго крестьянина въ Моравіи сталъ въ 1860 г. учителемъ гимназіи. Онъ, конечно, считалъ себя нѣмцемъ, дѣтей воспитывалъ по-нѣмецки, и его старшее потомство—нѣмцы. Однако, за послѣднія десятилѣтія въ Моравіи выросли чешская буржуазія и чешскій образованный классъ, и самыя младшія дѣти вышеупомянутаго учителя гимназіи—чехи по языку и самосознанію.

Подобный процессъ реассимиляціи образованнаго класса наблюдается повсюду, при возрожденіи т. н. «неисторическихъ» націй: у фламандцевъ, у финновъ, у украинцевъ, латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ, грузинъ, болгаръ. Всѣ они были крестьянской массой, управляемой инородческими господствующими классами—французскими, шведскими, польскими, нѣмецкими, русскими, армянскими, греческими. Сынъ крестьянина, получая высшее образованіе, ассимилировался иноязычнымъ господствующимъ классомъ. По мѣрѣ количественнаго роста такихъ образованныхъ людей и по мѣрѣ проникновенія демократическихъ идей въ ихъ среду, эта интеллигенція возвращается къ родной національной стихіи. Реассимиляція даетъ этой націи національную интеллигенцію, которая создаетъ національную литературу и печать и вызываетъ національно-политическое движеніе народныхъ массъ.

Съ подобнымъ же явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ современной Индіи. Получившая европейское образованіе интеллигенція Бенгаліи усвоила англійскій языкъ и англійскую культуру. Она прониклась европейскимъ міровоззрѣніемъ и боролась съ бытовыми пережитками родной страны. Когда количество этой туземной интеллигенціи сильно увеличилось, стало расти и ея національное самосознаніе. Въ настоящее время она прибѣгаетъ къ родному языку въ печати, создаетъ новую литературу на мѣстномъ языкѣ и старается приноровить традиціонную религію къ своимъ требованіямъ. Мы видимъ тутъ сначала процессъ ассимиляціи съ инородцами-завоевателями, а затѣмъ процессъ реассимиляціи возвращенія къ родной народной стихіи.

Такимъ образомъ ассимиляціонная способность крупнаго землевладѣнія и буржуазіи всегда зависитъ отъ соціальнаго состава большинства, среди котораго они живутъ. Законъ ассимиляціи этихъ

классовъ формулируется Бауеромъ слѣдующимъ образомъ: *Господствующіе классы ассимилируются съ господствующей національностью тамъ, гдѣ они входятъ въ живое общеніе съ ея господствующими классами и гдѣ они пользуются частью государственной власти послѣднихъ. Они ассимилируются съ подчиненной національностью только тогда, когда находятъ въ ея средѣ аналогичный господствующій классъ; сливаясь съ подчиненой національностью, они вызываютъ значительныя измѣненія въ ея языкѣ и культурѣ; когда же подчиненная національность не обладаетъ собственнымъ господствующимъ классомъ и состоитъ лишь изъ народныхъ массъ, ассимиляція живущаго на ея территоріи инородческаго господствующаго класса невозможна. Въ послѣднемъ случаѣ скорѣе ассимилируются отдѣльныя личности, переходящія изъ большинства въ господствующее меньшинство и принимающія національность послѣдняго—до тѣхъ поръ, пока количество такихъ личностей не особенно велико.*

Особеннаго вниманія достойны ассимиляціонные процессы, обусловленные переходомъ обществъ отъ національнаго хозяйства къ денежному. Такъ, напр., въ Польшѣ до XIV столѣтія носителями денежнаго хозяйства были нѣмцы. Польскіе дворяне и крестьяне вели еще всецѣло натуральное хозяйство. Но съ XIV столѣтія денежное хозяйство начинаетъ быстро развиваться и на польской почвѣ: растутъ города, появляется польскій мѣщанскій классъ, который проникаетъ въ нѣмецкіе города. Нѣмцы, которые прежде образовали неподдающіеся ассимиляціи городскіе этнографическіе острова, мало-по-малу становятся меньшинствомъ въ городахъ, все болѣе и болѣе заполняемыхъ поляками, и ополячиваются. Такъ, напр., въ Краковѣ въ XIV ст. всѣ ремесленники были нѣмцы. Въ 1392 впервые упоминается о сапожникахъ-полякахъ. Постепенно среди ремесленниковъ поляки образуютъ большинство. Съ 1539 г. краковскій цехъ сапожниковъ употребляетъ на своихъ собраніяхъ исключительно польскій языкъ. Въ 1600 г. нѣмецкій языкъ выходитъ изъ употребленія въ городскомъ судѣ. Такимъ путемъ нѣмецкое большинство превратилось сначала въ меньшинство, а затѣмъ растворилось среди польскаго большинства.

Вслѣдствіе совершенно аналогичныхъ причинъ евреи (которые въ средневѣковье были единственными, либо самыми типичными представителями денежнаго хозяйства среди массъ, ведущихъ натуральное хозяйство) сохраняли свою національность, пока «христіане не стали сами евреями», т. е. не начали заниматься тѣмъ же, что прежде было монополіей евреевъ. И вотъ во всей западной и средней Европѣ евреи ассимилировались, между тѣмъ какъ восточно-европейскіе евреи, которые живутъ еще теперь среди крестьянства, по большей части ведущаго натуральное хозяйство, кажутся неподдающимися ассимиляціи. Однако, и они подвергнутся ассимиляціи по мѣрѣ того, какъ и въ восточную Европу проникнетъ

товарное производство, и денежное хозяйство замѣнитъ натуральное. Судьба нѣмецкаго элемента въ Польшѣ указываетъ и польскимъ евреямъ путь къ ихъ развитію въ будущемъ. Націи, являющіяся носительницами денежнаго хозяйства среди народныхъ массъ, ведущихъ натуральное хозяйство, сохраняютъ свою національность; онѣ ассимилируются по мѣрѣ того, какъ окружающія ихъ массы переходятъ къ денежному хозяйству.

Инымъ законамъ подчиняется національная ассимиляція тамъ, гдѣ рабочія массы представляютъ національное меньшинство. Ихъ способность ассимилироваться находится въ прямой зависимости отъ условій ихъ труда. Каждой изъ крупныхъ историческихъ стадій эксплуатаціи труда присущи соціальные законы ассимиляціи.

Рабство сильно благопріятствуетъ ассимиляціи. Привозимые изъ Азіи, Африки, Германіи и Галліи въ Римъ рабы приняли латинскую рѣчь. Точно также и привезенные въ Америку негры усвоили англійскій языкъ, христіанство англо-американскаго типа и нравы янки. *Крѣпостное право*, напротивъ, не посягаетъ на національность крѣпостныхъ. Чешскіе крестьяне, принадлежавшіе нѣмецкимъ помѣщикамъ, латышскіе подданные нѣмецкихъ бароновъ, украинскіе, литовскіе и бѣлорусскіе крѣпостные въ имѣніяхъ польской знати сохранили свою національность. Въ Каринтіи словенскіе крѣпостные нѣмецкихъ помѣщиковъ онѣмечились потому, что ихъ захлестнула волна нѣмецкой крестьянской колонизаціи. Въ сосѣдней Крайнѣ, гдѣ такой колонизаціи не было, словенскіе крестьяне, точно также бывшіе крѣпостными нѣмецкихъ помѣщиковъ, сохранили свою національность. Отсюда выводъ: *рабство ассимилируетъ, крѣпостная зависимость—нѣтъ.*

Дѣйствіе этого закона замѣчается и въ настоящихъ, измѣнившихся условіяхъ. Домашняя прислуга, положеніе которой напоминаетъ рабство, легко ассимилируется. Чешскіе слуги въ нѣмецкихъ домахъ, украинскіе въ польскихъ легко и быстро теряютъ свою національность. Славянскій колонистъ на землѣ итальянскаго помѣщика, славянскій «кметъ» турецкаго аги, находящіеся въ зависимости, напоминающей крѣпостное право, остаются славянами.

Рабству и крѣпостной зависимости пришелъ на смѣну капиталистическій наемный трудъ. Капитализмъ гонитъ громадныя массы пролетаріевъ въ чужія страны, причемъ эти пролетарскія странствованія получаютъ двоякій характеръ. Эмиграція бываетъ или аграрная, или же промышленная.

Исходнымъ пунктомъ аграрной эмиграціи является территорія, населеніе которой занимается по преимуществу сельскимъ хозяйствомъ, причемъ производительность послѣдняго разсчитана на мѣстное потребленіе. Крестьянская семья потребляетъ то, что сама производитъ, и только при исключительномъ урожаѣ излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ попадаетъ на рынокъ. Причина эмиграціи коренится въ ростѣ населенія. Какъ только его число таково,

что земля—при наличности, традиціонныхъ способовъ обработки и распредѣленія—не можетъ дать пропитанія всѣмъ, часть естественнаго приращенія должна эмигрировать и искать заработка на чужбинѣ. Въ этомъ случаѣ эмиграція обозначаетъ переходъ изъ докапиталистическаго хозяйства въ капиталистическое и превращеніе крестьянина въ наемнаго рабочаго.

Исходнымъ пунктомъ промышленной эмиграціи явится промышленный округъ, вовлеченный въ водоворотъ капиталистическаго производства. Эмигранты были у себя на родинѣ рабочими и, переселившись, они продолжаютъ быть ими или же становятся фермерами. Они эмигрировали либо потому, что не находили на родинѣ работы, либо стремились къ высшему заработку, къ лучшимъ условіямъ труда, а то и надѣясь на переходъ въ ряды имущихъ классовъ. Эмиграція здѣсь—явленіе, развивающееся въ рамкахъ капиталистическаго міра и сводящееся къ отливу пролетарскихъ массъ изъ областей, въ которыхъ соціальный гнетъ сильнѣе, въ области, подверженныя меньшему соціальному гнету.

Созданное пролетарской эмиграціей національное меньшинство проявляетъ разнообразную склонность къ ассимиляціи въ зависимости отъ разнообразія типовъ этой эмиграціи.

На самой низшей ступени аграрной эмиграціи стоятъ китайскіе и индійскіе кули. Работая вмѣстѣ съ рабочими европейскаго происхожденія, они не смѣшиваются съ ними, такъ какъ раздѣляющая ихъ культурная пропасть дѣлаетъ невозможнымъ всякое общеніе между двумя этими группами. На слѣдующей ступени находятся македонцы и итальянцы, занятые въ Австріи и въ Германіи при земляныхъ работахъ, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, при регулированіи рѣкъ и т. д., затѣмъ поляки, украинцы, словаки, румыны, испанцы, португальцы, которые работаютъ въ качествѣ чернорабочихъ въ американскомъ земледѣліи, въ горнозаводской и фабричной промышленности. И они живутъ обыкновенно въ полномъ разъединеніи съ мѣстными рабочими и вслѣдствіе этого не ассимилируются. Наивысшую ступень аграрной эмиграціи представляютъ: сыновья нѣмецкихъ крестьянъ, которые въ пятидесятыхъ годахъ эмигрировали въ Америку; сыновья чешскихъ крестьянъ, прибывающіе въ Вѣну или въ сѣверную Богемію въ качествѣ строительныхъ рабочихъ, каменьщиковъ, горнорабочихъ, поденщиковъ или ремесленныхъ учениковъ; сыновья польскихъ крестьянъ, эмигрирующіе въ силезско-моравскій каменноугольный районъ. Эта категорія являетъ самый благодарный матеріалъ для ассимиляціи. Исходный пунктъ такой эмиграціи—область, достигнувшая извѣстной степени развитія отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Культурный уровень такихъ эмигрантовъ не много, гимъ отличается отъ культурнаго уровня мѣстныхъ рабочихъ, съ которыми имъ приходится работать рука объ руку.

Эмиграція ведетъ къ «урбанизаціи» этихъ сыновей крестьянъ,

къ превращенію ихъ изъ сельскихъ жителей въ городскихъ, изъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, что влечетъ за собой полный переворотъ въ ихъ жизненномъ обиходѣ. Они теперь иначе живутъ, иначе одѣваются, питаются, развлекаются и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ подвергается измѣненію ихъ самосознаніе. При такихъ условіяхъ національная ассимиляція не встрѣчаетъ на своемъ пути серьезныхъ препятствій, она становится какъ-бы составной частью соціальной ассимиляціи. Такому эмигранту не трудно усвоить новый языкъ, потому что вѣдь онъ принужденъ усвоить совершенно новый образъ жизни во всей ея совокупности. Національная ассимиляція сопровождаетъ тугъ стихійно «урбанизацію» и пролетаризацію. Такіе быстро и вполнѣ ассимилированные элементы нѣмецкаго, ирландскаго и скандинавскаго происхожденія снабдили англо-американскую націю самымъ цѣннымъ составнымъ матеріаломъ.

На самый высшій типъ аграрнаго эмигранта похожъ самый низшій эмигранта промышленнаго. Слесарный подмастерье изъ чешской деревни или изъ чешскаго мѣстечка онѣмечивается въ Вѣнѣ еще легче, нежели сынъ чешскаго крестьянина; легче, потому что въ качествѣ обученнаго рабочаго онъ сталкивается постепенно съ такими же нѣмецкими рабочими, представляющими здѣсь большинство.

Труднѣе ассимилируется промышленный эмигрантъ ближайшей нѣсколько высшей категоріи. Чешскій механикъ, долго работавшій въ Прагѣ на машинной фабрикѣ, читавшій чешскія газеты и брошюры, принадлежавшій къ чешскимъ ферейнамъ, принимавшій участіе въ чешской политической жизни, пріѣхавъ въ Вѣну, не порветъ съ такой легкостью, какъ сынъ крестьянина, тѣ связи, которыя соединяютъ его съ чешской культурно-политической жизнью. Въ настоящее время наплывъ чешскаго элемента въ Вѣну не меньше прежняго, но теперь эмигранты не поддаются такъ легко ассимиляціи, такъ какъ болѣе значительная часть этой эмиграціи состоитъ изъ элементовъ, достигнувшихъ высшей ступени культурно-національнаго развитія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что соціальный подъемъ рабочаго, пріобщеніе его къ національно-культурной жизни, усиленіе самосознанія затрудняютъ ассимиляцію. Ассимиляціи не подвергаются совершенно эмигранты, которые значительно превышаютъ мѣстныхъ рабочихъ по квалифицированности своего труда и по культурному уровню. Нѣмецкій монтеръ, желѣзнодорожникъ, наборщикъ не ассимилируются съ чешскими и польскими горнорабочими въ Силезіи, точно также и англійскій рабочій—съ туземными рабочими Африки и Азіи.

Законъ ассимиляціи пролетаріата формулируется Бауеромъ слѣдующимъ образомъ. *Эмигрантъ-пролетарій аграрнаго типа ассимилируется тѣмъ легче, эмигрантъ-пролетарій промышлен-*

наго типа тѣмъ труднѣе, чѣмъ выше хозяйственное развитіе ихъ родины, чѣмъ выше технически родъ ихъ работъ, чѣмъ выше ихъ культурный уровень. Эмигранты самой низшей и самой высшей сферъ не поддаются ассимиляціи. Средняя сфера (т. е. высшій типъ аграрной эмиграціи и низшій типъ промышленной) ассимилируется очень легко.

Законъ ассимиляціи мелкихъ собственниковъ отличается своеобразнымъ характеромъ. Чешскій лавочникъ остается въ нѣмецкомъ городѣ чехомъ, если его покупатели-чешскіе рабочіе; тотъ же лавочникъ превращается въ нѣмца, если ему приходится считаться съ нѣмецкими покупателями. Гэто-романская мелкая буржуазія восточной Швецаріи онѣмечивается благодаря наплыву нѣмецкихъ туристовъ: *lingua del pane* (хлѣбный языкъ) побѣждаетъ тутъ *lingua del cuore* (языкъ сердца). Мелкій буржуа принимаетъ такимъ образомъ національность своихъ кліентовъ. Тамъ же, гдѣ между мелкой буржуазіей и покупателями стоитъ капиталистическое торговое посредничество, ремесленникъ превращается въ рабочаго, работающаго на дому, и въ этомъ случаѣ на него распространяется тотъ законъ ассимиляціи, которому подчиненъ пролетарій.

Труднѣе ассимилируется крестьянство. Примѣръ крестьянской ассимиляціи являютъ славянскіе жители Мекленбурга и Помераніи, онѣмечивающіеся благодаря воздѣйствію нѣмецкихъ колонистовъ. Славянскіе князья привлекли въ эти области нѣмецкихъ колонистовъ, которые мало по малу стали здѣсь большинствомъ. А такъ какъ славянскія поселенія были разбросаны на большомъ пространствѣ, то нѣмецкія колоніи окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и въ концѣ-концовъ ассимилировали. Точно такъ же онѣмечиваются отдѣльные хутора чешскихъ крестьянъ, поселившихся въ Верхней Австріи.

Къ примѣрамъ, приведеннымъ Бауеромъ, можно бы еще добавить рядъ аналогичныхъ съ восточно-европейской территоріи. Великорусскіе крестьяне, окруживъ своими деревнями финскія деревни Поволжья, превращаютъ ихъ постепенно въ русскія. Громадное количество польскихъ выходцевъ, поселившихся среди украинскаго населенія Восточной Галиціи и Поднѣпровья, приняло украинскій языкъ. Великорусскія колоніи въ Ковенской губерніи нерѣдко принимаютъ языкъ своихъ литовскихъ сосѣдей. Нѣмецкіе колонисты-католики въ Познани ополячиваются. Вообще крестьяне сливаются въ національномъ отношеніи съ крестьянами же и только съ крестьянами. Ни съ помѣщиками, ни съ рабочими крестьяне не ассимилируются.

Изъ анализа законовъ ассимиляціи, относящихся къ отдѣльнымъ классамъ, Бауеръ выводитъ пятый основной законъ ассимиляціи: *Меньшинство ассимилируется только тогда, когда оно встрѣчаетъ у большинства такой классъ, который отвѣчаетъ ему по классовому положенію, профессіональному характеру,*

роду труда и уровню культуры. Ассимиляція всегда обозначаетъ сліяніе съ родственной по классовому положенію стихіей.

Изъ этого закона есть, однако, два исключенія. Одно представляетъ мелкая буржуазія, которая ассимилируется со своими кліентами, хотя бы они принадлежали и къ другому классу. Другимъ являются рабы, домашняя прислуга и подмастерья вмѣстѣ съ ремесленными учениками, живущіе у хозяевъ. Эти элементы принимаютъ языкъ и національность тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Впрочемъ, эти исключенія теряютъ свое значеніе. Первое—по мѣрѣ усиливающейся зависимости ремесла отъ крупнаго капитала, который разъединяетъ ремесленниковъ производителей и потребителей; второе, благодаря уничтоженію невольничества, упраздненію необходимости совмѣстной жизни подмастерьевъ и мастеровъ и реформамъ въ положеніи прислуги. Современная прислуга, очень часто мѣняющая господъ, ассимилируется гораздо труднѣе прежнихъ «дворовыхъ».

III

До сихъ поръ мы знакомились съ объективными условіями ассимиляціи, съ ея зависимостью отъ численности, разселенія и классоваго положенія меньшинства. Существуютъ, однако, и *идеологическія* условія. Въ Швейцаріи, гдѣ сознаніе принадлежности къ общей родинѣ сильнѣе національнаго чувства, ассимиляція меньшинства развивается гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ Австріи. Швейцарскій нѣмецъ въ «Вельшландѣ» охотно усваиваетъ французскій языкъ—такой же родной для швейцарца, какъ и нѣмецкій Легче всего происходитъ ассимиляція въ періодъ крупной соціальной, политической, религіозной борьбы.

Борьба за великія общечеловѣческія цѣли вызываетъ нѣкоторую безучастность къ національнымъ различіямъ, и люди, увлеченные этой борьбой, легко принимаютъ чужую національность. Этимъ объясняется фактъ, что въ періодъ великой англійской и великой французской революціи цѣлыя племена подвергались ассимиляціи. Опираясь на подобные факты, Марксъ и Энгельсъ полагали, что при превращеніи событій 1848 г. въ колоссальный революціонный пожаръ, который бы охватилъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія всю Европу, чехи, словенцы и галиційскіе украинцы легко ассимилируются. Соціализмъ былъ нерѣдко ассимиляціоннымъ стимуломъ. Такъ напр., Карлъ Каутскій превратился изъ чешскаго націоналиста въ нѣмецкаго соціалъ-демократа, поселившись въ Германіи. Въ исторіи Интернаціонала—это не единственный примѣръ. Тутъ можно было бы еще указать на цѣлый рядъ поляковъ, сознательныхъ украинцевъ, грузинъ и т. д., которые стали русскими, принимая участіе въ русскомъ революціонномъ движеніи 70—80 г.г.

Національная борьба, разжигающая національныя страсти, чрезвычайно затрудняетъ ассимиляцію. Въ 70-хъ годахъ ассимиляція евреевъ въ Россіи развивалась очень быстро. Но вотъ въ 1881 г. разразились погромы, и процессъ ассимиляціи замедлился, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ враждебный ассимиляціи еврейскій націонализмъ. Каждая античешская демонстрація нѣмецкихъ націоналистовъ въ Вѣнѣ или въ нѣмецкой части Богеміи преисполняетъ чеховъ ненавистью къ нѣмцамъ и тормозитъ ассимиляцію.

Національныя преслѣдованія меньшинства всегда вызываютъ результатъ, противуположный тому, котораго ожидаютъ иниціаторы этихъ преслѣдованій. Эпоха либерализма, когда идеалами являлись космополитизмъ, миръ, свобода торговли, благопріятствовали ассимиляціи. Современность съ ея имперіализмомъ, запретительными пошлинами, вооруженіями, колоніальными войнами настраиваетъ даже самыя мелкіе народцы противъ ассимиляціи. Отсюда вытекаетъ шестой общій законъ ассимиляціи: *экономическая, соціальная, политическая и религіозная борьба облегчаетъ ассимиляцію національная—затрудняетъ ее*

Какъ не всякія историческія эпохи благопріятствуютъ ассимиляціи, такъ и не всѣ національности обладаютъ одинаковой ассимиляціонной силой.

Крупныя націи, какъ нѣмцы, англичане, французы, русскіе, особенно же янки, поглотили въ теченіе столѣтій громадныя массы инородческаго населенія. Мелкія національности, какъ, напр., чехи, латыши, фламандцы, не съумѣли ассимилировать даже незначительное меньшинство. Сильныя, высококультурныя націи обладаютъ большей притягательной силой. Такъ, чехъ легче становится нѣмцемъ, нежели нѣмецъ—чехомъ, украинецъ—полякомъ, нежели полякъ—украинцемъ и т. д. Въ Буковинѣ украинцы легко ассимилировались съ румынами, пока послѣдніе стояли выше первыхъ въ культурномъ отношеніи. Теперь дѣло обстоитъ иначе: украинское большинство поглощаетъ румынское меньшинство. Англійская Сѣверная Америка ассимулируетъ легче испанской Южной Америки.

Поскольку какая-нибудь національность является носительницей историческаго прогресса, постольку растетъ и ея притягательная сила. Этимъ объясняется, напр., преобладаніе валлоновъ въ Бельгіи. Ихъ языкъ—это языкъ французской революціи, это—языкъ великихъ идей 1789 г. Седьмой основной законъ ассимиляціи, опирающійся на вышесказанное, гласитъ: *чѣмъ крупнѣе данная нація по количеству своихъ членовъ, по богатству, могуществу и культурѣ, тѣмъ сильнѣе ея притягательная сила по отношенію къ инородческому меньшинству, живущему на ея территоріи, тѣмъ упорнѣе не поддается она ассимиляціи тамъ, гдѣ она сама является меньшинствомъ на чужой территоріи.*

Намъ извѣстны теперь условія, опредѣляющія силу ассимиля

ціи. Однако, въ процессѣ ассимиляціи важную роль играетъ не только сила воздѣйствія большинства на меньшинство, но и длительность этого воздѣйствія. Эмигранты, пребывающіе непродолжительное время на чужбинѣ, не поддаются ассимиляціи. Рабочіе, зарабатывающіе отхожимъ промысломъ, сезонные рабочіе, всякаго рода временные переселенцы не ассимилируются. Ассимиляціи подвергается только прочно осѣдлое меньшинство. Но и не всякій эмигрантъ, переселившійся на чужбину навсегда, ассимилируется. Чехъ, который 14-лѣтнимъ ученикомъ пріѣхалъ въ Вѣну, становится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣмцемъ. Взрослый чехъ, поселяясь въ Вѣнѣ, остается чехомъ, и только его потомство онѣмечивается подъ вліяніемъ ассимилирующихъ факторовъ колоссальнаго нѣмецкаго центра. Точно такъ же обстоитъ дѣло съ нѣмецкимъ имигрантомъ во Французской Швейцаріи. Его дѣти говорятъ на двухъ языкахъ—по-нѣмецки дома, по-французски въ школѣ и внѣ дома, а внуки уже вполнѣ французы. Такимъ образомъ ассимиляція развивается постепенно—изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Однако, меньшинство можетъ все-таки сохранить свою національность, если тѣ бреши, которыя возникаютъ въ немъ вслѣдствіе ассимиляціи, заполняются новымъ притокомъ съ родины. Пришельцы, у которыхъ языкъ и самосознаніе еще не ослаблены долгимъ пребываніемъ на чужбинѣ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ національную стихію прежнихъ переселенцевъ. Когда такой притокъ прекращается, ассимиляція, при наличности благопріятствующихъ ей условій, развивается очень быстро. Такъ, напр. ассимиляція нѣмцевъ въ Америкѣ замѣтно ускорилась съ тѣхъ поръ, какъ затормозилась нѣмецкая эмиграція. Устойчивость чешскаго меньшинства объясняется постепеннымъ притокомъ чешскихъ эмигрантовъ съ чешской этнографической территоріи. Между тѣмъ, еврейское меньшинство, попадающее въ условія, благопріятствующія ассимиляціи, не можетъ никоимъ образомъ избѣжать послѣдней, такъ какъ у него нѣтъ собственной національной территоріи, снабжающей это меньшинство незатронутыми ассимиляціей элементами. Это, впрочемъ, не совсѣмъ точно. Правда, польскіе и русскіе евреи, попадая въ Лондонъ и въ Америку, ассимилируются тамъ гораздо быстрѣе поляковъ, литовцевъ или нѣмцевъ, но постоянный наплывъ жаргоннаго элемента изъ Польши и Россіи даетъ возможность существовать въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ громадному еврейскому добровольному «гетто» съ его своеобразной жизнью, печатью на жаргонѣ и т. д. Если бы не наплывъ новыхъ элементовъ, это «гетто» быстро бы исчезло. Бауеръ полагаетъ, что, по мѣрѣ сокращенія рождаемости у населенія чешскихъ округовъ и по мѣрѣ ихъ индустріализаціи, чешское меньшинство въ Вѣнѣ станетъ быстро таять, потому что наплывъ чеховъ въ столицу Австріи быстро сократится.

Всякое усиленіе большинства увеличиваетъ его ассимиляторскую

способность, хотя бы это усиленіе являлось результатомъ наплыва инородцевъ, лишь бы послѣдніе не принадлежали къ національности меньшинства. Такъ, напр., сѣверо-американскій городъ Мильуоки (Miluaukee) былъ въ свое время нѣмецкимъ городомъ. Однако, мало-по-малу онъ заполнялся пришельцами—не-англичанами: скандинавами, ирландцами, чехами, поляками, словаками, украинцами, итальянцами, испанцами, португальцами, македонцами, неграми и т. д. Всѣ эти иммигранты, чтобы понимать другъ друга, должны были прибѣгнуть къ одному общему языку, которымъ могъ быть только языкъ, господствующій въ странѣ—т. е. англійскій. И современемъ мильуокскіе нѣмцы очутились въ меньшинствѣ и стали быстро энглизироваться.

Послѣдній изъ основныхъ законовъ ассимиляціи Бауеръ формулируетъ такимъ образомъ: *Ассимиляція развивается тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе и чѣмъ непостояннѣе наплывъ элементовъ меньшинства, чѣмъ сильнѣе и постояннѣе наплывъ элементовъ большинства.*

Національная ассимиляція вытекаетъ изъ общенія меньшинства и большинства. Это общеніе создаетъ общность языка и культуры. И потому-то всѣ законы ассимиляціи могутъ быть сведены къ одному основному: *Всякое обстоятельство, содѣйствующее взаимному общенію большинства и меньшинства, благопріятствуетъ ассимиляціи; все, что мѣшаетъ взаимному общенію, тормазитъ ее.*

Отъ мирной національной ассимиляціи, вытекающей стихійно изъ повседневнаго общенія меньшинства съ большинствомъ, отличается другое явленіе, часто смѣшиваемое съ ассимиляціей, именно «національное принужденіе» (nationale Nötigung), какъ его называетъ Бауеръ.

Нѣмецкій фабрикантъ угрожаетъ чешскому рабочему лишеніемъ заработка, если тотъ не станетъ посылать дѣтей въ нѣмецкую школу. Союзъ нѣмецкихъ домовладѣльцевъ говоритъ чешскимъ рабочимъ: если вы не отдадите своихъ дѣтей въ нѣмецкую школу, вамъ нигдѣ не найти квартиры. Чешскій рабочій грозитъ нѣмецкому лавочнику: если ты не станешь чехомъ, мы у тебя не будемъ покупать. Вотъ примѣръ національнаго принужденія. Въ другихъ случаяхъ большинство прибѣгаетъ къ помощи государственной власти, чтобы принудить національное меньшинство къ ассимиляціи. Государство принуждаетъ чешскихъ рабочихъ въ Вѣнѣ посылать дѣтей въ нѣмецкія школы. Прусская, венгерская, русская государственная власть заявляютъ: кто не принадлежитъ къ господствующей національности, для того закрытъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Это тоже примѣръ національнаго принужденія. Возможность послѣдняго зависитъ, однако, отъ совершенно иныхъ факторокъ, нежели ассимиляція.

Національная ассимиляція зависитъ отъ степени общенія меньшинства съ большинствомъ, возможность національнаго принужде-

нія коренится во взаимоотношеніи силъ. Нѣмецкій фабрикантъ можетъ принуждать дѣтей чешскаго рабочаго къ посѣщенію нѣмецкой школы, пока рабочій не организованъ. Однако, сильный профессіональный союзъ дѣлаетъ національное принужденіе невозможнымъ. Впрочемъ, и неорганизованный рабочій поддается національному принужденію только тогда, когда его дѣла довольно плохи, При условіи процвѣтанія промышленности онъ не боится разсчета, такъ какъ ему легко найти заработокъ, и онъ не подчинится національному принужденію. Въ Пруссіи, Венгріи, Россіи, гдѣ господствующій классъ одной національности является хозяиномъ страны, національное принужденіе можетъ быть примѣняемо; въ Австріи, гдѣ ни одна изъ національностей не настолько сильна, чтобы господствовать надъ другой, примѣненіе національнаго принужденія государствомъ становится невозможнымъ. *Становится*— постепенно и медленно, слѣдуетъ замѣтить, ограничивая излишній оптимизмъ Бауера, но далеко еще не *стало*, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ верхнеавстрійскія, силезскія, галиційскія, каринтійскія и тирольскія отношенія.

Тамъ, гдѣ налицо условія національной ассимиляціи, она развивается неудержимо, съ желѣзной послѣдовательностью естественнаго закона. Наоборотъ, результаты національнаго принужденія сомнительны даже тамъ, гдѣ взаимноотношеніе силъ ему благопріятствуетъ. Ибо, если я принуждаю чеха прикидываться нѣмцемъ, то онъ вовсе еще не станетъ нѣмцемъ на самомъ дѣлѣ. И его дѣти будутъ чехами, несмотря на нѣмецкую школу, если они живутъ въ чешской, средѣ. На своей замкнутой этнографической территоріи никакой народъ не можетъ быть лишенъ своей національности: поляки въ Пруссіи и въ Россіи, нѣмцы, словаки и румыны въ Венгріи сохраняютъ свою національность помимо чужой школы, помимо государственнаго давленія. И меньшинство на чужой территоріи уступаетъ національному принужденію только въ томъ случаѣ, если оно входитъ въ постоянное общеніе съ большинствомъ.

Пока условія такого общенія между евреями и окружающими ихъ народами не существовали, принудительное крещеніе оставалось безъ результата. «Маранны» вплоть до XVIII столѣтія оставались евреями по національному самосознанію. Принудительное крещеніе создало сферу «тайныхъ евреевъ», которые, какъ извѣстно, встрѣчались даже среди католическаго духовенства, не исключая епископовъ (въ Испаніи). Когда же капитализмъ вызвалъ самое тѣсное общеніе евреевъ и христіанъ, національная ассимиляція евреевъ въ западной и средней Европѣ стала очень скоро свершившимся фактомъ. Стихійное общеніе привело въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій къ результатамъ, достигнуть которыхъ не удавалось государственному давленію втеченіе цѣлыхъ столѣтій. Точно такъ же поляки въ Америкѣ ассимилируются безъ труда, между

4*

тѣмъ какъ въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ національное принужденіе безплодно. Національное принужденіе можетъ до извѣстной степени ускорить ассимиляцію тамъ, гдѣ существуютъ объективныя условія послѣдней, но гдѣ этихъ условій нѣтъ, тамъ принужденіе безсильно.

При извѣстныхъ условіяхъ національное принужденіе становится прямо препятствіемъ для ассимиляціи, такъ какъ принужденіе вызываетъ ненависть, а національная ненависть сильно затрудняетъ ассимиляцію. Часто въ борьбѣ съ ненавистными запретительными мѣрами разгораются страсти, защищающія меньшинство отъ притягательной силы большинства. Напр., у украинцевъ такую роль сыграла борьба съ запрещеніемъ печатать украинскія книжки, у литовцевъ—борьба за латинскій шрифтъ, у поляковъ въ Познани—борьба съ колонизаторской политикой Пруссіи, у кавказскихъ армянъ—отстаиваніе церковныхъ имуществъ и т. д. Чѣмъ выше цѣнитъ какая-нибудь нація свою свободу, тѣмъ сильнѣе ея противодѣйствіе національному принужденію, тѣмъ успѣшнѣе послѣднее тормазитъ національную ассимиляцію.

Демократизація обществъ, организація классовъ, пробужденіе неисторическихъ національностей лишаютъ національное принужденіе всякой силы. Эти факторы настолько измѣняютъ взаимоотношеніе силъ, что принужденіе становится невозможнымъ. Они настолько усиливаютъ чувство свободы, что принужденіе становится прямо тормазомъ ассимиляціи.

Ассимиляція и національное принужденіе отличаются и своимъ классовымъ характеромъ. Національная ассимиляція является сліяніемъ членовъ одного и того же класса. Что же касается національнаго принужденія, то оно обозначаетъ подчиненіе одного класса волѣ другого класса. Если чешскій рабочій, благодаря постоянному общенію съ нѣмецкими, становится нѣмцемъ—это ассимиляція. Если же нѣмецкій фабрикантъ или государственная власть въ рукахъ нѣмецкой буржуазіи заставляетъ чешскаго рабочаго прикидываться нѣмцемъ—это уже національное принужденіе.

Поэтому соціалисты должны совершенно иначе относиться къ національному принужденію, чѣмъ къ національной ассимиляціи. Если капиталистъ хочетъ совершить насиліе надъ рабочимъ, соціалисты должны встать на защиту послѣдняго. Если же рабочій въ мирномъ общеніи со своими товарищами по классу приспособляется къ нимъ, и при этомъ падаютъ внутреннія перегородки въ видѣ различія языка, такъ что пролетаріатъ одного города превращается въ однородную въ національномъ отношеніи массу, этому соціалисты могутъ только радоваться. Они обязаны защищать рабочихъ отъ всякаго принужденія со стороны господствующихъ классовъ и классоваго государства, но не ихъ дѣло укрѣплять внутреннія перегородки въ рабочемъ классѣ, мѣшающія мирному общенію. Не раздѣлять, а, наоборотъ, сплачивать рабо-

чихъ какъ можно тѣснѣе—вотъ задача соціализма. Онъ долженъ бороться со всякаго рода національнымъ принужденіемъ, но онъ не имѣетъ права мѣшать національной ассимиляціи.

Выходя изъ этого положенія, Бауэръ относится рѣзко отрицательно къ враждебной ассимиляціи идеологіи чешскихъ и еврейскихъ «сепаратистовъ» (соціалистовъ-автономистовъ въ Чехіи и бундистовъ). По его мнѣнію сепаратисты не желаютъ отличать національнаго принужденія отъ ассимиляціи, а это доказываетъ, что они—не «интернаціональные соціалъ-демократы», а «націоналисты». Для націоналиста важнѣе всего успѣхъ націи; для него безразлично, теряетъ ли его нація членовъ путемъ мирнаго общенія или вслѣдствіе грубаго насилія. Для международнаго соціалъ-демократа общественныя явленія важны не въ силу ихъ національныхъ послѣдствій, а въ силу ихъ классоваго характера. Онъ борется со всякимъ насиліемъ, употребляемымъ господствующими классами и государствомъ для угнетенія пролетаріата, но онъ въ то же самое время привѣтствуетъ все то, что объединяетъ пролетаріатъ и превращаетъ его въ сплоченное цѣлое.

Національная ассимиляція является однимъ изъ средствъ образованія современнаго класса, аналогичнымъ исчезанію провинціальныхъ различій и вѣроисповѣдныхъ антагонизмовъ въ предѣлахъ одной націи. Такъ, напр., американскій пролетаріатъ образовался путемъ постепенной ассимиляціи эмигрантовъ болѣе тридцати національностей. Онъ навѣрное потерялъ бы свою способность къ борьбѣ, если бы всѣ эти осколки народовъ сохранили свою національность. Если національное принужденіе еще можетъ быть примѣняемо къ пролетаріату, то это указываетъ на слабость рабочаго класса. Наоборотъ, національная ассимиляція сплачиваетъ пролетаріатъ и является поэтому источникомъ его силы.

Подводя итоги своимъ разысканіямъ въ области ассимиляціи, Бауэръ разбиваетъ національное меньшинство всѣхъ родовъ на три группы.

Первую образуетъ національное меньшинство, поддающееся ассимиляціи. Къ ней принадлежитъ нѣмецкое меньшинство въ Сѣверной Америкѣ и во французской Швейцаріи, чешское меньшинство въ альпійскихъ провинціяхъ и кое-гдѣ въ нѣмецкихъ областяхъ Судетъ, еврейское меньшинство въ Галиціи. Національная ассимиляція этого меньшинства—неизбѣжный стихійный процессъ, и тормазить этотъ процессъ не дѣло соціалистовъ. Поэтому они не должны требовать для такого меньшинства національной школы, хотя и обязаны защищать его отъ националистическихъ насилій, которыя только затрудняютъ его мирное сліяніе съ большинствомъ.

Вторая группа обнимаетъ меньшинство, не поддающееся ассимиляціи. Такое меньшинство предохранено отъ ассимиляціи либо своей многочисленностью (напр., чешскія колоніи горнорабочихъ

въ сѣверно-богемскихъ каменноугольныхъ районахъ), либо плотностью разселенія (всѣ дѣйствительные этнографическіе острова), либо, наконецъ, своимъ классовымъ положеніемъ (какъ нѣмецкое буржуазное меньшинство на чешской, итальянское—на юго-славянской, польское помѣщичье и чиновничье на украинской территоріяхъ). За этимъ меньшинствомъ должно быть признано право на самостоятельную національную жизнь. Отказывая ему въ національной школѣ, мы не поддерживаемъ неизбѣжнаго процесса ассимиляціи, а содѣйствуемъ національному принужденію.

Къ *третьей* группѣ принадлежитъ меньшинство, состоящее изъ различныхъ частей—поддающихся и неподдающихся ассимиляціи. Такъ, напр., крупное чешское меньшинство въ Вѣнѣ состоитъ изъ рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ, которые живутъ совершенно замкнуто въ своей средѣ, и ремесленныхъ учениковъ, живущихъ у нѣмецкихъ мастеровъ; затѣмъ—изъ кузнецовъ, прибывшихъ изъ деревень, и изъ литейщиковъ, которые прежде работали на крупныхъ заводахъ въ чешскихъ промышленныхъ округахъ; далѣе—изъ каменьщиковъ, которые постоянно возвращаются на родину, и изъ столярныхъ подмастерьевъ, поселяющихся въ Вѣнѣ навсегда; изъ ремесленныхъ учениковъ, которые въ ранней молодости пріѣзжаютъ въ столицу, и изъ обученныхъ рабочихъ, ищущихъ здѣсь заработка въ зрѣломъ возрастѣ. Поскольку разнообразенъ составъ этого меньшинства, постольку же различна вѣроятность его ассимиляціи. Не желая, съ одной стороны, мѣшать національной ассимиляціи, а съ другой—принуждать къ усвоенію нѣмецкаго языка ту часть меньшинства, которая не поддается ассимиляціи, слѣдуетъ для меньшинства этого типа добиваться двуязычной школы. Въ послѣдней дѣти меньшинства обучаются обоимъ языкамъ, причемъ свободная конкурренція двухъ культуръ рѣшаетъ, какая часть меньшинства ассимилируется, а какая сохранитъ свою національность.

Таково разрѣшеніе вопроса о школахъ для національнаго меньшинства, предлагаемое Бауеромъ и основанное на формулированныхъ имъ законахъ національной ассимиляціи. Практическіе выводы Бауера относятся къ одной только Австріи, что вполнѣ естественно, такъ какъ только передъ австрійскими соціалистами вопросъ о школахъ для національнаго меньшинства является задачей злободневнаго характера. Разногласія между чешскими и нѣмецкими соціалъ-демократами, возникнувшія на почвѣ взаимоотношеній въ профессіональныхъ организаціяхъ, перешли и въ школьную область. Скандальное отношеніе вѣнскаго муниципалитета къ частнымъ чешскимъ школамъ выдвинуло и поставило ребромъ вопросъ: какъ должны относиться нѣмецкіе соціалъ-демократы къ школьнымъ требованіямъ чеховъ въ Вѣнѣ. И вотъ Бауеръ даетъ серьезно обоснованный отвѣтъ на это. Удовлетворитъ ли онъ чешскихъ то-

варищей, въ этомъ можно сомнѣваться; однако, трудъ Бауера не пройдетъ безслѣдно.

Какъ ни какъ, его формулировка основныхъ законовъ ассимиляціи является первой научной попыткой въ этомъ направленіи—попыткой, заслуживающей самаго серьезнаго вниманія. Въ общемъ, теорія Бауера выдерживаетъ критику, опирающуюся на реальные факты національной жизни, и если его теорія можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, то оно относится только къ второстепеннымъ частностямъ. Въ качествѣ послѣдовательнаго марксиста Бауеръ не избѣжалъ извѣстной односторонности, не дооцѣнивая идеологическіе факторы національныхъ процессовъ, хотя онъ и принимаетъ ихъ кое-гдѣ во вниманіе. Затѣмъ ему не удалось провести демаркаціонную линію между стихійной ассимиляціей и національнымъ принужденіемъ. Эти два элемента переплетаются между собой все тѣснѣе и тѣснѣе, такъ что иногда прямо невозможно отличить, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. То, что для малосознательнаго въ національномъ отношеніи крестьянина или рабочаго—стихійная ассимиляція, развивающаяся совершенно нормально, для человѣка, живущаго сознательной національной жизнью, является уже принужденіемъ и—слѣдовательно—источникомъ нравственныхъ страданій. По мѣрѣ усиленія національнаго сознанія въ массахъ, по мѣрѣ роста ихъ культурнаго уровня постоянно съуживается площадь стихійной ассимиляціи. А подъ вліяніемъ національной пропаганды сплошь и рядомъ возникаетъ процессъ реассимиляціи не только у отдѣльныхъ личностей интеллигентнаго класса, но и у массъ меньшинства, совсѣмъ было уже, какъ казалось, слившагося съ большинствомъ. Я имѣю тутъ въ виду обѣлорусившихся литовцевъ, объукраинившихся польскихъ крестьянъ Восточной Галиціи (т. н. «латынниковъ»), ословачившихся закарпатскихъ поляковъ и т. д. Бауеръ не учитываетъ того значенія, какое имѣетъ для замедленія или даже предохраненія ассимиляціи частная національная школа, печать и т. п. средства національной самозащиты меньшинства, противопоставляемыя имъ національному принужденію большинства, принимающему иногда весьма своеобразныя формы, вполнѣ чуждыя грубому насилію. Все это не вполнѣ укладывается въ рамки законовъ Бауера, которые—тѣмъ не менѣе—въ общемъ обладаютъ большой цѣнностью, заставляющей всякаго, кто интересуется національными вопросами, познакомиться съ ними самымъ основательнымъ образомъ.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Болеславъ Прусъ.

I.

Болеславъ Прусъ вмѣстѣ съ Элизой Ожешко, Маріей Конопницкой и Генрихомъ Сенкевичемъ принадлежитъ къ тому поколѣнію польскихъ писателей, которое, родившись въ сороковыхъ *) годахъ, вступило въ сознательный возрастъ въ шестидесятыхъ и начало свою литературную дѣятельность подъ неизжитымъ еще впечатлѣніемъ событій, потрясшихъ Польшу въ эти послѣдніе годы.

Шестидесятые годы въ польской жизни, какъ и въ русской, представляютъ эпоху глубокихъ измѣненій въ бытѣ, вслѣдствіе надѣленія крестьянъ землею, эпоху ломки старыхъ устоевъ и традиціонныхъ воззрѣній, увлеченія новыми идеями, пришедшими съ Запада — положительной философіей и естествознаніемъ. Но въ Польшѣ этотъ творческій и радостный процессъ обновленія осложнился и омрачился политическимъ разгромомъ, крушеніемъ національныхъ надеждъ, огромнымъ кровопусканіемъ, гибелью наиболѣе отзывчивой и дѣятельной части молодежи, павшей въ неравной борьбѣ съ русскими войсками или ушедшей въ каторгу и ссылку.

Эта мрачная страница въ исторіи шестидесятыхъ годовъ въ глазахъ изслѣдователей польской литературы порой совершенно заслоняетъ свѣтлыя и положительныя стороны этого времени, и польскіе критики склонны приписывать слишкомъ большую роль неудачному возстанію 1863 года въ развитіи новой польской литературы. Противъ этой тенденціи недавно возсталъ авторъ новѣйшаго труда,посвященнаго польской литературѣ, А. Потоцкій. «То, что народъ пережилъ въ 1863 году,—пишетъ онъ:—боль, потеря крови, раззореніе—все это, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими вліяніями сказалось въ укладѣ нашей жизни, но не это было исходной точкой польскаго творчества. Въ будущемъ при оцѣнкѣ 1863 года учтутъ не страданія и пораженіе поколѣнія, его пережившаго, но уничтоженіе барщины, освобожденіе милліоновъ народа для новой жизни» **).

Демократическій характеръ новой польской литературы, ея критическій духъ, вообще все, что есть въ ней жизненнаго и творческаго—все это, несомнѣнно, связано съ соціальнымъ обновленіемъ жизни, но та специфическая форма, въ которую вылились на первыхъ порахъ новыя тенденціи польской литературы послѣ 1863 г.—крайняя умѣренность, трезвость, осторожность, приниженность по-

*) Болеславъ Прусъ (Александръ Гловацкій) родился въ 1847 году, Сенкевичъ и Конопницкая—въ 1846, Элиза Ожешко—въ 1842 году.

**) Antoni Potocki. Polska literatura współczesna. Warszawa 1912.

рывовъ и съуженность кругозора,—всѣ эти особенности такъ называемаго «варшавскаго позитивизма», несомнѣнно, имѣютъ своимъ источникомъ политическій разгромъ, связанный съ гибелью наиболѣе самоотверженной и увлекающейся части молодежи.

Поколѣніе, поднявшее знамя возстанія, было воспитано въ духѣ морали долга, жертвы, героизма, проникнуто была вѣрой въ силу личности, энтузіазма и порыва. Завѣтъ Мицкевича: «по цѣлямъ силы напрягай, а не по силамъ цѣли выбирай»— былъ лозунгомъ этого поколѣнія. Послѣ жестокаго удара, разбившаго романтическія грезы, послѣдовала безпощадная реакція противъ всего, что казалось романтизмомъ: вмѣсто призыва къ великимъ цѣлямъ раздавалась проповѣдь малыхъ дѣлъ, вмѣсто поэзіи жертвы и героизма провозглашалось трезвое, практическое, утилитарное отношеніе къ жизни. Умѣренность считалась чуть ли не гражданской доблестью.

Болеславъ Прусъ и является наиболѣе яркимъ выразителемъ въ художественномъ творчествѣ обѣихъ характерныхъ чертъ общественнаго настроенія послѣ шестьдесятъ третьяго года—и демократическаго духа, и духа умѣренности. Отъ первыхъ своихъ статей и до послѣднихъ, написанныхъ имъ строкъ онъ — апостолъ демократіи, гуманности, любви къ обездоленнымъ съ одной стороны, проповѣдникъ трезвости и умѣренности—съ другой.

Его славные современники — Ожешко, Конопницкая и Сенкевичъ—не характерны въ этомъ отношеніи. Сенкевичъ въ своей исторической трилогіи увлекся романтической идеализаціей прошлаго Польши, а въ романахъ изъ современной жизни ушелъ отъ демократическаго настроенія и народническихъ симпатій, которыми были проникнуты его первые разсказы. Народница Марія Конопницкая всегда исповѣдывала идеалистическое и героическое отношеніе къ жизни: это отношеніе ея особенно ярко сказалось въ послѣднемъ и самомъ крупномъ ея произведеніи — «Панъ Бальцеръ въ Бразиліи»—поэмѣ, воспѣвающей польскаго крестьянина, призваннаго освободить и возродить на новыхъ началахъ родину. Элиза Ожешко, начавшая свою литературную дѣятельность еще раньше Пруса проповѣдью утилитарнаго взгляда на жизнь, постепенно уходила все дальше отъ утилитаризма, стала защитницей морали долга и жертвы, и свое творчество закончила гимномъ въ честь павшихъ борцовъ 1863 года. «Хвала побѣжденнымъ» называется сборникъ послѣднихъ разсказовъ Ожешко, посвященный эпохѣ польскаго возстанія.

Болеславъ Прусъ передъ смертью тоже вспомнилъ эту эпоху, но лишь для того, чтобы еще разъ ее осудить, чтобы еще разъ отмѣтить заблужденія романтиковъ. Въ статьѣ «Отъ чего зависитъ успѣхъ въ жизни», написанной не задолго до смерти, онъ восхвалялъ благоразумную тактику финляндцевъ и осуждалъ легкомысліе польскихъ возстаній. «Мы избрали ложный планъ, не умѣли прак-

тически разсуждать и претерпѣли ужаснѣйшія бѣдствія. Вообще наши возстанія были не плодомъ зрѣлой мысли, а реакціей чувства... Въ 1830 году всѣ генералы и политическіе дѣятели, т. е. всѣ спеціалисты, были противъ войны; ея инициаторами и сторонниками были молодые люди, подпоручики, литераторы, поэты и тому подобные дилетанты. Прекрасной иллюстраціей нашей философской зрѣлости служитъ повторяемый и нынѣ лозунгъ: «по цѣлямъ силы напрягай, а не по силамъ цѣли выбирай»... лозунгъ, прекрасный для солдатъ и унтеръ офицеровъ, стоящихъ на опасной позиціи, но не для государственныхъ дѣятелей, не для зрѣлыхъ людей, не для націи, которая прежде всего должна жить и развиваться, выбирая для этого средства не самыя поэтическія или героическія, а лучше другихъ ведущія къ цѣли». (Tygodnik illustrowany, 1912).

Передъ смертью Прусъ подтвердилъ свою приверженность той вѣрѣ, проповѣдью которой онъ началъ свою литературную дѣятельность сорокъ лѣтъ тому назадъ. «Нынѣ, наученные опытомъ, ограничимъ планы и труды наши узкимъ кругомъ будничныхъ дѣлъ. Смирившись передъ самими собою, покорившись неизбѣжности, займемся уплатою нашихъ общественныхъ долговъ, урѣзываніемъ нашихъ потребностей, поднятіемъ сельскаго хозяйства и промышленности, укрѣпленіемъ родственныхъ и соціальныхъ узъ, увеличеніемъ количества браковъ, уменьшеніемъ смертности, помощью обездоленнымъ, распространеніемъ здравыхъ началъ образованія и нравственности... При этой работѣ придется не одинъ фракъ перемѣнить на рабочую блузу, гербъ—на вывѣску, перо—на молотокъ и аршинъ, во многомъ себѣ отказать, многое забыть, а больше всего учиться и учиться». Такъ писалъ Болеславъ Прусъ въ 1872 году въ статьѣ «Наши грѣхи».—«Смирись, гордый человѣкъ, и поработай на родной нивѣ»— вотъ призывъ, съ которымъ онъ обращался къ польскому обществу.

Историческая дата, когда раздался этотъ призывъ къ смиренію, заслуживаетъ вниманія: это было на другой годъ послѣ разгрома Франціи, это было время торжества Бисмарка.

Тріумфъ желѣзнаго прусскаго кулака больно отразился въ вольнолюбивыхъ сердцахъ всей Европы; послѣдовавшія затѣмъ событія во Франціи нанесли страшный ударъ всѣмъ идеалистическимъ мечтамъ: франко-прусская война и гражданская война во Франціи со всѣми ея ужасами ясно говорили, что въ современной Европѣ нѣтъ мѣста для грезъ ни о братствѣ и свободѣ народовъ, ни о соціальной справедливости. Европа вступила въ эру милитаризма и національзма.

Событія эти производили особенно гнетущее впечатлѣніе въ Польшѣ. Къ Франціи по традиціи неслись всѣ симпатіи поляковъ; неисправимые романтики еще возлагали на нее надежду въ дѣлѣ освобожденія Польши. Торжество Пруссіи, образованіе могущественнаго Германскаго государства, въ составъ котораго входила и

часть польскихъ земель, казалось, навсегда разбивали эти надежды—урокъ 1871 года дополнялъ урокъ 1863. Вотъ почему ликованія въ Берлинѣ похороннымъ звономъ отражались въ Варшавѣ. «Поставь крестъ надъ мечтами твоими»—говорилъ этотъ звонъ.

Болеславъ Прусъ и поставилъ крестъ надъ мечтами о свободѣ, подавилъ тоску по далекимъ и великимъ цѣлямъ и, покорившись неизбѣжности, сталъ призывать къ маленькимъ дѣламъ. Мнѣ кажется глубоко правильнымъ высказанное недавно однимъ изъ польскихъ критиковъ мнѣніе, что проповѣдь малыхъ дѣлъ вовсе не вытекала изъ натуры Болеслава Пруса, а наоборотъ, была плодомъ внутренней борьбы, насилія, учиненнаго надъ самимъ собой. Дѣйствительно, мѣщанскій характеръ проповѣди Пруса какъ то не вяжется съ глубокимъ лиризмомъ его натуры, съ тою чуткостью къ страданіямъ, которая неизмѣнно прорывается въ его творчествѣ. «Въ немъ была такая сила лиризма,—говоритъ г. Рабскій,—что для того, чтобы обуздать его и подчинить божеству разсудка, разсчета, логики, надо было что-то сломить въ себѣ, задушить въ себѣ порывы чувства. Такіе умы, какъ Болеславъ Прусъ, словно предназначены для романтическихъ словъ, чувствъ и дѣлъ, и если они, несмотря на это, освобождаются изъ-подъ власти чувствъ и становятся глашатаями утилитаризма, то такое освобожденіе совершается всегда въ великихъ мукахъ души, съ трагическимъ усиліемъ воли. Вся публицистическая дѣятельность Пруса, вся его пропаганда національнаго реализма, вся его политическая позиція явились результатомъ мучительной побѣды надъ самимъ собой, жестокаго торжества жизни надъ эпигономъ.

«Конечно, можно обуздать въ себѣ натуру романтика, но нельзя убить ее. Болеславъ Прусъ сталъ «новымъ человѣкомъ», повидимому, новымъ въ каждомъ біеніи души, но осталась въ немъ романтическая наклонность къ экзальтаціи, къ фанатическому увлеченію своей вѣрой, къ возвеличенію до исполинскихъ размѣровъ объекта своего увлеченія. Какъ для поколѣнія предшествовавшей эпохи возстанія религіей была политика чувства, самопожертвованія и бунта, такъ для Пруса политическая трезвость превратилась въ фетишъ. Онъ дрожалъ изъ боязни измѣнить этой святынѣ, съ ужасомъ проклиналъ все, что носило хотя бы слѣдъ романтизма, хотѣлъ циркуль и вѣсы примѣнять къ такимъ явленіямъ, которыхъ нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить, мечталъ объ открытіи всѣхъ законовъ соціальной механики и возвѣщалъ народу свои статистическіе комбинаціи и выводы съ такой безусловной вѣрой, словно пѣлъ вдохновенныя пѣсни». (Tygodnik Illustrowany, № 22, 1912).

И, мнѣ кажется, правъ польскій критикъ, когда онъ называетъ Пруса самой трагической индивидуальностью среди польскихъ писателей. Дѣйствительно, служить мѣщанской программѣ, отъ

юности до могилы проповѣдывать ее, не будучи мѣщаниномъ въ душѣ,—это ли не трагедія?

Писатель, еще въ молодости поставившій крестъ надъ мечтами и рѣшившій проповѣдывать лишь полезное въ жизни, нужное въ данный моментъ, учившій дѣлать маленькое доброе дѣло, не думая о широкихъ задачахъ—вѣдь онъ въ сущности приноситъ такую же невидимую и тяжелую жертву, какъ юноша, который прощается со своими мечтами о наукѣ и широкой дѣятельности для того, чтобы тяжелымъ будничнымъ трудомъ добывать пропитаніе семьѣ.

Болеславъ Прусъ рѣшилъ, что его родинѣ нуженъ прежде всего будничный трудъ, нужна работа надъ поднятіемъ благосостоянія края; когда народъ станетъ экономически сильнымъ, тогда можно будетъ мечтать и о болѣе широкихъ задачахъ; теперь не время для нихъ. Только сила даетъ мѣсто въ современномъ мірѣ. Нужно возводить экономическій фундаментъ, работать надъ фундаментомъ. («Praca podstaw», «praca organiczna»—вообще лозунгъ польской публицистики 70 г.г.) И Прусъ, слѣдуя этой общей тенденціи, идеализируетъ экономическую дѣятельность.

Люди практическаго дѣла: инженеры, хорошіе сельскіе хозяева, купцы, промышленники, всякаго рода дѣльцы—вотъ герои этого времени. Предпринимательская дѣятельность рисуется въ видѣ служенія родинѣ: пусть человѣкъ преслѣдуетъ при этомъ личныя выгоды—хорошій процентъ это естественное и законное желаніе,—но онъ развиваетъ производительныя силы страны, даетъ заработокъ другимъ, и въ этомъ его гражданская заслуга.

Болеславъ Прусъ становится фанатическимъ проповѣдникомъ такого служенія родинѣ: экономическій трудъ—вотъ альфа и омега его программы, которую онъ проводитъ не только въ публицистическихъ статьяхъ, но и въ художественныхъ произведеніяхъ.

Но душа художника могла ли удовольствоваться такой программой? Конечно, нѣтъ. И художественные образы его тамъ, гдѣ онъ не проповѣдуетъ, выдаютъ его неудовлетворенность, выдаютъ тайну его души, идеалистическіе и романтическіе порывы которой приносятся въ жертву узко-утилитарному взгляду на жизнь.

Въ романѣ «Кукла» (1890 г.)—самомъ значительномъ изъ произведеній Пруса—мы видимъ по истинѣ самую фанатическую идеализацію предпринимательской дѣятельности: героемъ романа является надѣленный энергіей, умомъ, добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, прямымъ и честнымъ характеромъ Вокульскій, гражданскія заслуги котораго сводятся къ тому, что онъ умѣетъ организовывать предпріятія, дающія высокій процентъ, на деньги, нажитыя на поставкахъ въ армію во время русско-турецкой войны. Кажется, нельзя идти дальше въ идеализаціи хозяйственной дѣятельности. Но идеализація эта вытекаетъ изъ программы. Вокульскій—герой программы, а не души Пруса; онъ вышелъ неживымъ, онъ не увлекаетъ и не трогаетъ читателя. Живымъ и трогательнымъ

вышелъ въ «Куклѣ» не Вокульскій, а старый приказчикъ его Жецкій. И въ этомъ образѣ, любовно и правдиво обрисованномъ, Прусъ, вдохнувъ въ него частицу своего «я», выразилъ свою неудовлетворенность, раздавленность своей души. У Жецкаго какъ бы двѣ жизни. Онъ—вѣрный, преданный, честный приказчикъ галантерейнаго магазина, принадлежащаго Вокульскому. Всю жизнь встаетъ въ шесть часовъ утра, первымъ приходитъ въ магазинъ, послѣднимъ уходитъ, съ любовью каждый день раскладываетъ на выставкѣ магазина на новый ладъ товары, чтобы показать ихъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ: вѣера, бинокли, портмоне, галстухи, перчатки. И можно думать, глядя со стороны, что въ этомъ вся его жизнь.

Но въ дѣйствительности у него есть жизнь другая: старый приказчикъ въ душѣ оказывается романтикомъ; онъ ведетъ дневникъ, который онъ тщательно прячетъ отъ постороннихъ взоровъ, и въ дневникѣ этомъ онъ вспоминаетъ, какъ въ молодости онъ сражался за свободу Венгріи, разсуждаетъ о политикѣ и живетъ надеждой, что явится новый Наполеонъ и освободитъ угнетенные народы. Этотъ аккуратный приказчикъ, повидимому сжившійся со своей лавочкой, по мѣрѣ того, какъ приближается къ смерти, все чаще вспоминаетъ тѣ «зеленыя поля и темные лѣса», по которымъ бродилъ онъ въ юности. Неисправимый идеалистъ, онъ идеализируетъ своего хозяина Вокульскаго, думая, что тотъ пріобрѣтаетъ деньги для какихъ-то политическихъ цѣлей.

Въ образѣ Жецкаго—ключъ къ пониманію самого Пруса. Онъ лишь по видимости сжился съ тѣми «малыми дѣлами», которыя всю жизнь проповѣдывалъ, какъ Жецкій лишь видимо сжился съ галантерейнымъ магазиномъ. У Пруса тоже была своя, другая жизнь, онъ тоже писалъ свой дневникъ, и читатели, привыкшіе въ Прусѣ видѣть трезваго реалиста, были удивлены, когда Прусъ показалъ этотъ «дневникъ» и въ романѣ «Эмансипированныя» устами стараго профессора Дембицкаго сталъ проповѣдывать... мистицизмъ. Дѣйствительность съ ея будничнымъ трудомъ и малыми дѣлами не удовлетворила художника, и задушенная тоска по чему то сильному и великому сказалась у него съ одной стороны въ мистицизмѣ, съ другой—въ идеализаціи прозаическихъ сторонъ жизни.

Самъ Прусъ, какъ и Жецкій, идеализируетъ Вокульскаго. Вокульскій въ его глазахъ полезный дѣятель, который гибнетъ отъ того, что не совсѣмъ еще освободился изъ подъ власти романтизма. Вокульскій—романтикъ въ отношеніи къ женщинѣ. Онъ представляетъ ее себѣ такой, какой ее изображаютъ поэты-романтики: Мицкевичъ и Словацкій—чистой, идеальной; дѣйствительность жестоко разбиваетъ его представленія о любви и женщинѣ: онъ любитъ «куклу», которую возвелъ на пьедесталъ и когда раскрываетъ свою ошибку, то не можетъ пережить своего разочарованія. Въ этомъ

хочетъ насъ увѣрить авторъ, такова тенденція романа, но другое говорятъ художественные образы.

Вокульскій гибнетъ не отъ романтической любви къ Изабеллѣ Лэнцкой; онъ до встрѣчи съ нею уже человѣкъ, котораго сломила жизнь. Вокульскій съ дѣтства упорнымъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу. Мальчикомъ въ пивной онъ мечтаетъ объ университетѣ, учится по ночамъ и въ концѣ-концовъ, дѣйствительно, становится вольнослушателемъ; но въ университетѣ его захватываетъ волна революціоннаго движенія, онъ попадаетъ въ Сибирь, послѣ шести лѣтъ ссылки возвращается на родину, и вотъ тутъ начинается самая мрачная страница его жизни. Послѣ тщетныхъ поисковъ работы, уставъ въ борьбѣ съ нуждой, онъ женится на владѣлицѣ галантерейнаго магазинѣ—женщинѣ значительно старше его, влюбленной въ него, но имъ нелюбимой,—т. е. въ сущности продаетъ себя. Нелюбимая жена оказывается вдобавокъ ревнивой, и семейная жизнь Вокульскаго превращается въ адъ, который длится нѣсколько лѣтъ. Послѣ смерти жены, получивъ независимость и деньги, онъ въ сущности оказывается уже конченнымъ человѣкомъ: его никуда не тянетъ, онъ чувствуетъ пустоту жизни. Въ это время и начинается его увлеченіе Изабеллой Лэнцкой, красавицей изъ аристократической семьи. Первая любовь, явившаяся такъ поздно, всецѣло овладѣваетъ Вокульскимъ, и на время подъ вліяніемъ этого чувства въ немъ пробуждается энергія. Онъ бросается въ предпріятія, желая составить себѣ большое состояніе и съ помощью золота получить доступъ въ тотъ высшій свѣтъ, который для него закрытъ, завоевать Изабеллу. Въ сущности онъ вовсе и не дѣлецъ, а фантазеръ, равнодушный къ деньгамъ, бросающій ихъ съ такою же легкостью, съ какою онѣ приходили къ нему. Когда онъ разочаровывается въ Изабеллѣ, онъ теряетъ моментально вкусъ и къ деньгамъ, и къ жизни, бросаетъ начатыя предпріятія и погружается въ апатію. Деньги и возможность жить приходятъ къ нему слишкомъ поздно, послѣ того, какъ тяжелыя условія и лишенія сломали его; погибъ сильный и талантливый человѣкъ, жизнь котораго сложилась бы совершенно иначе, если бы въ молодости кто-либо поддержалъ его, если бы ему не пришлось продать себя. Вотъ что говоритъ художественная правда романа Пруса; его же стремленіе представить Вокульскаго полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ послѣдній періодъ его жизни терпитъ неудачу. Вокульскій сталъ предпринимателемъ лишь благодаря тому, что женился на вдовѣ лавочника и послѣ смерти ея получилъ деньги. Но этотъ шагъ свой онъ считаетъ величайшимъ несчастьемъ своей жизни. И это правдивое признаніе, вырвавшееся изъ устъ героя Пруса, совершенно опровергаетъ тенденціи послѣдняго. Художественная правда романовъ Болеслава Пруса идетъ противъ ихъ мѣщанской философіи.

И въ этой художественной правдѣ раскрывается истинная на-

тура Пруса, чуткая къ неправдѣ современной жизни, неустанно протестующая противъ нея, между тѣмъ, какъ въ его философіи мы находимъ лишь чисто разсудочное примиреніе съ дѣйствительностью.

Онъ *навязалъ* самому себѣ узко-утилитарную мѣщанскую философію, противъ которой возставала его художественная натура, навязалъ ее себѣ потому, что рѣшилъ, что только эта философія и пріемлема въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, въ которыхъ очутилось польское общество, что только она можетъ сдвинуть послѣднее съ мертвой точки, можетъ окрылять человѣка въ единственно доступной для него области дѣятельности.

И разсматривая идеологію Пруса объективно, независимо отъ душевныхъ свойствъ и переживаній писателя, мы видимъ, что она дѣйствительно отвѣчала переживаемому моменту, отражала извѣстный моментъ въ жизни польскаго общества. Романтическій идеализмъ, созданный дворянской литературой, отживалъ свой вѣкъ по мѣрѣ того, какъ съ исторической сцены сходило польское дворянство. Крестьянство не проснулось еще къ сознательной жизни; рабочій пролетаріатъ игралъ въ общественной жизни ничтожную роль, крупная промышленность еле зарождалась; новой жизненной исторической силой въ этотъ моментъ и было мѣщанство. Болеславъ Прусъ и является въ своей философіи идеологомъ польской буржуазіи, выступающей на сцену въ качествѣ новой соціальной и національной силы. Польская нація до сихъ поръ была представлена дворянствомъ; послѣ 1863 года въ качествѣ носителя національности, въ качествѣ силы, организующей польскую націю,выступаетъ буржуазія. Въ творчествѣ Пруса и отразился этотъ моментъ, и съ этой точки зрѣнія его идеологія представляетъ большой интересъ. На ней мы сейчасъ и остановимся.

II.

Въ основѣ соціальной философіи Пруса лежитъ возвеличеніе хозяйственной дѣятельности, труда физическаго и умственнаго, труда организующаго, дѣятельности предпринимателя и изобрѣтателя. Эти тенденціи Пруса сказываются уже въ его раннихъ разсказахъ изъ народной жизни. Въ этихъ разсказахъ Прусъ обнаруживаетъ и большую любовь къ крестьянамъ, и знаніе народнаго быта и языка, но онъ—*не народникъ*. Въ народѣ онъ не находитъ и не ищетъ нравственныхъ или соціальныхъ идеаловъ, или красоты жизни. Въ народѣ—не новая правда, которая противостоитъ нашей культурѣ, а огромный запасъ силъ и талантовъ, нужныхъ для этой же культуры. Работа сапожника, пахаря, купца, доктора, инженера, фабриканта одинаково цѣна въ глазахъ Пруса. И онъ никогда не звалъ уйти въ народъ, жить согласно съ трудовой правдой, но онъ оплакивалъ гибель въ народѣ тѣхъ талантовъ,

которые не могутъ проявить себя въ условіяхъ деревенской жизни. Это отношеніе въ народной жизни видно уже въ разсказѣ «Антекъ»— лучшемъ среди произведеній перваго періода творчества Пруса. Мы видимъ, какъ въ лицѣ Антека, будущаго изобрѣтателя или художника, таланту нѣтъ мѣста въ условіяхъ крестьянской жизни. И разсказъ заканчивается призывомъ облегчить жизненный путь талантамъ изъ народа.

Прусъ—не народникъ, а демократъ, привѣтствующій силы и способности народа. Въ повѣсти «Форпостъ» (Placówka) которая и создала славу Прусу, мы видимъ своего рода возвеличеніе крестьянина. Крестьянинъ лучше и цѣннѣе помѣщика. Но почему онъ лучше? Потому что онъ упоренъ, выносливъ, крѣпко держится за свой кусокъ земли, а не предаетъ его нѣмцамъ, какъ дѣлаютъ помѣщики. Ни въ душѣ крестьянина, ни въ укладѣ крестьянской жизни Прусъ не видитъ какихъ-либо нравственныхъ или трудовыхъ цѣнностей, какихъ-либо нравственныхъ началъ, которыя могли бы быть положены въ основу жизни. Нѣтъ, крестьянинъ точно такъ же, какъ и рабочій—сила, которая нужна для организаціи національной жизни. Идеалъ же этой жизни у Пруса, хотя и демократическій, но не соціалистическій, а чисто буржуазный.

Для того, чтобы сорганизовать рабочую и крестьянскую силу для національнаго дѣла, нужны организаторскіе таланты предпринимателей. Вотъ почему Прусъ такъ страстно идеализируетъ Вокульскаго, когда тотъ становится предпринимателемъ. Вокульскій организуетъ польскіе капиталы—въ этомъ національный смыслъ его дѣятельности. Прусъ никогда не былъ шовинистомъ, не проповѣдывалъ ни антисемитизма, ни вражды къ нѣмцамъ, но онъ мечталъ объ освобожденіи польской промышленности изъ-подъ власти нѣмецкаго и еврейскаго капитала.

Эту миссію онъ и возлагаетъ въ своемъ романѣ на Вокульскаго. Всѣ средства для этого оказываются хорошими. Деньги, доставшіяся ему послѣ смерти жены, Вокульскій пускаетъ въ оборотъ для поставокъ на русскую армію во время русско-турецкой войны, за годъ онъ въ нѣсколько разъ увеличиваетъ свой капиталъ и, вернувшись въ Варшаву, основываетъ общество для торговли въ Польшѣ московскими товарами, привлекая для этого деньги польскихъ аристократовъ. Такъ какъ онъ даетъ 15%, то деньги къ нему притекаютъ массой, создается грандіозное предпріятіе. Среди промышленниковъ Царства Польскаго начинается переполохъ; Вокульскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ подрываетъ отечественную промышленность, создавая въ Польшѣ рынокъ для московскихъ товаровъ. Вокульскій на это обвиненіе отвѣчаетъ побѣдоноснымъ аргументомъ, что мѣстная промышленность—не польская, а нѣмецкая.

Предпріятіе Вокульскаго терпитъ, однако, крушеніе. Энергія его, вспыхнувшая было подъ вліяніемъ любви, гаснетъ съ разо-

Библиот. В. Э. С. П.

чарованіемъ въ послѣдней. Вокульскій бросаетъ начатое дѣло и во главѣ его становится еврей Шлангбаумъ.

Изобразивъ такъ судьбу начинаній Вокульскаго, Прусъ остался вѣренъ дѣйствительности, ибо не только въ 80-хъ годахъ, къ корымъ относится романъ «Кукла», но и въ наше время промышленность Царства Польскаго находится въ сильной зависимости отъ нѣмецкаго и еврейскаго капитала, и независимая національная польская промышленность до сихъ поръ представляетъ лишь предметъ мечты польской буржуазіи. Мечтанія эти и отразилъ Прусъ въ своемъ романѣ. Въ слѣдующемъ большомъ своемъ романѣ «Эмансипированныя» (Emancypantki) 1894 г. Прусъ снова возвращается къ проблемѣ капитала и его организующей роли. Богатый помѣщикъ Сольскій строитъ сахарный заводъ и по этому поводу его учитель, старый профессоръ Дембицкій развиваетъ цѣлыя теоріи соціальной организаціи и солидарности фабрикантовъ и рабочихъ. Устами Дембицкаго здѣсь говоритъ самъ Прусъ.

«Фабрика,—поучаетъ Дембицкій,—это живой организмъ, чувствующій и думающій. Она обладаетъ двумя главными функціями души: мыслью и волей. Низшую ступень воли, соотвѣтствующую рефлекторнымъ движеніямъ, представляютъ низшіе служащіе фабрики. Болѣе высокую ступень воли представляетъ сознательная, цѣлесообразная, направляющая дѣятельность мастеровъ. Самою высшею ступенью является общее руководство, которое воплощается въ директорѣ, завѣдующемъ технической частью. Современныя фабрики представляютъ очень низкую ступень организаціи. Въ нихъ не только нѣтъ развитыхъ чувствъ, но даже сознательной мысли и воли; ихъ замѣняетъ слѣпая рутина, какъ въ ульѣ или муравейникѣ. Но современныя неурядицы въ мірѣ труда не существовали бы, если бы на фабрикахъ было біеніе живого чувства, если бы печаль, постигшая одного работника, передавалась другому, если бы руководители фабрики заботились о томъ, чтобы исполнителей оберегать отъ горести и доставлять имъ радость. Впрочемъ, мы живемъ въ эпоху, когда на фабрикахъ начинаетъ пробуждаться элементъ этого чувства. Ибо чѣмъ же другимъ объяснить устройство при фабрикахъ больницъ, школъ, яслей, кассъ, развлеченій, даже оркестровъ? Ни одно изъ этихъ учрежденій не увеличиваетъ количества продуктовъ и не повышаетъ дивидендовъ, какъ же ихъ объяснить, если не пробужденіемъ чувства въ томъ духѣ, который паритъ надъ машинами и котлами?»

Прусъ всегда вѣрилъ въ солидарность между предпринимателями и рабочими, и еще въ 1876 году въ неудачномъ въ художественномъ отношеніи, тенденціозномъ романѣ «Возвратная волна» (Powracająca fala)—изобразилъ судьбу жестокаго фабриканта Адлера, котораго въ концѣ концовъ покарала судьба въ лицѣ его сына. Почти двадцать лѣтъ спустя въ «Эмансипированныхъ» онъ развиваетъ устами Дембицкаго цѣлую теорію, напоминающую консерва-

тивный, христіанскій соціализмъ. Въ разсужденіяхъ Дембицкаго, фабрикантъ напоминаетъ «капитана промышленности» Карлейля. Организуя фабрику, направляя ее и заботясь въ то же время о своихъ подчиненныхъ служащихъ, онъ отправляетъ общественную службу, исполняетъ свое предназначеніе въ соціальномъ, даже міровомъ организмѣ. Дембицкому-Прусу вселенная рисуется въ видѣ огромнаго организма, въ которомъ каждое существо живетъ для блага цѣлаго, занимая определенное мѣсто въ іерархіи существъ.

И строитель вселенной, Богъ, является въ этой доктринѣ тоже своего рода міровымъ организаторомъ труда. Хозяйство, организаторски-хозяйственная дѣятельность получаетъ такимъ образомъ мистическое освященіе, пріобрѣтаетъ характеръ божественной функціи.

Излишне говорить, что этотъ идеалъ Пруса-Дембицкаго, напоминающій отчасти, — замѣтимъ кстати—религіозно-хозяйственную философію С. Н. Булгакова, успѣха въ обществѣ не имѣлъ. Польскіе фабриканты не склонны были задумываться надъ религіознымъ смысломъ получаемыхъ ими прибылей; что же касается рабочихъ, интеллигенціи, интересующейся соціальными проблемами, молодежи, то они проникались не идеей солидарности предпринимателей и рабочихъ, а идеей классовой борьбы. Средина 90-хъ годовъ, когда появились «Эмансипированныя» Пруса, въ Польшѣ, какъ и въ Россіи,—годы подъема рабочаго движенія и увлеченія молодежи марксистскими идеями.

Общественное оживленіе, наростаніе новыхъ силъ сказалось и въ литературѣ. Нарождается новая польская литература, представляемая именами Жеромскаго, Реймонта, Нѣмоевскаго, Даниловскаго, Сѣрошевскаго, проникнутая совсѣмъ другимъ духомъ, чѣмъ произведенія писателей, выступившихъ на сцену въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Новое поколѣніе, хотя и вынужденное говорить намеками, туманно, призываетъ уже не къ малымъ дѣламъ, а къ широкимъ историческимъ задачамъ и подзигамъ, воспѣваетъ не трезвость и умѣренность, а силу личности, мощь воли, революціонное творчество массъ. Симпатіи новаго поколѣнія направляются не къ мѣщанству, а къ рабочимъ массамъ и крестьянству. Демократизмъ смѣняется соціализмомъ.

Съ новыми голосами отчасти сливаются голоса старыхъ народницъ-идеалистокъ, Ожешко и Конопницкой, въ особенности послѣдней.

Даже въ творчествѣ поэтовъ неоромантиковъ, — Выспянскаго Пшибышевскаго, Каспровича, Тетмайера, — стоящихъ вдали отъ соціальныхъ проблемъ современности, повышенное общественное настроеніе сказывается въ приподнятомъ тонѣ поэзіи, въ паѳосѣ ея, въ смѣломъ полетѣ фантазіи, въ неудовлетворенности и тоскѣ, въ культѣ личности. Это въ особенности относится къ Выспянскому, который восторженно воспѣваетъ мощь человѣческой воли.

Словомъ, полоса умѣренности и аккуратности оказывается въ польской литературѣ окончательно изжитой.

Но Болеславъ Прусъ остается вѣренъ себѣ и не поддается новымъ теченіямъ. Онъ сознаетъ разладъ свой съ современностью, сознаетъ, что онъ не ко времени, и отъ текущей дѣйствительности обращается къ прошлому, къ далекой старинѣ, уходитъ въ изученіе древняго Египта и пишетъ романъ «Фараонъ» (1896 г.).

Послѣ «Фараона» Прусъ уходитъ отъ художественнаго творчества и пишетъ трактатъ объ «идеалахъ жизни», гдѣ развиваетъ и дополняетъ мысли, высказанныя устами Дембицкаго въ «Эмансипированныхъ».

Къ художественному творчеству Болеславъ Прусъ вновь возвратился послѣ революціонныхъ годовъ. Онъ пишетъ въ 1909 году романъ «Дѣти», въ которомъ изображаетъ судьбу пылкаго юноши Казиміра Свирскаго, ушедшаго въ революціонную борьбу за свободу и превращающагося въ экспропріатора. Болеславъ Прусъ не поддался и волнѣ освободительнаго движенія; революція пагубна въ его глазахъ; только медленный упорный трудъ можетъ спасти общество и вывести его на вѣрную дорогу. Болеславъ Прусъ остался вѣренъ себѣ до могилы: трудъ надъ фундаментомъ соціальнаго зданія, трудъ медленный, упорный и осторожный—вотъ его фетишъ, божество, которому онъ никогда не измѣнялъ.

Въ послѣдніе годы его вѣра какъ бы снова стала своевременной. Общественное настроеніе послѣ 1905 года напоминаетъ настроеніе послѣ 1863. Разбились смѣлые порывы, мечтамъ о свободѣ дѣйствительность нанесла жестокій ударъ, и снова явилась благопріятная почва для проповѣди «малыхъ дѣлъ». Почти непрерывныя въ теченіе двухъ лѣтъ стачки вызвали въ умѣренныхъ кругахъ сильное раздраженіе противъ соціализма и ученія о классовой борьбѣ, и къ этому настроенію какъ нельзя лучше подходили идеи Пруса о солидарности рабочихъ и предпринимателей. Ростъ націоналистическихъ настроеній въ Польшѣ, въ связи съ реакціей противъ соціализма, съ обостреніемъ польско-еврейскихъ отношеній и съ усиленіемъ вражды въ Германіи, оживилъ среди польской буржуазіи идею національной польской промышленности, независимой отъ еврейскаго и нѣмецкаго капитала, идею, на которую, какъ мы видѣли, откликался Прусъ, не бывшій, однако, никогда націоналистомъ.

Совокупность всѣхъ этихъ моментовъ и объясняетъ, почему послѣ смерти Пруса въ статьяхъ и рѣчахъ, посвященныхъ ему, онъ превозносился какъ мыслитель и учитель жизни, между тѣмъ какъ цѣнность его учительства и философіи больше всего вызываетъ возраженій. Безспорны же его заслуги въ области художественной. Тамъ, гдѣ онъ не думаетъ учить, а просто изображаетъ жизнь, онъ создаетъ живые образы и яркія картины. По своимъ бытовымъ сценамъ романъ «Кукла» занимаетъ, если не первое, то

одно изъ первыхъ мѣстъ въ польскомъ соціальномъ романѣ. Здѣсь передъ нами воспроизведена жизнь Варшавы во всѣхъ ея слояхъ и уголкахъ: аристократическіе салоны, убогія, мѣщанскія квартиры, студенческія мансарды, магазины, улицы, дѣловая жизнь— все это словно видишь въ романѣ Пруса. И если что портитъ этотъ романъ, то именно философскія тенденціи автора; въ угоду имъ и въ ущербъ художественности въ романѣ много немотивированнаго, случайнаго и лишняго. Есть длинноты и разсужденія, безъ которыхъ можно было бы обойтись. Еще болѣе пострадалъ отъ тенденціи другой соціальный романъ Пруса «Эмансипированныя»; въ цѣломъ это—неудачное произведеніе, несмотря на то, что въ немъ есть великолѣпныя отдѣльныя сцены и рядъ живыхъ фигуръ—особенно изъ провинціальной польской жизни.

Безукоризненнымъ, сильнымъ и правдивымъ художникомъ Болеславъ Прусъ является въ небольшихъ, нетенденціозныхъ разсказахъ. Среди нихъ есть произведенія, достигающія художественнаго совершенства. Къ такимъ, напр., принадлежитъ коротенькій разсказъ «Жилетка».

Въ убогой квартирѣ на глазахъ любящей жены умираетъ въ чахоткѣ мужъ—маленькій чиновникъ. Оба безсильны бороться со смертью. Но изъ жалости они скрываютъ другъ отъ друга страшную правду. Съ каждымъ днемъ онъ худѣетъ и, чтобы скрыть это отъ жены, онъ все передвигаетъ пряжку жилета... А жена думаетъ о томъ же и тайкомъ съуживаетъ жилетъ, укорачивая его поясокъ. И вотъ, когда больной передвинулъ пряжку настолько, что уже дальше передвигать нельзя было и когда, несмотря на это, жилетъ не сталъ казаться шире, то онъ самъ повѣрилъ, что пересталъ худѣть. Ему показалось, что онъ выздоравливаетъ... Въ этомъ маленькомъ разсказѣ, словно въ одной каплѣ-слезѣ, художникъ съумѣлъ показать и безмѣрность человѣческаго горя, и ужасъ безсилія, и красоту любви.

Такихъ слезъ много у Пруса; онѣ падаютъ на безъисходную печаль жизни, не утоляя, но облегчая ее.

Вотъ за эти то слезы, а не за философію, и любила Пруса читательская масса. Пруса, дѣйствительно, любили въ Польшѣ; любовь эта сообщалась даже людямъ, не читавшимъ его, а знавшимъ его по наслышкѣ. Это ярко сказалось въ день похоронъ его. Ни одного польскаго писателя не провожали такія толпы народа, какъ тѣ, что шли за скромными дрогами, увозившими тѣло Пруса. Толпы эти, конечно, не могли составиться изъ поклонниковъ философіи Пруса, его единомышленниковъ. Л. Кживицкій, описывавшій въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» похороны польскаго писателя, разсказываетъ, что многіе, принимавшіе участіе въ похоронномъ шествіи, оказалось, и не читали произведеній Пруса: они хоронили не писателя, а добраго человѣка. Да, это былъ прежде всего добрый человѣкъ, любовно относившійся къ людямъ, больше

всего старавшійся облегчить ихъ страданія. Онъ облегчалъ жизнь и своею улыбкой *), и своими слезами, и своею философіей. И когда думаешь объ этой послѣдней, то невольно вспоминаешь трогательный разсказъ про жилетку. Не повторилась ли здѣсь та же исторія? Не для того ли онъ такъ съуживалъ кругозоръ мысли и урѣзывалъ задачи, чтобы избавить отъ лишнихъ страданій современное ему поколѣніе, обезсилѣвшее послѣ полученныхъ ударовъ, придавленное силой, во много разъ превосходившей его силы? Вѣдь въ это время рисовать широкіе горизонты не значило ли — выставлять на видъ нищету и убожество современности и бередить раны, напоминая объ ужасѣ и позорѣ положенія, выйти изъ котораго не было силъ. И Прусъ урѣзывалъ, съуживалъ, приспособлялъ идеологію къ потребностямъ момента и къ силамъ поколѣнія. Когда послѣднее сошло со сцены и явились новыя силы, потеряла цѣнность и эта философія умѣренности. Жизнь ее переросла, и въ идейномъ отношеніи сейчасъ она для насъ интересна лишь какъ свидѣтельство тяжелой исторической драмы.

Л. Козловскій.

Кризисъ французской демократіи.

I.

Французская демократія, одержавъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ темными силами прошлаго и осуществивъ нѣсколько крупныхъ политическихъ реформъ, поразившихъ культурный міръ широтою своего размаха, переживаетъ въ настоящее время весьма серьезный кризисъ, задерживающій ея нормальное развитіе и угрожающій ей возможными потрясеніями.

Важнѣйшими признаками этого кризиса являются: консервативное направленіе курса правительственной политики вопреки прогрессивному настроенію большинства страны, задержка въ развитіи соціальнаго законодательства, такъ давно обѣщаннаго и такъ тщетно ожидаемаго массами, частыя революціонныя вспышки различныхъ слоевъ трудящихся классовъ и, наконецъ, глубокій идейный разбродъ и невѣроятный сумбуръ среди интеллигенціи, группы, имѣющей особо важное значеніе при демократическомъ режимѣ.

*) Имѣя главнымъ образомъ въ виду характеристику міросозерцанія Пруса, я не останавливаюсь на его юморѣ. Большинство критиковъ справедливо отмѣчаетъ *сходство Пруса, какъ юмориста, съ Диккенсомъ*.

Въ ряду этихъ фактовъ особенно важное значеніе имѣетъ задержка въ развитіи соціальнаго законодательства.

Народныя массы возлагали большія надежды на третью республику. Онѣ ждали отъ республики политическаго раскрѣпощенія и добивались политической свободы, какъ самоцѣннаго блага, добивались освобожденія личности отъ тяжелыхъ цѣпей полицейскаго государства и признанія за ней правъ гражданина. Но онѣ ждали и добивались не только этого.

Недаромъ вѣдь въ свое время Клемансо, лидеръ радикализма, бросилъ въ лицо оппортунистамъ, во время своей борьбы съ ними, знаменитую фразу: «политическая свобода не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, если она не служитъ орудіемъ соціальныхъ преобразованій». И радикальная партія въ моментъ своего возникновенія, отражая стремленія трудящейся демократіи, выставила программу, въ которой фигурировалъ рядъ важныхъ соціальныхъ реформъ и которую Жюль Симонъ напыщенно назвалъ «благородной программой, заключающей требованіе всѣхъ правъ человѣческой личности».

Но, если третья республика осуществила въ значительной степени политическую часть радикальной программы, то соціальная часть этой программы, въ ея основныхъ пунктахъ, до сихъ поръ еще не реализована.

Пока во Франціи господствовали консервативныя партіи, массы питали надежду, что съ паденіемъ этихъ партій государственная власть обратитъ серьезное вниманіе на соціальный вопросъ и разовьетъ соотвѣтствующую дѣятельность въ этомъ направленіи. Но послѣ того, какъ кормило правленія перешло въ руки радикаловъ, надежда эта стала падать и уступать мѣсто разочарованію.

Еще Вальдекъ-Руссо, обладавшій весьма проницательнымъ умомъ, указывалъ, не смотря на всю свою умѣренность, на опасный застой въ реформистской дѣятельности третьей республики.

«Обращаю вниманіе статистиковъ на слѣдующее странное явленіе, — писалъ онъ въ своемъ «Политическомъ завѣщаніи» (Testament politique).—За послѣднія десять лѣтъ дѣло осуществленія реформъ тѣмъ болѣе замедлялось, чѣмъ больше росло число ихъ сторонниковъ».

Въ этомъ-то именно и заключается вся суть кризиса. Если бы большинство страны высказывалось противъ соціальнаго законодательства, замедленіе въ осуществленіи реформъ было бы нормальнымъ явленіемъ. Но такое замедленіе, имѣющее мѣсто, вопреки желанію большинства избирателей, при демократическомъ режимѣ, построенномъ на принципѣ народнаго суверенитета—это уже ненормальность, которой враги демократіи могутъ съ успѣхомъ воспользоваться, чтобы дискредитировать самый принципъ послѣдней. И, дѣйствительно, при министерствѣ Клемансо, появленіе котораго у власти привѣтствовалось, какъ начало новой эры въ исторіи третьей республики, и который такъ безцеремонно перешагнулъ черезъ

«баррикаду», чтобы стать въ ряды соціальныхъ консерваторовъ, антидемократическое и антипарламентское теченіе значительно развивается.

Антидемократизмъ и антипарламентаризмъ начинаетъ въ эту пору находить многочисленныхъ сторонниковъ во всѣхъ классахъ общества, въ особенности среди интеллигенціи и импульсивной рабочей массы. Въ критикѣ демократическаго режима объединяются люди, примыкающіе къ полярно-противоположнымъ общественнымъ направленіямъ. Роялисты, «чистые» позитивисты, призывающіе господство аристократіи разума, революціонные синдикалисты и т. д., усилили свою пропаганду и агитацію, пользуясь, какъ главнымъ аргументомъ, фактомъ неисполненія третьей республикой тѣхъ соціальныхъ надеждъ, которыя на нее возлагали, и антинародной политикой даже такого ортодоксальнаго демократа, какъ Клемансо. Изъ этого дѣлали, конечно, выводъ о несостоятельности самаго принципа демократіи.

Слѣдуетъ отмѣтить, что факта кризиса, переживаемаго демократіей и парламентаризмомъ, не отрицали и многіе завзятые парламентаріи, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые не имѣли въ то время причинъ надѣвать розовые очки оффиціальнаго оптимизма.

Въ 1908 году два серьезныхъ парижскихъ журнала «La Revue» и «La Revue Hebdomadaire», открыли среди политиковъ, общественныхъ дѣятелей и ученыхъ анкету, первый по вопросу о «безсиліи парламентаризма», второй—о «кризисѣ парламентаризма».

Въ предисловіи къ своей анкетѣ «La Revue», между прочимъ, писала: «Смѣны парламентскаго большинства, сознававшаго или несознававшаго своей отвѣтственности, дали доказательства своей полной безпомощности въ области осуществленія положительныхъ реформъ, ужъ столько лѣтъ ожидаемыхъ страной. Онѣ погрузили насъ въ полнѣйшій хаосъ. Общественному мнѣнію надоѣли пустыя обѣщанія демагоговъ, вызывающихъ все большее и большее разочарованіе въ странѣ. Всеобщее недовольство достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Въ экономической жизни замѣчается заминка и неурядица» *).

Всѣ лица, опрошенныя журналами, за исключеніемъ одного лишь Поля Леруа-Болье, ортодокса либеральнаго манчестерства, отвѣтили утвердительно на вопросъ о наличности кризиса. Нынѣшній министръ-президентъ, Рэмонъ Пуанкарэ, писалъ въ своемъ отвѣтѣ: «По винѣ политическихъ дѣятелей, вслѣдствіе укоренившихся скверныхъ привычекъ, вслѣдствіе отсутствія методы и моральной дисциплины, въ настоящее время наблюдается кризизъ парламентаризма, начавшійся, по правдѣ говоря, уже давно и еще, быть можетъ, не достигшій своего апогея **). Такіе же приблизи-

*) «La Revue», 15 avril 1908.

**) Ibid.

тельно отвѣты дали бывшій радикальный министръ въ кабинетѣ Вальдека-Руссо, Пьеръ Боденъ, и депутаты Жозефъ Рейнакъ, Шарль Бенуа, Марсель Самба и т. д., принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ направленіямъ.

Цѣлый рядъ крупныхъ ученыхъ и юристовъ, опять-таки исходя изъ факта кризиса французской демократіи, выступили съ критикой современныхъ формъ ея, предлагая планы реорганизаціи. Такъ, извѣстный юристъ Леонъ Дюги рекомендовалъ учрежденіе второй палаты изъ представителей организованныхъ профессій, академикъ и депутатъ Шарль Бенуа настаивалъ на представительствѣ соціальныхъ группъ, другой выдающійся юристъ Эмэ Берто (Berthaud) предлагалъ образованіе парламентскихъ техническихъ совѣтовъ и организацію провинціальныхъ палатъ, которыя оставили бы парламенту лишь рѣшеніе вопросовъ, имѣющихъ дѣйствительно общій характеръ, и т. п.

Что касается до народныхъ массъ, то ихъ недовольство, не говоря уже о революціонныхъ движеніяхъ крестьянъ и рабочихъ и бурныхъ забастовкахъ государственныхъ служащихъ, проявилось съ особенною яркостью во время общихъ законодательныхъ выборовъ 1910 года. Замѣтнаго измѣненія въ соотношеніяхъ партій эти выборы не дали, хотя парламентская группа соціалистовъ увеличилась на половину. Но замѣчательно, что изъ числа депутатовъ закончившей свои полномочія палаты 235, т. е. почти половина всего ея состава, потерпѣли пораженіе и были замѣнены новыми лицами. Республиканскіе избиратели не могли, конечно, перейдти всей массой въ лѣвую оппозицію, къ соціалистической партіи, но, не мѣняя своихъ соціально-политическихъ убѣжденій, они обновили персоналъ парламента, надѣясь, что такое обновленіе выведетъ парламентаризмъ изъ того тупика, въ которомъ онъ очутился.

Новая палата, несмотря на свой обновленный составъ, ничѣмъ не отличалась, однако, отъ своей предшественницы. Слѣпая поддержка, которую она оказывала правительству Бріана, явилась лучшимъ тому доказательствомъ.

Съ такою же покорностью, или, вѣрнѣе, съ такою же охотою, какъ и старая палата, она стала подъ знамя «apaisement», выкинутое Бріаномъ, знамя, которое должно было прикрыть яркимъ шелкомъ громкихъ, но безсодержательныхъ фразъ политику общественнаго застоя. Правда, когда Бріанъ окончательно зарвался и началъ отступленіе по всей линіи, когда онъ сталъ заигрывать съ клерикализмомъ, борьба съ которымъ составляетъ главную заслугу радикальной партіи и, такъ сказать, краеугольный камень ея республиканизма, въ палатѣ образовалось значительное ядро оппозиціонныхъ радикаловъ, которые, подъ руководствомъ Берто,

повели атаку противъ министерства и, въ концѣ-концовъ, свалили его.

Съ появленіемъ министерства Мониса парламентское большинство, казалось, начало серьезно поворачивать налѣво. Но стоило только Монису занять угрожающую позицію по отношенію къ могущественнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, не желавшимъ принять обратно на службу уволенныхъ за участіе въ забастовкѣ служащихъ; стоило ему только объявить о готовившихся имъ законопроектахъ о страхованіи рабочихъ на случай инвалидности и смерти и объ усовершенствованіи закона о государственной пенсіи для рабочихъ, какъ большинство его стало быстро таять и въ концѣ-концовъ совершенно растаяло. Появленіе у власти министерства Кайо обозначало уже возвратъ къ Бріановскимъ традиціямъ, а замѣна этого министерства кабинетомъ Пуанкарэ, политическаго дѣятеля, не принадлежащаго даже къ радикальной партіи, а стоящаго на границѣ крайняго праваго радикализма и «прогрессизма», окончательно упрочило этотъ возвратъ. Участіе въ кабинетѣ Бріана, въ качествѣ вицепрезидента, съ особенной рѣзкостью подчеркиваетъ это обстоятельство.

Такимъ образомъ, надежды на то, что новая палата, благодаря обновленію почти половины своего состава и притоку молодыхъ свѣжихъ силъ, еще не засосанныхъ парламентской рутиной, дастъ прогрессивное направленіе общей политикѣ третьей республики и приблизитъ французскую демократію къ разрѣшенію переживаемаго ею кризиса, въ свою очередь не оправдались.

Положеніе остается такимъ, какимъ оно было до выборовъ 1910 года, или, вѣрнѣе, еще болѣе осложнившимся. Ибо чѣмъ дольше продолжается кризисъ, тѣмъ обостреннѣе онъ становится.

II.

Посмотримъ, какой багажъ соціальныхъ реформъ принесла съ собой третья республика трудящимся классамъ.

До Вальдека Руссо были проведены слѣдующія реформы, относящіяся къ соціальному законодательству: законъ 1874 года, запрещающій фабричный трудъ дѣтей ниже двѣнадцати-лѣтняго возраста; законъ 1892 года, ограничивающій рабочій день десятью часами для дѣтей ниже 16-ти лѣтняго возраста и 11-ю часами для дѣвушекъ и женщинъ старше этого возраста; законъ 1893 года относительно гигіены промышленныхъ заведеній; законъ 1898 года объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчья, полученныя рабочими во время работы, и, наконецъ, законъ 1899 года, обязывающій подрядчиковъ, выполняющихъ казенные подряды, давать своимъ рабочимъ динъ день отдыха въ недѣлю и оплачивать ихъ трудъ не ниже

размѣра заработной платы того города или мѣстности, гдѣ работы производятся.

При Вальдекѣ-Руссо и Комбѣ парламентомъ было вотировано еще нѣсколько реформъ соціальнаго характера: законъ объ ограниченіи рабочаго дня десятью часами въ тѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ, кромѣ мужчинъ, женщины и подростки *); законъ объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ, строгое примѣненіе котораго, однако, не распространяется на многочисленныхъ рабочихъ и служащихъ цѣлаго ряда отраслей промышленности и торговли; законъ о финансовомъ участіи государства въ организованномъ муниципалитетами вспомоществованіи престарѣлымъ и неимущимъ гражданамъ (Assistance générale des veillards).

Послѣ паденія министерства Комба, вплоть до 1910 года, было проведено лишь нѣсколько мелкихъ, не имѣющихъ общаго значенія, реформъ: регламентація труда на судахъ коммерческаго флота, распространеніе на торговыхъ служащихъ дѣйствія закона о несчастныхъ случаяхъ, ограниченіе рабочаго дня въ рудникахъ и копяхъ.

Наконецъ, въ 1911 году проведенъ былъ послѣ долголѣтняго обсужденія законъ о государственной пенсіи для рабочихъ. Законъ этотъ, однако, вышелъ изъ парламентской лабораторіи въ такомъ несовершенномъ видѣ, что опубликованіе его вызвало враждебныя манифестаціи рабочихъ по всей Франціи. Онѣ были настолько внушительны и серьезны, что правительство Мониса рѣшило не прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ для примѣненія закона, пока онъ не будетъ исправленъ парламентомъ.

Главнѣйшій недостатокъ этого закона, занимавшаго такое видное мѣсто въ программѣ радикаловъ, заключается въ томъ, что рабочіе обязаны ежегодно вносить въ пенсіонную кассу 9 франковъ, между тѣмъ пенсію они могутъ получать, лишь достигнувъ 65-лѣтняго возраста. Рабочіе совершенно справедливо указываютъ, что огромное большинство изъ нихъ не доживетъ до 65 лѣтъ, какъ ясно показываютъ статистическія таблицы о смертности населенія. Слѣдовательно, они должны вносить ежегодно 9 франковъ, имѣя весьма проблематическіе шансы на полученіе пенсіи.

Перечисленными законами и исчерпывается все, что сдѣлала третья республика въ области соціальнаго вопроса.

Это лишь зародышъ рабочаго законодательства. Проведены лишь самыя элементарныя мѣры для защиты и охраны труда, главнымъ образомъ, дѣтскаго и женскаго, которыя гораздо раньше, чѣмъ во Франціи, были осуществлены въ другихъ странахъ. Дѣйствительно крупныхъ реформъ мы въ этомъ спискѣ не находимъ. Вѣдь даже

*) Въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ одни лишь мужчины, рабочій день не ограниченъ законодательнымъ путемъ во Франціи.

рабочій день взрослыхъ мужчинъ не ограниченъ во Франціи законодательнымъ путемъ. Что касается общихъ соціальныхъ реформъ, распространяющихся не на однихъ только рабочихъ, то таковыхъ, а исключеніемъ закона о финансовомъ участіи государства въ организованномъ муниципалитетами вспомоществованіи престарѣлымъ и неимущимъ гражданамъ, третья республика не осуществила. Но, кромѣ этого, приходится еще констатировать, что со времени паденія министерства Комба и до настоящаго времени парламентъ не провелъ ни одной серьезной соціальной реформы. Законъ о пенсіяхъ для рабочихъ потерпѣлъ фіаско. Приметъ ли парламентъ дѣйствительно серьезныя мѣры для его исправленія, — пока рѣшить трудно. Между тѣмъ послѣ паденія министерства Комба ростъ числа прогрессивныхъ избирателей не только не остановился, но сталъ совершаться еще болѣе быстрымъ темпомъ, а парламентская сила радикализма—главной демократической партіи въ странѣ—усилилась настолько, что даетъ возможность этой партіи управлять, не прибѣгая къ союзамъ съ другими группами.

Такимъ образомъ, явленіе, отмѣченное еще въ 1904 году Вальдекомъ-Руссо, т. е. замедленіе дѣла осуществленія реформъ по мѣрѣ роста числа ихъ сторонниковъ, не только не исчезло, но получило еще болѣе рѣзко выраженный характеръ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о серьезности и значительности переживаемаго французской демократіей кризиса.

Правда, нельзя сказать, что во Франціи соціальный вопросъ достигъ высшей степени обостренія; но онъ, несомнѣнно, обостряется и чѣмъ дальше будетъ задерживаться соціальное законодательство, тѣмъ онъ будетъ обостряться все быстрѣе и сильнѣе.

Если французскіе рабочіе получаютъ, въ общемъ, не особенно низкую заработную плату, то не надо забывать, что плата англійскихъ и германскихъ рабочихъ значительно выше, а рабочій день короче, какъ выяснилось благодаря статистическому изслѣдованію, произведенному въ 1908 году англійскимъ «Board of Trade». Въ то же время въ Англіи и Германіи, въ особенности въ послѣдней, существуетъ обширное рабочее законодательство, которое во Франціи находится только въ зародышѣ. Между тѣмъ въ культурномъ отношеніи Франція не отстаетъ отъ названныхъ странъ, а ростъ культуры, — этотъ революціоннѣйшій факторъ міровой исторіи,— вызываетъ неизбѣжно новыя матеріальныя и моральныя потребности.

Во Франціи эти потребности тѣмъ скорѣе развиваются среди рабочаго класса, что принципъ *равенства*, положенный въ основу политическаго строя, глубоко укоренился въ народномъ сознаніи. Разъ всѣ граждане признаны равными, то массы естественно приходятъ къ требованію большаго равенства и въ соціальномъ, и экономическомъ отношеніяхъ, въ пользованіи благами жизни, которыми такъ широко и неограниченно пользуется у нихъ на глазахъ буржуазія.

Но, если ростъ заработной платы и развитіе рабочаго законодательства отстаетъ отъ роста матеріальныхъ и моральныхъ потребностей трудящихся, то это неизбѣжно ведетъ къ кризису. Къ тому же положеніе обостряется еще быстро растущимъ вздорожаніемъ жизни, вызваннымъ, главнымъ образомъ, спекуляціями крупнаго торговаго капитала.

Бурныя забастовки рабочихъ, желѣзнодорожниковъ и государственныхъ служащихъ и революціонныя манифестаціи противъ дороговизны жизни, имѣвшія мѣсто въ прошломъ году въ рядѣ французскихъ городовъ, являются характерными симптомами, свидѣтельствующими о растущемъ въ рядахъ городского пролетаріата недовольствѣ и раздраженіи. А образъ дѣйствій правительства во время забастовочныхъ движеній, крутыя полицейскія мѣры, къ которымъ оно прибѣгаетъ, еще болѣе усиливаютъ это недовольство и раздраженіе.

Приблизительно такая же картина наблюдается и въ деревнѣ. Французское крестьянство не переживаетъ остраго аграрнаго кризиса. Правда, какъ показываютъ анкеты министерства земледѣлія, значительное число самыхъ мелкихъ, карликовыхъ хозяйствъ сокращается, а владѣльцы ихъ, не имѣя возможности добывать себѣ пропитаніе на маленькомъ клочкѣ земли, уходятъ въ города, въ поискахъ работы и хлѣба. Но вмѣстѣ съ этимъ, тѣ же анкеты показываютъ, что огромное ядро типичныхъ трудовыхъ хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ замѣтно увеличилось и расширило площадь своего землевладѣнія *).

Но это лишь одна сторона медали. Если посмотрѣть на другую сторону ея, то окажется, что параллельно съ ростомъ земельной собственности мелкаго и средняго крестьянства идетъ еще болѣе быстрый ростъ ипотечнаго долга и задолженности крестьянина ростовщикамъ и капиталистамъ **). Самымъ главнымъ зломъ современной крестьянской жизни во Франціи является проникновеніе въ деревню крупнаго торговаго капитала, постепенно захватывающаго ее въ свои хищныя лапы. Этотъ капиталъ при помощи своихъ могущественныхъ синдикатовъ все больше и больше завладѣваетъ сельско-хозяйственнымъ рынкомъ и твердо и неуклонно стремится къ порабощенію производителя, что ему въ значительной степени и удается. Если прибавить къ этому быстрый ростъ налоговаго бремени, вызываемаго преимущественно развитіемъ мили-

*) См. „Enquête agricole“ за 1908 годъ, изданное министерствомъ земледѣлія. Площадь мелкихъ и среднихъ хозяйствъ увеличилась, согласно этой анкетѣ, на два съ лишнимъ милліона гектаровъ.

**) Съ 1841 по 1898-ой годъ сумма ипотечнаго долга съ 400 милліоновъ франковъ поднялась до 2 милліардовъ 700 милліоновъ. Съ 1898 года по настоящее время сумма эта, по приблизительнымъ расчетамъ статистиковъ, возросла въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Цитирую по Compère Morel „La question agraire en France“ стр. 41-ая.

таризма, бремени, ложащагося главнымъ образомъ на плечи крестьянства и, (такъ же, какъ и среди городского пролетаріата), ростъ новыхъ потребностей, то станетъ понятнымъ, что французскій крестьянинъ имѣетъ основательныя причины для недовольства своимъ положеніемъ.

Что онъ недоволенъ, что недовольство его достигаетъ порою крайнихъ предѣловъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ революціонныя движенія южнаго крестьянства въ 1908 году и крестьянскіе бунты прошлаго года въ департаментахъ Шампани, которые, подобно глухимъ подземнымъ ударамъ, предупреждаютъ о происходящемъ въ глубинахъ броженіи.

Большой успѣхъ соціалистической пропаганды среди крестьянства въ послѣдніе годы и избраніе соціалистическихъ депутатовъ въ десяткахъ крестьянскихъ департаментовъ свидѣтельствуютъ, въ свою очередь, о растущемъ недовольствѣ въ рядахъ земельныхъ тружениковъ.

Французское крестьянство нуждается въ серьезныхъ соціальныхъ реформахъ. Оно нуждается въ сильномъ облегченіи налоговой тяготы путемъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія ея среди всѣхъ классовъ націи, нуждается въ широко организованномъ государственномъ кредитѣ, который далъ бы ему возможность бороться съ торговымъ капиталомъ и поддерживать развивающееся кооперативное движеніе; нуждается въ сокращеніи своего ипотечнаго долга и въ цѣломъ рядѣ другихъ болѣе спеціальныхъ реформъ.

Все это ему было обѣщано,—но ни одно изъ обѣщаній до сихъ поръ не исполнено...

Раздраженіе и недовольство наростаетъ, наконецъ, не только среди пролетаріата и крестьянства, но и среди широкихъ слоевъ городской мелкой буржуазіи, которую все болѣе и болѣе концентрирующійся крупный торговый капиталъ сжимаетъ въ своихъ желѣзныхъ тискахъ и которая также страдаетъ отъ растущей тягости налоговъ.

Что Франція нуждается въ соціальномъ законодательствѣ, — этого не отрицаютъ не только радикалы, но даже нѣкоторые видные «прогрессисты».

Нѣсколько разъ радикальныя министерства выступали передъ парламентомъ съ обширными программами соціальныхъ реформъ, а министры произносили краснорѣчивыя рѣчи, доказывая всю необходимость, настоятельность и неотложность такихъ реформъ.

Всѣмъ еще памятна знаменитая рѣчь Вивіани, произнесенная имъ въ палатѣ, въ бытность его министромъ труда. «Развитіе свободной мысли и антиклерикальная политика республики, говорилъ Вивіани, потушили звѣзды на небѣ религіозныхъ народныхъ вѣрованій. Народъ поднялся съ колѣнъ, онъ смотритъ уже не на

небо, а на землю,—торопитесь же проведеніемъ реформъ удовлетворить его назрѣвшимъ потребностямъ. Ибо теперь ужъ онъ не вѣритъ въ мистическія сказки, — здѣшняя земная жизнь, и только она, интересуетъ его».

Въ программѣ Клемансо значилось около двадцати реформъ, въ томъ числѣ подоходный налогъ, рабочее страхованіе, коллективный договоръ, участіе рабочихъ въ прибыляхъ и т. д.

Пробывъ три года у власти, Клемансо не реализовалъ ни одной изъ этихъ реформъ.

Такая же участь постигла и програму Бріана.

III.

Чтобы объяснить слабое развитіе соціальнаго законодательства во Франціи и консерватизмъ почти всѣхъ смѣнявшихъ другъ друга правительствъ третьей республики въ области соціальнаго вопроса— явленія, вызывающія кризисъ демократіи,—необходимо раньше всего выяснить взаимоотношеніе силъ и удѣльный вѣсъ заинтересованныхъ общественныхъ классовъ.

Въ современномъ буржуазномъ обществѣ прогрессивное соціальное законодательство, принося выгоды однимъ классамъ его, неизбѣжно затрагиваетъ матеріальные интересы другихъ классовъ.

Во Франціи, гдѣ всякіе остатки крѣпостничества и феодализма давнымъ-давно исчезли и гдѣ единственно привилегированнымъ въ экономическомъ отношеніи классомъ является буржуазія, такое законодательство бьетъ по карману послѣднюю.

Но французская буржуазія менѣе всего склонна приноситъ жертвы на алтарь общественной солидарности. Прежде всего идеологія французскаго буржуа проникнута и запечатлѣна самымъ крайнимъ и узкимъ индивидуализмомъ, видящимъ покушеніе на священнѣйшія права личности въ попыткѣ государства вмѣшаться въ соціально-экономическія отношенія классовъ. Но, кромѣ того, французской буржуазіи не приходилось на своемъ историческомъ пути сталкиваться съ серьезно организованной и могущественной силой труда, боязнь передъ которой могла бы заставить ее пойти на уступки. Наоборотъ, всякій разъ, когда въ трагическія эпохи революціонныхъ взрывовъ трудовая армія выступала съ требованіями соціальной справедливости, ея слабость, неорганизованность, отсутствіе объединенности ясными и опредѣленными стремленіями давали возможность представителямъ «порядка» одерживать надъ ней сравнительно скоро и легко кровавыя побѣды. А послѣ этихъ побѣдъ, заливавшихъ волнами пролетарской крови арену общественной борьбы, въ рабочемъ мірѣ наступало затишье на долгіе годы, а соціальная и экономическая мощь буржуазіи развивалась съ невѣроятной быстротой.

Среди французскихъ буржуазныхъ классовъ не могла поэтому сложиться та традиція соціальнаго компромисса, которая такъ присуща буржуазіи Англіи и отсутствіе которой затрудняетъ въ огромной степени дѣло общественныхъ реформаторовъ, держащихся легальнаго пути. Наконецъ, главной причиной соціальнаго консерватизма французской буржуазіи является ея огромное богатство и организованность, дѣлающія ее самой могучей и вліятельной силой въ странѣ.

Сознавая свое могущество и силу, она не считаетъ нужнымъ серьезно считаться съ требованіями другихъ классовъ и значительно поступаться ради нихъ своими интересами. Богатство буржуазіи во Франціи колоссально. Еще до великой революціи она обладала огромными капиталами; послѣ революціи ростъ ея богатства принялъ чуть не сказочные размѣры. Съ одной стороны, этому содѣйствовало выгодное положеніе Франціи на міровомъ рынкѣ, ибо революція и Наполеонъ нанесли сильный ударъ торговой гегемоніи Англіи. Съ другой стороны,—созданныя революціоннымъ переворотомъ условія французскаго общественнаго строя, не говоря уже о пріобрѣтенныхъ ею по баснословно низкой цѣнѣ конфискованныхъ земляхъ эмигрантовъ и церкви.

«Великая революція, пишетъ умѣренный радикалъ, извѣстный профессоръ А. Фулльe, до того увлеклась борьбою противъ всякаго рода общественныхъ объединеній, подавлявшихъ личность, что уничтожила самый принципъ ассоціаціи. Это была большая ошибка. Революція надѣялась основать такимъ образомъ демократію,—она лишь открыла путь для плутократіи. Фактически капиталъ одинъ только пользовался правомъ объединенія при этомъ режимѣ будто бы равенства. Капиталисты этимъ воспользовались. Финансовые эксцессы распространились въ новомъ обществѣ какъ болѣзнь роста» *).

Великая революція, запретивъ всякія формы объединенія, строго примѣняя принципы своего суроваго индивидуализма, но не создавъ серьезныхъ преградъ для ассоціаціи капитала, открыла для буржуазіи самую широкую возможность обогащенія, усиливъ ея и безъ того огромное преимущество въ экономической жизни.

Буржуазный классъ, благодаря всѣмъ указаннымъ условіямъ, накопилъ огромные капиталы. Настолько огромные, что рядомъ съ довольно многочисленнымъ классомъ богатой средней буржуазіи во Франціи имѣются капиталисты, обладающіе колоссальными состояніями. Концентрированіе милліоновъ въ отдѣльныхъ рукахъ не привело во Франціи къ значительному сокращенію общаго числа собственниковъ.

«Во Франціи, пишетъ Фулльe, благодаря развитію финансовыхъ,

---

*) A. Fouillé, «La Démocratie politique et sociale en France», стр. 164. Paris 1910.

торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ отдѣльныхъ рукахъ сосредоточились громадныя богатства, настолько громадныя, что можно предвидѣть недалекое будущее, когда нѣсколько лицъ будутъ обладать 10—20 милліардами франковъ, въ то время, какъ богатство всей страны оцѣнивается въ 300 милліардовъ» *).

Въ свою очередь извѣстный экономистъ и статистикъ Эмиль Левассеръ утверждаетъ, что «четвертая часть всѣхъ французскихъ капиталовъ находится во владѣніи небольшого числа богатыхъ людей» **).

Но мало того, что буржуазія обладаетъ огромными капиталами. Ея соціальная и экономическая мощь увеличивается еще благодаря концентрированію въ ея рукахъ денежныхъ сбереженій населенія, что достигается развитіемъ финансоваго капитализма.

Финансовый капитализмъ сильно развился во Франціи и выросъ до нынѣшнихъ колоссальныхъ размѣровъ, вслѣдствіе распространившейся среди мелкихъ французскихъ капиталистовъ привычки помѣщать свои капиталы въ акціяхъ и облигаціяхъ. Это явленіе получило сильный толчокъ своему развитію при второй имперіи, когда, благодаря промышленному расцвѣту, возникшія въ большомъ числѣ акціонерныя предпріятія стали давать баснословные доходы. Кромѣ того, самый фактъ наличности многочисленныхъ мелкихъ капиталистовъ во Франціи, занимающей въ этомъ отношеніи первое мѣсто среди всѣхъ странъ міра, содѣйствовалъ притоку мелкихъ капиталовъ въ кассы разныхъ финансовыхъ и промышленныхъ обществъ. Обладая небольшими капиталами, недостаточными, чтобы послужить основаніемъ для самостоятельнаго дѣла, владѣльцы ихъ охотно покупаютъ бумажныя цѣнности, въ надеждѣ получать доходы безъ затраты личнаго труда и энергіи.

Такимъ образомъ, благодаря сліянію текущихъ со всѣхъ сторонъ золотыхъ струекъ, совершается громаднѣйшая концентрація капитала, который принадлежитъ милліонамъ владѣльцевъ, но въ то же время поступаетъ въ непосредственное распоряженіе крупныхъ капиталистовъ.

Послѣдніе, имѣя въ своихъ рукахъ цѣлыя груды золота, чуть ли не половину всего движимаго капитала страны, превращаются конечно въ могучую и опасную силу, въ настоящихъ «хозяевъ жизни». Насколько быстро и въ какихъ огромныхъ размѣрахъ распространяются бумажныя цѣнности во Франціи, видно изъ того, что въ то время, какъ въ 1890 году общая сумма ихъ равнялась 55 милліардамъ франковъ, въ 1910 году она достигла почти 150 милліардовъ, въ то время какъ общее богатство Франціи оцѣнивается въ 300 милліардовъ. Правда, значительная часть этой суммы падаетъ на французскую государственную ренту и на

*) Ibidem, стр. 173.

**) E. Levasseur, «Salariat et Salaire» стр. 425. Paris 1909.

Библиот. В.Э.О.П.

займы иностранныхъ государствъ. Но тѣмъ не менѣе остающаяся сумма все же превышаетъ 50 милліардовъ.

Изъ факта огромнаго распространенія бумажныхъ цѣнностей во Франціи буржуазные экономисты дѣлаютъ выводъ о демократизаціи капитала и утверждаютъ, что французскій народъ живетъ чуть-ли не въ настоящемъ Эльдорадо.

Наличность огромнаго числа рантье во Франціи, конечно, никто не отрицаетъ. Но во первыхъ, всеобщая перепись показываетъ, что среди 20 милліоновъ активнаго населенія имѣется около 12 милліоновъ пролетаріевъ, неимѣющихъ собственности *),—а во вторыхъ, распоряженіе огромными капиталами, вложенными въ бумажныя цѣнности, всетаки остается за заправилами капиталистическаго міра.

Сила послѣднихъ еще болѣе увеличивается благодаря ихъ организаціямъ и стремленію къ все большему и большему сконцентрированію капиталовъ. Банковое дѣло, играющее такую огромную роль во Франціи, занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Лизисъ (Lysis) въ своей нашумѣвшей книгѣ, выдержавшей нѣсколько изданій «Contre l'oligarchie financière en France» указываетъ, что въ то время, какъ въ Англіи насчитывается 24 крупныхъ банка, имѣющихъ сто отдѣленій и совершенно независимыхъ другъ отъ друга, а въ Германіи 54 банковыхъ учрежденія, организованныхъ въ семь группъ, независимыхъ одна отъ другой,—во Франціи, пять крупныхъ финансовыхъ обществъ съ «Crédit Lyonnais» во главѣ образуютъ консорціумъ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія финансовыя операціи и представляющій собою настоящую денежную олигархію. Насколько велика сила этого консорціума, видно изъ того, что въ 1910 году годовой балансъ входящихъ въ его составъ пяти банковъ достигалъ почти десяти милліардовъ франковъ!

Но мало этого. Благодаря своимъ многочисленнымъ отдѣленіямъ въ провинціи, названные банки стягиваютъ въ свои кассы милліардныя суммы въ видѣ вкладовъ, поступающихъ въ ихъ распоряженіе. Такъ, въ томъ же 1910 году сумма вкладовъ въ трехъ только банкахъ консорціума—«Crédit Lyonnais», «Société générale» и «Comptoir National»—равнялась тремъ съ половиною милліардамъ франковъ **).

Рядомъ съ этими колоссами существуетъ еще такъ называемый «Haute banque». Это—банкиры-милліардеры старой формаціи, съ Ротшильдами во главѣ, не занимающіеся текущими финансовыми операціями, а ограничивающіеся лишь кредитованіемъ иностранныхъ государствъ и банковъ. Въ рукахъ этого «Haute banque» сосредоточены, само собою разумѣется, колоссальныя средства.

*) См. „Résultats statistiques du dénombrement de la population en 1906" Т. 1.

**) Lysis «Contre l'oligarchie financière en France», стр. 12.

Кромѣ банковъ, имѣется цѣлый рядъ крупнѣйшихъ финансово-промышленныхъ предпріятій, которыя ворочаютъ сотнями милліоновъ. Таковы желѣзнодорожныя компаніи (во Франціи только одна Западная желѣзная дорога принадлежитъ государству), общества водопроводовъ, омнибусовъ, метрополитена, газа, электричества и т. д., изъ которыхъ многія также связаны между собою.

Чисто промышленный капитализмъ, въ свою очередь, стремится всѣми силами къ объединенію и не только къ объединенію въ экономическихъ цѣляхъ, но и въ цѣляхъ соціальной защиты и наступленія. Такъ, напримѣръ, металлургическая промышленность, занимающая во Франціи первенствующее мѣсто, почти вся организована въ могущественный союзъ, носящій названіе «Comité des Forges». Эта организація группируетъ 189 акціонерныхъ обществъ, владѣющихъ 324 заводами и 152 рудниками. Основной капиталъ этихъ обществъ превышаетъ шестьсотъ милліоновъ франковъ *). Организація такого же типа подъ названіемъ «Comité des Houilles», объединяетъ владѣльцевъ угольныхъ копей.

Обѣ названныя организаціи образуютъ союзъ «Union Métallurgique et Minière et des industries qui s'y rattachent», во главѣ котораго стоитъ центральная коммиссія. Организованы также весьма серьезно текстильные фабриканты, предприниматели строительнаго дѣла, мукомолы и т. д.

Вообще, во Франціи нѣтъ ни одной болѣе или менѣе крупной отрасли промышленности и торговли, которая не была бы организована. Насколько это явленіе распространено, объ этомъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя опубликованной недавно переписи населенія. Оказывается, что процентъ организованныхъ въ союзы и синдикаты хозяевъ гораздо выше процента рабочихъ, участвующихъ въ пролетарскихъ экономическихъ организаціяхъ.

Такова та могущественная сила съ милліардерами-финансистами во главѣ, для которой серьезное соціальное законодательство является невыгоднымъ и вслѣдствіе этого нежелательнымъ. Для осуществленія своихъ цѣлей эта сила имѣетъ въ своемъ распоряженіи различныя средства. Прежде всего крупные финансисты, эти современные «короли золота», могутъ, какъ указываетъ Lysis въ своей книгѣ, оказывать давленіе на правительство путемъ финансовыхъ операцій. Такъ, напримѣръ, имѣя въ своемъ распоряженіи милліардные капиталы, они могутъ во всякое время вызвать паденіе государственной ренты. А если принять во вниманіе, что во Франціи насчитывается четыре милліона рантье, то легко себѣ представить, какое недовольство и раздраженіе можетъ вызвать такое паденіе противъ правительства и парламента. Такой пріемъ борьбы былъ примѣненъ финансистами во время министерства Комба.

---

[1]) См. A. Merrheim «L'organisation patronale en France», Mouvement Socialiste. Decembre 1908.

Кромѣ того, бываютъ моменты, когда правительство нуждается въ деньгахъ, ибо поступленіе государственныхъ доходовъ не всегда совершается равномѣрно. Правительство вынуждено тогда обращаться къ помощи крупныхъ банковъ, выпуская краткосрочныя обязательства, такъ называемые, «Bons du Trésor». Въ этомъ случаѣ финансисты могутъ также причинить непріятности ненавистному для нихъ министерству.

Противъ такого министерства они могутъ, далѣе, во всякое время организовать ожесточенную кампанію большой прессы. Такъ, кампанія противъ министерства того же Комба, которую вела газета «Matin», послужила непосредственной причиной его ухода. Большая пресса является однимъ изъ сильнѣйшихъ оружій въ рукахъ крупнаго капитала. Пресса эта продажна до мозга костей.

«Почти всеобщая продажность нашей прессы, пишетъ Lysis, продающейся денежнымъ королямъ, оплачиваемой ими и находящейся у нихъ въ услуженіи, всѣмъ извѣстна. Эта продажность настолько вошла въ нравы, что принимается, какъ нѣчто естественное, людьми газетнаго міра» *).

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Большія французскія газеты являются не болѣе, какъ огромными коммерческими предпріятіями, на которыя владѣльцы ихъ смотрятъ исключительно какъ на источникъ дохода, не задаваясь никакими идейными цѣлями и не брезгая никакими средствами для увеличенія своего «bénéfice». Владѣльцы большихъ французскихъ газетъ,—крупные капиталисты милліонеры, такъ какъ организація большой газеты во Франціи обходится въ десятки милліоновъ франковъ. Взять хотя бы такія газеты, какъ «Matin», «Journal», «Petit Parisien» «Petit Journal». Каждая изъ этихъ газетъ имѣетъ штатъ въ полторы-двѣ тысячи служащихъ и рабочихъ, соединена собственными телеграфными проволоками съ главнѣйшими міровыми центрами, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10—15 автомобилей, обладаетъ многочисленными мастерскими и даже фабриками, изготовляющими все, что нужно, для печатанія газеты, начиная отъ шрифта и фотографическихъ принадлежностей и кончая бумагой и краской. Огромный милліонный тиражъ этихъ газетъ дѣлаетъ все это необходимымъ. Годовые обороты каждой изъ нихъ достигаютъ 30, 40 и даже 50 милліоновъ франковъ **).

Само собой разумѣется, что владѣльцы большихъ газетъ, будучи капиталистами-милліонерами, менѣе всего склонны оказывать поддержку соціально-реформистскимъ начинаніямъ и тѣмъ съ большимъ рвеніемъ защищаютъ интересы капитала, что получаютъ

---

*) Lysis „Contre l'oligarchie etc“ стр. 170.

**) См. интересное описаніе организаціи и функціонированія крупныхъ газетъ въ недавно вышедшей книгѣ извѣстнаго реакціоннаго журналиста Артюра Мейера „Ce que mes yeux ont vu“.

вдобавокъ за это солидную мзду. Между тѣмъ, вліяніе этихъ газетъ, въ виду колоссальныхъ размѣровъ ихъ тиража, огромно. Недаромъ ихъ называютъ «фабриками общественнаго мнѣнія». Онѣ умѣютъ дискредитировать очередную реформу, умѣютъ сбить съ толку милліоны читателей, умѣютъ во время создать диверсію, вызвавъ патріотическую или соціальную панику,—вообще, умѣютъ облегчить работу тѣхъ, которые открыто или тайкомъ, съ маской демократа на лицѣ, стараются ставить препоны дѣлу осуществленія соціальнаго законодательства.

Кромѣ большой прессы, организованный капиталъ имѣетъ въ своихъ рукахъ и еще сильное оружіе: вліятельныхъ депутатовъ и сенаторовъ. Нѣтъ ни одного виднаго парламентарія, который прямо или косвенно не былъ бы связанъ съ организаціями финансоваго и промышленнаго капитала.

Однажды газета «Humanité», на основаніи оффиціальныхъ справочниковъ, напечатала списокъ парламентаріевъ, принимающихъ участіе въ крупныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, или находящихся у нихъ на службѣ. Въ спискѣ значилось около 200 именъ. Между прочимъ, нынѣшній министръ-президентъ Пуанкарэ и военный министръ Мильеранъ состояли юрисконсультами извѣстнаго синдиката, занимающагося хлѣбными операціями, спекуляціи котораго вызвали недавнее вздорожаніе хлѣба. Морской министръ Делькассе занималъ постъ члена правленія знаменитаго общества металлургическихъ заводовъ «Creuzot». Рувье стоялъ во главѣ одного изъ банковъ, входящихъ въ составъ описаннаго выше консорціума. Кайо руководилъ двумя крупными финансовыми учрежденіями. Старшій вице-президентъ палаты депутатовъ, Этьенъ, предсѣдательствуетъ въ правленіи богатѣйшей компаніи омнибусовъ; президентъ центральнаго комитета «лѣвыхъ республиканцевъ», АдольфъКарно, въ свою очередь, предсѣдательствуетъ въ правленіи интернаціональнаго газоваго общества; депутатъ и бывшій министръ Гилленъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто въ «Comité des Forges», такое же мѣсто занимаетъ Думеръ въ правленіи электрическаго общества и т. д. и т. д.

Любопытно, что, когда кончились полномочія бывшаго президента республики Эмиля Лубэ, ему тотчасъ же было предложено мѣсто члена правленія въ компаніи Средиземной желѣзной дороги, крупнѣйшей изъ французскихъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Предоставляя виднымъ парламентаріямъ мѣста въ своихъ администраціяхъ и совѣтахъ, приглашая ихъ на службу, финансовыя и промышленныя предпріятія менѣе всего руководятся технической способностью этихъ лицъ,—для нихъ важно ихъ политическое вліяніе.

Понятно, насколько, благодаря всему вышеописанному, велико вліяніе капиталистическихъ круговъ на политику правительства и парламента. Этого вліянія не отрицаютъ и многіе изъ горячихъ

защитниковъ демократіи, даже непринадлежащихъ къ соціалистическому лагерю. Такъ, между прочимъ, Ги Гранъ, написавшій цѣлую книгу въ защиту демократическаго строя, констатируетъ, однако, съ грустью, что «финансисты—вотъ та огромная сила, которая управляетъ секретно, но неограниченно нашей страной, дергая въ тѣни биржи веревочки, приводящія въ движеніе законодательныя палаты, посольства и редакціонныя залы» *). Умѣренный радикалъ, профессоръ Фуллье, въ свою очередь, вынужденъ признать это явленіе въ своей книгѣ «La Démocratie politique et sociale en France». А Анатоль Франсъ въ отвѣтъ на анкету журнала «La Revue» о кризисѣ парламентаризма, отвѣтилъ слѣдующее: «Во Франціи во время войны управляютъ военные, а въ мирное время—финансисты. Парламентъ, если можно такъ выразиться, является лишь слабымъ отраженіемъ богатства. Зависимость министровъ отъ финансистовъ пропорціональна могуществу послѣднихъ **)

Вліяніе финансоваго міра на политику правительства обнаружилось, между прочимъ, съ особенной рельефностью во время прошлогоднихъ марокскихъ осложненій, когда кучка финансистовъ изъ «Comité du Maroc», во главѣ котораго стоитъ названный уже выше старшій вице-президентъ палаты Этьенъ, чуть не довела Францію до войны съ Германіей.

Е. Сталинскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Борьба за конституцію въ Венгріи.—2. Побѣда бельгійскаго клерикализма.

I.

Уже цѣлый мѣсяцъ, со второй половины мая, борьба партій въ венгерскомъ парламентѣ и отраженіе ея въ странѣ приняли чрезвычайно рѣзкія формы, которыя заставляютъ иныхъ наблюдателей политической жизни Транслейтаніи говорить о назрѣвающей революціи. Эту борьбу можно было бы, въ духѣ терминологіи Іеринга, назвать «борьбой за право», если бы къ проявленіямъ идейнаго энтузіазма здѣсь не примѣшивались въ черезчуръ сильной степени эгоистическіе разсчеты партій, отнимающіе много внутренней красоты у столкновенія враждебныхъ лагерей.

---

*) Guy Grand „Le procès de la Démocratie“ „Revue de Métaphysique et de Morale“. Mars 1910.

**) La Revue, 15 avril 1908.

Прошлый разъ мы говорили читателю о томъ, какимъ образомъ министерство Куэнъ-Хедервари, ставшее въ концѣ-концовъ на сторону короны въ ея борьбѣ съ народнымъ представительстомъ по вопросу о военномъ законѣ, подало въ отставку, и его мѣсто занялъ новый кабинетъ, премьеромъ котораго сдѣлался бывшій министръ финансовъ, Лукачъ. Была надежда, что болѣе мягкія отношенія Лукача къ партіи Юста, являющейся представительницею наиболѣе демократическаго національнзма въ Венгріи, помогутъ правительству и народнымъ представителямъ выработать компромиссъ съ цѣлью по возможности мирно провести военный законопроектъ, представляющій собою, по мнѣнію политиковъ Австро-Венгріи, необходимую мѣру національной самообороны. Эги надежды скоро разсѣялись. Взвѣсивъ, очевидно, въ умѣ сравнительную слабость непримиримой оппозиціи (какъ извѣстно, фракція Юста насчитываетъ лишь 41 человѣка изъ 413 членовъ венгерской палаты депутатовъ), Лукачъ ступилъ на почву рѣшительнаго проведенія законопроекта. Сравнительно снисходительное отношеніе къ этому проекту другого крыла оппозиціи, болѣе умѣренной партіи Кошута, и ясно выраженное желаніе правительственной партіи, или такъ называемой «партіи національной работы», скорѣе кончить съ дѣломъ, побудили новаго премьера прибѣгнуть къ мѣрамъ даже болѣе радикальнымъ, чѣмъ тѣ, которыми Куэнъ-Хедервари думалъ побѣдить сопротивленіе палаты. Между новымъ премьеромъ и большинствомъ депутатовъ быстро создалось соглашеніе, прежде всего выразившееся въ томъ, что на мѣсто прежняго президента палаты, Навая, который не могъ справиться съ отчаянной обструкціей оппозиціи, была выдвинута кандидатура извѣстнаго политическаго дѣятеля, графа Стефана Тиссы.

Тисса далеко не новичокъ въ политической жизни Венгріи. Сынъ своего отца, типичный венгерскій магнатъ, обладающій большимъ состояніемъ и могущій въ матеріальномъ отношеніи не зависѣть отъ какихъ бы то ни было политическихъ группъ, Тисса представляетъ лично честнаго, но въ высшей степени узко-сословнаго политика, который впереди всего ставитъ интересы крупнаго привилегированнаго землевладѣнія. Уже не одинъ разъ его выступленія на политическую арену обнаруживали въ Тиссѣ любителя «сильной власти», не отступавшаго передъ примѣненіемъ самыхъ крутыхъ мѣръ, когда дѣло шло о томъ, чтобы подавить парламентарную оппозицію, а, въ особенности, незакономѣрныя, по его мнѣнію, дѣйствія широкихъ слоевъ народа, къ которому гр. Тисса питаетъ презрѣніе заядлаго феодала. Ему принадлежитъ знаменитая фраза, брошенная въ отвѣтъ на сообщеніе о томъ, что войска открыли стрѣльбу по манифестантамъ: «Оставимъ солдатъ въ покоѣ; вѣдь они стрѣляютъ только по сволочи».

Такого-то человѣка партія національной работы выдвигала теперь,—очевидно, по соглашенію съ правительствомъ,—на мѣсто пре-

зидента палаты. Большинство, видимо рѣшило во что бы то ни стало сломить наконецъ сопротивленіе оппозиціи военному законопроекту, который былъ внесенъ въ палату 13 мѣсяцевъ назадъ и не двигался съ мѣста. Выборы состоялись 22 мая н. ст. и сопровождались бурными сценами, достигшими въ этотъ день своего апогея, когда одинъ изъ оппозиціонеровъ, депутатъ Ковачъ, сбросилъ на полъ урну и въ свою очередь былъ опрокинутъ на землю вслѣдъ за нею и чуть не затоптанъ разсвирѣпѣвшими членами большинства. Оппозиція въ знакъ протеста удалилась изъ залы засѣданія, и оставшіеся 210 членовъ правительственной партіи всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подали свой голосъ за Тиссу. Въ привѣтственной рѣчи новаго президента зазвучали по адресу оппозиціи самыя недвусмысленныя угрозы, которыя еще болѣе подчеркивались внѣшней корректностью формы. Тисса обѣщалъ отправлять свои функціи «съ неизмѣннымъ сознаніемъ долга и отвѣтственности честнаго человѣка». А по отношенію къ врагамъ проекта говорилъ, что въ сущности нѣтъ ни одного (!?) члена палаты, который бы въ глубинѣ души не осуждалъ обструкціи, и что поэтому онъ, Тисса, постарается придать преніямъ народныхъ представителей то «нравственное и правовое содержаніе», которое только и поможетъ справиться большинству съ возмутительной тактикой оппозиціи.

Дѣло происходило 22 мая, а 23 мая въ столицѣ Венгріи уже разразилось народное движеніе, которое чуть-чуть не приняло размѣры настоящей революціи. Видя, что избраніе гр. Тиссы означаетъ немедленное проведеніе военнаго закона, но новую отсрочку проекта о всеобщей подачѣ голосовъ, венгерскіе соціалъ-демократы бросили въ массы лозунгъ: устроить большую манифестацію передъ зданіемъ парламента и дать этимъ понять представителямъ народа, что они черезчуръ долго игнорируютъ интересы того великаго цѣлаго, которое должны были бы «представлять». Намъ нечего останавливаться подробно на сценахъ, которыя разыгрывались на улицахъ Будапешта въ теченіе двухъ сутокъ и вѣсть о которыхъ разносилась по телеграфу чуть ли не каждый часъ во всѣ концы міра.

Мы знаемъ, какихъ усилій полиціи, жандармеріи и войскамъ стоило, чтобы разсѣять манифестантовъ и не допустить ихъ къ зданію парламента. Между населеніемъ и военной силой неоднократно завязывался бой не только на площади передъ палатой, но и въ разныхъ концахъ города и въ предмѣстіяхъ. Кровавый балансъ этихъ дней исчислялся десяткомъ убитыхъ, сотней тяжело раненыхъ, нѣсколькими сотнями легко раненыхъ и 500 арестованныхъ. Во многихъ мѣстахъ толпа, разсыпаясь на мигъ передъ выстрѣлами солдатъ, снова скоплялась тѣсными рядами и съ криками негодованія забрасывала войска камнями, черепками, осколками бутылокъ, порою встрѣчая ихъ револьверными выстрѣлами, порою

воздвигая баррикады, поджигая сваленные омнибусы и всячески пытаясь преградить путь въ Будапештъ гарнизонамъ изъ окружающихъ мѣстностей (правительство отдало имъ приказъ двинуться поскорѣе въ столицу, боясь, что мѣстныхъ силъ не хватитъ для того, чтобы справиться съ мятежниками). А въ это самое время Тисса съ хладнокровіемъ, достойнымъ,—какъ говорятъ его друзья,—римскаго сенатора, оставался глухъ ко всѣмъ заявленіямъ оппозиціи, съ возмущеніемъ сообщавшей объ избіеніи народа тутъ же, на глазахъ его представителей, и отвѣчалъ на всѣ протесты лѣвой надменными словами: «это насъ не касается; мы не комитетъ общественнаго спасенія», или: «намъ нечего ахать и нервничать подобно старой истерической женщинѣ; палата существуетъ для того, чтобы хладнокровно обсуждать серьезные законы, а не для того, чтобы прислушиваться къ голосу мятежа».

На третій день, волны народнаго возстанія, такъ высоко вздымавшія въ первые часы послѣ манифестаціи, болѣе или менѣе улеглись. Но за то возбужденіе умовъ еще болѣе усилилось въ парламентѣ, среди самихъ депутатовъ, которые чувствовали все время надъ своими головами свистъ тяжелой ферулы гр. Тиссы. Гроза разразилась недѣлею позже. Въ самомъ началѣ іюня болѣе умѣренная оппозиція кошутовцевъ, пытавшаяся заранѣе условиться съ правительствомъ относительно парламентарной работы, получила въ отвѣтъ отъ Лукача извѣщеніе, мягкое по формѣ, но рѣзкое по содержанію,—извѣщеніе, которымъ новый премьеръ рѣшительно отказывался придавать обсуждаемому военному законопроекту временный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, выражая желаніе вести переговоры по поводу проекта о всеобщей подачѣ голосовъ, отсылалъ проведеніе этой столь давно обѣщанной мѣры на осень.

4-е іюня былъ тѣмъ историческимъ днемъ, который свидѣтельствовалъ о переломѣ въ политикѣ Венгріи. Онъ знаменовалъ сокрушеніе оппозиціонной обструкціи соединенными силами правительственной партіи, предводимой графомъ Тиссой, и кабинета Лукача.

Довольно сказать, что въ этотъ день, по заранѣе условленному знаку,—маханію Тиссы бѣлымъ платкомъ и отвѣтнымъ дружнымъ маханіемъ большинства бѣлыми же платками,—правительству удалось среди адскаго шума оппозиціи и всевозможныхъ звуковъ «технической обструкціи», прибѣгавшей къ свисткамъ, трубамъ, трещоткамъ и даже судовымъ сиренамъ, провести сразу въ двухъ чтеніяхъ весь законопроектъ. Эта «подлая хитрость» большинства привела въ изступленіе лѣвое крыло оппозиціи, которое затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней заставляло призывать себя къ порядку, выводилось силою изъ залы руками сотни полицейскихъ, снова возвращалось въ палату, пробовало неоднократно ворваться туда въ сопровожденіи сочувствовавшей ей толпы, исключалось въ лицѣ цѣлыхъ десятковъ своихъ членовъ на время отъ 15 до 30

засѣданій, пока, наконецъ, дѣло не дошло до кровавой сцены въ самомъ парламентѣ. Импульсивный депутатъ оппозиціи, Ковачъ, ворвавшись силою послѣ исключенія въ залу, выпустилъ нѣсколько пуль изъ револьвера въ Тиссу, но, не попавъ, обратилъ оружіе противъ себя и тяжело ранилъ себя въ голову, между тѣмъ какъ друзья министерства въ свою очередь рипостировали револьверными выстрѣлами и буквально затоптали свирѣпыми ударами каблуковъ окровавленнаго, уже лежавшаго въ забытьи Ковача...

Рана пылкаго депутата оказалась, однако, не смертельною, и ему удастся, можетъ быть, выздоровѣть. Но озлобленіе борьбы съ двухъ сторонъ нисколько не смягчилось, и въ слѣдующіе же дни въ этой атмосферѣ партійной ненависти были вотированы дополнительные законопроекты о рекрутскомъ контингентѣ и объ измѣненіи военной юстиціи. Разъ ступивъ на почву рѣшительнаго подавленія обструкціи въ парламентѣ и странѣ, правительство уже не стѣснялось въ выборѣ мѣръ репрессіи и считало себѣ вполнѣ дозволеннымъ то, что само же оно разсматривало какъ тяжелое преступленіе на сторонѣ оппозиціи. Достаточно упомянуть трагикомическую исторію съ кинематографомъ, въ которой это послѣднее слово техники бросаетъ забавный штрихъ на отнюдь не шуточную картину политическаго возстанія. Правительство грозило оппозиціи въ парламентѣ и на улицѣ распространить въ публикѣ кинематографическіе снимки со сценъ мятежа, которые будто бы свидѣтельствовали о крайней одичалости депутатовъ меньшинства въ парламентѣ и толпы на улицахъ. Но эта угроза не была приведена въ исполненіе, потому что вѣрный объективъ кинематографа воспроизвелъ на своей лентѣ не только бунтовскія дѣйствія народа, но и далеко не героическіе подвиги полиціи и войскъ, особенно усердствовавшихъ какъ разъ тамъ, гдѣ ихъ противники не были вооружены и состояли изъ мирныхъ, непричастныхъ къ движенію ротозѣевъ, получавшихъ однако, за это страшные удары холоднымъ оружіемъ, а порой и револьверныя пули. Впрочемъ, кинематографъ пригодился правительству для другихъ цѣлей, не свидѣтельствующихъ, однако, о его особой лойяльности, а скорѣе о своеобразномъ пониманіи имъ обязательности морали для двухъ сторонъ. Власти исполнили свою угрозу преданія гласности очень оригинальнымъ способомъ, запретивъ фотографамъ продавать неофиціальные снимки, но воспользовавшись ими, чтобы узнавать въ лицо участвовавшихъ въ мятежѣ и подвергать ихъ за это карамъ. Съ другой стороны, въ публику пускались администраціей лишь фальсифицированныя изображенія событій, въ которыхъ были сохранены одни предосудительные акты мятежниковъ, но тщательно вырѣзаны не особенно корректныя дѣйствія солдатъ и полицейскихъ, рубившихъ на-право и на-лѣво женщинъ и дѣтей, вымещая на нихъ злобу за бѣгство, въ которое имъ приходилось порою обращаться подъ натискомъ энергично защищавшихся инсургентовъ...

Какъ бы то ни было, нынѣ военный законопроектъ прошелъ черезъ палату депутатовъ, переданъ палатѣ магнатовъ и уже принятъ ею, а въ скоромъ времени будетъ, вѣроятно, вотированъ и по другую сторону Лейты членами австрійскаго парламента, не желающаго теперь отставать отъ своихъ венгерскихъ друго-враговъ. Итакъ, та важная коллизія, въ которой обнаруживалась на территоріи Венгріи уже упомянутая мною борьба народа за право, пришла пока къ своему концу. Побѣдила корона, и народное представительство, стоявшее за право націи, смирилось въ лицѣ значительнаго большинства. Составъ общей арміи увеличивается на 133.000 чел., а у монарха, въ случаѣ отказа парламента вотировать контингентъ, остается прерогатива созывать резервы.

Трудно, конечно, напередъ сказать, исчерпано-ли этимъ въ странѣ противодѣйствіе военной мѣрѣ. Но, сопоставляя судьбу военнаго законопроекта и тѣсно связывавшагося съ нимъ во мнѣніи оппозиціи законопроекта о всеобщей подачѣ голосовъ, мы видимъ что въ парламентѣ интересы народа оказались отодвинутыми на задній планъ, и вопросъ объ избирательной реформѣ будетъ ждать еще своего разрѣшенія.

Слѣдуя своей обычной привычкѣ вскрывать общій смыслъ событій, не останавливаясь только на ихъ, порою, и очень драматической внѣшности, я считаю нужнымъ охарактеризовать отношеніе политическихъ партій Венгріи къ реформамъ въ связи съ соціальнымъ строеніемъ и умственнымъ складомъ венгерскаго общества, объясняющими въ значительной степени перипетіи и результаты завязавшейся борьбы. Два злыхъ генія нашептываютъ свои совѣты тѣмъ политическимъ дѣятелямъ и тѣмъ общественнымъ классамъ, которые до сихъ поръ играютъ въ Транслейтаніи преобладающую роль. Это, съ одной стороны, венгерскій феодализмъ. Это, съ другой, крайній шовинизмъ.

Что касается послѣдняго, то онъ отбрасываетъ свою зловѣщую тѣнь на всѣ даже самыя свѣтлыя явленія историческаго прогресса Венгріи. Въ этомъ отношеніи мадьяры нашихъ дней ничему не научились и ничего не забыли изъ того, за что держались ихъ предшественники. Дѣйствительно, какимъ идеальнымъ демократическимъ рыцаремъ безъ страха и упрека, какимъ Баярдомъ свободы и братства является хотя бы революціонеръ Людвигъ Кошутъ, другъ Мадзини, другъ нашего Герцена! И, однако, этотъ самый Кошутъ еще за годъ до революціи 48-го года, прокатившейся по всей Европѣ, за годъ до великой венгерской инсуррекціи, которая хотѣла отстоять независимость страны отъ Австріи и помогавшей ей Россіи,—этотъ самый Кошутъ на венгерскомъ сеймѣ 47-го года сталъ, однако, по отношенію къ сосѣднимъ славянамъ въ позицію, плохо мирившуюся съ его свободолюбивымъ пламеннымъ патріотизмомъ, Онъ, съ такимъ энтузіазмомъ жертвовавшій всѣмъ въ мірѣ для счастья своей національности, считалъ тѣмъ не менѣе

вполнѣ допустимымъ отказывать, напр., въ правѣ національности хорватамъ: они, видите-ли, не могутъ считаться настоящей народностью, а поэтому единственно допустимымъ во всей Венгріи долженъ быть мадьярскій языкъ, а въ Хорватіи,—и то лишь для мѣстныхъ дѣлъ,—латинскій! Тотъ самый латинскій языкъ, отъ котораго классически образованная интеллигенція Венгріи отказывалась, однако, какъ отъ офиціальнаго политическаго языка, лишь только возросло и окрѣпло національное стремленіе мадьяръ, т. е. съ половины 30-хъ годовъ. И въ отвѣтъ на это презрительное отношеніе къ славянамъ историческая Немезида воздвигнула бана Елачича и его хорватскихъ воиновъ, потопившихъ въ крови великій порывъ Венгріи къ свободѣ.

Такъ разсуждалъ, сказали мы, благородный Кошутъ. Чему же удивляться, если 50 лѣтъ спустя либеральный венгерскій дѣятель, баронъ Банфи, бывшій одно время популярнымъ премьеромъ, бросилъ въ лицо современному понятію о солидарности націй намѣренно вызывающій крикъ зоологическаго патріотизма: «безъ шовинизма не бывать великой единой Венгріи!». И подобное же отношеніе господствующей мадьярской расы къ другимъ національностямъ, живущимъ на территоріи Венгріи, можно было бы прослѣдить на десяткахъ примѣровъ, ну хотя бы по отношенію къ румынамъ въ Трансильваніи, гдѣ правительство насаждаетъ государственныя школы съ мадьярскимъ языкомъ въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ на своей территоріи, населенной мадьярами, насаждаетъ въ пику подавляемымъ національностямъ, чтобы заставить ихъ, хотя бы цѣною невѣжества самихъ мадьяръ, изучать ненавистный румынамъ языкъ поработителей.

Въ проявленіяхъ этого духа національзма, доходящаго до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, и лежитъ въ значительной степени разгадка особенностей политической борьбы въ Венгріи, бросающихся въ глаза постороннимъ наблюдателямъ. Возьмите, напр., хотя бы то же самое отношеніе къ военному законопроекту. И прошлый разъ, и въ этомъ обозрѣніи мы показывали читателю, какъ ревниво венгерскіе политическіе дѣятели относятся къ полномочіямъ народнаго представительства, и съ какой энергіей они борятся противъ всякой попытки лично ими любимаго монарха расширить прерогативы короны. И, однако, въ этой борьбѣ за народную свободу и за право населенія распоряжаться своими судьбами значительную долю играетъ національная вражда къ Австріи. Не къ Австріи, какъ представительницѣ государственныхъ началъ, не удовлетворяющихъ современнымъ требованіямъ демократическаго прогресса, но къ Австріи, какъ государству, которое слагается изъ иныхъ національностей, чѣмъ мадьярская. Дѣйствительно, пишущему эти строки неоднократно приходилось указывать читателямъ на отрицательныя стороны національной борьбы въ Австріи, гдѣ главную роль играютъ притязанія нѣмецкой расы на

первенствующее положеніе въ государствѣ. Но все же въ Цислейтаніи нельзя найти столь сильно развитаго шовинизма и такой ожесточенной вражды къ другимъ національностямъ, какіе замѣчаются въ Венгріи, гдѣ любовь мадьяровъ къ себѣ состоитъ въ значительной степени изъ ненависти и презрѣнія къ другимъ народностямъ, живущимъ на «земляхъ короны св. Стефана».

Въ частности, сопротивленіе венгерскихъ политиковъ военному законопроекту исходитъ главнымъ образомъ изъ ихъ нежеланія допустить команду на нѣмецкомъ языкѣ, который является международнымъ военнымъ языкомъ современной Австро-Венгріи. Кстати сказать, въ силу забавнаго, но вполнѣ понятнаго контраста, всѣ другія національности, не имѣющія политическаго значенія нѣмецкой и мадьярской, съ удовольствіемъ принимаютъ для военной службы нѣмецкій языкъ, лишь бы не слушать команды на языкѣ мадьярскомъ, — на языкѣ той націи, которая почти столь же ненавидитъ чужія національности, сколько любитъ свою. Нѣтъ сомнѣнія, что, признай корона съ самаго начала право для венгерцевъ командовать на мадьярскомъ языкѣ, и сопротивленіе законопроекту со стороны Будапешта въ очень значительной степени потеряло бы свою остроту. Между современными партіями Венгріи, можетъ быть, лишь одна партія Юста (мы не говоримъ о соціалистахъ) дѣйствительно серьезно тяготѣетъ къ демократическимъ реформамъ общаго характера, и видитъ въ нихъ благо само по себѣ, независимо отъ того, въ какой степени он содѣйствуютъ или препятствуютъ мадьярскому шовинизму. Мыслящіе наблюдатели событій, происходившихъ въ Венгріи за послѣдніе годы, неоднократно выносили то впечатлѣніе, что даже связь, въ которую венгерская оппозиція хотѣла поставить военную и избирательную реформы, утверждая, что вопросъ объ арміи она можетъ рѣшать лишь послѣ того, какъ рѣшитъ существенную задачу внутренней политики, а именно, расширеніе числа избирателей, является своего рода предлогомъ и отводомъ глазъ. А настоящая цѣль, это—затормозить осуществленіе военнаго законопроекта, недостаточно идущаго навстрѣчу желаніямъ мадьяровъ въ смыслѣ независимости венгерской арміи.

Другимъ злымъ духомъ мадьяровъ мы назвали сословную организацію венгерскаго общества, точнѣе выражаясь, феодальное міровоззрѣніе тѣхъ классовъ, которые являются въ данный моментъ по преимуществу имущими и правящими. Изученіе соціальной организаціи Транслейтаніи очень помогаетъ понять отношеніе политическихъ дѣятелей Венгріи къ избирательной реформѣ, а именно къ введенію всеобщей подачи голосовъ. Судьба этой реформы показываетъ, что большинство венгерскихъ политиковъ не особенно долюбливаетъ этотъ проектъ, который не первый годъ значится въ числѣ неотложныхъ преобразованій. И это своеобразное отношеніе къ реформѣ со стороны вліятельныхъ мадьярскихъ

партій, призывающихъ ее устами, но сердцемъ своимъ далеко отстоящихъ отъ нея, довольно легко объясняется организаціей общественныхъ классовъ и взаимоотношеніемъ защищаемыхъ ими интересовъ.

Прошло уже 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ такъ называемое коалиціонное министерство Векерле, смѣнившее у власти 6 апрѣля 1906 г. кабинетъ диктатора Фейервари, обѣщало странѣ всеобщую подачу голосовъ, но очень мало сдѣлало для ея осуществленія. А вѣдь министерство Векерле составляли люди, которые являются нынѣ, такъ сказать, украшеніемъ оппозиціи въ борьбѣ за демократическія преобразованія. Тамъ графъ Андраши занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, Францъ Кошутъ, сынъ героя, былъ министромъ торговли, Аппоньи владѣлъ портфелемъ народнаго просвѣщенія. А между тѣмъ, когда присматриваешься къ тому, что дѣлалъ этотъ реформаторскій кабинетъ, то прямо можно подумать, что онъ задавался лишь цѣлью нагромоздить возможно больше препятствій столь назрѣвшему требованію.

Припомнимъ только законопроектъ о всеобщей подачѣ голосовъ, внесенный гр. Андраши. То была всеобщая подача на словахъ. Суть реформы совершенно терялась въ чащѣ всякихъ ограниченій и дополняющихъ условій, которыя дѣлали изъ законопроекта 11 ноября 1908 г. столь сложную машину, что въ ней трудно было разобраться даже и опытному политику. Въ этой схемѣ венгерскій гражданинъ, для того, чтобы быть избирателемъ, непосредственно вотирующимъ за депутата, долженъ былъ достигнуть 25 лѣтъ, умѣть читать и писать и находиться въ одномъ мѣстѣ въ теченіе 12 мѣсяцевъ. Съ другой стороны, неграмотнымъ гражданамъ предоставлялось лишь право составлять избирательныя группы въ десять человѣкъ и съ каждаго такого десятка избирать по одному выборщику. Съ третьей стороны, вводился плюральный вотумъ, основанный притомъ на существованіи крайне искусственныхъ перегородокъ. Такъ, тѣ избиратели, которые прошли извѣстное число классовъ въ средней школѣ или платили извѣстное количество прямыхъ налоговъ, имѣли одинъ лишній голосъ; тѣ, которые прошли бо̀льшее число классовъ и взносили бо̀льшіе налоги, располагали еще однимъ добавочнымъ голосомъ, и т. д. Словомъ. создавалась цѣлая сложная лѣстница неравноцѣнныхъ избирателей. И проектъ провалился подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, справедливо увидѣвшаго въ немъ ловкій пріемъ,—подъ видомъ всеобщей подачи голосовъ, еще болѣе усилить и безъ того преобладающую на выборахъ роль мадьярскаго (а, отчасти, и нѣмецкаго) элемента, значительно урѣзать участіе словаковъ и почти совершенно исключить румынъ (среди которыхъ грамотныхъ встрѣчалось сравнительно очень мало). Въ результатѣ коаліціонный кабинетъ палъ, и послѣ цѣлаго ряда замѣшательствъ,—отсрочки парламента, новыхъ выборовъ и образованія министерства Куэна-

Хедервари,—иные вопросы, выдвигавшіеся національнымъ чувствомъ мадьяръ, какъ учрежденіе независимаго банка, приспособленіе военной реформы къ венгерской конституціи, и т. п., оттѣснили на задній планъ избирательную реформу. А, между тѣмъ, въ ней громадное большинство населенія Венгріи видитъ единственный путь, какимъ можно выйти изъ тупика, куда завели страну шовинистскія и феодальныя стремленія господствующихъ классовъ.

Присмотримся, въ самомъ дѣлѣ, къ условіямъ современной подачи голосовъ въ Венгріи. Нѣтъ ничего сложнѣе и ничего несправедливѣе по отношенію къ народу, какъ та причудливая цѣпь ограниченій и привилегій, сквозь которую въ парламентъ могутъ проходить только тѣ люди, интересы которыхъ очень далеко отстоятъ отъ интересовъ широкихъ массъ, или даже прямо противоположны имъ. Чтобы быть избирателемъ, въ Венгріи нынѣ надо или имѣть особыя историческія права, идущія еще отъ временъ, предшествовавшихъ революціи 48-го года; или владѣть въ болѣе значительныхъ городахъ домомъ, содержащимъ, по крайней мѣрѣ, три квартиры и несущимъ квартирный налогъ; или обладать земельной собственностью, налогъ съ чистаго дохода которой достигаетъ извѣстной, довольно высокой суммы; или быть просто собственникомъ извѣстнаго количества земли (что мѣняется, смотря по мѣстности); или быть фабрикантомъ, купцомъ, капиталистомъ, платящимъ извѣстный налогъ съ чистаго дохода, ремесленникомъ, тоже вносящимъ извѣстный налогъ, государственнымъ или муниципальнымъ чиновникомъ при опредѣленномъ годовомъ доходѣ; или обладать извѣстнымъ образовательнымъ и профессіональнымъ цензомъ, напр., быть профессоромъ, художникомъ академіи, членомъ Академіи Наукъ, докторомъ, адвокатомъ, священникомъ, учителемъ. Служащіе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, подмастерья и ученики между рабочими и всѣ сельскіе рабочіе безжалостно выброшены за бортъ избирателей. Лишь 6% изъ рабочихъ и лишь 13% изъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и тому подобныхъ людей имѣютъ право голоса. Въ общемъ лишь 6% всего населенія Венгріи пользуются политическими правами. Эта политика носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ экономики, является ея конституціоннымъ выраженіемъ, какъ сейчасъ увидитъ читатель.

Венгрія—страна, отличающаяся преобладаніемъ земледѣльческаго хозяйства: земледѣліемъ занимаются здѣсь болѣе 70% всего населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она—страна сильно развитыхъ противоположностей въ области землевладѣнія, которое характеризуется существованіемъ: небольшого числа магнатовъ, владѣющихъ огромнымъ пространствомъ территоріи; значительнаго количества мелкихъ крестьянъ, обладающихъ каждый очень дробнымъ участкомъ; и громаднаго сельскаго пролетаріата. По уже устарѣлымъ даннымъ 1895 г. (эта отсталость статистики типична для всѣхъ странъ крупнаго землевладѣнія, гдѣ привилегированные собственники не

особенно любятъ точныя и свѣжія цифры, рисующія колоссальное неравенство распредѣленія земельной площади), 1.353.000 собственниковъ владѣютъ 1.467.000 гектаровъ, или 6% всей поверхности, тогда какъ тысячамъ двумъ магнатовъ принадлежитъ 7.452.000 гектаровъ, т. е. болѣе 31% всей территоріи, а между ними размѣщаются въ разныхъ пропорціяхъ мелкіе и средніе владѣльцы.

Съ другой стороны, въ Венгріи кидается въ глаза очень живучій институтъ привилегированной «фидеикомиссарной» собственности, которая, словно издѣваясь здѣсь надъ общимъ процессомъ распаденія старыхъ майоратныхъ учрежденій, съ каждымъ годомъ, наоборотъ, возрастаетъ, поднявшись, напр., съ 266.225 гектаровъ въ 1870 г. до 1.359.300 гект. въ 1900. На другомъ полюсѣ этой соціальной баттареи, разлагающей общее достояніе страны на богатство привилегированныхъ классовъ и нищету народа, параллельно съ концентраціей фидеикомиссарной собственности растетъ количество сельскихъ батраковъ (3.480.000 чел. въ 1890, 4.152.000 въ 1900). Надо кстати сказать, что изъ всѣхъ культурныхъ странъ западной Европы Венгрія отличается особенно низкимъ уровнемъ условій, среди которыхъ живетъ громадное большинство земледѣльческихъ рабочихъ (заработная плата колеблется между 25 и 50 коп. въ день для мальчиковъ и взрослыхъ мужчинъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ драконовскимъ законодательствомъ, преслѣдующимъ всякую попытку и временной стачки, и постоянной союзной организаціи среди сельскихъ пролетаріевъ, отданныхъ на произволъ жесточайшей эксплуатаціи крупныхъ феодаловъ, для сотенъ тысячъ десятинъ которыхъ нужны громадныя стада двуногихъ животныхъ. Золотая книга великихъ землевладѣльцевъ почти совпадаетъ съ книгою политическихъ дѣятелей Венгріи: и тамъ, и здѣсь вы встрѣчаете и Эстергази съ 250.000 десятинъ, и Карольи съ 90.000 дес., и Андраши болѣе, чѣмъ съ 45.000 дес. и т. д. Сопоставьте, наконецъ, съ этими краснорѣчивыми цифрами данныя, говорящія о маломъ развитіи промышленности (ею вмѣстѣ съ торговлею живутъ въ Венгріи лишь 20% всего населенія)—и вы поймете, почему Венгрія, гдѣ такую громадную роль въ экономикѣ играютъ магнаты землевладѣнія, является вмѣстѣ съ тѣмъ страною, гдѣ политика носитъ крупно-дворянскій характеръ и гдѣ привилегированная каста столь цѣпко держится за свою власть, ограждая ее отъ демократизаціи путемъ высокаго и причудливаго ценза.

Итакъ, реформа всеобщей подачи голосовъ отнюдь не вытекаетъ логически изъ соціальной структуры венгерской націи. Надежда на проведеніе этой реформы въ жизнь можетъ основываться лишь на значеніи другихъ, чисто-политическихъ и національныхъ факторовъ, которые могутъ вынудить даже заядлыхъ представителей крупнаго землевладѣнія уступить долю своей власти широкимъ массамъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону съ цѣлью противодѣйствовать напору на Венгрію со стороны другой части двойственной монархіи.

Не забудемъ, что и неудавшіеся въ Венгріи проекты избирательной реформы были выдвинуты, какъ отвѣтъ на тактику короны, которая шла на реформу всеобщей подачи голосовъ въ Австріи и естественно могла возбудить среди привилегированныхъ шовинистовъ Венгріи опасенія, какъ бы низшіе классы и подавляемыя національности, живущіе на ея территоріи, не стали тяготѣть къ другой части монархіи, гдѣ и народностямъ живется относительно легче, и избирательное право уже вылилось въ демократическую форму всеобщей подачи голосовъ. Именно, можетъ быть, на почвѣ ревниваго охраненія своей національной, рѣзко-мадьярской политики господствующіе классы Венгріи и придутъ къ заключенію, если не о желательности, то—увы!—о необходимости подѣлиться частью своего политическаго могущества съ широкими массами. Ближайшее будущее покажетъ, насколько эти соображенія способны побѣдить чисто классовый эгоизмъ правящей касты въ Транслейтаніи.

II.

Воскресенье 2 іюня было тоже настоящимъ историческимъ днемъ для Бельгіи. Въ этотъ день снова тягались, снова вступали въ борьбу между собою силы реакціи и силы прогресса на почвѣ одной изъ самыхъ маленькихъ, но и самыхъ интересныхъ странъ современной Европы. Либерально-соціалистическій блокъ шелъ противъ блока клерикальнаго,—шелъ и былъ побѣжденъ. Побѣжденъ такъ, какъ на это не разсчитывали сами клерикалы. И это пораженіе свободомыслящей коалиціи еще тѣмъ многозначительнѣе, что выборы носили общій характеръ. Дѣло въ томъ, что, по бельгійской конституціи, депутаты избираются на 4 года, но при этомъ каждые 2 года происходятъ выборы лишь половины всего числа членовъ низшей палаты. Случилось, однако, что населеніе быстро развивающагося королевства возросло за послѣднія десять лѣтъ чуть не на 10%, увеличившись съ 6.693.548 жит. въ 1900 г. до 7.423.784 жит. въ 1910 г. (по переписи 31 декабря). А такъ какъ избирательный бельгійскій законъ предписываетъ для каждыхъ 40.000 жителей одного депутата и для каждыхъ 80.000 жителей одного сенатора, то надо было организовать и дополнительные выборы для тѣхъ мѣстностей, гдѣ возросшее населеніе получаетъ право на большее количество представителей. Такимъ образомъ, выборы половины всего числа депутатовъ и дополнительные выборы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—вотъ что предстояло, по буквѣ конституціи, совершить кабинету де-Броквиля, стоящему у власти почти цѣлый годъ (съ 13 іюля 1911 г.). Такое рѣшеніе подсказывалось министерству даже простымъ благоразуміемъ, такъ какъ въ послѣднее время правительственное большинство въ палатѣ таяло не по днямъ, а по часамъ, порою

доходя до какихъ-нибудь 4-хъ голосовъ, а въ самой странѣ все болѣе и болѣе росло сопротивленіе клерикальной политикѣ подъ вліяніемъ дружной агитаціи, исходившей отъ выдающихся представителей либерально-соціалистическаго блока.

И, однако, министерство сочло нужнымъ играть ва-банкъ, и выиграло карту. Оно назначило общіе выборы и палаты депутатовъ, и сената. И результаты смѣлаго шага на лицо. Составъ прежней палаты былъ таковъ: 166 депутатовъ раздѣлялись на 86 католиковъ, 44 либерала, 35 соціалистовъ и 1 христіанскаго демократа. А 110 сенаторовъ по партіямъ дѣлились на 64 клерикала, 38 либераловъ и 8 соціалистовъ. Такимъ образомъ, министерство располагало большинствомъ 6 голосовъ въ палатѣ и 18 голосовъ въ сенатѣ. Въ настоящее время избрано въ палату: 101 католикъ, 44 либерала, 39 соціалистовъ и 2 христіанскихъ демократа. Католики потеряли одно мѣсто, но выиграли 16; либералы выиграли 5 и потеряли 5 мѣстъ; соціалисты выиграли 4 и потеряли 1 мѣсто. Значительная пропорція новыхъ пріобрѣтеній объясняется общимъ увеличеніемъ числа депутатовъ на 20 человѣкъ,—со 166 до 186,—въ соотвѣтствіи съ упомянутымъ нами ростомъ населенія. Сенатскіе же выборы дали до сихъ поръ 54 католика, 26 либераловъ и 13 соціалистовъ. Кромѣ того, предстоитъ избрать 27 сенаторовъ провинціальными совѣтами (нѣчто въ родѣ нашихъ земствъ). Дѣло въ томъ, что, по конституціи, бельгійскій сенатъ состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ прямой подачей голосовъ, и изъ членовъ, избираемыхъ косвенной подачей. Число первыхъ должно равняться половинѣ числа депутатовъ. Остальные сенаторы выбираются косвенно, какъ уже сказано, провинціальными совѣтами. Не предрѣшая окончательныхъ результатовъ выборовъ, можно во всякомъ случаѣ сказать, что теперь правительственное большинство будетъ состоять изъ 18—20 голосовъ въ палатѣ и изъ соотвѣтственнаго большинства въ сенатѣ.

Нечего удивляться тому, что въ нѣкоторыхъ крупныхъ центрахъ Бельгіи разочарованные избиратели свободомыслящаго блока пришли въ крайнюю степень возбужденія. И въ Люттихѣ, Вервье (а затѣмъ и въ Брюсселѣ, и во многихъ другихъ центрахъ) произошелъ рядъ враждебныхъ манифестацій противъ католиковъ. Демократически настроенныя массы вступали неоднократно въ бой съ полиціей и гражданской милиціей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громили церкви, монастыри, помѣщенія клерикальныхъ клубовъ и редакцій, тогда какъ войска и особенно жандармерія не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы подавить возстаніе, и безпощадно пускали въ ходъ холодное и огнестрѣльное оружіе, жертвами котораго было нѣсколько убитыхъ и довольно много раненыхъ.

Негодованіе противниковъ клерикализма опирается, впрочемъ, на совершенно уважительныя основанія, такъ какъ въ Бельгіи функціонируетъ такъ называемая плюральная система вотума, не-

справедливость которой нисколько не смягчается пропорціональнымъ представительствомъ, имѣющимъ значеніе лишь при всеобщей подачѣ голосовъ. Эта особенность бельгійской конституціи стоитъ того, чтобы на ней остановиться. Суть этой системы заключается въ томъ, что всѣ избиратели раздѣляются на три категоріи, изъ которыхъ одна категорія рядовая, а двѣ другія—привилегированныя. Первая, непривилегированная категорія состоитъ изъ гражданъ, достигшихъ 25 лѣтъ отъ роду, проживающихъ въ той же самой общинѣ не менѣе одного года и не опороченныхъ по закону. Всякій такой гражданинъ имѣетъ одинъ голосъ. Вторая категорія слагается изъ гражданъ, которые достигли указного возраста, женаты или вдовы и имѣютъ законныхъ дѣтей, платятъ по меньшей мѣрѣ 5 фр. въ годъ домоваго налога, или же обладаютъ недвижимою собственностью съ кадастральной стоимостью въ 2.000 франк., или получаютъ соотвѣтствующій доходъ отъ такой собственности, или, наконецъ, въ теченіе двухъ лѣтъ получали по крайней мѣрѣ по 100 франк. въ годъ бельгійской ренты. Вся эта категорія избирателей имѣетъ еще одинъ дополнительный вотумъ, и каждый избиратель обладаетъ въ ней двумя голосами. Третья категорія представлена гражданами, которые получили дипломъ объ окончаніи высшаго образованія, свидѣтельство объ окончаніи высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, или же которые находятся на должностяхъ и занимаютъ извѣстныя профессіи, требующія довольно высокаго уровня образованія. Вся эта третья категорія обладаетъ двумя дополнительными вотами, и каждый такой привилегированный гражданинъ имѣетъ три голоса.

Результаты понять не трудно. Въ странѣ, гдѣ быстрое развитіе капиталистическаго строя вызвало рядъ значительныхъ контрастовъ между бѣдностью и богатствомъ, и гдѣ, съ другой стороны, господство клерикализма въ такой степени препятствовало успѣхамъ народнаго образованія, что, напр., еще до сихъ поръ чуть не $^1/_{10}$ часть новобранцевъ оказывается неграмотной, а въ иныхъ провинціяхъ лица, не умѣющія читать и писать, составляютъ цѣлыхъ двѣ пятыхъ (sic!) всего населенія,—въ такой странѣ, говоримъ мы, этотъ имущественный и образовательный цензъ отдаетъ, подъ видомъ всеобщей подачи голосовъ, политическую власть въ руки привилегированныхъ, имущихъ классовъ или группъ и слоевъ, находящихся отъ нихъ въ зависимости. Возьмемъ хотя бы статистику избирателей 1910 г. Общая цифра ихъ равнялась 1.672.393, изъ которыхъ 986.499 располагали однимъ голосомъ, 386.224—2 голосами и 299.670—3 голосами. Функціонируй въ Бельгіи настоящая всеобщая подача голосовъ, первая категорія представляла бы собою внушительное большинство избирателей, превосходящее на 300.595 голосовъ общую совокупность гражданъ двухъ привилегированныхъ классовъ, не превышающую 685.894 чел. Теперь же, благодаря „множественному“ вотуму, вторая категорія даетъ цѣ-

БИБЛ. 1950 Ц.

лыхъ 772.448 голосовъ, а третья—даже 899.010. И въ результатѣ противъ 986.499 избирателей рядового калибра выступаютъ уже цѣлыхъ 1.671.458 *фиктивныхъ* избирателей привилегированнаго типа, которые и подавляютъ, такимъ образомъ, дѣйствительное большинство. Нечего говорить, въ какой степени эти привилегированные избиратели усердно поддерживаютъ политику клерикаловъ, находящихъ себѣ естественныхъ помощниковъ въ людяхъ, обладающихъ извѣстнымъ имуществомъ и потому боящихся соціалистовъ, а, съ другой стороны, въ служебной и должностной интеллигенціи, которая въ Бельгіи назначается на мѣста правительствомъ исключительно за хорошій «духъ» и направленіе. Таковы—чиновники, профессора, судьи и даже нотаріусы...

Кромѣ этихъ общихъ ненормальныхъ условій выборовъ, которые должны автоматически подтасовывать составъ палаты въ клерикальномъ смыслѣ, на послѣднихъ выборахъ дѣйствовали еще спеціальныя условія, игравшія въ руку католикамъ. Прежде всего правительство прибѣгло къ цѣлой системѣ подкупа и прикармливанія своихъ служащихъ, назначивъ имъ какъ разъ передъ выборами 30 милл. франковъ лишняго содержанія, причемъ 12 милл. пришлись на долю чиновниковъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, по самому своему положенію могущихъ играть большую роль во время выборной агитаціи. Съ другой стороны, въ нѣсколькихъ провинціяхъ и, въ особенности, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ либеральные избиратели изъ фабрикантовъ и вообще капиталистовъ измѣнили въ рѣшительный моментъ своимъ вождямъ и дружно вотировали за клерикаловъ, испугавшись краснаго призрака соціалистовъ, союзъ съ которыми, заключенный вожаками либерализма, казался состоятельнымъ избирателямъ крупной политической ошибкой. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ соціальная вражда имущихъ противъ неимущихъ помѣшала политической коалиціи либераловъ и соціалистовъ: воспитанные въ теченіе долгихъ лѣтъ въ традиціяхъ либеральнаго доктринерства, напоминавшаго блаженной памяти доктринеровъ 30-хъ и 40-хъ годовъ во Франціи, бельгійскіе промышленники повернулись спиной къ своимъ товарищамъ по блоку и бросили тяжелый вѣсъ своихъ дополнительныхъ, двойныхъ и тройныхъ голосовъ на чашку клерикализма, послуживъ, такимъ образомъ, крайнимъ соціалистамъ живымъ аргументомъ противъ «сотрудничества классовъ».

Не обошлось на послѣднихъ бельгійскихъ выборахъ и безъ вреднаго вліянія національзма и расоваго раздраженія. Какъ извѣстно, населеніе Бельгіи состоитъ изъ причисляемыхъ къ кельтамъ валлоновъ, которые говорятъ преимущественно по-французски и населяютъ южную, болѣе возвышенную и промышленную часть Бельгіи, и изъ принадлежащихъ къ германской расѣ фламандцевъ, говорящихъ на своемъ діалектѣ и обитающихъ въ тучныхъ низменностяхъ сѣверной земледѣльческой половины Бельгіи. Никогда

фламандцы составляли наиболѣе прогрессивный и дѣятельный элементъ населенія, проявившій значительныя дарованія во многихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и мысли. Нынѣ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, фламандцы представляютъ собою, наоборотъ, наиболѣе консервативную часть Бельгіи, въ противоположность пропитавшимся республиканскими французскими идеями валлонамъ.

Къ несчастію, какъ-то часто бываетъ съ представителями прогрессивныхъ теченій, бельгійскіе демократы—черезчуръ большіе государственники и централисты, съ неохотою смотрящіе на стремленіе другихъ національностей къ автономіи и самостоятельному развитію. Среди демократически и даже соціалистически настроенныхъ политиковъ Бельгіи существовало странное предубѣжденіе противъ фламандцевъ, въ которыхъ привыкли видѣть тяготѣющихъ къ Германіи неподвижныхъ и тупыхъ людей, живущихъ по завѣтамъ предковъ, и по отношенію къ которымъ высказывались даже проекты полнѣйшаго отдѣленія отъ нихъ прогрессивной валлонской части населенія. Клерикалы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и пошли въ среду фламандцевъ, терпѣливо пропитывая ихъ на ихъ же діалектѣ католическими идеями, обучая ихъ на ихъ же нарѣчіи клерикальному катехизису, возбуждая въ нихъ расовую вражду къ говорящимъ по-французски «безбожнымъ» валлонамъ. Особенно въ послѣдніе выборы клерикалы развернули и полевую, и тяжелую артиллерію своей пропаганды. Мало того, что они пользовались для вліянія на умы фламандцевъ исподоволь основывавшимися ими рабочими и благотворительными союзами, построенными на началахъ строгой католической іерархіи. Но они создали спеціально для выборовъ клеветническую черную печать, которая разносила по всей странѣ дикія идеи о соціалистахъ и о союзникахъ ихъ, либералахъ.

Тутъ, впрочемъ, надо уже говорить не объ одной фламандской, а вообще о бельгійской католической прессѣ. Типографскій шрифтъ и литографскій камень, перо, карандашъ и лубочная картина сыграли, повидимому, немалую роль въ пораженіи свободомыслящаго блока. Клерикалы буквально наводнили всю Бельгію сенсаціонной печатью и всевозможными листками и графическими изображеніями, на которыхъ съ той или другой стороны изображался безнравственный, сатанинскій характеръ свободной мысли. Всю Бельгію обѣжала, напр., грубая гравюра, измышленная клерикалами и изображавшая лѣстницу, на верхней ступени которой рисовался благообразный доктринеръ-либералъ, который подавалъ руку стоящему ниже его либералу-демократу, который въ свою очередь подавалъ руку стоящему еще ниже его соціалисту, каковой стягивался снизу за руку бельгійскимъ анархистомъ, покамѣстъ, наконецъ, стоявшій на самой послѣдней ступенькѣ французскій убійца-анархистъ послѣднихъ дней, оперировавшій при

помощи автомобилей, не стаскивалъ своей дьявольской лапой въ адскій огонь всю эту лѣстницу стоявшихъ надъ нимъ союзниковъ...

Душа простого народа, въ особенности такого, какъ бельгіецъ, надъ которымъ такъ долго орудовала клерикальная партія, не могла не поддаться этому печатному и гравюрному гипнотизму, и быстро ширившееся за послѣдній годъ движеніе въ сторону прогресса и демократическихъ идей замѣтно парализовано умѣлой тактикой клерикаловъ. Вѣрнымъ передовому знамени осталось лишь рабочее населеніе въ промышленныхъ мѣстностяхъ Бельгіи, гдѣ, впрочемъ, люди тяготѣютъ не столько къ либерализму, сколько къ соціализму. Это было видно хотя бы изъ того обстоятельства, что пригрозившіе было клерикаламъ всеобщей стачкой, но затѣмъ сами же испугавшіеся ея вожди соціалистовъ тщетно въ теченіе нѣсколькихъ дней старались отговорить отъ забастовки рабочихъ Вервье, Люттиха, Брюсселя, сосѣдней съ Франціей горнозаводской мѣстности Боринажа и т. д.

Несмотря на крайне сильное возбужденіе страстей среди свободомыслящихъ слоевъ населенія, врядъ ли, однако, дѣло дойдетъ изъ-за результатовъ выборовъ до революціи, какъ на то надѣются нѣкоторые крайніе демократическіе элементы. По всей вѣроятности, борьба партій выльется прежде всего въ агитацію за избирательную реформу. Католики, стоящіе у власти, будутъ, конечно, стремиться удержать за собою пресловутый плюральный вотумъ,—орудіе ихъ господства,—тогда какъ соціалисты и лѣвые либералы съ удвоенною энергіей будутъ нападать на современную выборную систему съ цѣлью превратить ее дѣйствительно въ настоящую всеобщую подачу голосовъ. Эта борьба можетъ осложниться еще тѣмъ интереснымъ пріемомъ, который уже обѣщали пустить въ ходъ бельгійскіе клерикалы, разъ они увидятъ, что дальнѣйшее сопротивленіе реформѣ становится немыслимымъ. Я разумѣю стремленіе нѣкоторыхъ наиболѣе тонкихъ и проницательныхъ политиковъ католической партіи парировать требованіе всеобщей подачи голосовъ мужчинъ встрѣчнымъ, гораздо болѣе смѣлымъ требованіемъ дѣйствительно всеобщей подачи голосовъ, включая сюда женщинъ. По крайней мѣрѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кой-кто изъ вождей клерикальнаго большинства, замѣчая быстрый ростъ оппозиціоннаго настроенія въ странѣ, зондировалъ почву въ этомъ смыслѣ, заявляя, что, если ужъ Бельгіи суждено жить подъ режимомъ всеобщаго вотума, то онъ долженъ быть по истинѣ всеобщимъ, т. е. распространяться и на все женское населеніе страны.

Такъ какъ женщина находится въ Бельгіи еще подъ бо́льшимъ вліяніемъ католиковъ, чѣмъ мужчина, то клерикалы надѣются этимъ смѣлымъ предложеніемъ парализовать ростъ свободомыслящихъ избирателей и разсчитываютъ, что громадное большинство женскихъ голосовъ поддержитъ клерикальную политику. Нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, что этотъ парадоксальный, но интересный планъ католиковъ нанесетъ новый ударъ либерально-соціалистическому блоку, если онъ и безъ того не распадется въ скоромъ времени вслѣдствіе неудачи свободомыслящей коалиціи. Въ программѣ бельгійскихъ соціалистовъ фигурируетъ общее современному соціализму требованіе политическаго равноправія мужчинъ и женщинъ и включеніе послѣднихъ въ число активныхъ гражданъ. И хотя не мало соціалистовъ Бельгіи боятся въ душѣ этого эксперимента, все же рабочая партія въ цѣломъ не согласится открыто выступить противъ одного изъ основныхъ принциповъ международнаго соціализма. Но что касается до буржуазныхъ демократовъ, даже самаго радикальнаго ихъ крыла, то врядъ ли женская подача голосовъ найдетъ между ними много горячихъ сторонниковъ. Здѣсь-то и можетъ произойти любопытная перетасовка борющихся партій. По крайней мѣрѣ, мыслимо и такое положеніе вещей, при которомъ католики могутъ соединиться съ соціалистами для того, чтобы провести распространеніе политическихъ правъ на все взрослое населеніе Бельгіи безъ различія пола. Впрочемъ, тотъ оборотъ, какой принимаютъ въ настоящее время событія въ Бельгіи, позволяетъ думать, что, побѣдивъ на выборахъ и обезпечивъ себѣ большинство въ народномъ представительствѣ по меньшей мѣрѣ на два года, католики врядъ ли захотятъ сейчасъ же продѣлать тотъ смѣлый скачекъ въ неизвѣстность, на который наиболѣе тонкіе политики между ними шли еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Не мѣшаетъ прибавить, что всеобщая подача голосовъ, какъ ее требуютъ свободомыслящіе элементы Бельгіи (т. е. мужская), пользуется, повидимому, симпатіями молодого короля, который затронутъ прогрессивными идеями и съ неудовольствіемъ смотритъ на господство клерикаловъ.

Пока что, непосредственнымъ результатомъ выборовъ будетъ попытка клерикаловъ закрѣпить еще болѣе свое вліяніе на умы при помощи пропаганды католическихъ идеаловъ какъ среди взрослаго населенія, такъ среди подростающихъ поколѣній. Мы уже знаемъ, съ какимъ искусствомъ и настойчивостью бельгійскіе клерикалы стараются лѣпить по своему образу и подобію душу школьниковъ, пытаясь пропитать все народное образованіе элементами католицизма. Не надо забывать, что годъ тому назадъ кабинетъ Сколларта ушелъ въ отставку потому, что ему не удалось провести черезъ палату пресловутаго закона о «школьныхъ бонахъ». Такъ назывался законопроектъ, предлагавшій, не довольствуясь правительственной субсидіей офиціальнымъ народнымъ школамъ, и безъ того находящимся подъ воздѣйствіемъ клерикаловъ, назначить новую субсидію въ пользу уже чисто католическихъ частныхъ школъ, соотвѣтственно съ числомъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя будутъ выдаваться отцамъ семействъ, выражающимъ желаніе посылать своихъ дѣтей въ эти частныя учрежденія

Тогда было вычислено, что размѣры этой субсидіи достигнутъ до 20 милліоновъ франковъ, каковая сумма останется со введеніемъ правительственной субсидіи въ рукахъ католическихъ организацій, которыя получатъ возможность употреблять образовавшуюся такимъ образомъ свободную наличность на поддержку различныхъ политическихъ и экономическихъ союзовъ строго клерикальнаго характера, дающихъ возможность католицизму держать въ своихъ цѣпкихъ рукахъ душу народа съ колыбели до могилы.

Мы знаемъ, что кабинетъ де-Броквиля, смѣнившій въ іюлѣ прошлаго года министерство Сколларта, довольно политично отказался отъ немедленнаго проведенія закона о школьныхъ бонахъ черезъ сопротивлявшуюся ему палату. Но теперь возникаетъ вопросъ, не захочетъ ли министерство побѣдителей воспользоваться усиленіемъ католической партіи на выборахъ, чтобы снова приняться за отсроченный было законъ о реформѣ школьнаго образованія. Настоящія намѣренія правительства въ точности пока неизвѣстны. Правда, де-Броквиль уже поспѣшилъ заявить черезъ посредство преданной ему печати, что сама побѣда католиковъ на послѣднихъ выборахъ подсказываетъ имъ тактику умѣренности, и что кабинетъ будетъ управлять страной въ интересахъ примиренія, а не разжиганія политическихъ страстей. По крайней мѣрѣ, де-Броквиль не выражаетъ желанія возобновить попытку школьной реформы въ томъ видѣ, какой ей приданъ въ проектѣ Сколларта. Но, съ другой стороны, теперешній премьеръ не отказывается отъ намѣренія, какъ онъ выражается, «поставить дѣло частнаго народнаго образованія, помогающаго офиціальной школѣ, на надлежащую высоту». Можно поэтому ожидать, что новыя попытки правительства въ этой области могутъ отличаться формально отъ законопроекта о школьныхъ бонахъ, но, по всей вѣроятности, будутъ заключать въ себѣ довольно близко подходящую къ нему сущность. Это чувствуютъ враги клерикализма и готовятся дать сраженіе черной арміи и на почвѣ народной школы.

Вообще говоря, современная борьба партій въ Бельгіи можетъ приготовить намъ еще не мало сюрпризовъ, и возможно допустить такое сочетаніе обстоятельствъ, при которомъ ожесточенная война двухъ лагерей въ парламентѣ и странѣ, и безъ того столь часто переливающаяся за границы строгой легальности, приметъ форму революціонной борьбы, настоящаго мятежа молодой, свободомыслящей Бельгіи противъ старой, клерикальной Бельгіи.

Отмѣтимъ кстати еще одно обстоятельство, которое въ состояніи усложнить современную политическую борьбу на территоріи маленькаго, но интенсивно живущаго королевства. Свободомыслящій блокъ можетъ въ своей кампаніи противъ клерикальной партіи тронуть патріотическія и шовинистскія фибры бельгійскихъ гражданъ. Дѣло въ томъ, что либеральные, а отчасти даже и соціа-

листическіе круги не довольны поведеніемъ клерикальнаго правительства въ вопросахъ національной самообороны. Они упрекаютъ стоящихъ у власти клерикаловъ въ томъ, что они оставляютъ Бельгію подъ предлогомъ нейтральности совершенно безъ защиты противъ нападенія со стороны Германіи *), а также въ томъ, что до сихъ поръ организація военныхъ силъ происходитъ въ странѣ на архаическихъ основаніяхъ.

Послѣдній военный законъ отъ 14 января 1910 г. остается, дѣйствительно, при системѣ добровольнаго поступленія гражданъ на службу и лишь на случай недостатка въ контингентѣ обращается къ обязательному призыву, при томъ съ многочисленными льготами и по формулѣ «не болѣе одного солдата съ семьи».

Иронія исторіи заключается здѣсь въ томъ, что радикальные элементы требуютъ отъ правительства бо́льшаго напряженія національныхъ силъ для самозащиты страны и предлагаютъ всеобщую воинскую повинность. На нее соглашаются даже соціалисты, которые однако пропагандируютъ рѣшеніе вопроса при помощи преобразованія теперешней бельгійской милиціи въ милицію на швейцарскій ладъ, а въ послѣдней лишь видятъ временную ступень, ведущую къ тактикѣ всеміpнаго разоруженія. Но пока, въ Бельгіи создается то парадоксальное положеніе, что клерикальное правительство въ военномъ дѣлѣ гораздо болѣе подходитъ ко вкусамъ широкихъ массъ населенія, которыя и здѣсь, какъ повсюду, съ неудовольствіемъ смотрятъ на всякое усиленіе военной тяготы, тогда какъ милитаристскія тенденціи могутъ находить пищу скорѣе въ требованіяхъ лѣвыхъ круговъ.

Мы не знаемъ, какіе причудливые узоры можетъ расшить на этой парадоксальной канвѣ дальнѣйшая борьба партій въ Бельгіи. Но было бы не лишено пикантности зрѣлище клерикальнаго правительства, которое защищаетъ женскую подачу голосовъ и борется противъ усиленія милитаризма, имѣя своимъ врагомъ демократическій лагерь. Тутъ опять-таки можно предвидѣть, что наиболѣе послѣдовательные соціалисты отрицательно отнесутся къ предложеніямъ своихъ союзниковъ изъ рядовъ либеральной и радикальной буржуазіи сдѣлать новый шагъ по пути военщины.

Примѣръ Бельгіи показываетъ, до какой степени становится сложна картина политической борьбы въ культурныхъ государствахъ современнаго міра, и какія странныя положенія могутъ создаваться на почвѣ столкновенія и перекрещиванія различныхъ классовыхъ и идейныхъ интересовъ.

Н. С. Русановъ.

---

*) Англійскіе имперіалисты, помѣшавшіеся на войнѣ съ Германіей, кажется, не меньше бельгійскихъ патріотовъ заняты вопросомъ объ усиленіи военной мощи Бельгіи. См., напр., статью «The New Spirit in Belgium», въ іюньской книжкѣ 1912 г. «The Fortnightly Review» (стр. 1084—1094).

Хроника внутренней жизни.

Изъ пятилѣтнихъ итоговъ.—Слуги и хозяева.—Хищники и солидные люди въ обновленномъ строѣ.—Минусы безъ плюсовъ.—Предвыборныя сѣтованія кн. Мещерскаго.—Предвыборные планы „объединеннаго капитала".—Общія очертанія послѣдствій 3 іюня.

I.

Третья Дума закончила свои рабочіе дни. Закону, по основаніи котораго она созвана, истекло пятилѣтіе. Естественно,—оцѣнивая первую, подводятъ итоги и второму. Разными людьми и съ разныхъ точекъ зрѣнія подводятся итоги. Однихъ интересуетъ, что дало 3 іюня въ теченіе 5 лѣтъ для власти. Другимъ важнѣе, что получено страной, государствомъ. Третьи подходятъ къ итогамъ съ точки зрѣнія групповыхъ—сословныхъ, классовыхъ—интересовъ: дворянскихъ, торгово-промышленныхъ, крестьянскихъ, рабочихъ и т. д. И любопытно: если не считать оптимистовъ ex officio, то утѣшительныхъ итоговъ не получается, кажись, ни у кого.

Крайніе и умѣренные, правые и лѣвые, реакціонеры и прогрессисты, при всемъ разнообразіи ихъ мнѣній, сходятся на одномъ, видимо, для всѣхъ несомнѣнномъ: охранно-полицейская цѣль 3 іюня—по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ—достигнута; третья Дума явилась серьезнымъ и цѣннымъ помощникомъ и союзникомъ охранной полиціи и новымъ оплотомъ въ борьбѣ противъ «лѣвой опасности». Разумѣется, лѣвые могутъ быть огорчены. Но правые, но реакціонеры, сторонники и защитники автократической государственности, казалось бы, должны эту заслугу цѣнить очень высоко. Между тѣмъ, или не цѣнятъ или цѣнятъ очень низко. Даже кн. Мещерскій пишетъ въ «Гражданинѣ»: правда, благодаря 3 іюня,

«меньше попало въ третью Думу крайне-лѣвыхъ и соціалъ-демократовъ, но зато... попали многіе десятки Гучковыхъ, Шубинскихъ, Крупенскихъ, В. Бобринскихъ и пр. и пр., которые для правительства и для государства оказались гораздо вреднѣе крайне лѣвыхъ,—во-первыхъ, потому, что они составили большинство, а во-вторыхъ, потому, что изъ этого большинства правительство не получило ни одного члена Думы съ выдающимся разумомъ, съ выдающейся честностью, съ безусловной преданностью идеаламъ русскаго народа. А такъ какъ авантюристовъ подъ партійными кличками оказалось большинство, то не трудно понять, что правительство и Россія гораздо болѣе проигрываютъ отъ большинства, безсильнаго выдѣлить изъ своей среды крѣпкихъ умственно и твердыхъ убѣжденіями людей, чѣмъ отъ прямыхъ нападокъ малочисленной (въ третьей Думѣ—А. П.) партіи лѣвыхъ.

Скоро мы лучше поймемъ это, на первый взглядъ, неожиданное негодованіе. Но сначала нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Для правительства, отождествляемаго кн. Мещерскимъ съ Россіей, «крайне лѣвые» непріятны и опасны прежде всего своимъ стремленіемъ «взять власть» или даже «отнять власть», для каковой цѣли они въ первой Думѣ вели «штурмъ», а во второй—«осаду». Ихъ можно уподобить непрошеннымъ совѣтчикамъ, которые приходятъ къ старому барину—бюрократіи—и говорятъ:

— Ты дряхлъ, ты слабъ, ты отсталъ отъ вѣка,—поэтому передай управленіе дѣлами твоимъ исторически-законнымъ наслѣдникамъ и правопреемникамъ.

Рекомые «авантюристы», или, точнѣе, представители извѣстныхъ соціальныхъ группъ, призванныхъ закономъ 3 іюня къ сотрудничеству съ правительствомъ, не производятъ штурмовъ и не ведутъ осадъ. Они лойяльны, «законопослушны». И ихъ можно уподобить людямъ, которые говорятъ тому же старому барину:

— Ты еще не такъ старъ и совсѣмъ не дряхлъ. Богъ дастъ, и еще лѣтъ 200 проживешь. Гони наслѣдниковъ въ шею. Ты—нашъ господинъ, мы—твои слуги.

И они, дѣйствительно,—слуги. Они не только лойяльны, но и сервильны,—«холопы», какъ бранится кн. Мещерскій. Они не только сотрудничаютъ съ правительствомъ, но и угодничаютъ передъ нимъ, потакаютъ даже мимолетнымъ увлеченіямъ и капризамъ премьеровъ. Они сами помогли «разъяснить» «неприкосновенность депутатовъ». Они унизили званіе: «членъ Государственной Думы». Они свели самое Думу—и это опять-таки общее мнѣніе—до степени придатка къ совѣту министровъ и низшей «инстанціи» при Государственномъ Совѣтѣ. И, казалось бы, Мещерскому надо радоваться. А онъ опечаленъ, негодуетъ, бранится. И при этомъ указываетъ на нѣкоторые факты. Вотъ, напримѣръ... До 1901 г. «о Пуришкевичахъ у насъ и слуха не было». «Въ концѣ 1901 г. въ страховомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ появился не имѣющій чина Владимиръ Митрофановичъ Пуришкевичъ»... Въ 1907 году возникаетъ третья Дума.

«Въ 1908 году появляется новый Пуришкевичъ—Митрофанъ Васильевичъ (очевидно, папаша) и сразу становится членомъ главнаго совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Въ 1909 году этотъ папаша—уже дѣйствительный статскій совѣтникъ, и появляется на сцену Михаилъ Митрофановичъ Пуришкевичъ—титулярный совѣтникъ и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ 1911 г онъ уже коллежскій ассесоръ на томъ же мѣстѣ. Въ 1912 году великій Владимиръ Пуришкевичъ... перескакиваетъ въ дѣйствительные статскіе»...

Не одни Пуришкевичи и Крупенскіе. Многіе такъ устраиваются гнѣздами, семьями, съ папашами, мамашами, братцами, сестрицами, зятьями, шуровьями. Если не на должностяхъ устраиваются, то по части субсидій. И не только въ столицахъ: разумѣется, гораздо

легче пристраиваются шуровья и кумовья въ провинціи. Характерная при этомъ черта: многіе близкіе родственники лѣвыхъ депутатовъ—и особенно «не родовитыхъ» и не богатыхъ, крестьянскихъ, рабочихъ,—живутъ подъ бдительнымъ надзоромъ и подъ страхомъ репрессій. Надъ самими лѣвыми депутатами изощряютъ остроуміе даже полицейскіе стражники. Кое-кто, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ виду скораго формальнаго окончанія полномочій 3 Думы, уже «попрощался» на мѣстахъ съ своими родственниками, друзьями и знакомыми:

— «Кончится Дума,—не выпустятъ, посадятъ, привлекутъ»... Это—признакъ, какъ расцѣнивается званіе депутата само по себѣ. Но вотъ, напр., пріѣзжаетъ въ Казань не депутатъ большинства, а всего лишь неизвѣстный молодой человѣкъ; и пріѣзжаетъ не для какихъ-либо общественныхъ надобностей, а просто держать, въ качествѣ экстерна, экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, при чемъ и этого экзамена не выдержалъ; но распространяется по Казани слухъ, что этотъ молодой человѣкъ—«племянникъ А. И. Гучкова», и власть имущіе казанцы

«встревожились, всполошились, облачились въ парадныя одѣянія и потянулись одинъ за другимъ съ визитами. Смутилъ покой юноши... вице-губернаторъ... за нимъ продѣлалъ то же самое... предсѣдатель губернской земской управы... Преодолѣлъ свою лѣность и городской голова... Слѣдомъ потянулись и другіе» **).

Пусть они слуги, время-отъ-времени приглашаемые на чашку чая. Но даже ихъ отдаленные родственники оказываются силою, властью, могутъ, кому захотятъ, оказать протекцію, кого захотятъ, устроятъ. Пусть слуги помогаютъ бороться съ «лѣвой опасностью»,—помогаютъ не допускать конституціонныхъ ограниченій власти, отвѣтственности министровъ и т. д.; пусть они не ведутъ ни штурмовъ, ни осадъ, но при этомъ они сами тихимъ манеромъ захватываютъ власть. И захватываютъ не только посредствомъ заполненія собою и своими близкими разнообразныхъ отраслей государственной службы. Г. Пуришкевичъ не одну свою семью изъ Бессарабіи въ столицы тащитъ. Онъ содѣйствуетъ также захвату цѣлыхъ желѣзныхъ дорогъ—напр., Юго-западныхъ,—своими единомышленниками и политическими друзьями. Вообще они захватываютъ цѣлые уѣзды и губерніи, захватываютъ подряды и поставки, захватываютъ земскія и городскія общественныя управленія. Кн. Мещерскій одинъ изъ первыхъ заговорилъ о концессіонныхъ и акціонерныхъ дѣлишкахъ многихъ депутатовъ. Теперь, подводя итоги трудовъ третьей Думы, «С.-Петербургскія Вѣдомости» напоминаютъ, что представительство, созданное актомъ 3 іюня, установило въ сущности «концессіонный строй»,—большинство старательно

*) Цит. по «Утру Россіи», 1 мая.
**) «Рѣчь», 25 мая.

обхлопатывало «широкій кредитъ подъ товары, организовало сотни акціонерныхъ и концессіонныхъ обществъ». И это—не ложно: захватывали потихоньку и область финансоваго и торгово-промышленнаго вѣдѣнія. И захватывали не для дворянства, буржуазіи или иныхъ соціальныхъ группъ, а опять-таки для себя, для своихъ близкихъ, а иные, быть можетъ, и для мздодателей.

Происходитъ и захватъ инціативы. Припомните, что писалось, напримѣръ, о происхожденіи знаменитаго «законопроекта о западномъ земствѣ». Кто-то изъ кіевскихъ націоналистовъ придумалъ планъ,—какъ одолѣть поляковъ на выборахъ въ Государственный Совѣтъ. Планъ сообщили депутату. Депутатъ присталъ къ Столыпину. Столыпину мысль понравилась, онъ увлекся, и т. д. Припомните закулисную исторію нашумѣвшаго на всю Европу «дѣла Бейлиса. Если вѣрить матеріаламъ, недавно опубликованнымъ «Кіевляниномъ», первая глава «исторіи» такова: шайка воровъ. подозрѣвая, что мальчикъ Ющинскій донесъ на нее полиціи, стала пытать его шиломъ; подъ пытками мальчикъ умеръ; одинъ изъ шайки, по фамиліи Мандзелевскій, написалъ матери Ющинскаго анонимое письмо, что ребенка убили евреи для мацы, и подписался: «Христіанинъ». Затѣмъ глава вторая: мѣстные союники пишутъ въ Петербургъ. Пуришкевичи и Замысловскіе энергически подновляютъ легенду о ритуальныхъ убійствахъ, запросы въ Думѣ, «Щегловитовъ принимаетъ мѣры»... И сколько такихъ закулисныхъ исторій разсказано за послѣднія 5 лѣтъ то полунамеками, то безъ обиняковъ. Отмѣна портофранко на Дальнемъ Востокѣ—газеты киваютъ на г. Крестовникова, на барона Кноппа, на иныхъ, «кому выгодно». Холмскій законопроектъ, инициаторовъ ищутъ, напр., среди земельныхъ собственниковъ города Холма и его окрестностей. И до того привыкли всѣ къ этимъ «исторіямъ», такая возникла увѣренность въ ихъ основательности, что укоренилось правило—по поводу каждаго сколько-нибудь крупнаго государственнаго мѣропріятія искать прежде всего, кто именно инициаторъ. Вотъ, напр., въ маѣ и іюнѣ проведенъ черезъ Думу законопроектъ объ ассигнованіи 502 мил. руб. на постройку флота. И даже «Голосъ Москвы» намекаетъ: «извѣстно, что въ банковскихъ и биржевыхъ кругахъ весьма заинтересованы принятіемъ (Думою) полнаго ассигнованія» *). Суворинское «Вечернее Время» дѣлаетъ болѣе прозрачныя указанія:

«Аппетиты разгораются съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. На биржѣ учитываютъ, а въ кабинетѣ банковскихъ директоровъ создаютъ коньюнктуры... Въ этомъ—гвоздь. Менѣе всего интересуетъ вопросъ о томъ, будетъ ли выполнена судостроительная программа, соорудятъ ли флотъ вообще и соорудятъ ли его въ срокъ» Конкуренція между крупными банками устранена; «они сговорились и идутъ сомкнутымъ строемъ

---

*) „Голосъ Москвы", 27 мая.

на полумиллiардъ народныхъ денегъ». Идутъ навѣрняка, «ибо сферы заинтересованы въ оживленной работѣ банковъ гораздо больше, нежели въ правильной и серьезной постановкѣ судостроенiя» *).

«Русскiя Вѣдомости» отмѣчаютъ:

«Въ кулуарахъ (Думы) обращаютъ вниманiе на то, какъ быстро пошли въ гору, подъ влiянiемъ постановленiя бюджетной комиссiи (принявшей законопроектъ), акцiи заводовъ, имѣющихъ отношенiе къ судостроенiю. Такъ путиловскiя акцiи поднялись (28 мая) на 20 руб., Никополъ-Марiупольскiя на 11—13 руб., Леснера—на 13 р., С.-Петербургскаго Металлическаго завода—на 42 р.» **).

Словомъ, акцiонерамъ извѣстныхъ заводовъ желательно поднять акцiи, биржевикамъ хочется сдѣлать хорошую игру, банкирамъ интересно оживить денежный рынокъ, иныхъ родовъ дѣльцы соблазнены мыслью употребить ассигновку на флотъ, какъ допингъ, безъ котораго въ Россiи нынѣ едва ли можно поддерживать такъ называемое «промышленное оживленiе». И въ этихъ постороннихъ соображенiяхъ какъ бы тонетъ государственное значенiе вопроса.

Они—слуги, они лойяльны, они сервильны, они рептильны, Они—что угодно. Правительство при нихъ кажется полнымъ «хозяиномъ положенiя». Но въ дѣйствительности кто и что имъ мѣшаетъ тихимъ обычаемъ многихъ слугъ и съ довольно обычною для слугъ ловкостью водить хозяина за носъ,—водить и ради собственнаго удовольствiя, и ради корысти ловкихъ антрепренеровъ, и по увлеченiю политиканскимъ озорствомъ (какъ въ дѣлѣ Бейлиса)? Въ теченiи пяти лѣтъ они до такой степени замутили воду, что крайне трудно разобрать, гдѣ государственная власть дѣйствуетъ по собственной инициативѣ, и гдѣ она является лишь орудiемъ частныхъ разсчетовъ и жертвою предательства собственныхъ слугъ.

Они—слуги. Но за этою внѣшностью есть нѣчто прямо противоположное... Когда я читалъ недавнiя думскiя пренiя по бюджету министерства юстицiи, обвиненiя противъ Щегловитова и его отвѣты, мнѣ невольно вспомнился характерный русскiй анекдотъ. Одинъ провинцiальный администраторъ, изъ бывшихъ лѣвыхъ, въ отвѣтъ на упреки своего прежняго друга отвѣтилъ приблизительно слѣдующее:

— Грѣхи мои велики, но ихъ цѣною куплено одно, чего ты не замѣтилъ: въ моемъ районѣ не было смертныхъ казней.

Въ районѣ г. Щегловитова онѣ были. И Щегловитовъ есть Щегловитовъ. И все таки этотъ бывшiй либералъ, мнѣ кажется, могъ бы сказать (не съ думской, конечно, каѳедры):

---

*) Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 27 мая.

**) «Русскiя Вѣдомости», 29 мая.

— Грѣхи велики. Но при другомъ министрѣ юстиціи, по нынѣшнимъ временамъ, были бы не только эти грѣхи, но, быть можетъ, и многое другое, гораздо худшее.

Г. Щегловитовъ этого не сказалъ. Но о Столыпинѣ прямо говорили, что онъ цѣною уступокъ, «поправѣнія» и эксцессовъ «спасалъ Россію отъ Дубровина». Послѣ смерти Столыпина были намеки, что онъ смягчилъ актъ 3 іюня и старался недопустить новыхъ «кудетатистыхъ» предпріятій. Какіе факты стоятъ за этими намеками о закулисныхъ трудахъ Столыпина,—выяснитъ исторія. Но вообще, это—довольно обычное среди россійскихъ администраторовъ явленіе: однимъ кажется, что они цѣною безудержнаго подавленія общественной жизни «спасаютъ» свои районы отъ смертныхъ казней, другіе цѣною смертныхъ казней «спасаютъ» коекакія возможности культурной работы, третьи иною цѣною «спасаютъ» еще что-либо. И въ концѣ-концовъ намѣренія русскаго администратора часто лучше его дѣлъ; часто онъ умнѣе своихъ поступковъ, человѣчнѣе своихъ распоряженій. Русскій администраторъ сплошь и рядомъ стоитъ передъ альтернативой: либо отставка, либо «жертва» тому божеству, которое называютъ «камарильей», «звѣздной палатой». Такія «камарильи» и «звѣздныя палаты» есть въ каждомъ быту,—ихъ можно найти въ любой деревнѣ, любомъ селѣ, любомъ городкѣ. Это—дожившіе до собачьей старости и до свойственной этому возрасту непроходимой злости Кабанихи и Дикіе. Невѣжественные, потерявшіе всякую способность понимать жизненныя явленія, эти старички и старушки суютъ во все свой носъ, имъ до всего есть дѣло и ибо всемъ они судятъ и рядятъ. И всѣ ихъ сужденія сводятся къ тому, что всюду происходитъ безобразіе, безпорядокъ, и всѣхъ надо драть, бить,—главное, чтобъ драть и бить, запретить, истребить... Когда-то и еще не такъ давно эти ополоумѣвшіе старички и старушки играли огромную роль въ народномъ быту: къ нимъ прислушивались, съ ними считались, ихъ признавали хранителями вѣковой мудрости, ихъ мнѣніе пользовалось авторитетомъ. Кое-гдѣ ихъ вліяніе сохранилось понынѣ. Но вообще люди рабочаго возраста убѣдились, что старички горазды лишь брюзжать,—никакого дѣльнаго совѣта дать не могутъ и «ничего въ нынѣшнихъ дѣлахъ не понимаютъ». Къ суровой обстановкѣ трудового народнаго быта, гдѣ на каждомъ шагу требуются знанія, гдѣ правильность дѣлового указанія человѣкъ опредѣляетъ собственнымъ опытомъ, «своими боками», старички не выдержали экзамена, оказались банкротами,—ихъ отстранили отъ жизни и къ нимъ относятся иронически. Но бытъ тѣхъ высшихъ круговъ, гдѣ вращаются сановники, и отъ мнѣнія которыхъ зависитъ ихъ карьера, нельзя назвать суровымъ; тамъ не нужно знаній, тамъ легко совѣтовать, что угодно; тамъ старческое банкротство и непониманіе жизни не такъ замѣтны. И тамошніе «аристократическія»

Кабанихи и «великосвѣтскіе» Дикіе остаются значащей величиной. Они-то и есть русская «камарилья», русская «звѣздная палата». Къ нимъ-то, къ ихъ брюзжанью и вынуждены приспосабливаться наши администраторы. И эту бытовую силу отлично поняли депутаты третье-іюньскаго большинства. Они—слуги правительства. Но они великолѣпно знаютъ, кому пожаловаться на хозяина, какіе рычаги надо нажать, чтобы свалить того или другого министра, а если и не свалить, то столкнуть «вправо». «Влѣво» нельзя—«камарилья» не позволитъ. «Вправо» путь безконеченъ, ибо великосвѣтскимъ Кабанихамъ такъ же, какъ и уѣзднымъ, всякое дыханіе жизни кажется непозволительнымъ своеволіемъ. И такъ какъ великосвѣтскія Кабанихи полоумны не менѣе уѣздныхъ, то пользоваться ими, какъ рычагомъ политиканской интриги, пришельцамъ 3 іюня не столь ужъ трудно. Они усилили зависимость официальнаго, отвѣтственнаго правительства отъ «камарильи». Они стали ея очами и ушами, освѣдомляющими ее о всемъ, о чемъ находятъ нужнымъ освѣдомлять. Они—слуги. Но они покрикивали на Столыпина, они кричали на Щегловитова, и послѣдній не мало подвиговъ долженъ былъ совершить, прежде чѣмъ они «переложили гнѣвъ на милость». Они требовали отъ Коковцева доказать вѣрность національнымъ основамъ. Они вообще «поѣдомъ-ѣдятъ» каждаго провинціальнаго администратора, который имъ не нравится. И, наоборотъ, кто имъ нравится, тотъ становится экстерриторіальнымъ, полунезависимымъ отъ центральнаго правительства. Исторія одесскаго генерала Толмачева—не единственная въ своемъ родѣ. Пока Толмачевъ ладилъ съ ними—«самъ Столыпинъ» былъ ему не указъ. Толмачевъ заупрямился, рѣшилъ напомнить «трактирщикамъ», что, государственная власть не всегда для нихъ игрушка,—и «слетѣлъ».

Они, конечно, неоднородны и не всегда цѣлуются. Не всегда у нихъ есть общій интересъ,—въ родѣ, напр., трансперсидской дороги; не всегда они такъ братски идутъ въ ногу, какъ въ рѣшительные моменты выборовъ. Не всегда имъ одинаково принадлежатъ тѣ темныя избирательныя ассигнованія, о которыхъ говорилъ г. Рейнботъ во время своего процеса. Они часто и ссорятся, и спорятъ. И у нихъ есть о чемъ спорить: одни правѣе, другіе лѣвѣе; одни опрятнѣе, другіе неряшливѣе; одни благожелательнѣе, другіе злостнѣе, одни рептильнѣе, другіе независимѣе. Вѣроятно, не всѣ они пользуются скрытыми пружинами, чтобы давить на власть и на ея официальныхъ представителей. А кто пользуется этими пружинами, тѣ идутъ не къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ. Однихъ больше всего интересуютъ концессіи, гарантіи,—вообще міръ финансовыхъ и экономическихъ благъ. Энергія другихъ направлена на пріобрѣтеніе власти надъ провинціальными администраторами. Третьихъ интересуетъ еще что-либо. Четвертые такъ сказать энциклопедичны: и

Библиотека Ц.О.

экономикой интересуется, и власть не прочь захватить... Но и тѣ, и другіе одинаково преуспѣли. Концессіонная работа налажена превосходно. Налаженъ превосходно и захватъ провинціальной власти. Времена дубровинскихъ внѣдумскихъ «союзовъ» миновали. Верхъ взяли члены Думы,—Пуришкевичъ, Марковъ. Большинство провинціальныхъ «союзническихъ» отдѣловъ фактичести превратилось въ филіальныя отдѣленія и агентуры праваго крыла думскаго большинства. Конечно, «марковцы» ведутъ себя такъ же, какъ и «дубровинцы»: кричатъ полиціймейстеру: «пошелъ вонъ», объявляютъ войну губернаторамъ. Каждый изъ нихъ—пока его защищаютъ въ Петербургѣ—играетъ роль начальства надъ представителями официальной власти. Но теперь это вода на мельницу не Дубровина, а его думскихъ конкурентовъ И все такимъ образомъ идетъ, какъ слѣдуетъ. Быть можетъ, кое-кому изъ октябристовъ не нравится, что г. Пуришкевичъ послалъ привѣтственную телеграмму томскимъ «молодцамъ», недавно побившимъ редактора прогрессивной газеты, и что одному изъ мѣстныхъ профессоровъ, высказавшему порицаніе драчунамъ, немедленно было предложено подать прошеніе о переводѣ, и онъ оказался вынужденнымъ просить объ отставкѣ. Но, вѣдь и г. Пуришкевичу многое у октябристовъ не нравится... Въ концѣ-концовъ, не взирая на всѣ разномыслія, они идутъ вмѣстѣ ради общаго дѣла. Во-первыхъ, они «не пущаютъ»,—разумѣется, лѣвую опасность, во-вторыхъ «тащутъ»,—растаскиваютъ по кусочку, по кирпичику государственную власть, а для желающихъ есть возможность растаскивать и государственное достояніе.

II.

Расхищеніе власти, конечно, не третьей Думою началось. Законъ 3 іюня лишь собралъ нѣкоторые хищническіе элементы въ одно мѣсто, помогъ имъ сплотиться вблизи источниковъ власти, стать ядромъ, вокругъ котораго скопилась протоплазма «думскаго большинства» и органомъ, на который при желаніи и умѣньи можетъ опереться всякій вообще хищникъ. Основная масса населенія пока мало сознаетъ происшедшія отсюда измѣненіи: было плохо, стало не лучше; Дума разочаровала, не принесла облегченія, а происходящія отъ нея отягощенія падаютъ лишь прибавкомъ къ старому грузу тяготъ, и вѣсъ этого прибавка не сразу замѣтишь. Но тѣ, кому и раньше жилось сравнительно не тяжко, почувствовали. Прежде всего почувствовали агенты власти—чиновники Большинство ихъ—не герои, но, разумѣется, и не злодѣи. Люди средніе, умѣренные, постигшіе науку лавированія между законами, циркулярами и всякими изустными распоряженіями начальства,

они многаго не ищутъ, довольствуются малымъ, хотятъ жить спокойно, увѣренно и, по возможности, порядочно. Но именно это, казалось бы, скромное желаніе, по нынѣшнимъ временамъ, мало достижимо. Мало достижимо уже потому, что появилось слишкомъ много начальствъ. Помимо офиціальнаго начальства и союзниковъ, разные марковцы, съ ихъ ставленниками, племянниками, мамашами, папашами, невѣстками и даже горничными невѣстокъ. Всѣ они требуютъ; подъ ихъ давленіемъ то и дѣло возникаютъ разслѣдованія, пишутся приказы, отдаются распоряженія. И получается столько противорѣчивыхъ вліяній и требованій, такія груды приказовъ и распоряженій, что физически невозможно быть исполнительнымъ. А многое и не совсѣмъ пріятно выполнять,—какъ, навѣрное, не совсѣмъ пріятно почтенному вицегубернатору ѣхать въ мундирѣ и регаліяхъ съ визитомъ къ экстерну, не выдержавшему экзаменъ на аттестатъ зрѣлости... Среднему, мирному, житейски опрятному человѣку стало трудно, тяжело. Но вмѣстѣ съ тѣмъ окрѣпли новыя возможности жить легко и весело. Онѣ не требуютъ ни труда, ни заботъ. Нуженъ лишь нѣкоторый рискъ. Напримѣръ, можно достигнуть успѣховъ, если, подобно бывшему уральскому полиціймейстеру Ливкину, взять револьверъ, собственноручно отправить на тотъ свѣтъ парочку евреевъ и придать этому предпріятію «патріотическую» окраску. Дань на алтарь юридическихъ формальностей при этомъ, конечно, придется принести, — дань, впрочемъ, небольшую: Ливкинъ отдѣлался всего 6 мѣсяцами заключенія въ крѣпости; зато человѣкъ сразу выдвигается, становится замѣтнымъ, его признаютъ «патріотомъ», о немъ самъ г. Пуришкевичъ, быть можетъ, не откажемся похлопотать. Полезно также разстрѣлять мужика, — просто взять перваго встрѣчнаго—разумѣется, «неблагонадежнаго»—мужика и пристрѣлить. Дань юридическимъ формальностямъ опять таки пустяковая—нѣсколько мѣсяцевъ крѣпости*), а выигрышъ можетъ быть большой. Еще безопаснѣе, хотя въ иныхъ случаяхъ не менѣе полезно, подвергнуть нѣсколько десятковъ человѣкъ истязаніямъ и пыткамъ. Дань юридическимъ формальностямъ порою ограничивается «строгимъ выговоромъ» **), а между тѣмъ устроители истязаній и пытокъ произво-

---

*) Вотъ одно изъ многихъ газетныхъ извѣстій: «Харьковъ, 11 апрѣля. Урядникъ Деревянченко, приказавшій стражнику разстрѣлять пьянаго крестьянина, приговоренъ судебною палатою къ заключенію на 8 мѣсяцевъ въ крѣпости. «Рѣчь», 12 апрѣля.

**) Тоже одно изъ многихъ сообщеній: «Въ Саратовской судебной палатѣ разбиралось дѣло начальника пензенской губернской тюрьмы Любенецкаго по обвиненію въ жестокомъ обращеніи съ арестантами, которыхъ, по его приказанію, избивали, заковывали въ кандалы и подвергали безпрестаннымъ заключеніямъ въ карцеръ безъ малѣйшей вины съ ихъ стороны... Не отрицалъ своей вины и самъ подсудимый, оправдывавшій жестокость примѣняемыхъ имъ мѣръ тѣмъ соображеніемъ, что мѣры эти

дать благопріятное впечатлѣніе въ особенности на правое крыло думскаго большинства. Объ одесскомъ университетѣ газеты сообщали, что въ немъ не исполняются распоряженія министра народнаго просвѣщенія, клонящіяся къ охраненію установленныхъ закономъ правъ студентовъ-евреевъ. Это тоже не плохо, а порою и прямо таки великолѣпно: демонстративно не исполнять приказаній высшаго начальства, основанныхъ на законахъ, которые не нравятся думскому большинству, и въ особенности правому его крылу. Много отличныхъ карьеръ этимъ нехитрымъ способомъ создано. Недуренъ еще такой способъ служить весело, пріятно безъ особыхъ хлопотъ: надо время отъ времени и возможно чаще совершать героическіе подвиги: Толстого непечатными словами публично выругать, обывательскую дачу сжечь; «по недоразумѣнію» именитаго купца со всѣми его чадами и домочадцами вдругъ обыскать, арестовать или выпороть нагайками; вбѣжать во время рекреаціи въ уборную женской гимназіи, схватить какую либо взрослую ученицу и тутъ же на мѣстѣ обыскать,—нѣтъ ли, молъ, прокламацій или хотя бы «шпаргалокъ» *); поставить въ экзаменаціонномъ залѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ экзаменаторскаго стола тюремную парашу...**). Такими и подобными подвигами нынче можно добиться большихъ успѣховъ, отличиться не меньше бахмутскаго г. Луцкевича.

На процессѣ упомянутаго выше уральскаго полиціймейстера Ливкина характерна, между прочимъ, слѣдующая деталь. Противъ Ливкина до совершенія имъ убійства возникло обвиненіе во взяточничествѣ и вымогательствѣ. Производилось и разслѣдованіе. А послѣ убійства

жена Ливкина на допросѣ показала, что ея мужъ на вопросъ, почему онъ убилъ, отвѣтилъ: «пусть меня судятъ, какъ убійцу, а не какъ взяточника» ***).

Свидѣтель приставъ Куринъ удостовѣрилъ, что послѣ убійства

«Ливкинъ держалъ себя какъ-то неестественно весело, смѣялся и говорилъ, что «за двухъ жидовъ ему ничего не будетъ» ****).

Дѣйствительно, «за двухъ жидовъ» наказаніе не большое, а «какъ взяточника», Ливкина совсѣмъ не судили. И самое дѣло о взяточничествѣ и вымогательствѣ, если и упоминалось на процессѣ, то какъ нѣчто давнопрошедшее и какъ бы покрытое

якобы предупреждали возможность буйствъ и побѣговъ арестантовъ. Судебная палата примѣнила къ Любенецкому самую мягкую мѣру наказанія: строгій выговоръ». «Русское Слово», 26 апрѣля.

*) Случай въ Белебеевской гимназіи („Утро Россіи", 24 мая).

**) Ib. 30 мая.

***) «Саратовскій Вѣстникъ», 21 февраля.

****) Тамъ же.

«патріотическимъ» подвигомъ. Это вполнѣ совпадаетъ и съ обывательской примѣтой: очень плохо, если маленькое начальство проштрафится передъ начальствомъ высшимъ, возбудитъ противъ себя серьезное неудовольствіе; въ такихъ случаяхъ берегись, того и гляди, маленькое начальство примется за дѣла столь громкія, что «вся Россія ахнетъ». И вторая есть примѣта, она еще рѣже оказывается ошибочной: если администраторъ ужъ очень афишируетъ свои «патріотическія чувства», то лишь въ случаѣ исключительной честности онъ удерживается отъ соблазна грѣшить безнаказанно. Но исключительная честность встрѣчается не часто. И грѣхи приняли слишкомъ, такъ сказать, классическій характеръ.

У торговаго дома Кунстъ и Альберсъ въ Благовѣщенскѣ убѣжала лошадь. Объ этомъ было заявлено во всѣ полицейскіе участки... На третій день лошадь нашли. Но не полиція, а сами служащіе торговаго дома Кунста и Альберса. Сбѣжавшая лошадь оказалась въ пролеткѣ полицейскаго пристава. Пристава попросили вернуть лошадку. Онъ вернулъ. Что жъ сдѣлали съ нимъ? Съ приставомъ ничего. А съ торговаго дома приставъ... потребовалъ 3 рубля за прокормъ.

— Потому,—не онъ, приставъ, лошадь нашелъ, а она его нашла и сама впряглась въ его пролетку»*).

Чего стѣсняться? Вѣдь у пристава и при обыкновенныхъ условіяхъ имѣется броня,—законы о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступленія. А ежели пристава признали «патріотомъ» извѣстные представители думскаго большинства, то броня двойная, несокрушимая. Дѣлай что хочешь, бери что нравится, живи веселѣе. Эта вторая броня выкована первоначально покойнымъ Треповымъ и Дубровинымъ. Но окончательная закалка ей дана въ третьей Думѣ. Мало того,—созданный порядокъ вещей именно въ третьей Думѣ получилъ надлежащую устойчивость. Дубровинъ—человѣкъ случая. Нынче онъ есть, завтра онъ можетъ не быть. Но пока существуетъ избирательный законъ 3 іюня, какъ ни хитрите, а въ Таврическій дворецъ будутъ приходить въ изрядномъ количествѣ «вахмистры по воспитанію, погромщики по убѣжденію». Слѣдовательно, въ Петербургѣ будетъ и штатъ, продолжающій и совершенствующій дѣло, начатое Треповымъ и Дубровинымъ. Прежде могло быть опасеніе:

— А вдругъ Дубровинъ сорвется, падетъ,—кто тогда меня защититъ?

Теперь бояться нечего: защитники во всякомъ случаѣ будутъ,—значитъ, лишь старайся «заслужить защиту».

Хищникъ понялъ, что ему обезпеченъ завтрашній день. И административная практика съ чрезвычайной быстротою покатилась по своему естественному уклону. На верху—отъ Плеве къ анекдотамъ

*) «Утро Россіи», 27 мая.

о похожденіяхъ Курлова. Въ центральномъ пунктѣ правительственныхъ работъ, въ организаціи политической охраны—отъ зловѣщихъ фигуръ Зубатова, Гапона и Азефа къ похожденіямъ, напр., такого рода: «на станціи Бологое составленъ протоколъ о сбытѣ фальшивыхъ золотыхъ пятирублевыхъ монетъ филерами охраннаго отдѣленія, командированными на майскія торжества въ Москву». *) Въ духовномъ вѣдомствѣ—отъ Іоанна Кронштадтскаго къ Макарію Гнѣвушеву и «комерческимъ операціямъ» епископа Гермогена; отъ «кронштадтской богородицы» къ открытому появленію «сестрицъ» въ мужскихъ и «евнуховъ» въ женскихъ монастыряхъ **). По министерству юстиціи—отъ послѣднихъ духовныхъ остатковъ «эпохи реформъ» къ анекдотамъ о щегловитовской дынѣ, о «прокурорскомъ щенкѣ». ***) Говорятъ о Лыжиныхъ. Но Лыжинъ, если вѣрно то, что ему приписываютъ, учинилъ подлогъ все таки политическаго свойства. Къ сожалѣнію, чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ чаще устанавливаются факты самаго элементарнаго воровства: тамъ растраты, здѣсь судья систематически подмѣнялъ настоящія гербовыя марки фальшивыми ****), въ одномъ мѣстѣ корыстное похищеніе слѣдственныхъ документовъ, въ другомъ судейскіе чиновники за взятку выкрадываютъ цѣлыя дѣла; появились свѣдѣнія о прокурорахъ-взяточникахъ, о судебнахъ слѣдователяхъ, за мзду «тенденціозно» направляющихъ уголовныя дѣла...

Долѣе всего сопротивлялся хищничеству, нашедшему твердую опору въ думскомъ большинствѣ, престижъ чрезвычайныхъ ревизій. Этимъ престижемъ пытался воспользоваться для цѣлей, далекихъ отъ истины, еще покойный Плеве,—ревизія тверского земства. Кромѣ того, довѣріе къ ревизіямъ и вообще было условнымъ. Никто не сомнѣвался, что чрезвычайные ревизоры страдаютъ нѣкоторымъ дальтонизмомъ; порою отлично видятъ частности, факты, и почти всегда плохо замѣчаютъ дѣйствіе общихъ условій; отъ ихъ вниманія не ускользнетъ мелкая рыба и они теряютъ остроту зрѣнія по мѣрѣ приближенія къ щукамъ, акуламъ и другимъ крупнымъ

---

*) «Южная Заря», 2 Мая.

**) «Евнухъ» не такъ давно обнаруженъ въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ (Стерлитамакскаго уѣзда). По распоряженію игуменіи, онъ жилъ въ монастырѣ подъ именемъ «сестры Васюты»; въ дѣйствительности —«гармонистъ Васька»—судя по описаніямъ, любитель веселыхъ похожденій въ духѣ Декамерона. Офиціально онъ считался «евнухомъ». Каждый разъ съ благословенія игуменіи онъ ночевалъ въ кельѣ то одной, то другой сестры,—въ качествѣ «тѣлохранителя». «Русское Слово», 10 Мая.

***) У прокурора Московской судебной палаты Степанова исчезъ щенокъ, выбѣжавшій изъ квартиры прокурора въ зданіе суда. Въ результатѣ: 1) оштрафованы и перемѣщены курьеры: 2) у въ входа въ канцелярію установлено дежурство сыщиковъ; 3) допрошены всѣ канцелярскіе служащіе и кандидаты; 4) у помощника секретаря, приласкавшаго собачку передъ ея исчезновеніемъ, произведенъ обыскъ. «Южная заря», 17 апрѣля.

****) «Русское Слово», 5 мая.

породамъ. А все таки вѣрилось, что чрезвычайная ревизія и корыстолюбіе, чрезвычайная ревизія и темныя дѣла находятся въ отношеніяхъ взаимной вражды. Увы,—жизнь жестока. Думскимъ октябристамъ—судя по статьямъ «Голоса Москвы»—нравится ревизія нижегородскаго земства. «Правые» отъ нея и подавно въ восторгѣ. Понравилась и ревизія волынскаго земства. Понравилась и ревизія московскаго университета, и ревизія московскихъ судебныхъ учрежденій. Г. Пуришкевичу, судя по его недавнимъ думскимъ рѣчамъ, желательно обревизовать также и томскій судебный округъ. Ревизія саратовской епархіи, изобличающая нынѣ «опальнаго Гермогена», нравится не всѣмъ правымъ: «гермогенцы» порицаютъ её; но есть другіе «правые», которые побѣдили «гермогенцевъ» и ревизію одобряютъ... Были разрозненные факты: рейнботовщина подверглась ревизіи, когда между Рейнботомъ и московскими «хоругвеносцами» произошло охлажденіе, за интендантской ревизіей сквозили таинственные ходы поставщиковъ, попытки союзниковъ захватить интендантство, національные вятскіе сапоги и т. д. По мѣрѣ накопленія фактовъ приходится предполагать систему. И не только предполагать,—газеты прямо пишутъ, что пандемія ревизій, какою отличалось послѣднее пятилѣтіе, имѣетъ свою «закулисную исторію». Въ частности, напр.,

на сенаторскую ревизію сибирской желѣзной дороги «бросилъ свою черную тѣнь союзъ русскаго народа, имѣющій тѣсныя связи съ нѣкоторыми видными членами ревизіи. Одинъ изъ ея дѣятелей состоялъ почетнымъ предсѣдателемъ томскаго отдѣла этой организаціи, къ слову сказать, тѣсно связавшей свое имя въ Томскѣ съ воспоминаніемъ о страшныхъ октябрьскихъ дняхъ (1905 года), когда погибло въ огнѣ около ста служащихъ сибирской желѣзной дороги» *).

Тамъ «черную тѣнь бросаютъ» союзники, здѣсь—октябристы, въ третьемъ мѣстѣ—націоналисты. Тамъ союзники хотятъ захватить и еще одну желѣзную дорогу, здѣсь октябристы близки къ заинтересованному предпріятію, въ третьемъ мѣстѣ членъ «національнаго» союза желаетъ получить заказы или подряды, въ четвертомъ надо очистить учрежденіе отъ «лѣвыхъ элементовъ», въ пятомъ желательно устранить опасныхъ кандидатовъ въ члены четвертой Думы, въ шестомъ—«положитъ на обѣ лопатки» уже поваленнаго противника... И орудіемъ всѣхъ этихъ и подобныхъ темныхъ затѣй и закулисныхъ счетовъ является ревизія. И посмотрите, во что она выродилась:

«Трудно повѣрить, но теперь уже съ полною достовѣрностью установлено, что ревизія сенатора гр. Медема (Сибирской желѣзной дороги) привлекла въ сотрудники» людей «не только съ темнымъ, но и съ уголовнымъ прошлымъ».

---

*) «Русское Слово», 3 мая.

Вотъ они:

Протопоповъ, котораго его начальство предало суду за подлогъ и растрату казенныхъ денегъ.

Өедоровскій, уволенный отъ службы за неблаговидные поступки...

Архангельскій, отбывшій наказаніе въ арестантскихъ ротахъ.

Жилинскій, который нѣсколько лѣтъ назадъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму за мошенничества» [1].

Самые подходящіе сотрудники для сенаторской ревизіи. И еще краткое газетное свѣдѣніе о нихъ же:

«Омскъ, 7 мая заключенъ въ тюрьму одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ сенатора гр. О. Л. Медема при ревизіи сибирской дороги Иванъ Жилинскій. Жилинскій ранѣе состоялъ агентомъ Томской сыскной полиціи» [2]).

Даже сенаторскую ревизію смѣшали съ грязью уголовщины. И это еще не самое худшее. Въ началѣ нынѣшняго года, въ самый острый моментъ движенія «голодныхъ», продовольственныхъ и сѣменныхъ грузовъ сенаторская ревизія Сибирской дороги вдругъ проявила кипучую дѣятельность:

«разразился страшный смерчъ и меньше чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ смелъ весь административный персоналъ дороги на протяженіи 3150 верстъ. Уволенъ: начальникъ дороги Осиповъ, его помощникъ Михайловъ, начальникъ службы движенія, оба его помощника, начальникъ матеріальной службы и его помощники, начальники коммерческой и телеграфной службы. Всего уволено и предано суду до 400 высшихъ агентовъ. Наибольшій уронъ потерпѣла служба движенія. Здѣсь карающая длань сенатора не ограничилась высшей администраціей, а проникла въ самую глубь, до начальниковъ станцій и ниже» [3]).

Вслѣдъ затѣмъ началась работа въ обратномъ направленіи. Появились извѣстія, что въ министерствѣ путей сообщенія учрежденъ особый комитетъ для пересмотра дѣлъ, возбужденныхъ ревизіей сенатора Медема [4]). И уволенныхъ стали обратно принимать на службу:

Инженеръ Зелинскій, привлеченный ревизіей сенатора гр. О. М. Медема, допущенъ министерствомъ путей сообщенія на службу [5]).

Возстановленъ въ правахъ службы уволенный сенаторомъ Медемомъ начальникъ коммерческой службы Самойловъ [6]).

Ревизоръ движенія Васильевъ, удаленный отъ службы сенаторомъ Медемомъ, по распоряженію изъ Петербурга возстанавливается въ прежнихъ своихъ служебныхъ правахъ [7]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) «Русское Слово», 8 мая.
[3]) «Русское Слово», 3 мая.
[4]) «Русское Слово», 21 апрѣля.
[5]) Тамъ же.
[6]) «Русское Слово», 3 мая.
[7]) «Русское Слово», 6 мая.

Въ началѣ мая томскій окружный судъ разсмотрѣлъ

«первое дѣло изъ возбужденныхъ ревизіей сенатора Медема. Конторщикъ службы движенія сибирской дороги Русецкій обвинялся въ систематическомъ хищеніи резинокъ, карандашей и канцелярскихъ счетъ. По обвинительнымъ даннымъ, за время съ іюля 1907 г. по августъ 1910 г., т. е. за три года, обвиняемымъ было похищено 28 резинокъ, 34 дюжины карандашей и нѣсколько счетъ. Русецкій оправданъ» *).

Безъ сомнѣнія, порокъ долженъ быть наказанъ. И, навѣрное, многіе сметенные «сенаторскимъ смерчемъ» виновны въ дѣяніяхъ, болѣе тяжкихъ, чѣмъ «похищеніе 28 резинокъ». И все таки «смерчъ» есть катастрофа. А для того, чтобы приводить желѣзную дорогу первостепеннаго значенія въ катастрофическое состояніе, нужны резоны, не столь шаткіе и спорные. Послѣдствія недостаточно мотивированной катастрофы во всякомъ случаѣ на лицо. «Разстройство административныхъ центровъ дороги немедленно отразилось на движеніи грузовъ. Несмотря на двинутую армію служащихъ изъ Европейской Россіи, образовались серьезныя затрудненія въ перевозкахъ, и въ короткое время скопилось до 3000 вагоновъ срочнаго груза» **). До 3000 вагоновъ «скопилось» уже къ началу апрѣля. Въ маѣ

«всякій проѣзжающій отъ ст. Омскъ къ городу Омску можетъ видѣть огромныя скирды сѣна — десятки тысячъ пудовъ,—брошенныя на произволъ судьбы догнивать отъ вѣтровъ и дождя». Сѣно запоздало, «по винѣ желѣзной дороги» и «оказалось ненужнымъ: наступила весна, и уцѣлѣвшій скотъ ушелъ на подножье» ***).

И, разумѣется, не только возлѣ Омска можно видѣть брошенные за опозданіемъ грузы. Опоздало сѣно, опоздали хлѣба, сѣмена, но не опоздали неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ догадки и разговоры, что опозданіе, дескать, не спроста, что разстройство движенія произведено по интригамъ тѣхъ, кому выгодно было сохранить на мѣстныхъ рынкахъ высокія цѣны, и сенаторская ревизія оказалась де ихъ игрушкою и жертвою. Этого, вѣроятно, не было. Но это могло быть. И это, вѣроятно, будетъ,—путь въ сущности свободенъ, большихъ препятствій нѣтъ.

Важнѣйшія отрасли государственнаго вѣдѣнія и управленія захвачены хищниками. И даже сенаторская ревизія, контрольный органъ власти, захватывается ими же. Для хищниковъ настало раздолье. Мирный и нормальный человѣкъ, помимо того, что ему тяжело, живетъ подъ страхомъ вдругъ очутиться за бортомъ, потерять мѣсто, службу, заработокъ, подвергнуться обвиненіямъ, позорящимъ его имя,—именно потому, что онъ человѣкъ порядочный и мѣшаетъ какимъ-либо темнымъ людямъ добиваться ихъ темныхъ цѣлей.

---

*) «Русское Слово», 3 мая.

**) «Русское Слово», 7 апрѣля.

***) «Голосъ Москвы», 16 мая.

Разумѣется, это не только въ отрасляхъ государственнаго вѣдѣнія и управленія. Среди промышленниковъ также вольготно стало тѣмъ, кто умѣетъ фабриковать «національные» сапоги или иными способами пользоваться политической конъюктурой и условіями «концессіоннаго строя». Цѣлый рядъ прочныхъ, старыхъ металлическихъ предпріятій хирѣетъ и раззоряется только потому, что въ Россіи сдѣланъ «чугунный голодъ», а дѣлаетъ его въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ теплая компаніи хищниковъ, внесшихъ дезорганизацію и въ угольную и въ желѣзо-дѣлательную промышленность. И кое для кого этотъ голодъ настолько прибыльное дѣло, что намѣчается не мало такихъ же голодовъ. Между прочимъ, вотъ уже около года опытныя руки работаютъ надъ созданіемъ грандіознаго и грозящаго многими крахами «хлопкового голода». До большой публики доходятъ лишь внѣшнія проявленія подготовительныхъ трудовъ: обостреніе отношеній къ главному поставщику хлопка—къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, статьи націоналистическихъ газетъ, требующія закрыть границу для американскаго ввоза, аналогичныя постановленія нѣсколькихъ націоналистическихъ, октябристскихъ и союзническихъ земствъ, повышенный интересъ нѣкоторыхъ сановниковъ къ среднеазіатскому хлопку... Все это густо и грубо сдобрено криками о патріотизмѣ, еврейскомъ засильѣ и т. д. И отъ всего этого владѣльцы закаспійскихъ «отечественныхъ» хлопковыхъ плантацій стоятъ какъ будто въ сторонѣ. Ихъ почти не слышно. Да и зачѣмъ они будутъ говорить? Они скажутъ свое слово потомъ, когда кампанія увѣнчается успѣхомъ. И еще въ январѣ нынѣшняго года она чуть было не увѣнчалась,—октябристы и законопроектикъ соотвѣтствующій заготовили. Но, во-первыхъ, ихъ удержала министерская «Россія», а во-вторыхъ, противъ нихъ по данному вопросу оказался г. Марковъ-второй. Слишкомъ ужъ смѣлое предпріятіе, оттого и треній много. Но, какъ знать,—быть можетъ и удастся создать такой «голодъ», отъ котораго половина московскаго и лодзинскаго районовъ вылетитъ въ трубу, а нѣсколько человѣкъ наживутъ милліоны.

Дѣльцы, вродѣ Захарія Жданова, расцвѣтаютъ; среди старыхъ солидныхъ фирмъ большіе крахи; голодъ, эпидеміи, чрезвычайная, обостренная пролетаризація крестьянства и бѣшеное грюндерство, головокружительный ажіотажъ, сотни новыхъ концессій... Недаромъ нѣкоторые экономическіе писатели уперлись въ непримиримое, на первый взглядъ, противорѣчіе: съ одной стороны, нищета растетъ, страна находится въ условіяхъ, исключающихъ возможность экономическаго развитія, съ другой—кое-гдѣ и кое въ чемъ какъ будто несомнѣнные признаки промышленнаго оживленія, а для объясненія этого противорѣчія имѣются: усиленное строительство въ крупныхъ городахъ, обусловленное особыми причинами, и разныя спеціальныя ассигнованія (военныя, морскія, желѣзнодорожныя и т. д.). Лично я жалѣю, что экономисты, со-

средоточивающіе свое вниманіе на «признакахъ промышленнаго оживленія», мало замѣчаютъ появленіе новаго фактора—дополнительной опоры для хищниковъ. Быть можетъ, детальный учетъ этого фактора подтвердилъ бы старую истину: «выживаютъ» — оживляются—приспособленные (въ данномъ случаѣ къ хищничеству), «вымираютъ» неприспособленные (въ данномъ случаѣ, солидные); въ частности, можно подмѣтить, что солидный иностранный капиталъ выливается изъ русской промышленности, хищническій вливается въ нее: Ротшильды изъ Баку уходятъ, англійскіе «ленцы» въ Бодайбо приходятъ. Но углубляться въ детальную экономическую оцѣнку новаго фактора здѣсь не мѣсто. А что онъ вообще улучшилъ «кондъюнктуру» хищниковъ и тѣмъ самымъ ухудшилъ положеніе солидныхъ людей, въ этомъ, полагаю, едва ли можно сомнѣваться.

III.

Я ни на минуту не забываю общихъ тѣневыхъ сторонъ землевладѣльческаго и буржуазнаго представительства. Даже въ свободныхъ отъ сословности Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки исторія милліардныхъ состояній тѣсно сплетена съ закулисной исторіей господствующихъ въ парламентахъ политическихъ партій. «Буржуазные» парламенты Западной Европы также далеко не безгрѣшны въ смыслѣ содѣйствія хищникамъ. Но именно поэтому указанную выше черту нашей Думы нельзя считать чѣмъ-то случайнымъ. И нельзя къ ней относиться слегка—вездѣ, молъ, есть такой минусъ. Да, почти вездѣ есть и этотъ, и другіе минусы. Но вездѣ есть и плюсы; изъ нихъ главнѣйшій: охрана и защита извѣстныхъ общенаціональныхъ правъ и основъ гражданской свободы. Соединеніе плюсовъ съ минусами и даетъ остатокъ, которымъ опредѣляется цѣнность представительнаго буржуазнаго строя. Но именно главнаго плюса-то, охраны общенародныхъ правъ и основъ политической свободы у Думы 3 іюня нѣтъ. Не проявлено даже желаніе охранять эти блага. Защитники 3 Думы, за неимѣніемъ лучшихъ аргументовъ, перечисляютъ проведенные черезъ нее «дѣловые законы», Но такой способъ доказательства не можетъ быть убѣдительнымъ: если ужъ говорить о «дѣловыхъ» законахъ, то даже историческая власть въ порядкѣ старомъ за 2 года (съ ноября 1905 г. по ноябрь 1907 г.) дала странѣ больше, чѣмъ Дума за 5 лѣтъ (съ 1 ноября 1907 г. до конца полномочій). Ничего равноцѣннаго отмѣнѣ предварительной цензуры, правиламъ о собраніяхъ и союзахъ, указу о ненаказуемости забастовокъ, отмѣнѣ выкупныхъ платежей, временнымъ правиламъ о старообрядцахъ и сектантахъ, о крестьянскомъ представительствѣ въ земствѣ и т. д., въ багажѣ третьей Думы не содержится. А то отрицательное, что было въ нѣкоторыхъ актахъ (напр., въ указѣ 9 ноября), Думою не только не устранено, но и усугуб-

лено. Гадать, что дала бы власть странѣ за 5 лѣтъ, не будь Думы,—занятіе безплодное. Но цѣлый рядъ не безполезныхъ законопроектовъ правительства Дума тормозила, кое-что и ухудшала. Плюсы представительства 3 іюня во всякомъ случаѣ спорны и гадательны. И на долю страны остаются, такимъ образомъ, минусы. Все худшее, что свойственно «буржуазно»-представительному строю, мы получили. Того лучшаго, что въ немъ цѣнно, намъ не дано. Въ этомъ и секретъ «парламента безъ конституціи».

А затѣмъ есть и другое серьезное отличіе.

Минусы «парламентовъ съ конституціей» существуютъ, несмотря на свободу печати, на свободу собраній, на право петицій, несмотря на широко поставленную организацію общественнаго контроля. Этихъ важныхъ коррективовъ у насъ или совсѣмъ нѣтъ, или они находятся въ зачаточномъ состояніи. Этого вполнѣ достаточно, чтобы минусы, выпавшіе на нашу долю, получили размѣръ и характеръ общественнаго бѣдствія.

Наконецъ, хищничество, живущее въ «буржуазныхъ» партіяхъ конституціонныхъ странъ, въ самихъ же партіяхъ находитъ нѣкоторый контроль и ограниченіе. Не надо забывать, что, каковы бы ни были западныя «буржуазныя», націоналъ-либеральныя или консервативныя политическія партіи, но съ ними наши «союзники», «націоналисты», «октябристы» имѣютъ немного сходства. На недавнемъ съѣздѣ «представителей городскихъ и сельскихъ отдѣловъ союза русскаго народа Кіевской губерніи» извѣстный г. Б. Никольскій высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

«Намъ, господа,—говорилъ онъ—надо серьезно призадуматься и поработать... Мы темны и невѣжественны въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ политики (в ъ з а л ѣ д в и ж е н і е). Посмотрите на нашихъ противниковъ. Вѣдь, всѣ эти революціонеры и агитаторы слѣва не только грамотны, они часто глубоко образованы и знаютъ хорошо бытъ и нужды не только русскихъ людей, но и заграничныхъ. А мы съ своею темнотою,—что мы въ состояніи сдѣлать съ нашими врагами? Вотъ почему, господа, намъ необходимо приняться за просвѣщенье темныхъ союзническихъ массъ, необходимо открывать на мѣстахъ библіотеки, выписывать журналы и проч.» *)

По русскимъ условіямъ, это—смѣшно. Если союзники станутъ учиться, заводить библіотеки, читать журналы, то любой урядникъ быстро замѣтитъ, что они совсѣмъ не «патріоты», а «крамольники». Но именно потому оно и смѣшно, что нѣтъ «союзническихъ м а с с ъ». Нѣсколько десятковъ или хотя бы сотенъ человѣкъ подъ начальствомъ самого Ромула составляютъ всего только шайку, для которой нѣтъ нужды очень интересоваться искусствами и науками. Но десятки тысячъ народа—это уже не шайка, а Рим-

*) „Кіевская Мысль“, 30 марта.

ская республика, внутри которой естественно создается потребность и въ наукахъ, и въ искусствахъ, и во всемъ прочемъ, что необходимо для охраны и защиты большихъ коллективныхъ интересовъ. Если европейскія политическія партіи могутъ быть сравнены по своей обширности съ Римской республикой, то наши націоналисты, союзники и октябристы—всего только шайки. И въ западное-вропейскихъ партіяхъ есть хищничество, но тамъ сама партія ставитъ своему члену-хищнику предѣлы: не дальше, чѣмъ позволяетъ общій коллективный интересъ. И чѣмъ шире партія, чѣмъ сложнѣе,—такъ сказать многомилліоннѣе ея коллективный интересъ, тѣмъ меньше въ ней мѣста для хищниковъ: съ аграріями хищники въ дружбѣ, съ буржуазіей ладятъ, съ демократическими—напр., рабочими партіями—имъ совсѣмъ не по дорогѣ. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются лишь тѣ небольшія численно группы, которыя воодушевлены высокими идеалами, борются не за свои личные или групповые интересы, но и за общенародное благо. Но это—исключеніе, которымъ подтверждается правило. Совокупность интересовъ, входящихъ въ понятіе общенароднаго блага,—такая огромная величина, что даже представленіе о ней ставитъ человѣка на большую моральную высоту. Представленіе о благахъ еще болѣе обширнаго коллектива—человѣчества—уже совершенно несовмѣстимо съ хищничествомъ. Наши маленькія группы октябристовъ, націоналистовъ, конечно,—не борцы ни за общечеловѣческіе, ни за народные интересы. И у насъ если одесскій резинщикъ пожелаетъ хищничать, то встрѣтитъ препятствіе лишь тогда, когда залѣзетъ въ карманъ, напр., гр. Коновницына; или—если г. Борисъ Никольскій захочетъ орудовать кулаками, то найдетъ предѣлъ не раньше, чѣмъ заѣхавъ въ физіономію г. Николая Маркова... Только своихъ не трогай, а съ прочими, т. е. собственно со всею страною, дѣлай, что хочешь,—хоть хищничай, хоть и прямо разбойничай.

Отсюда безпредѣльное хищничество. Отсюда же и безпардонное опустошеніе. Пусть попытался бы какой-либо министръ народнаго просвѣщенія, напр., въ Пруссіи поступать такъ, какъ во времена третьей Думы и отчасти при содѣйствіи «партій» ея большинства поступаетъ г. Кассо. Легко представить, что заговорили бы тамошнія буржуазныя партіи и въ парламентѣ, и въ странѣ. И понятно: онѣ—большія величины, и для нихъ школа и наука—предметъ насущной необходимости. Но союзники, но націоналисты, но октябристы, которые правой рукой посылаютъ г-ну Кассо воздушные поцѣлуи, а лѣвой грозятъ пальчикомъ,—развѣ это—величины, для которыхъ науки и искусства не могутъ не быть дорогимъ, кровнымъ дѣломъ? Пусть попробуетъ кто-либо въ Германіи: 1) сдѣлать то съ Гамбургомъ, что у насъ дѣлаютъ «союзники» съ Одессой; 2) наносить тѣ удары торговлѣ и промышленности, какія наносятся у насъ «юдоѣдами»; 3) поступить съ германскими ма

гистралями такъ же, какъ поступаютъ наши «патріоты», напр., съ Юго-западными и Сибирскими дорогами. Что скажетъ тогда коллективный интересъ нѣмецкой торговли и промышленности, классовое сознаніе германскихъ буржуазныхъ партій? Коллективный интересъ торговли и промышленности кое-что говоритъ и въ Россіи. Но онъ столь далекъ отъ тѣхъ маленькихъ приходовъ, которые называются «партіями» думскаго большинства, что съ колокольни октябристовъ, націоналистовъ или союзниковъ его почти не видно. Зато съ этой колокольни прекрасно видны свои маленькія приходскія дѣлишки: А получилъ концессію, Б цѣною келейныхъ услугъ обезпечилъ себѣ мѣсто директора въ акціонерномъ предпріятія, В взялъ хорошій подрядъ, маленькому человѣчку Г обѣщано мѣстечко жандармскаго вахмистра, Гололобовъ попалъ въ вице-губернаторы, Пуришкевича прочатъ въ товарищи министра, Балашева—въ министры...

Актъ 3 іюня вручилъ рѣшающую роль въ Думѣ представителямъ дворянства и крупной буржуазіи. На эти двѣ группы возлагалось дать «богатырей мысли и дѣла». Вмѣсто богатырей, представляющихъ интересы землевладѣнія и торгово-промышленнаго капитала, получилось что-то такое, передъ чѣмъ и дворянство, и буржуазія останавливаются съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

„Увы,—пишетъ кн. Мещерскій,—по всему, что до меня доходитъ изъ офиціальныхъ сферъ, я долженъ придти къ заключенію, что никакихъ измѣненій въ директивахъ, исходящихъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ руководительству выборами, не имѣется и не будетъ имѣться въ виду, и опять, какъ пять лѣтъ назадъ, подъ покровительство властей будутъ проходить кандидаты изъ столыпинскихъ партій октябристовъ и націоналистовъ. А разъ это такъ будетъ, то, очевидно, никто въ Россіи пальцемъ не шевельнетъ, чтобы, вмѣсто прохвоста націоналиста или октябриста, могъ быть избранъ честный и хорошій человѣкъ изъ безпартійныхъ. Значитъ, Россія и правительство опять получатъ въ лицѣ четвертой Думы второе изданіе третьей, съ тѣми же холопами, съ тѣми же болтунами, съ тѣми же комедіантами, неспособными къ законодательной работѣ и пригодными только для интригъ, для глупыхъ запросовъ и для невѣжественной болтовни. Почему правительство думаетъ или, вѣрнѣе, можетъ думать, что, придерживаясь, какъ святыни, неумныхъ выборныхъ традицій и взглядовъ Столыпина, оно что-нибудь выиграетъ,—этого я понять не могу, да и никто изъ преданныхъ правительству русскихъ людей понять не можетъ.

Для думскихъ «правыхъ» кн. Мещерскій находитъ эпитеты не менѣе энергичные, чѣмъ для націоналистовъ и октябристовъ. Его надежды улучшить представительство, между прочимъ, дворянскаго сословія, путемъ приказа, чтобы выбирали «хорошихъ людей изъ безпартійныхъ», разумѣется, смѣшны. Но о нихъ все таки не лишне сказать нѣсколько словъ. На мѣстѣ нынѣшнихъ націоналистовъ и были безпартійные, «умѣренно-правые» «упокойники». Пожелаетъ начальство—они и опять могутъ назваться безпартійными. Суть не въ томъ, какъ называются дѣятели, избранные сословіемъ, наибо-

Библиотека В.О.П.

лѣе цѣннымъ и дорогимъ съ точки зрѣнія кн. Мещерскаго. Важнѣе то, что нужно этому сословію получить въ Думѣ и черезъ Думу. Его требованія достаточно извѣстны по подготовительнымъ работамъ на съѣздахъ и въ совѣтѣ объединеннаго дворянства. Объ ихъ характерѣ можно судить на примѣрѣ законопроекта, предлагающаго усилить репрессіи «за похищеніе и поврежденіе чужого лѣса, а также за самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго». Беру этотъ примѣръ, какъ «самый свѣжій»,—законопроектъ былъ поставленъ Думою въ концѣ мая. И нѣсколькихъ замѣчаній со стороны правыхъ крестьянъ оказалось достаточно, чтобы думское большинство почувствовало неловкость, и законопроектъ отложили въ долгій ящикъ,—поступили такъ же, какъ поступало въ прежніе годы и правительство со многими требованіями, выходившими изъ нѣдръ сословія,—напр., о надѣленіи дворянъ сибирскими землями, о выселеніи китайцевъ изъ Манчжуріи въ Европейскую Россію въ качествѣ крѣпостныхъ душъ и т. д. О такихъ «сословныхъ нуждахъ» не всякій рѣшиться говорить вслухъ. Ихъ нелегко защищать съ государственной точки зрѣнія, обязательной для Государственной Думы. И немудрено, если для публичной защиты «идеаловъ», которые выдвигаются объединеннымъ дворянствомъ, понадобились таланты г. Маркова II, г. Пуришкевича, гр. В. Бобринскаго... «По дѣлу и дѣятели». Поставьте другія задачи, и въ нѣдрахъ того же дворянскаго сословія вы найдете дѣятелей иного закала, иныхъ талантовъ. Но едва ли можно надѣяться, что сословныя «директивы» станутъ иными, чѣмъ онѣ были до 1905 года и въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Кн. Мещерскій, если ему не нравится зеркало бессарабской фабрикаціи, имѣющее форму полишинеля, можетъ брать зеркала иныхъ формъ, иныхъ фабрикъ,—саратовскихъ, тамбовскихъ, орловскихъ, калужскихъ... Но какое бы онъ ни взялъ зеркало, взглянувъ въ него, онъ увидитъ все ту же физіономію.

Промышленникамъ также не нравится физіономія, которую они видятъ въ зеркалѣ 3 іюня. Они также хотятъ предъявить болѣе привлекательную даже для нихъ самихъ наружность. И у нихъ, на первый взглядъ, болѣе серьезный планъ. Между прочимъ,

„при совѣтѣ съѣздовъ представителей торговли и промышленности состоялось совѣщаніе, посвященное вопросу объ активномъ участіи въ предвыборной борьбѣ". Вопросъ этотъ былъ возбужденъ на послѣднемъ съѣздѣ. Группа членовъ съѣзда предложила особымъ воззваніемъ къ избирателямъ „указать... на дефекты дѣятельности Государственной Думы третьяго созыва въ области торговли и промышленности. Эти недочеты, по мнѣнію совѣта съѣзда, объясняются недостаточнымъ представительствомъ, которое имѣли торговля и промышленность въ третьей Государственной Думѣ" *).

---

*) „Русскія Вѣдомости", 1 іюня.

«Имѣли недостаточное представительство» и не могутъ имѣть достаточное: законъ такъ распредѣляетъ мѣста между землевладѣніемъ и торгово-промышленностью... Но о несовершенствѣ избирательнаго закона 3 іюня ни съѣздъ, ни инициаторы съѣзда, ни совѣтъ съѣздовъ не говорятъ,—по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе. А созванное совѣтомъ совѣщаніе «высказалось»

«противъ обращенія къ избирателямъ съ особымъ воззваніемъ, мотивируя свое постановленіе тактическими соображеніями. Предвыборную агитацію рѣшено вести при помощи періодическихъ изданій, издаваемыхъ съѣздомъ. Для выработки же единства дѣйствій и солидарности рѣшено созывать совѣщанія изъ представителей торговли и промышленности» *).

Планъ кампаніи вкратцѣ таковъ: «торгово-промышленный классъ призывается къ солидарности въ цѣляхъ провести въ четвертую Думу большее количество депутатовъ-представителей торговли и промышленности»; проводить ихъ, конечно, надо, привлекая голоса избирателей, но къ послѣднимъ не надо обращаться съ избирательнымъ воззваніемъ... «Продать поросенка въ мѣшкѣ»—такъ, если не ошибаюсь, это называется на коммерческомъ языкѣ. Продаютъ поросенка въ мѣшкѣ, разумѣется, по такимъ «тактическимъ» соображеніямъ, о которыхъ неудобно говорить вслухъ. Но ихъ обыкновенно понимаютъ покупатели. Легко они могутъ быть поняты и въ данномъ случаѣ. Главное соображеніе, вѣроятно,—партійная «разнородность торгово-промышленнаго класса». Часть класса вливается въ ряды интеллигенціи,—больше возлюбила дальнее, народное, а не ближнее, классовое. «Совѣтъ съѣздовъ», конечно, не посовѣтуетъ вручать защиту классовыхъ интересовъ этимъ «измѣнникамъ». Но «деклассированные элементы» не составляютъ численно значительной величины. Рѣчь идетъ о настоящихъ «классовыхъ элементахъ». И съ ихъ разнородностью, конечно, нельзя не считаться. Одни изъ нихъ вливаются въ «черный блокъ», заключаемый правыми, октябристами, націоналистами и поддерживаемый правительствомъ. Другіе быстро приспособили для своихъ надобностей предложенную М. М. Ковалевскимъ «идею», и выступаютъ подъ флагомъ безпартійныхъ прогрессистовъ, пріятно разрисованнымъ, но безъ обязывающихъ надписей,—спеціально занимаются продажей поросенка въ мѣшкѣ. Получается расположеніе силъ, особенно рельефное въ Москвѣ: «группа Кноппа и Крестовникова» и ея органъ «Голосъ Москвы», «группа Рябушинскихъ», ея органъ «Утро Россіи. Выпустить воззваніе, объединяющее оба крыла и одинаково для нихъ пріемлемое, разумѣется, мудрено. Да и нѣтъ въ немъ надобности. «Рябушинцы» будутъ выпускать свои воззванія, вступать въ соглашенія съ кадетами, проводить своихъ кандидатовъ голосами лѣвыхъ. «Кнопписты»—будутъ въ блокѣ съ правыми. А «совѣтъ съѣз-

*) Тамъ же.

довъ» предполагаетъ созывать совѣщанія, гдѣ и «кнопписты», и «рябушинцы» могутъ обсудить по семейному, какъ бы провести побольше «нашихъ», чьими бы голосами они ни были избраны въ первой стадіи и на кого бы ни опирались въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Казалось бы, какъ можно столковаться людямъ разныхъ политическихъ взглядовъ? Но это лишь казалось бы. О политикѣ «рябушинцы» и «кнопписты» мыслятъ разно: одни за свободу, другіе за «порядокъ»; судя по отдѣльнымъ выпадамъ «Утра Россіи», одни въ политикѣ не прочь хоть Франціи подражать, другіе достаточно проявили себя въ третьей Думѣ. Но лишь только дѣло отъ политики переходитъ къ экономикѣ, разногласіе исчезаетъ, и передъ нами почти одинаково пріемлемая для обоихъ противниковъ «программа» совѣта съѣздовъ и другихъ организацій «объединеннаго капитала»: покровительственныя пошлины, преміи, субсидіи, поменьше налоговъ на капиталъ, и, разумѣется, laissez faire, laissez passer. Судя по тому, что пишется въ «Утрѣ Россіи», «рябушинцы» пріемлютъ laissez faire, laissez passer съ неудобными для нихъ послѣдствіями: власть, конечно, не должна вмѣшиваться, если капиталъ одерживаетъ верхъ надъ трудомъ, но неловко требовать вмѣшательства и тогда, когда трудъ одерживаетъ верхъ надъ капиталомъ; власти нѣтъ дѣла, если промышленники составляютъ стачку для локаута или монополизированія рынка и игры цѣнами, но неловко требовать отъ власти, чтобы она запрещала стачки рабочихъ, коопераціи производителей сырья, организаціи потребителей готоваго продукта. Однако, если судить не только по «Утру Россіи», но и по выступленіямъ «объединеннаго капитала», то православныхъ поклонниковъ экономическаго либерализма и среди рябушинцевъ не такъ ужъ много; замѣтно преобладаетъ «истинно-русское», еретическое толкованіе: капиталу полная свобода, а легализація, напримѣръ, рабочихъ стачекъ недопустима, институтъ рабочихъ старостъ долженъ быть упраздненъ... Словомъ, отличная «программа» у «объединеннаго капитала»; нѣкоторыя детали ничуть не лучше проекта разбить удобныя сибирскія земли на «культурныя гнѣзда». И аргументы для обоснованія этой программы прямо таки великолѣпны. Не даромъ статистическія вольности совѣта съѣздовъ возмутили даже гр. С. Ю. Витте, — а ужъ онъ ли не другъ россійской промышленности и торговли?

Конечно, кромѣ «объединеннаго (крупнаго) капитала», есть еще капиталъ мелкій и средній. Вполнѣ вѣроятно, что у него иная «программа». Но онъ не объединенъ,—сдѣланы лишь попытки къ его объединенію. И ему законъ 3 іюня отводитъ болѣе чѣмъ скромную роль въ законодательныхъ трудахъ. Въ немъ, пожалуй, найдутъ опору «рябушинцы», выступившіе подъ флагомъ «прогрессистовъ»; быть можетъ, его голосами они будутъ проходить. Но не ему принадлежитъ рѣшающее слово,—не ему уже по одной той

причинѣ, что у него очень мало именованныхъ величинъ. И вотъ я представляю себѣ, что планъ удался; сверхъ всякаго чаянія, въ Думѣ образовалось даже не относительное, «руководящее», а абсолютное большинство представителей торговли и промышленности. Планъ удался въ самомъ либеральномъ смыслѣ—сплошь прошли «рябушинцы», «прогрессисты», они желаютъ охранять національныя права, добиваться политическихъ свободъ. Пусть даже они не обращаютъ вниманія на то, что впереди—Государственный Совѣтъ, съ которымъ г. Гучковъ уже «сосчитался» своими боками. Но, если г. Коковцевъ, напримѣръ, чуть-чуть ущемитъ кредитъ по линіи «борцовъ за свободу», то не получится ли тотъ же «парламентъ безъ конституціи» съ общими всѣмъ парламентамъ минусами, но безъ главнѣйшихъ плюсовъ? Политическій либерализмъ едва ли расцвѣтетъ, и на сцену долженъ выступить гораздо болѣе интересный объединенному капиталу «либерализмъ экономическій» съ плачами о поощреніяхъ, преміяхъ, защитительныхъ тарифахъ и со всѣми прочими атрибутами слишкомъ поощряемаго и чрезвычайно паразитарнаго капитала. Но «экономическій либерализмъ» этого рода удобно проводить тѣми келейными путями, какими ведетъ свою политику совѣтъ съѣздовъ промышленности и торговли. Для публичной трибуны и притомъ законодательнаго собранія, гдѣ какъ-никакъ обязательна государственная точка зрѣнія, онъ во многихъ своихъ частностяхъ столь неудобенъ, что требуетъ, напримѣръ, талантовъ предсѣдателя думской рабочей комиссіи бар. Тизенгаузена, а передъ иными частностями и самъ бар. Тизенгаузенъ спасуетъ.

Представительство 3 іюня, конечно, не можетъ быть неизмѣнною величиною. Сообразно настроенію тѣхъ слоевъ, которые призваны играть въ немъ роль хозяина, оно можетъ быть нѣсколько лѣвѣе и нѣсколько правѣе. Но въ немъ, какъ въ зеркалѣ, неминуемо должны отразиться: подготовленная исторіей степень дегенераціи господствующаго сословія и созданная экономической политикой послѣднихъ десятилѣтій степень паразитизма главенствующаго класса; должны отразиться и свойственные этой степени спутники дегенераціи и паразитизма: дряблость, аморальность и т. д. Въ данное время 3 Дума, быть можетъ, нѣсколько устарѣвшее зеркало; но она — вѣрное зеркало, и напрасно на него пеняютъ.

Въ сущности, роковое учрежденіе эта «Дума 3 іюня». «Зубры», сколько имъ угодно, могутъ ревѣть на нее. Пустяки, будто она пріучила ихъ къ представительному строю. Но долженъ же кто-нибудь мѣшать выполненію возложенной на правительство непремѣнной обязанности обезпечить населенію неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, собраній, союзовъ и т. д. А если Думы не будетъ, то кто же будетъ мѣшать правительству? «Мѣшать отъ имени народа» осуществленію манифеста 17 октября, помимо Думы, некому. И ставить бланки на векселяхъ некому. Въ этомъ и кое въ чемъ другомъ,

столь же плодотворномъ для страны, залогъ, что Думу не прекратятъ. Не такъ давно появились было извѣстія о группѣ депутатовъ, которая якобы намѣрена просить о возвратѣ къ положенію 6 августа 1905 г.,—т. е. о замѣнѣ законодательныхъ правъ Думы законосовѣщательными. Теперь объ этой затѣѣ не слышно, и едва ли затѣйниковъ очень похвалятъ тамъ, гдѣ они могли разсчитывать на похвалу: законосовѣщательная Дума не можетъ такъ «мѣшать» правительству, какъ законодательная, а сверхъ того, при законосовѣщательномъ порядкѣ мнѣнія большинства и меньшинства юридически равноправны и одинаково доводятся до рѣшающихъ инстанцій. И меньшинство воспользуется возможностью доводить до послѣднихъ такія мнѣнія, которыя трудно игнорировать. До нѣкоторой степени это шло бы навстрѣчу соціалъ-демократической думской тактикѣ—срывать покрывала и вынуждать къ постановкѣ точекъ надъ і. Хороша и нужна именно такая Дума, какъ теперь. И логично въ ней именно то, что наиболѣе хищно и безпардонно. И этимъ опредѣляются главные итоги мѣры 3 іюня. Она привела къ результату, во всякомъ случаѣ, оригинальному: устраняя лѣвую опасность, реакція очутилась передъ опасностью, едва ли болѣе пріятною: грядущая волна событій можетъ найти тамъ, гдѣ полагается быть грознымъ твердынямъ бюрократіи, одни обломки, обглоданныя кости, «рожки да ножки», а то и совсѣмъ пустое мѣсто,—все до тла, пожалуй, растащутъ господа «сотрудники правительства», и растащутъ даже не по складамъ класса и не по амбарамъ сословія, а зря, по союзническимъ чайнымъ, по квартирамъ студентовъ-академистовъ, по трактирамъ, по ресторанамъ, по домамъ свиданій, по конторамъ темныхъ концессій... Бывали въ исторіи такіе прецеденты. И, между прочимъ, у насъ же на Руси такъ было 300 лѣтъ назадъ: растащили буквально все: и казну и власть, такъ что странѣ пришлось все учреждать заново. Кстати, по случаю 3 іюня и 5 лѣтъ назадъ въ охранительномъ лагерѣ не всѣ шампанское пили; иные сомнительно покачивали головою и говорили, что это Столыпинъ дѣлаетъ ошибочный шагъ, поворачиваетъ въ опасный тупикъ. Тогда это было чисто теоретическое опасеніе. Теперь для него имѣются нѣкоторыя фактическія основанія. Слѣпота реакціонеровъ не позволяетъ имъ ясно видѣть и вполнѣ оцѣнить эту опасность. Только умнѣйшіе изъ нихъ—какъ кн. Мещерскій—кое-что чувствуютъ и кое о чемъ догадываются. Но если даже они вполнѣ догадаются, то едва ли найдутъ способъ исправить грозныя и для власти, и для страны послѣдствія ошибки 3 іюня.

А. Петрищевъ.

Кто виноватъ?

(Нѣсколько словъ «Русскому Инвалиду»).

— Обратили-ли вы вниманіе на два номера «Русскаго Инвалида», въ которыхъ военный официозъ говоритъ о статьяхъ «Русскаго Богатства»?

Этотъ вопросъ мнѣ предложилъ одинъ изъ нашихъ читателей, бывшій военный, продолжающій интересоваться военными вопросами и военной литературой.

Мнѣ пришлось отвѣтить, что, къ сожалѣнію, на эти номера мы какъ-то вниманія не обратили. Столько теперь «полемизируютъ», и часто полемизируютъ въ такомъ тонѣ, что далеко не за всѣмъ услѣдишь, и далеко не за всѣмъ стоитъ слѣдить. Къ сожалѣнію, и въ военной прессѣ, которой подобала-бы, повидимому, особая сдержанность выраженій, нерѣдко встрѣтишь «статьи», ничѣмъ не отличающіяся отъ расхожей черносотенной печати. Есть, напримѣръ, журналъ «Военный Міръ»; въ этомъ журналѣ въ мартѣ мѣсяцѣ была напечатана замѣтка «Ритуальное убійство», которая по рѣшительности заключеній, по литературности и по общему тону могла бы украсить страницы «Двуглаваго Орла», издаваемаго въ Кіевѣ извѣстнымъ «студентомъ» Голубевымъ. «Возмущенные горожане едва не произвели рѣзни евреевъ. И только благодаря стараніямъ бургомистра эта *справедливая месть* (курсивъ мой) не была приведена въ исполненіе» *). Это говорится по поводу одного изъ «историческихъ» эпизодовъ съ ритуальными убійствами, и напечатано это не въ уличномъ черносотенномъ листкѣ, а въ «Военномъ Мірѣ». Такимъ образомъ, для этого военнаго органа ничего не разбирающій погромъ не есть грубое проявленіе дикаго самосуда; а убійство озвѣрѣлой толпой женщинъ, стариковъ, дѣтей является осуществленіемъ «справедливой мести». Понятно, какими полемическими перлами украшаютъ такіе авторы свои статьи по адресу инакомыслящихъ, и какъ мало поучительнаго можно найти въ такихъ «выступленіяхъ»...

Нашъ собесѣдникъ находилъ, однако, что «Русскій Инвалидъ»— не «Военный Міръ», и что со статьями его по нашему адресу и съ обвиненіями, которыя онъ противъ насъ выдвигаетъ, ознакомиться не мѣшаетъ.

Мы ознакомились, и отсюда—эта нѣсколько запоздалая замѣтка.

Рѣчь въ «Р. Инвалидѣ» **) идетъ о статьяхъ нашихъ сотрудниковъ: г-на Мстиславскаго («Помпонная идеологія» и «Безъ

*) «Военный Міръ» 1912, № 3.
**) См. №№ 72 и 73.

евреевъ») и г-на Ѳ. Кр. («Армейская дидактика»). Статей г-на Мстиславскаго мы пока касаться не будемъ. Читателямъ извѣстно, что по этому поводу мнѣ, редактору «Русскаго Богатства», придется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вести «полемику» въ судебныхъ инстанціяхъ. Еще недавно въ русской печати всѣхъ направленій было принято въ такихъ случаяхъ пріостанавливать полемику до судебнаго разбирательства. Но... не по одному только этому вопросу литературнаго поведенія мы, вѣроятно, разошлись бы съ нашими оппонентами изъ «Русскаго Инвалида». Да и вопросъ по нынѣшнимъ временамъ слишкомъ ужъ «тонкій».

Есть кое-что и погрубѣе, въ чемъ, повидимому, договориться было бы легче. Касаясь «Помпонной идеологіи», авторъ полемики говоритъ, между прочимъ, что г. Мстиславскій «понадергалъ особеннымъ остроумнымъ, но не серьезнымъ образомъ подлинныя цитаты изъ статей «Русск. Инвалида», «Развѣдчика», «Вѣстника русской конницы», изъ коихъ «совершенно искусственно создаетъ картину ничтожества военной среды». Мы были-бы очень огорчены, еслибы кто-нибудь доказалъ, что нашъ сотрудникъ неправильно распорядился съ цитатами. Къ счастью, никто еще не попытался этого доказывать (и нашъ оппонентъ признаетъ цитаты «подлинными»). Но насъ радуетъ, что, повидимому, у насъ съ авторомъ изъ «Русскаго Инвалида» есть хоть одна общая отправная точка: очевидно, и въ военномъ органѣ признается, что съ цитатами надо обращаться добросовѣстно, и что «жонглированіе фразой» есть вещь предосудительная...

Очень жаль только, что офиціозная газета не считаетъ это правило обязательнымъ на своей собственной территоріи. Вотъ, напримѣръ, какъ ея авторъ передаетъ своимъ читателямъ мысли противника: онъ (г. Ѳ. Кр., авторъ статьи «Армейская дидактика» въ мартовской книжкѣ «Р. Богатства») «становится въ позу, извергаетъ изъ себя фонтанъ фразъ на тему о зависимости русскаго обывателя отъ «опричника-армейца» и т. д. Намъ кажется, что если, вмѣсто того, чтобы привести точно слова противника, говорятъ объ его позѣ и о фонтанѣ, то это и есть «жонглированіе фразой», въ которой «Р. Инвалидъ» обвиняетъ другихъ. Еще хуже, когда чужія якобы слова неправильно ставятся въ ковычки. Ковычки всегда подчеркиваютъ «дословность» цитируемаго, и читатели «Инвалида», вѣроятно, удивятся, когда узнаютъ, что во всей статьѣ г. Ѳ. Кр. слова «опричники-армейцы» не встрѣчаются ни разу, и никакихъ «фразъ о зависимости обывателя» вообще нѣтъ. Авторъ идетъ еще далѣе: онъ приписываетъ г-ну Ѳ. Кр. «возмутительную картину, на подобіе той, которая представилась глазамъ кн. Серебрянаго, увидѣвшаго опричниковъ съ песьими головами» и т. д. Итакъ, нашъ военный полемистъ сначала незамѣтнымъ образомъ втискиваетъ свое собственное выраженіе въ чужія ковычки, а потомъ по ассоціаціи приписываетъ противнику картину, которой

въ разбираемой статьѣ тоже нѣтъ. Есть даже какъ разъ обратное: «Я имѣю основаніе думать, говоритъ г-нъ Ѳ. Кр., что *далеко не вся армія* проникнута такими представленіями о порядочности и чести, какія рекомендуетъ г. Кульчицкій и нѣкоторые военные воспитатели». И дальше онъ приводитъ мнѣнія другихъ военныхъ, что «армія есть только часть цѣлаго, плоть отъ плоти, кость отъ костей своей націи» *)... и т. п.

Какъ видите, авторъ не только не изображаетъ всю данную среду опричиной съ песьими головами, но, наоборотъ, старается защитить ее отъ огульнаго обвиненія въ тѣхъ взглядахъ, на которые нападаетъ. Полагаю, мы вправѣ поэтому вернуть «Русскому Инвалиду» упрекъ въ жонглированіи фразами, съ непріятнымъ прибавленіемъ, что даже и сами фразы, которыми «жонглируютъ» на его страницахъ, *не подлинныя*.

Есть, увы!—и другія, не болѣе изящныя черты этой офиціозно-военной полемики, на которыхъ мы не станемъ останавливаться подробно. Вотъ, напримѣръ, взятыя на-удачу фразы: «Съ ловкостью, какой позавидовалъ-бы и всякій другой (?!) еврей»... Удивительно «тонкій» и убійственный намекъ, что г. Мстиславскій—еврей. Не значитъ-ли это, однако, слишкомъ развязно утверждать болѣе того, чѣмъ знаешь? Правда, вопросъ для насъ довольно безразличенъ: участіе евреевъ мы ни мало не считаемъ предосудительнымъ, хотя-бы это были и не Гурлянды, оказывающіе такія цѣнныя услуги офиціозной «Россіи». Къ сожалѣнію, однако, «Русскій Инвалидъ» позволяетъ себѣ говорить больше (и даже безконечно больше) того, что знаетъ, и не въ столь безобидной области. Онъ говоритъ, и говоритъ дважды (по поводу статей г-на Мстиславскаго) о какихъ-то таинственныхъ «заказахъ» («хорошо исполненный заказъ», «по тому же, вѣроятно, заказу»). Намекъ ясенъ: рѣчь, очевидно, идетъ о «еврейскихъ заказахъ», иначе говоря—о литературной подкупности. Писать по такимъ побужденіямъ есть величайшая гнусность. Кто, дѣйствительно, способенъ этимъ возмущаться, тотъ прежде всего обращается съ такими обвиненіями осторожно и не позволитъ себѣ кидать грязные намеки вскользь, мимоходомъ, безъ основаній и доказательствъ... Кто дѣлаетъ это, тотъ, очевидно, не способенъ чувствовать всю силу такого обвиненія. Сдержанность, пропорціональная серьезности обвиненія, обязательна для всякаго, кто хочетъ оставаться джентльменомъ въ печати. Легкость, съ которой перекидывается такими полемическими аргументами уличная пресса,—едва-ли приличествуетъ тону офиціоза, и притомъ еще военнаго... Таково наше гражданское мнѣніе по этому вопросу литературной этики. «Рус. Инвалидъ», повидимому, думаетъ иначе...

*) Тоже подчеркивается и въ статьяхъ г-на Мстиславскаго.

II.

Все это (вплоть до неподлинныхъ ковычекъ) довольно, какъ видитъ читатель, непріятно. И если, все таки, мы рѣшаемся вернуться къ статьѣ «Русскаго Инвалида», то лишь потому, что нападеніе военнаго офиціоза ставитъ по существу нѣкоторые вопросы изъ такой области, въ которой «гражданская точка зрѣнія» сильно расходится съ точкой зрѣнія военной (впрочемъ, только даннаго момента).

Рѣчь идетъ о книжкѣ г-на В. М. Кульчицкаго.

В. М. Кульчицкій—человѣкъ, очевидно, военный, книга называется «Совѣтъ молодому офицеру». Въ предисловіи ея сказано, что цѣль ея изданія—избавить молодыхъ офицеровъ отъ промаховъ и ошибокъ, какъ въ частной жизни, такъ и на службѣ, что тутъ собраны старыя, но вѣчно новыя истины, и т. д. Дальнѣйшую ея характеристику читатель можетъ возобновить въ памяти по «Русскому Богатству» (мартъ).

Книжка отчасти смѣшная. Съ этимъ какъ будто готовъ согласиться и защитникъ ея изъ «Русскаго Инвалида». Онъ допускаетъ, что, «какъ всякіе совѣты, сводящіеся иногда къ нѣсколько смѣшнымъ «правиламъ хорошаго тона», брошюрка эта представила богатое поле для изощренія остроумія»... Допускаетъ даже, «что «Совѣты молодому офицеру», дѣйствительно, заслужили, чтобы надъ ними посмѣялись»... Но затѣмъ авторъ спохватывается и заявляетъ, что это онъ допускаетъ лишь на секунду («*всякіе* совѣты этого рода нѣсколько смѣшны... *на секунду*»). Есть въ ней и сторона очень серьезная. «Наряду со смѣшными (опять на секунду)? совѣтами въ родѣ указанія, что въ обществѣ не совсѣмъ прилично закладывать ногу на ногу, авторъ обличенія армейской дидактики выуживаетъ и «страшные» совѣты, какъ поступать въ случаяхъ, когда офицеру приходится пускать въ ходъ оружіе. Необходимость оговорить и такой случай изъ жизни непредубѣжденному сознанію должна быть понятной. Стоитъ вспомнить гибель несчастнаго Піотухъ-Кублицкаго, заплатившаго жизнію именно за неумѣніе рѣшить этотъ вопросъ, въ результатѣ чего драма оскорбленнаго, но не отомщеннаго въ глазахъ современнаго общества (?) человѣка и самоубійство». «*Сознанію автора* разбираемой статьи (говорится далѣе въ статьѣ «Русскаго Инвалида») *такая простая логика вещей, повидимому, не подъ силу*».

Никогда не слѣдуетъ выставлять своихъ противниковъ слишкомъ глупыми. Откуда авторъ взялъ, что г. Ѳ. Кр. возражаетъ противъ «необходимости говорить» о тѣхъ случаяхъ, когда «офицеру приходится пускать въ ходъ оружіе» не противъ нападающаго врага и даже не въ случаѣ открытаго возстанія,—а противъ

безоружныхъ соотечественниковъ, въ личныхъ столкновеніяхъ, гдѣ офицеръ является и спорящей стороной, и судьей въ собственномъ дѣлѣ, и исполнителемъ смертной казни. Нѣтъ, говорить объ этомъ надо, и мы теперь не возвращались-бы къ книжкѣ г. Кульчицкаго, если-бы военный офиціозъ *именно этого пункта не взялъ подъ свою авторитетную защиту...*

Да, говорить нужно. Но — какъ и что говорить, въ этомъ именно заключается узелъ вопроса. Г-ну Ѳ. Кр. показалось интереснымъ, что объ этомъ можно говорить печатно *такъ*, какъ говоритъ г. Кульчицкій, и что эта точка зрѣнія рекомендуется нѣкоторыми «педагогами» военной молодежи чуть-ли не какъ катехизисъ. А мнѣ теперь интересно, что офиціозъ военнаго вѣдомства тоже пріобщается къ этимъ далеко не забавнымъ совѣтамъ «армейскаго дидакта».

Да, на многое теперь точки зрѣнія офиціально-военная и гражданская (порой тоже офиціальная) радикально расходятся. Упоминая, напримѣръ, о драмѣ Піотуха-Кублицкаго, «Р. Инвалидъ» совершенно напрасно упоминаетъ о взглядахъ «современнаго общества». Случай этотъ еще памятенъ многимъ. Пьяный хулиганъ оскорбилъ офицера. Офицеръ *не убилъ его на мѣстѣ* и потомъ застрѣлился самъ именно оттого, что не убилъ. Такова эта драма Піотуха-Кублицкаго, по словамъ «Русскаго Инвалида»—«оскорбленнаго, но не отомщеннаго *въ глазахъ современнаго общества*» (курсивъ мой). Нѣтъ, что касается «современнаго общества», то все оно, цѣликомъ, съ его культурой, съ его взглядами на законность и право, наконецъ съ его положительнымъ законодательствомъ—основано на отрицаніи самоуправной личной мести, особенно мести кровавой. Общество борется со всякимъ самоуправствомъ. Всѣ личные счеты между своими членами, служившіе въ сѣдыя времена предметомъ самосудовъ, оно взяло въ свои руки, отдавъ ихъ суду, дѣйствующему во имя палладіума всякаго организованнаго общества,—верховной власти въ той или другой ея формѣ. Это аксіома, начертанная на первыхъ страницахъ всякой современно-общественной организаціи. Загляните въ нашъ «сводъ законовъ», и вы найдете тамъ статьи, строго карающія тѣ самые поступки, которые г. Кульчицкій съ такимъ легкимъ сердцемъ рекомендуетъ среди правилъ хорошаго тона.

Я помню изъ временъ своего дѣтства военнаго, который, въ царствованіе императора Николая І-го, былъ разжалованъ въ солдаты лишь за то, что, разгорячившись въ спорѣ съ обывателемъ, позволилъ себѣ до половины вынуть шашку изъ ноженъ. Вотъ какъ смотрѣла на эти дѣла военная юрисдикція суроваго Николаевскаго времени. Съ тѣхъ поръ въ военной средѣ произошли большія перемѣны во взглядахъ на этотъ вопросъ, но все остальное современное общество съ его гражданскимъ законодательствомъ только развивало дальше основную аксіому. И если несчастный, повидимому глубоко-

симпатичный юноша Піотухъ-Кублицкій погибъ трогательной жертвой, то эта жертва принесена не «взглядамъ современнаго общества», а только взглядамъ современной военной среды, вѣрнѣе нѣкоторой ея части. Взгляды эти, чисто специфическіе, для насъ, остальныхъ членовъ общества, необязательны. Наоборотъ: и основныя начала всякаго общественнаго устройства, и даже прямыя статьи обязательныхъ для насъ законовъ предписываютъ намъ взглядъ прямо противуположный: кровавый самосудъ въ личномъ дѣлѣ есть дѣяніе, караемое и мнѣніемъ современнаго общества, и закономъ...

Было бы интересно увидѣть юриста, военнаго или штатскаго безразлично, который взялся бы оспаривать это положеніе.

III.

Но... пусть. Мы знаемъ, что взгляды офиціально военной этики давно отдѣлились въ этомъ вопросѣ отъ взглядовъ обще-гражданскихъ. И, конечно, не нашимъ слабымъ перьямъ остановить это раздѣленіе. Намъ кажется, однако, что и въ этомъ должны же быть извѣстные предѣлы, и что даже многіе изъ тѣхъ военныхъ, которые не раздѣляютъ нашей гражданской точки зрѣнія на вооруженный самосудъ, отвернутся, можетъ быть, даже съ негодованіемъ, отъ той постановки, какая придана вопросу нашимъ армейскимъ дидактомъ г-мъ Кульчицкимъ.

Бываютъ случаи, когда даже присяжные оправдываютъ прямое убійство. Это тогда, когда оно совершено подъ вліяніемъ аффекта: человѣкъ не могъ стерпѣть внезапнаго оскорбленія своей личной чести, или чести семейной... Онъ забываетъ все: святость человѣческой жизни и *собственную судьбу*.

Этотъ послѣдній моментъ (самозабвеніе, жертва своимъ будущимъ) облагораживалъ въ прежнія времена поединки. Они карались строго, иной разъ вплоть до разжалованія. Но люди не считались съ этими послѣдствіями изъ соображеній правильно или неправильно понятой чести. Человѣкъ рискуетъ жизнью,—естественно, что онъ не думаетъ объ испорченной карьерѣ. Въ порывѣ гнѣва онъ убиваетъ обидчика, но при этомъ онъ забываетъ и о своей разбитой жизни.

Честь мундира! Предполагалось, что это—мотивъ, всегда вызывающій въ военномъ аффектъ самозабвенія. При оскорбленіи личной чести онъ еще можетъ сдерживаться и регулировать свои поступки дуэльными правилами. Но при оскорбленіи мундира онъ испытываетъ такой внезапный приливъ бурнаго гнѣва, что забываетъ все: и отвѣтственность, и то, что передъ нимъ, вооруженнымъ, стоитъ человѣкъ безоружный, не могущій защищаться. А вѣдь такая побѣда всегда безславна...

Таковы были презумпціи. Теперь... Уже поединокъ по предпи-

санію, по обязанности, съ разрѣшенія начальства сильно измѣняетъ психологическую картину дуэлей... Но все же тамъ остается (хотя и весьма незначительный) рискъ собственной жизнью. Въ случаѣ-же убійства безоружнаго, убійства, *требуемаго* новѣйшимъ кодексомъ и фактически почти безнаказаннаго, нѣтъ и этого мотива. Тутъ уже всякая фикція неудержимаго аффекта исчезаетъ... Но вотъ является еще г. Кульчицкій и печатно доводитъ эту фикцію до такого крайняго логическаго и этическаго абсурда, что... защита его точки зрѣнія офиціальнымъ органомъ военнаго вѣдомства является прямо чѣмъ-то совершенно уже (по крайней мѣрѣ, съ гражданской точки зрѣнія) изумительнымъ и непонятнымъ.

Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствующій «совѣтъ молодому офицеру».

«Если,—говоритъ армейскій дидактъ,—обстоятельствами принужденъ прибѣгнуть къ силѣ оружія—полумѣръ не должно быть. *Бей наповалъ* (курсивъ мой) и непремѣнно съ одного раза. Даже за одно обнаженіе оружія отвѣтишь по суду. Бойся живого, а мертвый безвреденъ и на судѣ. Раненый и калѣка—ярмо. Онъ обвинитъ тебя на судѣ. Спасая себя отъ отвѣтственности (?), оклевещетъ, а ты, не доказавъ его лжи, хотя и правъ, погибъ или принужденъ содержать его всю жизнь (не убитаго тобою), вслѣдствіе рѣшенія экспертовъ и суда, какъ неспособнаго къ труду послѣ увѣчья»...

Можно-ли болѣе опошлить предметъ, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ «дидактики»... Вмѣсто доводящаго до самозабвенія неудержимаго душевнаго порыва, заставляющаго забывать о святости чужой жизни о нарушеніи законовъ божескихъ и человѣческихъ, вмѣсто «самоотверженной» защиты чести мундира (допустимъ, что такъ),—однимъ словомъ, вмѣсто правильно или неправильно понимаемыхъ традицій стараго рыцарства, г. Кульчицкій вводитъ низменно мѣщанскій, холодный, прозаическій разсчетъ. Разсчетъ сутяжническій и торговый. Бей своего штатскаго соотечественника непремѣнно на смерть. *Это тебѣ выгодно.* Выгодно юридически: ты устраняешь опаснаго свидѣтеля на судѣ... Убивъ физически безоружнаго, постарайся еще обезоружить и его память... И кромѣ того... есть тутъ еще и прямо денежный разсчетецъ: не придется тратиться на содержаніе изувѣченнаго тобой калѣки!..

Вотъ къ какимъ постулатамъ сводитъ г. Кульчицкій вопросы рыцарства и чести. Вотъ какую мораль рекомендуютъ нѣкоторые педагоги военной молодежи, вступающей въ жизнь... И вотъ, наконецъ, что находитъ авторитетную поддержку въ офиціозномъ органѣ военнаго вѣдомства!..

Мнѣ хотѣлось-бы думать, вмѣстѣ съ г-мъ Ѳ. Кр., что далеко не вся армія проникнута такими взглядами, и что во многихъ сердцахъ подъ военными мундирами шевельнется чувство горечи и

негодованія отъ этихъ меркантильно практическихъ разсчетовъ «армейскаго дидакта».

Можетъ быть, даже въ нѣдрахъ самаго «Русскаго Инвалида» отыщутся люди, которые найдутъ, что защита такихъ комментаріевъ къ наболѣвшему вопросу должна быть названа по меньшэй мѣрѣ прискорбнымъ недоразумѣніемъ?

Или это надежда слишкомъ смѣлая?

IV.

А пока «Инвалидъ», не довольствуясь защитой, переходитъ въ нападеніе. И тотчасъ же опять маленькое «недоразумѣніе». Авторъ увѣряетъ, будто нашъ сотрудникъ г-нъ Ѳ. Кр. «доказываетъ благосклонному читателю «Русскаго Богатства», что *всѣ* (курсивъ мой) многочисленныя столкновенія офицера съ толпой—результатъ вычитанныхъ имъ дурныхъ совѣтовъ». Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, удивительно, эта безпечная неряшливость, съ какой на страницахъ офиціоза передаются чужія слова и мнѣнія. Никогда подобной глупости о «*всѣхъ* столкновеніяхъ» нашъ сотрудникъ не говорилъ, и такъ позволяетъ себѣ нашъ оппонентъ передавать его фразу: «*Неизвѣстно*, читалъ-ли поручикъ Кугатовъ *Совѣты молодому офицеру*»... Значитъ, во-первыхъ, рѣчь идетъ не о всѣхъ случаяхъ, а объ одномъ, и въ этомъ одномъ случаѣ... «неизвѣстно»... Передача, можно сказать, болѣе чѣмъ вольная, и даже не передача, а прямо передѣлка и извращеніе. И вслѣдъ за этимъ полемическимъ пріемомъ нашъ оппонентъ продолжаетъ съ той же безпечностью:

«Но если-бы сознаніе автора (т. е. г-на Ѳ. Кр.) прояснилось хоть на минуту (sic!), онъ немедленно понялъ-бы, что, наоборотъ, именно въ распространеніи статей, подобныхъ «Армейской дидактикѣ» или «Помпонной идеологіи», лежитъ огромный зарядъ отрицательной энергіи, которою авторы старательно заряжаютъ своихъ читателей. Неискреннимъ послѣ этого кажется удивленіе этихъ господъ, когда внушенное ими разрядится въ первомъ же уличномъ столкновеніи, гдѣ заранѣе всѣ шансы на мирный исходъ убиты ихъ-же разсѣивающей пропагандой отрицательнаго отношенія къ арміи».

Обвиненіе тяжеловѣсное, и еще въ недавніе годы такого (хотя-бы и столь-же неосновательнаго) утвержденія на страницахъ офиціоза было-бы достаточно, чтобы немедленно вызвать торопливую административную репрессію. Теперь мы, кажется, имѣемъ возможность со всей подобающей вѣжливостью спросить:—Вы это утверждаете, господа? Хорошо. Готовы-ли вы и доказать это?

Чтобы облегчить задачу, мы вамъ предлагаемъ слѣдующій пріемъ: мы процитируемъ наудачу оглашенные печатью случаи «прискорбныхъ столкновеній», а вы будете любезны: указать, въ

чемъ именно тутъ усматривается вліяніе статей «Русскаго Богатства»?

Вотъ эпизоды, приводимые г-мъ Ѳ. Кр. Инцидентъ поручика Кугатова. Вы его помните: поручикъ Кугатовъ поселился нѣсколько неосторожно въ такомъ мѣстѣ, куда прежде городская молодежь ходила довольно безцеремонно. Его жена сидѣла на скамейкѣ. Молодой приказчикъ Поляковъ подошелъ къ ней съ грязнымъ предложеніемъ. Его арестовали.

Казалось-бы—конецъ у мирового. Никакой чести мундира Поляковъ не оскорблялъ и даже не зналъ, къ кому подходитъ. И однако поручикъ Кугатовъ явился въ участокъ, приказалъ привести къ себѣ арестованнаго, изрубилъ его шашкой и изрѣшетилъ пулями на глазахъ у полицейскаго караула...

Случай достаточно прискорбный даже съ чисто военной точки зрѣнія (стоитъ припомнить уставъ о караульной службѣ, не говоря о прочемъ). Но... мы спросимъ авторовъ «Русскаго Инвалида», кто собственно здѣсь начитался статей «Русскаго Богатства» до такой степени, что «всѣ шансы на мирный исходъ оказались заранѣе убитыми?» Изрубленный Поляковъ? Или изрубившій Кугатовъ? Или городовые, почтительно созерцавшіе беззаконную расправу?..

Другой эпизодъ изъ той же статьи: въ Тифлисѣ идетъ вагонъ трамвая. Въ вагонѣ между другими пассажирами—почтенный штатскій старикъ, убѣленный сѣдинами, и два офицера. Офицеры курятъ. Штатскій напоминаетъ о правилѣ, воспрещающемъ курить въ трамваяхъ. Молодые люди зовутъ городового и... почтеннаго старца по ихъ (совершенно незаконному) приказу тащатъ въ участокъ «для выясненія личности». Въ участкѣ оказывается, что неизвѣстный—членъ судебной палаты. Полиція получаетъ выговоръ, «молодые люди» вынуждены на сей разъ извиниться.

Не думаетъ ли «Русскій Инвалидъ», что этотъ финалъ послѣдовалъ благодаря тому, что въ Тифлисѣ не читаютъ «Русскаго Богатства», а не потому, что неизвѣстный оказался «особой»?

Далѣе: вотъ факты, оглашенные въ послѣднее время газетной хроникой въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества.

Кіевъ. Ночью на 1 мая въ кафе-шантанъ «Аполло» явились двѣ компаніи офицеровъ въ сопровожденіи дамъ. Тутъ была не одна зеленая военная молодежь. Газеты называютъ фамилію одного генерала, одного полковника генеральнаго штаба, и самъ герой столкновенія—подполковникъ (по другимъ извѣстіямъ полковникъ) по фамиліи Лиліе. Въ отдѣльный кабинетъ былъ вызванъ хоръ и піанистъ Штрейнбергъ. Кутили до утра. Въ 4 часа полковникъ Лиліе потребовалъ у піаниста, чтобы тотъ сыгралъ «Саратовскій маршъ». Къ несчастію, піанистъ, оказалось, не умѣлъ играть Саратовскаго марша безъ нотъ. «Отвѣтъ этотъ, — эпически повѣствуетъ газетная хроника,—почему-то возмутилъ полковника Лиліе, и онъ, выхвативъ отточенную шашку, воткнулъ ее остріемъ

голову піаниста, ниже праваго уха. Клинокъ вышелъ черезъ ротъ наружу, задѣвъ сонную артерію. Штрейнбергъ тутъ же скончался. Послѣ него осталась большая семья, безъ всякихъ средствъ существованія» *).

Это—въ Кіевѣ, въ блестящемъ ресторанѣ. Теперь—глухой Аткарскъ, убогая пивная мѣщанина Сидорова. Въ ней—казачій офицеръ Орѣховъ въ компаніи съ казакомъ. За прилавкомъ—жена Сидорова. Захмелѣвъ, казакъ и офицеръ потребовали, чтобы имъ привели женщинъ. Сидорова отказалась, пояснивъ, что она сводничествомъ не занимается. Офицеръ, при уплатѣ денегъ, безъ всякаго другого повода ударилъ ее по лицу. Поднялся крикъ. Прибѣжала невѣстка Сидоровой. Оба воина набросились на пришедшую и стали наносить ей побои кулаками и ногами. *Сбѣжалась толпа народу, но никто не рискнулъ заступиться за избиваемую.* Казаки спокойно ушли въ свои части, избитую увезли въ больницу **).

Оба случая—въ маѣ. А вотъ въ Срѣтенскѣ (Забайкальской области) 15 апрѣля,—случай еще болѣе «яркій». «Одинъ изъ офицеровъ 16-го Восточнаго Сибирскаго стрѣлковаго полка съ компаніей отправился въ публичные дома. Обойдя четыре «заведенія», компанія зашла въ пятое, гдѣ офицеръ... обнажилъ шашку и замахнулся на одного изъ служащихъ, но былъ во время обезоруженъ. Тогда офицеръ вызвалъ дежурную роту солдатъ и, отдавъ приказъ заряжать ружья, приступилъ къ осадѣ «заведенія»... Далѣе корреспондентъ описываетъ картину осады и взятія своеобразной крѣпости, которую мы повторять не станемъ. Корреспондентъ увѣряетъ (и до сихъ поръ это не опровергнуто), что «солдаты гонялись за проститутками, ловили ихъ и насиловали... съ разрѣшенія начальства... угрожая штыками» ***)...

Я не стану продолжать. «Русскій Инвалидъ» повѣритъ мнѣ, что, подвигаясь вглубь недавняго прошлаго, я могу чуть не каждый мѣсяцъ отмѣтить двумя-тремя «хроническими» замѣтками такого же рода изъ разныхъ мѣстъ: отъ столичныхъ улицъ ресторановъ и площадей до дальнихъ городовъ и пивныхъ Сибири. Воздерживаюсь также отъ комментаріевъ. Мы въ данномъ случаѣ не нападающая сторона, а только защищающаяся. Мы ждемъ, что «Русскій Инвалидъ» укажетъ связь между статьями «Русскаго Богатства» и участью несчастнаго Штрейнберга или избитой Сидоровой.

Нелѣпость обвиненія, съ которымъ выступилъ противъ насъ «Русскій Инвалидъ», надѣюсь, очевидна.

Теперь мы позволимъ себѣ остановить вниманіе офиціоза еще на одномъ очень громкомъ эпизодѣ недавняго времени. Дѣло про-

*) «Кіевская Мысль«, «Р. Слово», «Рѣчь» (8 мая), «Полт. Рѣчь» и др.
**) „Рѣчь" № 128, 12 мая 1912 г.
***) «Рѣчь« № 125, 4 мая 1912 года.

исходитъ въ Уральскѣ. На полицмейстера Ливкина поступаетъ жалоба двухъ жителей, евреевъ,—полицмейстера Ливкина обвиняютъ во взяточничествѣ и вымогательствѣ. Положеніе, конечно, непріятное. Полицмейстеръ Ливкинъ служилъ до полиціи на военной службѣ. Вымогательство, несомнѣнно, мараетъ мундиръ, но... служитъ-ли мундиръ гарантіей, что вымогательствъ не было? Иначе: можно-ли сказать, что обвиненіе человѣка, носившаго военный мундиръ, безпримѣрно и само по себѣ невѣроятно?

Конечно нѣтъ. Достаточно вспомнить многихъ интендантовъ, въ томъ числѣ изъ настоящихъ военныхъ. Почти параллельно съ «дѣломъ» Ливкина шло нѣсколько дѣлъ, гдѣ военные обвинялись въ хищеніяхъ: командиръ 34-го казачьяго полка С. приговоренъ за растрату къ трехгодичному заключенію въ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ *); командиръ миноносца капитанъ Головизнинъ растратилъ 3,155 рублей и приговоренъ военно-окружнымъ судомъ въ Севастополѣ къ исключенію со службы и заключенію въ крѣпости на 16 мѣсяцевъ. Тамъ же—поручикъ Ляшковъ въ Вильно поручикъ Носовъ, въ Новочеркасскѣ ген.-маіоръ Тевяшевъ (присвоеніе казенныхъ денегъ и подлоги), шт.-кап. Янченко въ Харьковѣ, казначей Усть-Двинской крѣпостной артиллеріи М. Иванковичъ,—всѣ они доказали печальнымъ опытомъ, что военной средѣ свойственны тѣ же слабости, какъ и всякой другой. Не далѣе 7 марта нынѣшняго года особое присутствіе Спб. судебной палаты признало капитана Задарновскаго, помощника пристава, виновнымъ въ дѣяніяхъ, въ какихъ пытались жалобщики обвинить уральскаго Ливкина.

Предстояло слѣдствіе, судъ, можетъ быть, арестантскія роты. Былъ ли виновенъ капитанъ Ливкинъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли? Теперь можно говорить лишь о вѣроятностяхъ. Мы полагаемъ, что, если-бы онъ не былъ виновенъ, то принялъ-бы всѣ мѣры, чтобы довести дѣло до суда. Онъ счелъ, однако, болѣе *выгоднымъ* поставить дѣло иначе. Онъ—военный. Значитъ—обвиненіе его задѣваетъ честь мундира. Онъ становится подъ защиту своего мундира, отправляется къ одному изъ жалобщиковъ и... убиваетъ его наповалъ. Потомъ ѣдетъ къ другому и тоже, безъ полумѣръ, кладетъ его на мѣстѣ... Такимъ образомъ, обвиненіе въ лихоимствѣ и вымогательствѣ онъ подмѣняетъ другимъ: убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи, для защиты чести мундира... Разсчетъ оказался, повидимому, правильнымъ, и теперь довольно трудно категорическое рѣшеніе вопроса: г-нъ-ли Ливкинъ защищалъ честь мундира или фикція мундирной чести прикрыла вымогательство и лихоимство?

Чрезвычайно интересно, что когда одному свидѣтелю, *военному*, представитель гражданскаго иска задалъ вопросъ: какъ слѣдуетъ

*) „Рѣчь" 26 янв. 1912 г.

военному человѣку «реагировать» на такія официальныя (подаваемыя въ законномъ порядкѣ) жалобы, то этотъ свидѣтель отвѣтилъ, повидимому, съ глубокомъ убѣжденіемъ:

— Реагировать надо оружіемъ...

Это—послѣдовательно: вымогательство—дѣяніе безчестное, позорящее и человѣка и, допустимъ, мундиръ. На оскорбленіе мундира надо «реагировать оружіемъ». Вотъ два жалобщика и убиты. Еще шагъ на пути этой послѣдовательности: показаніе свидѣтеля тоже можетъ быть оскорбительно: убить надо и свидѣтеля. Но больше всего, конечно, позоритъ приговоръ суда. Значитъ... При дальнѣйшемъ развитии этихъ началъ г.г. Ливкинымъ приходится убивать и судей?... И все это будетъ считаться защитой чести?

Берегитесь, господа... Посмотрите, кто еще за г.г. Ливкиными тянется къ этой очень «выгодной» аргументаціи.

Въ Каменецъ-Подольскѣ въ мартѣ текущаго года разбирался процессъ полковника Мордвинова. Это—фигура почти фантастически уголовная, что-то въ родѣ Рокамболя въ военномъ мундирѣ. Онъ увлекъ молодую женщину и женился на ней, предварительно потребовавъ, чтобы она сдѣлала завѣщаніе въ его пользу. Ослѣпленная любовью женщина исполнила это, но, когда у нея родилась дочь, а мужъ предсталъ въ настоящемъ его видѣ,—она стала подумывать о перемѣнѣ завѣщанія. Тогда полковникъ Мордвиновъ рѣшилъ убить ее, и шелъ къ этой цѣли до такой степени откровенно, что мѣстныя власти сочли необходимымъ приставить къ несчастной Мордвиновой особаго полицейскаго пристава для охраны. Но приставъ, по словамъ газетъ, «оказался трусомъ и предателемъ»: Мордвиновъ застрѣлилъ жену на его глазахъ, а онъ убѣжалъ при первомъ выстрѣлѣ.

Не торопитесь, господа. Не говорите, что я ставлю этого корыстнаго убійцу на счетъ всей русской арміи. Нѣтъ, наоборотъ: Мордвинова презирали и въ военной средѣ. За нѣкоторыя безчестныя продѣлки офицеры его полка не подавали ему руки. Начальникъ штаба 12-й дивизіи характеризовалъ его нахаломъ, лживымъ хвастуномъ и скандалистомъ. Но... было и другое къ нему отношеніе. На судѣ сторону Мордвинова держалъ, между прочимъ, отставной полковникъ Марковъ, одесскій «союзникъ», сподвижникъ знаменитаго ген. Каульбарса. Онъ разсказываетъ, что ген. Каульбарсъ считалъ Мордвинова истиннымъ патріотомъ, подарилъ ему карточку съ собственноручной надписью, а отрицательное къ нему отношеніе офицерства объяснялъ «революціоннымъ настроеніемъ».

Генералъ Каульбарсъ, конечно,—не армія, и я привожу эти свѣдѣнія, чтобы показать, какъ трудно охватить однимъ словомъ, ея настроеніе. Интересенъ въ этомъ эпизодѣ не ген. Каульбарсъ а то обстоятельство, что и полк. Мордвиновъ, послѣ совершенія убійства жены съ явно-корыстною цѣлью, счелъ возможнымъ, по-

добно Ливкину, потянуться подъ защиту «чести мундира». На судѣ,—писали въ газетахъ,—онъ держится съ бахвальствомъ, кичится мундиромъ, говоритъ объ оскорбленіи чести... Землевладѣлецъ Павликовскій показалъ, что «всѣ свои скандалы Мордвиновъ объяснялъ защитой чести носимаго имъ мундира». Надежда на этотъ аргументъ и при убійствѣ жены была въ немъ такъ сильна, что, по показанію полицейскаго стражника, уже арестованный, онъ обратился къ народу со словами: «Не поминайте лихомъ. Я скоро возвращусь и всѣхъ вознагражу». *)

Мордвинову не удалось: каменецъ-подольскіе присяжные, разбиравшіе это дѣло, осудили его безъ всякихъ смягченій, и его шумная карьера должна закончиться на каторгѣ. Но не страшно-ли думать, что даже въ такомъ дѣлѣ, направляя револьверъ на беззащитную женщину, онъ могъ надѣяться на безнаказанность или легкое наказаніе подъ защитой «чести мундира»? Надежда безумная? Почему-же? Силу этого аргумента онъ уже отчасти испыталъ на безнаказанности прежней своей «наглости и скандаловъ», которые засвидѣтельствованы и начальникомъ штаба 12-й дивизіи, и землевладѣльцемъ Павликовскимъ. Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ—полицмейстеру Ливкину удалось же замѣнить непріятное дѣло о вымогательствѣ (гражданскій судъ) гораздо болѣе «выгодной» отвѣтственностью передъ судомъ военнымъ за убійство двухъ человѣкъ во имя мундира?.. Онъ стремился къ этому и достигъ. На судѣ жена его говорила прямо: мужъ объяснялъ ей убійство двухъ человѣкъ тѣмъ, что онъ *предпочитаетъ* лучше судиться за убійство, чѣмъ за вымогательство. Пріятное право выбора самимъ преступникомъ предмета для судебнаго изслѣдованія.

V.

Я хорошо понимаю, что всякому человѣку, носящему военный мундиръ, очень непріятно читать то и дѣло о такихъ «прискорбныхъ явленіяхъ», порой съ комментаріями, хотя бы и самыми корректными, но уже не съ военной, а съ гражданской точки зрѣнія. Однако,—не можемъ-же мы, «штатскіе», рукоплескать, когда обязательное для насъ обращеніе къ суду замѣняется для господъ военныхъ неписаннымъ правомъ и даже обязанностью стрѣлять или рубить насъ безъ всякаго суда, и когда гг. Кульчицкіе въ руководствахъ хорошаго военнаго тона совѣтуютъ бить насъ наповалъ, такъ какъ это гораздо «выгоднѣе» съ разныхъ точекъ зрѣнія...

Ожидать этого было-бы наивно. Но такъ же наивно объяснять возникающія отсюда чувства не самыми фактами, а ихъ оглашеніемъ въ печати, какъ это дѣлаютъ авторы «Русскаго Инвалида». Неужели семья человѣка, убитаго при обстоятельствахъ, при

*) «Совр. Слово» (4 марта). „Рѣчь“ (6 марта 1912 г.) № 64.

какихъ убитъ городовой офицеромъ Вачнадзе, или семьи тѣхъ, кого переранили въ инцидентѣ братьевъ Коваленскихъ... или ихъ родственники, знакомые, сосѣди, сторонніе свидѣтели, сбѣгающіеся на выстрѣлы и крики,—будь это въ столицѣ или въ отдаленномъ Аткарскѣ, — неужели всѣ они могутъ сочувствовать такой несомнѣнно беззаконной расправѣ, и русскаго обывателя приходится отучать отъ этого сочувствія какими бы то ни было статьями газетъ и журналовъ...

Наконецъ, вѣдь эта все ростущая волна «прискорбныхъ столкновеній» насчитываетъ уже не одну «земскую давность»... Началась она и все крѣпнетъ еще со временъ министра Ванновскаго; ея развитіе шло въ тѣ годы, когда подцензурная печать не имѣла возможности не только комментировать, но часто и самому оглашенію фактовъ ставились неодолимыя препятствія. И, однако, при этомъ безмолвіи то и дѣло вспыхивали столкновенія, обнажались шашки, гремѣли выстрѣлы, лилась кровь, и.. собиралась толпа, которая не всегда безмолвствовала, какъ въ Аткарскѣ... Порой на самосудъ гг. офицеровъ она дѣйствительно отвѣчала своимъ же беззаконнымъ самосудомъ. Но собирали ее—тогда-то ужъ во всякомъ случаѣ—не статьи газетъ и журналовъ, а стоны, крики и выстрѣлы...

Конечно, причина этихъ прискорбныхъ явленій лежитъ глубоко, и объяснять ихъ *всѣ* «правилами» г-на Кульчицкаго было-бы такъ-же наивно, какъ наивно винить въ этомъ гражданскую прессу. Для меня, несомнѣнно, однако, что однимъ изъ условій, способствовавшихъ развитію зла—является русская безгласность, то обстоятельство, что военная среда слишкомъ ужъ долго оберегается отъ непрофессіональной критики, отъ очищающаго и укрѣпляющаго смѣха русской сатиры.

Такое огражденіе вредно для нравовъ оберегаемой среды, для ея самосознанія и для ея внутренней силы...

«Россія—такая чудная земля,—сказалъ когда-то Гоголь,—что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ асессорѣ, то всѣ коллежскіе асессора отъ Риги до Камчатки непремѣнно примутъ на свой счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ». Когда геніальный сатирикъ еще въ сороковыхъ годахъ поставилъ своего «Ревизора», среди бюрократіи поднялось великое негодованіе и тревога. „Посягательство на основы общества"... И, однако, «Ревизоръ» былъ поставленъ въ присутствіи императора Николая, несмотря на то, что этотъ государь чувствовалъ глубину и силу сатирическаго удара. Извѣстна его историческая фраза при выходѣ съ перваго представленія Гоголевской комедіи: „Досталось всѣмъ, а больше всѣхъ мнѣ".

Еще въ тѣ времена (правда, съ колебаніями и рецидивами репрессій) съ бюрократическаго міра снято волшебное «табу»—чиновникъ сталъ доступенъ и критикѣ, и сатирѣ. Даже порой ч и

новникъ крупный, не только коллежскій ассесоръ, но и дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Среда военная до сихъ поръ остается неприкосновенной: военный мундиръ не допускается на сцену, какъ священническая ряса. Это достигается соединенными усиліями драматической цензуры, администраціи съ ея чрезвычайными полномочіями и нерѣдко—прямыми выступленіями самихъ военныхъ. Доходитъ это порой до курьеза. Совсѣмъ недавно, въ гор. Гродно, на вечерѣ въ пользу Краснаго Креста, одинъ изъ артистовъ показывалъ, какъ танцуютъ: гимназистъ, студентъ, чиновникъ, старый штатскій генералъ.. Всѣ смѣялись. Но вотъ, дошла очередь до стараго генерала военнаго званія. Можетъ ли старый военный танцовать нѣсколько смѣшно? Задѣваетъ это честь мундировъ тѣхъ полковъ, гдѣ онъ могъ служить въ своей молодости, когда, вѣроятно, танцовалъ гораздо лучше?.. Повидимому, нѣтъ. Но вотъ одинъ изъ присутствующихъ генераловъ въ негодованіи вскакиваетъ съ мѣста и командуетъ: «занавѣсъ!», прибавляя разныя ходячія словечки о жидахъ и о прочемъ. Возмущенная публика (все читатели «Русскаго Богатства»?) покидаетъ залъ, вечеръ испорченъ, а на другой день корпусный командиръ выражаетъ генералу Ю—чу благодарность за то, что онъ «не далъ опорочить честь мундира!» *). «Честь мундира» въ этой интерпретаціи требуетъ, значитъ, чтобы отставные генералы въ 80 лѣтъ танцовали съ рѣзвостью и граціей молодыхъ подпоручиковъ?

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о легкомъ шаржѣ на любительскихъ подмосткахъ. Но и серьезной современной комедіи и драмѣ приходится съ чувствомъ зависти вспоминать о тѣхъ старыхъ временахъ, когда Александру Сергѣевичу Грибоѣдову было дозволено вывести на сцену своего браваго полковника, Сергѣя Сергѣевича Скалозуба. Можно-ли отрицать, что это была злая сатира на нѣкоторыя стороны тогдашней армейской психологіи. «Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ, созвѣздіе маневровъ и мазурки!» Невольно приходитъ въ голову: можно ли было-бы въ наши дважды пореформенные дни вывести эту фигуру, служившую, какъ извѣстно, въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ. А если-бы генію Грибоѣдова и удалось преодолѣть цензурныя рогатки,—то... не пришлось ли бы автору имѣть дѣло съ генераломъ Ю. или другими защитниками чести военнаго мундира? Наконецъ,—какъ поступила-бы съ нимъ военная молодежь, носящая мундиръ 30-го егерскаго и 45-го полковъ?.. И еще: какъ отнесся-бы къ нему современный судъ, передъ которымъ то и дѣло приходится отвѣтствовать намъ, русскимъ писателямъ, дерзающимъ порой касаться въ той или иной формѣ типовъ и нравовъ современной военной среды?

---

*) „Рѣчь“, 5 февраля 1912 г.

Но исторія литературы не говоритъ намъ ни о чемъ подобномъ по поводу Скалозуба. Тогдашняя армія не боялась сатиры. Военные рукоплескали въ партерѣ актеру, произносившему комическія реченія Скалозуба, а ранѣе сами списывали его характерные монологи... И вѣдь это была александровская армія, недавно вернувшаяся изъ Парижа, покрытая всесвѣтною славой... Она не требовала неприкосновенности, она не боялась признать, что въ ея средѣ есть Скалозубы, что, какъ среда, она доступна человѣческимъ слабостямъ и смѣшному, хотя-бы даже связанному съ профессіей. И это всего лучше защищало ее отъ обобщенія, отъ отожествленія всей арміи съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Скалозубомъ...

Теперь современная намъ армія, имѣющая за собой рядъ тяжкихъ несчастій, требующихъ глубочайшей вдумчивости, самоанализа и всесторонней критики,—остается все такъ-же забронированной и неприкосновенной. И, къ сожалѣнію, тѣ элементы ея, которые особенно кидаются въ глаза, быть можетъ, закрывая своими шумными выступленіями и манифестаціями болѣе глубокія и серьезныя теченія, о которыхъ говоритъ и г. Ѳ. Кр., и г-нъ Мстиславскій,—успѣшно отстаиваютъ эту забронированность. И имъ не только удается проникать со своими притязаніями, со своей исключительностью, со своими узко-профессіональными взглядами, идущими въ разрѣзъ съ началами современнаго права, на страницы смѣшныхъ «правилъ хорошаго тона», но они находятъ защиту и на столбцахъ вѣдомственныхъ офиціозовъ.

Это печально... И это зловѣще... Стоитъ въ самомъ дѣлѣ припомнить, что эта забронированность нашей арміи длится много лѣтъ; начавшись задолго до настоящаго времени, она сопровождала ее вплоть до мрачной трагедіи Ляо-Яна и Цусимы. И что-же? прибавила ли она крѣпости стѣнамъ нашихъ фортовъ, непроницаемости бронѣ нашихъ судовъ, дальности полету нашихъ ядеръ, стойкости нашимъ батальонамъ, талантовъ и находчивости нашимъ полководцамъ?

И теперь печатные военные органы, которые должны бы призывать къ критикѣ и обновленію, вновь заводятъ ту же старую пѣсню, поддерживаютъ кастовыя привиллегіи и предразсудки, защищаютъ нарушеніе законовъ и права, легкомысленно обвиняя гражданскую печать въ послѣдствіяхъ. Это, конечно, легче, чѣмъ бороться съ предразсудками и очищать нравы. Но не значитъ-ли это бить въ сторону наименьшаго сопротивленія, отводя такимъ образомъ вниманіе отъ настоящихъ источниковъ зла...

Вл. Короленко.

Новыя книги.

Н. А. Крашенинниковъ. Барышни. Романъ. «Московское книгоиздательство». Москва. 1912. Стр. 187. Ц. 1 р. 25 к.

Критика невыносимо равнодушна къ г. Крашенинникову. Какого-нибудь Ивана Рукавишникова хоть бранятъ, надъ Гординымъ хоть издѣваются, Брешку-Брешковскаго хоть пародируютъ. О Крашенинниковѣ не разговариваютъ—не замалчиваютъ, а просто упорно молчатъ—и, право, критика меньше всего виновата въ этомъ упорномъ молчаніи. Крашенинниковъ не вызываетъ ни на какое сужденіе—ни положительное, ни отрицательное; онъ гдѣ-то на серединѣ; онъ не бездаренъ, онъ не талантливъ, его недостатки не такъ ярки, чтобы о нихъ стоило кричать, въ его безцвѣтности нѣтъ ничего агрессивнаго. Онъ даже не безцвѣтенъ—на немъ всегда защитный цвѣтъ; онъ—способный литераторъ, онъ легко приспособится къ требованіямъ; онъ многое умѣетъ, но голое умѣніе ни къ чему не ведетъ.

Вотъ романъ. Семь дѣвушекъ изъ богатой русской купеческой семьи остались круглыми сиротами. Жертвы переходнаго времени, онѣ выросли въ смутномъ мірѣ, гдѣ царятъ еще по инерціи старыя традиціи, но гдѣ все полно сознаніемъ, что это только инерція, что новое властно стучится въ дверь. «Всѣ пугливыя, всѣ истеричныя и восторженныя», героини г. Крашенинникова—типичныя *барышни*—«не дѣвушки и не женщины; не тѣ, кто въ жизни, кто умѣетъ жить, понимаетъ ее, имѣетъ въ ней мѣсто... Только *барышни*: вотъ—все». Такъ опредѣляются онѣ въ сознаніи одной изъ нихъ, такими представляются онѣ автору.

Что-жъ, замыселъ не плохъ, и авторъ знаетъ, что нужно для его воплощенія. Онъ старается дать семи «барышнямъ» семь разныхъ лицъ; онъ заставляетъ читателя слѣдить за семью разными судьбами. Здѣсь есть и любовныя исторіи, и религіозныя увлеченія, и манія стяжательства, и легкія приключенія, и тягостныя сцены, и европейскіе курорты, и русская глушь; все это сжато, выразительно, ясно—и все-таки, когда отойдешь отъ книги Крашенниникова, то прежде всего чувствуешь, что всѣ семь барышень слились въ туманное пятно, что пока слѣдилъ за разсказомъ, все ждалъ чего-то, а когда дошелъ до конца, то стало очевидно, что ждать было нечего. И не только отъ интриги романа нечего было ждать, но и отъ автора. И дальше такъ всегда будетъ у г. Крашенинникова: не глупо, не безталанно, не устарѣло, даже не пошло, что особенно рѣдко. Словомъ, не плохо, но и ни въ какомъ случаѣ не хорошо. Какъ литературный типъ, можно бы ненавидѣть Кра-

шенинникова,—но и тутъ ему везетъ: у литературной посредственности есть гораздо болѣе яркіе и назойливые представители: раздраженіе естественно обращается на нихъ.

Н. В. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Миргородъ. Иллюстрировали художники С. М. Дудинъ и Н. И. Ткаченко. Спб. Изданіе А. Ф. Девріена. Цѣна 12 руб.

Авторы-художники въ предисловіи къ изданію заявляютъ, что они ставили своей цѣлью устранить расхожденіе съ текстомъ, чѣмъ обычно—по отзыву г.г. Ткаченка и Дудина—страдаютъ иллюстраціи къ Гоголю, «слабо вяжущіяся съ текстомъ» и характеризующіяся «отсутствіемъ единства...» Но, очевидно, это органическое свойство художниковъ графическаго изображенія: для нихъ текстъ только намекъ, къ которому «воображенье дорисуетъ остальное», не считаясь ни съ текстомъ, ни даже съ предыдущей иллюстраціей. Вы перечитываете въ связи съ иллюстраціями «Сорочинскую ярмарку». Даются два рисунка на отдѣльныхъ листахъ, изображающіе свиданіе грозной сожительницы Черевика съ поповичемъ, и на обоихъ рисункахъ совершенно разные—и Хавронья Никифоровна, и герой ея сердца. Было бы еще понятно, еслибы иллюстраторами были разные художники, но оба рисунка подписаны одними и тѣми-же иниціалами. Открываете слѣдующій разсказъ—то же самое: безродный казакъ Петрусь, неудачно улучивъ моментъ, «влѣпилъ поцѣлуй» Пидоркѣ на глазахъ ея отца, жаднаго козака; между тѣмъ по иллюстраціи—оба влюбленные очень далеки отъ указаннаго Гоголемъ настроенія, когда психологически возможно «влѣпить» поцѣлуй: оба влюбленные грустны и тихи. Самъ по себѣ рисунокъ недуренъ и имѣетъ настроеніе, но свое собственное, а совсѣмъ не по Гоголю. А угроза стараго Коржа, что оселедецъ Петруся, обматывающійся «два раза около уха», долженъ будетъ «распрощаться съ макушей», представляется—по иллюстраціи—совершенно непонятной, такъ какъ Петрусь никакого оселедца не носитъ. Между тѣмъ въ словарѣ малороссійскихъ словъ, слѣдующемъ за иллюстраціями, читателямъ разъяснено—въ соотвѣтствіи съ угрозой Коржа,—что «оселедецъ—длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо».

Эти недоразумѣнія продолжаются и въ иллюстраціяхъ къ «Миргороду». Здѣсь даже еще рѣзче противорѣчія. Вотъ, напр., младшій сынъ Тараса Бульбы, впервые прокравшійся на свиданіе съ прекрасною полячкой въ городѣ, осажденномъ козаками, и изображенный безъ оселедца, такъ же какъ и Петрусь въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купалы». Но вотъ тотъ же Андрій, изображенный во время встрѣчи съ отцомъ на полѣ сраженія. Въ этотъ моментъ Андрій уже не запорожецъ; онъ передался на сторону близкихъ его возлюбленной; теперь онъ польскій рыцарь. Но именно теперь

онъ изображенъ съ оселедцемъ на головѣ: въ рыцарскихъ латахъ, но съ обритой головой и съ оселедцемъ въ полной исправности. Выходитъ, что Андрій обрилъ себѣ по казацки голову и отрастилъ отсутствовавшій раньше оселедецъ именно тогда, когда сталъ польскимъ рыцаремъ. Такихъ недочетовъ наберется не мало, несмотря на задачу, — устранить расхожденіе съ текстомъ,—поставленную себѣ художниками.

Если же говорить о достоинствѣ иллюстрацій независимо отъ поставленной задачи, дѣло обстоитъ не лучше. Рисунки на отдѣльныхъ листахъ не «помогаютъ» читателю перенестись въ условія разсказовъ Гоголя: зачастую безъ справки въ текстѣ вы не можете сказать даже, что именно выражаетъ лицо, которое вы видите. О Бульбѣ же, попавшемъ въ руки непріятелей, даже и этого нельзя сказать, такъ какъ вмѣсто Тараса дана безобразная кукла.

Маленькіе же рисунки перомъ—несравненно лучше. Они болѣе выразительны. Ихъ схематичность даетъ просторъ впечатлѣнію; въ то же время, благодаря той же схематичности, они не страдаютъ излишними подробностями, не совпадающими съ текстомъ.

Книга издана съ внимательной къ Гоголю роскошью.

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902. Изд. 4 (В. М. Саблина) значительно дополненное. Подъ ред. А. А. Дьяконова. Москва. 1912. Стр. XLI + 837. Цѣна 5 руб.

Шумный успѣхъ сопровождалъ первыя изданіи «Дневника» Елизаветы Дьяконовой. Обсуждала критика, спорили читатели; мы всѣ довольны, когда счастливый случай раскрываетъ предъ нами тайны чужой души; это не всегда дурной интересъ, не только праздное любопытство: мы учимся, присутствуя при этомъ психологическомъ вскрытіи. Былъ въ этомъ обостренномъ интересѣ къ Дьяконовой и ея дневникамъ также интересъ сенсаціи. Ея трагическая смерть казалась самоубійствомъ; предисловіе къ новому изданію на основаніи неопубликованныхъ данныхъ стремится доказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло скорѣе съ несчастнымъ случаемъ. Но дневники подводили прямо къ этой неразгаданной трагедіи: изображали они средняго типичнаго человѣка, какъ утверждало большинство, или Дьяконова была выдающейся женщиной, какъ казалось многимъ,—она во всякомъ случаѣ была нашей современницей и напряженно, чутко, многосторонне жила нашей современностью, судила о популярныхъ современникахъ, съ которыми старалась войти въ личныя отношенія, увлекалась такъ или иначе всѣмъ, чѣмъ увлекались ея русскіе сверстники конца прошлаго вѣка. Писала она для себя или нѣтъ,—надо помнить, что послѣдняя часть дневника какъ будто обработана для печати—Дьяконова всегда была очень откровенна если не въ признаніяхъ о себѣ, то въ сужденіяхъ о другихъ. Все это вмѣстѣ взятое—и

интимность, и типичность, и связь съ злобой дня—сдѣлало книгу Дьяконовой цѣннымъ матеріаломъ для общественно-психологической характеристики эпохи; дневникъ «одной изъ многихъ», средней русской дѣвушки, не заурядной, но и не выдающейся, сдѣлался исторической книгой, человѣческимъ документомъ. Широкой публикѣ до этого было мало дѣла; ее прельщалъ романъ, сенсація, смѣлость, доступная только ушедшимъ и щекочущая пережившихъ. Никто не смѣетъ говорить въ печати о живомъ человѣкѣ, о современномъ русскомъ ученомъ, о профессорѣ женскихъ курсовъ съ той интимной грубостью, на какую имѣлъ право авторъ дневниковъ, который и не думалъ опубликовать въ такомъ обнаженномъ видѣ свои безцеремонныя сужденія. Но смерть его дала—сомнительное, конечно,—право на это другимъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что современниковъ Дьяконовой захватывали ея посмертные разсказы о томъ, о чемъ только что оживленно спорили въ кружкахъ, но о чемъ по естественной деликатности не принято говорить въ печати. Годы прошли съ тѣхъ поръ, книги Дьяконовой выдержали нѣсколько изданій—и, намъ кажется, пора ихъ забыть. Пусть вернется къ нимъ историкъ, когда ему понадобятся матеріалы для исторіи русской общественной психологіи, пусть, пожалуй, вспомнитъ когда-нибудь старый читатель и былой современникъ Дьяконовой о бѣдной русской дѣвушкѣ, такъ жадно прожившей и такъ печально кончившей свою недолгую жизнь. Но нѣтъ смысла шумѣть теперь вокругъ Дьяконовой, наново издавать ея книги, собирать въ нихъ отзывы критики, вызывать новые отзывы, оживлять вниманіе, подновлять сенсацію, искать новыхъ читателей. Изъ уваженія къ памяти Дьяконовой, къ ея содержательной исповѣди, къ труду ея, освѣтившему ея безплодную жизнь милымъ сіяніемъ какой-то внутренней цѣлесообразности — лучше всего отодвинуть ея книгу въ прошлое и не дѣлать романа приключеній изъ того, что должно быть по существу только спокойнымъ историческимъ документомъ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ I. Съ 5 портретами. Спб. 1911. Стр. XVI+570. Ц. 3 р. Томъ II. Съ 3 портретами. Спб. 1912. Стр. VIII+560. Ц. 3 р.

Покойный М. М. Стасюлевичъ за свою долгую жизнь, посвященную сперва наукѣ, затѣмъ журналистикѣ, находился въ оживленныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ широкимъ кругомъ лицъ, главнымъ образомъ, литераторовъ, и такимъ путемъ въ его рукахъ постепенно скопился цѣлый архивъ писемъ и бумагъ. Въ настоящее время вдова М. М., Л. И. Стасюлевичъ, предприняла изданіе той части этого архива, которая представляетъ общественный интересъ, заключая въ себѣ цѣнные матеріалы для біографіи самого

М. М. Стасюлевича и нѣкоторыхъ видныхъ его современниковъ. До сихъ поръ вышли въ свѣтъ два тома этого изданія, и за ними должны послѣдовать еще девять томовъ, причемъ все изданіе предположено закончить къ концу 1914 года. Въ эти одиннадцать томовъ, какъ сообщаетъ въ предисловіи къ первому тому редакторъ изданія, г. Лемке, войдутъ около 6.000 писемъ къ М. М. Стасюлевичу, письма его самого къ ряду лицъ и разнаго рода документы, литературные и иные. Г. Лемке не нашелъ возможнымъ—и, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо—распредѣлить весь этотъ матеріалъ въ строго хронологическомъ порядкѣ. Взамѣнъ послѣдняго онъ выбралъ гораздо болѣе подходящее для подобныхъ изданій распредѣленіе матеріала по внутреннему содержанію, принявъ однако за правило не разбивать письма одного и того же корреспондента, а приводить ихъ всѣ подрядъ, въ хронологической послѣдовательности. Благодаря такому способу распредѣленія матеріала онъ болѣе или менѣе естественно распадается на своего, рода циклы, группирующіеся вокругъ опредѣленныхъ эпизодовъ или лицъ. Изъ вышедшихъ пока двухъ томовъ первый имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для біографіи самого М. М. Стасюлевича, заключая въ себѣ по преимуществу матеріалы изъ того времени, когда онъ готовился къ профессорской каѳедрѣ и потомъ читалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ. Около половины этого тома занимаютъ письма М. М. Стасюлевича къ П. А. Плетневу и М. С. Куторгѣ. Центромъ второго тома являются первые годы изданія М. М. Стасюлевичемъ «Вѣстника Европы». Здѣсь помѣщены письма нѣкоторыхъ изъ первыхъ сотрудниковъ этого журнала, равно какъ письма лицъ, входившихъ въ редакціи газетъ «Спб. Вѣдомости» и «Сѣверный Вѣстникъ», въ которыхъ Стасюлевичъ принималъ дѣятельное участіе. Чтобы показать интересъ этого тома, достаточно сказать, что въ нихъ напечатаны, между прочимъ, обширная переписка Стасюлевича съ К. Д. Кавелинымъ и съ гр. А. К. Толстымъ, письма Н. И. Костомарова, В. Д. Спасовича, В. В. Стасова, И. Е. Забѣлина, П. Л. Лаврова, В. Ѳ. Корша и многихъ другихъ, менѣе видныхъ дѣятелей нашей литературы. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ г. Лемке привелъ немало отрывковъ изъ писемъ М. М. Стасюлевича къ женѣ, дополняющихъ и уясняющихъ воспроизведенныя въ текстѣ письма другихъ лицъ. Въ общемъ содержаніе этого тома способно заинтересовать не только лицъ, спеціально занимающихся исторіей новой русской литературы и журналистики, но и рядовыхъ читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ личностями выдающихся дѣятелей въ этой области. Въ этомъ смыслѣ по всей книгѣ разбросано немало характерныхъ и цѣнныхъ чертъ, позволяющихъ ея читателю ближе подойти къ пониманію многихъ эпизодовъ нашей литературы и общественной жизни.

Возвращаясь къ пріемамъ изданія, мы находили бы, что нѣко-

торые изъ нихъ могутъ вызвать болѣе или менѣе серьезныя возраженія. Такъ, кое-что, введенное г. Лемке въ изданіе, могло бы безъ всякаго ущерба для послѣдняго отсутствовать въ немъ. Врядъ-ли стоило, напримѣръ, печатать гимназическія сочиненія и стихотворенія М. М. Стасюлевича или шуточныя меню обѣдовъ, дававшихся ему друзьями и пріятелями. Нѣкоторое излишество можно, пожалуй, замѣтить и въ другомъ направленіи. Г. Лемке въ предисловіи къ каждому изъ вышедшихъ двухъ томовъ предупреждаетъ читателей, что при печатаніи писемъ и документовъ онъ всюду старается сохранить въ точности орѳографію подлинника. Это хорошо, но едва-ли надо заводить этотъ принципъ такъ далеко, чтобы воспроизводить въ неприкосновенномъ видѣ телеграммы посланныя въ свое время изъ-за границы и написанныя на русскомъ языкѣ, но латинскимъ шрифтомъ. Свои примѣчанія г. Лемке, по его словамъ, «свелъ къ тому минимуму, который не обременитъ никого изъ читателей самыхъ разнообразныхъ круговъ». Врядъ-ли однако, кому изъ читателей книги и понадобятся примѣчанія, со общающія, что С. М. Соловьевъ былъ «извѣстный историкъ», Н. И. Костомаровъ—«извѣстный историкъ», гр. А. К. Толстой—«извѣстный поэтъ» и т. д. А между тѣмъ къ такого рода сообщеніямъ сводится немалая доля примѣчаній г. Лемке. Но все это сравнительно мелочи. Важнѣе представляется намъ другая особенность настоящаго изданія, заключающаяся въ томъ, что редакторъ его вперемежку съ письмами разныхъ лицъ печатаетъ и различныя статьи, въ свое время вырѣзанныя цензурой изъ «Вѣстника Европы». Такого рода матеріалъ, носящій совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ письма, намъ думается, слѣдовало бы совершенно выдѣлить изъ нихъ и напечатать отдѣльно, хотя бы въ видѣ приложеній къ одному изъ томовъ изданія, расположивъ притомъ всѣ такія статьи въ хронологическомъ порядкѣ. Наконецъ, не мѣшало бы редактору изданія въ самыхъ оглавленіяхъ томовъ означать тѣ годы, къ которымъ относятся печатаемыя въ данномъ томѣ письма того или другого лица.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Выпускъ I-й (1865—1875). Спб. Изд. Товарищества «Огни». 1912. Стр. LXIV+188. Ц. 2 р.

Книга, заглавіе которой мы выписали, — очень цѣнный подарокъ для читателя, и мы обращаемъ на нее вниманіе всѣхъ, кого интересуетъ исторія русской общественной и политической мысли. Она состоитъ изъ трехъ частей: вступительной статьи Е. А. Ляцкаго; писемъ Чернышевскаго изъ Сибири къ роднымъ; и примѣчаній сына Николая Гавриловича, Михаила Николаевича Чернышевскаго. Къ книгѣ приложены также: портретъ Чернышевскаго, снятый съ него въ Иркутскѣ, въ 1871 г., при переводѣ его изъ

Александровскаго завода въ Вилюйскъ; портретъ Ольги Сократовны Чернышевской, посланный ею мужу въ Сибирь; нѣсколько видовъ Кадаи,—перваго мѣста ссылки Чернышевскаго (они составляютъ факсимиле рисунковъ, сдѣланныхъ однимъ изъ сотоварищей Чернышевскаго по ссылкѣ); видъ вилюйской тюрьмы; автографъ-письмо Чернышевскаго, и начерченные имъ же самимъ планы помѣщеній, которыя онъ занималъ на Александровскомъ заводѣ и въ Вилюйскѣ.

Читатели «Русскаго Богатства» могли уже отчасти познакомиться съ перепиской Чернышевскаго изъ Сибири по статьямъ Н. С. Русанова, помѣщеннымъ въ журналѣ въ 1910 г. Тамъ были приведены наиболѣе интересныя мѣста изъ этой корреспонденціи за все время пребыванія Чернышевскаго въ Сибири, т. е. съ 1865 по 1883 г. Но въ нашемъ журналѣ были помѣщены лишь отрывки изъ этихъ писемъ, поскольку автору статей они были нужны для указанія на общія условія, при которыхъ работала мысль Чернышевскаго въ Сибири. Собственно же бытовая сторона жизни изгнанника была сравнительно мало затронута, и именно въ предвидѣніи появленія этой книги. Письма, находившіяся въ распоряженіи Н. С. Русанова, были предоставлены ему на время сыномъ Чернышевскаго, относящимся съ чувствомъ трогательнаго піэтета къ своему великому отцу. Нынѣ эти письма печатаются М. Н. Чернышевскимъ цѣликомъ и пока въ первомъ выпускѣ доходятъ до 1875 г., т. е. охватываютъ собою первое десятилѣтіе пребыванія Чернышевскаго за Ураломъ. Предпосланная имъ довольно большая и интересная статья г. Ляцкаго проникнута искреннимъ идейнымъ энтузіазмомъ къ необыкновенной личности Чернышевскаго. Она является очень умѣстнымъ введеніемъ къ корреспонденціи знаменитаго русскаго мыслителя и политическаго дѣятеля, заброшеннаго въ снѣгахъ Сибири. Въ ней встрѣчаются все новые и новые факты, дорисовывающіе столь своеобразную фигуру Чернышевскаго. Г. Ляцкій, на долю котораго выпало счастье работать надъ дневниками Николая Гавриловича, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ, дѣйствительно, указать на кой-какія любопытныя черты умственнаго и нравственнаго портрета Чернышевскаго, который въ цѣломъ представляетъ собою человѣка, развивавшагося съ замѣчательной внутренней логикой и послѣдовательностью. Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго даютъ въ свою очередь нѣкоторыя новыя черточки къ біографіи его отца.

Но, конечно, центръ тяжести книги лежитъ въ самихъ письмахъ Чернышевскаго. Его жизнь представляетъ не только политическій и интеллектуальный, но и высокій психологическій интересъ. Личность Николая Гавриловича, несмотря на свою рѣдкую цѣльность, далеко не такъ проста, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Для біографа, которому дорога живая, конкретная индивидуальность того или другого крупнаго дѣятеля, бу-

детъ, напр., въ высшей степени интересно и поучительно прежде всего конструировать для себя самого, а затѣмъ и уяснить другимъ это совершенно исключительное соединеніе въ одномъ человѣкѣ необыкновенно яснаго, логически-безупречнаго ума и поистинѣ желѣзной силы характера,—и все это при физическомъ слабосиліи. Одна черта въ особенности поражаетъ въ Чернышевскомъ. Его удивительный умъ даетъ ему возможность чрезвычайно объективно смотрѣть на себя, вдвигать свою личность въ звено фатальной необходимости, связывающей, въ его представленіи детерминиста, всѣ явленія міра физическаго и міра нравственнаго. И въ то же время его стальная воля отнюдь не терпитъ никакого ущерба отъ этой способности ума раздваивать себя на субъектъ и объектъ и наблюдать себя извнѣ, какъ нѣчто постороннее, подлежащее чужой оцѣнкѣ и сужденію. Какъ истинный матеріалистъ, Чернышевскій говоритъ, напр., по поводу предложенія властей написать просьбу о помилованіи, что если его почему-либо считаютъ нужнымъ такъ преслѣдовать, то лишь потому, что у шефа жандармовъ Шувалова и у него, Чернышевскаго, «головы устроены на разный манеръ»,—«а объ этомъ развѣ можно просить помилованія»? Такимъ образомъ даже свое политическое міровоззрѣніе Чернышевскому удается разсматривать, какъ самый объективный фактъ, какъ функцію своего мозга. Но это не мѣшаетъ ему, при всей необыкновенной гуманности въ столкновеніяхъ съ людьми всякаго рода, быть непоколебимымъ въ своихъ нравственныхъ идеалахъ и, среди самыхъ чудовищныхъ внѣшнихъ условій жизни, проявлять поистинѣ религіозное отношеніе къ задачамъ человѣческой нравственности и служенію своему міросозерцанію. Въ тюрьмѣ, на каторгѣ, въ изгнаніи, Чернышевскій остается тѣмъ великимъ идеалистомъ, который въ своемъ дневникѣ еще въ 48-мъ году,—когда ему не было 20 лѣтъ,—писалъ: «Для торжества своихъ убѣжденій, я нисколько не подорожу жизнью!—Для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтоженія нищеты и порока. Если бы только убѣжденъ былъ, что мои убѣжденія справедливы и восторжествуютъ они, даже не пожалѣю, что не увижу дня торжества и царства ихъ, и сладко будетъ умереть, а не горько, если только буду въ этомъ убѣжденъ» (цитировано г. Ляцкимъ на стр. VI введенія).

Одинъ изъ французскихъ біографовъ Огюста Бланки,—человѣка, близко напоминающаго нѣкоторыми своими сторонами Чернышевскаго,—называетъ знаменитаго французскаго революціонера «свѣтскимъ святымъ». У насъ, русскихъ, есть свой «свѣтскій святой». Это—Николай Чернышевскій! Изъ чтенія переписки выходишь не только убѣжденнымъ въ правотѣ великаго міровоззрѣнія труда, которому служилъ Чернышевскій: отъ его писемъ изъ Сибири отрываешься съ сожалѣніемъ, трепеща энтузіазмомъ къ дѣлу освобожденія человѣчества, однимъ изъ лучшихъ сыновъ котораго былъ

этотъ мученикъ идеи. Мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ глубоко поучительную, въ истинномъ смыслѣ назидательную книгу, которая дается нашей публикѣ въ видѣ корреспонденціи Чернышевскаго. Мы искренно желаемъ, чтобы эта книга нашла возможно широкое распространеніе, и съ нетерпѣніемъ ждемъ второго выпуска.

Павелъ Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. СПБ. 1911. Стр. 366. Цѣна 2 р. 50 к.

Съ тѣхъ поръ, какъ П. Г. Виноградовъ вынужденъ былъ покинуть Московскій университетъ и переселился въ Англію, получивъ приглашеніе занять кафедру сравнительнаго правовѣдѣнія въ Оксфордѣ (до него ее занималъ Мэнъ и затѣмъ Поллокъ),—онъ перестал печатать свои ученыя изслѣдованія на русскомъ языкѣ. Русская публика располагала лишь двумя трудами П. Г. Виноградова— о происхожденіи феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи и изслѣдованіями по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка (послѣднее переработано и издано по англійски подъ названіемъ «Villainage in England», 1892). Лишь въ послѣднее время онъ рѣшилъ ознакомить русское общество и съ другими своими изслѣдованіями, напечатанными на англійскомъ языкѣ. Года два тому назадъ переведена работа его о римскомъ правѣ въ средневѣковой Европѣ, а въ настоящее время вышелъ по русски и капитальный трудъ о средневѣковомъ помѣстьи въ Англіи.

Всѣ три сочиненіи П. Г. Виноградова, посвященныя соціальной исторіи Англіи, «Villainage in England» (Излѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка), «History of English Manor» (Средневѣковое помѣстье) и «English Society in the XI-th century (послѣднее имѣется только по англійски), даютъ намъ картину аграрнаго строя Англіи въ среднія вѣка; авторъ рисуетъ организацію англійскаго помѣстья, отношенія между лордомъ, владѣльцемъ манора, и крестьянами, правовое положеніе отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія, дѣятельность лорда и сельской общины въ области управленія. Однако, между упомянутыми книгами существуетъ значительное развитіе въ смыслѣ охватываемаго каждой изъ нихъ періода. Въ то время, какъ сочиненіе объ англійскомъ обществѣ въ XI ст. касается въ сущности лишь одного опредѣленнаго періода аграрной исторіи Англіи, «Villainage» охватываетъ всю эпоху отъ саксонскаго завоеванія до XIII ст., а лежащій предъ нами трудъ о средневѣковомъ помѣстьи ставитъ задачу еще шире: авторъ старается выяснить аграрное развитіе Англіи съ древнѣйшихъ временъ (онъ начинаетъ съ племенной организаціи кельтовъ) вплоть до того времени, когда создалась и вполнѣ окрѣпла организація англійскаго манора.

Такимъ образомъ, вышедшій въ настоящее время на русскомъ языкѣ трудъ П. Г. Виноградова охватываетъ аграрную исторію

Англіи въ теченіе всего древняго и почти всего средневѣковаго періода. Л въ другомъ отношеніи сочиненіе объ англійскомъ помѣстьи шире предыдущихъ изслѣдованій того же автора. Въ «Изслѣдованіяхъ по соціальной исторіи Англіи» П. Г. Виноградовъ главнымъ образомъ останавливается на вопросѣ о томъ, какъ возникло крѣпостное крестьянство въ Англіи, старается показать, какъ съ одной стороны рабы достигли болѣе высокаго соціальнаго положенія, превратившись въ несвободныхъ земледѣльцевъ, а, съ другой стороны, прежніе мелкіе свободные собственники, вынужденные искать защиты болѣе сильныхъ, превратились въ несвободныхъ; изъ сліянія этихъ обоихъ элементовъ постепенно образовался одинъ обширный классъ подвластныхъ лордамъ и обязанныхъ имъ барщиной и повинностями крѣпостныхъ крестьянъ. Весьма скоро, однако, возникло новое теченіе—стремленіе крѣпостныхъ путемъ соглашеній съ вотчинниками добиться замѣны барщины и иныхъ повинностей платежами, т. е. добиться извѣстной личной свободы; это теченіе обозначаетъ постепенное раскрѣпощеніе крестьянскаго населенія.

Въ «Средневѣковомъ помѣстьѣ» П. Г. Виноградовъ также затрагиваетъ эти вопросы, но лишь мимоходомъ, ссылаясь на «Villainage»; его интересуютъ уже не отдѣльныя проблемы аграрной исторіи Англіи, а общія тенденціи развитія, «общій характеръ развитія манора, какъ соціальнаго института, проходящаго чрезъ всѣ стадіи англійской исторіи». «Наблюдая классическій міръ—говоритъ онъ—мы обыкновенно сосредоточиваемъ наше вниманіе на городѣ-государствѣ, civitas, polis, какъ на наиболѣе полномъ выраженіи древняго общества. Если мы станемъ искать въ средневѣковой эпохѣ чего-либо столь же замѣтнаго и своеобразнаго, то естественнѣе всего остановиться на средневѣковомъ помѣстьѣ—«манорѣ». Въ манорѣ, подобно классическому городу-государству, сосредоточиваются экономическія, соціальныя и политическія идеи и учрежденія. Маноръ не былъ пріобрѣтенъ или учрежденъ кѣмъ-либо въ отдѣльности—онъ медленно развился изъ потребностей цѣлаго рода поколѣній... Организація сельскаго труда въ манорѣ, его основанное на обычаѣ феодальное правленіе, своеобразное смѣшеніе мѣстныхъ интересовъ и правъ въ положеніи его держателей являются соціальнымъ ядромъ средневѣковой жизни. Кромѣ того, хотя маноръ въ его специфическомъ видѣ является чисто-англійскимъ институтомъ, въ то же самое время онъ даетъ намъ лучшій образчикъ феодальной организаціи, господствовавшей на всемъ протяженіи Западной Европы» (стр. 5—6).

Авторъ указываетъ на то, что нѣкоторые зачатки маноріальныхъ учрежденій можно найти уже въ кельтскую эпоху. Уже въ это время существовали и рабы и несвободные держатели. Однако рабы были немногочисленны и въ большинствѣ случаевъ не давали возможности своимъ хозяевамъ жить безъ работы; несвободные же

крестьяне были непосредственно подчинены князьямъ и магнатамъ. Свободное населеніе стоитъ рядомъ съ несвободнымъ, а не живетъ трудомъ послѣдняго; какъ свободные, такъ и несвободные держатели обязаны отправлять извѣстныя повинности, и платить оброки. (Стр. 35—40). Крѣпостные составляли еще особыя общины; племенная группировка въ области экономической все еще продолжала оставаться господствующей формой соціальнаго строя (стр. 49—50).

Завоеваніе Британіи римлянами, несомнѣнно, должно было вызвать измѣненія въ этой соціальной организаціи. Однако П. Г. Виноградовъ находитъ, что римское владычество не вызвало крупнаго соціальнаго переворота. Кельтскій языкъ и кельтская культура на сѣверѣ и западѣ острова не прекращали своего существованія, населеніе многихъ мѣстностей все еще жило по старымъ кельтскимъ обычаямъ и обладало своеобразными экономическими и политическими учрежденіями. Что проникновеніе нельтской національности римской культурой было далеко не полно, видно изъ того кельтскаго возрожденія, которое имѣло мѣсто съ паденіемъ римскаго владычества и вторженіемъ саксовъ (стр. 51—55).

Протестуя противъ тѣхъ изслѣдователей, которые на основаніи слѣдовъ римской архитектуры и монетъ дѣлаютъ выводъ о «полномъ внутреннемъ преобразованіи туземныхъ элементовъ страны», авторъ въ то же время подчеркиваетъ, что въ римскую эпоху, несмотря на индивидуалистическій характеръ римскаго права, появляются въ Британіи общинные обычаи, отличные отъ обычаевъ клана или частнаго помѣстья; уже въ эту эпоху «сельскія общины находились въ процессѣ образованія». (Стр. 110—112). Въ слѣдующую саксонскую эпоху П. Г. Виноградовъ находитъ ярко выраженную долевую общину. Не только поля послѣ пара превращались въ общинный выгонъ, а луга разверстывались между всѣми жителями деревни, но «бываетъ даже, что пахотная «долевая земля» распредѣляется между отдѣльными домохозяевами по тѣмъ же самымъ принципамъ поочереднаго пользованія и жеребьевки, которые регулировали пользованье лугами» (стр. 191). Возможность передѣловъ не была устранена... передѣлы встрачаются чаще, чѣмъ надѣлы, остающіеся неизмѣнными со времени завоеванія или расчистки дѣвственной почвы. «Самое яркое и разработанное выраженіе этого принципа мы находимъ въ скандинавскихъ юридическихъ обычаяхъ... и глубоко вкоренившіяся идеи скандинавовъ не могли остаться безъ вліянія въ странѣ, сѣверъ и сѣверо-востокъ которой густо усѣянъ деревнями скандинавскаго происхожденія». (Стр. 197).

Въ феодальную эпоху маноръ достигаетъ наибольшаго своего расцвѣта и оказываетъ разлагающее вліяніе и на самостоятельную сельскую общину, но уничтожить общину онъ не въ состояніи. За исключеніемъ военной повинности, всѣ функціи манора организо-

ваны на коллективной или коммунальной основѣ; фигурируетъ не вотчинникъ, а стоящее за нимъ село, избранные или назначаемые по обычаю представители общины (стр. 355).

Сочиненіе П. Г. Виноградова, которое стало теперь доступнымъ русской публикѣ, читается не легко. Представляя собою строго научное изслѣдованіе, оно заставляетъ читателя напрягать все вниманіе, подвигаться впередъ осторожно и медленно, вдумываться въ каждое положеніе, выставляемое авторомъ. Но результатъ вознаграждаетъ читателя за понесенные труды: онъ получаетъ яркую картину аграрнаго развитія Англіи и древнѣйшихъ временъ до XIII ст.—картину, мастерски написанную однимъ изъ крупнѣйшихъ знатоковъ соціальной исторіи Англіи.

Г. Г. Тельбергъ. Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. М. 1912. Стр. VII + 342. Цѣна 2 руб.

Вопросъ о политическомъ судѣ въ старой Россіи, объ его порядкахъ и пріемахъ еще недавно принадлежалъ къ числу вопросовъ, очень мало разработанныхъ въ нашей историко-юридической литературѣ, но за послѣднее время онъ сталъ привлекать къ себѣ болѣе пристальное вниманіе изслѣдователей. Не такъ давно намъ приходилось говорить о работахъ г. Веретенникова, посвященныхъ Тайной Канцеляріи въ XVIII вѣкѣ. Теперь вышла въ свѣтъ другая работа, посвященная политическому суду и политическимъ преступленіямъ въ Московскомъ государствѣ XVIII столѣтія. Авторъ этой работы, г. Тельбергъ, поставилъ своей задачей «установить своеобразныя черты судопроизводства по дѣламъ государевымъ и оцѣнить степень ихъ вліянія на общій строй политическаго процесса» въ эпоху Уложенія, эпоху, когда уже была введена въ законъ та «цѣнная правовая идея, что личный царскій судъ долженъ протекать въ законныхъ, издавна установившихся формахъ «истиннаго суда» (13, 34). При этомъ г. Тельбергъ не ограничилъ своей задачи лишь анализомъ текста самаго Уложенія, но ввелъ въ рамки своего изслѣдованія и обильный печатный и архивный матеріалъ, рисующій московскую практику политическихъ дѣлъ. «Только съ помощью этого матеріала,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—мы можемъ заполнить пробѣлы, оставленные Уложеніемъ, разъяснить истинный смыслъ нѣкоторыхъ важныхъ его постановленій, процессуальное значеніе которыхъ мы чуть-чуть угадываемъ изъ отрывочныхъ указаній законодателя». Практику, непосредственно предшествовавшую Уложенію, г. Тельбергъ также вводитъ въ свое изслѣдованіе наряду съ практикой, основанной на Уложеніи. «Послѣдняя,—говоритъ онъ по этому поводу,—заполняетъ пробѣлы и помогаетъ толковать постановленія Уложенія, а первая разъясняетъ ихъ происхожденіе и обнаруживаетъ все то

неустойчивое и забракованное, что было брошено законодателемъ въ процессѣ кодификаціонной работы; сличеніемъ этой практики съ практикой, слѣдовавшей за Уложеніемъ, устанавливается эволюція, пережитая за сотню годовъ» (35).

Въ соотвѣтствіи съ формулированной такимъ образомъ задачей г. Тельбергъ и построилъ свое изслѣдованіе. Первая глава его имѣетъ значеніе введенія и посвящена общему вопросу о политическомъ судѣ, какъ историко-юридической проблемѣ. Къ слову сказать, эта первая глава наименѣе удалась автору: она носитъ довольно поверхностный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не свободна отъ грубыхъ подчасъ ошибокъ, вродѣ совершенно неосновательнаго сближенія записи царя Василія Шуйскаго съ англійскимъ Habeas Corpus Act (23). Вторая глава книги представляетъ собою попытку прослѣдить развитіе идеи политическаго суда въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Свирѣпыя политическія расправы эпохи Грознаго вызвали, по мнѣнію автора, идею закономѣрнаго политическаго суда, которая нашла себѣ выраженіе въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени, а затѣмъ была претворена въ положительный законъ Уложеніемъ ц. Алексѣя. Установивъ эти положенія, авторъ въ слѣдующей главѣ обращается къ политическимъ преступленіямъ, извѣстнымъ Уложенію, и старается возстановить ихъ классификацію въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась самимъ авторамъ этого кодекса, причемъ попутно указываетъ и пробѣлы Уложенія сравнительно съ московскою практикой его эпохи. Три дальнѣйшія главы книги посвящены тремъ основнымъ моментамъ судопроизводства по государевымъ дѣламъ—«извѣту», «сыску» и, наконецъ, приговору и наказанію,—а въ седьмой и послѣдней главѣ книги авторъ говоритъ объ органахъ суда по государевымъ дѣламъ, указывая, какъ распредѣлялось судопроизводство въ этихъ дѣлахъ между воеводами, приказами и государемъ съ боярской думой.

Таковы внѣшнія рамки изслѣдованія г. Тельберга. Въ этихъ рамкахъ авторъ даетъ живую, яркую и содержательную картину московскаго политическаго процесса въ XVII вѣкѣ, возстановляя отдѣльные ея пункты путемъ остроумныхъ гипотезъ и соображеній и дѣлая изъ нея рядъ цѣнныхъ и во многомъ оригинальныхъ выводовъ. Кое-какія детали въ построеніяхъ г. Тельберга могутъ, правда, вызвать небезосновательныя возраженія, и нельзя не отмѣтить, что порою авторъ безъ нужды отказывается отъ наиболѣе простыхъ и естественныхъ объясненій изслѣдуемыхъ имъ терминовъ и фактовъ, становясь на путь довольно рискованныхъ предположеній. Но это замѣчаніе можетъ быть отнесено только къ нѣкоторымъ деталямъ изслѣдованія г. Тельберга. Главные же его выводы и въ томъ числѣ наиболѣе основной среди нихъ—о глубокомъ своеобразіи московскаго политическаго процесса, рѣзко отличающемъ послѣдній отъ современнаго ему уголовнаго про-

цесса,—поставлены авторомъ на вполнѣ твердую почву, и благодаря этому критикъ книги г. Тельберга можетъ сказать о ней словами ея автора, что «ею пріоткрывается еще одна непрочтенная страничка въ той безконечной книгѣ, которую листъ за листомъ переворачиваетъ русская историческая наука». Открывъ передъ читателями новую, до сихъ поръ остававшуюся непрочитанной, страницу давняго прошлаго и истолковавъ смыслъ этой поучительной страницы, г. Тельбергъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ нашу историко-юридическую литературу.

Н. Новомбергскій. Слово и дѣло государевы. (Процессы до изданія Уложенія Алексѣя Михайловича 1649 года). Томъ I. М. 1911 Стр. 10+593+14. Ц. 3 р.

Книга г. Новомбергскаго представляетъ собою сборникъ архивныхъ матеріаловъ, воспроизводящихъ политическіе процессы старой Москвы,—матеріаловъ того же типа и частью даже тѣхъ самыхъ, которые легли въ основу изслѣдованія г. Тельберга. Г. Новомбергскій извлекъ изъ хранящихся въ московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи столбцовъ Разряднаго приказа и включилъ въ свою книгу 327 «государевыхъ дѣлъ» и отдѣльныхъ документовъ по такимъ дѣламъ, относящихся къ царствованіямъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича. По содержанію своему эти дѣла и документы довольно однообразны. Среди нихъ почти отсутствуютъ болѣе важные политическіе процессы старой Москвы—дѣла объ «измѣнѣ»—и подавляющее большинство ихъ составляютъ сравнительно мелкія дѣла о «непригожихъ», «неподобныхъ», «непристойныхъ» и «невѣжливыхъ словахъ» по адресу государя и его ближайшихъ родственниковъ, дѣла, которыя можно было бы, пожалуй, употребляя съ нѣкоторой натяжкой терминологію болѣе поздняго времени, назвать дѣлами объ оскорбленіи величества. Но и эти сравнительно мелкія дѣла въ массѣ своей представляютъ большой интересъ, ярко и отчетливо рисуя и настроеніе московской власти въ первой половинѣ XVII вѣка, и порядки политическаго процесса этой эпохи, и бытовую обстановку жителей московскаго государства. Характерны уже самые поводы возникновенія подобныхъ дѣлъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, позволяющихъ судить объ этихъ поводахъ. Толмачъ-татаринъ въ разговорѣ по дѣламъ службы съ воеводой, обмолвившись, сказалъ: «ваша царская воля». И воевода не только «того толмача въ тѣ поры за такое непригожее слово зашибъ по щекѣ», но и отправилъ его немедленно для разслѣдованія въ Москву, униженно прося, чтобы ему, воеводѣ, «въ томъ отъ государя въ опалѣ не быть» (329). Или вотъ еще другіе, пожалуй, даже болѣе типичные случаи. Молвилъ въ пьяномъ видѣ стрѣлецъ: «ѣхалъ онъ въ саняхъ подъ полостью, что великій князь», сказалъ попъ въ дракѣ казаку: «не старая пора вамъ, коли вы ца-

рей заводили да воровали, нашу братью до смерти побивали»; обр у галъ пьяный бобыль протопопа «и съ тѣмъ, отъ кого онъ присланъ»; назвалъ крестьянинъ, выпивъ на братчинѣ, своего годовалаго сына «царскими сѣмены»; поссорились при дѣлежѣ милостыни тюремные сидѣльцы, и одинъ изъ нихъ въ раздраженіи выкрикнулъ: «хотя бы патріархъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а въ корму меня изобидѣлъ, и я бы де ему не спустилъ»,—все это являлось поводомъ для возникновенія «государева дѣла» (16, 17, 35, 121, 432). Стоило вырваться изъ устъ московскаго обывателя одной изъ такихъ неосторожныхъ фразъ, и среди слышавшихъ его немедленно находился кто-нибудь, кто, «памятуя о государевомъ крестномъ цѣлованьи» и опасаясь кары за недонесеніе, спѣшилъ подать властямъ «извѣтную челобитную» о слышанныхъ имъ «непристойныхъ словахъ». «Извѣтъ» приводилъ въ движеніе тяжелыя колеса московскаго розыскного механизма, и начинался «сыскъ», рѣдко обходившійся безъ пытки и почти всегда заканчивавшійся кнутомъ или батогами либо для оговореннаго извѣтчикомъ человѣка, либо для затѣйнаго извѣтчика, уличеннаго въ ложномъ извѣтѣ.

Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, когда батоги въ концѣ концовъ равно доставались и извѣтчику, и оговоренному имъ человѣку. Вотъ для примѣра одинъ изъ эпизодовъ такого рода. На пасхѣ 1649 года поссорились въ Курскѣ въ гостяхъ у сына боярскаго Ивана Борзенка сынъ боярскій Иванъ Пашковъ и дьячекъ Аѳанасьевской церкви Нежданъ Поповъ, и вслѣдъ затѣмъ Пашковъ подалъ на дьячка извѣтную челобитную курскому воеводѣ. Въ розыскѣ одинъ изъ свидѣтелей такъ излагалъ ссору, давшую поводъ къ этому извѣту: «у курчанина Ивана Борзенка онъ былъ и Иванъ де дьячекъ де ему сказалъ: я де Аѳанасья и Кирила церковный дьячекъ. Пашковъ дьячку Нежданку онъ говорилъ: чей де ты мужикъ? И А дьячекъ де ему, Ивану говорилъ: а ты де чей? И Иванъ де ему сказалъ: я де холопъ государевъ. И дьячекъ де ему, Ивану, сказалъ: государь де царь, а Аѳанасью и Кирилу молится. И Иванъ де Пашковъ Аѳанасья и Кирила излаялъ матерны: Аѳанасью де и Кирилу какъ государю молиться? А были де они всѣ пьяны, за то они и подрались. А какъ де лучину зажгли, и Иванъ Пашковъ и дьячекъ оба въ крови». Воевода посадилъ и извѣтчика, и дьячка до указа въ тюрьму, а по докладѣ этого дѣла государю по нему состоялся приговоръ, изложенный въ дьячьей помѣтѣ въ такихъ словахъ: «государь указалъ сына боярскаго бить батоги нещадно: „пей брагу да такихъ словъ не говори“. И дьячка бить потому жъ» (552—4). Иногда оплошавшій московскій обыватель, напуганный возможностью извѣта, самъ извѣщалъ на себя властямъ, но и это мало помогало ему. Въ 1649 г. ольшанскій казакъ Сенька Маклаковъ, напившись въ гостяхъ до безпамятства, побранился съ товарищемъ и, бранясь, «промолвился невѣжливо про государя». На другой день, проспавшись и узнавъ отъ людей о своей оплошно-

сти, онъ поспѣшилъ самъ извѣстить на себя воеводѣ, но это не спасло его ни отъ розыска, ни отъ тюремнаго сидѣнія, и только послѣ второй его челобитной ц. Алексѣй Михайловичъ, какъ свидѣтельствуетъ дьячья помѣта, положилъ резолюцію: «только бы ты, мужикъ, не пилъ, и ты бы и бѣды на себя не навелъ», и «указалъ побить батоги да освободить». Невѣжливое же слово Сеньки Маклакова заключалось, по показаніямъ свидѣтелей, въ томъ, что онъ, бранясь съ товарищемъ, сказалъ: «тебѣ я не въ версту», «а кому въ версту сказывался,—стыдливо прибавляетъ ведшій розыскъ воевода,—того написать не умѣть» (558—60).

Думается, даже эти немногіе примѣры могутъ до нѣкоторой степени освѣтить характеръ опубликованныхъ г. Новомбергскимъ документовъ. Но, какъ мы уже говорили, значеніе этихъ документовъ не исчерпывается тѣмъ, что они даютъ для характеристики московскаго политическаго процесса. Наряду съ порядками послѣдняго въ нихъ нашла себѣ яркое отраженіе и бытовая обстановка жизни различныхъ слоевъ московскаго общества, и благодаря этому изданные г. Новомбергскимъ матеріалы представляютъ большой интересъ не только для историковъ русскаго права, но и для изслѣдователей московскаго быта въ первой половинѣ XVII столѣтія.

В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ. Спб. 1912. Стр. XXX + 656. Ц. 4 р.

Книга г-жи Ясевичъ-Бородаевской состоитъ изъ нѣсколькихъ работъ, написанныхъ въ разное время, но «объединенныхъ между собою, по словамъ автора, единствомъ мыслей и чувствъ». Открывается она довольно большой по объему статьей, посвященной обзору законодательства по старообрядчеству и сектантству и, въ частности, разбору Положенія Комитета министровъ о штундѣ 4 іюля 1884 г. За нею идетъ рядъ болѣе мелкихъ статей, объединенныхъ авторомъ подъ общимъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи религіознаго движенія на югѣ Россіи» и представляющихъ собою разсказъ о наблюденіяхъ автора надъ бытомъ сектантовъ въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ. Послѣ этихъ очерковъ въ книгѣ помѣщена опять довольно большая статья общаго характера, трактующая о старообрядчествѣ и сектантствѣ предъ запросами нашихъ дней, и къ ней примыкаетъ небольшая статейка подъ заглавіемъ «Гоненія и насилія продолжаются». Наконецъ, болѣе трети книги занято приложеніями, составленными, главнымъ образомъ, изъ офиціальныхъ документовъ. Изъ указанныхъ трехъ частей, на какія распадается текстъ книги г-жи Ясевичъ-Бородаевской, сравнительно наибольшій интересъ представляетъ вторая. Переданныя въ ней наблюденія, сдѣланныя авторомъ въ средѣ

южно-русскихъ сектантовъ, такъ называемыхъ малёванцевъ, шалапутовъ, духоборовъ, хлыстовъ, прыгуновъ и баптистовъ, заключаютъ въ себѣ не мало любопытнаго. Нельзя сказать того же самаго о перемежающихъ разсказъ автора историческихъ справкахъ и его общихъ соображеніяхъ о характерѣ русскаго сектантства. Послѣднія по большей части довольно банальны, а порой и наивны. Что же касается до первыхъ, то онѣ носятъ очень поверхностный характеръ и не свободны отъ пробѣловъ и ошибокъ. Но еще болѣе рѣзко выступаютъ эти недостатки въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ первой и третьей частяхъ книги г-жи Ясевичъ-Бородаевской и трактующихъ общіе вопросы развитія русскаго сектантства и старообрядчества. Кое-какіе любопытные факты есть и въ этихъ статьяхъ. Но лица, сколько нибудь интересовавшіяся исторіей русскаго сектантства, не найдутъ въ этихъ фактахъ для себя ничего новаго; общія же разсужденія автора о старообрядцахъ и сектантахъ, при всей своей доброжелательности, не выходятъ за предѣлы банальности. Что касается приложеній, по своему объему составляющихъ замѣтную часть книги г-жи Ясевичъ-Бородаевской, то они носятъ нѣсколько пестрый характеръ: въ нихъ воспроизведены Высочайшіе манифесты и указы 1903 — 6 гг., говорившіе о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти въ примѣненіи къ старообрядцамъ и сектантамъ, нѣкоторые изъ изданныхъ въ послѣдніе годы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляровъ, касающіеся старообрядцевъ и сектантовъ, принятый третьей Думой, но не прошедшій черезъ Государственный Совѣтъ, законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ, нѣкоторые изъ старыхъ, потерявшихъ уже свою силу, законовъ о сектантахъ и старообрядцахъ, нѣсколько старыхъ сенатскихъ рѣшеній по дѣламъ старообрядцевъ и сектантовъ, нѣсколько записокъ сектантскихъ общинъ—и весь этотъ разнородный и разнокачественный матеріалъ напечатанъ въ хаотическомъ безпорядкѣ.

С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1912. Ц. 2 р.

Основываясь на данныхъ, съ одной стороны, о распредѣленіи надѣльной земли, а съ другой—о доходности крестьянскаго хозяйства, г. Прокоповичъ сначала (гл. I—II) устанавливаетъ фактъ и размѣры крестьянскаго малоземелья. По его разсчетамъ, обнимающимъ и промысловые заработки, «для сытнаго существованія крестьянству не хватаетъ около полумилліарда рублей въ годъ» (28). Попутно г. Прокоповичъ опровергаетъ основанный на грубыхъ ошибкахъ (если не подтасовкахъ) выводъ, къ которому пришелъ г. Ермоловъ и который горячо былъ подхваченъ право-дворянской печатью, а затѣмъ и правительствомъ, будто бы передача даромъ всей частновладѣльческой земли крестьянамъ уменьшитъ ихъ валовой доходъ на 300 мил. руб., а общую доходность народнаго

хозяйства даже болѣе, чѣмъ на милліардъ руб. При помощи примѣрнаго разсчета г. Прокоповичъ наглядно показываетъ, что такая передача была бы очень выгодна не только для крестьянъ, но и для народнаго хозяйства въ его цѣломъ. Дальнѣйшія главы (III—V) посвящены аграрному движенію. Авторъ выясняетъ размѣры и характеръ, какіе имѣло оно въ различныхъ районахъ Россіи зимою, лѣтомъ и осенью 1905, 1906 и 1907 годовъ. Остановившись затѣмъ на соціально-экономическихъ причинахъ и слѣдствіяхъ аграрнаго движенія (VI гл.), авторъ переходитъ къ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства. Анализъ данныхъ о дѣятельности крестьянскаго банка (VII гл.) приводитъ его къ выводу, что «только двѣ трети средствъ крестьянскаго Банка идутъ на помощь малоземельнымъ крестьянамъ; остальная треть идетъ на расширеніе землевладѣнія состоятельныхъ элементовъ деревни и на созданіе новыхъ земельныхъ собственниковъ изъ лицъ, занимающихся торговлею и промыслами, въ прямой ущербъ малоземельному крестьянству» (173). Сопоставленіе данныхъ объ укрѣпленіи надѣльной земли въ собственность и о разверстаніи ея на хутора и отруба съ условіями, которыя необходимы для интенсивнаго земледѣлія и которыя имѣются далеко не вездѣ въ Россіи (въ чемъ виновата, однако, отнюдь не община), приводитъ автора къ заключенію, что «для малоземельнаго и малоскотнаго крестьянства, равно какъ и для крестьянъ тѣхъ обширныхъ областей Россіи, гдѣ отсутствуютъ экономическія и агрономическія условія перехода къ интенсивнымъ системамъ земледѣлія и скотоводства, законъ 9 ноября 1906 г. можетъ имѣть лишь отрицательное значеніе» (213). Совершенно особнякомъ и по содержанію, и по изложенію стоитъ послѣдняя (IX) глава, посвященная программнымъ вопросамъ и представляющая, въ сущности, декларацію въ духѣ экономическаго матеріализма. Составленная въ очень рѣшительныхъ и почти не аргументированныхъ положеніяхъ, она должна, повидимому, очертить программную позицію автора, которая безъ этого представлялась бы не совсѣмъ ясной.

Таково содержаніе книги г. Прокоповича. Въ фактической части работа выполнена съ присущими автору тщательностью и добросовѣстностью. Наиболѣе цѣннымъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, нужно признать главы, посвященныя аграрному движенію. Чтобы установить, въ какихъ уѣздахъ хотя бы только «наблюдались» (даже безъ попытки выяснить, въ какихъ размѣрахъ) различныя формы аграрнаго движенія,—рубка лѣса, массовыя потравы, разборка экономій, с.-хоз. забастовки, арендныя забастовки и захваты земли,—потребовалось, конечно, не мало труда. Но эту же часть книги приходится признать наименѣе удачной въ отношеніи полученныхъ авторомъ выводовъ. Послѣдніе представляются, съ одной стороны, черезчуръ бѣдными, съ другой—далеко необоснованными. «Соціально-экономическія отношенія, послужившія почвой для движенія 1905—1907 г.г.,—пишетъ г. Прокоповичъ—не-

сятъ довольно-таки простой характеръ. Во-первыхъ, крупную роль сыграли имущественныя различія: одни терпѣли крайнюю нужду въ самомъ необходимомъ,—хлѣбѣ, дровахъ, кормѣ для скота; другіе въ избыткѣ располагали этими матеріальными благами. Во-вторыхъ, опредѣляющее значеніе имѣлъ также способъ эксплуатаціи принадлежащихъ собственникамъ земель: въ Западной Россіи, гдѣ преобладаетъ обработка съ помощью наемнаго труда, преобладали с.-хоз. забастовки; въ средней Россіи, гдѣ до сихъ поръ господствуетъ эксплуатація земель путемъ сдачи ихъ въ краткосрочную аренду, получили широкое распространеніе арендныя движенія» (131). Таковы эти выводы: ради нихъ не стоитъ, пожалуй, и предпринимать кропотливое изслѣдованіе. Совершенно иное, однако, приходится сказать, если принять во вниманіе попутныя замѣчанія и разъясненія г. Прокоповича, изъ которыхъ явствуетъ, что скудость этихъ выводовъ онъ приписываетъ не себѣ, какъ изслѣдователю, а самому движенію, которое въ его изображеніи, дѣйствительно, получаетъ «довольно-таки простой характеръ». «Въ русской деревнѣ,—пишетъ, напримѣръ, г. Прокоповичъ,—достаточно хронически голодающихъ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, чтобы политическое потрясеніе... вызвало появленіе элементарныхъ формъ движенія, направленныхъ на удовлетвореніе непосредственной матеріальной нужды въ хлѣбѣ, топливѣ, выпасѣ и сѣнѣ для скота». Или далѣе: «не будь двухъ неурожаевъ (1905—1906 г.г.), аграрное движеніе никогда бы не достигло тѣхъ размѣровъ, которые оно приняло осенью 1905 г. и лѣтомъ 1906 г.» (134). Выходитъ, что это былъ грабежъ, учиненный голодающими; въ лучшихъ случаяхъ это была забастовка, устроенная рабочими; къ этому и сводилось все аграрное движеніе.

Правда, данныя, приводимыя г. Прокоповичемъ, этого не доказываютъ и даже противорѣчатъ такому взгляду. Напримѣръ, данныя объ урожаѣ можно повернуть прямо въ противоположную сторону: движеніе началось какъ разъ послѣ урожайнаго (1904) года, а послѣ особенно сильнаго неурожая 1906 г. оно сразу упало. Далѣе, руководящую роль въ движеніи, даже въ с.-хоз. забастовкахъ, какъ устанавливаетъ самъ г. Прокоповичъ, играли не бѣднѣйшіе крестьяне и не рабочіе, а средніе слои крестьянства. Этотъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ не заставили, однако, изслѣдователя хотя нѣсколько осложнить свое упрощенное пониманіе аграрнаго движенія. Отчасти это объясняется, какъ можно думать, тѣмъ, что изслѣдователь черезчуръ ужъ сосредоточилъ вниманіе на «элементарныхъ формахъ движенія», въ которыхъ сказалась грубая сила, и не привлекъ къ изученію матеріаловъ, въ которыхъ отразилась сознательная мысль крестьянства, напр., матеріаловъ такъ называемаго «приговорнаго» движенія. Еще большую роль съигралъ въ данномъ случаѣ «экономическій матеріализмъ» автора, заставившій его сосредоточить вниманіе исключительно на экономическихъ

фактахъ, совершенно игнорируя народное правосознаніе. Въ своей деклараціи, какъ мы ее назвали, г. Прокоповичъ категорически, хотя и голословно, отрицаетъ наличность какой бы то ни было правовой идеи, которая можетъ объединить общинника и подворника (215). Между тѣмъ, самое поверхностное, но только не предвзятое, изученіе аграрнаго движенія легко вскрыло бы по крайней мѣрѣ одинъ изъ правовыхъ постулатовъ, лежавшихъ въ въ его основѣ: «земля—трудящимся». Но замѣтить эту идею, напоминающую соціализмъ, конечно, не могъ г. Прокоповичъ, такъ какъ «въ русскій земельный вопросъ, согласно его деклараціи, рано еще вноситъ соціалическое содержаніе» (223). А рано вносить, какъ разъяснено тамъ же, потому, что не къ соціализму, а къ капитализму, согласно марксистской доктринѣ, должно открыть намъ путь рѣшеніе аграрной проблемы... Можно указать и еще одну причину, благодаря которой старательно вглядывавшійся излѣдователь такъ мало увидалъ въ аграрномъ движеніи: это—слишкомъ ужъ кабинетный, если можно такъ выразиться, характеръ его изслѣдованія. Авторъ черезчуръ полагается на всякія сопоставленія и цифровыя выкладки, забывая, что нѣкоторыя сопоставленія (какъ мы видѣли на примѣрѣ урожаевъ) могутъ быть поворачиваемы въ разныя стороны, а арифметическія упражненія надъ сомнительными цифрами могутъ привести (какъ это и случилось съ г. Прокоповичемъ на стр. 135—136, гдѣ онъ пользуется данными центральнаго комитета о семейномъ составѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ) къ выводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ жизнью.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книг-ское Т-во „Просвѣщеніе". Спб. ***Ольга Шапиръ.*** Собр. сочиненій. Т. IX. Вы и мы и др. Ц. 1 р. 50 к.— ***Н. М. Осиповичъ.*** Собр. сочиненій. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.—***С. А. Ан-скій.*** Сочиненія. Т. II. Первая брешь. Ц. 1 р. 25 к.—***К. Н. Воиновъ.*** Миніатюры. Ц. 1 р. 25 к.—***Е. А. Колтоновская.*** Женскіе силуэты. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1912.—***А. Корниловъ.*** Курсъ исторіи Россіи. XIX в. Ч. I и II. Ц. 2 р. 50 к.— ***Г. Беловъ.*** Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Ц. 1 р. 25 к. —***Г. Міэ.*** Жизнь и ея проявленія. Пер. С. Ф. Нагибина и Л. М. Кречетовича. Ц. 1 р. 50 к.

Изд-во „Образованіе" Спб. 1912.— Новыя идеи въ химіи. Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Ц. 80 к.—Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ № 1-й. Ц. 80 к.

Книг-во „Дѣло". М. 1912.—Историческая Библіотека. — ***Б. Лебедевъ.*** Стенька Разинъ.—***С. Горскій.*** Жены

Іоанна Грознаго.—*К. Бестужевъ.* Наполеонъ и двѣ императрицы. — *Е. Олартъ.* Тайны Шлиссельбургской крѣпости. — *Его-же.* Петръ 1-й и женщины.—*Д. Покровскій.* Императоръ-Узникъ.—*С. Львовъ.* Салтычиха.—Ц. каждаго выпуска 10 к.

Книг-во „Альціона". М. 1912.—*М. Шагинянъ.* О Блаженствѣ имущаго. Поэзія З. Гиппіусъ. Ц. 40 к.—*Барбэ д'Оревильи.* Дэндизмъ и Джорджъ Брэммель. Ц. 1 р. 50 к.

Книг-изд. „Современныя проблемы". М. 1912.—*В. О. Переверзевъ.* Творчество Достоевскаго. Съ пред. П. Н. Сакулина. Ц. 1 р. 25 к.—*Герм. Бангъ.* Собр. сочин. Т. IX. На пути. Ц. 1 р.—*Фр. Массонъ.* Наполеонъ и женщины. Пер. І. Гольденберга. Ц. 2 р.

Изд. „Посредника". М. 1912.—Два года съ Л. Н. Толстымъ. Записки бывшаго секретаря Толстого *Н. Н. Гусева.* Ц. 1 р. 20 к.—Безпріютные и др. разсказы. Ц. 85 к.—*С. Т. Семеновъ.* Крестьянскія пьесы. Ц. 1 р.—*Н. Овсянниковъ.* Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого. Ц. 30 к.—Произведенія Гюи Мопассана избранные Л. Н. Толстымъ. Т. II. На водѣ. Ц. 50 к. Т. III. Одиночество. Ц. 50 к.

Изд. Т-во И. Д. Сытина. М. 1912.—*Г. Гауптманъ.* Во власти океана. Романъ. Пер. К. В. Орлова. Ц. 1 р. 75 к.—*В. М. Ипатовъ.* Основанія анализа безконечно-малыхъ и собраніе задачъ. Ц. 1 р.

Изд. „Матезисъ". Одесса. 1912.—*Ф. Клейнъ,* проф. Вопросы элементарной и высшей математики. Ч. 1-я. Ариѳметика, алгебра и анализъ. Ц. 3 р.—*Б. Ф. Вериго,* проф. Единство жизненныхъ явленій. Ц. 2 р.—*Лебъ,* проф. Жизнь. Ц. 50 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912.—*Г. Гомперцъ.* Ученіе о міровоззрѣніи. Т. I. Методологія. Пер. В. Базарова и Б. Столпнера. Ц. 4 р.—*Георгій Чулковъ.* Сочиненія. Т. V. Ц. 1 р. 25 к.—*Г. д'Аннунціо.* Собраніе сочиненій. Т. XII. Корабль. Пер. З. Венгеровой. Дочь Іоріо. Пер. З. Журавской. Ц. 1 р. 50 к.—*Гюи Мопассанъ.* Полн. собр. сочиненій. Т. XXIX. Воскресные дни буржуа и неоконченныя произведенія. Пер. А. Чеботаревой. Ц. 1 р.

Николай Носарь. Только. Книга нарушеній. Стихи. М. 1912. Ц. 25 к.

Н. В. Ковалевская. Повѣсти и разсказы. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

В. В. Брусянинъ. Часъ смертный. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Мих. Добролюбовъ. Сказка жизни. Трагедія экстаза. М. 1912. Ц. 15 к.

Владиміръ Леманъ. Разсказы. 1912. Ц. 1 р.

Вил. Штекель д-ръ. Что на днѣ души таится... Пер. Н. Можаровской. Одесса. 1912. Ц. 75 к.

Леонидъ Лучининъ. Настроенія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

И. И. Гливенко. Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Т. I. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

М. Дессуаръ. Очеркъ исторіи психологіи. Авторизов. переводъ М. Райхъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

А. Е. Лосицкій. Распаденіе общины. Спб. 1912. Ц. 60 к.

В. В. Леонтьевъ. Объ изученіи положенія рабочихъ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

Заработная плата рабочихъ и служащихъ бакинскаго нефтепромышленнаго раіона. Баку. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

И. М. Козьминыхъ-Ланинъ, инжен. Продолжительность рабочаго дня и рабочаго года на фабрикахъ и заводахъ Московской губ. М. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

Д. Д. Галанинъ. Образованіе и обученіе. М. 1912. Ц. 50 к.

W. Stekel. Причины нервности. М. 1912. Ц. 40 к.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, Н. Н. Ланге и др. Кн. VII. Изд. Т-ва „Міръ". М. 1912.

В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912. Ц. 80 к.

Его же. Виргилій и его эклоги. Ц. 1 р. 75 к.

С. И. Иловайскій, проф. Учебникъ финансоваго права, 5-е изд. перераб. и дополн. Г. И. Тиктинымъ подъ ред. проф. Н. П. Яснопольскаго. В. I-й. Ц. 2 р. 50 к.

Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Сборникъ составл. А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. М. 1912. Ц. 1 р.

А. И. Боргманъ. Русская Исторія. Ч. I. До Петра Великаго. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.—*Его же.* Учебная книга по Русской исторіи. Ч. I. До Петра Великаго. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Ник. Глаголевъ. Къ звѣздамъ. Исторія воздухоплаванія. Кн. 1-я. Спб. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

П. Дворниковъ и *С. Соколовъ.* Краткій курсъ географіи Россійской Имперіи. М. 1912. Ц. 90 к.

А. Чеглокъ. Мои приключенія въ Сахарѣ и С. Африкѣ. В. II. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Земля. Сборникъ девятый. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

XXXIX Сборникъ Т-ва „Знаніе" за 1912 г. Ц. 1 р.

Общество художниковъ „Союзъ молодежи". № 1. Апрѣль. 1912. Спб. Ц. 50 к.

Литературно - иллюстрированный альманахъ „Дружба". М. 1912. Ц. 25 к.

Хмель. Альманахъ молодыхъ. № 2. 1912. Ц. 1 р.

На спомин 50-хъ роковинъ смерти Тараса Шевченка. 1861—26/II—1911. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

В. Н. Никольскій. Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Т. I. В. I. Изд. М. Путей Сообщ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Труды XIV Съѣзда земскихъ врачей и членовъ земскихъ врачебно-санитарныхъ учрежденій Смоленской губ. Т. I. Смоленскъ. 1912.

Стенографическій отчетъ XLVII очередного Новгородскаго губ. земск. собранія. Новгородъ. 1912.

И. А. Гончаровъ и «молодое поколѣніе».

(Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія).

Чтобы сразу дать понятіе объ основной нотѣ художественнаго творчества Гончарова, учителя словесности и авторы хрестоматій, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, приводили дѣйствительно классическую картину послѣобѣденнаго сна въ Обломовкѣ. Читатель помнитъ:

«Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады.

«Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или проворчавъ что-то надъ носъ себѣ,—опять заснетъ.

«А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ такъ, чтобы ихъ отнесло къ другому краю,—отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія,—промочитъ горло и потомъ падетъ опять на постель, какъ подстрѣленный».

Я не буду продолжать этихъ выписокъ. Всякій русскій читатель хорошо помнитъ эту изумительную картину сна, отъ которой вѣетъ настоящимъ соннымъ кошмаромъ, которая угнетаетъ воображеніе, опутываетъ умъ какими-то частыми, клейкими, вяжущими нитями, гипнотизируетъ и подавляетъ волю. Читаешь и чувствуешь,

что личные мускулы сжимаются, подходитъ невольная судорожная зѣвота...

Знаменательна при этомъ небольшая деталь: мухи въ кувшинѣ съ квасомъ. Онѣ уже почти заснули мертвымъ сномъ въ медленно убивающей тепловато-кислой гущѣ... Кто-то спросонья подулъ на нихъ и... онѣ начинаютъ шевелить ножками «въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія». Напрасно: тотъ, кто на время привелъ въ движеніе убивающую ихъ среду,—сдѣлалъ это лишь только спросонья, и опять его могучій храпъ носится надъ ихъ полусонной агоніей...

Гончаровъ былъ одинъ изъ самихъ яркихъ реалистовъ гоголевской школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его творчествѣ часто прорывался символизмъ. Порой намѣренный и потому не особенно удачный, порой художественно-безсознательный, какъ въ этой детали. Эта картина мушиной агоніи поразительно оттѣняетъ все изображеніе: является представленіе о чемъ-то еще живомъ, способномъ летать, но уже умирающемъ въ атмосферѣ неподвижнаго зноя и кошмарнаго сна. «А ребенокъ все наблюдалъ и наблюдалъ»... И вы чувствуете, что дѣтская душа тоже безпомощно бьется, пытаясь взлетѣть надъ этимъ царствомъ сна, но тонкія нити уже опутываютъ липкою сѣтью дѣтскую душу... Это — исторія и Обломова, и Адуева, и Райскаго... Это, наконецъ, символическая картина всего дореформеннаго (и отчасти и пореформеннаго) русскаго строя, Обломовка—его геніальная иллюстрація, навѣки засосанный ею Обломовъ—его типическій продуктъ, Гончаровъ—его пѣвецъ, изобразитель и... сатирикъ.

Да, конечно, сатирикъ. Добролюбовъ превосходно истолковалъ значеніе этой сатиры, захватившей широко и глубоко психологію русскаго соннаго «степного» застоя съ его производными: апатіей, лѣнью, безвольемъ, нравственнымъ и умственнымъ безсильемъ и — тоской отъ этого безсилья.

Гончаровъ признавалъ, что Добролюбовъ вѣрно объяснилъ ему значеніе его собственнаго творчества. «Обломовъ»—страшная сатира. Но Гончаровъ, изображая ее, не чувствовалъ себя сатирикомъ. Для сознательной сатиры нуженъ паѳосъ или хоть лиризмъ отрицанія, ненависти, смѣха. У Гончарова для всей описываемой имъ жизни была только симпатія и любовь... «Можетъ быть,—пишетъ онъ («Лучше поздно, чѣмъ никогда») — мои лица кажутся другимъ не такими, какъ я понималъ ихъ,... потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и роднаго автору, и замѣтно пробивается кровная любовь къ нимъ».

Гончаровъ скромничалъ: онъ долженъ былъ бы хорошо знать, что большинство выведенныхъ имъ лицъ отличаются поразительной рельефностью. Онъ приписываетъ это своей любви къ изображаемому быту и говоритъ далѣе о томъ, что такая любовь къ изображаемому необходима всякому художнику. Въ примѣръ онъ приводитъ, между

прочимъ, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина. Но Гоголь, консерваторъ и крѣпостникъ въ холодной мысли, чувствовалъ пламенную ненависть къ изображаемымъ сторонамъ тогдашней дѣйствительности. Онъ сознательно высмѣивалъ пороки крѣпостной Россіи въ лицѣ своихъ героевъ. Тургеневъ такъ же сознательно отрицалъ уже крѣпостное право, отдавая свои мягкія симпатіи угнетенной сторонѣ. Щедринъ прямо ненавидѣлъ Пошехонье съ его Головлевыми...

У Гончарова другое: онъ любитъ именно то самое, что огромный талантъ помогъ ему изобразить съ такой безсознательно сатирической силой. Гончаровъ много разъ повторялъ, что самъ чувствуетъ себя Обломовымъ. Конечно, относительно человѣка, написавшаго «Фрегатъ Палладу» и давшаго столько превосходныхъ произведеній,—это нужно понимать съ большими ограниченіями. Но психологически это все-таки вѣрно. Онъ, конечно, мысленно отрицалъ «обломовщину», но внутренно любилъ ее безсознательной глубокой любовью. При всемъ ужасѣ, который во всякомъ живомъ человѣкѣ возбуждаетъ картина обломовскаго всеобщаго сна,—откуда-то изъ глубины души незамѣтно просачивается баюкающая струйка, лѣниво ласкающая, тихо манящая:—Эхъ, поспать бы вотъ этакъ же... И такая же безсознательная враждебность къ слишкомъ рѣзкимъ звукамъ, нарушающимъ тяжелое благодушіе этого «покоя, близкаго къ смерти».

Послѣобѣденный сонъ въ Обломовкѣ—это поэзія дѣтства самого Гончарова. Правда, онъ происходилъ не изъ дворянской семьи, а изъ городской, купеческой. Но біографы отмѣчаютъ, что домъ Гончаровыхъ былъ точная копія обломовской барской усадьбы, а городъ, гдѣ онъ находился—Симбирскъ.

Симбирскъ — приволжскій городъ, пристань. И все же изъ всѣхъ приволжскихъ городовъ это самый тихій, сонный и застойный. Всякій, ѣхавшій хотя бы въ качествѣ туриста по Волгѣ, навѣрное побывалъ въ Нижнемъ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ... Просто изъ любопытства, потому что во время продолжительной стоянки парохода тамъ что-то сверкаетъ, гремитъ, переливается и манитъ незнакомой и, можетъ быть, заманчивой жизнью. Симбирскъ спрятался за гору. Къ нему очень трудно взобраться по огромному и трудному взвозу (изображенному въ «Обрывѣ»), и самъ онъ какъ будто недоброжелательно и угрюмо выжидаетъ, чтобы этотъ безпокойный пароходъ съ толпой суетящихся людей отвалилъ поскорѣе, оставивъ его въ спокойной дремотѣ. Если все-таки вы преодолѣете и трудности въѣзда, и какое-то ощущеніе равнодушія и даже нерасположенія, вѣющаго съ этихъ крутыхъ склоновъ, то найдете приблизительно то же, что описывалъ Гончаровъ: «По пріѣздѣ домой по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же «Обломовщиной», какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же большею частью деревянные дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, окру-

женные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы... та же пустота и безмолвіе на улицахъ... Такъ и хочется заснуть самому»... Несмотря на то, что внизу льется бойкая жизнь великой рѣки, городъ будто залитъ сонной одурью степи. И даже въ послѣдніе годы мы знали много о жизни другихъ городовъ и губерній, особенно приволжскихъ. Тамъ все-таки вскипала какая-то борьба, порой заявлялъ о себѣ земскій либерализмъ, потомъ брала верхъ реакція, бурлили двѣ—три газеты... Ничего подобнаго мы не слышимъ о Симбирскѣ, и даже первая газета, если не ошибаемся, явилась тамъ въ самые послѣдніе годы... Въ этомъ сонномъ городѣ вамъ укажутъ, близъ киндяковской рощи, бывшую Гончаровскую усадьбу, послужившую моделью для Обломовки, и обрывъ, подъ которымъ раздались зловѣщіе выстрѣлы Марка Волохова, предвѣщая новую полосу русской жизни.

Тутъ запали въ душу Гончарова основные элементы его художественнаго творчества. Съ инстинктомъ крупнаго художника, онъ, сынъ купца, почувствовалъ, что настоящая родина его дарованія—не купеческая лавка, не бойкая пристань, а тихая патріархальная дворянская усадьба, проникнутая насквозь старыми завѣтами дореформеннаго строя. Въ нее онъ перенесъ и свои художественныя интуиціи, и великую способность изображенія, и... свои глубокія симпатіи...

Правда, онъ не былъ ни крѣпостникомъ, ни ретроградомъ по убѣжденію; въ своихъ романахъ онъ касается многихъ «переходныхъ мотивовъ» тогдашней эпохи, а въ своихъ автобіографическихъ и автокритическихъ статьяхъ вполнѣ благожелательно отзывается о реформахъ Александра II. Но его дѣятельные Штольцы и Тушины фигуры довольно блѣдныя и всегда второстепенныя. Онъ ихъ одобряетъ,—да; но довольно къ нимъ равнодушенъ. Внутреннимъ свѣтомъ его симпатій и любви освѣщены другіе персонажи: бабушка изъ «Обрыва», Викентьевъ, Марѳинька, Вѣра, даже... Обломовъ. Обломова онъ только жалѣетъ, но весь строй бабушкинаго царства кажется ему превосходнымъ, а фигура бабушки выростаетъ мѣстами въ полумистическое олицетвореніе Россіи. Рисуетъ онъ ихъ съ художественной правдой, превращающей то и дѣло панегирикъ въ сатиру, но все же симпатіи его распредѣлены довольно ясно: старозавѣтной бабушкѣ—любовное обожаніе и преклоненіе; прогрессивнымъ персонажамъ дань полуобязательнаго уваженія; мечтательнымъ Райскимъ—снисходительное пренебреженіе, не лишенное оттѣнка симпатіи. Марку Волохову—глубокое органическое отвращеніе и ненависть.

II.

Позволю себѣ остановиться на одномъ своемъ юношескомъ воспоминаніи, которое, къ сожалѣнію, вслѣдствіе спѣшности моей настоящей работы, я не успѣлъ провѣрить съ библіографической

точностью. Помню, при чтеніи «Обрыва», меня, тогда юношу-гимназиста, съ душой, уже смутно откликавшейся на «новыя вѣянія» въ литературѣ и жизни, поразила одна черточка, брошенная Гончаровымъ вскользь и какъ бы мимоходомъ. Относится она къ бабушкѣ и ея малиновскому царству. Когда заболѣвала Марѳинька или Вѣра, или хоть Райскій, бабушка тревожится, зоветъ врача и сама придумываетъ всевозможныя средства. Когда болѣзнь посѣщаетъ людскую, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Бабушка довольствовалась тѣмъ, что отсылала больную къ Меланхолихѣ, знахаркѣ, откуда обыкновенно больная уже не возвращалась...

Да, Гончаровъ дѣйствительно огромный художникъ, и даже случайные, незначительные мазки его кисти порой трепещутъ жизненной правдой, неожиданной для автора. Теперь, желая провѣрить это свое воспоминаніе, я пересмотрѣлъ «Обрывъ» (въ изданіи «Нивы»). И этой черты не нашелъ. Но все-таки я увѣренъ, что не ошибаюсь. Тѣмъ болѣе, что на страницѣ 224 (т. X) сохранилось и теперь упоминаніе о Меланхолихѣ, какъ о «той самой бабѣ-лекаркѣ, къ которой отправляли дворовыхъ и другихъ людей на вылечку». «Та самая»—значитъ гдѣ-то о ней говорилось раньше, хотя бы въ прежнихъ изданіяхъ,—и, значитъ, память меня не обманываетъ. Эта черточка была.

А она рисуетъ мнѣ и цѣпь моихъ тогдашнихъ мыслей, вызванныхъ этой чертой. Мнѣ живо представилась дворовая дѣвушка возраста Марѳиньки или Вѣры, которая мечется въ жару, гдѣ-нибудь въ людской, на жесткой лавкѣ. Докладываютъ «барынѣ». Бабушка, можетъ быть, съ чулкомъ въ рукахъ, входитъ величавая и спокойная. Спокойно изучающій пытливый взглядъ... и потомъ короткое распоряженіе: отправить къ Меланхолихѣ... Откуда,—съ печальной, но снисходительной улыбкой прибавляетъ художникъ,—она уже не возвратится... Отъ Меланхолихи дорога одна—въ могилу.

Помню ощущеніе какого-то безпокоящаго противорѣчія, родившагося въ моей душѣ... Бабушка внушаетъ невольную симпатію и мнѣ, пока я гляжу на нее глазами тоже мнѣ понятныхъ Марѳиньки и Вѣры. Да, тамъ, наверху, въ дѣтской, она, конечно, ангелъ. Такъ это чувствуется въ правдивомъ изображеніи: Марѳинькѣ, Вѣрочкѣ, Райскому иначе она представляться не можетъ. И она есть то, чѣмъ представляется Марѳинькѣ, Вѣрѣ, Райскому: она ангелъ для нихъ, для своихъ, а ея царство своего рода рай... Тоже *для своихъ*. Ну, а вотъ, какъ должна представляться эта же самая бабушка этой дворовой дѣвушкѣ въ ту минуту, когда ее, больную, угнетенную, безпомощную, она отправляетъ къ Меланхолихѣ?.. Конечно, потому, что она, дворовая дѣвушка, опасна своей болѣзнью для Марѳиньки, для Вѣрочки, вообще для «верховъ» малиновскаго царства...

Я, вѣроятно, не думалъ обо всемъ этомъ въ такой связности и

послѣдовательности, но вспоминаю, что я рѣзко ощущалъ весь этотъ запутанный узелокъ нравственныхъ противорѣчій, изъ котораго вытекало для тогдашняго поколѣнія очень многое. И, между прочимъ, возможность совершенно другихъ точекъ зрѣнія и новыхъ оцѣнокъ. Въ нихъ и была сила Марка Волохова, т. е. того, кто чудился Гончарову за этой фигурой. И мнѣ было обидно не за Марка Волохова (въ натурѣ я тогда не зналъ людей этого рода), а за ту смутно предчувствуемую рѣзкую, «радикально» рѣзкую правду, которую Гончаровъ хотѣлъ покрыть этимъ несомнѣнно враждебнымъ олицетвореніемъ. Въ воздухѣ носилась нравственная потребность другой точки зрѣнія. И если малиновскій строй бабушкинаго царства символизировалъ Россію, то выступала потребность переоцѣнки бабушкинаго строя съ совершенно новой точки зрѣнія. И было ясно, что эта переоцѣнка не можетъ остановиться такъ же благоразумно, какъ это дѣлали Тушины и Волковы, у предѣловъ свыше предначертанныхъ реформъ. Процессъ былъ шире и глубже, онъ задѣвалъ не только то въ бабушкиномъ царствѣ, что и она сама благосклонно готова была признать ошибочнымъ: онъ переносилъ вопросъ въ другую плоскость, онъ заставлялъ смотрѣть на жизнь съ совершенно новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія *чужой*, не допускающей никакого примиренія, съ точки зрѣнія, которая ангела-бабушку превращала въ зловѣщаго демона, а демоновъ отрицанія, Волоховыхъ, дѣлала въ глазахъ Марѳинекъ ангелами... Гончаровъ въ своей статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» пытается поставить вопросъ о томъ, какъ могла Вѣра полюбить Марка, и оставляетъ его неразрѣшеннымъ. Онъ и не могъ рѣшить его мыслью. Но, какъ художникъ, онъ сдѣлалъ много для его рѣшенія. Его Волоховъ—не живой образъ, но его Вѣра трепещетъ жизнью. На мой взглядъ она и понятнѣе, и живѣе, индивидуальнѣе Тургеневской Елены: въ ней ярче чувствуется то, что переживало тогдашнее «молодое» поколѣніе (поколѣніе нынѣшнихъ бабушекъ), когда передъ нимъ впервые сверкнулъ опьяняющій зовъ новой, совершенно новой правды, идущей на смѣну основамъ бабушкиной мудрости. Кто сказалъ А, тотъ долженъ говорить дальше до Z. Тогдашнее поколѣніе начало эту новую азбуку. Наше ее еще не договорило.

III.

Съ Марка Волохова началось рѣзкое охлажденіе къ Гончарову не только въ такъ называемомъ «молодомъ поколѣніи,» но и въ прогрессивномъ обществѣ вообще. А нельзя забывать, что русское общество было тогда прогрессивно въ цѣломъ...

Это охлажденіе Гончаровъ чувствовалъ очень болѣзненно. Онъ ушелъ отъ литературы оскорбленный, обиженный и замкнулся (какъ часто выражался самъ) «въ свой обломовскій уголъ». Этимъ обломовскимъ угломъ была для него казенная служба... въ цензурѣ.

Въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» онъ пытается оправдать своего Волохова (какъ художественный образъ, конечно) и защититься отъ упрека, что въ Волоховѣ онъ окарикатурилъ «молодое поколѣніе». Но защита показала только, какъ далеко ушелъ онъ отъ пониманія и этого «молодого поколѣнія», и особенной психологіи «пореформеннаго» русскаго общества. Дореформенную Русь онъ понималъ и любилъ, любилъ съ ея Малиновками и Обломовками. Къ пореформенной, суетливой и тревожной, онъ былъ чисто по-обломовски равнодушенъ и скоро совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

«Меня крайне удивляло,—писалъ онъ,—какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ, кромѣ развѣ самихъ Волоховыхъ... Волоховъ будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило всѣ силы!.. Поколѣніе, которое—прежнюю, автоматическую военную массу—энергически помогло вождю ея преобразить въ современную осмысленную и грозную силу. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ... Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій... сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя...

И все это Волоховы? Кому могла прійти такая мысль?»

Протестъ горячій и повидимому, совершенно искренній, но въ немъ есть одно крупное недоразумѣніе. Гончаровъ признаетъ, что Волоховъ—фигура рѣзко отрицательная, но не хочетъ, чтобы ее обобщали. «Въ первоначальномъ планѣ «Обрыва»—говоритъ онъ въ той-же статьѣ—на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшаго, у меня былъ предположенъ сосланный, по *неблагонадежности* подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, изъ школы либералъ за грубость, за неповиновеніе начальству... Но, какъ романъ развивался со временемъ, то и лица принимали черты и духъ времени и событій». И вотъ, Волоховъ уже радикалъ и кандидатъ въ демагоги, отъ праздной теоріи безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствію—и перешелъ бы, если-бы у насъ могла демагогія выразиться ярче, т. е. если-бы у насъ была возможна широкая пропаганда комунизма, интернаціональная подземная работа и т. п».

Итакъ, Гончаровъ говоритъ «молодому поколѣнію»: что вы, Богъ съ вами! Вѣдь я это не о васъ. Я о тѣхъ грубіянахъ, которыхъ исключаютъ со службы, которыхъ ссылаютъ. А развѣ васъ исключаютъ, развѣ васъ ссылаютъ, васъ, помогающихъ правительству въ его благихъ начинаніяхъ, васъ, отлично проходящихъ разнаго вида благонадежныя поприща? И какъ бы для того, чтобы не оставить сомнѣнія, кого именно онъ разумѣетъ подъ Маркомъ Волоховымъ, онъ прибавляетъ въ выноскѣ:

«Къ несчастію все это (т. е. массовое появленіе Волоховыхъ) оказалось возможнымъ и у насъ, какъ это подтвердилось съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1875 года, когда были написаны эти строки».

Съ начала 1870-хъ годовъ, какъ всѣмъ извѣстно, молодежь была охвачена стремленьемъ «въ народъ», т. е. массовой попыткой перерѣшить всѣ вопросы «бабушкинаго благоустройства» съ новой точки зрѣнія, которую она считала точкой зрѣнія самого народа...

И Гончаровъ наивно полагалъ, что, хваля умѣренныхъ Тушиныхъ и благонравныхъ Викентьевыхъ, обзывая Волоховыми все, охваченное молодыми утопіями и хронически-русскимъ протестантствомъ,—онъ дѣлаетъ шагъ къ примиренью съ «молодымъ поколѣніемъ»... Или хотя бы съ тѣми, кто представлялъ «молодое поколѣніе» въ его время, а теперь (т. е. когда онъ писалъ «Лучше поздно») уже остепенился и благополучно слился съ бытовымъ строемъ «пореформенной Россіи».

Казалось-бы, почему-бы и нѣтъ? Почему-бы, по крайней мѣрѣ, масса общества не могла простить Гончарову его Волохова, во имя его признанія реформъ, которыми само оно, повидимому, удовлетворилось, которыя,—какъ можно было-бы думать,—приняло и признало? Когда-нибудь историкъ, быть можетъ, остановится въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, но теперь мы еще понимаемъ его. Характерная черта нѣсколькихъ пореформенныхъ десятилѣтій состоитъ въ рѣзкой неудовлетворенности: молодежь въ рядѣ смѣнявшихъ другъ друга поколѣній была охвачена рѣзко антиправительственнымъ настроеніемъ, выразившимся въ непрерывныхъ студенческихъ безпорядкахъ и движеніи къ народу, въ отказѣ отъ привилегій и традицій... Среднее общество сочувствовало молодежи, а не правительству.

Какъ бы ни относиться къ этому явленію,—одобрять или порицать его, объяснять неопредѣленностью классовой структуры или незаконченностью великихъ реформъ, или чѣмъ-нибудь другимъ,—но фактъ общеизвѣстенъ: русское общество второй половины XIX вѣка было настроено сплошь оппозиціонно. У него не было своей прочной идеологіи, которую оно могло бы противопоставить утопической идеологіи своей молодежи. На основаніи своего житейскаго опыта «отцы» отрицали утопическія построенія, но въ области общественной этики они конфузились и отступали передъ дѣтьми.

Еще одно воспоминаніе изъ временъ моей молодости. Комиссія по изслѣдованію важнаго политическаго преступленія допрашиваетъ въ Москвѣ юношу-студента, арестованнаго по этому дѣлу. Молодой человѣкъ среди показаній жалуется, что его держатъ въ очень нездоровомъ помѣщеніи ..

— Это въ какой части?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ комиссіи, товарищъ прокурора.

— Въ Басманной,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

Лицо товарища прокурора оживляется.

— А въ какой камерѣ?

— Въ двѣнадцатой.

Глаза у солиднаго чиновника зажигаются молодымъ огнемъ.

— Представьте,—говоритъ онъ живо:—столько-то лѣтъ тому назадъ я сидѣлъ въ той же камерѣ...

Теперь, можетъ быть, это было бы уже не такъ, но тогда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, допросы еще прерывались такими разговорами, и къ воспоминаніямъ товарища прокурора еще два или три члена важной комиссіи присоединили и свои воспоминанія того же рода... И хотя эта минута поэтическихъ воспоминанія должна была смѣниться прозаическимъ продолженіемъ допроса, но все же между юношей, безпечно отвѣчавшимъ на вопросы, и вопрошавшими протянулись какія-то нити взаимной симпатіи. То, что для него было довольно горестнымъ настоящимъ, для нихъ являлось поэзіей молодости. И можно сказать, что для цѣлаго ряда поколѣній русской интеллигенціи самыя яркія воспоминанія юности связываются непремѣнно съ мотивами этого рода: обыскъ, арестъ, ссылка... Молодыя мечты о переустройствѣ общества и... казематъ.

Западно-европейскій юноша мечтаетъ о томъ времени, когда онъ будетъ прокуроромъ, фабрикантомъ, купцомъ. Русскій прокуроръ посылаетъ меланхолическій сочувственный вздохъ тому времени, когда самъ онъ сидѣлъ въ казематѣ... Не оттого ли это, что мечты западно-европейскаго юноши скромнѣе, но жизнь все-таки даетъ просторъ хотя-бы скромной борьбѣ за идеалы. У насъ же она безпощадно расправляется со всякой идеологіей, требуя безповоротнаго и неприкрытаго компромисса. Повторяется адуевская трагедія («Обыкновенная исторія») въ гораздо болѣе драматической формѣ, и сотни тысячъ людей, подъ давленіемъ грубой необходимости, мирятся съ дѣйствительностью фактически, но принимаютъ ее безъ энтузіазма и уваженія. Они только тянутъ безрадостную лямку, то и дѣло кидая взгляды назадъ, къ своей юности, съ ея безумными утопіями и поэзіей борьбы въ единственной формѣ, какую допускала дѣйствительность «пореформенной Россіи». И вотъ почему русское общество такъ долго не прощало художнику посягательства на «молодое поколѣніе». Не на то или другое поколѣніе молодежи,—ихъ вѣдь прошло уже такъ много, съ такими различными настроеніями,—а на молодежь вообще, на самую молодость съ ея «неразумными утопіями» и содроганьемъ передъ компромиссами. Это вѣдь до настоящаго времени—единственный островокъ живого русскаго идеализма...

Такъ это было въ Россіи очень долго, можно сказать, вплоть до нашего времени, когда эти мотивы потонули въ дыму и вихрѣ неожиданно налетѣвшихъ событій.

IV.

Я чувствую, что статья моя разрослась, а тема, къ которой она привела, неисчерпаема. Поэтому мнѣ приходится пока поставить точку. Я хотѣлъ указать лишь главные моменты гончаровской

жизненной драмы, основной мотивъ трагическаго охлажденія русскаго общества къ одному изъ крупнѣйшихъ своихъ художниковъ.

Фактъ этой ссоры и этого охлажденія несомнѣненъ. Недавно одинъ изъ критиковъ «Новаго Времени» (г. Перцовъ) указалъ,—и пожалуй, вѣрно,—что Гончарова гораздо меньше «ругали», чѣмъ Тургенева. Да, но это лишь потому, что въ то время, которое помнитъ г. Перцовъ, о Гончаровѣ вообще говорили мало. Тургеневъ раздражалъ, какъ собесѣдникъ, порой больно задѣвающій самыя живыя струны тогдашнихъ настроеній. Къ нему относились страстно, бурно порицали, и такъ же бурно выражали ему любовь и уваженіе. У него была ссора, но было и удовлетвореніе тріумфа. Онъ понималъ, и его тоже понимали. А Гончаровъ тихо, прямо трагически сошелъ со сцены задолго до смерти. При жизни его признали «классикомъ» и поставили на полку...

Но, какъ классику, ему, несомнѣнно, обезпечено прочное мѣсто въ русской литературѣ. Огромный и правдивый талантъ его обогатилъ наше воображеніе безсмертными типами, выходящими далеко изъ рамокъ его времени, захватывающими глубже и шире, чѣмъ его трагическая ссора, хотя бы и съ нѣсколькими поколѣніями.

Волоховъ и все, что съ нимъ связано, забудется, какъ забудется Гоголевская «Переписка», а надъ старымъ раздраженьемъ и старыми спорами будутъ долго выситься созданныя имъ фигуры. И надъ всѣми другими фигура Обломова, которую любящая правда художника превратила въ предостереженіе и въ сатиру на все, что было такъ кровно дорого самому художнику...

Вл. Короленко.

ПОПРАВКА:

Въ „Обозрѣніи иностранной жизни", помѣщенномъ въ этой книжкѣ, на страницѣ 90, строка 10 сверху по ошибкѣ напечатано: *увеличивается на 133.000 чел.* Надо: увеличивается до 136.000 чел.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

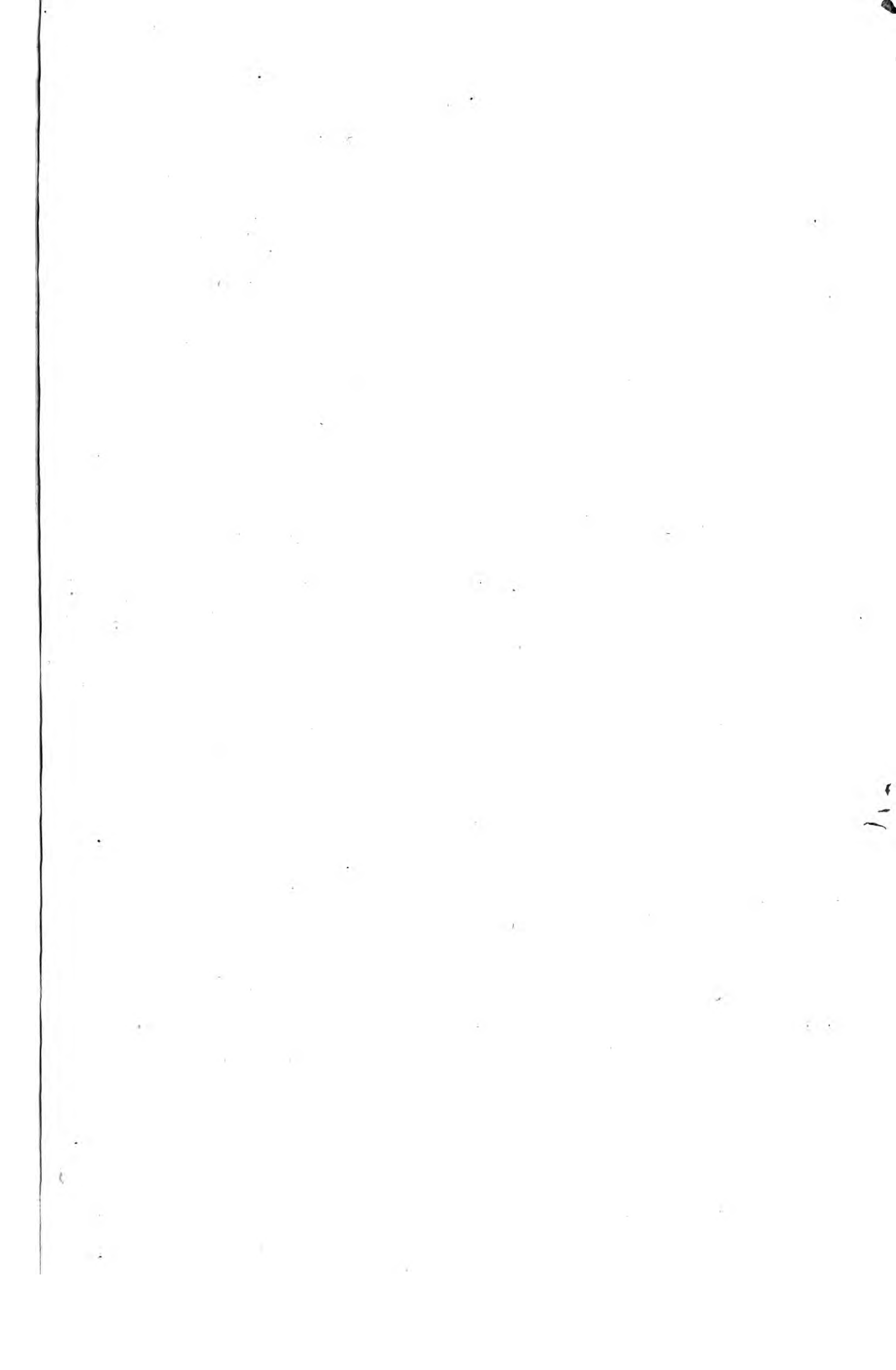
Съ благотворительной цѣлью: отъ группы политическихъ ссыльныхъ гор. Кеми—4 р.; отъ вдовы В. Я. Кокосова—5 р.; черезъ М. П.—115 р.; изъ Лейзина, черезъ Беренштама—37 р.; черезъ В. Н. Ф., изъ Цюриха—75 р.

Итого . . . . 236 р. —

Въ пользу семействъ рабочихъ, пострадавшихъ на Ленскихъ пріискахъ: отъ администр. ссыльныхъ Пудожскаго уѣзда—7 р. 20 к р.; отъ служащихъ, изъ гор. Туринска—19 р. 25 к.

Итого. . . . . 26 р. 45 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ СЧЕТОВОДНЫЕ и ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ

КУРСЫ,

учрежденные М. В. ПОБѢДИНСКИМЪ,

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 102 (противъ Николаевской улицы).

ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (ВЫСШЕЕ УЧЕБН. ЗАВЕД. КОММЕРЧЕСК. ЗНАНІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ) даютъ законченное коммерческое и экономико-юридическое образованіе. На курсы принимаются ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА дѣйствит. слушателями (студентами) и вольнослушателями. Курсы состоятъ: изъ основного отдѣленія (два года) и дополнител. спеціальныхъ (одинъ годъ). Послѣднее отдѣленіе имѣетъ нѣсколько подъотдѣловъ: торгово-промышленное, на которомъ предлагается теорія и практика разныхъ видовъ коопераціи, а также организація и счетоводство городскихъ и земскихъ учрежденій, банковаго и страхового дѣла. Преподаватели—профессора Университета и Политехнич. института. Плата 125 руб. въ годъ. НАЧАЛО ЛЕКЦІЙ 10 СЕНТЯБРЯ. Допускается запись на отдѣльные предметы.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ даютъ теоретическую и практическую подготовку въ бухгалтерской дѣятельности ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА. Отдѣленія: общебухгалтерское, спеціально-бухгалтерскія и стенографіи; полный курсъ 5 и 8 мѣс. Плата 100 р. за курсъ. НАЧАЛО ЗАНЯТІЙ 1-го СЕНТЯБРЯ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ даютъ спеціальное образованіе ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА, желающимъ посвятить себя служебной дѣятельности на желѣзныхъ дорогахъ: въ Правленіяхъ, Управленіяхъ, Контролѣ и Службѣ сборовъ, по Телеграфу, по Коммерческой и Технической частямъ службы движенія. Полный курсъ одинъ годъ. Плата 125 руб. за весь годъ. Начало занятій 15-го сентября.

КУРСЫ М. В. ПОБѢДИНСКАГО ОСНОВАНЫ ВЪ 1897 ГОДУ, состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности, при нихъ учреждено общество взаимнаго вспомоществованія съ отдѣломъ по пріисканію занятій.

Канцелярія открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 9 час. вечера. Свѣдѣнія о курсахъ выдаются и высыл. безплатно. Обзоръ организацій—за четыре 7-ми коп. поч. марки.

3-е дополн. и вновь провѣренное (Юбилейное, 1811—1911 г.)

Изданіе Б. К. ФУКСА:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВИССАР. ГРИГОР.

БѢЛИНСКАГО.

Съ порт., автогр., крит.-біогр. статьей Г. В. Александровскаго, письмами и 3-мя указателями.

Въ 6 больш. томахъ, кажд. въ 390-400 стр. четкой печати на глазир. бумагѣ.

Цѣна за 6 т. 3 р. 50 к. съ пересыл. 4 р. Въ худож. коленкор. переплетахъ—на 1 р. 50 к. дороже. Высыл. налож. платежомъ.

Изъ отз. печати о перв. изданіяхъ: Журн. Мин. Н. Пр. 1902 г. IV... «Дешевизна изданія, живая, содержат. статья Александровскаго, тщательное отношеніе редакціи къ тексту—все это заставляетъ желать изданію успѣха. Программа для самообр. Изд. Комит. Пед. Муз. Воен. Уч. Зав., 1911 г. (Стр. 71). Изданіе это интересно тѣмъ, что первые три тома расположены въ формѣ той *Крит. Ист. рус. литер.*", которую мечталъ издать самъ *Бѣлинскій.*"... Жив. Обозр. 1902. V.... Изданіе это, являясь по цѣнѣ общед., въ то же время настолько полно и цѣльно составлено, что въ этомъ направленіи желать лучшаго трудно...

С.-Петербургъ, Невскій, 40. Изд. Б. К. Фуксу.

ВСѢМЪ желающ. постоянно быть въ курсѣ литературы вообще или же только по своей спеціальн., любит. чтенія, ученымъ, общ. дѣят., духовн., правит.-спец., учащимъ и учащимся—необходимъ еженед. литерат. крит.-библіограф. и справочн. журналъ

НОВОСТИ ПЕЧАТИ.

Въ 1913 г. подписчики этого журн. получ.: 1) Еженед. журн. „Нов. Печ.". 2) Еженед. прилож. „Книжн. Указат." всѣхъ выход. въ Россіи книгъ. 3) Ежем. прилож. „Современ. Печать". Крит.-библ. обозр. 4) 12 вып. основн. систем. каталога книгъ, находящ. въ продажѣ въ рус. книжн. магаз. 5) Систем. катал. книгъ для самообраз.

Издатель Б. К. Фуксъ.—Редакторъ Д. И. Бразуль-Брушковскій.

Подп. цѣна на годъ, со всѣми прилож. съ перес.—2 р. (за гран. 3 р. 50 к.); на ½ года—1 р.; на 1 мѣс. - 20 к. Контора журн. „Нов. Печ." С.-Петербургъ, Невскій, 40.

на 1 мѣс. **20 к.**

17498